ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2023. № 486. Январь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2023. № 486. January

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

16+

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Н.А. Глущенко**, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства Томского государственного университета; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko,** PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 486 Январь 2023

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary research journal

№ 486 January 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Борисов С.А. Чешско-хорватские языковые контакты в центральной Хорватии на материале полевого исследования 5
Земичева С.С., Попова Д.П. Экстралингвистические факторы функционирования имен политиков в диалектной коммуникации (корпусное исследование) 17
Киселев В.С. Частная, придворная и светская жизнь в переписке В.А. Жуковского и А.Я. Булгакова 1828–1852 гг. 29
Нагорная А.В., Бакулев А.В. Скорость как культурное и лингвистическое измерение времени 40
Скребцова Т.Г. Старое и новое в системе русских этикетных формул приветствия и прощания (на материале конструкций «прилагательное + существительное») 50
Shcherbak N.F. T.S. Eliot, rhizome and network concepts: innovations in modernist and post-modernist poetry. 58

ФИЛОСОФИЯ

Атаманов А.В. Проблема трансформации социальных функций ритуала в современной культуре 66
Масланов Е.В. Пост-правда и несоизмеримость: наука и политика в эпоху пост-правды 74

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Макарычева А.В., Крюкова Е.В. Россия и Китай в Латинской Америке: угроза доминированию США или выгода для всех? 83
Мэн Юйфэн. «Война метафор» в эпоху COVID-19: к медийному противостоянию США и Китая 91

ИСТОРИЯ

Атдаев С.Дж. Из истории текинского рода гараахмет (по материалам XIX в.) 101
Балдано М.Н., Варнавский П.К. Образование Бурят-Монгольской автономии ДВР: реализация проекта этнонации 114
Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Захаров И.А. Христианство, ислам и традиционные религии: циклическое взаимодействие на Африканском континенте 124
Клинова М.А. «Сегодня играю с министром финансов Зверевым в 1-й тираж 1-го займа»: проблематика выигрыша по займам в эго-документах 1946–1957 гг. 137
Коновалов И.А. Административно-территориальное устройство и управление на трансграничных территориях юга Западной Сибири и северного Казахстана в первой половине XIX в. 147
Линь Ли. Одежда коренных народов Северо-Востока Китая: культурный синтез традиций и новаций 153
Оплаканская Р.В. «Академические» номинации городских объектов в топонимическом пространстве Томска и Новосибирска 159

CONTENTS

PHILOLOGY

Borisov S.A. Czech-Croatian language contacts in Central Croatia based on the field research 5
Zemicheva S.S., Popova D.P. Extralinguistic factors of the functioning of politicians' names in dialect communication (a corpus study) 17
Kiselev V.S. Private, court and high life in the correspondence between Vasily Zhukovsky and Alexander Bulgakov, 1828–1852 29
Nagornaya A.V., Bakulev A.V. Speed as a cultural and linguistic dimension of time 40
Skrebtsova T.G. Old and new in the system of Russian etiquette formulas of greeting and farewell (based on the constructions "adjective + noun") 50
Shcherbak N.F. T.S. Eliot, rhizome and network concepts: innovations in modernist and post-modernist poetry 58

PHILOSOPHY

Atamanov A.V. The problem of transformation of the social functions of ritual in modern culture 66
Maslanov E.V. Post-truth and incommensurability: Science and politics in the era of post-truth 74

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Makarycheva A.V., Kryukova E.V. Russia and China in Latin America: A threat for the US dominance or a benefit for everyone? 83
Meng Yufeng. "War of metaphors" in the era of COVID-19: Towards the media confrontation between the United States and China 91

HISTORY

Atdaev S.J. From the history of the Teke clan Garaahmet (based on the materials of the 19th century) 101
Baldano M.N., Varnavskiy P.K. Formation of the Buryat-Mongol Autonomy of the Far Eastern Republic: Implementation of the ethnic nation project 114
Gorokhov S.A., Dmitriev R.V., Zakharov I.A. Christianity, Islam and traditional religions: Cyclical interaction in Africa 124
Klinova M.A. "Today I am playing with Finance Minister Zverev in the first drawing of the first loan": The problems of winning loans in ego-documents of 1946–1957 137
Konovalov I.A. Administrative-territorial structure and management in the cross-border territories of the south of Western Siberia and Northern Kazakhstan in the first half of the 19th century 147
Li Lin. Indigenous clothing in Northeast China: A cultural synthesis of tradition and innovation 153
Oplakanskaya R.V. "Academic" nominations of city objects in the toponymic space of Tomsk and Novosibirsk 159

Петин Д.И., Стельмак М.М., Сушко А.В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) 165
Петров В.И. История принятия Андреевского флага как государственного символа военно-морского флота России 176

ПЕДАГОГИКА

Горская И.Ю., Белякова А.С., Мироненко Е.Н. Специфичность уровня развития основных компонентов психомоторных способностей у спортсменов 185
Дёрина Н.В., Великанов В.С., Гришин И.А., Морева Ю.А., Хамидулина Д.Д. ESP как инструмент формирования культуры профессионального становления магистров направления «технологические машины и оборудование» 194
Зылёва Н.В. Педагогические приемы в практико-ориентированном обучении студентов специальности «Экономическая безопасность» 203
Котлярова И.О., Гревцева Г.Я., Родас-Осойо Хорхе. Методологические основания исследования проблем информации и дезинформации в образовании и в педагогике 212
Размахова С.Ю., Тимофеева О.В., Эпп Т.И. Оценка биологического возраста студенток очно-заочной формы обучения 221
Ржанов А.А., Ахматгатин А.А., Лебединский В.Ю. Психомоторные задатки волейболистов как основа совершенствования блокирующих действий 228

ПРАВО

Колесник В.В. Уголовно-процессуальные и уголовно-правовые договорные отношения: концептуальный аспект 235
Коновалова Л.Г. Развитие идеи правовой государственности с учетом роли в нем парламента 242

Petin D.I., Stelmak M.M., Sushko A.V. "Gold chasers" in Soviet Russia: A collective social portrait of former White officers in the 1920s (on the example of Omsk) 165
Petrov V.I. The history of the adoption of St. Andrew's flag as the state symbol of the Russian Navy 176

PEDAGOGICS

Gorskaya I.Yu., Belyakova A.S., Mironenko E.N. Specificity of the level of development of the main components of psychomotor abilities in athletes 185
Dyorina N.V., Velikanov V.S., Grishin I.A., Moreva Yu.A., Khamidulina D.D. English for Specific Purposes as a tool for developing a culture of professional development for masters in the field of process machinery and equipment 194
Zyleva N.V. Pedagogical techniques in practice-oriented teaching of students of the Economic Security specialty 203
Kotlyarova I.O., Grevtseva G.Ya., Rodas-Osollo J. Methodological foundations for the study of information, misinformation, and disinformation problems in education and pedagogy 212
Razmahova S.Yu., Timofeeva O.V., Epp T.I. Assessment of the biological age of full-time and part-time students 221
Rzhanov A.A., Akhmatgatin A.A., Lebedinsky V.Yu. Psychomotor dispositions of volleyball players as the basis for improving blocking actions 228

LAW

Kolesnik V.V. Criminal procedure and criminal law contractual relations: A conceptual aspect 235
Konovalova L.G. Development of the idea of legal statehood, taking into account the role of parliament in it 242

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81’246.3; 811.16
doi: 10.17223/15617793/486/1

Чешско-хорватские языковые контакты в Центральной Хорватии на материале полевого исследования

Сергей Александрович Борисов [1]

[1] *Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Россия*
borisovsergius@gmail.com

Аннотация. Рассматривается влияние хорватского языка на язык чешской диаспоры, устанавливается его характер и степень. Материалом анализа послужил корпус интервью с чехами, составленный автором. Анализируются лексические заимствования, морфологическая адаптация, контакты в синтаксисе, перцепция особенностей собственной речи. Влияние мажоритарного языка прослеживается на всех уровнях, однако в силу благоприятной языковой политики и устойчивости языка чешский язык проявляет высокую степень витальности.

Ключевые слова: чешский язык, хорватский язык, билингвизм, переключение кода, метаязыковое комментирование, полевое исследование, нарратив

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Для цитирования: Борисов С.А. Чешско-хорватские языковые контакты в Центральной Хорватии на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 5–16. doi: 10.17223/15617793/486/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/1

Czech-Croatian language contacts in Central Croatia based on the field research

Sergej A. Borisov[1]

[1] *Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*
borisovsergius@gmail.com

Abstract. The article aims to show the current linguistic situation among the Czech diaspora in Central Croatia. The material of the study is a 37-hour corpus of interviews recorded by the author during a field expedition in 2019 to the settlements of Bjelovar-Bilogora County, where Czechs live. The interviews were conducted in a semi-structured form, which made it possible to smooth out the effect of the researcher’s presence and create an atmosphere of informal communication. One of the key features of fieldwork, which determines its novelty, was the author’s external position in relation to the diaspora, its language and the language of the majority ethnic group. Based on the stories of the interlocutors, the author inferred that everyday communication between Czechs takes place exclusively in the Czech language; however, all representatives of the minority also speak Croatian, which they learn during communication in a mixed family, with neighbors, as well as at compulsory Croatian classes at school. Education in the Czech language is carried out in two kindergartens and two eight-year schools in Daruvar and Končanica. The article analyzes lexical borrowings, contact morphological and syntactic features of Czech speech. The author concludes that, among the lexical borrowings from the Croatian language, all-Balkan discourse markers prevail, as well as words serving education, the administrative sphere, lexemes denoting new realities. The author found that borrowings adapt to the morphological system of the Czech language, hybrid forms appear, which is explained by the high derivational potential of the Czech language, as well as the close relationship of the languages under consideration. The article is the first to consider the borrowing of some syntactic constructions from the Croatian language: combinations with verbal forms *(i)ma*/*nema* in the existential meaning, genitive possessive constructions with the preposition *(v)od*, the use of the conjugated verb form *je* in the third person singular form of the perfect. The discursive behavior of speakers is considered separately: slips of the tongue, self-corrections, code switching, metalanguage commenting are analyzed, an attempt to typology such statements is made. If difficulties arise while speaking in Czech, the interlocutors implement one of the strategies: they resort to the help of other interview participants, select a Croatian word that is

© Борисов С.А., 2023

appropriate in meaning, switch the code, or state the problem that has arisen. Such utterances are a manifestation of metapragmatic awareness among speakers who, in a conversation with a researcher, try to speak the "correct" Czech and perceive the allocated segments of speech as deviations from it. Due to the compactness and relatively large size of the Czech diaspora, as well as the favorable language policy in Croatia, the Czech language in the region under consideration is highly vital.

Keywords: Czech language, Croatian language, bilingualism, code-switching, metalanguage commenting, field research, narrative

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-78-10030.

***For citation*:** Borisov, S.A. (2023) Czech-Croatian language contacts in Central Croatia based on the field research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 5–16. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/1

В Хорватии, по данным переписи населения 2011 г., проживает 9 641 представитель чешского национального меньшинства [1. S. 11]. Чешские миноритарные общины существуют в Бьеловарско-Билогорской, Пожегско-Славонской, Сисакско-Мославинской, Загребской жупаниях, а также в Загребе [1. S. 22–59]. Фактическим центром меньшинства является Дарувар, где проживает 6 287 чехов (65,2% всех чехов, переписанных в Хорватии), с 1944 г. там функционирует его административно-культурное учреждение – Союз чехов (до 1992 г. – Союз чехов и словаков). В городе работает издательство «Jednota» (чеш. «Единство»), выпускающее еженедельник на чешском языке о жизни сообщества и научное периодическое издание – сборник «Přehled kulturních a historických, literárních a školských otázek» (чеш. «Обзор вопросов культуры, истории, литературы и образования»), в котором публикуются исследования исторической, этнографической, лингвистической направленности, проводившиеся в миноритарной общине. В Даруваре находятся чешский детский сад, восьмилетняя школа и гимназия. Детский сад и школа с обучением на чешском языке также есть в близлежащем селе Кончаница (хорв. Končanica, чеш. Končenice), где чехи составляют 47% населения. В парламенте Хорватии чешская и словацкая общины имеют одного общего представителя, чей офис находится в Даруваре. В 1981 г. в Хорватии проживало 15 061 чел., относящих себя к чешскому этносу, в 1991 г. – 13 086 чел., в 2001 г. – 10 510 чел., в 2011 г. – 9 641 чел. [1. S. 11]. Таким образом, можно констатировать тенденцию к уменьшению чешской диаспоры в Хорватии. Чешский язык в качестве родного сейчас называют 6 292 чел. [1. S. 12].

Цель настоящей статьи – дать общее представление об актуальной языковой ситуации в чешской диаспоре в Хорватии и проанализировать наиболее яркие контактные явления, возникшие в языке чехов под влиянием хорватского языка. Таким образом, предметом исследования являются лексические, морфологические и синтаксические единицы чешского идиома общины, в которых отражены результаты контактов с мажоритарным языком, а также речевые проявления языковой саморефлексии информантов. Материалом послужил собственный корпус автора, составленный из текстов интервью с хорватскими чехами. Статья состоит из введения, 10 разделов и списка литературы. В 1-м приводятся краткие сведения о переселениях чехов в Центральную Хорватию, во 2-м формулируется актуальность исследования и перечисляются основные работы, посвященные изучаемой проблематике, в 3-м дается характеристика материала и описывается методика исследования, 4-й раздел посвящен восприятию языковой ситуации информантами, в 5-м рассматриваются заимствованные дискурсивные маркеры, 6-й раздел посвящен полнознаменательным заимствованиям, в 7-м речь идет о морфологической адаптации заимствований, в 8-м анализируются контактные явления в синтаксисе, в 9-м – метаязыковые стратегии говорящих, в 10-м приводятся основные выводы.

1. Переселения из Чехии и Моравии на земли Славонии в XVIII–XIX вв. были обусловлены, с одной стороны, сложной экономической ситуацией у крестьян в чешских землях, с другой – политикой австрийского двора, разрешившего во второй половине XVIII в. внутреннюю миграцию, прежде всего, в районы, находившиеся на границе с Османской империей. В 1699 г. по условиям Карловицкого мира Славония перешла Австрии и была впоследствии включена в состав Военной границы. В конце XVIII в. двор интенсифицировал колонизацию малонаселенных приграничных районов, помимо Славонии начал активно заселяться Банат, куда также направились чешские колонисты. Переселенцы могли стать граничарами с обязательством нести военную службу и получая землю в наследственную собственность, либо крестьянами во внутренних районах, расположенных на расстоянии от границы, где они работали на земле местного феодала. Первые сведения о компактно проживающих чешских семьях в Ивановчанах недалеко от Бьеловара относятся к концу XVIII в. В 1810 г. новые колонисты, прибывшие по приглашению владельца земель в Даруваре и Пакраце графа Исидора Янковича, поселились в населенных пунктах Кончаница и Даруварски-Брестовац (хорв. Daruvarski Brestovac, чеш. Daruvarský Brestov). Переселенческие волны продолжались на протяжении всего XIX в., центрами крестьянской иммиграции были Пожегская и Бьеловарско-Крижевицкая жупании [2. S. 283–285].

2. Изучение языка чешского миноритарного сообщества в Хорватии было начато сотрудниками Института славяноведения РАН в мае 2019 г. и является частью комплексного исследования языковых и куль-

турных ситуаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона (см.: [3–5]). Для автора настоящей статьи основной интерес представляют контакты чешского языка с другими славянскими и неславянскими языками в Центральной Европе, поэтому в 2019 г. также проводилась полевая работа среди чешских меньшинств Боснии и Герцеговины [6], Сербии [7], Румынии [3, 4, 8]. Актуальность изучения языка чешских диаспор подтверждают новейшие исследования чешского языка в Западной Сибири, на Северном Кавказе [9, 10], Волыни [11], в Румынии [12], Латинской Америке [13–15].

Интерес исследователей к чешской диаспоре в Хорватии можно наблюдать с начала XX в. Большое количество сведений об истории переселений и о современном на тот момент состоянии чешских общин в Югославии, Румынии, Болгарии [16], на Волыни, в Крыму и на Кавказе [17] в первой трети XX в. собрал и систематизировал Я. Ауэрхан. Обширную полевую работу среди югославских чехов и словаков, которая включала в себя общение с местными жителями и изучение метрических книг, в это же время проводил Р. Турчин [18]. Что касается изучения непосредственно языка общины в Хорватии, первой крупной статьей, посвященной этой теме, стала работа Ф. Буриана [19], лингвиста родом из Чехии, который с 12 лет жил, учился и работал в Славонии. В ней представлено многоаспектное социолингвистическое исследование, в котором при анализе полученных данных учитывался возраст, пол информанта, его языковое окружение (этнический состав семьи и населенного пункта, где он проживает). Особое внимание автор уделил языковым контактам (прежде всего на лексическом уровне), а также отметил проявление «метаязыкового сознания» говорящих, когда они указывали на принадлежность той или иной языковой единицы местному чешскому идиому, либо хорватскому языку [19. S. 142]. Исследования среди хорватских чехов также активно велись в 1950–1970-х гг. Я. Белич описал основные проявления чешско-сербо-хорватских контактов в лексике, фразеологии и синтаксисе, а также опроверг предположение Буриана о том, что сформировавшееся в общине койне с признаками центрально-чешских диалектов полностью нивелировало диалектные различия, существовавшие у первых поколений переселенцев. Монография Д. Мирковича [20] представляет собой самое объемное на сегодняшний день исследование чешских говоров Дарувара и его окрестностей. Описывая фонетический состав языка чехов, он соотносит полученные им факты с аналогичными особенностями чешских территориальных диалектов, делая вывод о проявлении изначальных диалектных различий, и только после этого указывает на явления, возникшие в результате контакта с языком окружения. Морфологическую систему идиома автор описывает в сравнении с чешскими диалектами и литературным языком, однако выделяет сравнительно большое количество заимствований из хорватского языка. При этом он отмечает, что значительная часть морфологических заимствований связана с заимствованием конкретных словоформ. Также в монографии приведен подробный анализ и дана классификация лексических заимствований, перечислены некоторые особенности синтаксиса чешского идиома. Аналогичное исследование среди славонских чехов в те же годы проводил П. Янчак, описавший фонетику и морфологию с. Иваново-Село [21] и анализировавший влияние лексики языка окружения на язык миноритарной группы [22]. К изучению языка чехов в Хорватии лингвисты вновь обращаются в 2010-е гг. Вопросам морфологических изменений и лексическим заимствованиям посвящены, например, работы М. Согровой [23] и Г. Страник [24].

3. Материалом исследования послужили аудиозаписи интервью, сделанные во время полевого исследования в мае 2019 г. Были обследованы следующие населенные пункты в Бьеловарско-Билогорской жупании: Дарувар (Daruvar[1]), Иваново-Село (хорв. Ivanovo Selo, чеш. неофиц. Pemija), Шибовац (хорв. Šibovac, чеш. Šibovec) Кончаница (хорв. Končanica, чеш. Končenice), Треглава (Treglava), Рашеница (хорв. Rašenica, чеш. Rašenice), Грубишно-Поле (хорв. Grubišno Polje, чеш. Hrubečné Pole), Растовац (хорв. Rastovac, чеш. Rastovec). В общей сложности было записано около 37 часов интервью с 25 информантами в возрасте от 29 до 85 лет.

Поскольку в задачи исследования входило изучение повседневной речи чехов, при опросе местных жителей использовался метод полуструктурированного интервью. Его отличительной чертой является то, что исследователь не прерывает речь информанта, одинаково внимательно слушая как ответы на поставленные вопросы, так и другие рассуждения собеседника, прямо к ним не относящиеся. При этом до начала полевой работы обязательно составляется вопросник, либо определяется круг тем, позволяющий спланировать основные направления беседы (ср. применение данного метода в [25. С. 140]). В процессе работы первоначальный список тем может изменяться, так как, с одной стороны, некоторые из предполагаемых вопросов могут оказаться неактуальными для изучаемой ситуации, а с другой – во время интервью как правило, выявляются новые заслуживающие внимания факты.

Основными темами интервью с хорватскими чехами были следующие:

1) история переселения чехов на территорию современной Хорватии;

2) особенности ведения сельского хозяйства и быта раньше и сейчас;

3) получение образования (на чешском и на хорватском языках);

4) традиционные праздники (календарного и семейного цикла), сохранение чешских традиций, влияние культуры окружающих этносов;

5) детские развлечения (игры, спорт);

6) восприятие современной Чехии как исторической родины;

7) использование и сохранение чешского языка в Хорватии раньше и сейчас.

Одной из ключевых особенностей нашей полевой работы является «внешнее» положение исследователя

по отношению как к исследуемой чешской общине и чехам вообще, так и к стране, в которой проживает интересующее нас меньшинство. Предыдущие исследования данной диаспоры проводились учеными из Югославии, Чехословакии, Хорватии, Чешской Республики.

В настоящей статье мы намеренно отказались от рассмотрения контактных явлений из области фонетики, поскольку это требует более глубокой проработки с точки зрения сравнения фонетической и просодической систем чешского миноритарного идиома на современном этапе с фонетикой современных чешских и хорватских диалектов с учетом диахронических процессов их развития.

4. Регион проживания чешского меньшинства характеризуется сложным этноконфессиональным составом. Помимо мажоритарного этноса, хорватов, как и чехи исповедующих католицизм, в Даруваре и близлежащих общинах проживают православные сербы (доля сербского населения в Бьеловарско-Билогорской жупании на 2011 г. составляет 6,31%, в 1991 г. она составляла около 30%) и определенный процент венгров католического вероисповедания (в среднем менее 1%, однако венгерское меньшинство имеет своего представителя в Городском совете Даруварa). Кроме того, после Югославских войн 1990-х гг. в этот регион прибыло значительное количество беженцев из Боснии, преимущественно боснийских хорватов, и наши собеседники-чехи отмечали языковые и культурные различия между переселенцами и местными хорватами.

Хорватский язык является государственным языком, на нем ведется коммуникация за пределами чешской общины, поэтому его знание обязательно. Среди наших информантов были те, кто начал изучать хорватский язык в школе, однако в большинстве случаев освоение языка происходило во время общения со сверстниками либо родственниками (в случае смешанных семей).

(4.1) *– jo a bilo pro vas t'eške se naučit xorvatski?*

ZT[2]: *nebilo | pa nebilo diš šexn'i ne | inač tadi f xorvacku živime || proč bi to || nebilo | od malička ne | rostli sme f tom tak nam nebilo t'eško.*

– tagže prost'e ste slišeli to z okoli?

ZT: *no ale ja sem xod'ila vosum roku do xorvacki školi || pa troxu mn'e jako bilo protože sme mi doma mluvili češki ne | anebo xorvacki se mn'e to | ale slišela sem vot sousedu i sme sousedi mn'eli xorvat'i ne* (Končanica, ZT: жен., 70)[3].

– А Вам трудно было выучить хорватский?

– Не было. Нет, не было, мы ведь все здесь, в Хорватии, живем. Почему бы оно, нет, не было. Мы с детства росли в этом, так что нам не было трудно.

– То есть Вы это (хорватскую речь) слышали из вашего окружения?

– Ну, я ходила восемь лет в хорватскую школу. Ну, немного мне было [сложно], потому что мы дома говорили по-чешски, а хорватский… Но я ведь слышала от соседей, соседи у нас были хорваты.

С другой стороны, в некоторых населенных пунктах, таких как Иваново-Село и Кончаница, чехи составляют большинство, поэтому хорватский язык практически не используется, и если тот или иной житель учился в чешской школе и впоследствии редко покидал село, он может не владеть хорватским активно.

(4.2) *ale mnohi tadi ženski ti starši keri nešli do Hrubešniho | jen tadi šli mnohi | tak se učej jenom co slišej vod druhejx | dіž z druhejx vesn'ici(x) přišli a tak || a mnohi an'i neumn'eji baš mluvit da | xarvacki | a čitat čitat umn'eji fšexni | ale mluvit takle s n'ekim | baš ne ne* (Ivanovo Selo, BH: жен., 84).

Но многие женщины здесь, старшего возраста, которые не ходили [в хорватскую школу] в Грубишно-Поле, многие только сюда [в чешскую школу] ходили, они учили только то, что слышали от других, когда приходили из других деревень. И многие даже особо не умеют говорить по-хорватски. А читать – читать умеют все, но вот так говорить с кем-нибудь, особо нет, нет.

Миноритарное сообщество чехов в Хорватии отличается своей компактностью, поэтому в случае смешанного брака от жены-хорватки ожидается, что она выучит язык мужа, так как бытовое общение в семье и с соседями всегда ведется на чешском (ср. похожую ситуацию в чешских селах в Румынии [8. С. 66–67]).

(4.5) *– a xorvat'i tadi mluvi češki?*

BH: *ma jak keri xt'eji || ja mam švagrovu od bratra | z Bosni | a vona se vubec nexce naučit češki a d'et'i mluvjej | xod'ili do školi i sou mezi lidma i mluvjej | a s n'im mluvjej xarvacki | a vona se neda n'ijak se d'elat | nexce učit || a sou taj keri neumn'eli češki a naučili se | al toho třeba xt'it jenom* (Ivanovo Selo, BH: жен., 84).

– А хорваты здесь говорят по-чешски?

– Кто как хочет. У меня есть невестка (жена брата) из Боснии, и она совсем не хочет выучить чешский, а дети говорят. Они ходили в школу, общаются с людьми и говорят, а с ней говорят по-хорватски. А с ней ничего не сделаешь, она не хочет учить. А есть здесь те, кто не знал чешского, но выучили. Это нужно только захотеть.

На сегодняшний день в Хорватии существует два чешских детских сада и две чешские школы-восьмилетки: в Даруваре и Кончанице. Собеседники также рассказывали о том, что многие хорваты отдают детей в чешский класс, чтобы те выучили чешский язык, так как он считается престижным, так как дает возможность учиться в чешской гимназии в Даруваре, а впоследствии в вузе в Чешской Республике. Существует и обратная ситуация, когда чешских детей отдают в хорватский класс, чтобы, по словам информантов, у детей было «предметом меньше».

Для регионов с большим этническим разнообразием характерно появление в языке населяющих его народов этнических прозвищ. Так хорватских чехов называют *pemci* (м. р. мн. ч.), *pemac* (м. р. ед. ч.) – производное от нем. *Böhm*, уроженец Богемии. Данное прозвище является нейтральным, его формы были зафиксированы у чехов в Боснии и Герцеговине, Сербии, Румынии [26. С. 320]. В Хорватии также общеупотребительным является топоним *Pemija*/*Pemie* –

так называют уже упоминавшийся здесь населенный пункт Иваново-Село с преобладающим чешским населением.

Что касается местного чешского идиома, наши информанты осознают, что он отличается от того языка, на котором говорят в Чехии, и несет в себе множество хорватских черт, поэтому называют его *hat'alacka*/*xatalacka češt'ina*, говорение на нем обозначают словами *mluvit hat'alacki*/*xatalacki*.

(4.6) VLH: *mi taki nemluvime čistou češčinou || xatalacki | tak žikaji.*

– a co to znamena ta hatalacka?

VLH: ne čista | ne čista kniževna češt'ina nežli mixani || mi sme rozeni vi Xorvacku ne | sme rozeni tadi i pak ne mužeme mluvit tak jako on'i ve Čexax (Rašenica, VLH: муж., 63).

– Мы тоже говорим не на чистом чешском. *Xatalacki*, так говорят.

– А что значит *hatalacka*?

– Не чистый, не чистый литературный язык, смешанный. Мы родились в Хорватии, мы родились здесь и не можем говорить так, как они в Чехии.

Такое же обозначение «неправильного» языка нам встретилось во время полевого исследования среди чехов в Сербии и Боснии и Герцеговине. Однако никто из информантов не смог сказать о происхождении данной лексемы.

(4.7) *– ale co znamena to slovo?*

VLH: *mixani | ne praviln'i | ne praviln'e | jak | kak bi rekao.*

– ale možna teda egzistuje n'ejake slovo jako hatala n'eco?

VLH: *ne ne.*

– Od čeho to poxazi?

MH: *to sme tak slišeli vod našix rodiču* (Rašenica, VLH: муж., 63; MH: жен., 60).

– А что значит это слово?

– Смешанный, неправильный, как это сказать.

– Может быть, существует в таком случае какое-нибудь слово, что-нибудь вроде *hatala*?

– Нет, нет.

– От чего оно происходит?

– Мы так слышали от наших родителей.

В Этимологическом словаре чешского языка в статье *haťalák* [27. S. 162] указано, что так называли немцев, говоривших на своем языке (т.е. на непонятной тарабарщине), от слова *haťmatilka* – языковая мешанина (от бессмысленного игрового сочетания *hať maťa*). Й. Янко в своей статье, посвященной чешскому междометию *hajdy* (ср. серб./хорв. *(h)ajde*, рус. *айда*), приводит производное от него слово *hajdalák*[4], первоначально употреблявшееся как прозвище помощника пивовара, либо пастуха из чужой деревни. Впоследствии оно стало использоваться в значении ‘бродяга’, ‘гуляка’, ‘оборванец’, ‘пугало’, ‘шут’ [28. S. 414–415]. Таким образом, вне зависимости от того, какая из приведенных этимологий более актуальна для рассматриваемого слова, прослеживаются значения ‘перемешанный’, ‘странный’, ‘смешной’, ‘инородный’.

5. Что касается лексических заимствований из хорватского языка, самой часто встречающейся категорией являются дискурсивные маркеры, определение которым дано, в частности, в работе [29. С. 390]: дискурсивные маркеры – это «незнаменательные слова или словосочетания, регулирующие дискурсивный процесс между говорящим и адресатом». По мнению К. Майерс-Скоттон, дискурсивные маркеры являются самыми распространенными ядерными заимствованиями (core borrowings) [30. P. 216] – словами из языка-донора, замещающими слова с тем же значением в языке-реципиенте.

Прежде всего стоит выделить частицы из языков балканского региона *baš*, *bar*, *barem*, *makar*, широко распространенные в хорватском, сербском языках, которые также встретились нам в речи банатских чехов в Сербии [7. С. 73] и Румынии [4. С. 18–19], чехов в Боснии и Герцеговине.

(5.1) *jo a moji* ***baš*** *pšeci poxazeji s Karlovejx Varáx* (Končanica, ZT: жен., 70)

да, а мои-то предки родом из Карловых Вар.

(5.2) *musel bi* ***barem*** *dva roki pracovat n'egde jako kuxař* (Končanica, BK: муж., 29)

нужно хотя бы два года поработать где-то поваром.

(5.3) *von'i muvjej českі mezi sebou |* ***makar*** *vona je xorvatka | na n'i mluvjej xorvacki* (Končanica, ZT: жен., 70)

Они [в семье] говорят по-чешски друг с другом, только она хорватка, с ней говорят по-хорватски.

К заимствованным маркерам можно также отнести хорватские/сербские частицы и местоимения с ослабленным грамматическим значением *pa*, *ma*, *evo*, *ovaj*.

(5.4) ***pa*** *jo | n'eco tajdle i škola jako česka i taki je xorvacka ne* (Šibovec, H: муж., ок. 39)

ну да, здесь ведь и школа чешская [есть], и хорватская тоже.

(5.5) *a* ***evo*** *ot prošleho tejdnu do Ruska* (Končanica, BK: муж., 29)

и вот с прошлой недели [мы экспортируем нашу рыбу] и в Россию.

(5.6) *ja taki ja nevim* ***ovaj*** *s keriho místa poxazej | već ze Čexax* (Rašenica, VLH: муж., 63)

я тоже не знаю, из какого места родом [мои предки], но из Чехии.

6. Достаточно широко распространено использование заимствованных полнознаменательных лексем. Среди них слова, обозначающие реалии, отсутствовавшие на момент переселения чехов в Хорватию, – Майерс-Скоттон называет их культурными заимствованиями (cultural borrowings [30. P. 212–215]). К ним относится лексика, связанная с новыми техническими устройствами (*bežičnej internet*/*telefon* ‘беспроводной интернет/телефон’, *mobitel* ‘мобильный телефон’, *na struju* ‘[работающий] от электричества’, *kazalka* ‘стрелка (часов), ползунок (радиоприемника)’), видами транспорта (*vučnica* ‘фуникулер’, *biciklema* ‘на велосипедах’).

(6.1) *a tej uš i pomaličku ten* ***bežičnej*** *internet* (Končanica, ZH: муж., 55)

а теперь уже понемногу и беспроводной интернет.

Поскольку хорватский язык является официальным языком и на нем осуществляется общение в административной, образовательной сфере, используются заимствованные лексемы, обозначающие административные учреждения, территориальное устройство государства, его состав, меры социального обеспечения (*općina*/*vopćina* ‘община (единица территориального деления), здание администрации’, *župan’ijsko* ‘относящийся к жупании (единица территориального деления)’, *na mirovin’e* ‘на пенсии’, *man’ina* ‘меньшинство’).

(6.2) *na* ***vopćin’e*** *na* ***vopćin’e*** *ve Hrubešnim taj* | *maš nátpis* (Rašenica, VLH: муж., 63)

на [здании] администрации, на администрации в Грубишно-Поле, там есть надпись.

(6.3) *vona n’egdi na tej* ***mirovin’e*** | *vona ud’ala štiricet dva roki e stáž* (Ivanovo Selo, BH: жен., 84)

она где-то на пенсии, она отработала 42 года стажа.

Хотя в рассматриваемом регионе существуют чешские восьмилетние школы, сферу образования в основном обслуживает хорватский язык, что отражается в следующих заимствованиях: *ve osnovni* ‘в основной (восьмилетней) [школе]’, *mala matura* ‘выпускной экзамен после 8 лет обучения’, *fakultet* ‘факультет’, *područna/matična škola* ‘местная (сельская) школа / главное здание школы’, *do patiho razredu* ‘до пятого класса’, *razrednice* ‘классная руководительница’, *predmet* ‘предмет’, *povijest* ‘история’.

(6.4) *pšideš do patiho* ***razredu*** (Rašenica, VP: муж., 64)

приходишь в пятый класс.

(6.5) *vona mn’e bila* ***razrednice*** (Rašenica, VP: муж., 64)

она была моей классной руководительницей.

Ведение сельского хозяйства было основным занятием переселенцев до миграции, однако на новом месте их участки земли располагались по соседству с участками местных жителей, соседи в деревне помогали друг другу, поэтому лексические заимствования наблюдаются и в этой сфере.

(6.6) *d’elá to* ***pol’oprivredu*** (Ivanovo Selo, BH: жен., 84)

занимается сельским хозяйством.

7. Заимствованные лексемы в основном адаптируются к словоизменительной системе чешского языка (ср.: [20. S. 289]). Так, прилагательное *bežičan* в примере (6.1) употребляется в форме *bežičnej* с характерным для собственно чешских диалектов окончанием мужского рода *-ej*. Существительные женского рода на *-a općina* и *mirovina* (6.2) в местном падеже имеют окончание *-e* на месте хорватского *-i*, причем у первого из них также появляется протетический *v-* (*na vopćin’e*).

У лексемы *razrednica* (6.5) основа оканчивается на согласный *c*, поэтому в чешском идиоме форма именительного падежа данного заимствования выглядит как *razrednice* по аналогии с чешским «мягким» типом склонения существительных женского рода на гласный *-e*. Случаи такого типа Д. Миркович рассматривает как гибридизацию, когда хорватский суффикс заменяется соответствующим чешским [20. S. 283] (в данном случае *-ice* < *-ica*).

У заимствованных глаголов наблюдается адаптация спряжения к системе чешского языка. Так, в формах 2-го л. мн. ч. в большинстве случаев происходит трансформация *-ime* < *-imo* (*živimе*, *ukl’učime*), *-ame* < *-amo* (*vježbame*, *održavame*). В 3-м лице мн. ч. возможны формы типа *živjej*, *ispravjej*. Данные замены можно объяснить тем, что окончания хорватских глаголов на *-iti* и *-ati* в формах 1, 2 и 3-го л. ед. ч., 2 л. мн. ч. формально схожи с аналогичными формами чешских глаголов 4-го и 5-го классов спряжения (ср. например, хорв. *Prositi – prosim*, *prosiš*, *prosi*, *prosite*; *vježbati – vježbam*, *vježbaš*, *vježba*, *vježbate,* и чеш. *prosit – prosím*, *prosíš*, *prosí*, *prosíte*; *dělat – dělám*, *děláš*, *dělá*, *děláte*). Учитывая то, что для языка хорватских чехов характерно сокращение (впрочем, непоследовательное) [20. S. 176–181] долгих гласных, можно констатировать полную омонимию окончаний указанных личных форм. Таким образом, две оставшиеся формы адаптируются по грамматической аналогии.

(7.1) ***ukl’učime*** *si e-e titlovan’i* (Rašenica, VP: муж., 64)

мы включаем субтитры.

(7.2) *d’et’i tej taj sou ale ne* ***živjej*** *ta[di]* (Ivanovo Selo, BH: жен., 84)

дети сейчас здесь есть, но они не живут здесь [постоянно].

Форма *živjej* (7.2), вероятно, образована по аналогии с формами 3-го л. мн. ч. глаголов 4-го класса спряжения, которые в собственно чешских диалектах северо-восточной группы имеют окончание *-ej*.

Что касается наречий, нами были зафиксированы как неадаптированные заимствования с конечным элементом *-o* (*odvažno*, *kn’iževno*), так и адаптированные варианты с конечным элементом *-e* (*stvarn’e*, *obavezn’e*, *ist’e*). В чешском языке наречия, образованные от прилагательных, чаще оканчиваются на *-e*, в хорватском же языке такие наречия отсутствуют в принципе.

(7.3) *a povuda von onako* ***odvažno*** (Rašenica, VLH: муж., 63)

и он говорит вот так смело.

(7.4) *bil* ***stvarn’e*** *super* (Končanica, BK: муж., 29)

он был действительно супер.

(7.5) *tam f Grbafci to* ***obavezn’e*** *se postavuje* (Končanica, ZH: муж., 55)

там в Грбаваце его (майское дерево) обязательно устанавливают.

8. Результаты языковых контактов с хорватским языком находят свое отражение также в области синтаксиса. В нашем корпусе встретились заимствованные конструкции с глагольными формами *(i)ma/nema* ‘иметь’ в бытийном значении, до сих пор не отмечавшиеся в цитируемых здесь работах. Один из способов выражения в настоящем времени значения ‘существовать’ и ‘находиться’ в хорватском и сербском языках – употребление форм *ima/nema* с объектом в родительном или именительном падеже. В прошедшем и будущем времени при этом используются конструкции с глаго-

лом *biti* [31. S. 185–189]. В чешских говорах подобные конструкции не фиксируются. Известны случаи отрицательного генитива типа *neměli kabátu* наравне с вариантом *nebylo kabátu* [32. S. 500–502], однако глагол употреблен здесь в прошедшем времени, к тому же форма *neměli* согласуется с субъектом, т.е. в нашем случае речь идет именно о контактном явлении.

(8.1) *to je taki jako stox* | ***jesi to tadi ma*** | *at' ukažu teda* (Daruvar, FS: жен., 61).

Это тоже как стог, если он тут есть, я тогда покажу

(8.2) *tam hledaji xorvacki* | ***nemá vic českí*** (Končanica, ZH: муж., 55).

Там нужен хорватский, там уже нет чешского.

(8.3) *diš* ***ma sn'ehu*** *tam* (Rašenica, VP: муж., 64)

когда там есть снег.

(8.4) ***ima*** *i* ***vučnica*** (Rašenica, MH: жен., 60)

есть и фуникулер.

Были также зафиксированы случаи употребления генитивных притяжательных конструкций с предлогом *od* (*vod*). Речь идет о названиях родственников относительно другого члена семьи, посессора, который выражен формой родительного падежа.

(8.5) *jak se žika* ***vod sina*** *a-a* ***manželka*** (Rašenica, MH: жен., 60).

Как сказать «жена сына»?

(8.6) *muj ten e* ***vod bratra sin*** *e-e von mn'el taki krávi* (Ivanovo Selo, BH: жен., 84)

мой этот, э-э, брата сын, э-э, у него тоже были коровы.

(8.7) *a* ***od mami rodiče*** *tata je xorvat a mama je češka* (Končanica, BK: муж., 29)

а у мамы родители – папа хорват, а мама чешка.

В стандартном хорватском языке притяжательность выражается с помощью притяжательных прилагательных, употребление в данной функции аналитических конструкций с беспредложным родительным не рекомендуется нормативной грамматикой [33. S. 201, 205]. Однако данная конструкция фиксируется, в частности, в говорах хорватской части Срема (населенные пункты Илок, Бапска, Товарник) [34. S. 152].

В чешском стандартном языке посессивность также выражается прежде всего притяжательными прилагательными (*bratrův*, *matčin*). Беспредложный генитив используется в тех случаях, когда образовать притяжательное прилагательное невозможно: когда посессор выражен словосочетанием, либо именем, имеющим адъективный тип склонения (*spisy Karla Čapka*, *Palackého náměstí*) [35. S. 77–78]. Однако начиная с 1970-х гг. исследователи отмечают тенденцию к расширению функционирования притяжательного беспредложного генитива в устных формах языка, а именно обозначение посессора одиночным существительным в форме родительного падежа [36. S. 75]. Случаи употребления в этом значении генитива с предлогом *vod* при этом упоминаются лишь спорадически и специально никак не описываются (например, [36. S. 82; 37. S. 499]). Притяжательные генитивные конструкции с *od* в чешском языке Хорватии отмечал Миркович, однако не проводил их подробный анализ [20. S. 316].

В нашем корпусе также присутствуют случаи, где формально схожая конструкция *od* + генитив не выражает родственную связь, а уточняет многозначный термин.

(8.8) *ja mam* ***švagrovu od bratra*** (Ivanovo Selo, BH: жен., 84)

у меня есть невестка (жена брата).

(8.9) VLH: *da al* ***táta vod*** *e-e*

MH: *da-a* ***vod*** *e* ***snaši***

VLH: ***vod sinovi*** *e*

MH: *da* ***ženi*** | *manželki* (Rašenica, VLH: муж., 63; MH: жен., 60).

– Да, но папа, э-э…

– Да, э-э, снохи.

– Сына, э-э…

– Да, жены, супруги.

Так, чеш. *švagrová* может обозначать сестру мужа (золовку) или жены (свояченицу); жену брата или жену шурина (невестку), поэтому собеседница в примере (8.8) *švagrovu od bratra* уточняет, что речь идет о жене брата (досл. невестка со стороны брата). В примере (8.9) собеседники стараются выразить значение ‘отец снохи’ (чеш. *snacha* – сноха, невестка).

До сих пор исследователями чешских идиомов в хорватском/сербском языковом окружении не отмечалось употребление глагола-связки *быть* в форме перфекта 3 л. ед. ч., не фиксирующееся в чешских диалектах, но являющееся нормой для хорватского и сербского языков (ср. обратное явление, впрочем, не очень частое – опущение связки в западно-сибирских чешских говорах под влиянием русского языка [10. С. 89]).

(8.10) *taj každej dva tši dni po dvoře* ***je*** *bilo bláto i sn'ix* (Ivanovo Selo, BH: жен., 84)

здесь каждые два-три дня на дворе была грязь и снег.

(8.11) *protože to* ***je*** *bila velice t'eška práce* (Daruvar, FS: жен., 61)

так как это была очень тяжелая работа.

9. Отдельного внимания заслуживает дискурсивное поведение говорящих при возникновении трудностей во время говорения на чешском языке: переключение кода и комментирование хорватскими чехами собственной речи. Дж. Фершуерен замечал, что такое поведение говорящих связано с проявлением метапрагматической осведомленности, когда «использование языка, как и другие формы социального поведения, интерпретируются акторами-участниками» [38. С. 99]. Анализ оговорок, самоисправлений говорящих, случаев переключения кода представляется важным при исследовании ситуаций билингвизма и многоязычия, так как позволяет понять, какие контактные явления прочно укоренились в L1 и никак не регистрируются говорящими, а какие все еще воспринимаются ими как «ошибочные», «неточные», «чужеродные», т.е. в отношении них язык проявляет устойчивость. Приведем несколько распространенных дискурсивных стратегий и примеры из нашего корпуса.

9.1. Стратегия обращения за помощью в случае затруднения при подборе лексемы на L1.

(9.1.1) *smuč e* | ***jak bis ti řek*** *smuč* (Končanica, BK: муж., 29)

судак (хорв. smuđ), как бы ты сказал «судак»?

(9.1.2) *istraživan'je* ***jak se to řekne u vás*** (Končanica, BK: муж., 29)

исследование (хорв.), как это говорят у вас?

(9.1.3) VP: *a mn'eli jsme* | ***jak se žika*** *ispovjet*

MH: *spoudan'i*

VLH: *spoudan'i* (Rašenica, VLH: муж., 63; MH: жен., 60)

– и была у нас… как говорят «исповедь» (хорв.)?

– Исповедь.

– Исповедь.

(9.1.4) VP: ***jak se žika*** *slavili*?

[пауза, общий смех]

VLH: *vid'iš jaki sme mi češi*

– *super ste češi*

VLH: *da* | *jaki su mi* | *to e to je to xatalacki ne pravje nemužeš si spomenout* (Rašenica, VLH: муж., 63; VP: муж., 64).

– Как сказать «праздновали» (хорв.)?

– Видишь, какие мы чехи.

– Вы отличные чехи.

– Да, какие мы. Вот, вот это и есть мешанина, вот, не можешь вспомнить.

При возникновении сложностей информант обращается к другим участникам беседы. Если в разговоре участвуют несколько представителей общины, то вопрос может быть адресован тому, кто из них по мнению говорящего, самый компетентный. Когда интервью проводится с одним информантом, то он, соответственно, обращается к исследователю (исследователям). В случае если ученый не является носителем ни L1, ни L2 и придерживается принципа невмешательства в изучаемый идиом, он может оставить вопрос без ответа. В ситуации, когда в разговоре участвуют другие информанты, бывает найден ответ (9.1.3) либо разворачивается обсуждение, которое может окончиться констатацией незнания (9.1.4).

9.2. Указание на этническую, конфессиональную или территориальную принадлежность слова. В этом случае маркируется чужеродность той или иной лексемы, говорящие стремятся объяснить, где или какой этнической (в некоторых случаях конфессиональной) группой она употребляется, либо подчеркнуть то, что данное слово используется только у них (в их регионе, населенном пункте, только чехами, только католиками). Так, в (9.2.1) собеседники вспоминают чакавский регионализм, который они слышали в Далмации, а в (9.2.2) говорящие подчеркивают, что в их общине для обозначения мороженого используется только хорватское слово, при этом чешский вариант им известен, но не употребляется.

(9.2.1) VP: *Dalmacija* | *ona bila pod uticajem talijanu*

VLH: *da*

VP: *Zadar n'egdi bil talijanskej*

MH: *da i normalno že popřimili to ze Italije*

VP: ***mi žikali van'kuš*** | *jastuk ne*

MH: *jastuk da*

VP: ***žikame van'kuš e von'i žikaji šugama***

MH: *šuga-* [смех]

KK: *nije šugama to je ručnik* (Rašenica, VLH: муж., 63; MH: жен., 60; VP: муж., 64; KK: жен., ок. 60).

– Далмация, она находилась под влиянием итальянцев.

– Да.

– Задар когда-то был итальянским.

– Да, и нормально, что они приняли это из Италии.

– Мы говорили подушка (рег. хорв., унгар.), подушка (хорв.).

– Подушка, да.

– Мы говорим подушка, а они говорят *šugama* (хорв. рег. šugaman ‘полотенце’).

– Нет, *šugama* – это полотенце.

(9.2.2) ZH: *zaxováváme a n'ekerou řeč i sladolet* | *nen'i sladoled neš je zmrzlina*

ZT: *a* ***mi žikáme sladolet***

ZH: *tak* ***žikame sladolet te ne řikame zmrzlina*** | *tak* ***nam to je jako česka žeč sladolet*** (Končanica, ZH: муж., 55; ZT: жен., 70).

– Мы сохраняем некоторые слова, и мороженое (хорв.) – не *sladoled*, а *zmrzlina* (чеш. мороженое).

– А мы говорим *sladoled*.

– Так мы говорим *sladoled* и не говорим *zmrzlina*, и для нас это как чешское слово *sladoled*.

9.3. Констатация незнания. Информант сталкивается с проблемной лексемой и не находит эквивалента на L1. Такие высказывания информанты часто сопровождают «оправданиями», говорят, что плохо владеют чешским, что в общине говорят не на чистом чешском, а на смеси языков (9.1.4), (9.3.1).

(9.3.1) ***no nevim jag bi to vam vobjasn'ila*** *jag vi to menujete ja to po našem mluvim jak mi mluvíme* | *ja an'i neumim pravje českі* (Ivanovo Selo, BH: жен., 84)

ну, не знаю, как вам это объяснить, как вы это называете. Я по-нашему говорю, как мы говорим. Я даже не говорю на правильном чешском.

(9.3.2) ***nevim jako žikaji lugára*** | *co hlida les no* | ***lesnik*** (Končanica, ZH: муж., 55)

я не знаю, как называют лесника (хорв.), который следит за лесом, лесник.

После констатации незнания собеседники иногда все же подбирают искомый эквивалент (9.3.2).

9.4. Наличие дублетных форм, или стратегия перевода (ср.: [39. P. 169]). Говорящий в рамках одной синтагмы приводит вариант сразу на двух языках. При этом «перевод» может осуществляться как с L2 на L1, так и с L1 на L2. Первый случай можно объяснить стремлением информанта вести беседу на одном языке, производить автокоррекцию. Вторая ситуация часто возникает в случае, если в беседе принимает участие человек, не владеющий L1 (например, второй исследователь). Также она может быть связана с привычкой информанта делать таким образом смысловые выделения в тексте.

(9.4.1) *aha aha* ***ženatej*** | *da da* ***vožen'enej*** | *žikame viš českі je ženati a mi žikame vožen'enej* (Rašenica, MH: жен., 60).

Ага, ага, женатый. Да, да, женатый (хорв.). Мы говорим, знаешь, по-чешски – женатый, а мы говорим женатый (хорв.).

(9.4.2) *tadi tata gdi koupil* ***kućи*** | *e-e jak žikaji* ***kućа*** | ***dom barak*** (Rašenica, VP: муж., 64)

здесь, где папа купил дом (хорв.), э-э, как говорят «дом» (хорв.), дом, дом (чеш.).

В (9.4.1) перед нами ситуация, когда информант, вспомнив чешский вариант, переводит его на хорватский, объясняя, что у них используют именно хорватское слово (ср.: 9.2.2).

9.5. Информанты часто осуществляют контроль понимания сказанного с целью удостовериться, знакомо ли исследователю значение той или иной лексемы (ср.: [40. S. 172–173]).

(9.5.1) *e somi nevim jak to tis řek.* ***rozumiš co som ne*** (Končanica, BK: муж., 29)

сомы (хорв.), не знаю, как ты бы сказал. Понимаешь, что такое сом (хорв.), нет?

(9.5.2) ZT: ***vite co je zast'era***?

– jo jo jo

ZT: *no tak* (Končanica, ZT: жен., 70).

– Вы знаете, что такое фартук?

– Да, да, да.

– Так вот…

(9.5.3) MH: ***ja nevim jesi rozumiš*** *co znači* ***spoudan'i*** (Rašenica, MH: жен., 60).

Я не знаю, понимаешь ли ты, что значит исповедь.

Собеседники могут обращать внимание на заимствованную лексему (9.5.1), чтобы удостовериться, что можно обойтись без перевода и дальнейших объяснений. Также возможен контроль понимания чешского слова, если информант сомневается, знаком ли исследователь с той или иной реалией, например, в силу молодого возраста, принадлежности к другой конфессии, незнания особенностей жизни в сельской местности (9.5.2), (9.5.3). В этом случае собеседники выступают с позиции носителя авторитетного знания, и своим вопросом они показывают, что им важно, чтобы их собеседник понял, что они хотят сказать.

9.6. В некоторых случаях, особенно когда информанты знают, что исследователь владеет не только L1, но и L2, они маркируют переключение на L2, к которому они прибегают, чтобы объяснить содержание того, что вызвало у них затруднение на L1.

(9.6.1) *svatej václav žikaji že je jako e-e* || ***ja to ženknu na xorvacki*** *záštitnik dobitka* (Končanica, ZH: муж., 55)

Святой Вацлав, говорят, что он как… я это скажу по-хорватски, защитник (хорв.) скота

(9.6.2) ***na xrvackom*** | *smo kad smo slavili četrdeset godina braka* | *ja i i žena* (Rašenica, VP: муж., 64)

на хорватском: мы, когда мы праздновали 40 лет брака, я и жена

10. Влияние хорватского языка в речи славонских чехов прослеживается на всех уровнях. Были зафиксированы лексические заимствования как для явлений, отсутствовавших в языке переселенцев, так и для известных, в том числе повседневных понятий. Это, а также проникновение синтаксических конструкций из языка окружения свидетельствуют о высокой интенсивности языковых контактов, которые обусловлены тем, что чехи на протяжении почти двух столетий живут не изолированно от мажоритарного этноса, а в тесном взаимодействии с ним (вместе ведут хозяйство, участвуют в политической жизни страны, заключают смешанные браки, дети учатся в одних школах). С другой стороны, высокий деривационный потенциал чешского языка позволяет ему адаптировать большую часть хорватских лексем. Гибридизация форм обусловлена тем, что в рассматриваемой ситуации происходит взаимодействие близкородственных языков. С точки зрения экстралингвистических факторов витальность чешского языка поддерживается благодаря позитивной языковой политике: в Хорватии существует два чешских детских сада, две школы и одна гимназия; работают чешские беседы – общественные места, призванные сохранять чешский язык и культуру и привлекать к ней внимание остальной части населения страны; выходит общественная и научная периодика. Использование рассмотренных метаязыковых стратегий показывает, что благодаря устойчивости чешского языка в Хорватии его носители фиксируют «ошибки» и «неточности» в своей речи, стараясь исправлять их в присутствии исследователя.

В ходе анализа было отмечено распространение заимствованных грамматических конструкций, которые не были зафиксированы в ранних работах исследователей либо упоминались ими лишь кратко. К ним мы относим, например, использование глагольных форм *(i)ma*/*nema* в бытийном значении, генитивные притяжательные конструкции с предлогом *(v)od*, употребление связки *je* в формах 3-м л. ед. ч. перфекта. Это может говорить о живом процессе гибридизации, который развивается в наши дни и затрагивает новые уровни языка чехов.

Дальнейшей перспективой исследования является полевая работа в Пожегско-Славонской и Сисакско-Мославинской жупаниях, где также проживает значительное количество представителей чешского этноса. Данные области до сих пор оставались за пределами внимания лингвистов, которые сосредоточивались прежде всего на языковой ситуации в Даруваре и его окрестностях.

Примечания

[1] Здесь и далее в скобках дается хорватское написание названий обследованных населенных пунктов и, при наличии, их чешский вариант. При употреблении на русском языке отдается предпочтение хорватской форме.

[2] Здесь и далее указываются инициалы собеседников. Реплики автора статьи обозначены тире (–).

[3] В примерах используется упрощенная транскрипция на основе стандартной чешской орфографии. Мягкость обозначается апострофом *t'еške*. Задненебный согласный, обозначаемый в стандартной орфографии *ch*, в транскрипции обозначен *x*. Для транскрипции цитат на других языках применяется запись, приближенная к стандартной орфографии этих языков. После каждого примера в скобках указано место записи, инициалы, пол, возраст информантов.

[4] То же находим в [27. S. 156], где автор также ссылается на работу Й. Янко.

Список источников

1. Buršić I. Popis stanovništva, kućanstva i stanova 2011. Stanovništvo prema državljanstvu, narodnosti, vjeri i materinskom jeziku. Zagreb : Državni zavod za statistiku Republike Hrvatske, 2013. 133 s.
2. Kokaisl P. a kol. Krajané: Po stopách Čechů ve východní Evropě. Praha: Za hranice – Společnost pro rozvojovou spolupráci při Provozovně ekonomické fakultě ČZU v Praze, o. s., 2009. 435 s.
3. Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Pemi/Pemci в румынско-сербском окружении: село Златица в Банате // Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание / отв. ред. И.А. Седакова; ред. М.М. Макарцев, Т.В. Цивьян. М. : Ин-т славяноведения РАН ; Индрик, 2021. (Балканские чтения. 16). С. 49–53.
4. Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Чешско-сербско-румынские языковые контакты в румынском Банате на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 15–26.
5. Пивоваренко А.А. «Локальная история» или новые горизонты хорватско-итальянских отношений? Рецензия на работу Филипа Шкиляна «Итальянцы в Загребе» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15, № 3–4. С. 197–206.
6. Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Дискурсивные практики и метаязыковое комментирование в речи представителей национальных меньшинств Боснии и Герцеговины (на примере славянских сообществ Республики Сербской) // Јужнословенски филолог. 2020. Књ. 76. Св. 2. С. 127–156
7. Борисов С.А. Контактные явления в языке этнических чехов сербского Баната // Славяноведение. 2021. № 3. С. 64–79.
8. Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Чешско-румынские языковые контакты в румынском Банате (на примере данных полевого исследования) // Slavica Slovaca. 2021. № 56 (1). S. 55–68.
9. Скорвид С.С. Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Славяноведение. 2014. № 1. С. 44–58.
10. Скорвид С.С. О параллельных процессах в синтаксисе западнославянских островных говоров в Сибири. Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 75–97.
11. Čeština na Volyni / A. Arkhanhelska, O. Bláha, U. Cholodová (eds.). Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci. Filozofická fakulta, 2020. 193 s.
12. Vyskočilová K. Czech language minority in the South-eastern Romanian Banat // International Journal of the Sociology of Language. 2016. № 238. P. 145–167.
13. Zajícová L. Český jazyk v Paraguayi: studie o jazykovém kontaktu a zániku. Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2010. 302 s.
14. Hofmanová K. Čeští krajané a podoba českého jazyka v argentinských enklávách (zvláště v okolí Presidencia Roque Saenz Pena). Diplomová práce. Ostrava : Ostravská univerzita. Filozofická fakulta. Katedra českého jazyka, 2006.
15. Halaštová A. Moravská nářečí u nejstarší generace mluvčích v argentinské provincii Chaco. Diplomová práce. Praha : Univerzita Karlova. Filozofická fakulta. Ústav českého jazyka a teorie komunikace, 2021.
16. Auerhan J. Čechoslováci v Jugoslavii, v Rumunsku, v Maďarsku a Bulharsku. Praha : Melantrich, 1921. 207 s.
17. Auerhan J. České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze. Praha : Hajn, 1920. 65 s.
18. Turčin R. Čechoslováci v bývalém Chorvatsku – Slavonii. Disertační práce. Univerzita Karlova. Filozofická fakulta. Praha, 1936. 144 s.
19. Burian F. Česká řeč na Daruvársku (SHS) // Naše zahraničí. 1929. IX (4). S. 138–150.
20. Mirković D. Govori Čeha u Slavoniji (Daruvar i okolina). Beograd : Filološki fakultet Beogradskog univerziteta, 1968. 390 s.
21. Jančak P. Čeština v Ivanově Sele v Jugoslávii // Slovo a Slovesnost. 1971. 32 (3). S. 241–257.
22. Jančak P. Hodnocení vlivu příbuzného jazyka na slovní zásobu českého nářečí (Na materiále českých nářečí na Duruvarsku v Jugoslávii) // Slovo a Slovesnost. 1973. 34 (4). S. 302–319.
23. Sohrová M. O vlivu jazyka prostředí na mluvu menšiny // Přehled kulturních a historických, literárních a školských otázek. 2014. № 32. S. 73–81.
24. Straníková H. K některým jevům v slovní zásobě příslušníků české menšiny v Chorvatsku // Přehled kulturních a historických, literárních a školských otázek. 2011. № 29. S. 97–105.
25. Пилипенко Г.П. Украинские тексты из аргентинской провинции Мисьонес // Исследования по славянской диалектологии. 2020. № 21–22. С. 139–153.
26. Борисов С.А. Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 310–328.
27. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha : Československá akademie věd, 1957. 868 s.
28. Janko J. Poznámky a příspěvky k českému slovníku etymologickému (IX., 1: české hajdy a jeho zařazení, pokračování) // Časopis pro moderní filologii. 1940. R. XXVI. Č. 3. S. 413–418.
29. Подлесская В.И., Кибрик А.А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М. : РГГУ, 2009. С. 390–395.
30. Myers-Scotton C. Multiple voices: an introduction to bilingualism. Malden : Blackwell Publishing, 2006. 457 p.
31. Nazalević Čučević I., Belaj B. Sintaktičko-semantički status egzistencijalnih glagola biti, imati i trebati // Croatica. 2018. XLII (62). S. 179–205.
32. Český jazykový atlas 5 / J. Balhar a kol. – red. elektronické verze L. Čižmárová. – 2., elektronické, opravené a doplněné vydání. Brno: Dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, 2016. URL: https://cja.ujc.cas.cz/CJA5 (дата обращения: 27.12.2021).
33. Silić J., Pranjković I. Gramatika hrvatskoga jezika za gimnazije i visoka učilišta. Zagreb : Školska knjiga, 2005. 423 s.
34. Vujčić V. Srijemski govori. Doktorski rad. Osijek : Sveučilište Josipa Jurja Strossmayera u Osijeku. Filozofski fakultet, 2018. 169 s.
35. Mluvnice češtiny (2). Tvarosloví / M. Komárek, J. Kořenský, J. Petr a kol. Praha : Academia, 1986. 536 s.
36. Janečka M., Kouklíková T. Ke konkurenci genitivu posesivního a individuálně posesivních adjektiv v současné mluvené češtině // Jazykovedný časopis. 2020. № 71 (1). S. 69–89.
37. Uličný O. Posesivní genitiv redivivus // Jazykovedný časopis. 2018. № 69 (3). S. 497–501.
38. Фершуерен Дж. Заметки о метапрагматической осведомленности в использовании языка / пер. с фр. Я.О. Глембоцкой // Критика и семиотика. 2001. № 3/4. С. 85–105.
39. Wasserscheidt Ph. Bilinguales Sprechen. Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie (Dr. phil.). Berlin, 2015. 351 p.
40. Petrović T. Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Beograd : SANU, 2008. 228 s.

References

1. Buršić, I. (2013) *Popis stanovništva, kućanstva i stanova 2011. Stanovništvo prema državljanstvu, narodnosti, vjeri i materinskom jeziku*. Zagreb: Državni zavod za statistiku Republike Hrvatske.
2. Kokaisl, P. a kol. (2009) *Krajané: Po stopách Čechů ve východní Evropě*. Praha: Za hranice – Společnost pro rozvojovou spolupráci při Provozovně ekonomické fakultě ČZU v Praze.
3. Borisov, S.A. & Pilipenko, G.P. (2021) Pemi/Pemci v rumynsko-serbskom okruzhenii: selo Zlatitsa v Banate [Pemi/Pemci in the Romanian-Serbian environment: the village of Zlatitsa in Banat]. In: Sedakova, I.A. (ed.) *Strategii mezhbalkanskoy kommunikatsii: Perevod. Pereskaz. Umolchanie* [Strategies for Inter-Balkan Communication: Translation. Retelling. Aposiopesis]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; Indrik. pp. 49–53.
4. Borisov, S.A. & Pilipenko, G.P. (2020) Czech-Serbian-Romanian language contacts in Romanian Banat based on a field research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 459. pp. 15–26. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/459/2
5. Pivovarenko, A.A. (2020) "Lokal'naya istoriya" ili novye gorizonty khorvatsko-ital'yanskikh otnosheniy? Retsenziya na rabotu Filipa Shkilyana "Ital'yantsy v Zagrebe" ["Local history" or new horizons of Croatian-Italian relations? Review of the work of Philip Shkilyan "Italians in Zagreb"]. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii.* 15 (3–4). pp. 197–206.
6. Borisov, S.A. & Pilipenko, G.P. (2020) Diskursivnye praktiki i metayazykovoe kommentirovanie v rechi predstaviteley natsional'nykh men'shinstv Bosnii i Gertsegoviny (na primere slavyanskikh soobshchestv Respubliki Serbskoy) [Discursive Practices and Metalinguistic Commenting in the Speech of Representatives of the National Minorities of Bosnia and Herzegovina (on the Example of the Slavic Communities of the Republika Srpska)]. *Juzhnoslovenski filolog*. 76 (2). pp. 127–156
7. Borisov, S.A. (2021) Kontaktnye yavleniya v yazyke etnicheskikh chekhov serbskogo Banata [Contact phenomena in the language of ethnic Czechs of the Serbian Banat]. *Slavyanovedenie*. 3. pp. 64–79.
8. Borisov, S.A. & Pilipenko, G.P. (2021) Cheshsko-rumynskie yazykovye kontakty v rumynskom Banate (na primere dannykh polevogo issledovaniya) [Czech-Romanian language contacts in the Romanian Banat (on the example of field research data)]. *Slavica Slovaca*. 56 (1). pp. 55–68.
9. Skorvid, S.S. (2014) Cheshskie pereselencheskie govory na Severnom Kavkaze i v Zapadnoy Sibiri [Czech settler dialects in the North Caucasus and Western Siberia]. *Slavyanovedenie*. 1. pp. 44–58.
10. Skorvid, S.S. (2018) On the parallel syntactic processes in West Slavic insular dialects in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 53. pp. 75–97. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/53/6
11. Arkhanhelska, A. et al. (eds) (2020) *Čeština na Volyni.* Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci. Filozofická fakulta.
12. Vyskočilová, K. (2016) Czech language minority in the South-eastern Romanian Banat. *International Journal of the Sociology of Language.* 238. pp. 145–167.
13. Zajícová, L. (2010) *Český jazyk v Paraguayi: studie o jazykovém kontaktu a zániku*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
14. Hofmanová, K. (2006) *Čeští krajané a podoba českého jazyka v argentinských enklávách (zvláště v okolí Presidencia Roque Saenz Pena).* Diplomová práce. Ostrava: Ostravská univerzita. Filozofická fakulta. Katedra českého jazyka.
15. Halaštová, A. (2021) *Moravská nářečí u nejstarší generace mluvčích v argentinské provincii Chaco.* Diplomová práce. Praha: Univerzita Karlova. Filozofická fakulta. Ústav českého jazyka a teorie komunikace.
16. Auerhan, J. (1921) *Čechoslováci v Jugoslavii, v Rumunsku, v Maďarsku a Bulharsku*. Praha: Melantrich.
17. Auerhan, J. (1920) *České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze*. Praha: Hajn.
18. Turčin, R. (1936) *Čechoslováci v bývalém Chorvatsku – Slavonii*. Disertační práce. Praha: Univerzita Karlova. Filozofická fakulta.
19. Burian, F. (1929) Česká řeč na Daruvársku (SHS). *Naše zahraničí.* IX (4). pp. 138–150.
20. Mirković, D. (1968) *Govori Čeha u Slavoniji (Daruvar i okolina)*. Beograd: Filološki fakultet Beogradskog univerziteta.
21. Jančak, P. (1971) Čeština v Ivanově Sele v Jugoslávii. *Slovo a Slovesnost.* 32 (3). pp. 241–257.
22. Jančak, P. (1973) Hodnocení vlivu příbuzného jazyka na slovní zásobu českého nářečí (Na materiále českých nářečí na Duruvarsku v Jugoslávii). *Slovo a Slovesnost*. 34 (4). pp. 302–319.
23. Sohrová, M. (2014) O vlivu jazyka prostředí na mluvu menšiny. *Přehled kulturních a historických, literárních a školských otázek*. 32. pp. 73–81.
24. Straníková, H. (2011) K některým jevům v slovní zásobě příslušníků české menšiny v Chorvatsku. *Přehled kulturních a historických, literárních a školských otázek.* 29. pp. 97–105.
25. Pilipenko, G.P. (2020) Ukrainskie teksty iz argentinskoy provintsii Mis'ones [Ukrainian texts from the Argentinean province Misiones]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii*. 21–22. pp. 139–153.
26. Borisov, S.A. (2021) Cheshskiy yazyk v polietnichnom okruzhenii (obzor polevogo issledovaniya 2019 goda v Serbii, Rumynii, Bosnii i Gertsegovine) [Czech language in a multi-ethnic environment (review of a 2019 field study in Serbia, Romania, Bosnia and Herzegovina)]. *Slavyanskiy al'manakh*. 1–2. pp. 310–328.
27. Machek, V. (1957) *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Československá akademie věd.
28. Janko, J. (1940) Poznámky a příspěvky k českému slovníku etymologickému (IX., 1: české hajdy a jeho zařazení, pokračování). *Časopis pro moderní filologii.* XXVI (3). pp. 413–418.
29. Podlesskaya, V.I. & Kibrik, A.A. (2009) Diskursivnye markery v strukture ustnogo rasskaza: opyt korpusnogo issledovaniya [Discursive markers in the structure of the oral story: an experience of corpus research]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy Mezhdunar. konf. "Dialog 2009"* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: based on the materials of the annual International Conference "Dialogue 2009"]. Bekasovo. 27–31 May 2009. Vol. 8 (15). Moscow: RSUH. pp. 390–395.
30. Myers-Scotton, C. (2006) *Multiple voices: an introduction to bilingualism*. Malden: Blackwell Publishing.
31. Nazalević Čučević, I. & Belaj, B. (2018) Sintaktičko-semantički status egzistencijalnih glagola biti, imati i trebati. *Croatica*. XLII (62). pp. 179–205.
32. Balhar, J. et al. (eds) (2016) *Český jazykový atlas 5.* 2., elektronické, opravené a doplněné vydání. Brno: Dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR. [Online] Available from: https://cja.ujc.cas.cz/CJA5 (Accessed: 27.12.2021).
33. Silić, J. & Pranjković, I. (2005) *Gramatika hrvatskoga jezika za gimnazije i visoka učilišta*. Zagreb: Školska knjiga.
34. Vujčić, V. (2018) *Srijemski govori*. Doktorski rad. Osijek: Sveučilište Josipa Jurja Strossmayera u Osijeku. Filozofski fakultet.
35. Komárek, M. a kol. (1986) *Mluvnice češtiny (2). Tvarosloví*. Praha: Academia, 536 s.
36. Janečka, M. & Kouklíková, T. (2020) Ke konkurenci genitivu posesivního a individuálně posesivních adjektiv v současné mluvené češtině. *Jazykovedný časopis*. 71 (1). pp. 69–89.
37. Uličný, O. (2018) Posesivní genitiv redivivus. *Jazykovedný časopis.* 69 (3). pp. 497–501.
38. Fershueren, Dzh. (2001) Notes On. The Role of Metapragmatic Awareness. In Language Use. *Kritika i semiotika*. 3/4. pp. 85–105. (In Russian).
39. Wasserscheidt, Ph. (2015) *Bilinguales Sprechen. Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz.* Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie (Dr. phil.). Berlin.
40. Petrović, T. (2008) *Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika.* Beograd: SANU.

Информация об авторе:
Борисов С.А. – младший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: borisovsergius@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
S.A. Borisov, junior research fellow, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: borisovsergius@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022;
одобрена после рецензирования 06.10.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 12.01.2022;
approved after reviewing 06.10.2022; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 811.161.1'28 / 81'27
doi: 10.17223/15617793/486/2

Экстралингвистические факторы функционирования имен политиков в диалектной коммуникации (корпусное исследование)

Светлана Сергеевна Земичева[1], Дарья Павловна Попова[2]

[1, 2] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] optysmith@gmail.com
[2] natashu-net@mail.ru

Аннотация. На основе контент-анализа материалов Томского диалектного корпуса и Корпуса бассейна реки Устья Архангельской области (всего более 3 000 000 словоупотреблений) описаны черты восприятия политических деятелей, обусловленные спецификой народно-речевой культуры: эгоцентризм, персонализм, патернализм. Сделан вывод, что влияние социально-политического фактора проявляется в изменении частотности имен, трансформации оценки власти в целом (при переходе от советского периода к постсоветскому) и отдельных политиков.

Ключевые слова: диалектология, корпусная лингвистика, диалектный корпус, политические антропонимы, контент-анализ

Источник финансирования: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «Разработка электронных ресурсов для исследования народно-речевой культуры Среднего Приобья» № 19-78-10015).

Для цитирования: Земичева С.С., Попова Д.П. Экстралингвистические факторы функционирования имен политиков в диалектной коммуникации (корпусное исследование) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 17–28. doi: 10.17223/15617793/486/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/2

Extralinguistic factors of the functioning of politicians' names in dialect communication (a corpus study)

Svetlana S. Zemicheva[1], Daria P. Popova[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] optysmith@gmail.com
[2] popovadarp@gmail.com

Abstract. The article is based on the text material from two dialect corpora of the Russian language: the Tomsk dialect corpus (about 2 million tokens) and the corpus of the Ustja River basin (Arkhangelsk Oblast; 1.2 million tokens). These resources are representative and allow implementing new research approaches. The authors use a content analysis technique that combines quantitative calculations and their interpretation. In total, more than 400 contexts with anthroponyms functioning in dialectal communication were analyzed. The authors use a content analysis method that combines quantitative calculations and their interpretation. A measure of relative frequency (instances per million) is used to compare data from different dialect corpora. The influence of the cultural factor (common for the two corpora) is manifested in the fact that the activities of politicians are characterized primarily in relation to the events of private life, which reflects egocentrism, a specific feature of dialect texts. In dialect texts, the idea of delegating powers from the head of the country to the local level of power, is not actualized, which was designated as "personalism". This is also related to paternalism, which manifests itself in the fact that, in order to solve private problems, rural residents turn directly to the leaders of the country, which is repeatedly mentioned in the texts of representatives of different generations. It is important to note that the described characteristics are presented not only in archival materials, but also in the records of recent years. The socio-political factor is manifested in the change in the sign of the evaluation recorded for Mikhail Gorbachev (from positive in the late 1980s to negative in the second half of the 1990s) and Vladimir Putin (from "disputed" in 2012–2013 to unequivocally positive in 2014–2017). In addition, the change in ideological attitudes is reflected in the fact that in the texts of the Soviet period presented in the Tomsk dialect corpus, the evaluation of political figures is restrained (criticism is possible only in relation to the "enemies" of the current government), while in the texts of the post-Soviet period, the evaluation can be more categorical. Evaluative contexts were analyzed in most detail. The authors found that, in the studied dialect corpora, Vladimir

© Земичева С.С., Попова Д.П., 2023

Lenin is always evaluated positively; Boris Yeltsin, Nikita Khrushchev, Mikhail Gorbachev are often evaluated negatively; Joseph Stalin and Vladimir Putin are evaluated ambivalently. Comparison with the data of the published psycholinguistic dictionary based on the associative reactions of young people shows that rural residents of the older generation are more inclined to assess positively the policies of Lenin, and also (partially) of Stalin.

Keywords: dialectology, corpus linguistics, dialect corpus, political anthroponyms, content analysis

Financial support: The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10015: Development of Electronic Resources for the Study of Folk Speech Culture of the Middle Ob.

***For citation*:** Zemicheva, S.S. & Popova, D.P. (2023) Extralinguistic factors of the functioning of politicians' names in dialect communication (a corpus study). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 17–28. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/2

Введение

Имена политических деятелей активно исследуются в современной лингвистике в разных аспектах. Так, Е.А. Нахимова рассматривает имена известных политиков, функционирующие в массовой коммуникации, в контексте явления прецедентности [1]. В «Психолингвистическом толковом словаре русского языка» предложено описание имен собственных на основе психолингвистического эксперимента с участием студентов [2]. При исследовании антропонимов используются и корпусные методики. Е.А. Нахимовой описывалось функционирование политических антропонимов в корпусе российской прессы [3]. О.В. Врублевской на основе материалов Национального корпуса русского языка проанализировано использование антропонимов *Ленин, Сталин, Хрущёв, Брежнев* и некоторых других в переносном значении [4]. На материале системы Google Books Ngram Viewer изучалась вариативность исторических и политических имен, сопоставлялась частотность употребления разных вариантов [5].

Материалы диалектных архивов, отражая взгляд на мир особой социальной группы (крестьян, носителей народно-речевой культуры), имеют определенный потенциал как источник изучения общественно-политических концептов. Подобные исследования предприняты в тех диалектологических центрах, где собран обширный текстовый материал, – Пскове, Красноярске, Томске, Саратове и др. Так, рассматривалось номинативное поле концепта «Государство» в дискурсе жителей Печорского района Псковской области [6]. В статьях Т.А. Демешкиной и Е.С. Смирнова определены способы репрезентации в речи сибиряков концептов «Ссылка» и «Ссыльные», а также выявлены экстралингвистические факторы, повлиявшие на их формирование [7, 8]. Ю.В. Каменская исследовала концепт «Советская власть» в диалектных текстах Саратовской области [9]. И.В. Тубаловой описано использование в дискурсивных практиках обыденного человека (в том числе диалектоносителя) речевых способов репрезентации концепта «Великая Отечественная война» [10]. Использование диалектных архивов как устного исторического источника обосновано А.Д. Нахимовским [11]. Представления крестьян о руководителях государства, реконструированные на основе интервью с сельскими жителями, описаны в книге историка Т.К. Щегловой [12].

Цель данного исследования – выявить взаимосвязь экстралингвистических параметров и функционирования имен политических деятелей в диалектных текстах. В качестве факторов, влияющих на использование антропонимов, рассматривались региональный, культурный, социально-политический.

Материалом для данной работы послужили тексты из двух диалектных корпусов русского языка – Томского диалектного корпуса объемом около 2 млн словоупотреблений (далее – ТДК) [13] и Корпуса бассейна реки Устья Архангельской области, насчитывающего 1,2 млн словоупотреблений (далее – КБРУ) [14, 15].

Всего анализируются записи речи 122 информантов (98 из ТДК, 24 из КРБУ). Все они являются сельскими жителями старшего возраста (от 55 лет), принадлежащими к нескольким поколениям (самые ранние записи сделаны от родившихся в 80-е гг. XIX в., самые поздние – от родившихся в середине 60-х гг. XX в.). Около 2/3 информантов – женщины, остальные – мужчины. По уровню образования информанты распределены следующим образом: неграмотные – 14%, начальное образование имеют 27%, неполное среднее – 11%, полное среднее – 2%, начальное профессиональное / среднее специальное (училище или техникум на базе 6–8-х классов) – 7%, в остальных случаях (39%) сведения отсутствуют.

Статья выполнена в рамках дискурсивного направления диалектологии, при котором текст рассматривается в совокупности с экстралингвистическими параметрами его функционирования [16, 17]. Применялась методика контент-анализа, используемая в разных гуманитарных науках и основанная на сочетании количественной обработки текста с его содержательной интерпретацией [18]. При контент-анализе рассматривается частотность отдельных слов и текстовых фрагментов, оценочные контексты, коммуникативная организация текстов и др. [18, 19].

Состав антропонимов, их частотность

В данной работе для анализа выбраны имена руководителей России и СССР с начала XX в. до настоящего времени. На начальном этапе работы был составлен список имен и подсчитана их частотность (табл. 1). Поиск производился по лемме (совокупности словоформ), для некоторых имен в ТДК дополнительно выбирался параметр поиска по теме «Исторические личности». Для имен совет-

ских руководителей была учтена вариативность наименования по имени и отчеству, поэтому также осуществлялся поиск по запросам «Ильич», «Виссарионович». Топонимы, эргонимы, фалеронимы и прочие, образованные от имен политиков, при подсчетах не учитывались. Так как материал двух корпусов собран в разное время, для ТДК выполнены отдельно подсчеты для советского периода (1947–1991 гг.), постсоветского периода (1992–2008 гг.) и за последние годы (2012–2019 гг., что практически совпадает с периодом сбора материалов в КБРУ). Всего для данной статьи было проанализировано более 400 контекстов с политическими антропонимами, функционирующими в диалектном дискурсе.

Таблица 1

Количество политических антропонимов в текстах разных периодов

Антропоним	Томский диалектный корпус			Корпус бассейна реки Устья
Период	1947–1991 гг.	1992–2008 гг.	2012–2019 гг.	2013–2017 гг.
Николай II	9	0	0	0
Ленин	84	2	4	17
Сталин	76	5	28	40
Хрущёв	13	0	2	9
Брежнев	11	0	1	15
Андропов	1	0	0	0
Черненко	2	0	0	0
Горбачёв	12	1	4	20
Ельцин	5	4	4	11
Путин	0	1	22	24
Медведев	0	0	4	2
Всего	213	13	69	138
Объем корпуса (количество словоупотреблений)	2 097 569	149 480	562 870	1 245 162

Данные табл. 1 свидетельствуют, что состав политических антропонимов в двух корпусах не совпадает. В частности, только в ТДК зафиксированы упоминания о Николае II, Ю.В. Андропове, К.У. Черненко: *Были ке'ренские, колчако'вские, николаевские деньги. А инда Николая-царя сбросили, пропали эти деньги* (ТДК, 1982, ж., 1897, неграм.)[1]; *Брежнев восемнадцать лет проработал. Потом Андропов. А что получилось, не знаем. А Черненко куда лез? Хуже меня говорил* (ТДК, 1988, м., 1916, нач.). Наличие в ТДК имен этих политических деятелей может объясняться продолжительностью сбора материала (с конца 40-х гг. до настоящего времени). При этом закономерно, что Николай II упоминается только в архивных записях советского периода, в новых материалах это имя исчезает.

Разный объем корпусов не позволяет достоверно сравнивать абсолютное количество употреблений антропонимов, поэтому на втором этапе работы была вычислена относительная мера частотности (ipm, instances per million). Для оценки распространенности выбранных лексем стандартом является формула «частоты на миллион» (количество словоупотреблений, деленное на объем корпуса и умноженное на миллион), по которой рассчитывают, «сколько раз эта единица встретилась бы в условном корпусе, равном миллиону словоупотреблений» [20. С. 86].

Таблица 2

Относительная частотность политических антропонимов (в ipm)

Антропоним	Томский диалектный корпус			Корпус бассейна реки Устья
	1947–1991 гг.	1992–2008 гг.	2012–2019 гг.	2013–2017 гг.
Николай II	4	0	0	0
Ленин	40	13	7	14
Сталин	36	33	50	32
Хрущёв	6	0	4	7
Брежнев	5,8	0	2	12
Андропов	0,5	0	0	0
Черненко	1	0	0	0
Горбачёв	6	7	7	16
Ельцин	2	27	7	9
Путин	0	7	39	19
Медведев	0	0	7	2
Всего	101,3	87	123	111

Подсчеты, приведенные в табл. 2, позволяют сделать следующие наблюдения. Во-первых, относительная частотность имени *Ленин* в ТДК снижается, что объясняется неактуальностью информации, связанной с этим историческим деятелем, постепенным его забвением. С другой стороны, относительная частотность имени *Сталин* нарастает в последние годы по сравнению с предшествующим периодом, что может объясняться влиянием средств массовой информации, активно использующих это имя.

Во-вторых, показатель относительной частотности дает возможность сравнить данные двух диалектных корпусов, записанные в 2010-е гг. К числу наиболее частотных в обоих корпусах относятся антропонимы *Сталин, Ленин, Путин*. Частотность первых двух объясняется их значимостью для истории государства, идеологической нагруженностью. Данные наблюдения соотносятся со сведениями Е.А. Нахимовой: в корпусе российских периодических изданий 2000–2007 гг. имена *Сталин* и *Ленин* также наиболее частотны [3]. Высокая частотность фамилии «Путин» обусловлена актуальностью соответствующей информации.

В-третьих, более высокая относительная частотность антропонимов *Горбачёв, Брежнев* и *Хрущёв* в КБРУ может объясняться влиянием собирателей, инициирующих разговор на соответствующие темы: *Interviewers: Да, меня интересует политика. <…> Interviewers: Ну, про Хрущёва, что вы помните? (2015); Interviewers: Вот в эти годы к власти было вообще отношение критическое или, скорее, одобряли? Как относились люди, любили власть или не любили? (2014).*

Культурный фактор

Опишем сначала общие особенности использования политических антропонимов, обусловленные спецификой народно-речевой культуры и характерные для обоих корпусов.

Представление о взаимосвязи разновидностей языка с типами культуры восходит к концепции Н.И. Толстого, согласно которой литературному языку и художественным текстам соответствует элитарная культура, диалекту и общенародному фольклору – традиционная культура, просторечию и народногородской литературе – «третья» культура, арго и социальному фольклору – профессиональная культура [21. С. 16]. Одной из важных особенностей народно-речевой культуры является ее устный характер: «Применительно к России XX в. невозможно говорить о бесписьменном обществе, но для крестьянской ТК [традиционной культуры] принципиально преобладание корпуса устных текстов, который, конечно же, выходит за границы фольклора» [22. С. 23]. Более конкретно специфика исследуемого объекта описана в диссертации В.Е. Гольдина, где вводится понятие народно-речевой культуры, описывается ее специфика на когнитивном и коммуникативном уровнях [16]. Носителями народно-речевой культуры в современных условиях являются сельские жители, не имеющие высшего образования и так или иначе связанные с сельскохозяйственной деятельностью.

Важная черта использования политических антропонимов в речи носителей народно-речевой культуры состоит в том, что они в первую очередь обращают внимание на связь политика с собственным жизненным опытом: *В сорок девятом* ***шили здесь товарищу Сталину шапку, шубу, кысы' или унты к семидесятилетию.*** *Сшили до Нового года с во'сени.* (ТДК, неизв., м., 1924, нач.). Нередко имя политика интегрируется в сообщения о фактах личной жизни: *Ну, я Байкал проехал, на восток и с востока, в Китай, там служил, три с половиной года, и я оттуда* ***дембилизо'вался. Как раз тот год Сталин умер,*** *в пиисят третьем году* (ТДК, 2018, м., 1928, нач.); *В пятьдесят восьмом году мы поженились так, двадцать первого января <…>* ***мы женились, Ленин умер*** (КБРУ, 2015, ж., 1935, неизв.). Эта особенность может быть обозначена как **эгоцентризм** и соотносится с замечанием В.Е. Гольдина: «В центре повествования диалектоносителей обычно стоит не просто человек, а сам рассказчик» [23].

Анализ функционирования прецедентных имен в диалектных текстах позволяет сделать вывод, что правитель нередко описывается как одиночка: *Сталин чем он ошибку сделал – война была, некого людей поставить. Он сам туда', суда'* (ТДК, 1979, ж., 1920, неграм.); *Горбачёв хотел только лишь хорошее сделать, но, мне кажется, в последнее время поддержки не стало, а один он не сделает* (ТДК, 1988, м., 1928, неполн. средн.); *Путин тоже неплохой человек. Но тоже, тоже молодежи мало внимания уделяет. Но один опять, во-первых, ничего он не сделает. Надо министров подтал -... А он все везде один лезет, все хочет <…> Все один свернуть, горы хочет свернуть!* (КБРУ, 2016, ж., 1952, неполн. средн.). Таким образом, не актуализируется представление о делегировании полномочий. Эту черту можно обозначить как **персонализм.** Аналогичные наблюдения сделаны Ю.В. Каменской, отметившей, что структура власти в диалектной картине мира упрощена, власть может быть представлена либо признаком «глава государства», либо «председатель колхоза» [9].

При этом в представлении сельских жителей политический лидер несет ответственность только за те события, в которых участвовал лично: *Вот ругали Сталина. Я сейчас говорю:* ***Сталин же за всем не углядит.*** *Это вот у нас щас в своей деревне и то у нас управы нет* (ТДК, 1972, ж., 1927, нач.); *Вот так дела... такие дела были... Много у нас мужиков забрали в тюрьму. [А кто же виноват-то?] Правительство тут! Правило. Это уж не мы, не знаем кто, тут-то виноват! Все правительство! [А Сталин?] Так это, Сталин – я и не знаю,* ***Сталин здесь... здесь не был.*** *Прикажут ведь чего... прикажет людям, да тамоки, начальство дак, начальство прикажет, и все! Власть такая была у нас дак, вишь!* (КБРУ, 2013, ж., 1925, нач.). Эти примеры подтверждают наблюдения историка Т.К. Щегловой: «…сельчане не выходят на уровень размышления о причинах поведения “начальников”, сводя все к личным мотивам, не связывают их поведение и позиции с политикой государства» [12. С. 412].

Руководитель страны сочетает в восприятии сельского жителя черты культовой личности и обычного человека. Последнее представлено на лексическом уровне через использование по отношению к политическим лидерам общих номинаций человека: *Ставили-то этого, чей он… еще-то был… ой, почто я его забыла.* ***Молодо-ой парень такой-то.*** *Но они не прошли голоса, бо'ле за Путина, а за его. Медведев,*

вот. Медведев: кое-как вспомнила! (ТДК, 2014, ж., 1917, неизв.). *Сейчас ведь нигде его не помянут, а ведь он завоевал власть-то советскую, Ленин. Основал-то все. В ссылки да под Кировом, везде* ***мужик-то*** *и за границей везде был* (КБРУ, 2015, м., 1930, неизв.). На текстовом уровне особенности народно-речевой культуры проявляются в эмоциональном восприятии фигуры политика, проявлении по отношению к нему сочувствия, благодарности: *А вообще-то жалко [Сталина]. Он ско'ко перенес. В войну ско'ко переживал, ссылку переживал. Сталин чем он ошибку сделал – война была, некого людей поставить. Он сам туда', суда'. Тут ешо он терпеливый, до самого последнего дня под Москвой бился,* ***жалко как человека****. В Мамзолее раньше лежал. Лежал бы – интереснее, оне' совместно работали. Совместна их работа была. А то жалко, что сожгли-то его* (ТДК, 1972, ж., 1906, неграм.); *И вот подумаю-подумаю, кода'-нибудь так подумаю, что ушел това'риш Ленин за народ и сам* ***бедный*** *погиб* (ТДК, 1978, ж., 1898, неграм.); *Я говрю, я бы щас ему [Путину] написала, в этом конвертике послала:* ***«Спасибо тебе, что нас, пенсионеров…»****. А все хоть нас не забывает. Он нам постоянно, пенсионерам, я не скажу, что мы обижены. А в то время, вот, никто нам никаких, это, <привилег> не было.* (ТДК, 2015, ж., 1928, неполн. средн.). Одной из основных ценностей народно-речевой культуры является семья, поэтому вызывает интерес личная жизнь политиков: *Медведев, Путин. Всегда они* ***с супругами*** *были, и тот и другой. А вот уже вот прошлый год и нынче тот* ***с супругой****, а его Людмилы не было уже. Один он, Путин, был. А у того Светлана, а у него Людмила была* ***жена****. Ну щас, ну потом слышу, так он с другой какой-то живет. Ну, видно, еще не показывает, не знаю, правда это или неправда [смеется]* (с. Парабель, 2012, ж., 1925, нач. проф.); *Вы знаете, я «Прямой эфир» смотрю, и уже Ленина и Сталина разбирали. Как Ленин жил, какая у него* ***семья****. И, это, Сталина потом давай, и у Сталина кака'* ***семья****. И у Сталина* ***дочка****, и у Ленина* ***дочка незаконная*** *была* (ТДК, 2015, ж., 1928, неполн. средн.).

С другой стороны, имеет место сакрализация власти, особенно ярко представленная в материалах советского периода: *В сороковым году в Москву ездила. На съезд ездила от доярок. <…> Смотрим мы на е'тот помо'с[т], подождали – открывается дверь, и входит Сталин. Вошел на помо'с[т] и нам, значит, поклонился. Заплакала я. Все захлопали, здороваются с ним. А он стоит в белым кителе, улыбается нам хорошо-хорошо и кланяется. Че тут было! Все стали с место'в и начали кричать: «Да здравствует наш Сталин!» Много раз кричали* (ТДК, 1970, ж., 1887, нач.). Данный текст пронизан идеологическим пафосом (упоминается *белый китель* как знак торжественной обстановки и характерная черта «вождя народов», цитируется приветственный лозунг, описываются эмоции и действия, выражающие состояние экзальтированной публики – *заплакала, захлопали, стали, кричали*).

Представление о власти в народно-речевой культуре тесно связано с понятием «царь», которое остается актуальным в течение длительного времени, о чем свидетельствуют языковые данные: *Товарищи Хрушшо'в.* ***На ца'рским месте*** *он весь мир спаса'т. Е'тот вишь мя'хкай человек, не будет войны* (ТДК, 1962, м., 1880, неизв.); *Тапе'рь Хрищёв* ***на престоле*** (ТДК, 1962, ж., 1905, неизв.). Любопытно и еще одно высказывание, представляющее собой трансформацию поговорки: *Худо живем мы здесь.* ***До Путина далёко, до Бога высоко*** (КБРУ, 2014, ж., 1958, неполн. средн.). Исходный вариант – «до небес высоко, до царя далеко» [24]. Такая замена нарицательного обозначения именем собственным может говорить о том, что в сознании современных жителей села фигура руководителя страны репрезентирует абсолютную власть.

Еще одно наблюдение о специфике восприятия власти в народно-речевой культуре сделано Т.К. Щегловой: «Устойчивой в устных источниках является эмпирическая закономерность противопоставления центральной (гарант справедливости) и местной власти» («супостаты») [12. С. 408]. Данные диалектных корпусов включают сравнение местной и центральной власти в пользу последней: *Советской власти нет на Белом Яру. Правильно Горбачёв чеча'с делает: выгнать всех надо тут руководителей. Они заелись, они зажали здесь рабочий класс. Одного секретаря выгнали и слава богу, от председателя надо еще. 50 процентов не голосовало, а прошел. Это ж разве справедливость? Его ж давно гнать надо, как подлеца* (ТДК, 1988, м., 1918, нач.); *Я нынче даже на Девятое мая не смогла пойти: грядки покопала – ноги отказали, а они даже не могли открытку прислать, совхоз, Девятое мая поздравить своих рабочих, но вот Путин прислал мне открытку* (ТДК, 2008, ж., 1930, неполн. средн.).

В связи с этим для решения каких-либо частных проблем сельские жители пытаются обратиться напрямую к руководителю страны, что неоднократно упоминается в текстах представителей разных поколений: *Сколько просила, и Горбачёву писала, чтоб дали благоустро'енну квартиру – ничё нигде, нигде ничё не дают* (ТДК, 1989, ж., 1909, нач.); *Мы еще письмо писали Брежневу, кормили плохо в училище там* (КБРУ, 2014, м., 1947, неизв.); *А щас, девочки, какая несправедливость. Меня этот вопрос замучил. Я два раза посылала, звонила, кода' Путин выступает по прямому эфиру с нами, россиянами <…> мы, дети войны, до сих пор <…> у нас пенсии маленькие. <…> Я так и вопрос задавал два раза Путину, не дошел мой вопрос до него* (ТДК, 2014, ж., 1935, неполн. средн.). Эту особенность крестьянского сознания можно охарактеризовать как **патернализм** (доверие государству, надежда на помощь и покровительство).

Функционирование антропонимов в оценочных контекстах. Социальный и региональный факторы

Упоминания политиков в диалектных текстах чаще всего нейтральны, но для реконструкции картины мира имеют важное значение оценочные контексты. При их выявлении авторы опирались как на конкретные оценочные лексемы (*хорошо, правильно, хороший, лучше/хуже, беспутный, страшный, тиран* и

др.), так и на общий смысл высказывания в соответствии с концепцией Е.М. Вольф, в работе которой отмечено, что «оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами, и является компонентом высказывания» [25. С. 32]. В качестве рабочего приема использовалось перефразирование: так, высказывание *Ленин дал нам жизнь*, не содержащее оценочных лексем, может быть заменено синонимичным *благодаря Ленину наша жизнь улучшилась*. Важна также соотнесенность высказывания с ситуацией и учет точки зрения говорящего. Так, во фразе *корова стала дешева* общий смысл связан с негативной оценкой, так как крестьяне выступают в роли продавца, и снижение государством закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию ухудшает условия их жизни. При выявлении прагматического смысла высказывания учитывался жанр текста (например, анекдот выражает негативную оценку героя, так как направлен на его осмеяние, а благопожелание предполагает позитивную оценку того, кому оно адресовано), речевые стратегии и тактики (тактика оправдания, защиты в ответ на обвинение относилась к позитивной оценке).

Была вычислена относительная частотность нейтральных и оценочных высказываний для трех временных периодов: советского (1947–1991 гг.), постсоветского (1992–2008 гг.), современного (2012–2019 гг.). Для этого количество высказываний каждой группы делилось на общий объем корпуса, затем умножалось на миллион (табл. 3–6).

В текстах советского периода, представленных только в ТДК, преобладает позитивная оценка руководителей государства (реализуется почти в 3 раза чаще по сравнению с негативной; табл. 3).

Таблица 3

Относительная частотность нейтральных и оценочных высказываний в контекстах ТДК 1947–1991 гг.

Имя	Оценка		
	Нейтральная	Положительная	Отрицательная
Ленин	34,7	4,8	0,5
Сталин	30	4,3	2
Хрущёв	3,3	1	1,9
Брежнев	4,8	0,5	0,5
Андропов	0,5	0	0
Черненко	0	0,5	0,5
Горбачёв	2,9	2,9	0
Ельцин	2,4	0	0
Всего	78,2	14	5,4

Подкорпус текстов 1992–2008 гг., самый небольшой и неоднородный из анализируемых, насчитывает почти 150 тыс. словоупотреблений (50 441 словоупотребление приходится на 90-е гг., а 99 039 – на материалы экспедиций 2008 г.; с 1999 по 2007 г. запись материала не производилась). Тем не менее эти данные позволяют выявить тенденцию перехода от положительной к отрицательной оценке таких политических деятелей, как Ельцин, Сталин, Горбачёв (табл. 4).

В современных материалах высказывания с позитивной оценкой отмечаются реже по сравнению с негативной. Позитивная оценка преобладает только для В.В. Путина. (табл. 5, 6).

Таблица 4

Относительная частотность нейтральных и оценочных высказываний в контекстах ТДК 1992–2008 гг.

Имя	Оценка		
	Нейтральная	Положительная	Отрицательная
Ленин	6,7	0	6,7
Сталин	6,7	13,4	13,4
Горбачёв	0	0	6,7
Ельцин	20,1	6,7	0
Путин	6,7	0	0
Всего	40,2	20,1	26,8

Таблица 5

Относительная частотность нейтральных и оценочных высказываний в контекстах 2012–2019 гг. (ТДК)

Имя	Оценка		
	Нейтральная	Положительная	Отрицательная
Ленин	7,1	0	0
Сталин	44,4	1,8	3,6
Хрущёв	0	0	3,6
Брежнев	1,8	0	0
Горбачёв	1,8	0	5,3
Ельцин	0	0	7,1
Путин	26,6	7,1	5,3
Медведев	7,1	0	0
Всего	88, 8	8,9	24, 9

Таблица 6

Относительная частотность нейтральных и оценочных высказываний 2013–2017 гг. (КБРУ)

Имя	Оценка		
	Нейтральная	Положительная	Отрицательная
Ленин	10,4	3,2	0
Сталин	22,4	4,8	4,8
Хрущёв	6,4	0	0,8
Брежнев	7,2	2,4	2,4
Горбачёв	8	0	8
Ельцин	2,4	0	6,4
Путин	9,6	5,6	4
Медведев	0,8	0	0,8
Всего	67,2	16	27,2

Сравнение данных из двух регионов не выявляет ярких отличий: доли нейтральных и отрицательно оценочных высказываний практически совпадают, доля высказываний с положительной оценкой оказывается выше в материалах, собранных в Архангельской области.

Полученные данные в целом совпадают также с информацией, представленной в «Психолингвистическом толковом словаре русского языка» [2]. Так, в Словаре зафиксировано преобладание негативных реакций на стимулы «Ельцин» (0,64 негативных против 0,01 позитивных) [2. Т. 1. С. 76], «Хрущёв» (0,07 против 0,002) [2. Т. 3. С. 85] и преобладание позитивных реакций на стимул «Путин» (0,34 против 0,10) [2. Т. 4. С. 71]. Однако в оценке ключевых представителей советской власти обнаруживаются несовпадения: в Словаре преобладают негативные реакции на стимулы «Ленин» (0,04 против 0,01 позитивных) [2. Т. 3. С. 23] и «Сталин» (0,10 против 0,03 позитивных) [2. Т. 3. С. 66], но в диалектных корпусах имеются преимущественно положительные высказывания о Ленине и примерно одинаковое количество положительных и отрицательных высказываний о Сталине. Вероятно, такое расхождение следует объяснять: а) социальной принадлежностью и б) возрастом респондентов. Сельские жители как представители поколения советских людей, в отличие от современных студентов (на основе реакций которых создавался Словарь), более склонны оценивать политику Ленина и Сталина позитивно.

Далее рассмотрим последовательно оценки (и их трансформации) для каждого политического деятеля.

Трансформация оценки
Социально-политический фактор

Под «социально-политическим фактором» понимается историческая ситуация и общественные настроения в определенный период.

Николай II. Тексты советского времени, представленные в ТДК, отражают резко негативную оценку последнего императора России (которого обычно называют «царем»): *Николай был царь, да беспутный был* (ТДК, 1958, м., неизв.); *Как говорили: царь Никола'шка сидит за столом, Гришка Распутин пошел за вином* (ТДК, 1962, ж., 1912, неизв.). Такая оценка обусловлена влиянием советской идеологии. В более поздних текстах данный исторический деятель не упоминается.

В.И. Ленин. Фигура В.И. Ленина практически всегда оценивается положительно в обоих диалектных корпусах. Его образ связан с представлениями о всеобщей грамотности, механизации сельскохозяйственного труда и ассоциируется с облегчением жизни крестьян в целом: *Раньше жись-то кака' была, тускла, Владимир Ильич нам дал, где бы мы сейчас копеечку взяли, сидели бы прежнему* (ТДК, 1974, ж., 1877, неграм.); *При Ленину я помню очень хорошо было. Все было. И машины посправля'ли. Какие и прясть бросили* (ТДК, 1968, ж., 1908, неграм.); *Ленина в мавзолее видела, велик человек был, много добра людя'м сделал, земля ему пухом. Поклонилась я ему в пояс – и все за мной поклонились* (ТДК, 1968, ж., 1887, нач.). При этом в ТДК положительная оценка отмечена только в записях советского периода, а данные КБРУ показывают сохранение этой тенденции и в современности: *Землю Ленин, Сталин дали нам. Учебу дали, нам жизнь дали...* (КБРУ, 2017, ж., 1952, ср. спец.). *Сейчас ведь нигде его не помянут, а ведь он завоевал власть-то советскую, Ленин. Основал-то все* (КБРУ, 2015, м., 1930, неизв.). Негативная оценка единична и относится не к общественной деятельности, а к внешнему виду политика: *У нас отец, как Ленин. На Ленина похож. Мы не таки' стра'шны.* (ТДК, 1997, ж., 1927, нач.).

И.В. Сталин. В текстах, записанных в советский период, фигура Сталина воспринимается неоднозначно, хотя позитивная оценка преобладает: *Сталин дал нам жисть* (ТДК, 1970, ж., нач.); *Крепкому надо руководителю быть. Сталин к себе не пускал и сам не лез* (ТДК, 1982, м., 1918, неизв.). Неодобрительные высказывания о деятельности Сталина появляются в записях речи сельских жителей уже в 60–70-е гг.: *В двадцать тре'тьим разделили землю, начали нарезать на душу, при Сталине стеснили* (ТДК, 1968, ж., 1900, неграм.). Такие оценки могут определяться как сменой официальной доктрины (выступление Н.С. Хрущёва с докладом «О культе личности и его последствиях»), так и личным опытом информантов. Отрицательная оценка подкрепляется образом правителя как чужака: *По-моему, это вредительство было' все. Сталин был грузин, помошник, первый секретарь,*

немец. Налогами давили. <…> *Щас-то наши, русские, дак ничего не требуют* (ТДК, 1979, м., 1902, неграм.).

Региональная специфика материалов ТДК проявляется в наличии воспоминаний о личном знакомстве с вождем в годы его сибирской ссылки. Такие тексты могут иметь бытовой характер: *Отес со Сталиным бабки бил в Нарыме* (ТДК, 1972, м., 1909, нач). В других случаях на их основе формируется своеобразный «сибирский миф» о Сталине [26. С. 13].

В современности негативная оценка И.В. Сталина связана с репрессиями и отражается в характеристике «тиран»: *Вот за че ссылали? Ни за че. Не одно'го его, сколько поссылали тогда людей оттуда… невинных. Это Сталин все творил, наверно, дела такие* (ТДК, 2014, ж., 1930, нач.). *[А Сталина любили тут? Или не очень?] Да... не знаю, как сказать. Вот, видишь, конечно, не <лишко> любили, вот как столько над людями издевались, да это все. Кто его полюбит такого? Тирана* (КБРУ, 2013, ж., 1928, нач.). Также неприязненное отношение к личности И.В. Сталина представлено в анекдоте, рассказанном потомком репрессированных: *Ну, Цыгана же спрашивали. «Кто у тебя мать? – Мать-сырая земля. – А отец у тебя кто? – Иосиф Виссарионович. – А какое у тебя самое большое желание? – Да чтоб отец помер» [смех]* (ТДК, 2016, м., 1939, нач.).

Положительная оценка И.В. Сталина в современных текстах связана с образом победителя: *Ну* ***за войну он прав, что победили****, а так…[Ну это же не он лично победил, это все победили] да, дак все равно я его... Вождь был, вождь, руководитель* (КБРУ, 2015, м., 1930, неизв.). *Думаю, и Сталина, и это, вот, кто-то сказал, Сталина отравили. Потом, кода' похороны-то были, разговор шел, или журнале я где-то вычитала. Что уже старый стал… А Сталин ведь Россию сохранил. Вот эго незя [нельзя],* ***это, ем [им] брезговать. Он же победил*** (ТДК, 2015, ж., 1928, неполн. средн.). Позитивно воспринимается также быстрое восстановление страны в послевоенные годы: *Ну, Сталин вон как установил быстро. Что восстановил тогда – мы все еще на том живем* (КБРУ, 2016, ж., 1952, ср. спец.). С именем Сталина связано представление о дисциплине, порядке: *Некак было лениться, пьянства не было. Надо все... попробуй прогул сделай, было, сейчас потянут на суд. Думаешь не строго было это при Сталине? А ведь правильно и делали* (КБРУ, 2015, ж., 1935, неизв.).

Т.К. Щеглова отмечает, что сохранению позитивной оценки Сталина в воспоминаниях крестьян способствовала их малограмотность, а также слабое развитие СМИ в деревнях [12. С. 408]. Вероятно, срабатывает и «фактор ностальгии», когда оценка лидеров ушедшей эпохи основывается на скрытом или явном сравнении с современностью. «При этом в прошлом находят то, что противостоит негативным проявлениям в настоящем. Например, современный «бардак» в законах вызывает ностальгию по регламентированности прошлой жизни, «беспредел» власти и денег в современности – по вымуштрованности и зависимости советско-партийной номенклатуры в прошлом (при Сталине), невнимание современной власти к деревне – акцентуацию внимания на крестьянстве и многочисленных программах развития деревни в советский период и т.д.» [12. С. 422–424]. Отметим, что образ Сталина в современном российском обществе в целом сочетает элементы мифологизации и демифологизации [27, 28].

Н.С. Хрущёв. Самое раннее упоминание в имеющихся материалах относится к 1959 г. и маркировано позитивной оценкой: *Вот тапе'рь маленько получше. Это Хрущёв что ли руководитель, вот при нем лучше стало. Налоги сняли, получше стало* (ТДК, 1959, м., неизв.). В более поздних текстах возникает негативная оценка, связанная с преобразованиями в сельскохозяйственной сфере: *Потом, когда Хрущёв-то издал приказ-то, чтоб коров-то сдали все, мы и сдали ее. Тогда она тридцать рублей стала, дешева, деньги-то сменились* (ТДК, 1991, ж., 1921, неполн. средн.).

В речи современных сельских жителей данный политический руководитель чаще критикуется, причем с разных позиций. Негативно оценивается приверженность советской идеологии, разрушение моральных норм, отсутствие порядка: *«С шестидесятого по восьмидесятый, за двадцать лет, построим такую базу», это вообще, я вот сейчас, когда взрослая стала, я думаю: «Это какой больной головой надо было это сказать!» Это совсем больной головой! Это был Хрущёв тогда, это, генеральный дире… секретарь* (ТДК, 2012, ж., 1948, неполн. средн.); *А это началося с Хрущёвского <...> А до этого-то не ши'бко пили, не ши'бко… Да и не на что было* (ТДК, 2016, ж., 1934, неизв.); *Порядка не было, бардак тот же, что говорят, при Сталине было не знаю, при Сталине... при Сталине я не работал, а при Брежневе, Хрущёве ага, сполна* (КБРУ, м., 1947, неизв.).

Л.И. Брежнев. Отрицательная характеристика лидера страны в тексте советского периода дается в жанре анекдота через сопоставление с настоящим героем войны; высмеивается желание присвоить себе мнимые заслуги: *Жуков четырежды герой Советского Союза. Это человек! И Брежнев четырежды. Вот к Брежневу прилетела пчела и вьется возле его. «Вот че прилетела? Ты лети вон к Жукову, понюхай, че там». Она взяла и улетела. Вот обратно прилетела: «Ну че?» – «У тебя ордена чем-то кислым пахнут, а у Жукова – порохом»* (ТДК, 1988, м., 1916, нач.). Отрицательная оценка в современном тексте связана с понятием дефицита: *Ничего нету, это раньше, при Брежневе, это ничего нету, нечего купить. Даже колбаски – них**ски нет, ничего нету* (КБРУ, 2017, м., 1954, неизв.).

В то же время в речи сельских жителей как советского, так и постсоветского периодов представлена позитивная оценка, связанная с восприятием брежневского времени как стабильного и мирного: *А ведь тапе'рь уже, слава богу, тридцать три года живем, нет этой войны, да это как бог знает как она будет, это как люди будут держатся. Все-таки большое спасибо Брежнему нашему, Брежнему, че для людей стара'тся старичок, везде ездит, я все слушаю, думаю, чтоб войны не было, чтоб люди жили, как он ее сам повидал да посмотрел, какая она страшная, и*

сколько там осталось, молодых людей, кото'ры жизни не видели (ТДК, 1978, ж., 1901, неграм.). *Вот Брежнев долго ро'бил. Семнадцать годов. За мир бился, и все дешево было, продуктов много. Ни войны, ничего не было* (КБРУ, 2014, м., 1930, неизв.). Сходные наблюдения сделаны Т.К. Щегловой: «В воспоминаниях [крестьян] правление Брежнева представляется как динамичный процесс развития деревни, сопровождавшийся непрерывным улучшением материальных и социокультурных условий жизни. В большинстве устных свидетельств, одобряющих Брежнева и его политику, информанты с ностальгией вспоминают о времени его правления» [12. С. 430].

К.У. Черненко. Представлен единичный контекст, содержащий позитивную оценку: *Черненко мне выступление шибко понравилось о повышении роли советов* (ТДК, 1985, ж., 1919, неполн. ср.). Негативная оценка связана с характеристикой физического состояния политического лидера: *А Черненко куда лез? Хуже меня говорил* (ТДК, 1988, м., 1916, нач.).

М.С. Горбачёв. Материалы ТДК показывают, что полюс оценки данного политического деятеля изменился в течение короткого времени. Тексты 80-х гг. свидетельствуют о положительном отношении к руководителю страны: *Щас жизнь при Горбачёве покре'пше пошла, взял он их в руки, а то совсем распустились* (ТДК, 1986, ж., 1914, неграм.); *Горбачёва политика хорошая* (ТДК, 1988, м., 1924, нач.). В текстах 90-х гг. появляется неодобрение, выраженное в виде упрека тем, кто поддерживал политику лидера: *Как начал Горбачёв разваливать, надо было его сразу менять. А не' фиг ему в ладошки было хлопать* (ТДК, 1995, м., 1930, неполн. средн.). Отрицательное отношение к М.С. Горбачёву связано с распадом СССР, экономическим неблагополучием граждан: *Дак я ж говорю, говорю, этого Горбачёва надо было его к стенке поставить. Они с Ельциным все это разорили* (КБРУ, 2016, ж., 1928, нач.). В некоторых случаях негативная оценка приобретает категоричный характер, превращаясь в обвинения с использованием обсценной лексики: *Горбачёв паршивец все развалил и сам за границу!* (КБРУ, 2017, м., 1935, неизв.); *Так, б**дь, пошел бы он на х** этот Ельцин! Это, наверное, так и думаю, наверное, половина американских денег за то, что Советский Союз развалил. Вместе с Горбачёвым, б**дь. Предатели родины, че их!* (ТДК, 2017, м., 1953, средн.).

Б.Н. Ельцин. В 90-е гг. зафиксирован единичный контекст, который имеет интенцию оправдания политика и может быть отнесен к положительной оценке: *Это вот у нас щас в своей деревне и то у нас управы нет. Где Ельцин вот углядит щас у нас* (ТДК, 1997, ж., 1927, нач.). Отметим здесь непропорциональность имеющихся материалов: число записей, сделанных в 90-е гг., невелико, поэтому практически не представлена оценка данного политического деятеля его современниками. В большинстве новых материалов (2012–2019 гг.) деятельность первого президента РФ оценивается сельскими жителями отрицательно, Б.Н. Ельцин часто упоминается в паре с М.С. Горбачёвым: *Дак я ж говорю, говорю, этого Горбачёва надо было его к стенке поставить. Они с Ельциным все это разорили* (КБРУ, 2016, ж., 1928, нач.); *Вот государство какое было! Потом Ельцин пришел, все уничтожил, хоть теперь забот нету, да? Ни доярок, ничего не надо [усмехается]* (ТДК, 2017, м., 1953, средн.).

В.В. Путин. Тексты 2012–2013 гг. включают черты полемичности: *Вот не'которы: «Вот, я его ненавижу, да вот он такой». А я довольна Путиным. Он говорит в открытую все, он не скрыва'т ниче, он говорит: «Смогу – помогу», не сможет – не поможет. Пенсию добавля'т. Конечно, мало, что еще работы нету людям* (ТДК, 2013, ж., 1939, неполн. средн.); *Не совсем народу нравится, ну все равно Путина выбрали опять. Пусть работает. Это шесь лет щас будет сидеть…. Ц! Ну последний срок, ну последний срок он еще три года должен, сколько еще. Все говорят, сколько наворует еще, на Путина он, говорят, тоже наворовал себе, мало ли че, откуда мы знаем?* (ТДК, 2012, ж., 1925, нач. проф.). Такие тексты могут рассматриваться как «полифонические» [29]. Источник негативной оценки при этом не указан, дан обобщенно (*не'которы, говорят*), информанты используют тактику оправдания. Если критикуются условия жизни, с именем правителя связывается надежда на их изменение: *А сейчас что? Молодежь кончили, куда им, бедняжкам, идти? Где работать? Вот за это как-то… почему Путин это не сделает, не разгребется* (ТДК, 2012, ж., 1925, средн.).

В более поздних текстах в обоих корпусах преобладают позитивные коннотации: *Они [министры] сидят жр -... Только зря хлеб едят, и жопы отсиживают да рожу набивают. А он [Путин] в поте лица. Нет, его и не ругай, мне кажется, правильный мужик* (КБРУ, 2014, ж., 1952, ср. спец.); *Много задержка была [зарплаты], после Путин взялся – по месяцу не давали, просрачивали. Путин это наладил все дело, Пенсионный фонд сделал, все он правильно сделал* (КБРУ, 2016, м., 1930, неизв.); *Путину спасибо, «Росси'сскую» газету мне дает, хоть дети читают* (ТДК, 2017, ж., 1919, неполн. средн.); *Вот Путин пришел, хоть щас порядок* будет (ТДК, 2017, м., 1953, средн.). Упоминание в отрицательно окрашенных контекстах связано с несправедливостью, которую допускает глава государства, при этом акцент переносится на местные проблемы: *И это разве порядок будет? Не будет. Те же вот... Тот же Путин. Все сдал под частный сектор, все, каждый <взял>. Мыслимо ли это, что какой-то директоршко завода, это, заводишка скупит в Архангельске два квартала? За что он купил, он что заро'бил? Мыслимо ли это? Да это ни в какие рамки не входит же!* (КБРУ, 2017, м., 1935, неизв.).

Интересно, что в оценке современного политического деятеля сохраняются некоторые черты, свойственные традиционному сознанию (персонализм – «хороший царь, плохие бояре» (министры), эгоцентризм – *а я довольна, газету мне дает*; патернализм – звонки на «прямую линию»).

Заключение

Таким образом, влияние культурного фактора (общего для двух корпусов) проявляется в том, что деятельность политиков характеризуется прежде все-

го взаимосвязью с событиями частной жизни, сквозь призму личного опыта, что отражает такую специфическую особенность диалектных текстов, как эгоцентризм. Подтверждаются наблюдения Т.К. Щегловой, Ю.В. Каменской о том, что в картине мира носителей народно-речевой культуры структура власти упрощена. В диалектных текстах не актуализировано представление о делегировании полномочий от руководителя страны на местный уровень власти, что было обозначено как «персонализм». В отличие от материалов Ю.В. Каменской, не выявлено влияния религиозного фактора.

В исследуемых диалектных корпусах оценка В.И. Ленина всегда позитивна, а оценка Б.Н. Ельцина, Н.С. Хрущёва, М.С. Горбачёва чаще негативна. В области негативной оценки эти результаты совпадают с данными «Психолингвистического толкового словаря русского языка» [2], что позволяет говорить о наличии общероссийского коннотативного фона у этих имен. Отличие состоит в том, что сельские жители старшего поколения, не имеющие высшего образования, более склонны позитивно оценивать политику Ленина, а также (частично) Сталина.

Социально-политический фактор проявляется в изменении знака оценки, зафиксированном для М.С. Горбачёва (от положительной в конце 80-х гг. к отрицательной со второй половины 90-х гг.) и В.В. Путина (от «спорной» в 2012–2013 гг. к однозначно положительной в 2014–2017 гг.). Кроме того, смена идеологических установок отражается в том, что в текстах советского периода, представленных в ТДК, оценка политических деятелей имеет сдержанный характер (критика возможна только по отношению к «врагам» действующей власти), в текстах постсоветского периода оценка власти может быть более категоричной.

Влияние регионального фактора проявляется слабо. В целом функционирование антропонимов в двух корпусах имеет больше совпадающих, чем отличительных характеристик. Проведенный анализ демонстрирует, что материалы диалектных корпусов могут рассматриваться как ценный источник информации о крестьянской ментальности, в том числе о политических взглядах крестьян. В перспективе возможно расширить круг исследуемых имен (политики «второго ряда», представители местной власти), с лингвистической точки зрения представляет интерес изучение политических антропонимов в аспекте категории прецедентности.

Примечание

[1] При цитировании контекстов в скобках дается следующая информация: источник, год записи; пол, год рождения, уровень образования информанта.

Список источников

1. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2007.
2. Рудакова А.В., Коваленко С.В., Стернин И.А. Психолингвистический толковый словарь русского языка. Воронеж : Ритм, 2018–2020. Вып. 1–4. Антропонимы.
3. Нахимова Е.А. Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 48–56.
4. Врублевская О.В. Коннотативные антропонимы политического дискурса: динамический аспект (на материале имен советских политических лидеров) // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф., Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г. / сост. и ред. В.Л. Васильев. Великий Новгород : Печатный двор, 2019. С. 286–290.
5. Масевич А.Ц., Захаров В.П. Вариативность представления имен политических деятелей при диахронических исследованиях на основе корпусов текстов // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2018. № 2. С. 56–74.
6. Грицкевич Ю.Н. Номинативное поле концепта «Государство» в диалектном дискурсе // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2011. № 15. С. 73–76.
7. Смирнов Е.С. Концепт «ссыльные» в ангарской лингвокультуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 217–222.
8. Демешкина Т.А. «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46.
9. Каменская Ю.В. Концепт «Советская власть» в диалектной картине мира // Институты власти в языке, литературе и журналистике России : сб. науч. ст. Саратов : Издательский центр «Наука», 2009. С. 39–44.
10. Тубалова И.В. Концепт «Великая Отечественная война» в личностно-ориентированных дискурсивных практиках обыденного человека // Русин. 2015. № 2 (40). С. 241–257.
11. Нахимовский А.Д. Устная история снизу. Материалы к устной истории русских крестьян в XX веке // Крестьяноведение. 2021. Т. 6, № 1. С. 91–125.
12. Щеглова Т.К. Взаимоотношения власти и крестьянского общества: местная администрация и руководители государства глазами рядовых сельчан // Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул : БГПУ, 2008. С. 407–432.
13. Томский диалектный корпус 2.0 // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. URL: http://losl.tsu.ru/?q=losl_search (дата обращения: 10.10.2021).
14. Говор бассейна Устьи. Корпус севернорусской диалектной речи / М.А. Даниэль, Н.Р. Добрушина, Р. Вальденфельс. 2013–2018. Берн ; Москва. URL: www.parasolcorpus.org/Pushkino (дата обращения: 10.10.2021).
15. Waldenfels R., Daniel M., Dobrushina N. Why Standard Orthography? Building the Ustya River Basin Corpus, an online corpus of a Russian dialect // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue”. Moscow, 2014. Is. 13. P. 270–278.
16. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. … д-ра филол. наук в виде науч. докл. Саратов, 1997. 52 с.
17. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.
18. Можаева Г.В., Мишанкина Н.А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 52–60.

19. Зубанова Л.Б. Контент-аналитические методы исследований СМИ: обзор подходов // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2011. № 1 (7). С. 69–72.
20. Копотев М.В. Введение в корпусную лингвистику. Прага : Animedia Company, 2014. 195 с.
21. Толстой Н.И. Язык – словесность – культура – самосознание // Избранные труды. Т. II: Славянская литературно-языковая ситуация. М. : Языки славянской культуры, 1998. С. 10–21.
22. Калиткина Г.В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. 250 с.
23. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 3–7.
24. Даль В.И. Пословицы русского народа. М. : АСТ, 2008. 750 с.
25. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / отв. ред. Г.В. Степанов. М. : Наука, 1985. 228 с.
26. Земичева С.С. Тематическая разметка томского диалектного корпуса: черты региональности // Русская речевая культура и текст : материалы XI Междунар. науч. конф. / под общ. ред. Н.С. Болотновой. Томск : Том. центр науч.-техн. информации, 2020. С. 6–14.
27. Орлов С., Чернышков Д. Мифологема «Сталин». Образ вождя как системообразующий фактор российского общественного сознания // Свободная мысль. XXI. 2011. № 12. С. 95–102.
28. Линченко А.А., Иванов А.Г. Что нам делать с мифами о Сталине? // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 91–99. doi: 10.17223/15617793/425/12
29. Тубалова И.В. Инодискурсивные речевые формы в личностно-ориентированном диалектном тексте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6 (44). С. 68–82.

References

1. Nakhimova, E.A. (2007) *Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii* [Precedent names in mass communication]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
2. Rudakova, A.V., Kovalenko, S.V. & Sternin, I.A. (2018–2020) *Psikholingvisticheskiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Psycholinguistic explanatory dictionary of the Russian language]. Vols 1–4. Voronezh: Izd-vo Ritm.
3. Nakhimova, E.A. (2013) Ispol'zovanie korpusnoy metodologii pri sopostavitel'nom izuchenii pretsedentnykh imen [The use of corpus methodology in the comparative study of precedent names]. *Politicheskaya lingvistika*. 3 (45). pp. 48–56.
4. Vrublevskaya, O.V. (2019) [Connotative anthroponyms of political discourse: A dynamic aspect (based on the names of Soviet political leaders)]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga region]. Proceedings of the XVII International Conference. Veliky Novgorod. 17–20 September 2019. Velikiy Novgorod: Pechatnyy dvor. pp. 286–290. (In Russian).
5. Masevich, A.Ts. & Zakharov, V.P. (2018) Variativnost' predstavleniya imen politicheskikh deyateley pri diakhronicheskikh issledovaniyakh na osnove korpusov tekstov [Computational Linguistics and Computational Ontologies]. *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii.* 2. pp. 56–74.
6. Gritskevich, Yu.N. (2011) Nominativnoe pole kontsepta "Gosudarstvo" v dialektnom diskurse [Nominative field of the concept "State" in the dialect discourse]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki.* 15. pp. 73–76.
7. Smirnov, E.S. (2018) Kontsept "ssyl'nye" v angarskoy lingvokul'ture [The concept "exiles" in the Angarsk linguistic culture]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3. pp. 217–222.
8. Demeshkina, T.A. (2018) "Exile" as a Phenomenon of the Siberian Linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 56. pp. 34–46. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/56/3
9. Kamenskaya, Yu.V. (2009) Kontsept "Sovetskaya vlast'" v dialektnoy kartine mira [The concept "Soviet power" in the dialect picture of the world]. In: *Instituty vlasti v yazyke, literature i zhurnalistike Rossii: sbornik nauchnykh statey* [Institutes of power in the language, literature and journalism of Russia: Articles]. Saratov: Izdatel'skiy tsentr "Nauka". pp. 39–44.
10. Tubalova, I.V. (2015) The Concept "Great Patriotic War" in the Personcentered Discursive Practices of the Ordinary Person. *Rusin*. 2 (40). pp. 241–257. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/40/15
11. Nakhimovskiy, A.D. (2021) Ustnaya istoriya snizu. Materialy k ustnoy istorii russkikh krest'yan v XX veke [Oral history from below. Materials for the oral history of Russian peasants in the twentieth century]. *Krest'yanovedenie*. 6 (1). pp. 91–125.
12. Shcheglova, T.K. (2008) Vzaimootnosheniya vlasti i krest'yanskogo obshchestva: mestnaya administratsiya i rukovoditeli gosudarstva glazami ryadovykh sel'chan [The Relationship between Power and Peasant Society: Local Administration and State Leaders through the Eyes of Ordinary Villagers]. In: *Derevnya i krest'yanstvo Altayskogo kraya v XX veke. Ustnaya istoriya* [Village and peasantry of the Altai Territory in the 20th century. Oral history]. Barnaul: BSPU. pp. 407–432.
13. Laboratory of General and Siberian Lexicography of the National Research Tomsk State University. (2021) *Tomskiy dialektnyy korpus 2.0* [Tomsk Dialect Corpus 2.0]. [Online] Available from: http://losl.tsu.ru/?q=losl_search (Accessed: 10.10.2021).
14. Daniel', M.A., Dobrushina, N.R. & Val'denfel's, R. (2013–2018) *Govor basseyna Ust'i. Korpus severnorusskoy dialektnoy rechi* [Dialect of the Ustya basin. Corpus of North Russian dialect speech]. Bern; Moscow. [Online] Available from: www.parasolcorpus.org/Pushkino (Accessed: 10.10.2021).
15. Waldenfels, R., Daniel, M. & Dobrushina, N. (2014) Why Standard Orthography? Building the Ustya River Basin Corpus, an online corpus of a Russian dialect. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies:* Papers from the Annual International Conference "Dialogue". Is. 13. Moscow: RSUH. pp. 270–278.
16. Gol'din, V.E. (1997) *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii* [Theoretical problems of communicative dialectology]. Philology Dr. Diss. Saratov.
17. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect Discourse as a Sphere of National Culture Representation: Constants and Transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 36–54. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/50/3
18. Mozhaeva, G.V. & Mishankina, N.A. (2007) Kontent-analiz istoriograficheskogo istochnika (k voprosu o mezhdistsiplinarnosti lingvisticheskikh metodov) [Content analysis of a historiographic source (on interdisciplinarity of linguistic methods)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 52–60.
19. Zubanova, L.B. (2011) Kontent-analiticheskie metody issledovaniy SMI: obzor podkhodov [Content-analytical methods of media research: a review of approaches]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya.* 1 (7). pp. 69–72.
20. Kopotev, M.V. (2014) *Vvedenie v korpusnuyu lingvistiku* [Introduction to corpus linguistics]. Praga: Animedia Company.
21. Tolstoy, N.I. (1998) Yazyk – slovesnost' – kul'tura – samosoznanie [Language – Literature – Culture – Self-Consciousness]. In: *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. II. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 10–21.
22. Kalitkina, G.V. (2010) *Ob"ektivatsiya traditsionnoy temporal'nosti v dialektnom yazyke* [Objectification of traditional temporality in the dialect language]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Gol'din, V.E. (2009) Povestvovanie v dialektnom diskurse [Narration in dialect discourse]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 1. pp. 3–7.

24. Dahl, V.I. (2008) *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow: AST.
25. Vol'f, E.M. (1985) *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Nauka.
26. Zemicheva, S.S. (2020) [Thematic mark-up of the Tomsk dialect corpus: features of regionality]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst* [Russian speech culture and text]. Proceedings of the XI International Conference. Tomsk: Tomskiy tsentr nauchno-tekhnicheskoy informatsii. pp. 6–14.
27. Orlov, S. & Chernyshkov, D. (2011) Mifologema "Stalin". Obraz vozhdya kak sistemoobrazuyushchiy faktor rossiyskogo obshchestvennogo soznaniya [Mythologem "Stalin". The image of the leader as a system-forming factor of the Russian public consciousness]. *Svobodnaya mysl'*. XXI (12). pp. 95–102.
28. Linchenko, A.A. & Ivanov, A.G. (2017) What should we do with the myths about Stalin? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 425. pp. 91–99. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/425/12
29. Tubalova, I.V. (2016) Speech Forms of Other Discourses in the Personality-Oriented Dialect Text. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (44). pp. 68–82. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/44/5

Информация об авторах:
Земичева С.С. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: optysmith@gmail.com
Попова Д.П. – младший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: natashu-net@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
S.S. Zemicheva, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: optysmith@gmail.com
D.P. Popova, junior research fellow, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natashu-net@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.10.2021;
одобрена после рецензирования 06.10.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 23.10.2021;
approved after reviewing 06.10.2022; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/486/3

Частная, придворная и светская жизнь в переписке В.А. Жуковского и А.Я. Булгакова 1828–1852 гг.

Виталий Сергеевич Киселев [1]

[1, 2] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*
kv-uliss@mail.ru

Аннотация. На материале подготовленной к изданию переписки В.А. Жуковского и А.Я. Булгакова реконструируется история их биографических контактов. Определяется характер дружеского общения двух корреспондентов и предлагается периодизация переписки: в 1828–1841 гг. она имеет преимущественно деловой характер и наполнена различными просьбами и поручениями В.А. Жуковского, в 1842–1852 гг. переписка становится энциклопедической и подлинно диалогичной. Дается обзор основной проблематики переписки, связанной с обстоятельствами частной жизни поэта и московского почт-директора и с установкой последнего на сообщение широкого круга придворных и светских новостей.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, А.Я. Булгаков, переписка, биография, придворная жизнь, светские новости

Источник финансирования: Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX в.: текстология, комментарий, публикация»).

Для цитирования: Киселев В.С. Частная, придворная и светская жизнь в переписке В.А. Жуковского и А.Я. Булгакова 1828–1852 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 29–39. doi: 10.17223/15617793/486/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/3

Private, court and high life in the correspondence between Vasily Zhukovsky and Alexander Bulgakov, 1828–1852

Vitaly S. Kiselev[1]

[1] *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kv-uliss@mail.ru*

Abstract. The 25-year-long correspondence between Alexander Bulgakov and Vasily Zhukovsky, which includes 261 surviving documents (167 letters remain unpublished), is closely inscribed both in the history of their personal relationship and in the epochal events of their time, in the development of Russian and European literature, in the context of social thought and ideological searches. The specificity of friendly relations was largely determined by the personality of Bulgakov, who also set the main tone in the correspondence, responding with large and detailed messages to mostly short notes by Zhukovsky, which contained many requests, messages about domestic life, a lot of humor, but almost nothing about his own creative life and little reflection on the most personally significant issues. For Zhukovsky, the addressee was first of all a very responsible business person and at the same time the center of a wide secular communication. Bulgakov was obviously not embarrassed by a certain “closedness” of the interlocutor, and, as a true diplomat, he did not seek an intimate friendship. Two stages can be clearly distinguished in the correspondence: (1) 1828 – the beginning of 1841, when it was of an exclusively business nature and was filled with various requests and instructions from Zhukovsky, and (2) the end of 1841 – the beginning of 1852, the period of Zhukovsky's life abroad, when Bulgakov became one of the most reliable providers of news from the homeland and the most reliable channel of communication with relatives and friends for the poet. The article overviews the main problems of correspondence related to the circumstances of the private lives of Zhukovsky and Bulgakov and to Bulgakov's intention to communicate a wide range of court and high society news. The rich correspondence between Bulgakov and Zhukovsky in the 1840s is a true chronicle of the private, court and high life of Russia filtered through the prism of individual interests yet preserving its novelty and informativeness.

Keywords: Vasily Zhukovsky, Alexander Bulgakov, correspondence, biography, court life, news of high society

© Киселев В.С., 2023

Financial support: The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF), Grant No.19-18-00083: Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication.

***For citation*:** Kiselev, V.S. (2023) Private, court and high life in the correspondence between Vasily Zhukovsky and Alexander Bulgakov, 1828–1852. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 29–39. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/3

В истории русской культуры переписка В.А. Жуковского – явление уникальное. В ней – отзывы из Германии, Швейцарии, Франции, Италии, Англии, зарисовки европейской природы, достопримечательностей, бытовой жизни и рефлексы общения с виднейшими представителями культуры, политики, науки, картина общественной и интеллектуальной жизни александровского и николаевского царствования, разнообразие взглядов и идеологий, широкая панорама империи от Лифляндии, Малороссии и Крыма до Тобольска и мест сибирской ссылки, жизнь царского двора и перипетии дворцовых отношений, история общения с большинством русских литераторов первой половины XIX в. от самых известных (Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, П.А. Вяземский) до ныне почти забытых, личные драмы и общественные катастрофы, как российские, так и европейские, наконец, судьбы дружбы, прошедшей все испытания или оборвавшейся по каким-то причинам…

В этой переписке, включающей более 3000 писем Жуковского к около 450 адресатам и более 4000 писем к Жуковскому около 600 корреспондентов, эпистолярное общение с А.Я. Булгаковым занимает особое место. Из их переписки сохранилось 261 письмо (140 писем Жуковского и 121 письмо Булгакова), из которых две трети (167) еще не известны в печати. Опыт подготовки к изданию других больших блоков переписки поэта (с А.П. Елагиной [1], П.А. Вяземским [2], А.А. Воейковой [3], Ф. фон Мюллером [4]) свидетельствует, что писем Жуковского обычно сохранялось меньше, чем писем его корреспондентов. В случае эпистолярного диалога с Булгаковым было наоборот, и это далеко не случайно. Московский почт-директор вообще очень трепетно относился к письмам друзей и тщательно их сохранял, а послания живого классика русской литературы, «звезды первой величины», как его назвал Ф.В. Булгарин, берег особо, отчетливо сознавая их важность для потомства: «Такую жемчужину, как Жуковский, нескоро отыщешь, а как дома хорошего не найти в Москве! Кажется, отвечал на все статьи письма твоего, которое только завтра Тургеневу покажу, дам прочесть, но из рук не выпущу, оно слишком интересно, я же сохраняю письмы твои как сокровища[1]» [5. Л. 60] (письмо от 15/27 октября 1845 г.); «…письмы твои храню я как сокровища, хотя ты того и не стоишь, ибо пишешь редко и мало» [5. Л. 184] (письмо от 25 марта / 7 апреля 1850 г.). Тем же, впрочем, отвечал и Жуковский: «И у меня письма твои все до одного сохраняются; но по смерти моей ты их не получишь: они и домашним моим пригодятся» [6. Л. 35] (письмо от 12/24 декабря 1849 г.). В результате сохранившаяся взаимная переписка входит в четверку самых объемных в наследии Жуковского наряду с перепиской с А.И. Тургеневым, П.А. Вяземским и А.П. Елагиной.

Насыщенность и регулярность эпистолярного общения в сильнейшей степени были обусловлены личными качествами Булгакова, умевшего и любившего писать друзьям. «Ты рожден гусем, то есть все твое существо утыкано гусиными перьями, из которых каждое готово без устали писать с утра до вечера очень любезные письма» [7. Л. 29–29 об.], – так иронически отзывался о нем Жуковский в письме от 23 июня / 5 июля 1846 г. К сожалению, огромное эпистолярное наследие Булгакова, даже по самым приблизительным подсчетам включающее многие тысячи писем к сотням различных адресатов, и по сей день опубликовано в очень небольшом объеме. Переписка с Жуковским в этом контексте занимала количественно достаточно скромное место, чего нельзя сказать о ее значимости, недаром Булгаков едва ли не первым решился предать ее печати. В предисловии к публикации первого письма из этой серии в 1858 г. он писал: «Я был в постоянной переписке с Жуковским со дня отъезда его в чужие краи (1836) по день его кончины, последовавшей в Бадене в 1852 году. Таким образом накопилось у меня до ста писем от него. Жуковский принадлежит к немногочисленному разряду людей, могущих *думать вслух*, потому что у них всегда правда на душе и что не бывает у них никогда мысли, которой могли бы они иметь причину устыдиться. Вот почему я, не колеблясь, решаюсь передать тиснению все его письма ко мне» [8. Стб. 549].

Подобная забота о публикации привела к тому, что письма Жуковского к Булгакову оказались известны широкой публике достаточно рано. В «Библиографические записки», подготовленные московским почт-директором, письма не попали, хотя такой план был: «Живя теперь (хотя и кратковременно) в деревне и имея довольно свободного времени, я занимаюсь приведением в хронологический порядок корреспонденции Жуковского, что довольно трудно, ибо он очень нерадиво выставлял на своих письмах числа, местопребывание свое редко, а год почти никогда. На первый раз посылаю издателям “Библиографических записок” одно из этих писем, а по приведении прочих в возможный порядок, не премину поделиться с публикою и всею корреспонденциею» [8. Стб. 549]. Результатом подготовительной работы, с одной стороны, стали хорошо систематизированные подборки автографов писем, которые впоследствии оказались в Императорской публичной библиотеке (ныне отдел рукописей РНБ) – правда, часть в основном недатированных записок Булгаков оставил у себя (ныне они хранятся в НИОР РГБ в фонде Булгаковых); с другой стороны, остались копии, изготовлен-

ные досужим деревенским обитателем собственноручно, они предназначались для издания и были переданы после его смерти сыном П.А. Булгаковым в редакцию «Русского архива» (вместе с несколькими автографами), где и осели среди других бумаг (ныне ОПИ ГИМ, фонд «Русского архива»). По этим копиям была напечатана первая большая подборка – 29 писем 1843–1850 гг. [9. Стб. 1445–1483]. Публикаторскую деятельность продолжил П.А. Ефремов, поместив в седьмом собрании сочинений Жуковского в полном тексте или в сокращениях и выдержках 48 писем 1837–1851 гг. (из них 18 еще не известных), в том числе восполнив некоторые купюры в публикации «Русского архива» [10. Т. 6. С. 551–590]. Впоследствии еще одну записку к Булгакову напечатал П.Е. Щеголев, правда, атрибутировав адресата как А.И. Тургенева [11. С. 4 второй паг.]. На этом публикации почти на век прервались, пока А.К. Афанасьев по копиям фонда «Русского архива» ОПИ ГИМ не подготовил 89 писем Жуковского 1836–1852 гг. (некоторые с ошибочными датировками, что на деле расширяет их временной диапазон до 1829 г.), среди которых, однако, было уже несколько, известных по публикациям П.И. Бартенева и П.А. Ефремова [12. С. 490–542]. Тем самым ненапечатанной до последнего времени оставалась треть писем Жуковского.

Письмам Булгакова повезло гораздо меньше. Все они, за парой исключений, остались у наследников Жуковского и впоследствии были переданы А.Ф. Онегину, с архивом которого попали в рукописный отдел ИРЛИ. Одно из них, почему-то сохранившееся среди подборки писем Булгакова к П.А. Вяземскому, опубликовал М.О. Гершензон в 1916 г. [13. С. 36–38], и фрагмент о смерти Н.В. Гоголя – М.Л. Гофман в 1927 г. [14. С. 3], остальные до последних лет были неизвестны, пока два письма также о смерти Н.В. Гоголя, но в полном тексте не напечатал А.В. Петров [15. С. 511–513] и еще три – Е.О. Третьяков [16. С. 82–84] и автор настоящей статьи [2. Т. 2. С. 350–352]. Но подавляющая их часть (115) впервые появляется в печати.

***

Личное знакомство корреспондентов состоялось в марте 1809 г. в Петербурге, куда Булгаков приехал на встречу к брату Константину, а Жуковский – к А.И. Тургеневу и другим друзьям в надежде определиться на службу. 10 февраля 1809 г. Жуковский писал А.И. Тургеневу: «Напомни обо мне Константину Булгакову, с которым, как кажется, не нужно будет снова знакомиться. А Александру Яковлевичу рекомендуй меня заранее, так чтобы я приехал совершенно в знакомый дом» [17. Т. 15. С. 69]. К тому моменту Булгаков успел послужить сержантом в лейб-гвардии Преображенского полка, юнкером в московском архиве коллегии иностранных дел, секретарем посольства в Неаполе и Вене, откуда вернулся в Москву в 1808 г. Различие жизненного опыта и статуса не позволило быстро перерасти этому знакомству в дружбу, хотя Жуковский и Булгаков, вероятно, достаточно часто пересекались в кругу московских контактов. Еще 4 октября 1815 г., рассказывая брату о скандале с пьесой А.А. Шаховского «Липецкие воды», Булгаков описывал Жуковского достаточно отчужденно [18. С. 473–474]. И только когда поэт занял свое место в придворном кругу и стал учителем великой княгини Александры Федоровны, т.е. с 1817 г., контакты с Булгаковым во время его приездов в Петербург или при посещении Жуковским Москвы приняли товарищеский характер. Так, первое упоминание о Булгакове встречается в дневнике Жуковского в записи от 17 октября 1817 г. [17. Т. 13. С. 124], а Булгаков рассказывал брату о дружеском общении с поэтом в письмах от 13, 17, 25, 27 августа 1818 г. [19. С. 119, 127, 133–134]. Спустя десятилетия в письме от 27 февраля / 10 марта 1845 г. Булгаков вспоминал: «Не стану спорить, мы с тобою познакомились поздно, но как-то очень скоро сошлись и подружились» [5. Л. 55 об.]. Товарищеским контактам не мешала и эпизодичность встреч во все последующие годы, когда автор «Светланы» был наставником великого князя Александра Николаевича, а Булгаков служил в архиве Министерства иностранных дел и затем, с 1832 г., руководил московской почтой.

Специфику дружеских отношений в сильной степени определила личность Булгакова, который и в переписке задавал основной тон, отвечая большими и подробными посланиями на короткие, в большинстве, записки Жуковского, где содержалось много просьб, сообщений о домашнем быте, присутствовало много юмора, но почти не затрагивалась собственная творческая жизнь и мало проявлялась рефлексия по поводу самых личностно значимых вопросов. Для переводчика «Одиссеи» адресат был прежде всего очень обязательным деловым человеком и одновременно центром широкого светского общения, в том числе окололитературного. Булгакова же определенная «закрытость» собеседника, очевидно, не смущала, и, как подлинный дипломат, он не стремился интимизировать дружбу. Сравнивая, можно заметить, например, что в общении с Вяземским у Булгакова степень личностной вовлеченности была гораздо более глубокая (и взаимная), и остается только жалеть, что несколько сотен его писем к князю, хранящихся в РГАЛИ, до сих пор остаются неопубликованными. Вяземский же, знакомый с Булгаковым более полувека, нарисовал и наиболее точный его портрет: увлечение бильярдом, открытый дом, «куда стекались все звания и все возрасты: министры, дипломаты, русские и иностранные, артисты, свои и чужеземные, военные, директоры департаментов <…> тут была и биржа всех животрепещущих новостей, как заграничных, так и доморощенных», «неаполитанский темперамент», от которого «несло шумом и движением»; «беседа с ним была часто живое театральное представление <…> Часто потешались мы этими сценическими выходками. Разумеется, Жуковский сочувствовал им с особенным пристрастием и добродушным хохотом» [20. Стб. 1439–1441]. При всем том Булгаков, находившийся на службе с юношества и почти до конца жизни, отличался большим педантизмом и ответственностью, был постоянно в деятельности, перенося ее пыл

и на бесконечные поручения друзей. Наконец, московский почт-директор «живо и глубоко проникнут был музыкальным чувством» [20. Стб. 1441] и не чуждался литературных занятий, хотя и как дилетант: его излюбленный жанр – биография, мемуарный очерк, музыкальный или литературный портрет. Все эти качества и увлечения были симпатичны Жуковскому и вполне выразились во взаимной переписке.

Как можно предполагать, она сохранилась далеко не полностью и началась задолго до 1828 г., к которому относится первое письмо, посвященное судьбе И.В. Киреевского, служившего под начальством Булгакова в Московском архиве, и свидетельствующее о давнем предшествующем эпистолярном общении. В переписке можно отчетливо выделить два этапа: 1828 – начало 1841 г., когда она сопровождала немногие личные встречи двух друзей, и конец 1841 – начало 1852 г., период заграничной жизни Жуковского, для которого московский товарищ стал одним из самых исправных поставщиков вестей с родины и самым надежным каналом связи с родственниками и знакомыми.

Письма первого этапа имели в основном деловой характер. Так, в августе 1829 г. Булгаков через Жуковского представил императору в подарок роскошную литографию, изображающую въезд в Москву принца Хозрева-Мирзы и подготовленную московским литографом А.П. Линдротом. Император подарил ее великому князю Александру Николаевичу на именины, а А.П. Линдрота пожаловал перстнем, что и стало предметом трех полуделовых-полуюмористических сентябрьских писем. Пересылка письма П.А. Вяземского стала для Булгакова поводом 31 октября 1830 г. в оптимистично-ироничном тоне нарисовать панораму холерной Москвы вскоре после посещения ее Николаем I и сообщить попутно о помолвке дочери Ольги с А.С. Долгоруковым. Летом 1835 г. А.П. Елагина поехала на лечение в Европу, где испытывала трудности с получением денег, что стало причиной обращения Жуковского к ее мужу А.А. Елагину. Отправляя письмо к нему, наставник цесаревича не мог не написать и другу Булгакову, а это вылилось в серию августовско-сентябрьских писем, где нашлось место многому – и хронике придворной жизни (путешествие императорской четы в Германию), и сообщениям о товарищах (П.А. Вяземском, А.И. Тургеневе, М.Ю. Виельгорском), и благотворительности (денежная помощь А.М. Тургеневу), и скорбным вестям (апоплексический удар и впоследствии смерть К.Я. Булгакова). В октябре-ноябре 1836 г. случился казус: И.Ф. Мойер оставил кафедру в Дерптском университете и «потерялся», отправившись в Орловскую губернию для покупки имения. Его многомесячное молчание вызвало глубокую тревогу всех родственников, и Жуковский тут же стал выяснять у А.А. Елагина, А.И. Тургенева, А.Д. Хрипкова, Д.Н. Блудова, орловского губернатора А.В. Кочубея, что случилось и где И.Ф. Мойер, в эти поиски оказался вовлечен и Булгаков с его почтовыми связями: по его просьбе почтальоны по московско-орловским трактам собирали вести о «пропавшем», который, к счастью, просто ленился отвечать на письма родных.

К сожалению, за 1836–1841 гг. сохранилась только пара писем Булгакова, и мы имеем дело с эпистолярным монологом Жуковского, пиком которого стали периоды пребывания в Москве во время путешествия по России с цесаревичем в июле–августе и ноябре–декабре 1837 г., юбилея Бородинской битвы в августе-сентябре 1839 г. и прощального визита перед отъездом за границу в январе–феврале 1841 г.

24 короткие записки Жуковского от 1837 г., большей частью еще неизвестные в печати, рисуют панораму его разнообразной и интенсивной деятельности и насыщенного общения. В начале года вышла из печати поэма «Ундина», и ее экземпляры были отправлены в Москву через Булгакова (письма от 6 января, 26 марта, 7, 11–12 и 19 апреля), в том числе с просьбой собственноручно с «ангелоподобной аккуратностью» раздать и отправить подарочные книги московским, подмосковным и даже одесским друзьям и родственникам. Московский почт-директор стал посредником в передаче С.Л. Пушкину письма Жуковского о последних минутах жизни А.С. Пушкина (записка от 15 февраля): «Скажи Жуковскому, что вчера, получа письмо его, я отвез его немедленно сам, то, которое было на имя Сергея Львовича. Старик читал оное, держа себя обеими руками за голову, облокотившись на стол и рыдая, как ребенок» [21. С. 229–230] (письмо Булгакова к П.А. Вяземскому от 26 февраля). В марте к Жуковскому в гости в Петербург приехали И.Ф. Мойер и Е.А. Протасова, и наставник цесаревича беспокоился об их благополучном возвращении домой через Москву по плохим весенним дорогам (записки от 26 марта и 7 апреля). И.Ф. Мойер консультировал Жуковского о приобретении поместий Мейергоф и Уннипихт в Лифляндии [22], и как только он вернулся в орловское поместье, к нему через Булгакова полетели письма поэта (записки от 19, 24 и 30 апреля). Во время путешествия с цесаревичем по России почт-директор продолжал исправно пересылать ему в разные города письма друзей и снабжать новостями об их жизни (записки от 24 июня, 6 и 10 июля). Пребывание в Москве 23 июля – 9 августа, когда товарищи несколько раз виделись лично, было отмечено и несколькими записками, когда в плотном графике визитов и придворных мероприятий нужно было договориться о месте и времени свидания (записки от 24 и 31 июля и 3–8 августа). Еще 9 записок остались от второго приезда в Москву 30 октября – 14 декабря, они в основном касались перипетий деловой и дружеской переписки Жуковского и поиска хорошего почтальона при отправлении в Петербург (записки от 12–13 декабря), но зафиксировали и такие эпизоды, как визит к поэту генерала А.П. Ермолова 10 декабря, которому была подарена с авторской надписью книга «Ундины», и заботы об И.В. Киреевском, терпевшем утеснения орловского исправника (записки от 13 ноября и 6 декабря).

От переписки 1839 г. сохранилось 10 записок Жуковского и один ответ Булгакова (от 5 августа), где он отчитывался о доставлении письма к П.И. Шаликову

и балагурил о многочисленных иностранных орденах, полученных поэтом во время европейского путешествия с цесаревичем в 1838–1839 гг. Разослав через друга письма-предупреждения родственникам о приезде в Москву от конца июля – середины августа, 20 числа Жуковский приехал сам в старую столицу на празднование 27-летней годовщины Бородинского сражения. Юбилейные торжества сопровождались многочисленными переездами, поэтому Булгаков взял друга под опеку и сопроводил его почтовой каретой и личным почтальоном Н. Поляковым, который так понравился поэту, что был вновь вытребован для поездки к родственникам в Орел в сентябре, а затем для возвращения в Петербург в октябре, и удостоился просьбы о своем повышении в письме от 18 октября. Торжества на Бородинском поле так вдохновили Жуковского, что это моментально вылилось в большое письмо-очерк к великой княжне Марии Николаевне, позднее ставшее статьей «Бородинская годовщина», и одноименное стихотворение, написанное 26–28 августа, сразу же напечатанное в виде брошюры и отправленное 29 августа в подарок цесаревичу и другим придворным лицам. Помимо дневниковых записей эта творческая история произведения нашла отражение и в записке к Булгакову от 29 августа: «Я возвратился, скропал стихи, теперь их напечатал, а тебя прошу приготовить эстафету, чтобы тотчас послать экземпляры в Бородино. За это будет тебе 10 экземпляров с моим портретом» [23. Л. 6]. Булгаков этот жест вполне оценил, в его бумагах записка оказалась переплетена вместе с брошюрой «Бородинская годовщина», имеющей дарственную надпись «Александру Яковлевичу Булгакову от автора». Вскоре Жуковский свое обещание выполнил и даже перевыполнил, о чем сообщил в начале сентября: «Посылаю тебе, рожа, свою рожу и еще пять экземпляров своих стихов» [23. Л. 13]. Под «рожей» здесь подразумевалась литография с портрета Жуковского немецкого художника Франца Крюгера, написанного в Берлине в период с 13/25 по 21 мая / 2 июня 1838 г.

К сожалению, 7 безответных записок Жуковского 1840–1841 гг. служат своеобразным предисловием к новому этапу его биографии и, соответственно, переписки с Булгаковым. Все они связаны с предстоящей женитьбой на Елизавете фон Рейтерн, помолвка с которой состоялась во время пребывания поэта в Дюссельдорфе, где он сопровождал цесаревича, также готовящегося вступить в брак. 6/18 сентября 1840 г. Жуковский писал другу: «Я нашел себе невесту по сердцу. Как ни искал ее на берегах Москвы и Невы, все было неудачно; наконец она встретилась мне на берегу Рейна. Поздно, это правда; но и то правда, что счастливым быть никогда не поздно; а здесь счастье мне далось само собою. Я уверен, что ты, мой добрый, старинный приятель, примешь в этом искреннее участие. <…> Невеста моя – дочь подполковника Рейтерна, служившего прежде в лейб-гусарском полку, а теперь живущего в Дюссельдорфе» [23. Л. 19–19 об.]. Отправляясь за границу на несколько лет, Жуковский хотел повидать родных и московских друзей. 12 января 1841 г. поэт прибыл в старую столицу и провел здесь почти два месяца, находясь в активной переписке как с невестой, чьи письма получал по четвергам, так и с другими товарищами и сослуживцами. Лейтмотивом записок к Булгакову этого периода становится «благостыня», под которой подразумевалось очередное письмо Е. фон Рейтерн. А вторым главным поводом стала задержка в Петербурге В.А. Перовского, давнего друга и корреспондента и Жуковского, и Булгакова. О его приезде поэт справлялся регулярно с 31 января по 14 февраля, пока 24 февраля тот не прибыл в Москву.

Жуковский выехал за границу 3/15 мая, а его венчание состоялось 21 мая / 2 июня 1841 г. Так начался новый период его жизни и творчества, о сути которого он уведомил Булгакова 12/24 октября 1841 г.: «Вот уже пятый месяц, как я за границею; живу в Дюссельдорфе женатым. У меня маленький домик в саду, чистый, покойный, с собственным садом. Тут я поживаю счастливо с молодой женою и сам помолодел. Других вестей никаких не умею тебе сказать, мой любезный Булгаков» [23. Л. 29]. С этого момента переписка двух друзей сохранилась достаточно полно и приобрела подлинно диалогический характер. Уединенная заграничная жизнь, в которой до 1848 г. не происходило значительных событий, подталкивала Жуковского к большей развернутости эпистолярного общения, для Булгакова 1840-е гг. тоже оказались временем относительного одиночества: в апреле 1841 г. умерла первая его жена Наталья Васильевна, дочери были давно выданы замуж, а сыновья определены на службу («Дочери мои пристроены благополучно, сыновья служат. Я дал им воспитание и ход; как отец я обязанности свои исполнил» [5. Л. 57 об.]; письмо от 21 июня / 3 июля 1845 г.), должность же почт-директора, пусть и хлопотливая, не занимала всего свободного времени – и Булгаков с удовольствием писал другу, пользуясь разными поводами, чаще всего отправлением к нему какого-либо письма от родных и знакомых.

Переписка этого периода приобретает уже не столько деловой, сколько энциклопедический характер, особенно со стороны Булгакова: свое место здесь занимают творческие планы и литературные новости, события театральной и музыкальной жизни, круговорот светских и придворных вестей, а с революционного 1848 г. – политические происшествия и отклики на них в Германии и России. Хотя, безусловно, основной канвой оставался домашний быт и семья. Первый спокойный период жизни в Германии для Жуковского был ознаменован рождением дочери Александры и сына Павла, о чем он не замедлил оповестить друга в письмах от 2/14 ноября 1842 г. и от 11/23 января 1845 г., а потом, продолжая юмористическую линию переписки, уведомлял об их здоровье: «До сих пор моя муза в пеленках моей дочки, а я только что любуюсь теми виньетками, которые эта крошка рисует сепиею для будущих моих стихотворений. Чудный талант! К прежнему могу прибавить здесь то, что она имеет искусство необыкновенное брать *серебром*, а платить *золотом*. Если же иногда случается ей замедлить уплатою, то стоит только прибегнуть к мыльцу,

и капитал возвращается с процентами» [24. Л. 11] (письмо от 10/22 февраля 1843 г.). Впоследствии, однако, семейный покой омрачили непроходящая болезнь жены, препятствовавшая возвращению в Россию, – о ней Жуковский сообщал едва ли не в каждом письме второй половины 1840-х гг., а также собственные немощи: «Мой милый Александр, поздравляю тебя с Новым годом; надеюсь, что ты его лучше начал, нежели я, и проведешь лучше, нежели я провел прошлые два года, особливо последний, 1846, который у меня замечен черною полосою. В 1845 я сам хворал, а в прошлом 1846 была больна жена (впрочем, и 1845 был для нее не совсем здоровый год: после родин и задолго перед родинами она была много времени в постели)» [6. Л. 1] (письмо от 3/15 января 1847 г.). В революционном 1848 г. Жуковским пришлось перебраться из неспокойного Франкфурта-на-Майне в Баден-Баден, оказавшийся также местом опасным, а затем в Берн: «Наше путешествие или бегство из Бадена в Страсбург было довольно тревожное. Оно случилось в самый день вспышки бунта в Карлсру. Поехав из Бадена по железной дороге, уже на первой станции нашли мы главную квартиру Штруве (в тот самый день освобожденного бунтовщиками). Перед нашим вагоном и позади его около тридцати вагонов; все наполнены солдатами и пьяною чернью с заряженными ружьями, косами, дубинами и прочими конфектами; крик, шум, топот, стрелянье из ружей; и на каждой станции надобно было ждать; одни выходили из вагонов, другие в них лезли, с криком, песнями, воем, лаем, стрельбою; наконец до десяти героев село на кровле нашего вагона. Такое приятное путешествие продолжалось три часа...» [6. Л. 31 об.–32] (письмо от 25 мая / 6 июня 1849 г.). Спад революционных волнений и возвращение в Баден-Баден не принесли желанного покоя – началась болезнь глаз, от которой Жуковский почти ослеп, а его письма превратились в короткие карандашные записки, написанные с помощью специального устройства. Все это препятствовало отъезду на родину, куда Булгаков звал друга поначалу едва ли не в каждом письме, а затем уже только сочувствовал новым бедам и препятствиям, плохо веря добрым вестям. Так, прочитав в «Северной пчеле» сообщение о том, что в Дерпте уже нанят дом для Жуковских [25. С. 671], и переписав его в письме от 1/13 августа 1850 г., он снабдил его ироническим вердиктом: «А мне хочется написать Северному пауку только два слова в ответ на его статью. Эти два слова – вот они: “Держи карман!”» [5. Л. 193–193 об.].

Главные события в жизни Булгакова были связаны с детьми и внуками. Ольга Долгорукая жила не так далеко, в подмосковном Шеметово, о ее здоровье или нездоровье он уведомлял едва ли не в каждом письме, особенно радуясь придворным успехам этой любимицы императора и великого князя Михаила Павловича, которые при каждом посещении Москвы осыпали ее высочайшими ласками: «И ее вел<икий> князь нежно любил – а государь всегда Ольге шутит одним вопросом: “Ну! Признайтесь, княгиня, что брат в вас влюблен” – а Ольга всегда одним так же отвечает: “Точно так же, в<а>ше в<еличест>во, как и я в него влюблена”» [5. Л. 172] (письмо от 14/26 сентября 1849 г.). Соломирские жили в Петербурге, а затем отправились на Урал, где зять Павел Дмитриевич стал деятельным и успешным управителем предприятий Сысертского горнозаводского округа: «Соломирские приехали сюда целым домом, едут на свои золотые заводы в Сибирь на несколько лет, заняться сериозно выгодным этим хозяйством» [5. Л. 41 об.] (письмо от 11/23 марта 1844 г.). Иногда они приезжали в гости, и вести о них также радовали. Старший сын Константин, соученик М.Ю. Лермонтова, был офицером лейб-гвардии Московского полка и находился под покровительством великого князя Михаила Павловича, что позволяло ему вести бурную светскую жизнь острослова и повесы, каким он оставался и в моменты приезда к отцу в Москву: «Костя гостил у нас три недели, и, хотя жил у меня, спал возле моего кабинета, я его почти не видал, все тот же верченый, рыскал целый, слава богу еще, что был влюблен, я, встречая предмет его, мог узнавать все, до Кости касающееся: здоров ли он? где накануне обедал? где должен был на другой день вечер проводить? когда собирается ехать? etc. etc.» [5. Л. 52 об.] (письмо от 19/31 декабря 1844 г.). В 1845 г. К.А. Булгаков вышел в отставку и поселился в доме отца, ведя все такой же образ жизни. Младший сын Павел в 1840-е гг. получил хорошее место при М.С. Воронцове, наместнике Кавказа, и успешно служил при его канцелярии, снабжая отца о местных вестях, как, например, о пребывании в Тифлисе цесаревича: «Сын мой Павел, служащий при Воронцове, говорит мне между прочим в письме своем, <что> глядя на то, что здесь происходит, русский, право, может подумать, что находится в Москве, а не среди отдаленного Тифлиса. Все действия, слова цесаревича ознаменовывают редкую доброту сердца, ловкость и ум – азиатцы от него без ума» [5. Л. 208] (письмо от 24 октября / 5 ноября 1850 г.). Был повод у Булгакова гордиться и внуками, так он писал 21 ноября / 3 декабря 1849 г. о Н.А. Долгоруком, в ту пору студенте, а впоследствии докторе медицины и камергере: «Внук мой Николинька Долгоруков выдержал весьма блистательно свой экзамен и вчера явился ко мне в студентском мундире. Профессоры не могли верить, чтобы 16-летний юноша мог написать такую умную и основательную диссертацию о сочинениях Фонвизина. <…> Он знает прекрасно, кроме своего языка, латинский, немецкий и французский. В мальчике будет путь» [5. Л. 178 об.]. Да и собственная служба Булгакова шла вполне успешно – и он с гордостью сообщал другу о царских милостях во время визитов императорской семьи в Москву и о своих награждениях орденами св. Владимира II степени в 1846 г. (письмо от 13/25 апреля) и Белого Орла в 1852 г. (письмо от 5/17 апреля). Единственное, что стало вначале большой радостью, а затем глубоким горем для московского почт-директора, – свадьба со второй женой Э.А. Мацневой 2 октября 1845 г., о намерении которой он сообщил Жуковскому в числе первых (письмо от 21 июня / 3 июля). Счастливая семейная жизнь, однако, продлилась очень недолго и уже 3/15 октября 1847 г. Булгаков писал: «Пожалей

обо мне, несчастном! Я лишился моего ангела-хранителя. 11-го сентября скончалась моя жена на моих руках, с большою твердостью приняв тело Спасителя нашего и особоровавшись св<ятым> елеем. <…> Счастье мое прошло, как сон, я как слепой, потерявший свой костыль» [5. Л. 120].

Основной стихией Булгакова была светская и придворная жизнь, новости которой в изобилии наполняли и письма к Жуковскому. Именно их в первую очередь ждал от друга дюссельдорфский, а затем франкфуртский и баденский обитатель, десятилетиями связанный с императорской семьей и двором и имевший сотни знакомых среди высшего круга Петербурга и Москвы. И удовлетворяя интерес товарища, Булгаков едва ли не в каждом письме стремился рассказать какую-либо новость, особенно если она оказывалась скандальной. По его письмам к Жуковскому и к Вяземскому можно проследить подробнейшую хронику светской жизни 1840-х – начала 1850-х гг. Всю ее обозреть трудно, да и не нужно, но можно выделить основные тематические группы.

Первой из них, безусловно, является летопись придворных событий с центром в виде императорской семьи. Особенно близок Булгаков был с великим князем Михаилом Павловичем, с которым регулярно переписывался[2] и который был его посаженым отцом при венчании с Э.А. Мацневой. На его смерть, а ранее на смерть его дочерей Елизаветы и Марии он отозвался очень теплыми письмами: «Мой главнейший траур – по незабвенном великом князе Мих<аиле> Павловиче, которого я никогда не забуду. <…> Духовное завещание вел<икого> князя доказывает его ангельскую душу» [5. Л. 178–178 об.] (письмо от 21 ноября / 3 декабря 1849 г.). По частным сведениям и газетным сообщениям Булгаков тщательно отслеживал поездки императора и императрицы по России и за границу (например, зимой 1845/1846 г. для лечения в Италии), к этому присоединялись известия о вояжах цесаревича, великого князя Константина Николаевича и даже младших великих князей Михаила и Николая. Так, предметом сразу нескольких писем стала поездка великого князя Александра Николаевича в 1850 г. на Дон и на Кавказ: «Ты, конечно, знаешь уже, что государь цесаревич отправляется из С<анкт>-П<етер>бурга 23 августа в дальнее путешествие, которое продолжится 77 дней. Его выс<очест>во объехать должен 8794-е версты, главная цель путешествия – Кавказский край, который осмотрит очень подробно» [5. Л. 194 об.] (письмо от 1/13 августа 1850 г.). Центральным моментом здесь стало письмо от 13/25 ноября 1850 г., где Булгаков передавал рассказ М.С. Воронцова о происшествии с цесаревичем, который 26 октября, направляясь в Ачхай, заметил отряд чеченцев и бросился вместе со свитою за ним в погоню, захватив пленников. За это по представлению наместника Кавказа он был награжден императором орденом Святого Георгия 4-й степени: «Он возмужал еще и сделался совершенным молодцом, напоминающим чрезвычайно своего авг<устейшего> отца. Мудрено ли, что его все любят, когда он умел обворожить собою все горские племена» [5. Л. 205–205 об.]. В том же духе в письме от 20 ноября / 2 декабря 1850 г. описывалось пребывание цесаревича на Дону: «Все, что он делает, говорит, пишет, ознаменуется умом, ловкостью и добротою. Я обедал вчера у Орловых-Денисовых, там читали письмо из Новочеркасска, в коем описано пребывание цесаревича среди казацких полчищ. Нельзя читать этого без слез. Посылаю тебе при сем краткое приветствие вел<икого> князя войску Донскому, когда была вручена его выс<очест>ву гетманская булава на площади перед собором. По какому-то единодушному и как бы невольному движению все эти старые казаки, и генералы, и солдаты, стали на колена, залились слезами, как дети, крича: “Мы в тебе видим не столько вождя, как нежного отца. Ура!”» [5. Л. 209–209 об.].

В особенно подробную хронику превращались под пером почт-директора сообщения о пребывании императорской фамилии в Москве, как в марте–апреле 1849 г., когда закончилась реконструкция Кремля. 21 марта / 2 апреля Булгаков сообщал программу визита: «Ты не поверишь, какое движение, радость, суматоха в Москве, одна у всех забота, одна мысль: это высочайший приезд. Вся без изъятия царская фамилия осчастливит нас своим присутствием! В Петербурге остается одна только вел<икая> кн<ягиня> Елена Павловна, а то все-все будут сюда без изъятия, и 19-го числа начались отправления и будут продолжаться до 28-го. <…> Закревский мне сказывал, что на московское путешествие ассигновано полтора миллиона руб<лей> серебром. Вот что известно о праздниках. В Светлое Воскресенье ночью – освящение нового дворца, после развода – христосованье, и будет также разговлевание, подобно тому, как было в Петербурге по возобновлении Зимнего дворца. Выход к вечерне. Кроме того, в последующие дни назначается большой обед для первых 4-х классов» [5. Л. 158 об.]. Итог высочайшего путешествия Булгаков подвел в письме от 27 апреля / 10 мая 1849 г.: «Никогда восторг москвитян, любовь к государю не изъявлялась так пламенно. Как часто исторгались слезы императрицы и царского семейства. Как мы счастливы видеть здоровье императрицы столь укрепившимся! Что это за дворец выстроили! Какие давались здесь праздники! Какая была все это время погода! Какие были милости!» [5. Л. 161 об.].

Свое место находили в этой панораме свадьбы цесаревича, великих княгинь Марии Николаевны, Ольги Николаевны и Александры Николаевны, рождение внуков императорской четы, традиционное празднование 1 июля дня рождения императрицы Александры Федоровны, например, в 1851 г., когда он совпал с 25-летним юбилеем ее шефства над лейб-гвардии Кавалергардским полком («Праздник 25-летнего юбилея командования государыни Кавалергардским полком был славно празднуем в Петергофе. Полк поднес ее вел<ичест>ву прекраснейший альбом “История Кавал<ергардского> полка” со множеством картин, портретов, к оному относящимися. Факт только, что эта проклятая дуэль между Розеном и гр<афом> Гендриковым, двумя офицерами этого полка, и в коей сей последний был убит пулею в лоб, нагнала на

празднество печальную тучку и была причиною, что не было никаких милостей по этому полку» [5. Л. 230–230 об.]; письмо от 13/25 июля 1851 г.). Но были и печальные страницы, одной из которых явилась смерть великой княгини Александры Николаевны. Жуковский через друзей пытался узнать детали произошедшего, и Булгаков, даже находясь в Москве, смог составить наиболее подробный рассказ в письме от 30 августа / 11 сентября – 2/14 сентября 1844 г., где центральным моментом стали последние минуты жизни великой княгини и реакция отца: «Нельзя описать попечений государя и императрицы о больной, они ухаживали за нею как бы две сестры милосердия. Государь сам наблюдал ход болезни и сообщал докторам все подробности, но так как присутствие его по нежной к нему любви больной, производило некоторое волнение в ней, то в избежание сего, и чтобы знать, однако же, что делалось с больною, государь велел в той же комнате поставить большие ширмы у самой двери. <…> Вел<икая> княгиня, не подозревая ничего, успокоилась, но была очень слаба. Пульс был 150 раз в минуту. В четвертом часу начала она видимо ослабевать − государь ее приподнял, дабы доставить ей отдых после беспрестанного лежанья. Было четыре часа, больная посмотрела на отца и мать, окинула глазами всех окружавших ее родных, и, наклонив голову, сказала с ангельскою улыбкою: “*Прощайте!*” Это было последнее ее слово, произнеся оное, она вздохнула и скончалась! Государь сам закрыл ее глаза двумя поцелуями на оные. Ангелом была и как ангел умерла. <…> Как бы велики ни были силы и душевные, и телесные, все-таки государь и человек, и отец. Он и без того ужасное должен нести бремя на этом свете» [5. Л. 48–48 об.].

Непременным предметом внимания Булгакова были и награждения, приуроченные к тем или иным придворным событиям. Иногда их перечень составлял основное содержание письма, как в пасхальном послании от 13/25 апреля и юбилейном от 6/18 июля 1846 г. или в предновогоднем от 25 декабря 1850 / 6 января 1851 г. Во время августовского 25-летнего юбилея коронации в Москве в 1851 г. Булгаков не преминул посчитать: «Для любопытства твоего посылаю тебе расписание высочайших лиц, кои осчастливили нас своим присутствием, и прочих особ, прибывших сюда с двором. Изрядная коллекция. Довольно сказать, что в соборе я насчитал 14 Андреевских кавалеров, не включая тут царскую фамилию, ни иностранных принцев. Стану тебе называть кого вспомню: кн<язь> Паскевич, кн<язь> П<етр> М<ихайлович> Волконский, кн<язь> Меншиков, гр<аф> Блудов, гр<аф> А<лексей> Ф<едорович> Орлов, гр<аф> Вл<адимир> Фед<орович> Адлерберг, Пав<ел> Алекс<еевич> Тучков, Ник<олай> Мих<айлович> Лонгинов, кн<язь> Ив<ан> Леонт<ьевич> Шаховской, митр<ополит> Филарет, гр<аф> Закревский, кн<язь> Сер<гей> Мих<айлович> Голицын, Алекс<ей> Петр<ович> Ермолов, гр<аф> Клейнмихель» [5. Л. 234 об.] (письмо от 23 августа / 4 сентября 1851 г.). Тем самым Жуковский всегда мог быть в курсе, кто из знакомых награжден орденом или удостоился высочайшего рескрипта, кто уволен от службы или получил новую придворную или административную должность, кто из дам определен во фрейлины.

Придворная жизнь тесно переплеталась со светскими новостями – хроникой должностных перемещений, свадеб и брачных скандалов, болезней, смертей и криминальных происшествий. Редкое письмо Булгакова обходилось без подобных вестей, участниками которых становились сотни различных лиц, частью, возможно, даже незнакомых Жуковскому. Уже первое его письмо в Германию от 31 октября / 12 ноября 1841 г. сообщало о трагическом событии на придворных скачках в Царском Селе, состоявшихся 20 августа: «Были в Царском Селе скачки, и замечательно, что русские лошади обскакали английских государя, выписанные из Лондона и кои там выигрывали призы. Государь, отдавая Петровскому и Панову вазу золотую и призовые деньги, изволил сказать: “Не жалуюсь и не сожалею, что ваши лошади опередили моих, знай наших! Мы в 12 году уходили французов, а теперь англичан обскакали”. Потом цесаревич и молодежь, его окружающая, сами начали скакать, что нельзя одобрить; не довольствуясь сим, начали назначать призы для прыганья через барьеры. Искусный Барятинский упал, лошадь его тут же убилась до смерти, а он ударился головою, был отнесен без чувств в палатку, где пустили ему кровь. Это сделало ужасную тревогу, императрица и наследник плакали, полагая Барятинского мертвым, и он подлинно был три дня в весьма отчаянном положении, думали, что ежели и выздоровеет, то от сильного потрясения в мозгу лишится памяти, но молодость взяла верх, и он выздоровел совершенно. Это было без государя, а он, возвратясь из Варшавы, очень мыл голову всем и запретил эти скачки на будущее время, ибо и цесаревич ушиб себе ногу, но слегка» [5. Л. 12]. Письмо от 11/23 апреля 1842 г. стало собранием некрологов: «Послушай, что перемерло у нас в течение почти одной недели: старик Сер<гей> Ильич Муханов; Мих<аил> Фед<орович> Орлов; Дм<итрий> Мих<айлович> Львов; Ольга Алексеевна Пашкова; прекрасная Тютчева, урожденная Ваксель (красавица, вроде жены твоей) и пр<очие>. Орлова просто уходили наши палачи, пичкали его три месяца, не зная, от чего лечили, так что из этого Геркулеса сделали кн<язя> Мосальского, и наконец, когда он был на столе, придумали, что у него был рак в желудке. <…> Муханов умер каменною болезнью, Львов горячкою, об нем все сожалеют, Тютчева корью, а Пашкова полибом в матке, ей делали операцию, резали два раза, но не помогло, кусок был слишком велик и заражен антоновым огнем» [5. Л. 15 об.–16]. 20 октября / 1 ноября 1842 г. Булгаков сообщал о скандалах в семействе Ростопчиных и Смирновых: «<…> ежели верить слухам, то два брата Карамзины разделились: один стал служить верою и правдою Смирновой, а другой Додо Растопчиной. Эта вдруг полетела в Воронеж к умирающему мужу, который, однако же, очнулся, а Смирнова имела какие-то сцены с мужем, который так ее избил собственными ручками, что она

не могла долго показываться в люди, а теперь она едет в чужие края надолго, одна с детьми, муж остается и ассигновал ей, говорят, по 25 т<ысяч> руб<лей> в год. Они разводятся, как говорят, но не формально» [5. Л. 18 об.]. Следующее письмо от 13/25 ноября 1842 г., напротив, стало хроникой предстоящих свадеб: «Много наговорили мне свадеб, вот что помню: юнкер гусарский кн<язь> Гагарин, сын убитого бедного князя Николая Сер<геевича>, женится на прекрасной и богатой гр<афине> Гурьевой, дочери Николая Дм<итриевича> Гурьева, граф Ламберт – на дочери министра Канкрина, молодой кн<язь> Меншиков уже женился на дочери также убитого кн<язя> Гагарина и в день свадьбы пожалован во фл<игель>-адъютанты; юный Коко Орлов-Денисов по примеру брата своего также подцепил в Харькове какую-то молодую, милую, прекрасную и богатую барышню Шидловскую, еще есть какие-то свадьбы, но не упомню» [5. Л. 19 об.]. Еще один громкий брачный скандал явился предметом письма от 25 апреля / 7 мая 1851 г.: «История молодой Лидиньки Нессельроде, наделавшей столько проказ в Париже с молодым Dumas, и здесь много всех занимает до сих пор. <…> Чем-то все это кончится, неизвестно, говорят: разводом. Вот тебе и mariage assorti![3] Говорят: оба молоды – знатны – богаты – да черт ли в этом? Разве для счастья супружеского это непременно нужно? Ни он ее, ни она его не хотели. Он молод, но уже хил, изнурен, не любезен, не умен, не хорош – она молода, хороша, пылка, жива, ветрена, неопытна, избалована; и какая чета отправляется вдруг – куда? В Париж!! Мое почтение!» [5. Л. 224 об.].

К счастью, криминальные происшествия попадали в поле внимания Булгакова не часто, но и они случались. Так, 16/28 июня 1851 г. он писал о самоубийстве И.Г. Синявина: «Вообрази себе, что Ив<ан> Григор<ьевич> Синявин 8-го числа, отвезши жену и детей на дачу на летнее житье, возвратясь в город, перерезал себе горло и, видя, что не последовала смерть, чтобы найти ее, бросился с окошка на улицу. Его принесли в дом без чувств, горло было немедленно зашито. Он пришел чрез несколько минут в себя и, видя, что все-таки жив еще, взял и разорвал обоими руками зашитое горло. Кровь хлынула, и он скоро умер. <…> Дело в том, что Синявин, а более мотовка жена его, жили всегда не по состоянию, что вспомоществование, сделанное им казною, не послужило ни к чему, что не предвиделось никакого средства к заплате огромнейших долгов… Минута отчаяния все решила» [5. Л. 228–228 об.]. Ранее, 17/29 апреля 1850 г. Булгаков посвятил целое письмо трагической истории убийства. Княгиня В.Д. Голицына, жена князя Н.Я. Голицына, генерал-лейтенанта, участника французских революционных и наполеоновских войн, умершего в январе 1850 г., будучи женщиной богомольной, много занималась благотворительностью и на этой почве познакомилась с молодым и красивым послушником Донского монастыря Николаем Семеновичем Зыковым, вскоре сделавшимся частым посетителем ее дома. В марте 1850 г. Зыков стал участником драки, в которую вмешалась полиция, и был уволен из монастыря. Боясь скандала, княгиня Голицына решила на время удалиться в свою деревню. В самый день отъезда, 7 апреля 1850 г. она получила записку от Зыкова, содержащую убедительную просьбу заехать к нему на квартиру, где, оставшись с ним наедине, была зарезана им кинжалом в горло. Трагическая смерть княгини Голицыной вызвала много слухов и неблагоприятные толки в обществе: так, многие современники видели преступную связь в их частых встречах и были уверены, что Зыков старался склонить овдовевшую княгиню к браку и убил ее в порыве ревности, получив отказ. Зыков был обвинен в предумышленном убийстве и осужден на двадцать лет пребывания на каторге и вечное поселение в Сибири. Княгиня Голицына же была похоронена рядом с телом мужа в некрополе Донского монастыря. Свою версию событий Булгаков сопроводил преамбулой: «Для Дюма было бы, право, из чего составить целый роман, но для теперешних немцев это канва неоцененная. Тут и любовь, и набожность, и ханжество, и корысть, и злоба… все что хочешь» [5. Л. 185].

Информативность и энциклопедичность писем Булгакова составляли их главную ценность, Жуковскому они позволяли оставаться в гуще российской жизни, из которой, правда, изымалась какая-либо проблемность, но рефлексию на общественные или культурные темы поэт мог почерпнуть из писем других друзей, в частности П.А. Вяземского или А.И. Тургенева. Круговорот лиц и событий, наполнявший переписку с подачи московского почт-директора, своеобразно дополнял камерность писем Жуковского с их неизменными темами семьи и творчества и порождал очень органичное диалогическое целое. Впоследствии Булгаков высоко оценил непринужденность подобной переписки: «…сколько драгоценных сведений открывается в этих дружеских, письменных беседах, основанных на сердечной откровенности и внушаемых полною доверенностью. Тут не имеются в виду расчеты, а пишется все то, что на душе, не боясь огласки или нескромной передачи» [8. Стб. 548]. Прекращение этой корреспонденции в связи со смертью друга вызвало его искреннюю скорбь. Булгаков записал в своем дневнике: «Умер также здесь известный писатель Гоголь, но самая чувствительная потеря, потеря незаменимая не только для всех его знавших, но для целой России, – это смерть добрейшего человека и знаменитого писателя Василия Андреевича Жуковского. Более месяца как не получал я от него писем. Я приписывал молчание сие огорчению, которое должна была ему принести весть о смерти Гоголя, с коим был он очень дружен, как вдруг прислали мне с иностранными газетами письмо из Баден-Бадена с черною печатью <...> Я все думаю, что̀ предпримут теперь в Москве для Жуковского после всех пышных и преувеличенных изъявлений скорби о смерти Гоголя» [26. С. 760]. Вопреки этим ожиданиям ни смерть, ни доставление праха Жуковского в Россию и его перезахоронение в Петербурге не вызвали большого шума в столицах. Потеря поэта стало скорее событием домашнего и дружеского круга. Именно в таком контексте постарался

представить Жуковского и Булгаков, одним из первых публикуя его письма: «…потомство, которое знает чуть не наизусть Жуковского-поэта, Жуковского-прозаика, Жуковского-драматурга и переводчика, не удовольствуется этим. Оно захочет знать Жуковского, как человека, Жуковского в его общественной и семейной жизни <…> Вот почему все те, которые были в переписке с историческими лицами, по моему мнению, оказывают общественную услугу, отдавая посредством печати в собственность читающей публики те биографические материалы, которыми они владеют» [8. Стб. 547–548].

Примечание

[1] Поскольку почти все письма Булгакова до настоящего момента не публиковались, а публикации писем Жуковского имели значительные текстологические погрешности, цитаты из них приводятся по архивным автографам.

[2] «Пользуясь постоянно милостями его, я с 1830 года вел с ним довольно частую переписку. Я получил от душеприказчиков его письмо, коим извещают они меня, что между бумагами, после него найденными, нашлись мои письмы, кои государь приказал мне возвратить. Я был уверен, что письмы мои не заслуживали быть сохраненными, вместо того они возвращены мне в величайшем порядке, и на всяком означено собственною его высочества рукою: *получено* такого-то и *ответствовано* такого-то числа. Ты можешь вообразить, как это было для меня и лестно, и утешительно!» [5. Л. 178–178 об.] (письмо от 21 ноября / 3 декабря 1849 г.).

[3] Хорошо подобранный брак! (фр.).

Список источников

1. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852 / сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жиляковой. М. : Знак, 2009. 728 с.
2. «Мы столько пожили с тобой на свете…». Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского 1807–1852 гг. : в 2 т. / отв. ред. В.С. Киселев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2021. Т. 1. 624 с. ; Т. 2. 666 с.
3. Переписка В.А. Жуковского и А.А. Воейковой: 1811–1829 / вступ. ст. и коммент. С.В. Березкиной; отв. ред. О.Б. Лебедева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2020. 464 с.
4. Переписка В.А. Жуковского и Ф. фон Мюллера: 1828–1848 / вступ. ст. Н.Е. Никоновой; сост. и коммент. Н.Е. Никоновой и В.С. Киселева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2021. 248 с.
5. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (РО ИРЛИ). № 27942.
6. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 286. Оп. 2. № 85.
7. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 84.
8. Библиографические записки. 1858. № 18.
9. Русский архив. 1868. № 9.
10. Сочинения В.А. Жуковского : в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 7-е изд.. СПб. : Изд. И.И. Глазунова, 1878.
11. Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. Пг. : Императорская Академия наук, 1916. 376 с.
12. Российский архив. М. : Студия ТРИТЭ ; Российский архив, 2008. Вып. 17. 568 с.
13. Русский библиофил. 1916. № 4.
14. Последние новости. Париж, 1927. 17 марта. № 2185.
15. Жуковский: исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 1. 544 с.
16. Третьяков Е.О. Репрезентация личности А.Я. Булгакова в его переписке с В.А. Жуковским (на материале двух писем А.Я. Булгакова В.А. Жуковскому 1830–1835 гг. архива ИРЛИ РАН) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 473. С. 80–88. doi: 10.17223/15617793/473/10
17. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 1–16. М. : Изд-во ЯСК, 1999–2019.
18. Русский архив. 1900. № 8.
19. Русский архив. 1900. № 9.
20. Вяземский П.А. Воспоминание о Булгаковых // Русский архив. 1868. № 9. Стб. 1436–1445.
21. Красный архив. 1929. Т. 33.
22. Шафранов П.А. Переписка поэта В.А. Жуковского о продаже ему конфискованных мыз Мейерсгоф и Уннипихт в Лифляндской губернии // Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. СПб. : Тип. В. Безобразова, 1891. Вып. 1. С. 151–158.
23. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 41. Карт. 82. № 23.
24. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 83.
25. Северная пчела. 1850. № 168. 29 июля.
26. Литературное наследство. М. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 58. 1059 с.

References

1. Zhilyakova, E.M. (2009) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoy: 1813–1852* [Correspondence between V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina: 1813–1852]. Moscow: Znak.
2. Kiselev, V.S. (ed.) (2021) *"My stol'ko pozhili s toboy na svete…". Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo 1807–1852 gg.: v 2 t.* ["We have lived so much with you in the world ...". Correspondence between P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky, 1807–1852: in 2 vols]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Lebedeva, O.B. (ed.) (2020) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.A. Voeykovoy: 1811–1829* [Correspondence between V.A. Zhukovsky and A.A. Voeikova: 1811–1829]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Nikonova, N.S. & Kiselev, V.S. (2021) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i F. fon Myullera: 1828–1848* [Correspondence between V.A. Zhukovsky and F. von Müller: 1828–1848]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (RO IRLI). No. 27942.
6. Manuscripts Department of the National Library of Russia (OR RNB). Fund 286. List 2. No. 85.
7. Manuscripts Department of the National Library of Russia (OR RNB). Fund 286. List 2. No. 84.
8. *Bibliograficheskie zapiski.* (1858) 18.
9. *Russkiy arkhiv*. (1868) 9.

10. Efremov, P.A. (ed.) (1878) *Sochineniya V.A. Zhukovskogo: v 6 t.* [Works by V.A. Zhukovsky: in 6 vols]. 7th ed. St. Petersburg: Izd. I.I. Glazunova.
11. Shchegolev, P.E. (1916) *Duel' i smert' Pushkina* [The duel and death of Pushkin]. Petrograd: Imperial Academy of Sciences.
12. Studiya TRITE & Rossiyskiy arkhiv. (2008) *Rossiyskiy arkhiv* [Russian archive]. Vol. 17. Moscow:Studiya TRITE; Rossiyskiy arkhiv.
13. *Russkiy bibliofil.* (1916) 4.
14. *Poslednie novosti* (Paris). (1927) 17 March. 2185.
15. Yanushkevich, A.S. (ed.) (2010) *Zhukovskiy: issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: research and materials]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
16. Tret'yakov, E.O. (2021) Representation of Alexander Bulgakov's Personality in His Correspondence With Vasily Zhukovsky (Based on Two Letters From Bulgakov to Zhukovsky in 1830-1835 From the Archive of the RAS Institute of Russian Literature). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 473. pp. 80–88. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/473/10
17. Zhukovskiy, V.A. (1999--2019) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vols 1–16. Moscow: Izd-vo YaSK.
18. *Russkiy arkhiv*. (1900) 8.
19. *Russkiy arkhiv*. (1900) 9.
20. Vyazemskiy, P.A. (1868) Vospominanie o Bulgakovykh [Remembering the Bulgakovs]. *Russkiy arkhiv.* 9. Columns 1436–1445.
21. *Krasnyy arkhiv*. (1929) 33.
22. Shafranov, P.A. (1891) Perepiska poeta V.A. Zhukovskogo o prodazhe emu konfiskovannykh myz Meyersgof i Unnipikht v Liflyandskoy gubernii [Correspondence of the poet V.A. Zhukovsky on the sale to him of the confiscated MeyershofF and Unnipiht manors in Livonia Province]. In: *Istoricheskie materialy iz arkhiva Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv* [Historical materials from the archive of the Ministry of State Property]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova. pp. 151–158.
23. Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (NIOR RGB). Fund 41. Box 82. No. 23.
24. Manuscripts Department of the National Library of Russia (OR RNB). Fund 286. List 2. No. 83.
25. *Severnaya pchela*. (1850) 168. 29 July.
26. Egolin, A.M. (ed.) (1952) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 58. Moscow: USSR AS.

Информация об авторе:
Киселев В.С. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
V.S. Kiselev, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian and Foreign Literature, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.10.2022;
одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 24.10.2022;
approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 81`42
doi: 10.17223/15617793/486/4

Скорость как культурное и лингвистическое измерение времени

Александра Викторовна Нагорная [1], Алексей Валентинович Бакулев [2]

[1, 2] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
[1] anagornaya@hse.ru
[2] abakulev@hse.ru

Аннотация. Представлен лингвокультурологический анализ феномена скорости времени. Анализируется процесс изменения темпоральных горизонтов человека, определяется влияние этого темпорального тренда на формирование ситуативного типа идентичности. Описываются социокультурные практики, соответствующие потребностям ситуативной личности, выявляется спектр лексики, репрезентирующей ускорение ритма жизни в современных англоязычных дискурсивных практиках, определяются наиболее актуальные тенденции в ее употреблении. Описывается культура «медленной жизни» и сформировавшиеся в ее рамках социальные и дискурсивные тренды.

Ключевые слова: социальное и индивидуальное время, феномен скорости времени, социокультурный тренд, дискурсивная практика, вербальная репрезентация скорости времени, культура «медленной жизни»

Для цитирования: Нагорная А.В., Бакулев А.В. Скорость как культурное и лингвистическое измерение времени // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 40–49. doi: 10.17223/15617793/486/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/4

Speed as a cultural and linguistic dimension of time

Alexandra V. Nagornaya[1], Alexey V. Bakulev[2]

[1, 2] National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
[1] optysmith@gmail.com
[2] popovadarp@gmail.com

Abstract. The article analyzes the speed of time at the intersection of culture studies and linguistics. Time speed is defined as one of the key components of the contemporary English-language culture. The article highlights its relevance for both social and individual time. It further establishes links between social time, which is presented as a shared format of perceiving social development based on the need for social cooperation, and individual time, also known as self-time and rooted in the functioning of our bodies. The authors argue that constant involvement in various forms of social interaction prevents us from staying within the boundaries of our own temporal experience forcing us to adjust to the common culturally prescribed temporal trends and thus change our perception of time. The most influential of the current trends is the constant acceleration of time. The contemporary culture normalizes life in the mode of perpetual acceleration, which is seen in technological development, social change, and tempo of life. The article looks into the changes in the temporal horizons of people, which are related to the ubiquitous secularization of the society and manifest themselves in the compression of life, which is supposed to enhance the efficiency of time use and maximize experiential opportunities. The authors show that individual human existence loses continuity and evolves into a series of life projects, each focusing on attaining a certain goal. They further identify the impact of this temporal trend on the formation of a new type of identity known as situational and based on the fragmentation, pluralization, and multiplication of personality. The authors describe a number of new sociocultural practices which meet the needs of the situational personality (*speed-dating, speed-faithing*, *speed-futuring, speed-networking,* etc.). The authors list lexical units which represent the acceleration of the tempo of life in contemporary English discursive practices (*race*, *sprint*, *gallop*, *bolt*, *hurtle*, etc.) and identify the most relevant trends in their use (the use of satellites and adverbs that intensify the semantics of fast movement; saturation with semantics of uncontrollability). They analyze a new sociocultural trend which is based on the slowing down of life tempo – *slow life*. The authors reveal discursive strategies that are used to promote it: cultural and semantic discrediting of speed through its demonization, morbidization, etc., accompanied by cultural and semantic exoneration of slowness through constructing positive associative links (*slow is quality-over-quantity, reflective, holistic*, *time-rich, mindful*, etc.) and creating new groups of synonyms on their basis. The authors emphasize that slow life does not imply a lack of dynamics and events; neither does it necessarily imply dramatic deceleration.

© Нагорная А.В., Бакулев А.В., 2023

Slow life is associated with the so-called kairological time, which refers to a deeply experienced time, full of mindfulness and enjoyment.

Keywords: social and individual time, phenomenon of speed of time, sociocultural trend, discursive practice, verbal representation of speed of time, culture of "slow life"

***For citation*:** Nagornaya, A.V. & Bakulev, A.V. (2023) Speed as a cultural and linguistic dimension of time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 40–49. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/4

Введение

По словам американского астрофизика А. Фрэнка, современная западная культура «пропитана временем» [1. P. xvii]. Время признается ее организующим элементом, центральной осью коллективного опыта, главным средством нормирования социальных практик и основой этики [2. P. 63]. Одновременно с этим оно неизменно описывается как смыслообразующий элемент человеческой жизни [3], «становой хребет» психической структуры человека, его ориентир в текущей реальности и средство планирования будущего [4. С. 144–145], центральный компонент нашего опыта существования в мире [5. P. 6].

При единстве взглядов на роль времени наблюдается широчайший разброс мнений относительно его природы и сущности: от провозглашения его фундаментальной основой бытия, «всеобъемлющей “формой” всего происходящего» [6. С. 131] до низведения его до психического конструкта, созданного для того, чтобы облегчить адаптацию человека к среде его обитания и упорядочить его жизнь [4. С. 144]. Неоднозначно трактуется и концептуальный статус времени: от признания его базисом и условием любого познавательного акта до присвоения ему малопочетного звания «гражданина второго сорта» (second-class citizen), «когнитивного достижения, паразитирующего на пространственном опыте» [7. P. 59] и лишенного собственного концептуального содержания.

Не менее широко варьируется и фокус исследовательского внимания: от построения общих теорий времени, релевантных для той или иной отрасли знания (см., например: [8]), до «точечного» анализа отдельных его аспектов. Время можно по праву отнести к числу явлений, которые обладают «нередуцируемой многомерностью» [9. С. 11]. Оно способно «переносить нас на глубочайшие уровни рефлексии» [1. P. xiii], предоставляя безграничные исследовательские возможности. Как метко замечает Т.Ю. Денисова, в разных ситуациях оно являет нам разные свои лики, подобно аватарам индуистского божества [10. С. 8]. Тот образ, в котором оно предстает, во многом зависит от изначально заданной исследовательской перспективы и сформированного в ее рамках специфического познавательного запроса.

Весьма показательна в этой связи ситуация, сложившаяся в современной лингвистике. Наиболее заметным и дисциплинарно значимым оказывается ее интерес к проблемам фиксации темпорального опыта в языке с учетом отсутствия «вещного референта [времени] в реальной действительности» [11. С. 174]. В этом случае формируется запрос на выявление того спектра языковых средств (морфологических и лексических), с помощью которых время репрезентируется в языке [12]). Актуальны и более широкие перспективы, выстраиваемые с учетом возможности междисциплинарного взаимодействия. Так, в связи с повышенным интересом к проблемам концептуальной специфики различных лингвокультур в целях разработки эффективных моделей межкультурной коммуникации общей перспективой исследований часто оказывается изучение особенностей так называемой темпоральной ментальности – «совокупности способов восприятия времени, свойственных той или иной культуре» [13. P. 42]. Исследовательский запрос чаще всего формулируется как соотношение цикличности и линеарности в восприятии времени, осмысление прошлого, настоящего и будущего с учетом круговой или линейной темпоральной перспективы и репрезентация этой «концептуальной геометрии» в языке (см., например: [14]). Другую линию исследований составляет изучение субъективного восприятия времени с повышенным вниманием к вопросам личностных переживаний, индивидуальных ценностных смыслов, перцептивных динамик, к принципам концептуального и языкового конструирования так называемого автобиографического времени [15]. В когнитивно-ориентированных исследованиях в фокусе внимания часто оказываются метонимические и метафорические способы осмысления времени с дальнейшим ветвлением на изучение культурно санкционированных, конвенциональных форм и продуктов индивидуального лингвокогнитивного творчества [16].

Такая множественность перспектив, которая объясняется чрезвычайной сложностью изучаемого феномена, не всегда оценивается положительно. Многие исследователи сетуют на вынужденную фрагментарность создаваемых ими лингвистических концепций и моделей времени [17. С. 10]. Эта фрагментарность, однако, позволяет добиться более глубокой проработки отдельных аспектов времени и обеспечить широту теоретического базиса для последующих теоретических построений.

Методологические принципы и задачи исследования

Настоящее микроисследование помещает в фокус внимания феномен скорости времени, рассматривая его в контексте современной англоязычной культуры и

определяя его как один из важнейших атрибутов коллективного темпорального опыта.

Методологически исследование базируется на принципах инструментальной междисциплинарности [18. P. 8], привлекая идеи и концепции, разрабатываемые в культурологии, философии, психологии и социологии для лингвистического анализа изучаемого феномена. Дисциплинарно наше исследование может квалифицироваться как лингвокультурологическое, поскольку именно культурология является его «непосредственным научным основанием» [19. С. 49]. Ведущим методом исследования является экспланаторный, призванный объяснить корреляции между определенными социокультурными и дискурсивно-языковыми феноменами. Подчеркнем, что представленные в работе теоретические выкладки релевантны, главным образом, для англоязычной культуры и никоим образом не претендуют на универсальность.

В задачи настоящего исследования входят: 1) определение степени актуальности аспекта «скорость» для представлений о времени, сложившихся в современной англоязычной культуре; 2) описание наиболее актуальных социокультурных трендов, связанных со скоростью времени; 3) анализ дискурсивных практик, с помощью которых задаются и продвигаются эти тренды; 4) выявление спектра лингвокогнитивных средств, репрезентирующих феномен скорости времени в современных англоязычных дискурсах. Познавательный запрос может быть сформулирован как поиск новых подходов к определению и оценке скорости времени, которые находятся в стадии становления в современной культуре и так или иначе представлены в общем дискурсивном пространстве. В качестве иллюстративного языкового материала используются как научные источники, так и современная художественная литература.

Скорость в парадигме социального и индивидуального времени

Скорость можно с уверенностью отнести к числу концептуальных доминант современных представлений о времени. Как отмечает социолог Ф. Джеймсон, «время сегодня является функцией скорости и воспринимается как таковое исключительно с точки зрения скорости» [20. P. 50]. Философ С. Броуэр открыто провозглашает скорость «божеством нашей эпохи» [21. P. 309], а социолог Р. Хартмут утверждает, что основной девиз, которым должен руководствоваться представитель современной западной культуры, может быть сформулирован как *All you need is speed!* (Все, что вам нужно, – это скорость!) [2. P. 183]. Заметим, что этот девиз задает общий формат жизни социума в целом, одновременно с этим требуя перестройки жизненных ритмов и траекторий от каждого из его членов. Эти взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы лежат в двух пересекающихся, но все же разных плоскостях: социальном и индивидуальном времени.

Социальное время обычно трактуется как общий для всех членов того или иного (со)общества формат восприятия социального развития [22. P. 342]. Его основу составляет «потребность в социальном сотрудничестве» [23. P. 615]. В нем пересекаются и синхронизируются индивидуальные жизненные пути отдельных членов общества, устанавливается нормативный порядок выполнения определенных действий, формируются темпоральные ориентиры для осуществления жизненных программ (образовательных, карьерных, семейных и т.д.).

В отличие от «холодного», индифферентного по отношению к человеку, аксиологически нейтрального астрономического времени, социальное время по определению антропоцентрично. Это время «с человеческим лицом», построенное на корреляциях между различными общественно значимыми событиями. Некоторые из последних провозглашаются важными темпоральными ориентирами, вызывая множественные культурно санкционированные ассоциации. Так, хронологическая атрибуция события как произошедшего «вскоре после Второй мировой войны» выражает гораздо более богатые и глубокие смыслы, чем астрономически точная «в 1947 г.» [24. P. 433]. Таким образом, социальное время обладает не только количественными, но и качественными характеристиками. Его качества, как отмечают П.А. Сорокин и Р.К. Мертон, являются «производными от верований и обычаев группы» [23. P. 619]. Поскольку верования и обычаи, как и другие социальные практики, – это динамически развивающиеся категории, социальное время, в отличие астрономического, не является раз и навсегда заданным и однородным. Оно обладает неравномерностью, которая может выражаться в том числе изменением ритма: его ход может ускоряться, замедляться или вовсе сходить на нет.

Скорость является одним из главных компонентов и индивидуального времени, называемого также субъективным и «я-временем» (self-time). Это психологический опыт времени [25. P. 146], который связан не только с общим социокультурным контекстом и конкретными типами ситуаций, в которых мы оказываемся, но и с функционированием наших тел. Многочисленные экспериментальные данные свидетельствуют о том, что мы субъективно чувствуем замедление времени, когда испытываем экстремально интенсивные эмоции, выполняем незнакомые задачи, оказываемся в ситуации, когда не происходит ничего примечательного, когда нам скучно, холодно, когда мы рефлексируем, сосредоточившись на себе и когда принимаем депрессанты. Напротив, время субъективно ускоряет свой ход, когда мы выполняем хорошо знакомые операции, оказываемся в новых приятных и волнующих ситуациях, когда нам жарко и когда мы находимся под влиянием стимуляторов, амфетаминов или большого количества крепкого кофе [7. С. 62–64].

Значительная часть этих факторов лежит в области субъективного опыта и формирует специфическое внутреннее, внесоциальное ощущение времени. Однако и в области индивидуального времени релевантными оказываются средовые факторы, лежащие в сфере общего опыта: наличие или отсутствие событийной динамики.

Постоянная вовлеченность в различные формы социального взаимодействия не позволяет человеку оставаться в пределах лишь собственного темпорального опыта, вынуждая его корректировать ощущение времени, подстраиваться под общие культурно обусловленные темпоральные тренды.

Феномен акселерации времени и его языковая репрезентация

Первым и важнейшим из этих трендов, безусловно, является постоянное увеличение скорости времени.

Начиная с XX в. западная культура фактически развивается в режиме постоянного ускорения. Р. Хартмут описывает три наиболее важных типа ускорения, связанные между собой отношениями взаимной причинности и образующие «круг ускорения»: 1) ускорение технологического развития; 2) ускорение социальных изменений; 3) ускорение ритма жизни [2. P. 72].

Первое не требует особых комментариев в силу очевидности масштаба технологических инноваций, особенно в век бурного развития коммуникационных технологий. Однако второй и третий типы требуют содержательного уточнения.

По определению Р. Хартмут, ускорение социальных изменений связано с возрастающей скоростью сущностных трансформаций «социальных обстоятельств, институтов и отношений» [2. P. 16], которые носят уже не меж-, а внутрипоколенческий характер. Нестабильность социальных практик и установлений, быстрое устаревание знаний и необходимость постоянного развития новых навыков оказывает существенное влияние на темпоральные горизонты представителей современной культуры. На смену долгосрочному стратегическому планированию стабильных «биографических траекторий» приходит практика реализации серии «жизненных проектов», каждый из которых соответствует наличествующим или складывающимся социальным обстоятельствам. Люди постоянно переучиваются и переквалифицируются, меняют работу, место жительства, партнеров и весь жизненный уклад.

Такая чувствительность к социальным изменениям, способность своевременно уловить тренд и подстроиться под него активно поощряются культурой, признаются важными личностными свойствами успешного человека. Современная культура способствует формированию нового типа идентичности – ситуационного [26], основанного на «фрагментации, плюрализации и умножении» личности [2. P. 241]. Такое «умножение» неизбежно ведет к ускоренному течению жизни, когда люди, подобно кэрролловской Червонной Королеве, вынуждены бежать изо всех сил для того, чтобы просто оставаться на месте.

Для ускорения ритма жизни особую релевантность обретает такой важный социокультурный фактор, как растущая секуляризация западного общества. Для средневекового человека продолжительность собственной жизни не имела особого значения, поскольку он верил в бесконечное бытие после смерти. В современном светском обществе земная жизнь становится первой и последней возможностью; ее следует прожить максимально интенсивно и полно, используя все открывающиеся перспективы. Такая установка коренным образом меняет аксиологию человеческого бытия, когда под «хорошей жизнью» понимается уже не благодетельная, а полная жизнь. Вопрос о том, как мы хотим прожить жизнь, – это, по сути, вопрос о том, как мы хотим проводить свое время [2. P. 182], а необходимость реализации нескольких «жизненных проектов» вынуждает человека максимально уплотнять свою деятельность, избегая пустых промежутков и по возможности ускоряя темп выполнения отдельных операций. Возникает постоянное ощущение «срочности», «безотлагательности» (time urgency); само время начинает восприниматься как сверхценный и скудный ресурс, который следует использовать максимально бережно и эффективно [25. P. 157]. Ключевыми понятиями современной западной культуры становятся *time management* (управление временем) и *time budgeting* (бюджетирование расхода времени). Отметим, что сами эти понятия далеко не новы; их становление связывают с эпохой индустриализации, когда возникла необходимость оптимизации рабочих процессов и формализации показателей эффективности, а размер оплаты труда был привязан к количеству потраченного на него времени. В наше время, однако, эти понятия совершили экспансию во все сферы жизни, включая наиболее частные, интимные ее стороны. От человека ожидается, что он станет «Скруджем с секундомером» [27. P. 292], стремящимся экономно расходовать каждую секунду времени и работающим в режиме постоянной многозадачности.

Предписываемая культурой необходимость постоянно контролировать расход времени вызывает болезненную фиксацию на скорости его протекания. Для описания времени все чаще используются глаголы, которые обозначают движение, осуществляемое с превышением нормативной скорости: *race*, *sprint*, *gallop*, *rush*, *bolt*, *hurtle*, etc. Ср.:

Time is rushing to its end. Just listen and you can hear it (M.W. Walker. Under the Beetle's Cellar).

And indeed, when John Moody came into the kitchen, time hurtled forward, no longer suspended (A. Hoffman. Skylight Confessions).

Choose quickly – time is sprinting forward faster than you think (J. Conrad. The Ideal Man).

Само их употребление в контекстах такого рода не является дискурсивной инновацией нашего времени. Однако есть некоторые особенности, характерные именно для современных дискурсивных практик. Так, время все чаще осмысляется и описывается не просто как движущееся быстро, но как проносящееся *мимо* человека. Это дополнительное лингвокогнитивное измерение задается глагольными сателлитами типа *past* и *by* (о сателлитах см.: [28]). Ср.:

But time is sprinting <u>past</u> you, faster than you think (T. Aw. Five Star Billionaire).

<…> for her, time is rushing <u>past</u> (J. Johnson. Out of Time: Music and the Making of Modernity).

I have a sensation time is rushing by – of seeing it whiz past me because I can't keep up (S. Hickey. Finding Balance: Healing from A Decade of Vestibular Disorders).

Some time of it later, he stops. Speaks again about the mystery of time galloping by (L. Hunt. Angeline).

Человек фактически репрезентируется здесь как выпавший из общего потока времени, не сумевший встроиться в его ход. Отсутствие этой «встроенности» оставляет его в стороне от происходящих событий, выбрасывает его на социальную обочину, в лучшем случае оставляя ему возможность пассивного наблюдения. Время, по мнению многих исследователей, – это «проживаемый», восчувствованный опыт [29. P. 116]. Время, проходящее мимо человека, оказывается не освоенным им, превращаясь в навсегда упущенную экспериенциальную возможность.

Одновременно с этим время может описываться и как уносящееся прочь от человека, не позволяющее «догнать» его, неуловимое и недосягаемое. Такой вектор движения вновь задается глагольными сателлитами. Ср.:

Time is sprinting away, and Evan's slowly crisscrossing the lawn on the riding mower, not that seven p.m. is the ideal time to mow, and not that it needs mowing (L. Ruby. Rebel Spirits).

Time has bolted from us like a young colt (S. Przybyszewska. The Danton Case).

В контекстах такого рода дефокусирована линейность времени. Представление о времени как о непрерывной линии, простирающейся слева направо и допускающей перемещение в этом же, единственном, направлении, является базовым для современной англоязычной культуры [30], ключевым для понимания поступательного развития и прогресса [31. P. 20]. Сателлиты *past* и *by* обозначают со-линейное, одновекторное перемещение, движение «бок о бок», в то время как *away* и *from* обозначают движение от точки, принимаемой за ориентир, которое может осуществляться в любом направлении и по любой траектории. Обратим особое внимание на пример, в котором предикат быстрого движения *bolt* дополняется сравнением *like a young colt*, анималистическая образность которого исключает возможность упорядоченного, линейного, четко выстроенного движения. Отсутствие привычной линейности придает описаниям дополнительную динамичность и отчасти драматизм.

Отказ от линейности носит еще более выраженный характер в контекстах, где используются предикаты быстрого кругового движения. Ср.:

Stars and time swirled about him, and his lids began to droop (M. L'Engle. A Wrinkle in Time Trilogy).

Lilith stood still while time swirled around her (C. Cross. Love Potion #9).

I feel like time is spinning by and I'm just keeping my hands busy weaving snowflake potholders (C. Alexander. The Eggnog Chronicles).

Такие описания создают ощущение дезориентации и темпорального хаоса. Время теряет не только размеренность, но и упорядоченность, полностью выпадая из-под человеческого контроля. Ср.:

It seems that time is spinning out of control (A. Christo. My Life Story: Fiddlin' Andy, the Happy Rambler).

Time is spinning out of order, calling attention to itself (A.M. Homes. The End of Alice).

Обратим внимание еще на одну интересную особенность, характерную для современных дискурсов времени: предикаты быстрого движения часто сопровождаются наречиями и оборотами, дополнительно насыщающими контекст семантикой высокой скорости. Ср.:

From the perspective of a man who is late for an important appointment, time is rushing by at a breakneck pace (Rav P.S. Berg. The Power of You: Kabbalistic Wisdom to Create the Movie of Your Life).

Time rushed by with astonishing speed (J. Ellis. Second Time Around).

Time raced by at the velocity of light (M. Vierling. Return to Zero).

Time hurried on by a speed that is astonishing. (C. Davidson. Art and the City).

Эти описания можно отчасти квалифицировать как семантически избыточные, но они отражают характерную особенность современного восприятия времени – постоянное ощущение, что все допустимые пороги скорости оказываются превышенными.

Новые темпоральные тренды и их дискурсивное конструирование

Большой дискурсивный и лингвокогнитивный интерес представляют и изменения темпорального режима многих социальных практик и ритуалов. Речь идет о намеренном ускорении их протекания, о максимальном сжатии того, что раньше имело значительную временну́ю протяженность и нормативно считалось длительным процессом.

Показательной в этом отношении является практика *speed-dating* (букв. «быстрые свидания»). Свидание представляет собой определенный социальный ритуал, предписывающий достаточно большую длительность события, спектр возможных действий и набор коммуникативных правил. Этот ритуал оказывается слишком сложным, долгим и неэффективным для современного человека, находящегося в ситуации постоянного цейтнота. S*peed-dating* представляет собой серию специально организованных мини-свиданий, на каждое из которых отводится от 30 секунд до 10 минут. Человеку предоставляется возможность познакомиться с несколькими кандидатами и выбрать наиболее подходящего. Этот новый ускоренный ритуал был впервые предложен раввином Яковом Дейо в 1998 г. [32] и за последние двадцать лет обрел чрезвычайную популярность. В контексте нашего исследования наибольший интерес, безусловно, представляет темпоральная компрессия социальной практики, за которой стоит выраженная прагматическая составляющая: возможность максимально эффективно использовать время при выборе романтического партнера, минимизация временны́х, коммуникативных и денежных затрат, понятность и общность целей участников мероприятия и т.п.

Начиная с 2016 г. набирает популярность новая социальная практика, получившая известность как *speed-faithing*. Построенная по модели *speed-dating*, она предполагает серию ограниченных по времени диалогов, когда участники рассказывают друг другу о религии, которой они придерживаются [33]. Знакомство с религиозной традицией, которое всегда было очень длительным, вдумчивым и медитативным процессом, происходит в блиц-режиме, что, несомненно, расширяет кругозор участников сессии, но никак не способствует глубине проникновения в новую для них область.

Ярким трендом последних пяти лет является и развитие практики *speed futuring*. Участники таких сессий моделируют будущее, обсуждая спектр гипотетических возможностей в режиме «что будет, если…?» (What if?) [34]. Этот тренд парадоксален тем, что люди, и так постоянно испытывающие нехватку времени и страдающие от слишком быстрого наступления будущего, прилагают сознательные усилия для того, чтобы дополнительно ускорить его приход.

На этом фоне куда более обыденно выглядят такие трендовые практики, как *speed dressing*, *speed hiking* и *speed networking*.

Несмотря на содержательное многообразие, все эти новые тренды преследуют одну общую цель: максимизацию экспериенциальных возможностей при минимизации временны́х затрат.

В последнее время, однако, стремление ко всеобщему ускорению все чаще становится объектом жесткой критики, которая распространяется на области как социального, так и индивидуального времени. Исследователи описывают «парадокс ускорения», который заключается в том, что «больше не всегда означает лучше». Постоянные технологические и социальные трансформации, скорость которых неуклонно растет, создают «ловушку ускорения» [35. P. 157], не оставляя нам времени на то, чтобы адаптироваться к постоянно изменяющейся реальности. Безостановочность происходящих изменений приводит к тому, что у нас формируются «клаустрофобные отношения со временем» [27. P. 50]. Нам тесно в выделяемом нам временном пространстве, границы которого постоянно сужаются; нам жизненно необходимо больше времени на то, чтобы привыкнуть к инновациям, подстроиться под них, сделать их частью собственной жизни, прежде чем они успеют устареть.

Жизнь в режиме постоянного ускорения пагубна не только для социума в целом, но и для каждого отдельного индивидуума. Жесткая темпоральная дисциплина, стремление к максимальному уплотнению деятельности, недопустимость пустого времяпрепровождения приводят к ситуации, которую Т.Х. Эриксен весьма точно назвал «тиранией момента» [36]. В современных англоязычных дискурсах широко циркулирует термин *hurry sickness*, которым обозначается тип поведения, характеризующийся постоянной спешкой и беспокойством, острым и постоянным ощущением нехватки времени [37].

Обретает все большую популярность социальный тренд, известный как культура замедления ритма жизни. Создаются многочисленные движения за замедление времени, наиболее известным из которых является «Мировой институт медленности» [38].

Пропаганда более медленного образа жизни предполагает тщательную дискурсивную работу, результатом которой должна стать семантическая дискредитация слова *fast*, осуществляемая посредством его искусственной пейорации. Устойчивая ментальная привычка видеть в скорости развитие и прогресс отчасти привела к возвышению слова *fast*. В современных англоязычных словарях оно трактуется не просто как «быстрый», «осуществляемый без задержек», но и как «увлекательный, насыщенный событиями». Ср.: *exciting, with a lot of different things happening in a short time; fast way of life is one in which you travel a lot, meet a lot of people, and do a lot of exciting things* [30]. В то же время слово *slow*, по меткому замечанию К. Оноре, обретает статус «грязного слова» [18. P. 49], связывается с идеями неинтересного, скучного, несовременного, интеллектуально ущербного. Ср.: *not busy, exciting, or full of activity; not intelligent, so that you need a lot of time to understand simple things* [39].

Культурная и языковая реабилитация «медленного» осуществляется через дискредитацию «быстрого». Ярким примером такого подхода является работа К. Оноре – одного из апологетов медленной жизни [27]. Оноре связывает быстрое с агрессивным, поспешным, поверхностным, нетерпеливым, чрезмерно активным, контролирующим, предпочитающим не качество, а количество [27. P. 14].

Оноре прибегает к нескольким стратегиям дискредитации скорости. Первой из них является демонизация: скорость провозглашается дьяволом, лжебогом, еретическим культом (*the demon of speed / the demon speed, the false god of speed, the cult of speed; clock-worship*). Скорость признается враждебным началом, способным лишить человека его сущности (*dehumanizing effects of speed*). Борьба со скоростью возводится в ранг священной войны (*a global crusade*), а сторонники замедления темпа жизни репрезентируются как «апостолы» нового движения (*the most dedicated apostle of slowness*).

Параллельно с этим Оноре осуществляет морбидизацию скорости. Ускоренный темп жизни метафорически описывается им как результат заражения «вирусом спешки» (*we fall prey to the hurry bug; succumbing to the virus of hurry; the hurry virus has spread from adulthood into the younger years; insidious virus*). Стремление жить быстро репрезентируется как вид аддикции – *speedaholism*, а человек, одержимый скоростью, называется «спидоголиком» (*speedaholic*).

Заметим, что подобная морбидная интерпретация скорости характерна и для других авторов. Так, Р. Сеннетт называет ориентацию на многозадачность (*multitasking*), которая самым непосредственным образом связана с желанием ускорить темп жизни, «мультифренией» (*multiphrenia*), тем самым представляя ее

как болезнь, близкую к шизофрении [40]. Сам Оноре называет многозадачность «проклятием» (*the curse of multi-tasking*) [27. P. 11]. Достаточно широкое хождение в современной англоязычной культуре обрело словосочетание *yuppie flu*, которым обозначается синдром хронической усталости в связи с высоким темпом жизни в больших городах. Вспомним в связи с этим и термин *newyorkitis*, придуманный еще в 1901 г. хирургом Дж.Х. Гёрднером для обозначения типичных для жителей Нью-Йорка симптомов, включающих вечную спешку и связанную с ней повышенную тревожность [41].

К. Оноре представляет скорость и как поработителя, лишающего нас свободы воли: *time takes over; We become slaves to the schedule; We are enslaved by speed*. Освобождение от гнета скорости требует действий, сравнимых по своей решительности с военной операцией: *a declaration of war against speed.* Та же военная образность может использоваться и для обозначения стремления к постоянному ускорению (*arms race based on speed*). Если мы все же решаемся вступить в войну против культа скорости (*the war against the cult of speed*), передовая линия фронта располагается в нашем сознании (*the front line is inside our heads*). Иными словами, мы должны приложить сознательные усилия, чтобы замедлить темп жизни, противостоять пагубной, морально отвратительной оргии всеобщей акселерации (*orgy of acceleration*).

В том же дискурсивном ключе работают и другие активисты «медленного движения». Современная культура, где быстрая скорость жизни провозглашается обязательным условием успешности, описывается как *hustle culture* или *roadrunner culture* [42] – терминами, лишающими скорость положительной семантики. Медленное связывается с мудростью (ср.: *the wisdom of slowness* [43]), провозглашается основой новой прогрессивной философии – *slowosophy.*

Дискурсивная работа по семантической и социокультурной реабилитации слова *slow* приводит к приращению его синонимического ряда. Синонимами *slow* в контексте движения за замедление темпа жизни становятся *paced* (размеренный), *unbusy* (незанятый, свободный), *balanced* (сбалансированный), *intentional* (преднамеренный), *connected* (связанный), *deep* (глубокий), *purposeful* (целенаправленный), *holistic* (целостный), *soulful* (задушевный), *long-term / long-view* (долговременный), *low-stress* (низкострессовый), *eased (not easy!)* (облегченный), *time-rich* (темпорально насыщенный), *conscious* (сознательный), *mindful* (вдумчивый) [44]. К. Оноре добавляет к этому списку *calm* (спокойный), *careful* (осторожный), *receptive* (восприимчивый), *still* (спокойный, тихий), *intuitive* (интуитивный), *unhurried* (неспешный), *patient* (терпеливый), *reflective* (задумчивый), *quality-over-quantity* (предпочитающий качество количеству) [27. P. 14]. Обратим особое внимание на слово *mindful*, являющееся стержневым компонентом активно популяризуемой практики *mindfulness*, в основе которой лежит идея неспешного, осознанного, тщательно отрефлексированного опыта проживания каждого момента жизни (см., например: [44]).

Само слово *slow* подвергается деконструкции с целью поиска скрытых в нем положительных смыслов. Так, активисты культуры медленного питания (*slow food* – антитеза популярной концепции *fast food*) предлагают рассматривать его как акроним, шифрующий важнейшие компоненты здоровой жизни: **S**ustainable, **L**ocal, **O**rganic, and **W**hole (устойчивый, местный, органический, целостный) [45].

Особого внимания в этой связи заслуживает такое явление, как *slow science* («медленная наука»), подробно описанное И. Стенджерс в 2018 г. [46] и, по сути, знаменующее собой финальный этап семантической реабилитации «медленности». В получившем известность «Манифесте медленной науки» само ключевое слово *slow* («медленный») практически не используется в исходном своем значении. «Медленный» не просто предстает как качественный и вдумчивый, а превращается в зонтичный термин для обозначения всех тех качеств, которыми, по мнению Стенджерс, должна обладать истинно прогрессивная наука. Лишь незначительная часть этих качеств темпорально детерминирована (необходимость выстраивания *долгосрочной* перспективы – *long-term vision*; недопустимость *временных* и ненадежных контрактов – *temporary and fragile contracts*). Основная же часть манифеста содержит слова и обороты, которые не ассоциируются в массовом сознании с медленностью и лишь опосредованно сопрягаются с идеей замедления темпов развития науки. Среди них – принцип ответственности, отсутствие идеологической ангажированности, уважение к разным отраслям знания и исследовательским позициям, необходимость приносить пользу обществу, соблюдение баланса между фундаментальной и прикладной наукой, способствование социальной и экологической справедливости, демократизация высшего образования, развитие междисциплинарных исследований, защита академических прав и свобод и др.

Это новое понимание «медленности» проникло и в сферу образования, способствовав формированию концепции *slow schooling*. Вновь речь идет не столько о снижении интенсивности образовательного процесса, сколько о формировании особого типа социально и экологически ответственного поведения, возможности развиваться по собственным образовательным траекториям, формировании и сохранении чувства собственного достоинства и культурной идентичности и т.п. [47].

Таким образом, «медленность» во всех ее проявлениях отнюдь не означает отсутствие динамики, событийности, насыщенности опытом или стремления к достижению результатов. Не означает она и обязательного резкого замедления темпа жизни. Теоретики культуры медленной жизни разрешают этот парадокс обращением к понятию кайрологического времени. В отличие от хронологического времени, управляемого грозным Хроносом и задающего жесткие рамки нашей жизни, кайрологическое время,

находящееся в ведении бога момента Кайроса, – это «глубокое», «качественное», восчувствованное, проживаемое время. Это время, воспринимаемое как подходящий и правильный момент для осуществления определенных действий (см., например: [25. P. 155]). Живя «по Кайросу», мы ориентируемся на собственные ощущения, глубоко проживаем каждый момент жизни, получаем удовольствие не только от приобретаемого опыта, но и от самого процесса его приобретения. Мы открываем для себя «медленность» – забытое измерение времени, которое позволяет нам отказаться от постоянной гонки со временем (*race against the time*) и обрести радость жизни.

Заключение

Подводя итог, важно отметить, что скорость – это измерение, которое лежит в сфере социального, а через него – и индивидуального времени. Скоростной режим жизни задается культурой и усваивается каждым ее представителем. Как и в случае с другими социальными практиками, культурные предписания относительно скорости жизни с течением времени могут изменяться, порождая разные и порой прямо противоположные тренды. В настоящее время формируется выраженный тренд на замедление скорости жизни, суть которого может быть выражена формулой *Slow is the New Fast.*

Список источников

1. Frank A. About time: Cosmology and culture at the twilight of the Big Bang. New York : Free Press, 2011. 432 p.
2. Hartmut R. Social acceleration: A new theory of modernity (New directions in critical theory). New York : Columbia Univ. Press, 2013. 512 p.
3. Heidegger M. Being and time. New York : State Univ. of New York Press, 2010. 512 p.
4. Поляков С.Э. Мифы и реальность современной психологии. М. : Едиториал УРСС, 2004. 496 с.
5. Hammond C. Time warped: Unlocking the mysteries of time perception. New York : Harper Perennial, 2013. 342 p.
6. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. III: Феноменология познания. М. : Академический проект, 2011. 398 с.
7. Evans V. The crucible of language: How language and mind create meaning. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2015. 378 p.
8. Evans V. Language and time: A cognitive linguistics approach. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. 285 p.
9. Киященко Л. П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М. : ИФРАН, 2009. 205 с.
10. Денисова Т.Ю. Аватары времени: Образы и концепции времени в истории человеческой мысли. М. : ЛЕНАНД, 2019. 200 с.
11. Попова Н.С. Абстрактные концепты как сложные когнитивные структуры (на примере концепта ВРЕМЯ) // Филология и культура. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. С. 172—174.
12. Бондарева Л.М. Грамматические и неграмматические способы актуализации категории темпоральности // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 33–43.
13. Nagornaya A. Evolution of temporal mentality in Western Culture and its reflection in contemporary English // The 7th International research conference on education, language and literature. Conference Proceedings. Tbilisi : International Black Sea University, 2017. P. 42–53.
14. Boroditsky L. How languages construct time // Space, time and number in the brain. London : Academic press, 2011. P. 333–341.
15. Никуличева Д.Б. Вербализации времени в английском языке и экспериментальное исследование интероцепции биографического времени англоязычными информантами // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. С. 165–179.
16. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought. New York : Basic Books, 1999. 624 p.
17. Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 472 с.
18. Salter L., Hearn A. Outside the lines: Issues in interdisciplinary research. Quebec : McGill-Queen's University Press, 1996. 220 p.
19. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты. М. : Гнозис, 2017. 752 с.
20. Jameson F. The cultural turn: Selected writings on the Postmodern. London : Verso, 1983. 206 p.
21. Breuer S. Der Nihilismus der Geschwindigkeit. Zum Werk Paul Virilios // Leviathan. 1988. Is. 16. P. 309–330.
22. Nugin R. Social time as the basis of generational consciousness // Trames J. of the Humanities and Social Sciences. 2010. No. 14(64/59). P. 342–366.
23. Sorokin P.A., Merton R.K. Social time: A methodological and functional analysis // American J. of Sociology. Chicago, 1937. Vol. 42, No. 5. P. 615–629.
24. Lewis D., Weigert A.J. The structures and meanings of social time // Social Forces. Oxford : Oxford Univ. Press, 1981. Vol. 60, No. 2. P. 432–462.
25. Chan D. Time and methodological choices // Current issues in work and organizational psychology. Time and work. Vol. 2: How time impacts groups, organizations and methodological choices. Washington : Psychology Press, 2014. P. 146–176.
26. Törrönen J. Situational, cultural and societal Identities // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2014. Is. 44. P. 80–98.
27. Honore C. In praise of slow: How a worldwide movement is challenging the cult of speed. London : Orion, 2010. 322 p.
28. Cardini F.-E. Manner of motion saliency: An inquiry into Italian // Cognitive Linguistics. 2008. No. 19 (4). P. 533–569
29. Urry J. Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century. London : Routledge, 2012. 248 p.
30. Hall E.T. The dance of life: The other dimension of time. New York : Doubleday/Anchor Books, 1983. 250 p.
31. Greenhouse C.J. A moment's notice: Time politics across cultures. Ithaca and London : Cornell Univ. Press, 1996. 334 p.
32. Kennedy P. Who made speed dating? URL: https://www.nytimes.com/2013/09/29/magazine/who-made-speed-dating.html (дата обращения: 27.08.2022).
33. Glass-Coffin B. "Speed-faithing" engages "big questions" and builds bridges of empathy and connection, Utah State University Spotlight on Teaching // Religious Studies News. 2017. May. P. 30–34.
34. Wagner C.G. Speed futuring focuses on "What if". The Futurist. Washington, 2014. Vol. 48, Is. 6. P. 46.
35. Günther E., Lehmann-Waffenschmidt M. Deceleration – revealed preference in society and win-win-strategy for sustainable management. Concepts and experimental evidence // Innovations towards sustainability. Conditions and consequences. Dresden : Technische Universität Dresden, 2007. P. 157–181.
36. Eriksen Th.H. Tyranny of the moment: Fast and slow time in the Information Age. London : Pluto, 2001. 192 p.
37. Sword R.K., Zimbardo Ph. Hurry sickness. URL: https://www.psychologytoday.com/us/blog/the-time-cure/201302/hurry-sickness (дата обращения: 27.08.2022).
38. The World Institute of Slowness. URL: https://www.theworldinstituteofslowness.com/ (дата обращения: 31.05.2022).
39. Macmillan English dictionary for advanced learners. Oxford : Bloomsbury Publishing Plc., 2002. 1692 p.
40. Sennett R. The corrosion of character: The personal consequences of work in the new capitalism. New York : Norton, 2011. 168 p.
41. Girdner J.H. Newyorkitis. New York : The Grafton Press, 2008. 178 p.

42. Kundera M. Slowness. London : Faber & Faber, 2020. 176 p.
43. Slowosophy. URL: http://slowdownnow.org/slowosophy-the-philosophy-of-slow/ (дата обращения: 28.08.2022).
44. Halliwell E. Mindfulness: How to live well by paying attention. London : Hay House UK, 2015. 240 p.
45. O'Brian K. Slow Life: Sustainable. Local. Organic. Wholesome. Learning. Inspiring. Fun. Experiences. Singapore : Editions Didier Millet, 2009. 160 p.
46. Stengers I. Another science is possible: A manifesto for slow science. Cambridge : Polity Press, 2018. 220 p.
47. Holt M. It's time to start the slow school movement // Phi Delta Kappan. 2002. No. 84 (4). P. 264–271.

References

1. Frank, A. (2011) *About time: Cosmology and culture at the twilight of the Big Bang*. New York: Free Press.
2. Hartmut, R. (2013) *Social acceleration: A new theory of modernity (New directions in critical theory)*. New York: Columbia Univ. Press.
3. Heidegger, M. (2010) *Being and time.* New York: State Univ. of New York Press.
4. Polyakov, S.E. (2004) *Mify i real'nost' sovremennoy psikhologii* [Myths and reality of modern psychology]. Moscow: Editorial URSS.
5. Hammond, C. (2013) *Time warped: Unlocking the mysteries of time perception.* New York: Harper Perennial.
6. Cassirer, E. (2011) *Filosofiya simvolicheskikh form* [The philosophy of symbolic forms]. Translated from German. Vol. III. Moscow: Akademicheskiy proekt.
7. Evans, V. (2015) *The crucible of language: How language and mind create meaning*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
8. Evans, V. (2013) *Language and time: A cognitive linguistics approach*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
9. Kiyashchenko, L.P. & Moiseev, V.I. (2009) *Filosofiya transdistsiplinarnosti* [Philosophy of transdisciplinarity]. Moscow: Institute of Philosophy, RAS.
10. Denisova, T.Yu. (2019) *Avatary vremeni: Obrazy i kontseptsii vremeni v istorii chelovecheskoy mysli* [Avatars of time: Images and concepts of time in the history of human thought]. Moscow: LENAND.
11. Popova, N.S. (2007) [Abstract concepts as complex cognitive structures (on the example of the concept TIME)]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. Proceedings of the International Conference. Tambov: Tambov State University, pp. 172–174. (In Russian).
12. Bondareva, L.M. (2012) Grammaticheskie i negrammaticheskie sposoby aktualizatsii kategorii temporal'nosti [Grammatical and non-grammatical ways of actualizing the category of temporality]. In: Zabotkina, V.I. (ed.) (2012) *Rossiya: izmenyayushchiysya obraz vremeni skvoz' prizmu yazyka. Reprezentatsiya kontsepta vremeni v russkom yazyke v sopostavlenii s angliyskim i nemetskim yazykami* [Russia: the changing image of time through the prism of language. Representation of the concept of time in Russian in comparison with English and German]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. pp. 33–43.
13. Nagornaya, A. (2017) Evolution of temporal mentality in Western Culture and its reflection in contemporary English. *The 7th International research conference on education, language and literature*. Conference Proceedings. Tbilisi: International Black Sea University. pp. 42–53.
14. Boroditsky, L. (2011) How languages construct time. In: Dehaene, S. & Brannon, E. (eds) *Space, time and number in the brain*. London: Academic Press. pp. 333–341.
15. Nikulicheva, D.B. (2016) Verbalizatsii vremeni v angliyskom yazyke i eksperimental'noe issledovanie interotseptsii biograficheskogo vremeni angloyazychnymi informantami [Verbalization of time in English and an experimental study of the interoception of biographical time by English-speaking informants]. *Voprosy psikholingvistiki.* 27. pp. 165–179.
16. Lakoff, G. & Johnson, M. (1999) *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought*. New York: Basic Books.
17. Zabotkina, V.I. (ed.) (2012) *Rossiya: izmenyayushchiysya obraz vremeni skvoz' prizmu yazyka. Reprezentatsiya kontsepta vremeni v russkom yazyke v sopostavlenii s angliyskim i nemetskim yazykami* [Russia: the changing image of time through the prism of language. Representation of the concept of time in Russian in comparison with English and German]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
18. Salter, L. & Hearn, A. (1996) *Outside the lines: Issues in interdisciplinary research*. Quebec: McGill-Queen's University Press.
19. Zykova, I.V. (2017) *Metayazyk lingvokul'turologii: Konstanty i varianty* [Metalanguage of cultural linguistics: Constants and variants]. Moscow: Gnozis.
20. Jameson, F. (1983) *The cultural turn: Selected writings on the Postmodern*. London: Verso.
21. Breuer, S. (1988) Der Nihilismus der Geschwindigkeit. Zum Werk Paul Virilios. *Leviathan*. 16. pp. 309–330.
22. Nugin, R. (2010) Social time as the basis of generational consciousness. *Trames J. of the Humanities and Social Sciences.* 14 (64/59). pp. 342–366.
23. Sorokin, P.A. & Merton, R.K. (1937) Social time: A methodological and functional analysis. *American J. of Sociology*. 42 (5). pp. 615–629.
24. Lewis, D. & Weigert, A.J. (1981) The structures and meanings of social time. *Social Forces.* 60 (2). pp. 432–462.
25. Chan, D. (2014) Time and methodological choices. In: Cooper, C. *Current issues in work and organizational psychology. Time and work*. Vol. 2: How time impacts groups, organizations and methodological choices. Washington: Psychology Press. pp. 146–176.
26. Törrönen, J. (2014) Situational, cultural and societal Identities. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 44. pp. 80–98.
27. Honore, C. (2010) *In praise of slow: How a worldwide movement is challenging the cult of speed*. London: Orion.
28. Cardini, F.-E. (2008) Manner of motion saliency: An inquiry into Italian. *Cognitive Linguistics*. 19 (4). pp. 533–569
29. Urry, J. (2012) *Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century*. London: Routledge.
30. Hall, E.T. (1983) *The dance of life: The other dimension of time*. New York: Doubleday/Anchor Books.
31. Greenhouse, C.J. (1996) *A moment's notice: Time politics across cultures*. Ithaca; London: Cornell Univ. Press.
32. Kennedy, P. (2013) *Who made speed dating?* [Online] Available from: https://www.nytimes.com/2013/09/29/magazine/who-made-speed-dating.html (Accessed: 27.08.2022).
33. Glass-Coffin, B. (2017) "Speed-faithing" engages "big questions" and builds bridges of empathy and connection, Utah State University Spotlight on Teaching. *Religious Studies News*. May. pp. 30–34.
34. Wagner, C.G. (2014) Speed futuring focuses on "What if". *The Futurist.* 48 (6). p. 46.
35. Günther, E. & Lehmann-Waffenschmidt, M. (2007) Deceleration – revealed preference in society and win-win-strategy for sustainable management. Concepts and experimental evidence. In: *Innovations towards sustainability. Conditions and consequences*. Dresden: Technische Universität Dresden. pp. 157–181.
36. Eriksen, Th.H. (2001) *Tyranny of the moment: Fast and slow time in the Information Age*. London: Pluto.
37. Sword, R.K. & Zimbardo, Ph. (2013) *Hurry sickness.* [Online] Available from: https://www.psychologytoday.com/us/blog/the-time-cure/201302/hurry-sickness (Accessed: 27.08.2022).
38. The World Institute of Slowness. (2022) *Website*. [Online] Available from: https://www.theworldinstituteofslowness.com/ (Accessed: 31.05.2022).
39. Bloomsbury Publishing Plc. (2002) *Macmillan English dictionary for advanced learners*. Oxford: Bloomsbury Publishing Plc.
40. Sennett, R. (2011) *The corrosion of character: The personal consequences of work in the new capitalism.* New York: Norton.
41. Girdner, J.H. (2008) *Newyorkitis*. New York: The Grafton Press.
42. Kundera, M. (2020) *Slowness*. London: Faber & Faber.
43. Slowdownnow.org. (2022) *Slowosophy*. [Online] Available from: http://slowdownnow.org/slowosophy-the-philosophy-of-slow/ (Accessed: 28.08.2022).
44. Halliwell, E. (2015) *Mindfulness: How to live well by paying attention*. London: Hay House UK.

45. O'Brian, K. (2009) *Slow Life: Sustainable. Local. Organic. Wholesome. Learning. Inspiring. Fun. Experiences.* Singapore: Editions Didier Millet.
46. Stengers, I. (2018) *Another science is possible: A manifesto for slow science*. Cambridge: Polity Press.
47. Holt, M. (2002) It's time to start the slow school movement. *Phi Delta Kappan*. 84 (4). pp. 264–271.

Информация об авторах:
Нагорная А.В. – д-р филол. наук, профессор Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: anagornaya@hse.ru
Бакулев А.В. – канд. филол. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: abakulev@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
A.V. Nagornaya, Dr. Sci. (Philology), professor at the School of Foreign Languages of the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: anagornaya@hse.ru
A.V. Bakulev, Cand. Sci. (Philology), associate professor at the School of Foreign Languages of the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: abakulev@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.06.2022;
одобрена после рецензирования 04.10.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 01.06.2022;
approved after reviewing 04.10.2022; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 81`373, 81-119
doi: 10.17223/15617793/486/5

Старое и новое в системе русских этикетных формул приветствия и прощания (на материале конструкций «прилагательное + существительное»)

Татьяна Георгиевна Скребцова [1]

[1] *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*
t.skrebtsova@spbu.ru

Аннотация. Рассматриваются русские этикетные формулы приветствия и прощания, представляющие собой сочетание существительного со значением времени суток и согласованного с ним прилагательного. Описание осуществляется с опорой на понятийный аппарат грамматики конструкций. Этикетные формулы анализируются с точки зрения их формы, коммуникативной функции и особенностей употребления. Формально и функционально схожие выражения объединяются в схематичные конструкции. Итогом рассмотрения является сеть конструкций.

Ключевые слова: речевой этикет, вежливость, приветствие, прощание, грамматика конструкций, сеть конструкций

Для цитирования: Скребцова Т.Г. Старое и новое в системе русских этикетных формул приветствия и прощания (на материале конструкций «прилагательное + существительное») // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 50–57. doi: 10.17223/15617793/486/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/5

Old and new in the system of Russian etiquette formulas of greeting and farewell (based on the constructions “adjective + noun”)

Tatiana G. Skrebtsova[1]

[1] *St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, t.skrebtsova@spbu.ru*

Abstract. The article discusses conventional Russian greetings and farewells from the construction grammar perspective. The study focuses on the Adj + N phrases, with N denoting a particular time of the day (e.g., morning, evening, etc.) and Adj being roughly equivalent to the English “good”. The research is based on the Russian National Corpus. Each phrase is analyzed in terms of its form, communicative function(s), and use. Frequency diagrams drawn from the Russian National Corpus help to reveal trends in the use of particular expressions over the last two centuries. Special attention is paid to the greetings and farewells that have appeared in the three past decades, after the perestroika. As part of the speech etiquette system, greetings and farewells are shown to have been affected by manifold factors, including sociopolitical transformations, technical innovations, globalization and the lingua franca status of the English language. The whole set of phrases is primarily divided into three formal syntactic models viewed as abstract macroconstructions. Within each, individual phrases (i. e. microconstructions) are grouped together depending on their possible communicative function under the so-called mesoconstructions. Each mesoconstruction places certain constraints on both components. As a result, a constructional taxonomy emerges, with phrases at the bottom, partly schematic mesoconstructions in the middle, and more abstract models at the top. Apart from the vertical (taxonomical), horizontal (semantic) relations are established, too, linking phrases marked by similar content and function, e.g., good morning greetings, good night farewells, etc. Remarkably, both polysemy and synonymy of phrases are found, which makes it a case of many-to-many correspondence. The total set of relations, both vertical and horizontal, presents the Adj + N greetings and farewells as a well-integrated constructional network. Moreover, the underlying semantic similarity of the nouns makes it possible to call it a family of constructions. This family of constructions is by no means a closed set of units. Its boundaries can be transgressed, and new phrases can enter. Besides, it has links to other structural kinds of greetings and farewells as well as etiquette phrases similar in form but slightly different in meaning (e.g., congratulations, wishes). This corroborates the construction grammar viewpoint that language as a whole is a structured inventory of constructions with variable degrees of schematicity.

Keywords: speech etiquette, politeness, greeting, farewell, construction grammar, constructional network

© Скребцова Т.Г., 2023

***For citation*:** Skrebtsova, T.G. (2023) Old and new in the system of Russian etiquette formulas of greeting and farewell (based on the constructions “adjective + noun”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 50–57. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/5

Введение

Речевой этикет – возможно, самый «живой», подвижный фрагмент языковой системы, непосредственно затрагиваемый различными изменениями в жизни общества: политическими, идеологическими, научно-техническими. Формулы вежливости социально обусловлены и исторически изменчивы. В России последних десятилетий к ключевым факторам, влияющим на формирование системы речевого этикета, можно отнести перестройку, глобализацию, бурное развитие информационных и коммуникационных технологий, а также усиление английского языка в качестве языка международного общения.

Интерес к речевому этикету со стороны прикладных дисциплин (преподавание иностранных языков, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, дипломатия) закономерен и понятен; из недавних работ отметим [1–3]. Широко представлены сопоставительные исследования, среди которых особенно выделяются многочисленные публикации Н.И. Формановской с коллегами, посвященные сравнению русского речевого этикета с этикетными нормами в славянских, романских и германских языках (укажем, в частности, на [4–6]). В схожем русле лежат параметрические описания коммуникативного поведения разных народов, выполненные под руководством и при непосредственном участии И.А. Стернина (см., например: [7–9]).

Что касается обращения более широкого круга лингвистов к этому предмету, оно связано с общим сдвигом фокуса внимания с системы языка к его функционированию, который ознаменовался становлением теории речевых актов, лингвистической прагматики, социолингвистики, коммуникативной лингвистики.

Формулы речевого этикета, к которым относятся рассматриваемые в настоящей статье выражения приветствия и прощания, по-разному интерпретируются представителями различных дисциплин. Несколько огрубляя положение вещей, можно сказать, что акцент делается либо на их перформативности, либо на социальной функции, хотя это разделение в известной мере искусственно.

В общепринятой классификации речевых актов приветствия и прощания причисляют к экспрессивам; при этом отмечается способность экспрессивов к перформативному употреблению [10. С. 183]. Г.Г. Почепцов выделяет перформативы в качестве особого прагматического типа предложений, включая в него приветствия, извинения, поздравления и т.п. [11. С. 274–276]. Ю.Д. Апресян помещает интересующие нас выражения в особый разряд «канонических перформативов» – в так называемые речевые ритуалы [12].

С точки зрения стилистики все речевые ритуалы принадлежат к области фатической (в противоположность информативной) коммуникации [13. С. 26–31]. Их относят к этикетным жанрам, «цель которых – осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума» [14. С. 92]. Дж. Лич также подчеркивает важность социального аспекта коммуникации, выделяя типы речевых актов «в соответствии с тем, как они связаны с целью установления и поддержания вежливости» [15. P. 104]. Так, у приветствий и прощаний иллокутивная цель совпадает с социальной (в отличие от других высказываний, где соответствующие цели могут конкурировать, конфликтовать и т.п.) [15. P. 104]. Наконец, стоит отметить близость рассматриваемых выражений к классу так называемых коммуникативов, который пока имеет лишь приблизительные очертания и недостаточно охарактеризован с точки зрения своего состава, морфологических и функциональных свойств соответствующих единиц (см.: [16]).

Предмет, цель, методология, материал исследования

Объект настоящего исследования составляют языковые выражения, содержащие в своем составе название времени суток (*утро, день, вечер, ночь*) и определение к нему (прилагательное *добрый, хороший, спокойный* или *покойный*) и использующиеся в качестве этикетных формул приветствия и прощания, ср.: *Доброе утро!; Спокойной ночи!; Хорошего дня!* и т.п. Они являются частью более широкого круга этикетных формул, употребляющихся в начале или в конце коммуникативного события, ср.: *Здравствуйте!; Привет!; До свидания!; Всего доброго!; Пока!* и т.д.

Формулы приветствия и прощания являются типичным примером того, что в школе конверсационного анализа называется парой смежных реплик (adjacency pair) (ср.: [17]). От прочих пар смежных реплик (в частности поздравлений и пожеланий) они отличаются «симметричным ответом»: в ответ на приветствие, как правило, также следует приветствие (нередко с использованием той же этикетной формулы), а на прощание отвечают прощанием. Ответом же на поздравление или пожелание обычно является благодарность (ср.: [18]). Это дает нам основание объединить конструкции приветствия и прощания. Дополнительным важным фактором является то, что некоторые выражения могут использоваться в обеих функциях (см. далее).

Построенные соответствующим образом этикетные формулы рассматриваются в совокупности, в качестве своеобразной системы. Они получают комплексное описание как с точки зрения современного языкового узуса, так и в аспекте своего происхождения и эволюции. В качестве теоретического подхода используется грамматика конструкций (см. например: [19–21]), позволяющая представить в системном виде формальные и семантические отношения между отдельными единицами.

С точки зрения грамматики конструкций каждая этикетная формула может считаться конструкцией, поскольку удовлетворяет известному определению

А. Голдберг: «С является конструкцией тогда и только тогда, когда С представляет собой пару “форма – значение” <F_i, S_i> такую, что существуют некий аспект F_i или некий аспект S_i, не выводимый из составных частей С или из других ранее установленных конструкций» [19. P. 4]. Иными словами, конструкции характеризуются некомпозициональностью своей формы и/или значения. Очевидно, что это справедливо в отношении устоявшихся формул речевого этикета.

Принимая во внимание мысль о существовании конструкций разной степени схематичности и используя соответствующую терминологию (см., например: [22, 23]), можно считать каждую этикетную формулу микроконструкцией и объединять структурно схожие формулы в рамках более схематичных мезоконструкций и еще более абстракных макроконструкций, допускающих лексическую вариативность и стоящих выше в общей иерархии.

Целью настоящей статьи, таким образом, является структурное описание рассматриваемых формул приветствия и прощания в рамках грамматики конструкций. Сам термин *конструкция* используется как в описанном выше смысле, так и в традиционной синтаксической интерпретации (ср. *генитивная конструкция*).

Источником материала исследования послужил Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – его основной, газетный и устный подкорпусы. Все наблюдения делаются только на этой основе. В ряде случаев мы прибегаем к помощи такого инструмента НКРЯ, как распределение по годам, который позволяет делать заключения по поводу частотности тех или иных конструкций в разные временные отрезки (от их первой фиксации в корпусе вплоть до 2019 г.). Распределение по годам представляет собой график относительной частоты языкового выражения, традиционно измеряемой в ipm (item per million, т.е. число употреблений на миллион). При этом мы отдаем себе отчет в наличии шума, поскольку то или иное выражение может выступать не в качестве этикетной формулы, а как свободное словосочетание в рамках предложения – особенно это существенно в случае генитивных конструкций. В связи с этим подчеркнем, что развернутые примеры наподобие *Я желаю Вам доброго утра* не входят в наше рассмотрение.

Объем анализируемого материала сильно варьируется в зависимости от конкретных выражений. К примеру, приветствие *Доброе утро!* встречается в 485 контекстах основного подкорпуса НКРЯ и широко представлено в других подкорпусах (правда, в газетном подкорпусе велика доля шума, связанная с упоминанием известной телепередачи «Доброе утро»). С другой стороны, выражение *С добрым вечером* встречается исключительно в основном подкорпусе, в 7 цитатах, из которых только 3 являются собственно приветственными формулами – в прочих случаях мы имеем дело с актантами глаголов *приветствовать, поздравлять* и др. (ср. у Б. Пильняка: *«поздравить меня с добрым вечером»*). Высокая доля шума, особенно характерная для конструкций с творительным падежом и генитивных конструкций, затрудняет общую оценку объема материала.

Что касается коммуникативной функции того или иного выражения (приветствие или прощание), она определяется вручную путем анализа того, является ли соответствующая реплика инициальной или финальной в речевом обмене. Попутно заметим, что этикетные формулы, завершающие обмен, синкретично с прощанием могут выражать пожелание (ср. *Спокойной ночи!; Хорошего дня!*).

В таблице приводится полный список анализируемых выражений, извлеченных из НКРЯ, с указанием их возможных функций. Дифференциация на частые и редкие не проводится; в отдельных случаях указывается предпочтительное наличие распространяющих местоимений 2-го лица.

В следующих разделах мы обратимся к более подробному рассмотрению данных этикетных формул.

Этикетные формулы приветствия и прощания, рассматриваемые в данной статье

Этикетная формула	Используется в качестве приветствия	Используется в качестве прощания
Доброе утро	+	–
Добрый день	+	–
Добрый вечер	+	–
Добрый день или вечер	+	–
Добрая ночь	+	+
Утро доброе	+	–
День добрый	+	–
Вечер добрый	+	–
Доброго утра	+	+ (тебе/вам)
Доброго дня	+	+
Доброго вечера	+	+ (тебе/вам)
Доброй ночи	+	+
С добрым утром	+	–
С добрым вечером	+	–
Спокойная ночь	–	+
Спокойной ночи	–	+
Покойная ночь	–	+
Покойной ночи	–	+
Хорошего дня	–	+
Хорошего вечера	–	+
Доброе время суток	+	–
Доброго времени суток	+	–

Конструкции с существительным в именительном падеже: почти всегда приветствие

На сегодняшний день именно конструкции с существительным в именительном падеже *Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер!* являются рекомендованными формулами приветствия [24. С. 82]; более того, приветствие является для них единственно возможной коммуникативной функцией. Они на шаг дальше, чем аналогичные генитивные конструкции, отошли от исходного перформативного высказывания (ср.: *Желаю тебе/вам доброго утра*) и превратились в «чистые» фатические высказывания.

Частотность их употребления существенно превосходит «конкурирующие» конструкции с родительным и творительным падежом (см. ниже). Так, в отдельные десятилетия XX в. относительная частота формул *Доброе утро!* и *Добрый вечер!* достигала 5 ipm. Что касается выражения *Добрый день!*, в первое десятилетие XXI в. оно демонстрирует резкий рост употребления, превышая величину в 10 ipm.

Формула *Доброе утро!* заслуживает особого внимания. В новой России отмечается расширение сферы ее употребления: помимо приветствия непосредственно после пробуждения она стала использоваться как стандартное приветствие в первой половине дня. Исследователи связывают это с влиянием западного речевого этикета [25. С. 66].

В последнее время стало активнее использоваться инвертированное приветствие *День добрый!*, фиксируемое в НКРЯ с середины XIX в. На протяжении всего периода его частотность остается невысокой (менее 1 ipm). Тем не менее начиная с 1970-х гг. заметен рост употреблений, а в 2000-е гг. он становится еще более выраженным (впрочем, оставаясь в пределах указанных значений). По-видимому, это обусловлено разговорно-сниженной окраской данного выражения, которая оказывается востребованной в различных жанрах электронной коммуникации, ср.:

(1) [chainik, муж] *День добрый, опишу кратенько ситуацию. Давайте по пунктам, потому что, наверное, так будет проще: 1.* [коллективный. «Веселуха» на 11 тысяч знаков (2015.03.14)].

Структурно схожие выражения *Вечер добрый!* и *Утро доброе!* не имеют выраженной динамики частотности, оставаясь достаточно редкими.

В отличие от конструкций, рассмотренных выше, выражение *Добрая ночь!* может использоваться и в начале (2), и в конце общения (3), ср.:

(2) *Запах незнакомого курева, острый и сладкий, щекотал ноздри. «Добрая ночь, – сказал человек. – Не то чтобы я тебя звал, но раз пришел, то говорить с тобой мне будет приятно* [Александр Пятигорский. Древний Человек в Городе // «Октябрь», 2001].

(3) *– Прощай же; добрая ночь, – сказал мне господин, – а завтра ты придешь рассказать, что видел* [В. Вонлярлярский. Поездка на марсельском пароходе. 1850].

Согласно графику распределения, частотность этого выражения (в совокупности обоих типов употребления) заметно убывает к началу XX в., а в послереволюционный период фактически сходит на нет.

В силу своей амбивалентности выражение *Добрая ночь!* также может рассматриваться в ряду выражений, использующихся при прощании перед сном, а именно: *Покойная ночь!; Спокойная ночь!*, хотя более привычной здесь является генитивная конструкция (*Доброй ночи!; Спокойной ночи!; Покойной ночи!*). Семантика прилагательных *покойный, спокойный* в сочетании с существительным *ночь* практически сводит на нет возможность употребления соответствующих формул в качестве инициальной реплики речевого обмена.

Сравнительно недавно традиционный перечень этикетных формул с существительным в именительном падеже пополнился новым выражением *Доброе время суток!*, которое стало активно использоваться в некоторых жанрах электронной коммуникации, в частности в онлайн-чатах. Популярность этой формулы связывают с развитием коммуникационных технологий и глобализацией, при которых отправитель электронного письма или участник онлайн-чата не может предвидеть, в какое время суток его послание будет прочитано. Это спровоцировало построение нового этикетного выражения на базе имеющихся (*Доброе уро!, Добрый день, Добрый вечер!*), где прилагательное *добрый* используется в качестве определения к гипероним *время суток*. Стилистический конфликт между функцией (неформальным приветствием в электронном общении) и официально-деловым оттенком словосочетания *время суток* позволяет квалифицировать это искусственно созданное выражение как проявление языковой игры. Оно используется исключительно как приветствие, ср.:

(4) *Доброе время суток, скажите пожалуйста, можно ли очищать лицо средствами для жирной кожи, а крем использовать – для сухой?* [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум). 2005].

Своеобразным предшественником этой новой этикетной формулы можно считать выражение *Добрый день или вечер*, которое в Словаре русского речевого этикета снабжено пометами «эпистолярное» и «просторечное»; в дефиниции указывается, что эта формула приветствия «употребляется преимущественно в письмах к родственникам, друзьям или близким знакомым» (речь, разумеется, идет о традиционных, неэлектронных письмах. – *Т.С.*) [26. С. 144]. НКРЯ содержит несколько примеров ее употребления, ср.:

(5) *Утром 20 декабря пришло письмо от Диваныча, написанное кудрявым почерком с причудливыми завитушками и необычным стилем: «Здравствуйте, Аглая Степановна! Добрый день или вечер! Пишет вам ваш знакомый тов. Кашляев Д.И. полк-ник в отставке* [Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // Знамя. 2000].

С точки зрения грамматики конструкций, рассмотренные этикетные формулы (микроконструкции) охватываются следующими мезоконструкциями. Для формул приветствия это: 1) «*добрый* + $N_{им.}$», где N может замещаться словами *утро*, *день*, *вечер*, *ночь* или сочетанием *время суток*, а прилагательное согласуется по роду с существительным, и 2) «$N_{им.}$ + *добрый*» (N – *утро*, *день* или *вечер*, прилагательное согласовано по роду); для формул прощания – «$Adj_{им.}$ + *ночь*», где Adj замещается прилагательными *добрая*, *спокойная* или *покойная*[1].

Конструкция с существительным в родительном падеже: скорее прощание, но…

Из всех конструкций, рассматриваемых в данной статье, эта группа является самой многочисленной и неоднородной. Некоторые выражения используются только при завершении речевого обмена, другие неоднозначны с точки зрения коммуникативной функции, а одна этикетная формула, напротив, служит только для приветствия.

Использовать статистические данные об их частотности и сравнивать ее с частотностью соответствующих номинативных конструкций не всегда возможно в силу двух обстоятельств. Во-первых, автоматический подсчет относительной частоты не предполагает учет коммуникативной функции, т.е. невозможно отдельно подсчитать употребления той или иной формулы в качестве приветствия и в качестве прощания. Во-вторых, именно при подсчете генитивных конструкций особенно велика доля шума, связанного с употреблением их в качестве дополнения (ср.: *желаю вам доброго утра, пожелал ей доброго вечера* и т.п.), что лишает смысла все предприятие.

Начнем с рассмотрения тех генитивных конструкций, которые используются исключительно при завершении речевого обмена. Их употребление в качестве финальной реплики представляется вполне закономерным, поскольку оно, во-первых, непосредственно связано с полным перформативным высказыванием *Желаю вам…* и, во-вторых, встраивается в ряд с прочими формулами прощания/пожелания с родительным падежом типа *Всего доброго! Всех благ! Счастливого пути!* В нашем материале к формулам прощания относятся выражения *Спокойной ночи!* и *Покойной ночи!*. Они давно конкурируют друг с другом, и общая тенденция состоит в вытеснении второго первым. Частотность выражения *Покойной ночи!* в середине XIX в. превышало 4 ipm; примечательно, что второй подобный пик пришелся на 1930–1940-е гг., а затем наступил резкий спад. У формулы *Спокойной ночи!* динамика употребления характеризуется последовательным ростом: к 1900-м гг. частотность достигает 3 ipm, а к середине XX в. – уже 7 ipm. Выражение *Покойной ночи!* к концу XX – началу XXI в. практически перестает фиксироваться.

В последнее время к привычным генитивным конструкциям прощания/пожелания добавились новые выражения *Хорошего дня!* и (реже) *Хорошего вечера!*. Происхождение этих выражений очевидным образом связано с калькированием аналогичных этикетных формул английского языка *Have a good day!, Have a nice day!*. Их вхождение в языковой узус произошло стремительно: все соответствующие примеры в корпусе датированы XXI в. Это обстоятельство обусловливает их неоднозначное восприятие, ср.: «Включение в формулу указания на время суток может восприниматься как неуместное вторжение в частную жизнь адресата, поскольку подразумевает гипотезу о том, чем адресат собирается заниматься в ближайшее время» [25. С. 67].

К другой группе конструкций относятся этикетные формулы *Доброго утра!, Доброго дня!, Доброго вечера!* и *Доброй ночи!*, которые могут служить как приветствием, так и прощанием/пожеланием. Заметим, что примеры на сочетания с существительными *утро* и *вечер* в функции прощания являются единичными и содержат в своем составе местоимения 2-го лица, которые, по-видимому, призваны «усилить» интерпретацию в духе прощального пожелания, ср.:

(6) *Ввалились домой засветло, в комнате 1331 никого, Баев у родителей, вернется завтра. Ладно, говорит Митя, я пошел. Доброго утра тебе. Куда ты пойдешь?– спрашиваю, Вон там с Ленкой, наверняка закрылись и не пустят* [Завершнева Е. Высотка. 2012].

Особого внимания заслуживают приветственные формулы *Доброго дня!* и *Доброй ночи!*. Первая бытовала в русском языке в XIX в., впоследствии практически вышла из обихода, но в последние десятилетия активно возрождается, ср.:

(7) [VetaSvet, жен] *Доброго дня дорогой читатель! Суши Мин – это достаточно большая сеть заведений (суши-бар) в Нижегородской области* [коллективный. Суши Мин – ТЦ Республика… когда особо нет выбора.. (2014.12.03)].

Некоторые лингвисты считают, что подобные употребления расшатывают стройную систему русского этикета, в которой родительный падеж традиционно использовался для прощания, а для приветствия – именительный (см. например: [24. С. 82]). В целом это замечание верно, хотя НКРЯ содержит примеры употребления генитивной конструкции в функции приветствия, датированные еще XIX в., ср.:

(8) *Рядом с ним шел прямой господин, совсем как бы не имевший способности гнуться и как бы насаженный на железный стержень. – Доброго дня! – сказал генерал, войдя и подавая руку Ионе, но не обертываясь, впрочем, к нему лицом* [Писемский А.Ф. Взбаламученное море. 1863].

(9) *Он робко снял с редковолосой головы старенький картуз с козырьком из сахарной бумаги и низко поклонился ему. – Доброго дня, Егор Сергеич! – проговорил он. Голос у него был тоненький и слащавый* [Будищев А.Н. Степные волки. 1897].

(10) *Панас Олиенко, увидев и узнав меня на рынке, подошел ко мне с почтительным поклоном и приветствием: «Добрый день, пане поповичу!»* [Сомов О.М. Сватовство. 1831].

На фоне амбивалентной конструкции *Доброго дня!* выражение *Доброй ночи!*, ранее использовавшееся в качестве прощания на ночь, в последнее время также стало использоваться в обеих функциях. Его употребление в качестве приветствия справедливо связывают с появлением прямого ночного эфира [24. С. 82], ср.:

(11) *Проиграла музычка, и Наталья, обращаясь к одной из камер, сказала: – Доброй ночи! В эфире программа «Ночь: разговор». Сегодня у нас в гостях известная российская писательница Татьяна Соломатина* [Соломатина Т. Мой одесский язык. 2011].

В завершение следует упомянуть о формуле *Доброго времени суток*, которая, как и соответствующая

конструкция с существительным в именительном падеже (см. выше), используется только в качестве приветствия. Обе они возникли на рубеже XX и XXI вв. и достигли пика употребления в 2008 г. Однако относительная частота генитивной конструкции заметно выше, чем номинативной: 0,8 ipm против 0,2 ipm в качестве максимальных значений.

Пример ниже наглядно иллюстрирует то, как гиперонимическое словосочетание *время суток* позволяет в приветствии избежать указания на конкретный временной интервал:

(12) *Доброго времени суток, Антонас!!!!!!! В вашем сообщении от 27 Марта 2003, 10: 54: 55 вы писали:> Доброе утро, добрый день, добрый вечер и спокойной ночи my new "girl friend"* [ответ девушки юноше, содержащий фрагменты письма юноши (2003)].

Попытаемся теперь обобщить сказанное в терминах грамматики конструкций. Мезоконструкция приветствия выглядит следующим образом: «доброго $N_{род.}$», где N может замещаться существительными «утро», «день», «вечер», «ночь» или сочетанием «время суток» (прилагательное согласовано по роду с существительным).

С общей формулой прощания дело обстоит сложнее ввиду вариативности обоих членов словосочетаний и запретов на определенные комбинации. В итоге приходится постулировать несколько мезоконструкций: 1) «$Adj_{род.}$ ночи», где Adj может замещаться прилагательными «добрый», «покойный», «спокойный»; 2) «хорошего $N_{род.}$», где N замещается существительными «день или «вечер»; 3) «доброго $N_{род.}$», где N – утро, день, вечер или ночь. Заметим, что микроконструкция *Доброй ночи!*, таким образом, попадает в две таксономии.

Конструкция с предлогом *с* и существительным в творительном падеже: и снова здравствуйте!

Конструкции с существительным в творительном падеже (*С добрым утром!* и *С добрым вечером!*) в современном русском языке встречаются довольно редко. Относительная частота формулы *С добрым утром* за последние полвека заметно снизилась: от пика выше 4 ipm (в 1960-е гг.) до теперешних показателей менее 1 ipm. Конструкция *С добрым вечером* на протяжении всего наблюдаемого периода остается редкой. НКРЯ содержит единичные примеры (причем только в своем основном подкорпусе), ср.:

(13) *Навстречу мне идет с палочкой и добродушно смотрит на меня сквозь стекла больших толстых очков – и так мило говорит: «С добрым вечером!»* [Пастернак Л.О. Записи разных лет. 1943].

Соответствующие сочетания со словами *день* и *ночь* в НКРЯ не зафиксированы. Примечательно, что имеется построенное по данной модели выражение *С хорошим днем!*, но оно не встречается самостоятельно ни в одном из примеров, а может лишь выступать в качестве сопровождения к другим приветствиям, ср.:

(14) *В это время раздавалась веселенькая музыка Оскара Фельцмана и звучали строчки Ольги Фадеевой: «С добрым утром, с добрым утром и с хорошим днем»*. [Быков В., Деркач О. Книга века. 2000].

(15) *– Доброе утро, товарищи, – бодро приветствовал он нас. – С хорошим днем. – Аркадий Михайлович, – перебила его регистраторша. – Этот гражданин доставил нам тело скончавшегося доктора Кауфмана* [Лунгин С. Виденное наяву. 1989–1996].

Нетрудно заметить, что в комбинации с традиционными, стандартными формулами приветствия типа *Доброе утро!*, сочетание *С хорошим днем!* выражает не столько приветствие, сколько пожелание. Поэтому мы не учитываем его в общем списке конструкций приветствия и прощания.

Таким образом, обобщающая мезоконструкция выглядит следующим образом: «с + добрым + $N_{тв}$», где N может замещаться существительным утро или вечер.

Связи между конструкциями

В предыдущих разделах мы рассмотрели три структурные модели формул приветствия и прощания. Было показано, что одна и та же модель при различном лексическом наполнении может употребляться в разных функциях. Отдельные этикетные формулы рассматривались в качестве микроконструкций и объединялись в схематичные мезоконструкции на основе их формального сходства и функциональной общности; тем самым, было построено ограниченное множество таксономий. Заметим, что это множество было бы иным, если бы в расчет брался какой-то один критерий (форма или содержание) в отдельности, а не их совокупность. С точки зрения грамматики конструкций такие способы группировки вполне допустимы. В то же время одновременный учет формы и функции нам показался наилучшим способом продемонстрировать особенности употребления отдельных групп выражений.

Было показано, что каждая мезоконструкция налагает свои ограничения на то, какие прилагательные или существительные могут замещать соответствующие позиции. Это означает, что степень вариативности ниже, чем чисто логические возможности комбинаторики, подтверждая исходную мысль о том, что применение грамматики конструкций к описанию данного материала является оправданным.

Мезоконструкции, в свою очередь, подчиняются трем макроконструкциям, которые выделены на сугубо формальных основаниях и, по существу, соответствуют разделам данной статьи: Adj + $N_{им.}$ (с возможностью перестановки компонентов местами), Adj + $N_{род.}$ и *с* Adj + $N_{тв}$. Каждая из них налагает требования на заполнение позиций существительного и прилагательного (отдельно и в комбинации друг с другом).

Примечательно, что помимо вертикальных (иерархических) отношений этикетные формулы выстраиваются в обширные синонимические ряды, ср., например, приветствия *Доброе утро! – Доброго утра! – С добрым утром!* или прощания на ночь *Добрая ночь! – Доброй ночи! – Покойная ночь! – Покойной ночи! – Спокойная ночь! – Спокойной ночи!*. Говорить о синонимических отношениях на уровне мезо- и макроконструкций едва ли возможно

ввиду несовпадения требований к заполнению компонентов формул.

Заключение

Этикетные формулы приветствия и прощания в русском языке образуют систему тесно связанных между собой единиц. С течением времени она претерпевает изменения: одни выражения (например, *Покойная ночь! Покойной ночи! С добрым утром!*) начинают употребляться все реже, другие, напротив, активизируются, развивая новые значения (ср.: *Доброго дня! Доброй ночи!*). Будучи восприимчивой к социальным изменениям, система открыта для пополнения новыми выражениями: эта черта ярко проявляется в последние десятилетия, когда буквально на наших глазах возник ряд новых формул приветствия и прощания, таких как *Доброе время суток! Доброго времени суток! Хорошего дня!*

Проведенный анализ выявил как формальные, так и функционально-семантические связи между соответствующими конструкциями. Имеют место отношения полисемии и синонимии, т.е. много-много-значное соответствие между отдельными выражениями и их функциями. В совокупности эти связи обеспечивают сплоченность всей группы. Учитывая семантическое родство соответствующих существительных и по аналогии с группой конструкций, описанных в [27], мы считаем возможным говорить не просто о сети, а о семействе конструкций.

Это семейство не является замкнутым участком языковой системы, так как связано с другими формулами приветствия и прощания, несущими ту же функциональную нагрузку, ср.: *Здравствуйте!, Всего доброго!* и пр. В более широком контексте (с некоторым сдвигом значения) рассматриваемые выражения близки к поздравлениям и пожеланиям, которые нередко строятся по аналогичным моделям, ср.: *С новым годом!, С днем рождения!, С легким паром!, Удачи!, Успехов!* и т.п. Возможность выхода за границы группы подтверждает важный тезис грамматики конструкций о том, что язык представляет собой упорядоченную сеть конструкций разной степени схематичности, в каждой из которых форма и значение связаны друг с другом конвенционально и некомпозиционально.

Примечание

[1] Adj – обозначение прилагательного, N – обозначение существительного с подстрочным указанием падежа.

Список источников

1. Ниссен В.Ю., Карасева Т.В. Русский речевой этикет : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2011. 80 с.
2. Михальчук Т.Г. Русский речевой этикет: практикум : учеб. пособие. Минск : Вышэйшая школа, 2016. 320 с.
3. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Практикум вежливого речевого общения : учеб. пособие. 6-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2016. 184 с.
4. Формановская Н.И., Тучны П.Г. Русский речевой этикет в зеркале чешского. М. : Русский язык ; Прага : Гос. пед. изд-во, 1986. 240 с.
5. Формановская Н.И., Астахова Е.В. Речевой этикет: русско-португальские соответствия: Справочник. М. : Высшая школа, 1998. 110 с.
6. Формановская Н.И., Третьякова Н.Н. Русский и немецкий речевой этикет: сходства и различия : справочник. М. : Высшая школа, 2010. 119 с.
7. Американское коммуникативное поведение / под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. Воронеж : ВГУ-МИОН, 2001. 224 с.
8. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж : Истоки, 2003. 183 с.
9. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 3-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2007. 328 с.
10. Сёрль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 170–194.
11. Почепцов Г.Г. Предложение // Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М. : Высшая школа, 1981. С. 164–281.
12. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1986. Т. 45, № 3. С. 208–223.
13. Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М. : ВК, 2009. 334 с.
14. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 88–98.
15. Leech G. Principles of Pragmatics. London ; New York : Longman, 1983. 250 p.
16. Шаронов И.А. Коммуникативы и методы их описания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог–2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). М. : РГГУ, 2009. С. 543–547.
17. Schegloff E.A., Sacks H. Opening up closings // Semiotica. 1973. Vol. 8, № 4. P. 289–327.
18. Kohrt M. Von „Hallo!“ „Wie geht’s?“ bis zu „Tschüs!“ „Mach’s gut!“: Grüße, Grußformen und Verwandtes im gegenwärtigen deutschen Sprachgebrauch // Sprachtheorie, Pragmatik, Interdisziplinäres. Akten des 19. Linguistischen Kolloquiums: Vechta 1984. Bd. 2. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1985. S. 173–184.
19. Goldberg A.E. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago : The University of Chicago Press, 1995. 265 p.
20. Лингвистика конструкций / отв. ред. Е.В. Рахилина. М. : Азбуковник, 2010. 584 с.
21. Скребцова Т.Г. Грамматика конструкций как лингвистическая теория // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 8. СПб. : СПбГУ, 2010. С. 34–45.
22. Traugott E.C. Grammaticalization, constructions and the incremental development of language: Suggestions from the development of degree modifiers in English // Variation, Selection, Development – Probing the Evolution Model of Language Change. Berlin : Mouton de Gruyter, 2008. P. 219–250. doi: 10.1515/9783110205398.3.219
23. Traugott E.C. “All that he endeavoured to prove was…”: On the emergence of grammatical constructions in dialogic contexts // Language in Flux: Dialogue Coordination, Language Variation, Change and Evolution. London : King’s College Publications, 2008. P. 143–177.
24. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М. : Знак ; Языки славянских культур, 2007. 232 с.
25. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
26. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. 2-е изд. М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
27. Скребцова Т.Г. Лексикализованные формы русских перцептивных глаголов как семейство конструкций // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 265–278. doi: 10.17223/ 18137083/74/20

References

1. Nissen, V.Yu. & Karaseva, T.V. (2011) *Russkiy rechevoy etiket: ucheb. posobie* [Russian speech etiquette: textbook]. Moscow: Flinta; Nauka.
2. Mikhal'chuk, T.G. (2016) *Russkiy rechevoy etiket: praktikum: ucheb. posobie* [Russian speech etiquette: casebook]. Minsk: Vysheyshaya shkola.
3. Akishina, A.A. & Formanovskaya, N.I. (2016) *Russkiy rechevoy etiket: Praktikum vezhlivogo rechevogo obshcheniya: ucheb. posobie* [Russian speech etiquette: A casebook of polite speech communication]. 6th ed. Moscow: LENAND,
4. Formanovskaya, N.I. & Tuchny, P.G. (1986) *Russkiy rechevoy etiket v zerkale cheshskogo* [Russian speech etiquette in the mirror of Czech]. Moscow: Russkiy yazyk; Prague: Gos. ped. izd-vo.
5. Formanovskaya, N.I. & Astakhova, E.V. (1998) *Rechevoy etiket: russko-portugal'skie sootvetstviya: Spravochnik* [Speech etiquette: Russian-Portuguese correspondences: a guide]. Moscow: Vysshaya shkola.
6. Formanovskaya, N.I. & Tret'yakova, N.N. (2010) *Russkiy i nemetskiy rechevoy etiket: skhodstva i razlichiya: spravochnik* [Russian and German speech etiquette: similarities and differences: a guide]. Moscow: Vysshaya shkola.
7. Sternin, I.A. & Sternina, M.A. (eds) (2001) *Amerikanskoe kommunikativnoe povedenie* [American communicative behavior]. Voronezh: VSU-MION.
8. Sternin, I.A., Larina, T.V. & Sternina, M.A. (2003) *Ocherk angliyskogo kommunikativnogo povedeniya* [Essay on English communicative behavior]. Voronezh: Istoki.
9. Prokhorov, Yu.E. & Sternin, I.A. (2007) *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: communicative behavior]. 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka.
10. Searle, J. (1986) A classification of illocutionary acts. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 17. Moscow: Progress. pp. 170–194. (In Russian).
11. Pocheptsov, G.G. (1981) Predlozhenie [Sentence]. In: Ivanova, I.P., Burlakova, V.V. & Pocheptsov, G.G. *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo angliyskogo yazyka* [Theoretical grammar of modern English]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 164–281.
12. Apresyan, Yu.D. (1986) Performativy v grammatike i slovare [Performatives in grammar and lexis]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 45 (3). pp. 208–223.
13. Formanovskaya, N.I. (2009) *Rechevoy etiket v russkom obshchenii. Teoriya i praktika* [Speech etiquette in Russian communication. Theory and practice]. Moscow: VK.
14. Shmeleva, T.V. (1997) Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. In: *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Vol. 1. Saratov: Kolledzh. pp. 88–98.
15. Leech, G. (1983) *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman.
16. Sharonov, I.A. (2009) [Communicatives and methods of their description]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy Mezhdunar. konf. "Dialog 2009"* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: based on the materials of the annual International Conference "Dialogue 2009"]. Bekasovo. 27–31 May 2009. Moscow: RSUH. pp. 543–547. (In Russian).
17. Schegloff, E.A. & Sacks, H. (1973) Opening up closings. *Semiotica.* 8 (4). pp. 289–327.
18. Kohrt, M. Von. (1985) „Hallo!" „Wie geht's?" bis zu „Tschüs!" „Mach's gut!": Grüße, Grußformen und Verwandtes im gegenwärtigen deutschen Sprachgebrauch. In: *Sprachtheorie, Pragmatik, Interdisziplinäres*. Akten des 19. Linguistischen Kolloquiums: Vechta 1984. Bd. 2. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. pp. 173–184.
19. Goldberg, A.E. (1995) *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: The University of Chicago Press.
20. Rakhilina, E.V. (ed.) (2010) *Lingvistika konstruktsiy* [Linguistics of constructions]. Moscow: Azbukovnik.
21. Skrebtsova, T.G. (2010) Grammatika konstruktsiy kak lingvisticheskaya teoriya [Construction Grammar as a Linguistic Theory]. In: *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika* [Structural and Applied Linguistics]. Vol. 8. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 34–45.
22. Traugott, E.C. (2008) Grammaticalization, constructions and the incremental development of language: Suggestions from the development of degree modifiers in English. In: Eckardt, R., Jäger, R. & Veenstra, T. (eds) *Variation, Selection, Development – Probing the Evolution Model of Language Change*. Berlin: Mouton de Gruyter. pp. 219–250. doi: 10.1515/9783110205398.3.219
23. Traugott, E.C. (2008) "All that he endeavoured to prove was…": On the emergence of grammatical constructions in dialogic contexts. In: Cooper, R. & Kempson, R. (eds) *Language in Flux: Dialogue Coordination, Language Variation, Change and Evolution.* London: King's College Publications. pp. 143–177.
24. Krongauz, M.A. (2007) *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language is on the verge of a nervous breakdown]. Moscow: Znak; Yazyki slavyanskikh kul'tur.
25. Shmelev, A.D. (2002) *Russkaya yazykovaya model' mira: Materialy k slovaryu* [Russian language model of the world: Materials for the dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
26. Balakay, A.G. (2001) *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. 2nd ed. Moscow: AST-PRESS.
27. Skrebtsova, T.G. (2021) Lexicalized Forms of the Russian Perception Verbs as a Constructional Family. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 265–278. (In Russian). doi: 10.17223/ 18137083/74/20

Информация об авторе:
Скребцова Т.Г. – канд. филол. наук, доцент кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: t.skrebtsova@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
T.G. Skrebtsova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: t.skrebtsova@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2022;
одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 19.01.2022;
approved after reviewing 19.12.2022; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
UDC 82.1
doi: 10.17223/15617793/486/6

T.S. Eliot, rhizome and network concepts: Innovations in modernist and post-modernist poetry

Nina F. Shcherbak[1]

[1] *St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, alpha-12@yandex.ru*

Abstract. This research aims to show the importance of the paradigm change. Taking in account the notion of the episteme introduced by Michel Foucault, I look at patterns that are developed by contemporary art critics and writers. The article discusses the concept of rhizome as related to network concepts through the process of revealing innovations in modernist and post-modernist poetry (the example chosen is the poetry by T.S. Eliot). Rhizome and network concepts are directly related to a contemporary view of the state-of-the art paradigm associated with cultural and social development. It is often viewed as applicable to the study of literary texts. The chosen methodology includes the structural semantic study of literary texts and the analysis of the views on the innovations in modernist and post-modernist poetry. The results of the research allow hypothesizing that postmodern philosophy is directly applicable to the study of modernist (as well as post-modernist and contemporary literary texts) if not social processes. One of the possible examples could be seen in the development of a poetic paradigm with modernist (and post-modernist) writing which uses language as a medium, when a poem becomes a means of expressing the transcendental and actualizing the network concept. The poetry by Eliot is an example of innovations that the poet was undertaking. His theory of the objective correlate, attention to language, echo-elements is in accordance with contemporary poetic and prosaic innovations. Initially Eliot was opposing the principles outlined by Romantic poets. His attention to language and metaphysics allowed foreseeing post-modern tendencies in the development of literary texts. Post-modernism is characterized by a change of the aesthetic pattern. Anti-narrative practices, the concept of silence, attention to minor details, rhythm, intonation patterns are characteristics of the modern text. Contemporary writers, art critics, musicians introduce such concepts as accumulation, multiplication, small bang, genetic transformation, the so-called "shapes with windows" concept. These are the techniques that were explicitly or implicitly used by Eliot and his followers at the beginning of the era of innovation. Meta-modernist techniques like the concepts "oscillation" and "compression" allow hypothesizing that language innovations undertaken by Eliot show the contemporary paradigm patterns as well. Rhizome and network concepts allow one to see common patterns of development and innovation of poetic, literary, cultural, and philosophic scenes; characteristics of the contemporary aesthetic era.

Keywords: rhizome, network concepts, T.S. Eliot, paradigm change, oscillation, compression, objective correlate

For citation: Shcherbak, N.F. (2022) T.S. Eliot, rhizome and network concepts: Innovations in modernist and post-modernist poetry. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 58–65. doi: 10.17223/15617793/486/6

1. Introduction

This article aims at describing the philosophy of poststructuralism (in the face of Gilles Deleuze and his idea of rhizome) as related to network concepts. Network concepts is a relatively new area of research that explains the specific features of a new aesthetic paradigm development. Both rhizome concept and network concepts have a direct application to the view of the state-of-the-art aesthetic, often viewed as suitable to the study of literary texts.

The change of aesthetic paradigm is often associated with such names as Thomas Kuhn or Michel Foucault. The former introduced the idea of a science paradigm, whereas the latter talked about "epistemes" that mark the three stages in the development of aesthetic pattern. Foucault introduced the Renaissance episteme, the classical episteme, as well as the modern one. The modern episteme, starting from the beginning of the 19th century, allows language to be viewed as a system focused on itself. It is isolated from the world of objects. The change of the episteme concerns the change in everything (art, culture, literary texts, poetry). Thus, by saying that modernist and post-modernist poetry adheres to new laws, I aim to outline the main characteristics of the contemporary aesthetic paradigm. The poetry of T.S. Eliot is a good example of this shift. Though his poetry is often viewed as modernist, it is in very many ways post-modernist (or adheres to a contemporary post-millenial shift and meta-modernist tendencies)[1].

Moreover, modern American researchers have repeatedly noted that transcendental philosophy (in the face of Ralph Waldo Emerson and Henry Ford Thoreau) is based on the idea of a network or network concepts, which are characteristic of American culture. To some extent, they determine the cultural patterns of the 19th century reflecting new trends for the modern era (see in more detail in Shcherbak, Gerus, "Transcendentalism, network concepts and American poetry"). Even to a larger extent, network concepts are in harmony with the concept of rhizome introduced by the French poststructuralist Gilles Deleuze.

It is obvious that the concept of network underlying a transcendentalist's view of rhizomorphic discourses is

© Shcherbak N.F., 2023

more problematic than the supposedly clear dualism between the material and the immaterial. Rather, these networks form unexpected interfaces. Linked to material and ideal concepts of interconnectedness, the network reconciles and transcends the oppositional values [1].

The postmodern view of the network or a rhizome as something beyond human control is challenged by the potential of networks which promote personal, social, and political unity. In this sense, network concepts are very similar to the postmodern concept of rhizome as viewed by Deleuze and Guattari. They contrast the concept of rhizome and the traditional tree concept as two different types of thinking. A tree is a system of points and positions that fixes its content. It is a hierarchical system of rendering properties with a central core. The tree has a special kind of center that organizes all the receptors into circles. Rhizome is one of the key notions of post-structural and post-modernist movements. Rhizome is opposed to constant unchanged linear structures and is very similar to network concepts and technologies that are seen as offering a potential for new models of thought.

A rhizome view of the aesthetic paradigm allows seeing modernist and post-modernist literary texts in a completely different way, which I am going to illustrate using the example of modernist poetry by T.S. Eliot.

2. Philosophical background, rhizome, difference and repetition, network concepts

The chosen methodology has involved the structural semantic study of texts by T.S. Eliot through the prism of poststructuralist philosophy and transcendentalism.

It is highly relevant for my analysis to consider the ideas of post-structuralism (for instance, by Gilles Deleuze) in relation to the concept "difference – repetition". The "difference – repetition" concept is stated explicitly in the article "Difference and Repetition" (1968). The idea behind this principle is to challenge the "representation" idea, the traditional philosophical knowledge, based on the presence of an object in question, which is incapable of getting the feeling of the world. The tasks set by Deleuze are to (a) get beyond the ideas of representation, (b) establish the notion of "difference" without the traditional equation, opposition, and contradiction, (c) declare a new positive notion of repetition as the repetition of difference. Deleuze puts forward the idea of metaphysics whereby the multiplicity substitutes the substance. In a similar way, the event replaces the essence, the virtual substitutes for the actual. Instead of the representation of knowledge, the author concentrates on the idea, instead of a solution on a problem, instead of the human game the author provides the Creator's game [2].

Deleuze postulated the transcendence of difference and experience. He also postulated the idea of temporal change. According to Deleuze, philosophy should reflect on events, not on entities. In his metaphysics, a multiplicity of singularities replaces the general and the individual. The concept of the virtual asserts the reality of the past, the connection between the present and the past, the present and the future. In his approach to society, Deleuze placed social desire at the forefront. He considered the formation of human subjectivity to be a random process. Deleuze advocated the autonomy of philosophy in relation to science and art, considering its main task to create concepts [3].

The main feature of Deleuze's philosophical intention is restoration. His views are against the classical tradition of the theory of meaning. Deleuze deliberately challenges the classics. He reverses many established opinions and, above all, sheds a new light over the understanding of the relationship between meaning and nonsense. His shocking conclusion is that nonsense and meaning do not exclude each other; moreover, nonsense is the source of meaning. "Nonsense provides the gift of meaning" [4. P. 93].

It is also relevant to see the view on time that Deleuze puts forward. The division between things and disembodied events corresponds to two modes of time. Deleuze divides time into Chronos and Aeon, which complement and exclude each other [5]. According to Deleuze, the center of meaning is language in its relation to thinking. The meaning of a word is formed by its use in speech. A single word does not express a thought. "Thought is in the meaning of a sentence," writes Gottlob Frege. He was echoed by Ludwig Wittgenstein: "only a sentence has meaning, a name has meaning only in the context" [4. P. 94].

In *Philosophical Studies* Wittgenstein develops his concept of language games, according to which a "move" in a language game means the emergence of a certain "state of affairs" in a possible world. Therefore, the meaning of a proposition is that it formulates a certain position of affairs in the possible world. It turns out that the connection of words in an utterance obeys a complex hierarchy. It is the violation of these prohibitions that leads to the absurd. All this indicates that the meaning is an organized concept which is not reduced to a simple sum of initial words. Meaning is a new integrity that cannot be deduced or reduced from the sum of words taken from the lexicon.

Thus, a new view of the language appears. It is a reality of its own. Attention to wording, its sound, allows interpreters to see modernist and post-modernist writing from a completely new perspective. It is not a reflection of one's feelings, or a representation of the world any more. It is a world reconstructed anew. Language itself bears all the possible meanings that the poet is attaching to words. Language constructs reality rather than represents it. Network concepts (including different studies in culturology, sociology, and linguistics) allow bridging the gap between the rhizome concept and recent concepts, and view poetry as a means of communication.

T.S. Eliot's poetry, in my view, stands apart from the rest of poetic attempts. It is a marvelous example of how a modernist school puts forward a completely new view of poetry and texts construction, marking a new stage of development that continues until now.

3. Transcending boundaries: Poetry by T.S. Eliot and its innovative property

The results of the analysis (the example of T.S. Eliot) allow hypothesizing that postmodern philosophy is directly applicable to the study of modernist (and post-

modernist) literary and poetic texts if not societal situations. One possible example could be seen in the development of a poetic paradigm with modernist (and post-modernist) writing that views language as a medium. A poem becomes a means of expressing the transcendental. It also actualizes the network concept, makes it work [6].

3.1. Transcending boundaries: The new style of poetry and the concept of rhizome (or network)

The analysis of poetic works by T.S. Eliot and his contemporary cultural scene sheds light over new rules and patterns that modernist writing offered. Among them the most evident is the focus on, firstly, using the language as a "medium", concentrating on its sound, rhythm, and stress. Modernists were interested in formal arrangement of poetic images, as opposed to representing personal experience. In other words, they were fighting against the Romantic era and its tradition. Secondly, non-conventional aspects of poetry and language were given attention to. Modernists and post-modernists used completely new concepts, for instance, the concept of silence, the concept of "white noise" or "nothingness" (associated with poetry as well as with music). I could also name the concept called "shapes with windows" (related to music and communication), the concepts of "accumulation", "multiplication", "genetic transformations", "mirror-like repetitions" (related to music and literary texts). Recent trends of meta-modernist traditions allow adding to this list such concepts as "oscillation" and "compression" (related to both music and literary texts).

Fighting the "rhetoric of the Apocalypse and new beginnings", modernists, including Babbitt. were part of a serious attempt to reform the limitations of the literary form. This reformulation included a new critical view of the products of culture. The romantic tendency in literature, according to Babbitt, was "emotional naturalism", dissolving the difference between words. It also ignored the true difference between cultures [7. P. 68–80]. Babbitt argued that the 19th century with its romantic tradition should be replaced by the spirit of modernism. Babbitt (like Pound and Eliot) urged to forget about Romanticism, with its concentration on the subject. He criticized the belief in the past experience or past experience of human thought [8].

Irving's *Rousseau and Romanticism* is a key work for understanding the commitment to new trends in cultural criticism. The article examines the program of strict interpretation of modern culture. Babbitt, one of Eliot's teachers, formulated many of the language criticisms that Eliot later used himself. Babbitt's complete rejection of Romanticism is largely based on the complete idealization of Greek culture and the rejection of Roman culture. One of Babbitt's statements concerns the acceptance of exclusively classical culture. Babbitt believes that the Greeks were culturally "balanced" in their acceptance of a particular human place in space. Babbitt puts forward the paradox that the vitality of the Greeks coincides with the quality of writing [8].

Hulme calls the transition to a different poetry and criticism a modern version of neoclassical rationality. The idea of a "new critical spirit" is described in Hulme's essay *Romanticism and Classicism* (posthumously published in the work "Blurring" (*Speculations*, 1924) [9]. Hulme postulates that respect for the restrictions imposed by linguistics means that signification can be reduced to certain expressions. Hulme argues that modern criticism should support "fantasy" – a "dry" and "hard" form of reason, ironically using the term "fancy", which was used by romantics in an attempt to abolish the hierarchy of reason in culture [7. P. 113]. Hulme uses Coleridge's term "fancy" (unlike imagination, it serves to make explicit connections between experiences of various orders,)[2]. Hulme does not use the word "dry" in the sense of banality or rigid presentation of images. Hulme contrasts classical and romantic views as opposed to each other. He sums up the difference between them, which he sees in the fact that "[t]o the one party man's nature is like a well, to the other like a bucket" [9. P. 17].

Critics of Romanticism call for the rejection of irrationality in criticism, which the British romantic poets called imagination. Eliot's description of the language of modernism does not require the reader to put in their own emotions when reading the text. The text provides its own form of "progress", manifested in writing and reading. Eliot calls this process "structural emotions", that is, boredom, horror, and joy that are generated outside of the text.

Eliot states that when one reads poetry, certain "feelings" are evoked in the reader through the formal arrangement of poetic images. These images are organized in the text as an "objective correlate". It is a set of specific images in the poem that "correspond" to and produce human emotion. All the "feelings" that are "whipped" into a certain "emotion" are contained in the text through its form. This is what produces the emotion. Emotions are structured through images. The poetic experience does not come from the personal experience of reading. It is generated by the text itself, its pattern and structure. One possible example of the poetics of modernism may be the idea associated with "Chinese writing", an ideogram. This is an idea discussed by Ezra Pound and Ernest Fenollosa in the work *Chinese writing as the language of poetry* (1919) [10].

Fenollosa believes that Chinese writing has the potential beyond its ability to evoke "thoughts with drawings or images". These ideograms perform their task more vividly and concretely, since they do not refer to anything that is not in the text. The Romantics, on the other hand, referred to an infinite indefinite set. In contrast, an ideogram or an icon provides us with "instant concreteness in form" presented to the reader [10]. Fenollosa believed that "reading Chinese" and the mode of images implies that "we do not lose mental possibilities" by trying to choose the necessary meaning. On the contrary, we "observe how the reading process follows its intended fate" [8][3].

Modernist writers from the turn-of-the-century saw themselves as standing at the end of a certain period, and marking a new path. Pound's call for "renewal" became a cry and a call among the representatives of art. Eliot invented Modernism and was thoroughly against the

Romantic humanism of late Victorian England. In his essay on Arnold, for instance, he takes Arnold to talk for "putting emphasis on the poet's feeling, instead of upon the poetry" [11]. In this, Eliot presents a conception of the subject which is "impersonal" and a conception of literature as soothing other than "expressive". Eliot takes Arnold to task for describing poetry as a "communication theory" and the poet as a "teacher, leader or priest" [11].

For Eliot the poet sees "beneath" the phenomena of our world and ourselves to articulate feelings that are not personal at all. "The essential advantage for a poet is not to have a beautiful world with which to deal: it is to be able to see beneath both beauty and ugliness. To see the boredom, and the horror, and the glory" [11].

Such an "impersonal" and "formal" conception of poetry led many Anglo-American modernists to approve of authoritarian politics to one degree or another. Pound promoted Italian fascism. Eliot proclaimed himself a royalist and a conservative. Yeats flirted with the right-wing authoritarian Irish Party. Paul de Man, whose works present one of the most rigorous and "formal" articulations of post-structuralism, voiced pro-Nazi sentiments in book reviews during World War II. Critics support the contention that there is some sort of correlation between a modernist "formal" sense of aesthetic experience and an ability to overlook gross violations of human rights and dignity.

Another aspect of modernism – also articulated by Babbitt – is the sense of immense radical changes in society and the sense of the impending end of civilization.

To sum up, what are the ideas about poetry that are relevant for understanding Eliot's works? Bernstein once said (discussing Wittgenstein) that there are no thoughts except through language. "There is no natural look or sound to a poem. Every element is intended, chosen. That is what makes a thing a poem… Fundamentally construction is at the heart of writing" [12]. Waldrop expressed similar ideas: "Nothing is given. Everything remains to be constructed… As I begin working, fat from having an epiphany to express, I have only a vague nucleus of energy running of words too soon. As I start listening to the words, they reveal their own vectors and affinities." [13. P. 74].

Eliot outlines a similar idea as follows in "Tradition and the Individual Talent": "Greatness is not in the emotions that make up the parts, but in the intensity of the artistic process. The difference between an event and art is always absolute" [14]. In other words, he says that his struggle refers to the metaphysics of the basic cell of the soul. It is not a situation where the poet expresses his personality in poetry. He is rather a certain medium, and only a medium [ibid.].

For Eliot in "The Love Song of Alfred J. Prufrock" the sound is not just an accompaniment of something, it builds meaning:

Let us go through certain
Half-deserted streets,
The mattering retreats

This extract contains elements of echoes that are heard in the dark tunnel tube (*streets–retreats, certain–half-deserted*), especially combinations in "st" – *streets*, *deserted*, *retreats* – whispers, whistles, which iconically convey the sound. The next lines, however, break the rhythm:

Of restless nights in
One-night cheap hotels
And sawdust restaurants
With oyster shells [15]

"The limitations of language are that it is not possible to convey any fact in a given sentence without repeating the sentence," writes Wittgenstein [16]. Eliot's choice of wording is extremely important. If in Eliot's line the word "restless" is replaced with the words "troubled", Perloff writes, the "st" and the mirror interaction of "le" with "el" ("*shells-hotels*") will be lost. Moreover, the echo elements (*restless, sawdust, oyster*), the "rest" repetitions (*restless, restaurants*) will also be lost. One shouldn't lose the echo-repetition of the word "night" – "*Of restless nights in one-night hotels*" [15]. Eliot's poetry, therefore, is constituted by means of a careful word and sound choice.

To illustrate this further, I provide the following lines that give a break in rhythm. First you get 12 percussion lines in "s*treets that follow like a tedious argument and of insidious intent to lead you to an overwhelming question"*. Then the text contains syncopation with 7 percussion lines: *or don't ask what is it, let us go and make our visit*):

Streets that follow like a
Tedious argument
Of insidious intent
To lead you to an overwhelming question …
Oh, do not ask, "what is it?"
Let us go and make out visit

The combination of "s" and "e" increases dissonance (*street, tedious, insidious*). New type of prose stands out against the convention. It is obvious that Eliot wrote at a time when poetry did not exist in a new form. Perloff notes that in the years 1910–11, when Eliot created *Prufrock* and *Preludes*, the bulk of American poetry still looked quite dull and banal [15].

3.2. Transcending boundaries: The concept of rhizome, network and silence

Poems written in "free verse", according to the Russian poet Joseph Brodsky, "were in the avantgarde due to Eliot and Pound"; they "provided a departure from the harmonic sound" [17]. A striking example of the author's conscious convergence of the poetic form with the musical one, accentuating the overtones of music and silence, is the cycle of poems by Eliot called the *Four Quartet*s. It is the pinnacle of the poet's poetic creativity. This is a kind of imitation of Dante, St. Augustine, as well as Juan de La Cruz, a Spanish mystic and poet of the 16th century. The entire cycle and each part of it are built according to the laws of allegorical poetry and on a musical model. The cycle is based on Beethoven's Five-Part Quartets (Op. 127, 130–132, 135), created by the composer shortly before his death. Eliot's euphonic *Quartets* vary in rhythm and are carefully composed. They serve as an ornament for the historical, sound, color, and even vegetative symbolism:

Words move, music moves
Only in time; but that which is only living

Can only die.
Words, after speech, reach
Into the silence.
Only by the form, the pattern,
Can words or music reach
The stillness, as a Chinese jar still
Moves perpetually in its stillness [18].

In this fragment, in the tradition of theology and Baroque poetry, Eliot "describes the ascent of the soul to God, the transformation of time and the finite into the infinite". The passage is characterized primarily by the correlation of speech and music motifs based on their involvement in time (*words move, music moves only in time*). The poem uses all sorts of vocalizations, for example, quite rare instrumentation on -ch (*speech, reach*), alliteration, echo-repetition (*words move, music moves*), the opposition of long tense and short vowels "i" (*stillness, still, Chinese*).

The fullness of silence as a sound material is realized in poetry due to various innovations in the form of its presentation. It is especially apparent when poets use graphic experiments or metaphors. It is also well seen in texts which are lexically loaded, heterogeneous. The ones that present a palette of all possible shades of newly heard silence. This is the case of Eliot's poem.

3.3. T.S. Eliot's poem *The Waste Land*

In his major work "Difference and Repetition", Deleuze postulates the idea that we only acquire habits by synthesizing earlier members of a series in later ones. We only acquire representations in memory and in language by synthesizing earlier memories that are themselves syntheses of experiences [19. P. 13–15]. This idea of memory and "repetition" is realized in *The Waste Land* through: (1) comments that accompanied the poem, (2) change of traditional structure and conventional use of language, (3) references to famous plots, (4) the motif of rebirth and eternity as the core of the poem.

3.3.1. Editing the poem *The Waste Land*

The Waste Land is one of the most recognized masterpieces in American and British poetry. Its content illustrates the principle of "synthesizing" on all possible levels. The poem appeared in 1922 and was dedicated to Ezra Pound, a famous publisher. Eliot repeatedly addressed Pound as his poetic experience served as an example for him. The idea of "barrenness" is not so much of despair over the impossibility of the future. In this poem, there is hope for a rebirth. In some ways, this is a "lost land", *Wasteland*. That is the land of the lost generation which suffered so much after the First World War. However, the last part of the poem is about the search for the Holy Grail. This theme allows reconciling the tragedy and the hope, make the end positive.

3.3.2. New structure and a combination of styles in the poem *The Waste Land*

T.S. Eliot began writing *The Waste Land* in Lausanne, Switzerland, in 1921. The poem consists of five parts and is written essentially in a newly invented language. Many critics explain this style by the fact that Eliot, acutely sensing the world around him, was in a state of tension. He was immersed in the literature appropriate to the mood. He re-read Dante's *Divine Comedy*, studied Pound's *Cantos*, and read James Joyce's *Ulysses*. *The Waste Land* is innovative in structure. It combines different styles: male–female, city–nature, fire and body of water, an infinite number of allegories, symbols, allusions and mythology; a mixture of languages and dialects, complex syntax.

Eliot writes quickly. By February 1922, the first version had been completed, which he would present to Pound. Pound wrote about it in a letter: "Eliot wrote a wonderful poem (19 pages) during his forced vacation. <…> I hope something can be found for him to finally get rid of working at Lloyd's Bank". Pound later noted that "Eliot was too tired, but while on vacation in Switzerland created *The Waste Land*, a true masterpiece, the most important 19 pages in the history of English literature". Pound reduced the poem in half, and changed many points with the intention of making the work a single whole and not a chain of poems. At the end of the poem, Eliot gives explanations along with notes made in prose which makes *The Waste Land* a unique, ultramodern creation.

The prose "explanations" and references given at the end of the poem were criticized for the confusion they added to the narrative. However, the poem is published in this form until now. It first appeared in *Criterion* in 1922. The magazine was anonymously edited by Pound.

3.3.3. Rhizome, network concepts and the role of exophoric references and historical context of the poem *The Waste Land*

Before considering the content of the poem, it is important to view the general historical context and the way the poem was received.

The historical context was indeed complex and ambiguous. It was the time when the urban metropolis became a clear center of horror, tension and death. At the same time, it was the time of major discoveries. Tension and innovation are the best ways to demonstrate the human desire to embrace and accept the world's complexity. This complexity is manifested in the interest and experiments with language, close attention to psychology and psychiatry.

Commenting on the poetry, Eliot explains that the poet should "move away from personal experiences". Poetry should be "non-personal". The poem, as one critic writes, is "an impersonal cultural carpet that remains cold and insensitive when trying to describe and show a person and their feelings". In this case, this philosophy of a certain detachment correlates well with historical time. A time when the individual is replaced by the citizen, society by the state, religion by commerce, and poetry by advertising [20].

In his book *Criticism and Ideology*, the well-known literary critic Terry Eagleton argues that it is only in the post-war prose of the modernist writer Lawrence that "the feminine and the masculine are reconciled", as in *Lady Chatterley's Lover* [21]. This means that one of the main ambitions of that time was to reconcile disparate things. For example, male and female, mythology and reality, East and West, asceticism and pleasure. This type of reconciliation is clearly shown in Eliot's poem.

The poem was received in different ways. Pound wrote that it was "a justification for a new direction, an experiment in modernism that began in 1900". Richards, although becoming a follower of Eliot's work, considered the poem too intellectual. Samuel Hymes wrote about the poem, its world, its broken, crumpled, passive, "non-aesthetic" images, is a paradigm of the consequences of war, desolate meaning and lack of order. The poem is written in an ironic manner; its characters, anti-rhetorical style are the results of the war. New methods appeared as the post-war poet attempted to describe the post-war scene of events [22].

Eliot mentioned that the poem was partly written about the crisis in Europe, the Revolution in Russia, the German Revolution of 1918, the actual overthrow of Kaiser Wilhelm II. The poem essentially tells us that humanity needs a rebirth.

3.3.4. Rhizome as a structure of no center, the motif of rebirth and eternity as the core of the poem *The Waste Land*

The theme of rebirth could be observed almost everywhere in the text. The epigraph (written in Latin) defines this theme for the first time when the author refers to Sibyl. The ancient legend of Sibyl is famous. Apollo gave Sibyl life for many years. The only thing she forgot to ask for was eternal youth. History, in a sense, was used by Eliot to describe the state of Western civilization, which was losing its youth and strength, miraculously preserving life. The idea of rebirth is particularly evident at the beginning of the poem:

April is the cruelest month, breeding
Lilacs out of the dead land, mixing
Memory and desire, stirring
Dull roots with spring rain [21].

A similar motif of the return can be seen in the allusions to Chaucer's *Canterbury Tales* and the journey that took place in April. Moreover, Eliot provides basic lexical units that determine the names of parts of the poem. Some critics claim that the poem contains traces of the fertility legend described in Jessie West's book *From Ritual to Romance*, which recreates and analyzes famous legends about King Arthur.

The first part ("The Burial of the Dead") refers to the ritual of Christian prayer, death and rebirth. The second part ("A Game of Chess") is an allusion to the game (a similar episode with the seduction of Diana is in the play *the Chess Game* by the satirical writer Thomas Middleton). It is the idea of a game in which the protection of the king is important, and the main figure is always the Queen. Most of the figures in *The Waste Land* are female, often tragic or silent. For example, Madame Sosostris and her Tarot cards, the character that becomes almost a prophet that no one listens to:

Madame Sosostris, famous clairvoyante,
Had a bad cold, nevertheless
Is known to be the wisest woman in Europe,
With a wicked pack of cards. Here, said she,
Is your card, the drowned Phoenician Sailor,
(Those are pearls that were his eyes. Look!) [21]

The story of Sosostris is presented with direct speech of her appeal to the Phoenician Sailor, "Those are pearls that were his eyes. Look!". The moving camera of the invisible author's eye tracks the participants and witnesses of events. Every character is shown in an innovative manner.

The third part ends with a quote from *Hamlet,* which makes the entire part not just a legend, but a song: the repetition of words and confused refrains act as an invented orchestration. Some consonants are changed to "wrong" ones. At the end the quote from *Hamlet* as if reduces all distortions: "good night, ladies, good night":

Hurry up please it's time
Hurry up please it's time
Goonight Bill. Goonight Lou. Goonight May. Goonight.
Ta ta. Goonight. Goonight.
Good night, ladies, good night, sweet ladies, good night, good night [21].

It is quite well known that Eliot did not like *Hamlet,* as he considered the play to be too vague for a play. However, here vagueness is not a drawback any longer, as the quote is changed and echo-elements are added. In the third part, a lot is written about the "sea" and its mystical, feminine, demonic nature. The appearance of nymphs is intertextually connected with the images of the daughters of the Rhine from Wagner's opera. There are also motifs in Eliot's text that refer the reader to Shakespeare's *Caesar and Cleopatra*. One of the main themes is Eliot's poem is Elizabethan poetry and the English Renaissance: the idea of love as it was in Elizabethan times, its absence for modern times. The transformation of love and self-destruction nature of it also become the center of attention.

The fourth part ("The Fire Sermon") defines the theme of rebirth anew. In addition, it brings to a new level the theme of human passions in all their manifestations: anger, lust, jealousy. Eliot in his footnotes at the end of the poem makes a reference to Marvell (*To His Coy Mistress*). This is a poem in which the classic of English literature so openly talks about the importance of physical love. In Eliot's poem we find: "But at my back from time to time I hear", which is a reference to Marvel's "chariot of time". Eliot also quotes Verlaine, Shakespeare's *The Tempest*, Dante's *Divine Comedy*, St. Augustine's *Confessions*.

The fifth part, "What the Thunder Said", is the manifestation of hope, water and irrigation, baptism and resurrection. The text repeatedly uses the motif of the Holy Grail, the knight's travel to the Holy Land, the Crusaders, and the battle for the blood of Christ. Christ as a Christian idea is present in the poem to a lesser extent. Rather the poem traces the shadow of King Arthur – the pagan myth of heroism and victory. The fifth movement thus ends with a gesture of infinity, artistically, in Nietzschean fashion:

These fragments I have shored against my ruins
Why then Ile fit you. Hieronymo's mad againe.
Datta. Dayadhvam. Damyata.
Shantih shantih shantih [21].

"I'll arrange it for you" are the words of Hieronimo, the character of the play by the Elizabethan playwright Thomas Kyd. Hieronimo involves his son's murderers in a play and kills them in the process. This post-modern ending is a good finale for the poem. The character and the actor change places showing the indefinite nature of invention and reality.

3.3.5. A city as a rhizome-like structure and networks as manifested in the poem *The Waste Land*

Modernism in literature is a kaleidoscope of mythological plots and cultural allusions. The references to Wagner's music and pagan myths are similar to Joyce's allusions to Greek mythology. In many ways, mythology is an intellectual tradition of new poetry, a certain style, a conscious use of archetypes. An important component of the poem is the description of the city, London, the tower, the fog, and the surrounding area. In some ways, this is an echo of the unforgettable snow in Paris described by Baudelaire. For the most part, it is still a completely new type of city, a recreated landscape of the age of machines and technology that consumes the city, actually destroying it. *The Waste Land* recreates the Apocalypse, clearly demonstrates the crisis of the city, which is destroyed into mental fragments. The ragged, polyphonic, and discordant poem creates the illusion of complete merging with the city and the disaster associated with it. It leaves the hope of a rebirth and the opportunity to collect the world from a thousand fragments [23].

Rebirth is possible (as it was, or could have been in Elizabethan times) only when there is irony, control and play of motifs. In other words, when the author takes full control of the poem. The poet does not empathize with what is happening. He only captures the voices of the world. In this sense, Eliot's score is similar to musical one. He makes his readers realize a new era and the style of abstraction.

4. Conclusion

The concept of rhizome and the corresponding network concept allow seeing common patterns of development and innovation of poetic and literary paradigm. The concepts of rhizome and network allow transcending the boundaries of the virtual and the actual with language that plays a major role in constituting a different aesthetic paradigm of modernist and later post-modernist writing. The idea of rhizome, "difference and repetition", silence, attention to sound, the notion of the shapes with windows, are realized in T.S. Eliot's texts. Eliot considers language to be the medium for transcending information about reality. Language in his works helps to render the virtual and the actual. Eliot pays special attention to the sound, rhythm, stress, formal arrangement of poetic images. He does not represent personal experience as it was in the Romantic era. He takes into account non-conventional aspects of poetry and language, for instance, the notion of silence. He introduces a non-traditional form of commentary that accompanied the release of poetic works. Eliot adhered to the change of a traditional structure, referring to famous plots and motifs. He applied the motif of rebirth and eternity as the core of poetry.

Notes

[1] To call T.S. Eliot's poetry meta-modernist is too much of an assumption. Metamodernism involves, "new simplicity", "oscillation principle", the so-called "Vvedensky hieroglyph" that touches "the core of the world". All of these concepts allow one to see a word as a symbol (dark in its final "depth" as Vyacheslav Ivanov, the founder of the Russian symbolist school, once called it. However, T.S. Eliot is one of the few writers and poets who actually were forerunners of their times, marking a completely new era of poetry building [15].

[2] Normally, the famous opposition of "fancy" and "imagination" discussed by Coleridge was reinterpreted in famous stories of imagination. For Edgar Poe, for instance, and his "logical stories", imagination becomes an important aspect of the detective's method and psyche. However, Hulme opts for fancy, which is a lack of imagination, irrationality, creative thinking. It has to do with strict rules and classical tradition rather than emotion.

[3] In this sense, the ideas of Pavel Florensky about the sign and its transcendence are relevant. The icon-sign has a direct impact. These ideas considered by Paul Florensky in the work *Iconostasis* are about the sign that may become not only the embodiment of the divine, but God himself.

References

1. Schober, R. (2004) Network concepts. Transcending Boundaries: The Network Concept in Nineteenth-Century American Philosophy and Literature. *American Literature*.86 (3). pp. 1123–1135. doi: 10.1215/00029831-2717389.
2. Deleuze, G. (1995) *The logic of sense*. Moscow: Izdatelskiy Centr Akademiya, pp. 23–25. (In Russian).
3. Deleuze, G. (2020) *Difference and repetition*. [Online] Available from: http://dl219.zlibcdn.com/dtoken/481fa7e083dd940f76d2d6a6e4765123. (Accessed: 23.03.2020).
4. Kravetz, A.S. (2005) *Teoriya smiyla Delyoza: Pro u Contra* [Theory of meaning by Deleuze: Pro et Contra]. *Logos*. 4 (49). pp. 227–258.
5. Lambert, G. (2006) *Who's Afraid of Deleuze and Guattari?* N.Y.: Continuum. pp. 34–50.
6. Eliot, T.S. (1975) The functions of criticism. In: Kermode, Fr. (ed.) *Selected Prose*. New York: Harcourt Brace. pp. 68–76.
7. Davis, RC. & Schleifer, R. (eds) (1991) *Criticism and culture. The role of critique in modern literary theory*. Harlow: Longman. pp. 68–80.
8. Babbit, I. (1919) *Rousseau and Romanticism*. Boston and New York: Houghton Muffin. pp. 244–356.
9. Hulme, T.E. (1924) *Speculations*. London: K. Paul, Trench, Trubner, and Co. pp. 34–35.
10. Fenollosa, E. (1956) *The Chinese written character as a medium of poetry.* Washington: Square Dollar Series. pp. 34–38.
11. Eliot, T.S. (1933) *The Use of Poetry and The Use of Criticism: Studies in the Relation of Criticism to Poetry in England*. London: Faber; Cambridge, Mass.: Harvard University Press. pp. 234–356.
12. Bernstein, Ch. (1986) *Content's dream essays. 1975–84*. Los Angeles: Sun and Moon. pp. 123–135.
13. Waldrop, R. (1996) Thinking of Follows. In: Baker, P. (ed.) *Onward: Contemporary poetry and poetics*. New York: Peter Lang. pp. 73–82.
14. Eliot, T.S. (1975) Tradition and the Individual talen. In: Kermode, F. (ed.) *Selected Prose*. New York: Harcourt Brace. pp. 37–44.

15. Perloff, M. (2002) *21st century modernism. The new poetics*. Oxford: Blackwell Publishers. pp. 7–43.
16. Wittgenstein, L. (1980) Culture and value. Ed. by G.H. von Wright in collaboration with Heikki Nyman. Translated by Peter Winch. Chicago: University of Chicago Press. pp. 23–24.
17. Yangfeldt, B. (2012) *Yazyk est' Bog. Zametki ob Iosife Brodskom* [Language is God. Notes on Brodsky]. Saint Petersburg, pp. 23-25 (in Russ.)
18. Eliot, T.S. (1994) *Four Quarters*. New York: Faber and Faber. pp. 134–156.
19. Williams, J. (2003) *Gilles Deleuze's Difference and Repetition: A Critical Introduction and Guide*. Edinburgh: Edinburgh University Press. pp. 13–15.
20. Martin, J. (ed.) (1968) *A collection of critical essays on the "Waste Land"*. New Jersey: Prentice Hall. pp. 123–145.
21. Eagleton, T. (1976) *Criticism and ideology: A study in Marxist literary theory*. London: Humanities Press. pp. 123–124.
22. Eliot, T.S. (1957) *Collected poems*. London: Faber and Faber limited. pp. 123–134.
23. Childs, P. (1999) *The twentieth century in poetry. A critical survey*. London; New York: Routledge, pp. 67–82.

Информация об авторе:
Щербак Н.Ф. – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: alpha-12@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
N.F. Shcherbak, Cand. Sci. (Philology), associate professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: alpha-12@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.07.2020;
одобрена после рецензирования 03.09.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 22.07.2020;
approved after reviewing 03.09.2022; accepted for publication 30.11.2022.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 130.2
doi: 10.17223/15617793/486/7

Проблема трансформации социальных функций ритуала в современной культуре

Александр Владимирович Атаманов[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*
atamanovtomske@gmail.com

Аннотация. Предпринята попытка проследить трансформации ритуала в современном обществе на примере ритуалов инициации. Результатом решения этой задачи является классификация основных социальных функций ритуала. Рассмотрены возможные пути детерминирующих условий изменения формы ритуала.

Ключевые слова: ритуал, социальные функции ритуала, инициация, секулярный ритуал, трансформация

Для цитирования: Атаманов А.В. Проблема трансформации социальных функций ритуала в современной культуре // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 66–73. doi: 10.17223/15617793/486/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/7

The problem of transformation of the social functions of ritual in modern culture

Alexander V. Atamanov[1]

[1] *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*
atamanovtomske@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to trace the transformation of the ritual in modern society using the example of initiation rituals. The result of solving this problem is the classification of the main social functions of the ritual. The distinguishing or grouping function of the ritual is expressed in education and upbringing for the upcoming social role of the individual; it develops especially important personal qualities, norms and motives accepted by the community. The function of social memory is one of the conditions for the collective life of a community: ritual participants experience past events as real, which allows them to reproduce historical cultural experience. The ritual, expressing and transmitting to the participants the view of the whole society on the world, deity, man, thereby performs the worldview function. The ritual can gradually take in new elements and new meanings brought in by the demands of the time. The modern society of consumerism and digital networks is re-interpreting the ritual. The ritual goes to the level of tradition, a beautiful ceremony; it is divided into separate actions, which are then introduced into everyday life. There is a process of the reverse transition of the sacred into the ordinary, and the ritual degrades. Archaic rituals accompanying the birth of a person are intended to construct a transition from the dead to the alive. A newborn baby is attributed to the inanimate world by assigning to it the quality of sacred impurity, thus an object of ritual action appears, which can be considered the first stage of the ritual – the stage of objectification. The second part of the ritual is a test, this is a kind of an empirical stage, during which the baby is subjected to a detailed examination, the performance of all parts of its body is checked; it is washed and dressed in diapers. Swaddling makes the newborn look like a dead man wrapped in a shroud. The third stage of the ritual is the naming, which performs the most important function of initiation – the function of socialization. For naming, they chose the name that used to be in the family, thereby the baby became the successor of the family tree. The modern secular initiation ritual of a newborn includes: picking up the baby from the hospital; dressing in cloth with a ribbon, which is a reference to the shroud; obtaining a state document confirming the baby's birth. Thus, the secular ritual carries neither sacred nor emotional overtones, it only confirms that a new individual has appeared in the community. Nevertheless, leaving the category of the sacred, the ritual continues to perform a social function.

Keywords: ritual, social functions of ritual, initiation, secular ritual, transformation

***For citation*:** Atamanov, A.V. (2023) The problem of transformation of the social functions of ritual in modern culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 66–73. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/7

Индивидуальная и социальная жизнь человека пронизана ритуальными действиями и ритуализированными формами поведения. Устойчивые формы ритуалов прошлого сохраняются и воспроизводятся в культуре постиндустриального общества наряду с секулярным и медийным ритуалом. В настоящее время ритуал продолжает оказывать влияние на поведение индивидов и формировать общество, однако эта связь является обоюдной: вместе с изменением общества изменяется и ритуал, наполняясь новыми символами, содержанием, смыслами. В связи с этим эволюция социума и, как следствие, смыслового наполнения ритуала представляет особый интерес для современных исследований в сфере социальной философии и социальной антропологии. Традиционно изучением ритуала занимаются такие науки, как этнография, социология, история, филология, культурная антропология и др. Ритуал является предметом как междисциплинарной, так и социально-философской рефлексии.

Антропологической и этнографической теории ритуала придерживаются Э. Дюркгейм [1], Б. Малиновский [2], В. Тернер [3]. Б. Малиновский видит в ритуале только игру в чудо, вызываемую потребностью человека в чудесах [2], однако Э. Дюркгейм находил в ритуале хранилище норм поведения человека [1]. В. Тернер говорит о способности ритуала самоорганизовывать сообщество, выстраивать в нем иерархию с определенными социальными ролями, он отмечает, что ритуальные символы напрямую зависят от эмоциональных проявлений, а значит, ритуал способен пробудить страх или любовь, обуздать ненависть, помочь пережить горе, сохранять принятие общих норм и ценностей в сообществе [3].

Современные западные исследователи Ж. Бодрийяр [4], М. Элиаде [5], Р. Жирар [6], Р. Коллинз [7], H. Kwon [8], M. Sueldo [9], развивая функциональный подход, затрагивают такие проблемы функций ритуала, как влияние на повседневную жизнь, исполнение социальных функций ритуала предметами в культуре постмодернизма, и проч. Достаточно интересна точка зрения на ритуал у Р. Коллинза [7], который представляет его как следствие случившейся ситуации. При проведении массовых мероприятий участники конструируют свою реальность: место сбора, его оформление, речи, девизы, плакаты, песни, музыка, отдельные слова, форма одежды, внешний вид, определенный дресс-код, жесты – все это понятно каждому участнику ситуации. При этом фокус внимания на общем аспекте одновременно является объединяющей силой. Когда же участники случая или ситуации расходятся, они продолжают накладывать определенный символический смысл на свои действия и предметы, напоминающие им о принадлежности к той или иной группе [7. С. 30].

В социологическом ключе рассматривают ритуал А. Рэдклифф-Браун [10] и М. Мосс [11], относя его к явлениям социально-политической жизни и выделяя основные социальные функции. Исследователи И.Д. Митина, Т.С. Митина и А.В. Мартыненко [12], О.Т. Лойко [13], Ю.А. Хамрина [14], А.В. Рубель [15], А.А. Синютин [16], S. Pejić [17], проведя анализ различных подходов к изучению ритуала как устойчивого явления социальной жизни, принадлежащее определенной группе людей и подчеркивающее статус субъекта, отмечают важность осмысления символического содержания ритуала, что способствует социальным взаимодействиям между группами людей и преемственности поколений. Социальные взаимодействия как процесс построения устойчивого общества, сохраняемая в ритуале историческая коллективная память оказывают влияние на субъект ритуала и «избавляют его от чувства тревоги, неуверенности, возникающей при попытке человека определить себя, обозначить свое место в привычной ему среде» [15 С. 82]. Среда современного человека часто перемещается в виртуальную реальность, что приводит к трансформации социальных отношений и культуры. Трансформацию форм ритуала при перемещении его в виртуальный мир изучает А.А. Синютин, отмечая, что трансформированный ритуал при этом выполняет новые функции самовыражения и самопрезентации желаемых либо реальных характеристик [16. С. 120–127]. Ритуал как сложный текст, содержащий социальную память, в структурно-семантическом ключе рассматривают Ю.М. Лотман [18] и вслед за ним В. Топоров, который говорит о ритуале как о самом заметном для человека факторе существования общего в сообществе [19. С. 484–538]. Существенный вклад в анализ ритуала и понимание его влияния на поддержание социальных отношений также внес отечественный исследователь А.К. Байбурин [20].

В рамках исторического подхода при изучении трансформации мировоззрения социумов Л.В. Лебедева [21], А.А. Синютин [22], Н.Н. Макарова и Е.В. Аркаев [23] описывают трансформацию форм ритуалов в советское время под влиянием централизованной государственной идеологии. Новые секулярные ритуалы государственных праздников, искусственно построенные из элементов обрядовой деятельности и народных обрядов, рассматриваются как формирование нового революционного мировоззрения, поскольку были понятны простому народу. Внедрение государственных советских праздников в повседневную жизнь, обязательный характер новых праздников, простые эмоциональные конструкции, традиционные обрядовые формы новых ритуалов успешно выполняют идею «классовой борьбы» – деление общества на «своих» и «чужих» [21. С. 1787].

Ритуал как культурный феномен социальной многомерной жизни несет не только трансляцию культурных смыслов, но обретает новые функции в изменяющейся среде, таком образом, только культурологического подхода недостаточно для полного описания влияния ритуала на социальную жизнь. Ритуал важно рассматривать в междисциплинарном ключе, поскольку такой подход может быть обращен к динамике взаимосвязи культурных смыслов социального развития и социальных форм, в которых эти формы прояв-

ляются. При современном междисциплинарном подходе ритуал предстает не только как ритуальное действие, но и как особая часть культуры, живая трансформирующаяся система, исполняющая определенные функции, существующая и исчезающая по определенным правилам. Методологической установкой исследования такого культурного феномена, как ритуал, является социально-философский подход, реализующийся в исследовании фундаментальных смыслов понимания человеком мира, самого себя, отношения мира и человека, которые в данном случае анализируются в конкретной форме проявления в ритуале как феномене, отражающем и формирующем мировоззрение и отношение человека к миру. Философия дает возможность в историческом контексте объяснять явления общественной жизни как закономерные и связанные с общественным развитием. Философия актуализирует вопросы смысла человеческой жизни, его смерти и бессмертия, отражение которых находится в ритуалах. Целью настоящей статьи является анализ изменения функций ритуалов в процессе их секуляризации. На примере ритуалов перехода и инициации в процессе исторического изменения их формы предлагается рассмотреть основные ритуальные функции и выявить возможные пути их трансформации [24].

Современным человеком ритуал нередко осознается как пережиток суеверного мировоззрения. Тем не менее ритуал оказывает на общество и его членов определенное влияние, оставаясь незаметным, либо мимикрируя под социальные нормы. Собственно функции ритуала можно назвать социальными, поскольку ритуал выделяет сообщество людей, определяет форму его существования, регулирует иерархические отношения, выстраивает передачу знания и устанавливает порядок социальной лестницы. Так, К. Лоренц предполагает генезис ритуала из культа и выделяет такие важные функции ритуала, как сплочение людей в отдельном закрытом сообществе, ограждение этого сообщества от влияния других сообществ, ограничение борьбы между членами одного сообщества [25]. Согласно К. Лоренцу, для раскрытия социального значения символов ритуала важно понимание функций этого ритуала, которые могут быть представлены следующим образом: функция, запрещающая борьбу между членами одной группы, функция ограничения закрытой группы, функция сплочения людей в одну группу [26. С. 68].

Подобные социальные функции выделяет и Э. Дюркгейм [27. С. 93], анализируя тотемную религию с точки зрения своей функциональной теории: функцию собирания единого общества [27. С. 558, 575, 639, 694] и его сплочения [27. С. 327, 381, 632], функцию социализации индивида в обществе [27. С. 577, 592, 617, 626], функции поддержания ценностных и мировоззренческих установок в выделенной группе [27. С. 327, 694], функцию воспроизведений традиций и верований [27. С. 475, 575, 577, 639]. Функции, выделенные Э. Дюркгеймом, считающиеся общепризнанными, в дальнейшем получили свое развитие и уточнение. Поскольку для раскрытия социального значения символов ритуала важно понять его функции, то необходимо в первую очередь выделить наиболее значимые из них. Как представляется, такими функциями являются: выделяющая, мировоззренческая и функция социальной памяти. Рассмотрим подробнее каждую из них.

Ритуал принадлежит определенной группе людей, будучи понятным и принятым ее членами, он очерчивает границы этой группы, вводит новых участников, распределяет социальные роли и статусы, тем самым исполняет **выделяющую** или **группирующую функцию** в социальной жизни. С одной стороны, ритуал является элементом культуры, с другой – помогает человеку приобщится к этой культуре. Он образовывает и воспитывает индивида, готовит к предстоящей социальной роли, развивает в нем особо важные и принятые сообществом личные качества, нормы и мотивы. В традиционных культурах принятие сообществом индивида происходит через ритуал инициации, позволяющий осуществить переход человека от исполнения одной социальной роли к другой, что способствует стабилизации сообщества, единству членов в группе, принятию одинаковых норм и пробуждению солидарности. Заметим, что солидарность сплачивает членов в сообщество, а также разделяет разные сообщества между собой, ограждает их друг от друга.

Например, к ритуалам перехода можно отнести первый звонок, выпускной балл, посвящение в студенты или лицеисты и др. В этих событиях драматически обыгрывается изменение социальной роли, которую принимает индивид, при этом новый социальный статус закрепляется за ним и признается другими членами сообщества после исполнения ритуала. К подобным ритуалам, дополнительно имеющим и функцию установления иерархии, относятся ритуальные действия, связанные с присягой, обетами или клятвой, инаугурация. Индивиды, прошедшие подобный ритуал, наделяются новой иерархической ролью в социуме, которая признается остальными членами сообщества. В приведенных примерах прослеживается изменение состава группы и ее сплочение согласно социальным ролям. Субъект ритуала переходит от исполнения одних ролей, к другим, что вызывает и вступление в новое общество, которому свойственно свое устроение. На примере ритуалов корпоративных профессиональных праздников (День нефтяника, День медицинского работника), государственных праздников, семейных праздников прослеживается как группирующая, так и разделяющая социальные функции. Различные сообщества выделяются из общей массы в отдельные группы, которые различаются между собой иерархией, набором ценностей, требованиями к участникам и проч. Сплоченность участников и солидарность, обеспечивающаяся общим набором этических норм, правил поведения, жизненных установок, может вызвать конфликт с членами другого сообщества, придерживающихся иных аксиологических

правил. Так, религиозные ритуалы инициации разных верований и конфессий выполняют разделительную функцию, поскольку присутствует резкое различие норм и ценностей, принятых в разных группах, что делает затруднительным переход из одной группы в другую. Таким образом, ритуал формирует солидарность в определенной группе, удерживает участников в ней, усложняет переход из одной в другую, чем очерчивает строгую границу между сообществами, будь то корпорация, конфессия, коллектив, община, род, племя и т.п.

Одним из условий жизни сообщества, границы которого четко определены, является коллективная **социальная память**, функции которой исполняет ритуал, создавая связь между разными поколениями, как жившими ранее и живущими в настоящее время, так и будущими. Для того, чтобы передать необходимую информацию, принятые нормы, жизненные правила от одного поколения другому, используется ритуальное действо, которое способно актуализировать накопившийся опыт и переосмыслить его. Функцию социальной памяти выполняют, например, ритуалы, связанные с юбилейными датами и днями памятных событий (День Победы, День народного единства, поминки), ритуалы календарных религиозных праздников (Рождество, Пасха, Благовещение) и т.д. Поскольку эти ритуалы повторяются с определенной периодичностью, их формы мало изменяются со временем и чаще всего понятны большому количеству людей, даже не участвующих в ритуальном действии. Участники ритуальных действий переживают прошлые события как настоящие, что позволяет им воспроизводить исторический культурный опыт: время стирается в сознании участника ритуала, и он воспринимает себя членом определенного сообщества наравне с другими членами, жившими в прошлом. Драматическая игра ритуала, повторяющаяся периодически, способствует постоянному утверждению определенных норм и ценностей. Так, общество не только удерживается в одной группе, но членами данной группы осознаются и люди, жившие в разное историческое время, чему способствует достаточно статичная форма ритуала. Таким образом, коллективная социальная память актуализирует важную информацию не только у членов определенной группы, но также доносит знания о нормах и ценностях до сторонних наблюдателей, что способствует принятию этих норм последними.

Строго ограниченное общество, регулярно транслирующее ритуальными действиями своим членам определенный набор ценностей, вызывает у них чувство сопричастности ко всему сообществу. Создается определенный порядок, жизненные ситуации осознаются как *хорошие* либо *плохие*. Участвуя в ритуальном действе, индивид ищет место в группе и мире, познает общество, затем мир, воспринимает нормы и правила, необходимые для самих основ жизни в этом мире. Ритуал, выражая и транслируя участникам взгляд всего общества на мир, божество, человека, тем самым выполняет **мировоззренческую функцию**. Трансляция и формирование мировоззрения тесно связаны с сакральным символическим значением вещей и предметов, используемых в ритуале, как на осознанном, так и на подсознательном уровне благодаря смыслам, которые индивид, становясь субъектом ритуала, соглашается пассивно воспринимать. Мир во время ритуального действия разделяется на сакральный и обыденный, профанный, чем формируется определенное отношение к этой дихотомии. Используемые для ритуального действия предметы и вещества считаются сакральными, священными благодаря силе «мана», содержащейся в них [27. С. 447], но это объекты реального физического мира, например: вода, вино, кровь, определения пища, цветы, свечи, огонь, форма одежды и ее украшения, столовые приборы, книги, и т. д. После своего возвращения к повседневной жизни человек, встречаясь с такими же предметами, даже не сакральными, вспоминает содержание ритуала, его отношения к пережитому вызывает чувственное принятие или отвержение этих предметов, явлений, веществ и всего содержания ритуала. Подобным образом выстраивается миропонимание, определяется роль индивида в сообществе, мире и его отношения с природой, сообществом и Богом. Помимо стабилизирующей и мировоззренческой роли, данная функция выполняет и роль мотивации при столкновении с новыми, не пережитыми ранее ситуациями: ритуал помогает на психологическом уровне справится с переживаниями приобретаемого опыта.

Таким образом, рассмотрев функции ритуала, отметим возможность формирования ритуалом определенного сообщества людей с принятыми нормами и ценностями, своей системой мировоззрения. Важно и то, что через ритуал общество постоянно воспроизводит само себя, сплачивает своих участников и актуализирует через коллективную социальную память свои идеалы. Религиозный, светский, профессиональный, гражданский, государственный, политический либо любой другой ритуал всегда сопровождает человека, определяя его участником того или иного социума.

Поскольку социум не является застывшим во времени феноменом, а есть живая и саморазвивающаяся система, то с ее изменением неизменно происходит эволюция культуры, и вслед за этой трансформацией ритуал не может не претерпевать перемен, хотя он и выполняет функцию стабилизации. Изменение формы и содержания ритуала напрямую зависит от общекультурных и социальных метаморфоз. Ритуал может постепенно впитывать в себя новые элементы и новые смыслы, вносимые требованиями времени, что порождает разные векторы его развития. Наибольшим переменам подвержены те ритуалы, для которых нет ограничения или запрета на изменение формы, например, политические, общественные и связанные с выделением небольших сообществ, например, профессиональные корпоративные праздники. Такие ритуалы быстро обновляются благодаря новым явлениям культуры, изменениям моды, идеологии, права, условий жизни и прочего либо исчезают вместе с непродолжительно существовавшими группами, их породившими. Напротив, жестко регламентированные ритуалы, такие

как религиозные действа, ритуалы для больших сообществ, включающих членов разных социальных уровней или культур, малоподвижны и более подвержены деградации, нежели обновлению, исполняя мировоззренческую функцию и функцию социальной памяти, и будучи напрямую связанными с мировосприятием своих субъектов, их уровнем образованности, глобальными культурными традициями. Поэтому ритуалы архаического общества не актуальны для общества традиционного, а ритуалы последнего не могут исполнять свои функции в культуре постмодерна.

Например, современное общество потребления и цифровых сетей ре-интерпретируе т ритуал для сугубо индивидуальной жизни, используя его как яркую, красивую картинку, дающую возможность сыграть роль в представлении, причем последнее часто монетизируется. При этом сохраняется внешняя форма, драматическое изображение, оформление, ритуального действия, но не происходит исполнения социальных ритуальных функций, таких как формирование определенных норм, правил, мировоззрения и передачи социальной памяти. Ритуал переходит на уровень традиции, красивого обряда, разделяясь на отдельные действия, которые затем привносятся в повседневную жизнь. Происходит процесс обратного перехода сакрального в обыденное, вследствие чего ритуал деградирует. Так, новые культурные образования вызывают внутреннюю трансформацию ритуала.

В настоящее время при широком сохранении традиционных религиозных ритуалов мы можем наблюдать и секулярные варианты таковых, и новые ритуалы, порожденные как старыми, так и новыми идеалами. Проблема такого сосуществования озвучивается Э. Дюргеймом [27. С. 702–703] и В. Тернером [28], причем Э. Дюркгейм видел необходимое развитие этих феноменов, а В. Тернер, будучи западным христианином, придерживался традиционных консервативных взглядов, относя необходимость следования строгим предписаниям ритуального действия к религиозно-мистической практике. Является ли секуляризация традиционных ритуалов результатом их эволюции или, напротив, деградацией? Трансформация формы, содержания и функций ритуала приводит к исчезновению последних, или возможно совместное присутствие различных культурных феноменов? Ответить на поставленные вопросы поможет анализ динамики их изменения.

Проследим динамику развития ритуала на примере инициации. Ритуалы инициации предполагают вхождение индивида в определенную группу и признание его членами сообщества, отнесем к ним ритуалы, сопровождающие рождение, крестины, инаугурации, вступление в должность, посвящение в статус, получение гражданства и др. Целью подобных ритуальных процедур является социальное признание, необходимое индивиду для входа в новое для него сообщество, переход на иную социальную ступень. Субъект ритуала проходит несколько этапов ритуального действия: во-первых, он выбирается, отделяется от прежней группы, тем или иным способом происходит его отчуждение от прежней социальной ступени; далее следует основная часть ритуального действия, часто сопровождающаяся испытанием, и, наконец, происходит признание субъекта новым сообществом и закрепление за ним нового социального статуса.

В настоящее время инициация выполняет функцию закрепления за субъектом социального статуса, но остается чаще всего данью традициям прежнего времени, особенно в рамках мировых религий, где ритуал архаической и классической культуры носил сакральный характер, исчезающий в культуре нового времени. Например, непонимание символического значения христианских ритуалов приводит к восприятию их только как красивых национальных традиций. Сакральный характер инициации сохраняется только в посвящениях и ритуальных переходах различных тайных сообществ и в субкультуре, что можно назвать своего рода *переходными* вариантами данного ритуала между сакральными и светскими. В новых ритуалах, пришедших на смену сакральным и религиозным, прослеживается яркий светский характер даже при сохранении прежней внешней ритуальной формы. Так, с развитием цивилизации ритуалы перехода трансформируются, составные части действий утрачиваются или заменяются другими, а символическая сакральная значимость перестает переживаться субъектом и, как следствие, исчезает эмоциональная нагрузка. Новый секулярный ритуал воспринимается как последовательность шаблонных действий, утративших связь с представлениями о сакральном. Такой ритуал обслуживает обыденность, повседневность, хотя и не теряет своей социализирующей функции, оставаясь некоторой практикой, очерчивающей определенную группу индивидов.

Культура постиндустриального общества изменяет ритуал согласно новым требованиям современной социальности. Общество становится более однородным, индивидуализированным, любое явление жизни становится лишь сугубо индивидуальным, обусловленным только личными потребностями, в интернет-пространстве размываются границы между приватным и публичным, что приводит к возникновению условий, когда каждое явление становится просто яркой презентацией, выражающей стремление найти свое индивидуальное положение в мире. Ритуал, как и любой социальный феномен, из коллективного становится личным, субъект принимает либо трансформирует его для себя, для эффектной яркой иллюстрации успешной личной жизни, но в то же время он демонстрируется большой группе людей. Члены группы реагируют на него тем или иным способом, дают ему оценку, пытаясь управлять им и оказать на него личное влияние, что приводит к еще большей трансформации ритуала.

Более детальный анализ трансформации ритуала перехода проведем на примере ритуальных действий, сопровождающих рождение ребенка. Архаические ритуалы, сопровождающие рождение человека, имеют своей целью сконструировать переход из *мертвого* в *живое*. Новорожденный ребенок становится членом социума и в результате ритуала воспринимается чело-

веком. А.К. Байбурин указывает на связь события и ритуала: ритуал, следуя за событием, не подтверждает его, а конструирует, является самим событием. Периоды человеческой жизни: рождение, взросление, свадьба, смерть – воспринимаются сообществом только после исполнения ритуалов, которые репрезентуют события, наполняя новой знаковой реальностью, содержащейся в сакральных символах [20].

Только что родившийся ребенок до определенного периода не воспринимается как живой человек, о чем свидетельствует понятие *обрядовой нечистоты*, сохраняющееся, например, в христианской культуре. Родившееся живое дитя приписывается *неживому* миру через присвоение ему качества сакральной нечистоты, таким образом, появляется объект ритуального действия, что можно считать первым этапом ритуала – этапом *объективации*. *Нечистого* либо еще *не очистившегося* ребенка не принято показывать другим членам сообщества, и если он умирал сразу после рождения, то его захоронение происходило вне общего кладбища, так как ребенок не стал человеком, таким, как все члены группы.

Вторая часть ритуала представляет собой испытание, это своего рода *эмпирический* этап, во время которого ребенок подвергается детальному осмотру, проверяется работоспособность всех членов его тела. А.К. Байбурин указывает на тщательный осмотр и измерение, сопровождавшие омовение, через этот эмпирический этап ребенок становится *реальностью*, объектом человеческого мира [20]. Затем новорожденного омывают и одевают. Омывание водой вызвано не столько физиологической необходимостью, сколько необходимым сакральным ритуальным смыслом, после чего новорожденный ребенок отделяется от прежнего состояния, поскольку с него смывается *нечеловеческое*. Одевание также отнесем к испытательному этапу ритуала перехода. Новорожденного одевают не в обычные человеческие одежды, а пеленают его, используя для этого куски ткани – пеленки. Пеленание сохраняется до настоящего времени, но заметна современная тенденция использования одежды обычной формы взрослого человека, но соответствующего размера (ползунки, распашонки, шапочки). Пеленание делает новорожденного похожим на покойника, обернутого в саван. Ребенок в ритуале проходит обратный путь жизнь – смерть, он предстает как умерший для прежнего своего нечеловеческого состояния.

Третьим этапом ритуального действия является наречение имени, что исполняет самую важную функцию инициации – социализацию. Все предшествующие ритуальные действия конструировали будущего человека, придавали ему форму, размеры, выделяли его из неживого, теперь же ребенок получает новый статус, через который его можно позвать, узнать, он уже не просто *существо* или *объект*, теперь он вписывается в семиосферу – в сферу знакового и духовного [19]. Чаще всего для наречения использовали то имя, которое раньше было в его роду, либо имя мифического или религиозного персонажа, тем самым ребенок вписывался не просто в сообщество, он становился приемником родословной истории данной группы людей. Это соединение с предками является реализацией функции передачи социальной памяти ритуалом, через принятие которой ребенок становится *субъектом*, постигающим мир.

Сопоставим анализ классической формы ритуала с современными секулярными ритуальными действиями. В настоящее время элементы ритуальных действий, сопровождающих рождение ребенка, присутствуют в событиях *забирания* новорожденного ребенка из родильного дома при выписке. Как и ранее, сам процесс рождения скрыт от большинства окружающих, в том числе и членов семьи, поскольку это происходит в медицинском учреждении: родильном доме, акушерском отделении и пр. Скрытое таким образом рождение, отделенное от общества и семьи, напоминает статус сакральной нечистоты как неживого. Перед выпиской ребенок одевается в одежды, как и в архаических ритуалах, так же туго, в ткань с лентой, что является отсылкой к напоминанию о саване. Имя чаще всего ребенок получает во время пребывания в родильном доме, которое не связывают с предками либо церковным месяцесловом. В описанных действиях можно отследить все этапы архаичных ритуалов, но сакральная символическая нагрузка – ритуальная нечистота, неживое состояние и другое – не востребована субъектами и не считывается ими.

Описанные действия в современном обществе считаются традиционными, но элементы ритуала продолжают деградировать и терять всякий символический смысл. Появились так называемые домашние роды, стало возможным присутствие близких родственников при рождении ребенка, сам процесс рождения не является тайной и не скрывается от посторонних глаз, новорожденному не только не приписывается статус неживого, но он воспримется живым задолго до своего рождения. Второй этап ритуала – эмпирический, конечно, сохраняется. Ребенка подвергают медицинскому осмотру и обследованию, иногда и до момента рождения, но цель такого изучения отнюдь не сакральная, так как никто не сомневается в том, что родившийся является человеком. Пеленание заменяется одеванием в обычные одежды соответствующего размера, поэтому новорожденный предстает уже маленьким человеком, ничего в его внешнем облике не напоминает о приходе из неживого мира. Заключительный этап – наречение имени – также не может не присутствовать, но имя чаще всего не связывается с родоплеменными или фамильными традициями. Возможность диагностировать пол ребенка позволяет придумать имя еще до самого рождения.

Таким образом, современный секулярный ритуал инициации родившегося ребенка, выражающийся в принятии его остальным обществом, представляет собой получение государственного документа, подтверждающего рождение ребенка в определенную дату с определенным именем. Этот секулярный ритуал не имеет ни сакральной, ни эмоциональной окраски, он только подтверждает, что в сообществе появился новый индивид. Все человеческие чувства сопутствуют факту рождения и состояния ребенка и матери, они не

связаны с фактом получения документа. Как представляется, к такому же типу инициации можно отнести и получение гражданства. Однако получение гражданства может быть долго ожидаемым и радостным событием, требующим определенных усилий, которые предстают как испытание. Этот ритуал социального признания в противовес регистрации можно представить как состоящий из следующих окрашенных эмоционально этапов: выделение из *чужого* сообщества, испытание и признание.

Подводя итоги, заметим, что ритуал долгое время остается актуальным средством для поддержания внутренней стабильности социума. Но со временем, переходя из разряда сакрального, приближаясь к повседневной жизни и секуляризируясь, ритуал затирается бытом и больше не выполняет свои сакральные функции. Новые секулярные формы ритуала перестают быть чем-то исключительным, становятся шаблонными, обыденными, теряется символически сконструированная ритуальная система, которая не воспринимается субъектом и эмоционального отклика уже не вызывает. Параллельно с деградацией сакральных функций происходит и деградация самого действия ритуала, его внешней формы, что в конечном итоге приводит к исчезновению прежних традиционных форм. Однако с требованием времени в культуре появляются новые ритуалы, исполняющие те или иные функции для общества. Примером подобного можно назвать *гендерную вечеринку* как ритуальное действие, обыгрывающее событие, ставшее известным благодаря ультразвуковому исследованию. Как следует из приведенного примера, появляющиеся новые ритуалы, не являясь религиозными, не несут сакральной нагрузки, тем не менее их можно рассматривать как трансформацию прежних традиционных форм. Будучи феноменом культуры, ритуал трансформируется с ее изменениями и продолжает оказывать влияние на человека, о чем свидетельствует одновременное существование архаичных, классических и секулярных ритуалов, которые востребованы носителями соответствующего мировоззрения и выполняют для них свои социальные функции.

Список источников

1. Дюркгейм Э. Коллективный ритуал // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. М. : Аспект пресс, 1996. С. 775.
2. Малиновский Б. Магия, наука, религия. М. : Рефл-бук, 1998. 304 с.
3. Тернер В. Символ и ритуал. М. : Наука, 1983. 277 с.
4. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М. : Библион-Русская книга, 2003. 227 с.
5. Элиаде М. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. К. : София; М. : Гелиос, 2002. 352 с.
6. Жирар Р. Насилие и священное. М. : Новое лит. обозрение, 2000. 400 с.
7. Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 1. С. 27–39.
8. Kwon H. Ritual of Everyday Digital Life: Towards Human-Centred Smart Living // Archives of Design Research. 2022. Vol. 35, is. 2. P. 27–43.
9. Sueldo M. Organizational rituals as tools of organizational culture creation and transformation: A communicative approach / M. Sueldo, D. Streimikiene // Transformations in Business and Economics. 2016. Vol. 15, is. 2. P. 89–110.
10. Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2001. 416 с.
11. Мосс М. Социальные функции священного. СПб. : Евразия, 2000. 448 с.
12. Митина И.Д., Митина Т.С., Мартыненко А.В. Специфика изучения ритуалов и обрядов в этнокультурной традиции // Симбирский научный вестник. 2018. № 4. С. 71–77.
13. Лойко О.Т. Ритуал в социальной памяти // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307, № 4. С. 151–156.
14. Хамрина Ю.А. Воспроизводство социального посредством ритуала // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 59–62.
15. Рубель А.В. Основные направления трансформации религиозного ритуала в современном обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сб. ст. / под ред. Е.А. Попова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. Вып. 2. С. 77–83.
16. Синютин А.А. Трансформация ритуалов в условиях развития интернет-технологий // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Социально-экономические науки. 2020. Т. 13, № 6. С. 120–126.
17. Pejić S. Socioanthropological synthesis of ethological studies on rituals in non-human species towards the development of an integrated approach // Anthropos. 2021. Vol. 116, is. 1. P. 187–198.
18. Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культуры // Языки культуры и проблемы переводимости. М. : Наука, 1987. С. 3–11.
19. Топоров В.И. О ритуале. Введение в проблематику // Исследования по этимологии и семантике. М. : Языки славянских культур, 2005. Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения. С. 484–538.
20. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 253 с.
21. Лебедева Л.В. Формирование советской праздничной культуры в 1920-е годы: новые ритуалы в процессе социального конструирования // Фундаментальные исследования. 2015. № 2, ч. 8. С. 1784–1787.
22. Синютин А.А. Трансформация ритуалов в контексте стилевой дифференциации культуры // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11, № 4. С. 51.
23. Макарова Н.Н., Аркаев Е.В. Создание семьи и становление новой советской обрядности (по материалам Магнитогорска середины 1950-х – 1960-х годов) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2021. № 4. С. 784–796.
24. Лисина Е.А. Ритуал в пост-традиции: на примере советской концепции обрядности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6, № 1А. С. 215–220.
25. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / пер. с нем. Г.Ф. Швейника. М. : Прогресс ; Универс, 1994. 272 с.
26. Лоренц К. Оборотная сторона зеркала / пер. с нем. А.И. Федоров. М. : Республика, 1998. 86 с.
27. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова, Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 736 с.
28. Turner V. Ritual, Tribal and Catholic // Worship. 1976. Vol. 50, is. 6. P. 504–526.

References

1. Durkheim, E. (1996) The Elementary Forms of the Religions Life. In: Garadzha, V.I. & Rutkevich. E.D. (eds) *Religiya i obshchestvo: Khrestomatiya po sotsiologii religii* [Religion and Society: A Reader in the Sociology of Religion]. Moscow: Aspekt press. (In Russian).

2. Malinovskiy, B. (1998) *Magiya, nauka, religiya* [Magic, science, religion]. Moscow: Refl-buk.
3. Turner, V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Nauka.
4. Baudrillard, J. (2003) *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [For a Critique of the Political Economy of the Sign]. Translated from English. Moscow: Biblion-Russkaya kniga.
5. Eliade, M. (2002) *Taynye obshchestva: Obryady initsiatsii i posvyashcheniya* [Rites and Symbols of Initiation]. Kyiv: Sofiya; Moscow: Gelios.
6. Girard, R. (2000) *Nasilie i svyashchennoe* [Violence and the sacred]. Translated from English. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
7. Collins, R. (2004) Interaction Ritual Chains. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 7 (1). pp. 27–39. (In Russian).
8. Kwon, H. (2022) Ritual of Everyday Digital Life: Towards Human-Centred Smart Living. *Archives of Design Research*. 35 (2). pp. 27–43.
9. Sueldo, M. & Streimikiene, D. (2016) Organizational rituals as tools of organizational culture creation and transformation: A communicative approach. *Transformations in Business and Economics*. 15 (2). pp. 89–110.
10. Radcliffe-Brown, A.R. (2001) *Metod v sotsial'noy antropologii* [Method in social anthropology]. Translated from English. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole.
11. Moss, M. (2000) *Sotsial'nye funktsii svyashchennogo* [Social functions of the sacred]. Translated from French. St. Petersburg: Evraziya.
12. Mitina, I.D., Mitina, T.S. & Martynenko, A.V. (2018) Spetsifika izucheniya ritualov i obryadov v etnokul'turnoy traditsii [The specificity of the study of rituals and rites in the ethnocultural tradition]. *Simbirskiy nauchnyy vestnik*. 4. pp. 71–77.
13. Loyko, O.T. (2004) Ritual v sotsial'noy pamyati [Ritual in social memory]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta.* 307 (4). pp. 151–156.
14. Khamrina, Yu.A. (2011) Reproduction of the social through ritual. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 59–62. (In Russian).
15. Rubel', A.V. (2010) Osnovnye napravleniya transformatsii religioznogo rituala v sovremennom obshchestve [The main directions of the transformation of religious ritual in modern society]. In: Popov, E.A. (ed.) *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo: sb. st.* [Sociology in the modern world: science, education, creativity: Articles]. Vol. 2. Barnaul: Altai State University. pp. 77–83.
16. Sinyutin, A.A. (2020) Transformatsiya ritualov v usloviyakh razvitiya internet-tekhnologiy [Transformation of rituals in the context of the development of Internet technologies]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Sotsial'no-ekonomicheskie nauki.* 13 (6). pp. 120–126.
17. Pejić, S. (2021) Socioanthropological synthesis of ethological studies on rituals in non-human species towards the development of an integrated approach. *Anthropos*. 116 (1). pp. 187–198.
18. Lotman, Yu.M. (1987) Neskol'ko mysley o tipologii kul'tury [Some thoughts on the typology of culture]. In: Uspenskiy, B.A. (ed.) *Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti* [Languages of culture and problems of translatability]. Moscow: Nauka. pp. 3–11.
19. Toporov, V.I. (2005) O rituale. Vvedenie v problematiku [About the ritual. Introduction to the problem]. In: *Issledovaniya po etimologii i semantike* [Studies in etymology and semantics]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 484–538.
20. Bayburin, A.K. (1993) *Ritual v traditsionnoy kul'ture: strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St. Petersburg: Nauka.
21. Lebedeva, L.V. (2015) Formirovanie sovetskoy prazdnichnoy kul'tury v 1920-e gody: novye ritualy v protsesse sotsial'nogo konstruirovaniya [Formation of Soviet holiday culture in the 1920s: new rituals in the process of social construction]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2 (8). pp. 1784–1787.
22. Sinyutin, A.A. (2020) Transformatsiya ritualov v kontekste stilevoy differentsiatsii kul'tury [Transformation of rituals in the context of stylistic differentiation of culture]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*. 11 (4).
23. Makarova, N.N. & Arkaev, E.V. (2021) Sozdanie sem'i i stanovlenie novoy sovetskoy obryadnosti (po materialam Magnitogorska serediny 1950-kh – 1960-kh godov) [The creation of a family and the formation of a new Soviet ritual (based on materials from Magnitogorsk in the mid-1950s–1960s)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya*. 4. pp. 784–796.
24. Lisina, E.A. (2017) Ritual v post-traditsii: na primere sovetskoy kontseptsii obryadnosti [Ritual in the post-tradition: on the example of the Soviet concept of ritualism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 6 (1A). pp. 215–220.
25. Lorenz, K. (1994) *Agressiya (tak nazyvaemoe "zlo")* [On Aggression]. Translated from German by G.F. Shveynik. Moscow: Progress; Univers.
26. Lorenz, K. (1998) *Oborotnaya storona zerkala* [Behind the mirror]. Translated from German by A.I. Fedorov. Moscow: Respublika.
27. Durkheim, E. (2018) *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of Religious Life]. Translated from French by A. Appolonov, T. Kotel'nikova. Moscow: Izd. dom "Delo" RANEPA.
28. Turner, V. (1976) Ritual, Tribal and Catholic. *Worship*. 50 (6). pp. 504–526.

Информация об авторе:
Атаманов А.В. – аспирант кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: atamanovtomske@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
A.V. Atamanov, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: atamanovtomske@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022;
одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 14.04.2022;
approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 101.1: 316
doi: 10.17223/15617793/486/8

Постправда и несоизмеримость: наука и политика в эпоху постправды

Евгений Валерьевич Масланов[1]

[1]*Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия*
evgenmas@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается соотношение постправды и несоизмеримости. На основе использования сравнительного анализа и методов социальной эпистемологии показано, что постправда – один из феноменов современного общества постмодерна. Анализируется особая политическая субъектность науки, которая может рассматриваться как практика распространения механизмов согласования деятельности и убеждений на представителей различных нарративов.

Ключевые слова: постправда, несоизмеримость, исследования науки и технологий, П. Галисон, наука, политическая субъектность, зоны обмена

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

Для цитирования: Масланов Е.В. Постправда и несоизмеримость: наука и политика в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 74–82. doi: 10.17223/15617793/486/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/8

Post-truth and incommensurability: Science and politics in the era of post-truth

Evgeniy V. Maslanov[1]

[1] *Russian Society for History and Philosophy of Science,*
Moscow, Russian Federation, evgenmas@rambler.ru

Abstract. The article deals with the correlation of post-truth and incommensurability. Based on the use of comparative analysis and methods of social epistemology, the author shows that post-truth is a phenomenon of modern society in the postmodern situation. It is often characterized as deliberate misrepresentation based on the use of false data. This understanding of post-truth connects it with modern rationality. In the postmodern context, it can be viewed as a struggle between narratives which proceed from different ideas about the world and ignore others' arguments. A similar phenomenon has been described in science and technology studies as an incommensurability of paradigms. Their agents have different ontological representations, solve different tasks/puzzles and cannot accept others' arguments. At the same time, science and technology studies have suggested and described mechanisms for overcoming incommensurability. Such mechanisms include the formation of trading zones, which involve an interaction between scientists adhering to different paradigms. However, they do not try to convince one another. While solving scientific and technical problems, they get acquainted with others' ideas merely at a fairly superficial level. This allows them to achieve coordination of actions and beliefs. A special role in this process is played by various non-human actors that become boundary objects. A similar strategy can be used to find mutual understanding between representatives of different narratives in a post-truth situation. Through the use of non-human actors, they can try not to convince one another, but to solve common problems. Such strategies may involve the emergence of a common space of expertise. The consideration results in an idea about the special political subjectivity of science. It can be considered as a special practice of spreading the mechanisms for coordinating the actions and beliefs of representatives of various narratives. Political subjectivity becomes another important dimension of the social existence of science.

Keywords: post-truth, incommensurability, science and technology studies, Peter Galison, science, political agency, trading zone

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 21-18-00428.

***For citation*:** Maslanov, E.V. (2023) Post-truth and incommensurability: Science and politics in the era of post-truth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 74–82. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/8

© Масланов Е.В., 2023

Введение

Наука еще в XX в. стала одним из важнейших общественных институтов. Без созданных на основе научных достижений технологий сложно представить повседневность, научные идеи влияют на государственную политику. В настоящее время «новые научные знания и технологии становятся не чем-то факультативным, – отмечал Б.Г. Юдин, – а модусом современного общества, средой, в которой оно обитает» [1. С. 65]. Сложно спорить и с тем, что наука, сделав познание природы одной из важнейших целей человеческого общества, так и не стала искать ответов на вопросы о смысле жизни. Теперь наука, как настаивает А.Н. Никифоров, «не содействует интеллектуализации нашей жизни… она не расширяет горизонты нашего сознания… напротив, эта служанка техники часто служит низменным корыстным или идеологическим целям» [2. С. 28]. Под ударами научной критики модерн оказался подвергнут сомнению. Общество вступило в состояние постмодерна. В таком обществе большие нарративы уже не вызывают доверия [3]. В нем даже при описании развития науки сложно увидеть поступательное движение к истине. Подобные изменения затрагивают не только науку. Недоверие к большим нарративам привело к трансформациям в общественной жизни. Одним из подобных изменений, например, стало восприятие политической борьбы через столкновение различных нарративов, которые могут с равным успехом обосновывать глубоко противоположные идеи. В этом случае ни одна из идей не может быть опровергнута оппонентами. Это описание ситуации современности в какой-то момент оказалось достаточно скандальным, показав несоответствия современного общества идеалам модерна и несоответствия современной науки нормативным представлениям о ней [3], приведя в итоге к «научным войнам» [4]. Поэтому одной из особенностей эпохи постмодерна оказывается ситуация пост-правды. Для нее не обязательно, чтобы описания социальной или политической реальности соответствовали фактам, наоборот, существуют лишь те факты, которые соответствуют описанию. Получается, что нарративы строятся на «убеждении в том, что факты можно выделить, выбрать и представить в политическом контексте так, чтобы они поддерживали одну интерпретацию истины против другой» [5. P. 6]. В этом случае состояние постправды сосуществует вместе с активным развитием научного знания. При этом в работах Т. Куна было показано, что в рамках развития науки существует определенная несоизмеримость между теориями. В этом случае затруднены дискуссии между учеными, развивающими различные теории. Это наталкивает на мысль о том, что состояние постправды может иметь определенные параллели в развитии современной науки. При этом исследования в области STS, как отмечает С. Фуллер, показали, например, что «консенсус – неестественное положение в науке, он требует фабрикации и поддержки, что является работой, которую легко недооценить, поскольку большая часть ее осуществляется за кулисами, в процессе коллегиального рецензирования» [6. С. 113], что в определенном смысле может напоминать состояние постправды в общественных дискуссиях.

Подобные состояния постправды, возможно, имеют некоторые параллели и в науке. Поэтому в статье мы попытаемся выяснить, существуют ли подобные параллели; проанализировать, какие выводы можно сделать из этого факта для состояния постправды и роли науки в современном обществе с точки зрения социальной эпистемологии. В этом случае под постправдой, вслед за С. Фуллером, мы будем понимать ситуацию, когда вопрос ставится не только о том, какие факты являются истинными, но и о том, каким образом можно определять истинность фактов [6. С. 14]. При этом постправда будет соотнесена с концепцией парадигм Т. Куна, ведь, как мы соглашаемся с С. Фуллером, «куновская концепция науки является “постистинной” потому, что “истина” более не арбитр легитимной власти, скорее, она маска легитимности, которую носит всякий, кто стремится к власти» [6. С. 17]. В том смысле, что сама категория «истины» в концепции Т. Куна оказывается соотнесена с определенной позицией парадигмы. В результате взаимодействие между учеными, придерживающимися различных парадигм, может оказаться связано с переинтерпретацией языков и дискуссиями о самой возможности получать определенные результаты.

В этом случае, казалось бы, концепция постправды может соотноситься с концепцией социальных полей П. Бурдье, в которой поле науки можно понимать как «систему объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями», которая «является местом (т.е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет» [7. С. 474]. Однако стоит признать и тот факт, что подобное описание предполагает обращение к дискуссиям именно в социальном поле, в котором обращение к истине может вообще не играть никакой роли, ведь, например, «престижность» факультетов и профессорских позиций в системе университетов во Франции зависит не от притязаний на истину, а может воспроизводит структуру господствующего класса. Позволим себе большую цитату из работы П. Бурдье для подтверждения этой мысли: «Как и поле институций высшего образования (все множество факультетов и высших школ), чья структура воспроизводит в собственно образовательной логике структуру поля власти (или, если угодно, оппозиции между фракциями господствующего класса), входом в которое оно является, профессора различных факультетов распределяются между полюсом экономической и политической власти и полюсом культурного престижа согласно тем же принципам, что и различные фракции господствующего класса» [8. С. 77]. В этом случае престижность, например, медицинских и юридических специальностей определяется, скорее, их историей и уже занятыми позициями, чем притязаниями на истину.

Постправда – особенности интерпретации

Постправда – термин достаточно хорошо известный. Еще в 2016 г. он был объявлен Оксфордским словарем словом года. Его понимание требует некоторой осторожности и взвешенности. «Считается, что политика постреальности и пост-правда обозначают политическую культуру, в которой дискуссии и дебаты, – пишет Ф. Фишер, – формируются эмоциональными призывами, оторванными от эмпирических деталей политических вопросов» [9. P. 134]. В этом случае одна из социальных групп использует свой доступ к медиа или другим ресурсам для обоснования заведомо ложной точки зрения. Предполагается, что манипулирующая группа знает истину, тогда как те, на кого она воздействует, этим знанием не обладают. Успех манипуляции обеспечивается двумя причинами. С одной стороны, обладание знанием позволяет сформулировать достаточно правдоподобные высказывания, которые, конечно же, частично соответствуют действительности, но добавление в них небольшой доли лжи превращает их в искажение фактов. С другой стороны, доступ к различным ресурсам позволяет эту точку зрения тиражировать. Единственный способ противостоять постправде – стремление интеллектуалов сообщить обществу истину, после знакомства с которой люди могут понять, что они заблуждаются.

Подобное рассмотрение постправды связывает ее с эпохой модерна. Подразумевается, что существует истина, которая искажается в угоду сиюминутным интересам отдельных групп. Если бы другие группы обладали достаточным количеством информации, они бы, конечно же, поняли, что ими манипулируют. Однако постправда – порождение состояния постмодерна и противостоит модерну. Поэтому ее можно представить не только как результат манипуляции или целенаправленного обмана. Возможно, она характеризует ситуацию, когда происходит столкновение различных точек зрения. Их носители для обоснования своих взглядов используют подходы и методы, которые одними участниками воспринимаются как не дающие реальной возможности доказать защищаемые идеи, а другими – как обладающие силой убеждения. Популистские движения обращаются к аргументам, которые, с точки зрения их оппонентов, не могут рассматриваться как заслуживающие хоть какого-либо доверия. Но эти аргументы убеждают сторонников популистских движений. Одной из важных стратегий становится, например, обвинение противников в том, что они обращаются не к фактам, а к эмоциям, но эмоциональные аргументы используют все участники дискуссий [10].

В ситуации постправды формируется мир различных нарративов. Несоизмеримость – основная их особенность. Люди, согласные с одним из нарративов, не воспринимают аргументы других, а поэтому аргументы не могут являться достаточно значимым подтверждением защищаемой точки зрения. Статистические данные подвергаются сомнению, т.к. они, по мнению сторонников противоположных нарративов, ничего не могут доказать. Рациональные аргументы воспринимаются как иррациональные, ведь они базируются на установках, которые оппонентами с самого начала подвергаются сомнению. Используемые сторонниками других нарративов термины описываются как навязанные и не отражающие суть дела. Высказывания экспертов и профессионалов, если они не совпадают с изначально поддерживаемой позицией, ничего не значат. Ведь, по мнению оппонентов, они лишь пытаются «затемнить» суть дела и навязать собственную повестку. Участники дискуссий не столько стремятся разрешить противоречия, сколько доказывают свою точку зрения, которая заведомо считается верной. Люди живут как будто в различных мира, между которыми мало общего. При этом несоизмеримость – ключевой элемент описания различий между парадигмами. Она не означает несравнимости, зачастую существуют даже языковые единицы, которые являются общими для отдельных парадигм. «Только для небольшой группы (как правило, взаимоопределяемых) терминов и для предложений, их содержащих, – отмечает Т. Кун, – возникает проблема перевода» [11. С. 49], но именно они и делают теории несоизмеримыми. Подобные различия делают несоизмеримыми и миры постправды. В них небольшие группы взаимоопределяемых терминов могут приводить к формированию кардинально различных нарративов.

Постправда и исследования науки и технологий

Подобное описание феномена постправды дает возможность отметить некоторые сходства с ситуацией взаимодействия сторонников различных парадигм. Каждый из них обладает своим собственным «видением» мира. В процессе обучения они усвоили онтологические допущения и научились решать различные задачи-головоломки, а затем они используют полученные знания и навыки в своей работе. При этом их парадигмы несоизмеримы, аргументация носителей одних взглядов не может быть в достаточной мере понята и воспринята другими, а поэтому настоящее взаимодействие между носителями различных парадигм невозможно [12]. Получается, что их сторонники оказываются в ситуации, напоминающей столкновение носителей различных форм «правды». С. Фуллер, один из исследователей феномена постправды, отмечает, что достаточно много для его концептуального описания, а возможно и для его формирования, сделали исследователи в области науки и технологий. «Постправда, – отмечает он, – отпрыск, от которого исследования науки и технологий (STS) всегда старались откреститься» [5. С. 112]. В работе «Post-Truth. Knowledge as a Power Game», специально посвященной исследованию постправды, он показывает, что каким образом ее формирование оказалось связано не только с развитием исследований в области науки и технологий, но и с распространением знаний за пределы научного сообщества: мир «постистины – это неизбежный результат

большей эпистемической демократии. Другими словами, как только инструменты производства знания становятся общедоступными – и при этом показано, что они работают, – они в конечном счете будут работать для всякого, кто может ими воспользоваться» [5. P. 117].

Исследования в области науки и технологий показали несколько важных факторов, характерных для существования науки в социальном контексте. Во-первых, научный результат становится научным не столько в процессе исследования, сколько в процессе публикации. Исследование всегда сопряжено с огромными рисками – оно может быть успешным или нет, эксперимент может проходить удачно или быть полностью проваленным, данные, которые были получены, могут противоречить первоначальным допущениям. Все это важные элементы исследования, но они далеко не всегда попадают в опубликованные научные тексты. Во-вторых, истиной в науке становится то, что признается учеными за истину. Но она не установлена раз и на всегда. С течением времени ученые могут прийти и к иным результатам, и тогда признанные истины могут быть пересмотрены. В-третьих, отмечает С. Фуллер, научный консенсус оказывается не вполне естественным состоянием для фронтирных исследований. Требуется постоянная работа по его поддержанию. В своих работах ученые могут получать данные и результаты, которые противоречат сложившемуся на данный момент научному консенсусу. В этом случае им предстоит решить, стоит ли отказаться от публикации, ведь всегда есть вероятность, что тексты, с результатами, противоречащими научному консенсусу, будут отвергнуты рецензентами, или на свой страх и риск вступить в борьбу за его изменение. Именно поэтому, в-четвертых, «основные нормативные категории науки, такие как “компетенция” и “экспертиза”, являются довольно растяжимыми, поскольку их условия определяются силовой динамикой, устанавливающейся между специфическими коалициями заинтересованных сторон» [5. P. 113]. Передовые исследования связаны с постоянной борьбой идей.

Один из примеров подобной ситуации описан В. Гейзенбергом и имеет отношение к периоду становления квантовой механики. После того как Э. Шрёдингер сформулировал свою математическую схему квантовой механики достаточно, быстро стало понятно, что основанная на идеях Луи де Бройля модель Шрёдингера и модель, основанная на идеях Н. Бора, обладают математической эквивалентностью. Казалось бы, это должно было способствовать взаимопониманию между исследователями. Однако осенью 1926 г. в Копенгагене между Э. Шрёдингером и Н. Бором произошла достаточно напряженная дискуссия. Как пишет В. Гейзенберг, возможно, вследствие перенапряжения Э. Шрёдингер заболел и вынужден был «слечь в постель», когда гостил в семье Н. Бора. «Но и тут Бор почти не отходил от больного, упрямо повторяя: “Нет, Шрёдингер, Вы обязаны все-таки согласиться, что…” Один раз Шрёдингер почти в отчаянии воскликнул: “Если никак нельзя обойтись без этих проклятых квантовых скачков, то я жалею о том, что связался с атомной теорией”» [13. С. 27]. В результате сторонники Н. Бора, по замечанию В. Гейзенберга, оказались уверены, что они одержали верх в этой дискуссии. Все это свидетельствует о том, что в процессе формирования квантовой механики, даже в условиях понимания математической эквивалентности, шли дискуссии, целью которых была разработка «верного» взгляда на ее интерпретацию. Но видно и то, что они не обязательно связаны с полным разрушением взаимопонимания. В исследованиях науки и технологий выявлены не только особенности противостояния несоизмеримых парадигм, которое напоминает состояние постправды, но и сформулированы некоторые идеи, позволяющие преодолеть его. В этом смысле опыт нахождения взаимопонимания между различными научными подходами может рассматриваться как одна из возможных стратегий преодоления состояния постправды, которая позволит найти взаимопонимание представителям различных точек зрения. Однако для этого необходимо проанализировать, что помогает достигать взаимопонимания в «зоне обмена».

Зоны обмена, пограничные объекты и non-human акторы

Показанная в работах Т. Куна несоизмеримость парадигм стала важным вызовом для исследователей. Конечно же, ученые не обязаны стремиться к взаимопониманию. При этом ясно, что если эта несоизмеримость существует, то достаточно сложно понять, каким образом могут успешно взаимодействовать ученые, принадлежащие к различным парадигмам. Но было очевидно и то, что если и не всегда, то иногда исследователи, принадлежащие к различным парадигмам, могут совместно и вполне успешно решать исследовательские задачи. Следовательно, они могут достигать взаимопонимания. Без этого вряд ли были бы возможны проекты по решению сложных прикладных задач в области радиоэлектроники или атомной энергетики. К примеру, в известной статье П. Галисона «Зона обмена: координация убеждений и действий», переведенной на русский язык, он приводит исторический пример построения зоны обмена между физиками-теоретиками, экспериментаторами и инженерами в рамках работы Радиационной лаборатории, которая «была основана в конце 1940 г. для работы с изобретенным британцами прибором, генерирующим микроволны нужной частоты для эффективного радара. 16 октября Ли Дюбридж согласился возглавить проект; к концу октября ядро группы сформировалось в комнате 4-133 Массачусетского технологического института (МТИ)» [14. С. 81], и в итоге им удалось найти взаимопонимание. В лаборатории бывал Джулиан Швингер, оказывавший теоретическую поддержку работе лаборатории. П. Галисон так описывает этот процесс «впитывания культуры» инженеров-электромехаников: «Постепенно Швингер начал

впитывать инженерную культуру Радиационной лаборатории и отказываться от абстрактной теории рассеивания, принятой физиками для объяснения электромагнетизма. Он начал искать микроволновый аналог более практичных представлений, свойственных инженерам-электротехникам: простые "эквивалентные цепи", имитирующие лишь самые существенные свойства элементов. Инженеры давно использовали этот подход, рассматривая различные системы, например громкоговорители, не с точки зрения их реальных электрических, механических или электромеханических свойств, а так, будто громкоговоритель был лишь схемой из чисто электрических компонент. Иными словами, они заперли (символически) всю сложную физику шума, генерируемого громкоговорителем, в "черный ящик" и заменили ее в своих вычислениях "эквивалентными" электрическими элементами. Аналогично проводящие полые трубки и полости микроволновых схем можно было заменить (символически) обыкновенными электрическими элементами и тем самым получить возможность манипулировать ими алгебраически, не вдаваясь каждый раз в детали сложнейших проблем граничных значений уравнений Максвелла… Война заставила физиков-теоретиков типа Швингера проводить день за днем в вычислениях для различных приборов, и, работая с этими материальными объектами, они начали связывать свой собственный язык теории поля с языком и алгеброй электротехники» [14. С. 82–83]. Хотя в них принимали участие исследователи, работавшие над теоретическими и прикладными задачами, экспериментаторы и техники. Все они были носителями определенных научных парадигм-культур, которые обладали собственным «взглядом» на мир. Они осваивали хоть и близкие, но все же различные курсы в университетах, учились по разным учебникам, решали свои собственные задачи, что, конечно же, делает их культуры не столь далекими друг от друга, как культуры племен Океании, как отмечал, например, Е.В. Масланов [15]. Однако все равно смогли добиться взаимопонимания и преодолеть несоизмеримость.

П. Галисон описал один из подходов к ее преодолению. Он отмечает, что это происходит в процессе совместной работы над проектами в зонах обмена [16] – пространствах, в которых ученые, принадлежащие к различным парадигмам-культурам, работают над решением общей задачи. В этом случае им приходится вырабатывать язык понимания – своеобразный пиджин. Он не тождествен ни одному из языков ученых, работающих над проектом. Совершенно не обязательно, что он будет абсолютно корректно передавать носителю другой парадигмы смыслы, которые характерны для ее углубленного понимания. Но он даст возможность на приемлемом уровне объяснить необходимую информацию, которая и будет усвоена. Целью зон обмена выступает не достижение полного согласия, хотя это и возможно. Они ориентированы на налаживание взаимопонимания для решения вполне конкретных задач. Именно поэтому происходит не принятие другой парадигмы, а знакомство с ней, формирование пространства согласования деятельности и убеждений участников проектов. При этом группа исследователей, работавшая над развитием концепции «зон обмена» под руководством С. Фуллера и И.Т. Касавина, показала, что имеется возможность формирования «зон обмена» различного типа, которые могут ориентироваться на выстраивание взаимодействия не только между учеными, но и другими акторами. Результаты этой работы были изложены в монографии «Негумбольдтовские зоны обмена», изданной в 2020 г. [17].

Важная особенность зон обмена – наличие «посредников» между принадлежащими к различным парадигмам учеными. Ими могут выступать люди, обладающие компетенцией интерактивной экспертизы. Но в этом случае они уже являются носителями общего языка. Поэтому основными «посредниками», до момента формирования пиджина, оказываются самые разные материальные или нематериальные объекты, так называемые пограничные объекты. Они располагаются на границах между исследовательскими группами и «населяют несколько пересекающихся социальных миров и удовлетворяют информационные потребности каждого из них… Они имеют разное значение в разных социальных мирах, но их структура достаточно общая для более чем одного мира, чтобы сделать их узнаваемыми, средством перевода» [18. P. 393]. В этой классической статье 1989 г. С. Стар и Дж. Гризимер показывают, как различные объекты Музея зоологии в Беркли могут выступать «пограничными объектами», позволяющими находить взаимопонимание между профессиональными исследователями, любителями и администрацией и формировать общее пространство взаимопонимания. При этом подобными объектами могут быть как различные математические методы, например метод Монте-Карло, так и конкретные материальные объекты – экспериментальные образцы разрабатываемого оборудования [19]. Важно лишь то, что все они используются в совместной работе, что и позволяет найти взаимопонимание. Они включают в себя идеи, характерные для каждой из парадигм. Обращение к ним и разъяснения других участников проекта дают возможность если и не полностью понять, то хотя бы «схватить» некоторые важные для проекта идеи.

Эти объекты сконструированы исследователями в процессе своей работы. Технические объекты созданы учеными и инженерами на основе собственных знаний. Объекты научных теорий, как и сами научные теории, сложились в результате работы ученых. Все они требуют для своего поддержания большого количества разнообразных сетей человеческих и non-human акторов: лаборантов и экспериментальных установок, ученых, способных проводить эксперименты и понимать полученные данные, и графиков с этими данными, математических теорий, компьютеров, тепла и электричества. Без всего этого многообразия ни один пограничный объект существовать не будет. Но и эти объекты конструируют исследователей. Выступая «переводчиками», они создают образы парадигм друг

для друга. Данные образы не совпадают с самоописаниями, но дают возможность успешно взаимодействовать. В этом случае пограничные объекты действительно становятся важнейшими акторами зон обмена, а non-human акторы – ключевым звеном в процессе согласования деятельности и убеждений. Не только ученые выступают «представителями» non-human акторов, но и последние начинают «представлять» их друг для друга. Все они обладают правом «голоса» или «перевода» интересов, формируется своеобразный парламент вещей и людей [20]. Они дают возможность не просто встретиться с несоизмеримостью различных взглядов ученых, но и позволяют отметить тот факт, что хоть парадигмы и обладают несоизмеримостью, все же они оказываются связаны с общими объектами, которые успешно применяются представителями различных парадигм. Следовательно, они имеют определенные общие черты, а различия могут быть понятно описаны представителям другой парадигмы.

Обращение к совместным исследовательским практикам, ориентированным не столько на стремление достигнуть полного взаимопонимания, сколько на необходимость решать совместные задачи при помощи использования пограничных объектов, становится важнейшим элементом преодоления несоизмеримости парадигм. Это может показать путь и для формирования взаимопонимания в эпоху постправды.

Non-human акторы и эпоха постправды

Проведенный анализ показывает, что взаимодействие между различными группами в ситуации постправды напоминает взаимодействие между носителями несоизмеримых парадигм. При этом именно преодоление несоизмеримости становится важнейшей задачей для выстраивания диалога между различными позициями. Конечно же, для ряда вопросов достижение этой цели затруднительно. К примеру, выход Великобритании из Европейского союза – классический пример подобного политического вопроса. Связано это еще и с тем, что одна из особенностей состояния постправды – формирование недоверия к экспертам, которые не разделяют заранее принятую точку зрения. Однако в настоящее время политический характер приобретают проблемы, которые раньше могли рассматриваться как сугубо академические, например, изменение климата или утилизация атомных отходов, не говоря уже о стратегиях поддержания здоровья населения при борьбе с различными болезнями. В результате складывается ситуация, когда различные группы ученых и экспертов, существующих в условиях постнормальной науки, которая характеризуется в том числе и неопределенностью, продвигают различные взгляды на решение проблем [21]. Собственно, именно в этом случае несоизмеримость парадигм вторгается в решение политических вопросов, несоизмеримость становится важным элементом постправды, а знания, как отмечал С. Фуллер, – элементами борьбы за власть [5].

Одним из примеров может служить вопрос о хранении атомных отходов. Он носит глубоко специальный характер, и, казалось бы, внутри экспертного и научного сообщества должен существовать определенный консенсус по поводу его решения. В.С. Пронских показывает, что даже в этом случае можно говорить о существовании нескольких позиций, между которыми могут вестись дискуссии. К примеру, одна из проблем связана с вопросом о том, о чьей безопасности стоит задумываться – о межпоколенческой или внутрипоколенческой безопасности и справедливости? Ответ на него может приводить к различным подходам к работе с атомными отходами, которые будут в равной мере обоснованными. В результате часть стран ориентируется на стратегии, минимизирующие риски для нынешнего и ближайшего поколения. Они стремятся реализовать «открытый топливный цикл (без глубокой переработки отработанного топлива) и захоранивают отходы в долговременных хранилищах, поскольку рассчитывают, что отдаленные поколения самостоятельно найдут решение этой проблемы на другом технологическом уровне» [22. С. 15]. Но страны стремящиеся «реализовать закрытый цикл, перекладывают большую часть рисков и расходов обращения с отработанным топливом на плечи нынешнего и ближайшего поколений, минимизируя риски для потомков» [23. P. 15]. Видно, что никакого общемирового консенсуса нет, а поэтому возможны риски как для нынешнего, так и для будущих поколений. Активисты же, связанные с движениями по защите природы, очень часто выступают за запрет атомной энергетики. При этом сам вопрос об атомной энергетике и работе с отработанным атомным топливом носит глубоко политический характер, ведь от его решения зависит как стратегия развития отдельных отраслей промышленности и государств, так и всего мира в целом. Схожие проблемы возникают и при решении менее масштабных вопросов, например о реализации различных проектов в области добычи полезных ископаемых, в том числе нефти или газа. Подготовка планов по их реализации предполагает анализ потенциального влияния проектов на окружающую среду. Активисты, проживающие в местах их осуществления, не всегда согласны с научно обоснованными мнениями, которые предлагают консультанты компаний. Формируется пространство так называемой контрэкспертизы, ставящей под сомнение полученные результаты и приводящей собственные доводы.

Оба эти примера свидетельствуют о том, что в настоящее время достаточно сложно даже экспертам прийти к консенсусу по вопросам, затрагивающим интересы нескольких групп. В ситуации постправды этим группам вряд ли удастся договориться. Представляется, что в этом случае стратегии преодоления несоизмеримости научных парадигм могут играть принципиально важную роль для разрешения подобных противоречий, ведь разногласие между группами может быть описано как столкновение парадигм. Правда, их сторонники не стремятся найти общий язык, а пытаются отстоять собственную точку зрения. Отказ от нее равносилен поражению. Однако у них имеется нечто общее – non-human акторы, которых они берут к себе в союзники. Каждый из участников борьбы пытается включить их в свои сети, говорить от их имени, доказывать, что только он имеет право распоряжаться их голосом.

Исследования науки и технологий показали, что non-human акторы могут обладать собственными «интересами». Гребешки и дверные доводчики, сети распространения бензина и морские корабли оказываются включены во взаимодействие с людьми. Они влияют на их поведение, сопротивляются людям или поддерживают их. Очень часто отдельные группы стараются говорить от имени non-human акторов и выступать их представителями во взаимодействии с другими. Хрестоматийным примером является перевод интересов морских гребешков на язык, понятный рыбакам и бюрократам, описанный М. Каллоном в своей статье [24].

Но в эпоху кризиса экспертизы, наличия нескольких обоснованных точек зрения на различные научные и технологические изменения совершенно разные группы пытаются присвоить себе возможность говорить от имени non-human акторов. И зачастую они защищают противоположные позиции. Именно поэтому подобные акторы оказываются не менее важными участниками взаимодействия. Связано это не только с их возможным сопротивлением, но еще и с тем, что они оказываются общим элементом для различных участников дискуссий – их «пограничным объектом». Конечно же, их описания у различных групп отличаются, но все же они обладают и некоторыми сходствами, хотя бы связанным просто с фактом апелляции к одним и тем же объектам. Это сходство, которое позволяло находить взаимопонимание представителям различных парадигм, может стать важным элементом для нахождения взаимопонимания при решении большого количества вопросов, связанных с применением знаний в общественной жизни.

Обращение к общим объектам позволяет надеяться на то, что возможно создание стратегий достижения согласия. Но связаны они будут не с дискуссиями и консультациями, нацеленными на разъяснение позиций друг друга, которые, казалось бы, должны будут привести к обнаружению общего знаменателя. В эпоху постправды дискуссии не могут привести к желаемому согласию – ведь каждая из сторон защищает собственные концепции и ценности, от которых она не может отказаться. Опыт описания зон обмена показывает, что выходом может стать формирование пространства не переговоров, а решения совместных задач. В этом случае одной из стратегий может быть формирование особого поля экспертизы, в котором представлены интересы различных групп людей и non-human акторов. Его формирование требует разработки особой процедуры. Один из вариантов может быть основан на выделении двух фаз экспертизы. Первая из них связана с взаимодействием между различными экспертами-профессионалами и носит технический характер. Вторая ориентируется на взаимодействие между экспертами-профессионалами и другими социальными агентами. Подобное разделение может иметь несколько преимуществ: «1) позволяет минимизировать моральное и политическое давление на экспертов; 2) дает возможность вовлечь в экспертное обсуждение все заинтересованные стороны, препятствуя тем самым “приватизации” публичной сферы; 3) позволяет агрегировать распределенное знание; 4) дает возможность для дистрибуции ответственности среди более широкого круга участников, поддерживая тем самым демократический дух в сообществе» [25. С. 62]. Каждая из заинтересованных групп может реализовывать собственный технический этап формирования экспертного мнения. Подобная стратегия как раз и позволяет создавать пространства согласования деятельности и убеждений отдельных групп, а следовательно, находить точки взаимопонимания сторонникам конкурирующих позиций. При этом обращение к non-human акторам создаст общее поле применения технологических решений.

Политическая субъектность науки в ситуации постправды

Вопрос о политической субъектности науки в ситуации постправды ставится достаточно часто. Обычно утверждается, что ученые выступают той группой, которая способна разоблачить манипуляции со стороны сторонников «целенаправленной лжи». Они защищают истину и противостоят антиинтеллектуализму. Нам кажется, что обнаруженные параллели между феноменом постправды и несоизмеримостью научных парадигм и возможность использования стратегий преодоления несоизмеримости для решения противоречий между противоположными позициями позволяют выделить еще одну характеристику политической субъектности науки.

В науке уже сформировались определенные механизмы преодоления несоизмеримости. В этом случае она приобретает особый статус – выступает практикой, показывающей, как можно выстроить диалог и взаимопонимание. Именно поэтому ученые оказываются группой способной повлиять на изменение социального контекста. «Чтобы это изменение направлялось ценностями истинности и объективности научного знания, нужен сознательный выбор и волевые усилия научных сообществ, принимающих на себя бремя ответственности интеллектуальной элиты, – точно пишет В.Н. Порус. – И это есть, по существу, политический выбор» [25. С. 40]. Но подобный ответственный политический выбор связан и с тем, что наука должна не просто выносить суждение о том, какие идеи, высказываемые различными группами, обоснованы, а какие – нет. Возможно, политическая субъектность науки заключается еще и в ее способности распространять знания за пределы науки. Эта деятельность может включать в себя не только «просвещение» широких общественных масс, но и рассказ о механизмах познания мира, о ценностях науки, формирование критического отношения к информации. Наука для общества должна стать не только источником знаний о мире или технологических инноваций, но и практикой, демонстрирующей механизмы разрешения конфликтов.

Путь формирования подобной политической субъектности науки сложен. Распространение критицизма в обществе может привести и к достаточно противоречивому

отношению к самому научному знанию. В подобной ситуации каждый готов посчитать себя способным критиковать все что угодно на основании имеющейся у него «под рукой» информации, которая получена при помощи поиска в Сети. У людей может сложиться впечатление, что все обладают достаточными знаниями для того, чтобы критиковать мнения экспертов в различных областях [26]. Поэтому, как это ни странно, само распространение научного знания и представления о важности знаний может приводить к формированию ситуации постправды. В связи с этим вопрос о политической субъектности науки приобретает особую важность. Ведь транслируя знания и практики работы с ними в общество, необходимо осознать ответственность за эту деятельность и быть готовым не только сокрушаться росту антиинтеллектуальных настроений, но и выстраивать стратегии взаимодействия с обществом и формировать новые поля экспертизы. В этом случае ответственная интеллектуальная элита сможет реализовать свой политический выбор.

Заключение

Постправда – один из феноменов в ситуации постмодерна. Казалось бы, он обладает уникальностью. Однако при внимательном рассмотрении можно сделать вывод о том, что он похож на несоизмеримость научных парадигм. И в том и в другом случае сторонники различных позиций вряд ли могут адекватно понять друг друга. Это может приводить к долгим и бессодержательным дискуссиям и обвинениям не только в непонимании, но и в намеренном искажении фактов. Основное их отличие состоит в том, что в рамках науки были найдены пути преодоления несоизмеримости. Один из них – формирование зон обмена, в которых при помощи пограничных объектов происходит согласование деятельности и убеждений представителей различных парадигм. В этом случае можно предположить, что и в условиях ситуации постправды необходимо формирование специфических пространств взаимодействия представителей различных нарративов. Благодаря этому и может быть преодолена ситуация разобщенности и сформировано пространство взаимодействия. Оно не обязательно подразумевает полное понимание или согласие с позицией оппонентов, но дает возможность решать общие проблемы. На наш взгляд, в этой ситуации особую политическую субъектность приобретает наука. Она может рассматриваться как один из механизмов распространения в обществе практик, позволяющих сформировать взаимопонимание. И путь его формирования в ситуации постправды, и путь осознания и складывания особой политической субъектности науки труден и тернист, но, не пройдя его, вряд ли возможно преодоление как современного состояния постправды, так и недоверия к экспертизе и научному знанию.

Список источников

1. Юдин Б.Г. Человек в обществе знаний // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2010. № 3. С. 65–83.
2. Никифоров А.Л. Трансформация науки в XX в.: от поиска истины к совершенствованию техники // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 20–29.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологи. СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
4. Turner S. The Third Science War // Social Studies of Science. 2003. Vol. 33, Is. 4. P. 581–611.
5. McIntyre L. Post-Truth. Cambridge, MA : MIT Press, 2018. 240 p.
6. Фуллер С.В. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
7. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр., сост., общ. ред., пер. и послесл. Н.А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2007. 576.
8. Бурдье П. Homo academicus / пер. с фр. С.М. Гавриленко, О.М. Журавлева, Д.Ж. Кондова, Е.В. Кочетыговой, О.О. Николаевой, Н.В. Савельевой ; под науч. ред. Е.В. Кочетыговой и Н.В.Савельевой. М. : Изд-во Института Гайдара, 2018. 464 с.
9. Fisher F. Knowledge politics and post-truth in climate denial: on the social construction of alternative facts // Critical Policy Studies. 2019. Vol. 13, № 2. P. 133–152.
10. Durnová A. Unpacking emotional contexts of post-truth // Critical Policy Studies. 2019. Vol. 13, № 4. P. 447–450.
11. Кун Т. После «Структуры научных революций» / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М. : АСТ, 2014. 443 с.
12. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнения 1969 г. / пер. с англ. И.З. Налетова. М. : Прогресс, 1977. 300 с.
13. Гейзенберг В. Избранные философские работы: Шаги за горизонт. Часть и целое / пер. А.В. Ахутина, В.В. Бибихина. СПб. : Наука, 2005. 572 с.
14. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.
15. Maslanov E. Universities as Social Background in “Trading Zone” Creation // Philosophy of the Social Sciences. 2019. Vol. 49, Is. 6. 493–509.
16. Galison P. Image and Logic. A material Culture of Microphysics. Chicago, Il : The University of Chicago Press, 1997. 980 p.
17. Масланов Е.В., Дорожкин А.М. (ред.) Негумбольдтовские зоны обмена. М. : РОИФН, 2020. 237 с.
18. Star S.L., Griesemer J.R. Institutional Ecology, “Translation” and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley’s Museum of Vertebrate Zoology, 1907-39 // Social Studies of Science. 1989. Vol. 19, № 3. P. 387–420.
19. Galison P. Computer Simulations and the Trading Zone // From Science to Computational Science / ed. by G. Gramelsberger. Zürich : Diaphanes, 2011. P. 118–157.
20. Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию / пер. с фр. Е.Н. Блинова. М. : Ад Маргинем, 2018. 336 с.
21. Funtowicz S., Ravetz J. R. Science for the Post-Normal Age // Futures. 1993. Vol. 25, № 7. P. 735–755.
22. Пронских В.С. Проблемы ядерных технологий и радиационной безопасности // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3, № 3. С. 6–24.
23. Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation; Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay // Power, Action and Belief / ed. by J. Law. London : Routledge, 1986. P. 196–223.
24. Тухватулина Л.А. Нормативная модель политически нейтральной экспертизы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 4. С. 57–64.
25. Порус В.Н. На пути к реформе системы эпистемологических целей и ценностей // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 2. С. 34–42.

26. Nichols T.M. The Death of Expertise: The Campaign against Established Knowledge nad Why it Matters. New York, NY : Oxford University Press, 2017. 252 p.

References

1. Yudin, B.G. (2010) Chelovek v obshchestve znaniy [A Man in the Society of Knowledge]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. *Ser. 7. Filosofiya.* 3. pp. 65–83.
2. Nikiforov, A.L. (2019) The Transformation of Science in the XX Century: From the Search of Truth to the Enhancement of Technology. *Epistemologiya i filosofiya nauki.* 56 (3). pp. 20–29. (In Russian). doi: 10.5840/eps201956342
3. Lyotard, J.-F. (1998) *Sostoyanie postmoderna* [The State of Postmodernity]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologi; St. Petersburg: Aleteiya.
4. Turner, S. (2003) The Third Science War. *Social Studies of Science*. 33 (4). pp. 581–611. doi: 10.1177/0306312703334005
5. McIntyre, L. (2018) *Post-Truth*. Cambridge, MA: MIT Press.
6. Fuller, S.W. (2021) *Postpravda: Znanie kak bor'ba za vlast'* [Post-Truth. Knowledge as a Power Game]. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: HSE.
7. Bourdieu, P. (2007) *Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Translated from French. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint Petersburg.: Aleteyya.
8. Bourdieu, P. (2018) *Homo academicus.* Translated from French by S.M. Gavrilenko, et al. Moscow: Gaidar Institute.
9. Fisher, F. (2019) Knowledge politics and post-truth in climate denial: on the social construction of alternative facts. *Critical Policy Studies*. 13 (2). pp. 133–152. doi: 10.1080/19460171.2019.1602067
10. Durnová, A. (2019) Unpacking emotional contexts of post-truth, *Critical Policy Studies*. 13 (4). pp. 447–450. doi: 10.1080/19460171.2019.1670222
11. Kuhn, T. (2014) *Posle "Struktury nauchnykh revolyutsiy"* [The Road since Structure]. Translated from English by A.L. Nikiforova. Moscow: AST.
12. Kuhn, T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsii. S vvodnoi stat'ei i dopolneniem 1969 g*. [Structure of Scientific Revolutions. With an Introductory Article and an Addition of 1969 year]. Translated from English by I.Z. Naletov. Moscow: Progress.
13. Heisenberg, W. (2005) *Izbrannye filosofskie raboty: Shagi za gorizont. Chast' i tseloe* [Selected Philosophical Works: Steps Beyond the Horizon. Part and Whole]. Translated from German by A.V. Akhutin and V.V. Bibikhin. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).
14. Galison, P. (2004) Zona obmena: koordinatsiya ubezhdeniy i deystviy [Trading zone: coordination of beliefs and actions]. *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki.* 1. pp. 64–91.
15. Galison, P. (1997) *Image and Logic. A material Culture of Microphysics*. Chicago, Il: The University of Chicago Press.
16. Maslanov, E. (2019) Universities as Social Background in "Trading Zone" Creation, *Philosophy of the Social Sciences*. 49 (6). pp. 493–509.
17. Maslanov, E.V. & Dorozhkin, A.M. (eds) (2020) *Negumbol'dtovskiye zony obmena* [Non-Humboldt Trading Zones]. Moscow: ROIFN.
18. Star, S.L. & Griesemer, J.R. (1989) Institutional Ecology, "Translation" and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907–39. *Social Studies of Science*. 19 (3). pp. 387–420.
19. Galison, P. (2011) Computer Simulations and the Trading Zone. In: Gramelsberger, G. (ed.) *From Science to Computational Science* Zürich: Diaphanes. pp. 118–157.
20. Latour, B. (2018) *Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiyu* [Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy]. Translated from French by E.N. Blinov. Moscow: Ad Marginem.
21. Funtowicz, S. & Ravetz, J.R. (1993) Science for the Post-Normal Age, *Futures*. 25 (7). pp. 735–755.
22. Pronskikh, V.S. (2020) Problems of Nuclear Technologies and Radiation Safety. *Tsifrovoi uchenyi: laboratoriya filosofa,* 3 (3). pp. 6–24. (In Russian). doi: 10.5840/dspl20203323
23. Callon, M. (1986) Some Elements of a Sociology of Translation; Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay. In: Law, J. (ed.) *Power, Action and Belief.* London: Routledge. pp. 196–223.
24. Tukhvatulina, L.A (2021) A Normative Model of Politically Neutral Expertise. *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki.* 5 (4). pp. 57–64. (In Russian)
25. Porus, V.N. (2021) Towards the Reform of the System of Epistemological Goals and Values. *Epistemologiya i filosofiya nauki.* 58 (2). pp. 34–42. (In Russian).
26. Nichols, T.M. (2017) *The Death of Expertise: The Campaign against Established Knowledge nad Why it Matters*. New York, NY: Oxford University Press.

Информация об авторе:
Масланов Е.В. – канд. филос. наук, исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: evgenmas@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
E.V. Maslanov, Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: evgenmas@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022;
одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 09.03.2022;
approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 327.5
doi: 10.17223/15617793/486/9

Россия и Китай в Латинской Америке: угроза доминированию США или выгода для всех?

Анна Владимировна Макарычева[1], Елена Владимировна Крюкова[2]

[1, 2] Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия
[1] makarycheva.a.v@my.mgimo.ru
[2] e.kryukova@my.mgimo.ru

Аннотация. Рассматриваются мотивы расширения присутствия Китая и России в регионе Латинской Америки – новом центре притяжения в мире. Проанализировано текущее состояние сотрудничества с региональными странами, перспективы этого сотрудничества, а также его возможного влияния на Соединенные Штаты Америки.

Ключевые слова: Латинская Америка, Россия и Китай в Латинской Америке, международное сотрудничество, политика великих держав, влияние США в Латинской Америке

Для цитирования: Макарычева А.В., Крюкова Е.В. Россия и Китай в Латинской Америке: угроза доминированию США или выгода для всех? // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 83–90. doi: 10.17223/15617793/486/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/9

Russia and China in Latin America: A threat for the US dominance or a benefit for everyone?

Anna V. Makarycheva[1], Elena V. Kryukova[2]

[1, 2] MGIMO University, Moscow, Russian Federation
[1] makarycheva.a.v@my.mgimo.ru
[2] e.kryukova@my.mgimo.ru

Abstract. Latin America, given its economic growth, rapid technological development and enormous human resources, has historically been in the sphere of US influence. In recent years, the region has become a new center of gravity in the world. Russia and China in this regard are becoming increasingly active foreign policy players in the region, and are naturally extremely interested in the formation of long-term and sustainable relations with regional countries on the principles of mutually beneficial cooperation. Russia is actively developing trade and economic relations with Latin American countries. The indicators of trade turnover with various regional states are increasing, although Moscow has not yet become their key partner. A similar situation is observed in China's cooperation with Latin American countries, with its involvement in the region being much higher. China seeks to create a strategic partnership with Latin American states by constantly expanding its political and economic activities. The intensification of China's and Russia's engagement with Latin America is taking place against the backdrop of significant concerns about this situation on the part of the United States, which testifies to the relevance of the issue at hand. The aim of this study is to analyze the motives behind China's and Russia's expanding presence in the region, the current state of cooperation with regional countries, the prospects for this cooperation, and its possible impact on the United States. The analysis of competing hypotheses is used to achieve the authors' aim. If we assume that the main motive of China and Russia is to reduce US influence in the region and to use Latin America to create a counterbalance to the United States, as stated by many American researchers and politicians, then in reality we would see an intensification of cooperation in the military sphere, the desire of Russia and China to support anti-American domestic political players in the region, the construction of military bases and a number of other similar measures. The authors conclude that Russia and China do not pose a military threat to the United States in the region. For Russia and China, cooperation with Latin American countries is not aimed at confrontation with the United States, but is driven by domestic political motivation and economic interests. Cooperation with countries in the region is generally economic. Russia and China do not rule out cooperation with traditional US allies in the region – Colombia, Mexico and Brazil.

Keywords: Latin America, Russia and China in Latin America, international cooperation, great power politics, US dominance in Latin America

© Макарычева А.В., Крюкова Е.В., 2023

***For citation*:** Makarycheva, A.V. & Kryukova, E.V. (2023) Russia and China in Latin America: A threat for the US dominance or a benefit for everyone? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 83–90. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/9

Латинская Америка является стремительно развивающимся и перспективным регионом, который начинает обращать на себя внимание внерегиональных игроков, включая Россию и Китай. Постепенно происходит формирование политических и экономических курсов стран региона, зачастую не отвечающих амбициям и ожиданиям северного соседа, а саму Латинскую Америку с каждым годом становится все сложнее называть «задним двором» США. В этих условиях неизбежно возникают вопросы о том, насколько значимыми являются расширяющиеся связи с крупными глобальными державами и несут ли они в себе какую-либо угрозу для США, которые в данном случае «играют на своем поле».

И для России, и для Китая регион является привлекательным по ряду причин. Для Китая Латинская Америка представляет собой интерес, прежде всего, в качестве рынка сбыта продукции, а также источника энергоресурсов [1. С. 183]. При этом, несмотря на значимость того же нефтегазового сектора для экономики страны, было бы неверно говорить только о такой узкой направленности взаимодействия – повестка взаимоотношений Китая со странами региона постоянно расширяется и становится все более комплексной и сбалансированной [2]. Россия заинтересована в сотрудничестве с регионом на фоне общего осложнения международно-политической обстановки, связанного с охлаждением отношений с Европейским союзом и США, что послужило причиной более активного сотрудничества не только с Азиатско-Тихоокеанским регионом и странами СНГ, но и с гораздо более отдаленным латиноамериканским регионом. Кроме того, после введения Западом санкций у России появился долгосрочный интерес, касающийся поиска новых поставщиков продовольственных и иных товаров [3]. Наконец, существует давно сложившаяся традиция политического, экономического и иных видов сотрудничества между нашими странами.

Важно отметить, что активизация взаимодействия Китая и России с Латинской Америкой происходит на фоне значительной обеспокоенности подобной ситуацией со стороны США, что свидетельствует о высокой степени актуальности затрагиваемой проблематики. Ключевой целью настоящего исследования является анализ мотивов расширения присутствия Китая и России в регионе, текущего состояния сотрудничества с региональными странами, перспектив этого сотрудничества, а также его возможного влияния на США.

Для достижения поставленной цели в статье используется анализ конкурирующих гипотез. Если предположить, что основным мотивом Китая и России является снижение влияния США в регионе и использование Латинской Америки для создания контрбаланса США, как об этом заявляют многие американские исследователи и политики, то в реальности мы бы наблюдали интенсификацию сотрудничества в военной сфере, стремление России и Китая поддерживать антиамерикански настроенных внутриполитических игроков в странах региона, строительство военных баз и ряд других аналогичных мер.

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что Россия и Китай не представляют для США военной угрозы в регионе. Сотрудничество со странами Латинской Америки для России и для Китая не направлено на противостояние с Соединенными Штатами, а обусловлено внутриполитической мотивацией и экономическими интересами. Исходя из данной гипотезы вытекает, что сотрудничество со странами региона в целом носит экономический характер, рост взаимодействия России и Китая с Латинской Америкой происходит в условиях политического кризиса и необходимости поиска новых рынков и партнеров. Наконец, Россия и Китай не исключают в том числе сотрудничество и с традиционными союзниками США в регионе – Колумбией, Мексикой, Бразилией.

Исходя из анализа литературы по данной проблематике, следует отметить, что на Западе широко распространено мнение о том, что Россия и Китай представляют собой серьезную угрозу для США в западном полушарии. Такие заявления звучат на разных уровнях – в официальных правительственных документах, из уст высокопоставленных американских чиновников и политологов. Так, в Стратегии национальной безопасности США от 2017 г., определявшей приоритеты внешней политики экс-президента Дональда Трампа, напрямую говорится о том, что в условиях политического, экономического и военного противостояния Россия и Китай представляют собой особую для Соединенных Штатов угрозу в регионе, оспаривая их силу, влияние и интересы, а также подрывая систему национальной безопасности [4. P. 2]. С аналогичными заявлениями выступили начальник штаба воздушных сил США Дэвид Л. Гольдфейн [5], глава Южного командования Вооруженных сил США адмирал Крэйг Фоллер [6].

В марте 2021 г. администрация президента Байдена в Промежуточных стратегических наставлениях по национальной безопасности США особое внимание уделяет необходимости противостоять изменению расстановки сил в мире, которое обусловлено якобы растущей агрессивностью Китая и «решимостью России усилить свое глобальное влияние на мировой арене» [7].

Еще до кризиса 2014 г. многие американские исследователи заявляли о том, что Россия намерена закрепиться в Латинской Америке для того, чтобы самоутвердиться в качестве глобальной державы. И ее действия направлены на то, чтобы подорвать влияние США [8. P. 4]. Россия преследует данную стратегию, чтобы претендовать на равноправный с США статус и заставить последних учитывать ее интересы для достижения целей в других регионах

мира. Именно по этим причинам присутствие Москвы в странах Латинской Америки постоянно наращивается [9. P. 159–173].

Некоторые испаноязычные авторы утверждают, что усилению присутствия в регионе России способствовал так называемый левый поворот, произошедший в начале 2000-х гг. Москва использует связи с региональными странами для того, чтобы показать, что глобальное лидерство России становится таким же мощным, как и СССР. Подобная значимость региона обусловливается также и близостью к США, ведь Россия, по словам этих авторов, благодаря своему присутствию в регионе сможет взять реванш и «отомстить» за расширение НАТО на восток [10. P. 79–91].

Что касается Китая, то выдвижение концепции «мирного возвышения» привело к ряду дискуссий относительно изменений на мировой политической арене, особенно в контексте снижения влияния США [11]. Если обратиться к истории вопроса, то нельзя не отметить, что в предыдущие десятилетия стратегические интересы и идеологические соображения Пекина явно доминировали над экономическими. Так, вплоть до 1990-х гг., объемы двусторонней торговли и инвестиций в страны Латинской Америки были минимальными [12. P. 3–19]. Впоследствии ситуация начала меняться: с одной стороны, государства региона стали постепенно рассматривать Восточную Азию, в частности Китай, в качестве возможных партнеров. А для Китая интересы в регионе на сегодняшний день в значительной степени обусловлены необходимостью постоянно наращивать приток сырья и сырьевых товаров для поддержания экономического роста [12. P. 5–10].

Несмотря на подобный сдвиг в подходе к региону Латинской Америки, многие аналитики всерьез рассматривают Китай в качестве альтернативного партнера для Латинской Америки в экономической и политической областях в противовес Вашингтону [13].

Исходя из анализа зарубежных источников, стоит отметить, что США по инерции воспринимают Россию как страну, продолжающую политический курс СССР, в то время как современные политические реалии существенно изменились. Россия постепенно начинает по-новому осмысливать свое взаимодействие с регионом [14. P. 213–228], что объясняется стремлением страны расширять политическое и экономическое взаимодействие в условиях санкций, приобретать новых торговых партнеров, реализовывать крупные инфраструктурные проекты [3].

Отправной точкой расширения сотрудничества России с регионом стоит считать конец 1990-х гг., когда Е.М. Примаков в качестве министра иностранных дел в ходе поездки в регион заключил серию соглашений с Мексикой, Кубой, Венесуэлой, Колумбией, Аргентиной и Бразилией. Уже тогда было объявлено о том, что отношения с регионом являются частью внешней политики России, и выбор партнеров не зависит от идеологических критериев [15].

В последние годы торгово-экономическое сотрудничество между государствами развивается активными темпами. Так, если в 1992 г. товарооборот с регионом составлял порядка 1,5 млрд долл., то в 2013 г. этот показатель превысил 19 млрд долл. [16]. В период кризиса 2014 г. показатели по импорту и экспорту товаров снизились, а начиная с 2016 г. динамика роста взаимной торговли остается стабильной, в 2019 г. объем товарооборота составил около 12 млрд долл. США, что на фоне падения курса рубля является неплохим показателем [17]. В 2021 г. товарооборот между Россией и странами Латинской Америки увеличился на 54% и составил 1,84 млрд долл. [18].

К основным торговым партнерам России в регионе относятся Бразилия, Аргентина, Мексика, Чили и Эквадор [19. С. 41]. При этом сама Россия пока не является ключевым внерегиональным торговым партнером для перечисленных государств.

В рамках двустороннего сотрудничества в области энергетики было заключено значительное число соглашений, касающихся добычи нефти и газа, а также строительства гидроэлектростанций (ГЭС) и атомных электростанций (АЭС) [1. С. 186]. В регионе в целях реализации совместных проектов активно работают многие российские компании: «Ростехнологии» в Бразилии, Аргентине, Уругвае, на Кубе, в Венесуэле [16]; «Роснефть» в Бразилии и Венесуэле, с которой в 2019 г. было подписано соглашение о предоставлении компании налоговых льгот, что в перспективе позволит ей стать крупнейшим поставщиком природного газа в регионе [20]. Кроме того, в регионе активны авиастроительные и машиностроительные российские компании. Например, ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация» (ОАК) планирует осуществлять поставки самолетов МС-21 для мексиканской авиакомпании Interjet, в эксплуатации которой уже находятся российские самолеты SSJ-100 [21]. Наблюдается устойчивый рост спроса на продукцию российского вертолетостроительного комплекса «Вертолеты России» [22]. Развивается сотрудничество в энергетической сфере, например, с 2005 г. «Газпром» сотрудничает с Венесуэлой в разработке месторождений природного газа [23]. Таким образом, российские компании все более активно вовлекаются в сотрудничество с большинством латиноамериканских государств, вне зависимости от их политических предпочтений и союзнических отношений.

Укрепляются контакты России со многими интеграционными объединениями в регионе. Россия имеет статус наблюдателя на площадке Организации американских государств (ОАГ). Кроме того, не первое десятилетие ведется сотрудничество с Группой РИО, касающееся вопросов противодействия терроризму и обороту наркотиков [1. С. 186]. В 2016 г. Россия и Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК) подписали «дорожную карту» о сотрудничестве. Важно подчеркнуть, что на тот момент во многих странах региона произошла смена руководства, что не сказалось негативным образом на отношениях с Россией за счет того, что страна выбрала прагматичный подход, опирающийся на реализацию конкретных проектов и расширение сотрудничества в различных отраслях. Также Россия укрепляет

взаимодействие с такими региональными объединениями, как Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР – Mercado Común del Sur, MERCOSUR), Карибское сообщество (Caribbean Community, CARICOM) и Андское сообщество наций (Comunidad andina, CAN). Со странами Боливарианского альянса для народов нашей Америки (Alternativa Bolivariana para Nuestros Pueblos de América, ALBA) Россию связывают тесные экономические отношения, а поставки российского вооружения в эти страны составляет около 90% от всего импорта военной техники этих государств [24].

Осуществляется активный обмен официальными визитами, в том числе на самом высоком уровне. Только в двухтысячные годы президент России осуществлял визиты в страны региона шесть раз, а министры иностранных дел – десять раз. В 2014 г. было реализовано масштабное турне президента России по странам региона, включая Кубу, Аргентину, Бразилию, Никарагуа, во время которого был подписан ряд двусторонних соглашений. Только в 2019 г. с официальными визитами в Москве побывали президенты Боливии, Венесуэлы и Кубы.

В сложное время пандемии коронавируса страны Латинской Америки, оказавшись в катастрофической ситуации, оставив позади все сомнения, выразили доверие российской вакцине «Спутник V». В 2020 г. Россия начала поставки в такие страны региона, как Аргентина, Венесуэла, Гватемала, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Чили, Эквадор. Президент Аргентины Альберто Фернандес и на тот момент вице-президент Кристина Фернандес де Киршнер сделали прививку российской вакциной зимой 2021 г., а уже летом этого года в Аргентине запустили производство вакцины, разработанной Национальным исследовательским центром имени Н.Ф. Гамалеи [25].

У России нет военных баз в регионе [26], что должно развеять у США всякий повод для беспокойства. Если говорить про поставки военной техники, то необходимо сделать несколько оговорок: во-первых, Россия осуществляет поставки техники в ограниченное число стран в регионе, речь идет прежде всего о Венесуэле и Бразилии. Во-вторых, несмотря на то что с 2020 г. Россия начала расширять сотрудничество с Венесуэлой[1] в данной сфере, Каракас не ограничивается выбором только одного поставщика, взаимодействуя в области поставок вооружений, например, и с Европейским союзом [27]. Наконец, в Бразилию Россия ограниченно поставляет только зенитные ракетные комплексы и вертолеты. Таким образом, в обе страны техника поставляется не самого новейшего образца – о системах ПРО или новейших моделях танков речи пока нет. Ведутся переговоры с другими региональными странами, Москва участвует в крупнейших региональных выставках военной техники, например в ежегодной Латиноамериканской выставке и конференции по авиакосмическим и оборонным технологиям (Latin America Aero & Defence, LAAD).

Таким образом, как двустороннее, так и многостороннее сотрудничество осуществляется не из идеологических соображений и не с целью противодействия США, а на основании взаимной заинтересованности в развитии торговли, экономического взаимодействия и укрепления сотрудничества с большинством региональных государств. Доказательством данного тезиса может служить тесное взаимодействие России и с традиционными союзниками США в регионе, включая такие страны, как Мексика (основные направления сотрудничества сосредоточены на автомобилестроении, судостроении, проектах в области энергетики, сельскохозяйственной отрасли и др.), Колумбия, с которой у НАТО подписано соглашение о партнерстве, Бразилия, Аргентина и др. Не последнее значение имеет стремление России к налаживанию поставок сельскохозяйственной продукции из региона в связи с ограничением на ввоз ряда категорий сельскохозяйственного сырья из США, Канады, Австралии, некоторых стран Европейского союза.

Многие латиноамериканские и китайские авторы едины во мнении о том, что внешнеполитические инициативы Китая в целом продиктованы не идеологическими, а прагматическими целями [28. P. 27–34], в основе его повестки дня в регионе лежат преимущественно экономические интересы и стремление интенсифицировать дипломатические контакты [28. P. 16]. Пекин не позиционирует себя как угрозу, основной предпосылкой его деятельности в регионе является получение существенных экономических выгод [29]. Вместе с тем открытое «заигрывание» Китая в экономической и политической плоскостях с ключевыми партнерами в латиноамериканском регионе вызывает обеспокоенность США. Обозначим основные направления присутствия Пекина в регионе и дадим оценку обоснованности опасений со стороны Вашингтона.

Торговля азиатского гиганта с регионом развивается очень активными темпами: для сравнения в 2000 г. этот показатель был на уровне 13 млрд долл. США [30. P. 47–88], в 2010 г. показатели товарооборота достигли отметки в 180 млрд долл. США, а к 2020 г. товарооборот составил 307,4 млрд долл. [31]. Соглашения о зоне свободной торговли Китай заключил с тремя региональными государствами: Чили (2006 г.), Перу (2010 г.) и Коста-Рика (2011 г.). Однако пока правительства многих государств региона, особенно обладающих развитым промышленным комплексом (например, Мексики или стран МЕРКОСУР), все же с настороженностью относятся к инициативам Китая, касающимся подписания аналогичных соглашений. Из стран региона Китай экспортирует преимущественно сельскохозяйственную продукцию (соя, мясо, тростниковый сахар, фрукты), и природные ресурсы (медная руда, нефть, целлюлоза) [32. P. 42]. Доля экспорта сельскохозяйственной продукции из латиноамериканского региона в Китай составляет 30%, основные страны-экспортеры – это Бразилия, Аргентина, Уругвай и Чили [33]. Что касается объема китайских инвестиций в регион, то в последние годы наблюдается их падение: если в 2017 г. совокупный объем инвестиций в регион составлял 17,5 млрд долл. США, то в 2018 г. этот показатель оказался на уровне 7,6 млрд. Кроме того, их основной объем сосредото-

чен в определенной группе наиболее ресурсообеспеченных государств [34. P. 7].

Китай крайне заинтересован и в ресурсном потенциале региона. Одной из первых компаний, пришедших в регион, стала Китайская национальная нефтегазовая корпорация (China National Petroleum Corporation, CNPC). В целом китайские государственные корпорации, такие как, например, PetroChina, Sinopec, приобретают доли в латиноамериканских нефтяных компаниях и корпорациях, занимающихся разработкой полезных ископаемых [34. P. 3–19]. Основная цель аналогичных компаний в регионе – это увеличение запасов нефти, диверсификация поставок и обеспечение энергетической безопасности Китая [35. P. 34]. Подобный акцент на сфере энергоресурсов свидетельствует о коммерческом характере сотрудничества Китая со странами региона.

С экономической точки зрения присутствие в регионе выгодно для Китая в связи с рядом обстоятельств: во-первых, страна обеспечивает себе доступ к бесперебойным поставкам энергоресурсов, во-вторых, регион Латинской Америки представляет собой новый рынок сбыта для китайских товаров, не сильно пострадавший от мирового экономического кризиса 2008 г. А для региональных стран появляется возможность диверсификации внешних связей.

Если говорить о политическом аспекте взаимодействия, то в Китае еще в 2008 г. вышел в свет стратегический документ, посвященный взаимодействию со странами Латинской Америки и Карибского бассейна, где оговариваются основные направления взаимовыгодного сотрудничества [36. P. 138]. Сотрудничество развивается и по линии многосторонних соглашений и проектов, начиная с ежегодных форумов в рамках БРИКС и Организации американских государств и заканчивая стремлением Китая вовлечь региональные страны в проект «Один пояс – один путь». В рамках механизма Китай–СЕЛАК, существующего с 2014 г., было проведено значительное количество форумов по политической и экономической повестке дня. Кроме того, вовлечение Китая в регион выражается в налаживании так называемых стратегических партнерств с рядом латиноамериканских государств.

Наращивание присутствия Китая в регионе происходит и в военной сфере. Так, Китай и ряд латиноамериканских стран проводят совместные военные учения [37]. Начиная с 2005 г. КНР является одним из ключевых поставщиков оружия в регион. При этом важно отметить, что поставки осуществляются и союзникам США, но ограничиваются только обычными видами вооружений. Например, многомиллионные сделки на поставки оружия были заключены с Венесуэлой, Аргентиной, странами Боливарианского альянса (АЛБА), а также с Перу – одним из главных торговых партнеров США в регионе.

Исходя из вышесказанного, может показаться, что Пекин задействует торговые, экономические, дипломатические и иные инструменты для того, чтобы служить противовесом региональному доминированию США. Такая неореалистская точка зрения подталкивает к выводу о том, что Китай пользуется вакуумом власти в регионе, сложившимся в результате снижения влияния США [38. P. 195–214].

Необходимо обратить внимание на следующие моменты: во-первых, Китай мог бы гораздо активнее взаимодействовать с социалистическими, левыми режимами для снижения влияния США в регионе (например с Венесуэлой, где присутствует значительный потенциал для политического сотрудничества), однако он до сих пор не был заинтересован в использовании этого потенциала. Во-вторых, сами региональные страны понимают определенные угрозы от чрезмерного присутствия азиатской державы в регионе, начиная с того, что китайские товары вытесняют местных производителей в силу их дешевизны, заканчивая тем, что инвестиции в отдельные отрасли промышленности, прежде всего в энергетическую и добывающую, могут в конечном счете привести к тому, что богатые ресурсами региональные страны превратятся в «сырьевой придаток» Китая. Этими факторами обусловлена сдержанность региональных государств, особенно в области заключения соглашений о зоне свободной торговли.

Благодаря проведенному анализу можно сделать вывод, что Россия и Китай являются активными внешнеполитическими игроками в регионе, крайне заинтересованными в формировании долгосрочных и устойчивых связей с региональными странами на принципах взаимовыгодного сотрудничества. При этом оба государства делают ставку на экономическое и торговое взаимодействие, в то время как политический компонент также остается значимой, но не первостепенной задачей.

У России активно развиваются торгово-экономические связи со странами Латинской Америки, повышаются показатели товарооборота с различными региональными государствами, хотя Москва пока и не стала их ключевым партнером. Присутствует много проектов в области энергетики как на межгосударственном уровне, так и на уровне частных компаний, укрепляются контакты со многими интеграционными объединениями в Латинской Америке.

Аналогичная ситуация наблюдается в сотрудничестве Китая с региональными странами, при этом его вовлеченность в регион значительно выше. Китай стремится к созданию стратегического партнерства с латиноамериканскими государствами путем постоянного расширения своей политической и экономической активности в Латинской Америке.

Сотрудничество с региональными странами для России и для Китая обусловлено внутриполитическими и, прежде всего, экономическими причинами и не нацелено на то, чтобы открыто противостоять США в регионе. Для России важна возможность поиска новых партнеров в условиях санкций и диверсификация внешних связей, а для Китая – доступ к новым рынкам сбыта и источникам энергоресурсов. Таким образом, по мнению авторов, о прямом противостоянии США в регионе речи не идет.

Примечание

[1] Поставки включают в себя самолеты семейства Су-30, боевые машины пехоты БМП-3, танки Т-72Б1В, самоходные артиллерийские установки.

Список источников

1. Микуленко Д.Г. Противостояние Китая и России в Латинской Америке: миф или реальность? // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. № 6. С. 182–188.
2. Разумовский Д. Китайская экспансия в Латинской Америке: что рекомендует Атлантический совет? // Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-ekspansiya-v-latinskoy-amerike-chto-rekomenduet-atlanticheskiy-sovet/ (дата обращения: 06.01.2022).
3. Чернышев А. Россия и Латинская Америка на фоне санкций: от идеологии к прагматизму // Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-latinskaya-amerika-na-fone-sanktsiy-ot-ideologii-k/ (дата обращения: 05.01.2022).
4. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. A Competitive World. // White House. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 27.12.2021).
5. Seligman L. U.S. Military Targets Growing Russian and Chinese Influence in Latin America // Foreing Policy. URL: https://foreignpolicy.com/2018/11/19/us-military-targets-growing-russian-and-chinese-influence-in-latin-america/ (дата обращения: 30.12.2021).
6. Blasco E. El Comando Sur de EE.UU. eleva la amenaza de Rusia, China e Irán en la región // ABC Internacional. URL: https://www.abc.es/internacional/abci-comando-eeuu-eleva-amenaza-rusia-china-iran-region-201902120145_noticia.html?ref=https%3A%2F%2Frussian.rt.com%2Finotv %2F2019-02-12%2FABC-SSHA-vidyat-v-Rossii (дата обращения: 30.12.2021).
7. Промежуточные стратегические наставления по национальной безопасности США // PENTAGONUS. URL: http://pentagonus.ru/publ/po_rodam_vojsk/obshhevojskovye_voprosy/promezhutochnye_strategicheskie_nastavlenija_po_nacionalnoj_bezopasnosti_ssha_2021/146-1-0-3060 (дата обращения: 06.01.2022).
8. Blank S. Russia in Latin America: Geopolitical games in the US's neighborhood // Russie. Nei. Visions. 2009. Vol. 38. P. 1–23.
9. Blank S., Kim Y. Russia and Latin America: the new frontier for geopolitics, arms sales and energy // Problems of Post-Communism. 2015. Vol. 62, № 3. P. 159–173.
10. Detsch C. Escaramuzas geoestratégicas en el «patio trasero»: China y Rusia en América Latina // Nueva Sociedad. 2018. Vol. 275. P. 79–91.
11. Bijan Zh. China's peaceful rise to great-power status // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84. P. 18–24.
12. Dosch Jörn, David SG Goodman. China and Latin America: Complementarity, competition, and globalization // Journal of Current Chinese Affairs. 2012. Vol. 41, № 1. P. 3–19.
13. Lanteigne M. Chinese foreign policy: an introduction. Routledge, 2019.
14. Jeifets V., Khadorich L., Leksyutina Y. Russia and Latin America: Renewal versus continuity // Portuguese Journal of Social Science. 2018. Vol. 17 (2). P. 213–228.
15. Jeifets V. Russia is coming back to Latin America: perspectives and obstacles // América Latina y el Caribe y el nuevo sistema internacional: Miradas desde el Sur. 2015. 90 p.
16. Латинская Америка оценивает. URL: http://old.economy.gov.ru/minec/press/news/281020142110 (дата обращения: 27.12.2021).
17. О состоянии и перспективах развития сотрудничества России с государствами Латинской Америки // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/problemy-vzaimootnosenij-so-stranami-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna (дата обращения: 27.12.2021).
18. 54%: настолько вырос товарооборот между Москвой и странами Латинской Америки в 2021 году // Рамблер/финансы. URL: https://finance.rambler.ru/markets/47249254-54-nastolko-vyros-tovarooborot-mezhdu-moskvoy-i-stranami-latinskoy-ameriki-v-2021-godu/ (дата обращения: 06.01.2022).
19. Иванова В.А. Современные масштабы торгово-экономических связей России со странами Латинской Америки // Хроноэкономика. 2019. № 6 (19). С. 39–42.
20. «Роснефть» превращается в крупного СПГ-поставщика в Южной Америке // НЕФТЬ Капитал. URL: https://oilcapital.ru/news/abroad/25-06-2019/rosneft-prevraschaetsya-v-krupnogo-spg-postavschika-v-yuzhnoy-amerike (дата обращения: 31.03.2020).
21. ОАК после 2021 года планирует начать поставки самолетов МС-21 мексиканской Interjet // ТАСС. 24.10.2017. URL: https://tass.ru/ekonomika/4670660 (дата обращения: 04.12.2021).
22. Карпенко А.В. Парк вертолетов российского производства в Латинской Америке демонстрирует уверенный рост // Оружие Отечества. URL: http://bastion-opk.ru/vr-la-140326/ (дата обращения: 07.12.2021).
23. Сотрудничество с Венесуэлой // Газпром. URL: http://www.gazprom-international.com/ru/operations/country/venesuela (дата обращения: 07.12.2021).
24. Шевченко С. Венесуэльский гамбит. Зачем России военная база в Латинской Америке // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/obshchestvo/370795-venesuelskiy-gambit-zachem-rossiya-voennaya-baza-v-latinskoy-amerike (дата обращения: 10.12.2021).
25. Производство «Спутника V» запустили в первой стране Латинской Америки // РБК. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/607f06409a79474d96a01ab3. (дата обращения: 06.01.2022).
26. Tirado A., Escalante F.C. Rusia en América Latina: ¿amenaza para EE. UU.? // Centro Estratégico Latinoamericano de Geopolítica. URL: https://www.celag.org/rusia-en-america-latina-amenaza-para-eeuu/ (дата обращения: 14.04.2020).
27. Российские вооружения для Латинской Америки // Военное обозрение. 06.06.2012. URL: https://topwar.ru/15083-rossiyskie-vooruzheniya-dlya-latinskoy-ameriki.html (дата обращения: 22.04.2020).
28. Roett R., Paz G. (eds.) China's expansion into the western hemisphere: Implications for Latin America and the United States. Brookings Institution Press, 2008. 276 p.
29. Yu L. China's strategic partnership with Latin America: a fulcrum in China's rise // International Affairs. 2015. Vol. 91, №. 5. P. 1047–1068.
30. Caetano G. Los nuevos rumbos del MERCOSUR el cambio de modelo y las consecuenciasde la crisis Brasileña // Foro internacional. 2019. Vol. 59, № 1. P. 47–88.
31. Elmer K. Latin America trade grows as China and US tussle for influence // South China Morning Post. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3020246/latin-america-trade-grows-china-and-us-tussle-influence (дата обращения: 23.12.2021).
32. CEPAL, NU. Exploring new forms of cooperation between China and Latin America and the Caribbean. 2018. 100 p.
33. Pérez Ludeña M. Chinese Investments in Latin America: Opportunities for growth and diversification. 2017. 27 p.

34. Dosch J., Goodman D.S.G. China and Latin America: Complementarity, competition, and globalization // Journal of Current Chinese Affairs. 2012. Vol. 41, № 1. P. 3–19.
35. Wu W. Chinese Oil Investments in Latin America: Evolution, Behavior, and Motivations. Chinese Oil Enterprises in Latin America. Palgrave Macmillan, Cham, 2019. C. 17–46.
36. Creutzfeldt B. Overcoming the Greatest Distance: China in Latin America. New Perspectives on China's Relations with the World. 2019.
37. Zhu Z. China's new diplomacy: Rationale, strategies and significance. Routledge, 2016.
38. Li He. Latin America and China's Growing Interest // Zhao Quansheng, Liu Guoli (eds.) Managing the China Challenge. Global Perspectives. London ; New York : Routledge, 2008. P. 195–214.

References

1. Mikulenko, D.G. (2015) Protivostoyanie Kitaya i Rossii v Latinskoy Amerike: mif ili real'nost'? [Confrontation between China and Russia in Latin America: Myth or Reality?]. *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy*. 6. pp. 182–188.
2. Razumovskiy, D. (2018) *Kitayskaya ekspansiya v Latinskoy Amerike: chto rekomenduet Atlanticheskiy sovet?* [Chinese expansion in Latin America: what does the Atlantic Council recommend?]. [Online] Available from: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-ekspansiya-v-latinskoy-amerike-chto-rekomenduet-atlanticheskiy-sovet/ (Accessed: 06.01.2022).
3. Chernyshev, A. (2014) *Rossiya i Latinskaya Amerika na fone sanktsiy: ot ideologii k pragmatizmu* [Russia and Latin America against the backdrop of sanctions: from ideology to pragmatism]. [Online] Available from: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-latinskaya-amerika-na-fone-sanktsiy-ot-ideologii-k/ (Accessed: 05.01.2022).
4. White House. (2017) *National Security Strategy of the United States of America. December 2017. A Competitive World.* [Online] Available from: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (Accessed: 27.12.2021).
5. Seligman, L. (2018) U.S. Military Targets Growing Russian and Chinese Influence in Latin America. *Foreing Policy.* [Online] Available from: https://foreignpolicy.com/2018/11/19/us-military-targets-growing-russian-and-chinese-influence-in-latin-america/ (Accessed: 30.12.2021).
6. Blasco, E. (2019) El Comando Sur de EE.UU. eleva la amenaza de Rusia, China e Irán en la región. *ABC Internacional.* [Online] Available from: https://www.abc.es/internacional/abci-comando-eeuu-eleva-amenaza-rusia-china-iran-region-201902120145_noticia.html?ref=https%3A%2F%2Frussian.rt.com%2Finotv%2F2019-02-12%2FABC-SSHA-vidyat-v-Rossii (Accessed: 30.12.2021).
7. PENTAGONUS. (2021) *Promezhutochnye strategicheskie nastavleniya po natsional'noy bezopasnosti SShA* [Interim Strategic Instructions for US National Security]. [Online] Available from: http://pentagonus.ru/publ/po_rodam_vojsk/obshhevojskovye_voprosy/promezhutochnye_strategicheskie_nastavlenija_po_nacionalnoj_bezopasnosti_ssha_2021/146-1-0-3060 (Accessed: 06.01.2022).
8. Blank, S. (2009) Russia in Latin America: Geopolitical games in the US's neighborhood. *Russie. Nei. Visions*. 38. pp. 1–23.
9. Blank, S. & Kim, Y. (2015) Russia and Latin America: the new frontier for geopolitics, arms sales and energy. *Problems of Post-Communism*. 62 (3). pp. 159–173.
10. Detsch, C. (2018) Escaramuzas geoestratégicas en el "patio trasero": China y Rusia en América Latina. *Nueva Sociedad*. 275. pp. 79–91.
11. Bijan, Zh. (2005) China's peaceful rise to great-power status. *Foreign Affairs*. 84. pp. 18–24.
12. Jörn, D. & Goodman, D.S.G. (2012) China and Latin America: Complementarity, competition, and globalization. *Journal of Current Chinese Affairs*. 41 (1). pp. 3–19.
13. Lanteigne, M. (2019) *Chinese foreign policy: an introduction*. Routledge.
14. Jeifets, V., Khadorich, L. & Leksyutina, Y. (2018) Russia and Latin America: Renewal versus continuity. *Portuguese Journal of Social Science*. 17 (2). pp. 213–228.
15. Jeifets, V. (2015) Russia is coming back to Latin America: perspectives and obstacles. In: Serbin, A., Martínez, L. & Ramanzini Jr., H. (2015). *América Latina y el Caribe y el nuevo sistema internacional: Miradas desde el Sur. América Latina y el Caribe y el nuevo sistema internacional: Miradas desde el Sur*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/293815749_America_Latina_y_el_Caribe_y_el_nuevo_sistema_internacional_Miradas_desde_el_Sur
16. Old.economy.gov.ru. (2021) *Latinskaya Amerika otsenivaet* [Latin America evaluates]. [Online] Available from: http://old.economy.gov.ru/minec/press/news/281020142110 (Accessed: 27.12.2021).
17. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2016) *O sostoyanii i perspektivakh razvitiya sotrudnichestva Rossii s gosudarstvami Latinskoy Ameriki* [On the state and prospects for the development of cooperation between Russia and the states of Latin America]. [Online] Available from: https://www.mid.ru/problemy-vzaimootnosenij-so-stranami-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna (Accessed: 27.12.2021).
18. Finance.rambler.ru. (2021) *54%: nastol'ko vyros tovarooborot mezhdu Moskvoy i stranami Latinskoy Ameriki v 2021 godu* [54%: this is how trade between Moscow and Latin American countries grew in 2021]. [Online] Available from: https://finance.rambler.ru/markets/47249254-54-nastolko-vyros-tovarooborot-mezhdu-moskvoy-i-stranami-latinskoy-ameriki-v-2021-godu/ (Accessed: 06.01.2022).
19. Ivanova, V.A. (2019) Sovremennye masshtaby torgovo-ekonomicheskikh svyazey Rossii so stranami Latinskoy Ameriki [Modern scale of trade and economic relations between Russia and the countries of Latin America]. *Khronoekonomika*. 6 (19). pp. 39–42.
20. NEFT'' Kapital. (2019) *"Rosneft'" prevrashchaetsya v krupnogo SPG-postavshchika v Yuzhnoy Amerike* [Rosneft is turning into a major LNG supplier in South America]. [Online] Available from: https://oilcapital.ru/news/abroad/25-06-2019/rosneft-prevraschaetsya-v-krupnogo-spg-postavschika-v-yuzhnoy-amerike (Accessed: 31.03.2020).
21. TASS. (2017) *OAK posle 2021 goda planiruet nachat' postavki samoletov MS-21 meksikanskoy Interjet* [UAC plans to start deliveries of MC-21 aircraft to the Mexican Interjet after 2021]. 24 October. [Online] Available from: https://tass.ru/ekonomika/4670660 (Accessed: 04.12.2021).
22. Karpenko, A.V. (2021) Park vertoletov rossiyskogo proizvodstva v Latinskoy Amerike demonstriruet uverennyy rost [The fleet of Russian-made helicopters in Latin America shows steady growth]. *Oruzhie Otechestva.* [Online] Available from: http://bastion-opk.ru/vr-la-140326/ (Accessed: 07.12.2021).
23. Gazprom. (2021) *Sotrudnichestvo s Venesueloy* [Cooperation with Venezuela]. [Online] Available from: http://www.gazprom-international.com/ru/operations/country/venesuela (Accessed: 07.12.2021).
24. Shevchenko, S. (2021) Venesuel'skiy gambit. Zachem Rossii voennaya baza v Latinskoy Amerike [Venezuelan Gambit. Why Russia needs a military base in Latin America]. *Forbes*. [Online] Available from: https://www.forbes.ru/obshchestvo/370795-venesuelskiy-gambit-zachem-rossiya-voennaya-baza-v-latinskoy-amerike (Accessed: 10.12.2021).
25. RBC. (2021) *Proizvodstvo "Sputnika V" zapustili v pervoy strane Latinskoy Ameriki* [Production of Sputnik V was launched in the first country in Latin America]. [Online] Available from: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/607f06409a79474d96a01ab3. (Accessed: 06.01.2022).
26. Tirado, A. & Escalante, F.C. Rusia en América Latina: ¿amenaza para EE. UU.? *Centro Estratégico Latinoamericano de Geopolítica.* [Online] Available from: https://www.celag.org/rusia-en-america-latina-amenaza-para-eeuu/ (Accessed: 14.04.2020).
27. *Voennoe obozrenie.* (2012) Rossiyskie vooruzheniya dlya Latinskoy Ameriki [Russian weapons for Latin America]. 06 June. [Online] Available from: https://topwar.ru/15083-rossiyskie-vooruzheniya-dlya-latinskoy-ameriki.html (Accessed: 22.04.2020).
28. Roett, R. & Paz, G. (eds) (2008) *China's expansion into the western hemisphere: Implications for Latin America and the United States*. Brookings Institution Press.

29. Yu, L. (2015) China's strategic partnership with Latin America: a fulcrum in China's rise. *International Affairs*. 91 (5). pp. 1047–1068.
30. Caetano, G. (2019) Los nuevos rumbos del MERCOSUR el cambio de modelo y las consecuenciasde la crisis Brasileña. *Foro internacional*. 59 (1). pp. 47–88.
31. Elmer, K. (2019) Latin America trade grows as China and US tussle for influence. *South China Morning Post*. [Online] Available from: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3020246/latin-america-trade-grows-china-and-us-tussle-influence (Accessed: 23.12.2021).
32. Nu Cepal (2018) *Exploring new forms of cooperation between China and Latin America and the Caribbean*. [Online] Available from: https://hdl.handle.net/11362/43213
33. Pérez Ludeña, M. (2017) *Chinese Investments in Latin America: Opportunities for growth and diversification*. ECLAC.
34. Dosch, J. & Goodman, D.S.G. (2012) China and Latin America: Complementarity, competition, and globalization. *Journal of Current Chinese Affairs*. 4 (1). pp. 3–19.
35. Wu, W. (2019) *Chinese Oil Investments in Latin America: Evolution, Behavior, and Motivations. Chinese Oil Enterprises in Latin America*. Palgrave Macmillan; Cham. pp. 17–46.
36. Creutzfeldt, B. (2019) *Overcoming the Greatest Distance: China in Latin America. New Perspectives on China's Relations with the World.* [Online] Available from: https://www.e-ir.info/2019/02/27/overcoming-the-greatest-distance-china-in-latin-america/
37. Zhu, Z. (2016) *China's new diplomacy: Rationale, strategies and significance.* Routledge.
38. Li He. (2008) Latin America and China's Growing Interest. In: Zhao Quansheng & Liu Guoli (eds) *Managing the China Challenge. Global Perspectives*. London; New York: Routledge. pp. 195–214.

Информация об авторах:
Макарычева А.В. – канд. полит. наук, старший преподаватель кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений МИД России (Москва, Россия). E-mail: makarycheva.a.v@my.mgimo.ru
Крюкова Е.В. – канд. полит. наук, доцент кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений МИД России (Москва, Россия). E-mail: e.kryukova@my.mgimo.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
A.V. Makarycheva, Cand. Sci. (Political Science), senior lecturer, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: makarycheva.a.v@my.mgimo.ru
E.V. Kryukova, Cand. Sci. (Political Science), associate professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: e.kryukova@my.mgimo.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022;
одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 13.01.2022;
approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 327.8
doi: 10.17223/15617793/486/10

«Война метафор» в эпоху COVID-19: к медийному противостоянию США и Китая

Мэн Юйфэн[1]

[1] *Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, 552094367@qq.com*

Аннотация. Исследуется пропагандистское противостояние США и КНР посредством метафорического фрейминга пандемии COVID-19. Основываясь на когнитивной теории метафоры и методологии критического анализа метафор, автор идентифицирует конкурирующие семантические поля метафор, представленные в американском и китайском медиадискурсе по тематике COVID-19. Делается вывод, что «война метафор» затрагивает базовые концепты, лежащие в основе политических установок упомянутых государств.

Ключевые слова: метафорический фрейминг, медиадискурс, США, КНР, COVID-19, «китайский вирус», «война без порохового дыма»

Для цитирования: Мэн Юйфэн. «Война метафор» в эпоху COVID-19: к медийному противостоянию США и Китая // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 91–100. doi: 10.17223/15617793/486/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/10

“War of metaphors” in the era of COVID-19: Towards the media confrontation between the United States and China

Meng Yufeng[1]

[1] *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, 552094367@qq.com*

Abstract. The aim of the article is to identify the discursive strategies of the “war of metaphors” between the United States and China, which means the practice of metaphorically constructing one's own positive image and the negative image of a rival country. Assessing the existing experience in the study of metaphorical framing of COVID-19, the author states a paradox: although everyone recognizes the fact that military metaphors dominate in this experience, many researchers tend to ignore the “war of metaphors” in the context of the ideological and political confrontation between the United States and China. This is explained not only by the disciplinary limitations of linguistics, which is abstracted away from the political context of the propaganda war, but also by the dubious discourse of this war from the point of view of the norms of political correctness. However, this very moment, according to the author, is of particular interest for political science. In his study of this topic, the author relies on the cognitive theory of metaphors (George Lakoff) and the method of critical metaphor analysis (Jonathan Charteris-Black) in the framework of critical discourse analysis. The author concretizes these approaches by means of the concept of semantic metaphorical fields. The latter not only express the positions of political actors, but to a significant extent structure their communication and determine its success. The concept of metaphorical fields was used by the author as the basis for the selection of empirical research material, which mainly included the speeches of the leaders of the United States and the PRC, as well as media comments that were consonant with them. The article shows that the discourse of Donald Trump and the conservative media close to him expresses the basic metaphorical (Western in origin) concept of modern international politics: “a state is a person”. This effect is achieved by a whole set of semantically related metaphors like “Chinese virus”, “sick man of Asia”, “Chinese Chernobyl”, etc. Based on the cultural and historical background of China, these metaphors create a broad semantic field that inspires the image of the PRC in the era of COVID-19 as a weak, sick and dangerous subject. In response to the “Chinese virus”, the media discourse of China itself promotes the metaphors of “political virus”, “information epidemic”, as well as the only narratively presented metaphor of the “American virus”. The reaction of the Chinese media to the “sick man of Asia” was the military agonistic metaphorical framing of COVID-19, emphasizing the cohesion of the Chinese nation. In this regard, the author notes the orientation nature of the metaphors “war without gunpowder smoke” and “the whole country is one chessboard”. These metaphors turn out to be part of a wide semantic field, which is formed around the basic metaphorical concept of the foreign policy doctrine of modern China – “the community of the common destiny of mankind”. The author comes to the conclusion that this metaphorical concept constitutes a direct ideological rivalry with the conceptual metaphor “a state is a person”.

© Мэн Юйфэн., 2023

Keywords: metaphorical framing, media discourse, USA, China, COVID-19, “Chinese virus”, “war without gunpowder smoke”

***For citation*:** Meng Yufeng. (2023) “War of metaphors” in the era of COVID-19: Towards the media confrontation between the United States and China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 91–100. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/10

Введение

Выбранное нами для названия статьи выражение «война метафор» само является одним из выражений концептуальной метафоры «спор – это война», если воспользоваться примером из классической работы Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона [1. С. 26–27]. Но военная метафорика характерна не только для споров относительно пандемии; исследователи сходятся во мнении, что метафорический фрейм войны доминирует во всем дискурсе вокруг COVID-19 [2; 3. P. 111]. Аналогичное наблюдение делает в своем собрании метафор, посвященных нынешней пандемии, Б. Нерлих [4]. Впрочем, сходную тенденцию британский лингвист отмечала и в проведенном ею исследовании метафорического фрейминга эпидемии атипичной пневмонии в 2003 г. [5].

Однако фиксируя лидирующую роль военных метафор в дискурсе вокруг COVID-19, многие авторы не склонны развивать свой анализ до исследования «войны метафор». Такое ограничение заметно в предложенной Б. Нерлих коллекции метафорических выражений, но еще больше – в статье авторов, анализирующих выступления ключевых западных политиков по теме COVID-19 [3. P.100]. Примечательно, что, выделяя милитарные метафоры в речах Д. Трампа, данное исследование деликатно обходит стороной китайско-американское пропагандистское противостояние в период пандемии. Между тем коронавирус как «невидимый враг» семантически увязан дискурсом американского президента в один пучок с Китаем как очевидным политическим конкурентом. Так, в речи Трампа от 27.04.2020 (на которую ссылаются и авторы упомянутой статьи [3]) «Китай» упоминается 16 раз, лейтмотив же этих упоминаний – «we are not happy with China» [6]. При этом война с «вирусом из Китая» подается Трампом как продолжение торговой войны с КНР.

Такое красноречивое замалчивание очевидного сюжета метафорического фрейминга COVID-19 объясняется, видимо, не только дисциплинарными ограничениями, но и влиянием норм политкорректности. Последние табуируют метафоры войны, приписывая им сексизм, женоненавистничество, агрессивность, национализм, авторитаризм и т.д. [7]. На этот вывод наталкивает и стартовавшая в 2020 г. краудсорсинговая интернет-инициатива по созданию многоязычной коллекции метафор о COVID-19 под названием «#ReframeCovid». Ее цель – продвигать немилитарные метафоры при описании пандемии как глобальной чрезвычайной ситуации.

Однако заметим, что для авторов незападного академического этоса использование военных метафор в отношении COVID-19 не обязательно создает проблему. Так, индийские эксперты, ссылаясь на принцип дхармы и африканскую философию убунту, подчеркивают, что на Востоке война трактуется как средство достижения целей мира и процветания. Поэтому милитарная метафорика помогает здесь в развитии сильного чувства братства, способности ставить общественные мотивы выше личных [8. P. 220–221]. И как бы ученые ни спорили о целесообразности милитарного метафорического фрейминга пандемии, политики единодушны в широком его использовании. И как раз этот момент должен составлять специфический интерес политической науки, которая в отличие от лингвистики изучает не столько язык власти, сколько властные стратегии посредством языка.

В любом случае метафору «пандемия – это война» нельзя вполне понять без «войны метафор» вокруг пандемии. Португальский социолог Ю.К. Сейшас, проанализировав выступления ряда ключевых лидеров западных стран, пришел к выводу, что «метафора войны не только обнаруживается в анализируемых речах, но и выступает там основной организующей темой текста, образуя костяк его аргументативных и риторических стратегий» [9]. В этих речах прослеживается одна общая тенденция: уход от ответственности и смягчение собственной вины путем перекладывания ответственности на внешние инстанции, а вины – на специально сконструированных для этого врагов. Заметим, что аналогичный сюжет уже был представлен в классической работе Лакоффа и Джонсона в отношении метафорического фрейминга энергетического кризиса 1970-х гг. У Дж. Картера и Д. Трампа враг назывался по-разному, но в обоих случаях военная метафорика была «не просто способом видения действительности; она узаконивала решение на изменение политического курса, а также на соответствующие политические и экономические действия» [1. P. 184].

Метафорический фрейминг как объект критического дискурс-анализа: к методологии данного исследования

В нашу эпоху бурного развития когнитивистики нет особой необходимости пояснять, почему именно метафорические концепты позволяют увидеть интенции политических игроков даже в очередном «репортаже о хаосе» (У. Липпман). И все же приведем ряд положений когнитивной теории метафоры, которые методологически значимы для нашего анализа:

– В когнитивной лингвистике концептуальные метафоры, определяемые как «способ понимания концептов в терминах других концептов» [10. P. 3], отличают от метафор в языке (фигур речи). Последние могут быть поверхностным отражением концептуальных метафор, которые, однако, необязательно долж-

ны выражаться только через лингвистические метафоры [11. P. 43]. Со своей стороны, языковые метафоры могут быть средством фрейминга в той мере, в какой они отражают семантику лежащего в их основе метафорического концепта. Способность концептуальных метафор быть не столько выразительным средством языка, сколько моделью осмысления предметного мира делает их видом фрейминга, т.е. организации восприятия людьми окружающего мира посредством системы концептуальных структур их сознания.

– Метафорический фрейминг, как известно, является одной из форм рассуждения (reasoning) [1]. При этом способ суждения из сферы-источника используется для рассуждения о целевой сфере. Когда вывод делается в пределах исходной сферы-источника и применяется через метафорическое сопоставление к целевой области, можно говорить о метафорическом «следствии» (entailment) [10. P. 4]. Причем по своим дискурсивным функциям такое метафорическое «рассуждение» обнаруживает сходство с нарративным высказыванием. Мы учитываем возможность парафразировать метафорические высказывания с помощью мифонарратива – с опорой на голландского философа Фрэнка Анкерсмита [12. С. 304].

– Концептуальные метафоры не только играют ключевую роль в понимании и конструировании социально-политической реальности, одновременно они служат ориентиром для действий, соответствующих этим метафорам. Такая деятельность сама оказывается материализованной метафорой, «самоисполняющимся пророчеством». Это, с одной стороны, усиливает связность социального опыта, но с другой – повышает его манипулятивность. Суть этой манипулятивности заключается в том, что метафоры «могут скрывать что-то благодаря тому, что позволяют исследовать те стороны понятия, на которых они концентрируют внимание» [1. С. 102].

Относительно специфики метафорического фрейминга политических событий важно отметить еще два момента: во-первых, такой фрейминг особенно востребован в дебатах по новым, спорным и сложным вопросам, поскольку в данном случае концептуальная метафора может подсказать понимание предмета, реализуя стратегию дискурсивной власти. Во-вторых, метафорические фреймы могут использоваться и при обсуждении застарелых проблем, но в ситуации острой политической конкуренции. В случае COVID-19 эти два момента накладываются друг на друга: с одной стороны, мы имеем новую глобальную проблему с непредсказуемой динамикой, с другой – факт глобального соперничества между США и КНР. Это вдвойне усиливает спрос на метафорический фрейминг COVID-19 как политического события.

В исследовании данного феномена нами был задействован критический анализ метафор (Critical Metaphor Analysis) как направление в рамках критического дискурс-анализа, предложенное британским лингвистом Джонатаном Чартерис-Блэком [13]. Опыт реализации данного метода в случае COVID-19 уже имеется в научной литературе [9], хотя специально к упомянутой «войне метафор», насколько нам известно, он не применялся. Мы будем придерживаться предложенной Дж. Чартерис-Блэком последовательности этапов критическо-метафорического анализа (идентификация, интерпретация и объяснение метафор [13. P. 34–35]), но наибольший акцент сделаем на их экстралингвистическом контексте. Соответственно, этап объяснения имеет для нас ключевое значение: здесь исследуется способность идентифицированных метафор служить средством реализации властно-политической борьбы в пространстве языка.

Исход этой борьбы во многом определяется не столько умением политических акторов оперировать отдельными удачными метафорами, сколько их способностью генерировать мощные *семантические поля* вокруг ядерных метафорических концептов. Российский лингвист В.П. Абрамов определил этот феномен (правда, только для литературного дискурса) как «структурированное множество метафорических элементов, совокупность словесных ассоциаций, группируемых вокруг образного стержня, ядерного тропа художественного текста» [14. С. 287]. Исследование семантических метафорических полей политического дискурса есть во многом еще не реализованная программа, особенно для политологов, и поэтому здесь важно отметить ряд общих свойств этих полей, уже замеченных лингвистами. Эти поля (как и прочие семантические поля) «обладают иерархическим устройством, полевой организацией и пересекаются между собой» [15. С. 70]. В.В. Виноградов описывал метафорическое поле как своеобразную альтернативу (в когнитивном плане, однако, полноценную) строгому определению какого-то концепта. Это выглядит как спонтанное и парадоксальное «набегание» метафор друг на друга, как непринужденное обрастание базового метафорического концепта различными средствами языка [16. С. 148–149]. Аргентинские лингвисты, исследовавшие метафорический фрейминг COVID-19, называют сходный феномен «семейством метафор». Они показывают, как эти семейства используются участниками публичной коммуникации для продвижения их взглядов на связанные с пандемией события [17. P. 150].

Концепт семантического поля метафор был положен нами и в основу отбора эмпирического материала исследования. Сюда вошли тексты из открытых интернет-источников, в которых представлены семейства метафор обеих «воюющих» лагерей. На стороне США это в основном (но не исключительно) выступления Д. Трампа и публикации «Washington Post», с китайской стороны – речи Си Цзиньпина и соответствующие комментарии китайских обществоведов. Основная часть текстов относится к первой половине 2020 г.

Антикитайский метафорический фрейминг COVID-19 в американских медиа

Если мы обратимся к «войне метафор» со стороны американской части дискурсивного «фронта», то, пожалуй, наиболее известным концептом здесь оказывается «китайский вирус». По данным «Factbase» [18],

это выражение президент Д. Трамп только в период с 16 по 30 марта 2020 г. публично произнес не менее 20 раз. Так, во время брифинга 28 июля 2020 г. американский президент 8 раз упомянул Китай и 3 раза – «China virus» [19]. Образ КНР при этом криминализируется: он якобы обманным путем «высасывает» рабочие места из США, а потом «его» вирусы «приземляются» в Америке подобно хищным птицам, зловредным насекомым или вражеским ракетам.

Когда американского президента во время пресс-конференции 18 марта 2020 г. спросили, почему он продолжает использовать выражение «китайский вирус», если многие считают этот термин расистским, Трамп ответил: «Это вовсе не расизм, нет, это пришло из Китая, я просто хочу быть точным» [20]. Лингвисты уже тогда подметили речевое мошенничество Трампа, пытавшегося в этом эпизоде выдать жесткую политическую метафору за безобидную метонимию. По их словам, выражение «китайский вирус» или «уханьский вирус» персонифицирует угрозу, причем «эта персонификация метафорична: ее цель состоит в том, чтобы помочь понять что-то незнакомое и абстрактное (т.е. вирус), используя термины, которые знакомы и телесно воплощены (т.е. местоположение, национальность или человек)» [21].

Другими словами, выражение «китайский вирус» – это метафора, лишь выдающая себя за метонимию, поскольку здесь подразумевается не просто место происхождения вируса, а целая история, в которой причиной этого происхождения подразумеваются особенности китайцев как народа и/или злая воля коммунистической партии Китая. Метафора «китайский вирус» тем самым транслирует синофобский миф о «злых и диких китайцах, поедающих летучих мышей». Не менее проблематичным (в своем статусе метафоры) оказывается и выражение «чужеземный вирус [foreign virus])», которое Трамп использовал в своем обращении к американскому народу 11 марта 2020 г. Как замечают Ж. Виала-Годефруа и Д. Линдаман, ассоциирование вируса с иностранцами играет на предвзятости американских консерваторов по отношению к чужакам и иммигрантам, на страхе заражения, причем «заражения» не только биологического, но также расового, социального, культурного или какого-то иного [21].

Дискурс Трампа в чистом виде выражает идентифицированный Дж. Лакоффом метафорический концепт, лежащий в основе западной международной политики: «государство – это личность». Соответственно, национальный интерес концептуализируется как личный интерес, а в интересах человека быть здоровым и сильным. Согласно базовой метафоре: где здоровье нации есть экономическое здоровье, а ее сила есть сила военная – в интересах нации быть богатой и хорошо вооруженной [10. P. 19–20]. В этом контексте «китайский вирус» метафорически воспринимается как проделки злого субъекта, угрожающего здоровью и силе американского народа.

В рамках базового метафорического концепта «страны-личности» Китай описывается как человек странный, слабый и больной – вопреки всем фактам и экспертным оценкам, вместе взятым.

Прежде всего, внушается, что Китай – это опасное место, откуда идут все риски для мира. В таком духе была выдержана серия публикаций консервативной «Wall Street Journal», обвиняющих китайских коммунистов в создании вируса. Примером может служить статья Майка Помпео и Майлза Ю с общей сентенцией в заголовке: «Безумные лаборатории Китая подвергают мир риску. Пекин одержим вирусами, а не биобезопасностью. Мы платим высокую цену за его промахи» [22]. При этом утверждалось, что китайское руководство стремится воспользоваться пандемией для достижения своих традиционных внешнеполитических целей, которые, в конечном счете, направлены лишь на повышение внутренней легитимности КПК.

Далее Китай концептуализируется как *слабый человек*. Это выражается яркой метафорой «синдром десяти футов роста» (ten-foot-tall syndrome). В эпоху холодной войны министр обороны США Джеймс Шлезингер предостерегал от этого синдрома как тенденции среди американских политиков рассматривать своих советских конкурентов как фигуры огромной силы и подавляющего интеллекта. Подобный синдром, считают некоторые американские политологи, опять распространился в Соединенных Штатах, но теперь уже в отношении Китая [23]. В подкреплении семантики «синдрома десяти футов роста» в западных медиа в первой половине 2020 г. усиленно транслировались сентенции: пандемия – это испытание как внутренней легитимности КПК, так и международного авторитета Китая; в начале эпидемии Пекин действовал медленно и скрытно из-за авторитаризма своей политической системы и т.п.

Помимо этого, в рамках упомянутой базовой метафоры Китай концептуализируется в американских СМИ не только как слабый, но именно как *больной* человек. Здесь ключевой метафорой выступает выражение «больной человек Азии», которое наряду с давними метафорами «желтой опасности», «китайской болезни» и т.п. воспринимается сегодня как выражение крайней синофобии [24]. В начале февраля 2020 г. в «Wall Street Journal» была опубликована статья американского профессора Уолтера Р. Мида [25], в которой высказывалась надежда, что вспыхнувшая эпидемия коронавируса ослабит Китай экономически и политически. Откровенно враждебный по отношению к КНР тон публикации дополнялся оскорбительной метафорой в ее заголовке. Это вызвало крайнее возмущение китайского правительства и послужило поводом для высылки из страны трех репортеров упомянутой американской газеты.

В западном медийном пространстве содержание метафоры «больной человек Азии» разворачивается в экономическом, политическом и даже прямом, медицинском измерении. Китай якобы так болен экономически, что максимально созрел для масштабной экономической коррекции. Политически Китай тоже болен, потому что вспышка COVID-19 в Ухане и слабый кризисный менеджмент обнаруживают структурные дефициты в китайской политической системе. Но китайская нация объявляется «больной» и в медицинском смысле. Яньчжун Хуан, американский эксперт в области здраво-

охранения, еще в 2011 г. написал пространную статью, в которой называет современный Китай «болезненно спящим гигантом» [多病的沉睡中的巨人]. Он приводит обширную статистику, призванную подтвердить его главный тезис: кризис китайского здравоохранения есть одновременно кризис государственного управления Китая [26]. В эпоху COVID-19 этот тезис обрел второе дыхание в ряде американских СМИ.

Помимо «больного человека Азии», в начальный период пандемии американскими медиа был задействован целый ряд метафор с историческими событиями в качестве сферы-источника. Одно из ярких мест в этом ряду занимает наречение COVID-19 «китайским Чернобылем». Джерри Ши, шеф-корреспондент «The Washington Post» в Нью-Дели, уже в январе 2020 г. назвал вирус из Уханя «моментом Чернобыля» для современного Китая [27]. В новой эпидемии журналист увидел «черного лебедя», который может поставить под вопрос существование КНР, поскольку покажет экономическую и политическую несостоятельность режима КПК. Чернобыльская метафора ориентировала именно на такой (метафорический) вывод, потому что катастрофа 1986 г. рассматривается на Западе как событие, ускорившее отмену властной монополии КПСС и распад Советского Союза спустя несколько лет.

Далее выражение «китайский Чернобыль» было усилено в западных медиа целой серией метафорических символов-конденсатов, обращенных на историю самого Китая. Так, доктора Ли Вэньляна, тщетно пытавшегося в Ухане предупредить своих коллег о вспышке новой коронавирусной инфекции, сравнивали с «танкистом» с площади Тяньаньмэнь, который для западных СМИ стал символом гражданского сопротивления «авторитаризму КПК». Сверх того, газета «The Washington Post» уподобляла Ли Вэньляна фигуре тунисского продавца фруктов, который устроил публичное самосожжение в знак протеста против несправедливости режима и стал триггером «арабской весны» на Ближнем Востоке. История Ли Вэньляна сжимается в символ, который одновременно служит метафорой провального менеджмента коронавирусной эпидемии, и в этом смысле ставится в одно семантическое поле с метафорой «китайского Чернобыля». При этом символический образ Ли Вэньляна получает в западных медиа дополнительное усиление через его героизацию/сакрализацию («доктор-разоблачитель», «героический доктор», «мученик ковида» и т.п.). Сверх того, данный символ легитимируется в контексте китайской многовековой традиции героев-мучеников в борьбе с «несправедливой властью». Уханьский доктор помещается в один ряд фигур, среди которых, помимо современных китайских диссидентов, оказываются и противники маоистской «культурной революции» Лю Шаоци и Линь Чжао, и даже конфуцианские ученые, убитые древними китайскими императорами. Все эти фигуры объединяются в один идеологический лагерь в духе манихейской борьбы Добра и Зла: «в Азии идет борьба за ценности. Одна модель подавляет и подрывает свободу, в то время как другая стремится сохранить и продвигать ее» [28].

Китайские контрметафоры в пропагандистском противостоянии с Западом

Со стороны самого Китая и дружественных ему сил не было недостатка в критике «антиазиатской расистской истерии» трамповского правительства. Она расценивалась как стремление возложить вину за пандемию COVID-19 на Китай и при этом отвлечь внимание мира от неудачной антиэпидемической политики самого американского правительства [29. P. 320]. Но при грамотной дискурсивной политике любую атаку политического противника можно обернуть в свою пользу, что и старается делать китайская сторона в ответ на враждебные метафоры американских медиа. Как проницательно заметил индийский политолог Дж. Джейкоб, расистско-ксенофобский подтекст выражений вроде «китайский вирус» сами китайцы сочтут полезным использовать не только для того, чтобы мобилизовать своих граждан, но и чтобы сплотить вокруг себя другие страны, обеспокоенные американской политикой [30. P. 384].

Эта общая стратегия дискурсивной политики Китая реализуется в сочетании ряда субстратегий, каждую из которых можно представить как группу метафор и нарративов, нацеленных на нейтрализацию какой-то антикитайской сентенции в рамках метафорического фрейминга пандемии в американских и вообще западных медиа.

Суть первой такой субстратегии разворачивается как ответ на вызов, содержащийся в семантическом поле концептуальной метафоры «Коммунистический Китай – это жестокая, коварная и безответственная личность». Этому китайские СМИ, с одной стороны, противопоставляют лишь нарративно проговариваемую метафору «американский вирус», а с другой – метафору «политический вирус» [政治病毒] и близкие к ней по смыслу выражения. Избегая использования двусмысленного (из-за возможных подозрений в расовом подтексте) выражения «американский вирус», официальный дискурс Китая, тем не менее, задействует нарратив, аналогичный тому, что стоит за метафорой «китайский вирус» (история о происхождении коронавируса в китайской военной лаборатории). Соответственно, китайская сторона продвигает нарратив о вирусе как американском биологическом оружии.

Метафора «политический вирус», запущенная в официальном дискурсе КНР, стала прямым ответом на «китайский вирус» из американских консервативных медиа. В распространении «политического вируса» китайские СМИ усматривают сходство с характеристиками нового типа коронавируса и вызванной им социальной паникой. «Политический вирус – это настоящий искусственный вирус, который представляет собой глобальную угрозу, причем чрезвычайно разрушительную» [31].

Семантическое поле этой метафоры усиливается в дискурсе китайских медиа такими образными выражениями, как «перевод стрелок» (или «перекладывание с больной головы на здоровую») [甩锅], поиск

«козлов отпущения» [替罪羊] и т.п. Эти речевые метафоры освещают такой момент происходящего, который затемняется концептом «китайский вирус», когда западные правительства в начале эпидемии действовали неэффективно, обнаруживая вместо солидарного подхода к общей беде рецидивы национально-эгоистической политики. Далее метафора «политического вируса» усиливается в китайском дискурсе семантически родственным ей концептом «информационной эпидемии» [信息疫情]. По словам китайских обществоведов, коронавирус – это первая настоящая информационная эпидемия в социальных сетях, которая нарастает и наносит вторичный вред, причем не меньший, чем сам COVID-19 [32].

Другая группа китайских контрметафор нацелена на семантическое поле концептуальной метафоры «КНР – это больной человек Азии». Здесь китайские медиа систематически пропагандируют успехи КПК в борьбе с эпидемией, широко используя милитарную метафорику. В выступлениях Си Цзиньпина борьба с COVID-19 изначально квалифицировалась как война, которую можно и нужно выиграть под руководством КПК. Китайский лингвист Лили Гуи замечает, что по мере развития событий военная метафорика вокруг COVID-19 тоже претерпевала изменения. При этом в сфере-источнике выбирались соответствующие ситуации смыслы, к примеру, разные виды войны. Если в начале эпидемии речь шла об «оборонительной войне», то позднее – о войне «народной» и «всеобщей». Со временем милитарно-метафорический фрейминг COVID-19 приобрел в официальном дискурсе КНР вид устойчивого выражения «народная война, всеобщая война и война сопротивления» [场人民战争、总体战、阻击战] для предотвращения эпидемии и борьбы с ней. Это, в свою очередь, существенно расширяет и конкретизирует исходный домен концептуальной метафоры «COVID-19 – это война», выстраивая семантическую связь с призывами Мао Цзэдуна к «народной войне» с империализмом [33. С. 511].

Метафора «борьба с коронавирусом – это народная война» подкрепляется в медиапространстве КНР яркими идиоматическими конструкциями, укорененными в национальной традиции китайцев. К примеру: «когда где-то бедствуют, помощь приходит со всех сторон» [**方有**难，八方支援] (дословно: «одна сторона в беде – восемь сторон помогают»); «не бояться трудностей, идти напролом [**明知山有虎，偏向虎山行**] (дословно: «знать, что на горе тигр, но все равно идти в ту сторону») и др. При таком подкреплении милитарная метафорика разворачивается в мощный нарратив, который «не просто используется политическими лидерами в качестве социальной риторики или метафорики, но практически проникает во все общество» [34. P. 252]. Он фактически выступает моделью мысли и действия, мобилизуя массы населения и вызывая согласие граждан даже с жесткими принудительными мерами.

К метафорам, усиливающим ориентационный характер метафорического концепта «борьба с COVID-19 – это война», относятся выражения, конкретизирующие войну не по ее социальному типу (народная, оборонительная и т.д.), а по специфике ее ведения. Так, определение коронавирусной эпидемии как «войны без порохового дыма» [场没有硝烟的战争] [35] имеет в китайском языке разнообразную семантику. Внушаемый метафорой смысл состоит в том, что необычность этой войны (нет ни фронта, ни тыла) не снижает ни ее масштаба, ни шансов на победу. Залогом этой победы – как и в борьбе КНР против империалистических держав в момент ее возникновения – китайские авторы считают «дух великой борьбы», который заключается в превосходстве народа, лидерстве партии и институциональных преимуществах социализма с китайской спецификой [36].

Нынешнюю пандемию в китайских медиа также нередко называют «третьей мировой войной без порохового дыма» [场没有硝烟的 “第 三 次 世 界大战”], подчеркивая как глобальный масштаб проблемы COVID-19, так и момент соперничества между Китаем и Западом в процессе ее решения. Сама по себе метафора «войны без порохового дыма» хорошо известна в китайском публичном дискурсе. Этой метафорой в Китае называли уже борьбу с атипичной пневмонией 2003 г., о которой в стране даже был снят документальный сериал «Война без порохового дыма» [没有硝烟的战争] (2003 г.). Но такой войной в КНР называют и шпионскую деятельность или «войну разведок» [37], а также соперничество Китая и Запада в сфере культурного влияния на мир. Характерно, что китайский политолог Ван Сюнь свою рецензию на известную в КНР книгу Дай Юшаня «Культурная война» [38] озаглавил как «Война без порохового дыма», да и само по себе выражение «культурная война» уже давно вошло в политический лексикон КНР. С этой метафорой плохо вяжется встречающееся мнение, будто у Китая нет ресурсов (или даже желания) для глобальной культурной гегемонии. Как изящно выразился по этому поводу упомянутый Ван Сюнь, «возрождение китайской культуры… нужно начать с корня, незаметно воскреснуть и запустить вещи, молча питающие мир» [39].

Доминирование в китайском дискурсе вокруг COVID-19 метафорического фрейма войны сопровождалось также описаниями пандемии как «гонки», «вызова», «шахматной игры», «комбинированного удара» и т.п. [40. P. 966]. Эти агонистические метафоры транслируют в массовое сознание идею: борьба с пандемией должна быть четко продумана и организована во всех деталях, одного героического порыва здесь мало. В китайском языке есть устойчивое метафорическое выражение с буквальным значением «вся страна – одна шахматная доска» [全国一盘棋], которое употребляется в общем смысле – «действовать согласованно в интересах всей страны». Это выражение широко использовалось в эпоху Мао Цзэдуна, оно встречается в речах Дэн Сяопина, и сегодня эта метафора часто всплывает в официальном дискурсе КПК и ее лидера. «Шахматная» метафора пропагандирует институциональные преимущества «социализма с

китайской спецификой», позволяющие стране, по мнению китайских авторов, проводить массовые мобилизации и «концентрироваться на больших делах» [“集中力量办大事”]. Неслучайно метафора «вся страна – одна шахматная доска» довольно часто усиливается в китайских медиа образом «скрученного в веревку» [拧成一股绳] коллективного действия [41].

Помимо упомянутой выше пропагандистской формулы «народная война, всеобщая война, война сопротивления», в китайском дискурсе вокруг пандемии COVID-19 встречается также метафорический концепт «глобальной войны с эпидемией» [全球抗击疫情], который толкует последнюю как «войну между всем человечеством и вирусом» [42]. Эта метафора предполагает ряд следствий. Война требует мобилизации всех сил, а также умения объединяться в борьбе с общим врагом. В этом духе китайские СМИ широко пропагандируют сентенцию, высказанную Си Цзиньпином: вирус не знает границ и расовых различий, и только работая сообща, человечество может выиграть эту войну. Реальная война означает не только жертвы, но также сильные армии с опытными командирами; в случае пандемии также востребованы согласованные коллективные действия под единым началом. И Китай позиционирует себя в роли такого глобального начала, ссылаясь на собственные успехи в борьбе с эпидемией, на «ответственность великой державы», на щедрую поддержку для ВОЗ. Сама претензия КНР на «глобальное управление» [全球治理] представляется китайскими авторами как закономерный эффект реализации теоретических постулатов китайского социализма. Сюэ Няньвэнь, профессор Школы марксизма в университете Тунцзи, выражает это формулой: «От инициативы – к практике, от теории – к реальности, от ‘китайского’ – к ‘мировому’» [43].

Но метафора глобальной войны с эпидемией содержит еще один значимый вывод. Подобно тому, как политикам не менее важно войну предотвратить, чем ее выиграть, так и для мира не менее важна коллективная профилактика пандемий, чем дружная борьба с ними. Этот смысл транслирует несколько расширенная версия упомянутой метафоры, а именно «глобальная война с целью предотвращения эпидемий и борьбы с ними» [疫情防控全球阻击战]. Данное выражение непосредственно подводит к метафорическому концепту, лежащему в основе внешнеполитической доктрины современного Китая: «сообщество единой судьбы человечества» [人类命运共同体]. Китайские политологи напрямую связывают это выражение с метафорой глобальной войны с пандемией, видя в ней очередное подтверждение истинности тезиса о человечестве как сообществе единой судьбы.

Как показал Дж. Лакофф, в семантическом поле базового метафорического концепта западной международной политики («государство – это личность») национальный суверенитет концептуализируется как личная независимость, а международное сообщество – как группа лиц [10. P. 19–20]. Эти метафоры не только многое объясняют, но также и немало скрывают. С одной стороны, они подчеркивают необходимость общих норм и практик для мирового сообщества – подобно тому, как они нужны для мирного общежития любого коллектива людей; с другой стороны, данные концепты уводят сознание людей от глобальных рисков и глобальной ответственности, консервируя в политике «хуторской» тип мышления. В результате такое сознание в лучшем случае может научиться опасаться «черных лебедей», но оно будет упорно не замечать «серых носорогов» [44].

Смысл концептуальной метафоры «сообщество единой судьбы человечества» популяризируется в китайском официальном дискурсе целым концертом различных речевых метафор. Если взять только выступления Си Цзиньпина, то мы обнаружим здесь наречение мира как «одной лодки» [同舟], «глобальной деревни» [地球村], «большой семьи» [大家庭] и т.п. Одновременно смыслы метафоры «сообщество единой судьбы человечества» подкрепляются философско-теоретическими сентенциями, которые в европейской интеллектуальной традиции весьма близки коммунитаризму, а в незападном мире – африканской философии убунту и теории африканского социализма «уджамаа». Здесь имеется в виду сознание глубокой экзистенциально-родовой взаимосвязи людей по принципу «у Тебя есть Я, у Меня есть Ты» [“你中有我、我中有你”] [43]. Это звучит почти как парафраз принципа философии убунту: «Я существую, потому что Мы существуем; и так как есть Мы, следовательно, есть и Я» [45. P. 50]. Далее в семантическое поле «сообщества единой судьбы человечества» идеология КПК плавно вписывает и метафорическое обозначение инициированного КНР суперпроекта «Один пояс – один путь». Неслучайно в выступлениях Си Цзиньпина постоянно звучит мысль о том, что реализация данного проекта есть одновременно содействие строительству сообщества единой человеческой судьбы.

Заключение

Представленный выше анализ американо-китайской «войны метафор» в дискурсе пандемии COVID-19 показывает, каким образом концептуальные метафоры не просто выражают, но режиссируют пропагандистский контент, выступая его организующим принципом именно на уровне дискурса, а не теоретических служебных инструкций. Успешность и сила этого дискурсивно-пропагандистского противостояния во многом определяется умением его участников подключиться к широким семантическим полям концептуальных метафор, за которыми стоит мощный культурно-исторический фон. Уничижительным для КНР американским метафорам вроде «китайского вируса», «больного человека Азии», «болезненно спящего гиганта» китайская сторона противопоставляет метафоры, акцентирующие силу КНР, отдающей предпочтение коллективным, а не индивидуалисти-

ческим ценностям: «одна страна – одна шахматная доска», «глобальная война без порохового дыма», «сообщество единой судьбы человечества» и т.п. Таким образом, в дискурсе вокруг COVID-19 китайская концептуальная метафора «государство – это часть сообщества единой судьбы человечества» вступает в прямую конкуренцию с западной концептуальной метафорой «государство – это личность». Исход этой конкуренции – вопрос открытый, но уже сегодня можно сказать, что критики Китая, в злорадной фантазии сравнивавшие вспышку эпидемии в Ухане с советской катастрофой в Чернобыле, явно не подозревали о масштабе исторической иронии, частью которой сами становились. По словам британского политолога Руаирида Дж. Брауна, «вместо того, чтобы привести коммунистический Китай к краху, вирус, скорее всего, послужит катализатором в попытке Си представить свой бренд марксизма как вызов глобальной капиталистической системе» [46].

Список источников

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. Kozlova T. Cognitive Metaphors of Covid-19 Pandemic in Business News // SHS Web of Conferences. 2021. Vol. 100. doi: https://doi.org/10.1051/shsconf/202110002004
3. Neshkovska S., Trajkova Z. Coronavirus–inspired Metaphors in Political Discourse // Thesis. 2020. Vol. 9, № 2. P. 99–132.
4. Nerlich B. Metaphors in the Time of Coronavirus // Blog PostUoN Blogs / Making Science Public. 2020. March 17. URL: https://blogs.nottingham.ac.uk/makingsciencepublic/2020/03/17/metaphors-in-the-time-of-coronavirus/ (дата обращения: 10.09.2021).
5. Wallis P., Nerlich B. Disease Metaphors in New Epidemics: The UK Media Framing of the 2003 SARS Epidemic // Social Science & Medicine. 2005. Vol. 60, № 11. P. 2629–2639. doi: 10.1016/j.socscimed.2004.11.031
6. Remarks by President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing // National Archives. The White House. President Donald J. Trump. Remarks. 2020. April 27. URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-coronavirus-task-force-press-briefing-33/ (дата обращения: 10.09.2021).
7. Musu C. War metaphors used for COVID-19 are compelling but also dangerous // The Conversation. 2020. March, 19. URL: https://theconversation.com/war-metaphors-used-for-covid-19-are-compelling-but-also-dangerous-135406 (дата обращения: 10.09.2021).
8. Bhaumik S., Dash S., Kakkar K. Moral Philosophy, Pragmatism, and the Larger Cause: Why "War" Metaphors are needed during Pandemics // The Indian Journal of Medical Ethics. 2020. Vol. 5, № 3. P. 219–221. doi: https://doi.org/10.20529/IJME.2020.067
9. Seixas C.E. War Metaphors in Political Communication on Covid-19 // Frontiers in Sociology. 2021. № 5. doi: 10.3389/fsoc.2020.583680
10. Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters. The University of California at Berkeley and The Rockridge Institut, 1999. 40 c.
11. Brugman B.C., Burgers Ch., Vis B. Metaphorical Framing in Political Discourse through Words vs. Concepts: a Meta-analysis // Language and Cognition. 2019. Vol. 11, № 1. P. 41–65. doi: 10.1017/langcog.2019.5
12. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М. : Идея-Пресс, 2003. 360 с.
13. Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. Basingstoke ; New York : Palgrave MacMillan, 2004. 263 p.
14. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка. Москва : Академия педагогических и социальных наук РФ; Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2003. 337 с.
15. Зарипов Р.И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе (на материале французских политических метафор образа России) : дис. … канд. филол. наук. М., 2015. 262 с.
16. Виноградов В.В. О языке художественной прозы : избранные труды. М. : Наука, 1980. 360 с.
17. Fernández-Pedemonte D., Casillo F., Jorge-Artigau A.I. Communicating COVID-19: Metaphors We "Survive" By // Tripodos. 2020. Vol. 2, № 47. P. 145–159.
18. Factbase / Donald Trump Complete. 2020. URL: http://factba.se:8000/trump/ (дата обращения: 10.09.2021).
19. Remarks by President Trump in Press Briefing // National Archives. The White House. President Donald J. Trump. Remarks. 2020. July 28. URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-press-briefing-july-28-2020/ (дата обращения: 10.09.2021).
20. Spiering Ch. Watch – Donald Trump: Calling Coronavirus 'Chinese Virus' is 'Not Racist at All' // Breitbart News Network. 2020. March 18. URL: https://www.breitbart.com/politics/2020/03/18/watch-donald-trump-calling-coronavirus-chinese-virus-is-not-racist-at-all/ (дата обращения: 10.09.2021).
21. Viala-Gaudefroy J., Lindaman D. Donald Trump's 'Chinese Virus': the Politics of Naming // The Conversation. 2020. April 21. URL: https://theconversation.com/donald-trumps-chinese-virus-the-politics-of-naming-136796 (дата обращения: 10.09.2021).
22. Pompeo M., Yu. M. China's Reckless Labs Put the World at Risk // Wall Street Journal. 2021. February, 23. URL: https://www.wsj.com/articles/chinas-reckless-labs-put-the-world-at-risk-11614102828 (дата обращения: 10.09.2021).
23. Hass R. China is not Ten Feet Tall. How Alarmism Undermines American Strategy // Foreign Affairs. 2021. March 3. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-03-03/china-not-ten-feet-tall (дата обращения: 10.09.2021).
24. Zhang D. Sinophobic Epidemics in America: Historical Discontinuity in Disease related Yellow Peril Imaginaries of the Past and Present // Journal of Medical Humanities. 2021. № 42. P. 63–80. doi: 10.1007/s10912-020-09675-x
25. Mead W.R. China is the Real Sick Man of Asia // Wall Street Journal. 2020. February 3. URL: https://www.wsj.com/articles/china-is-the-real-sick-man-of-asia-11580773677 (дата обращения: 10.09.2021).
26. Huang Y. The Sick Man of Asia. China's Health Crisis // Foreign Affairs. 2011. November/December. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2011-11-02/sick-man-asia (дата обращения: 10.09.2021).
27. Shih G. In coronavirus outbreak, China's leaders scramble to avert a Chernobyl moment // The Washington Post. 2020. January 29. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/in-coronavirus-outbreak-chinas-leaders-scramble-to-avert-a-chernobyl-moment/2020/01/29/bc4eb52a-4250-11ea-99c7-1dfd4241a2fe_story.html (дата обращения: 10.09.2021).
28. Enos O. We Cannot Forget the Massacre at Tiananmen Square – China is Going Back down That Path // The Daily Signal. 2020. June 3. URL: https://www.dailysignal.com/2020/06/03/why-we-commemorate-tiananmen-square/ (дата обращения: 10.09.2021).
29. Martinez C. Karl Marx in Wuhan: How Chinese Socialism Is Defeating COVID-19 // International Critical Thought. 2020. Vol. 10, № 2. P. 311–322. doi: 10.1080/21598282.2020.1779504
30. Jacob J.T. 'To Tell China's Story Well': China's International Messaging during the COVID-19 Pandemic // China Report. 2020. Vol. 56, № 3. P. 374–392. doi: 10.1177/0009445520930395
31. Ван Лэй, Чэнь Цяньвэнь. «Чжэнчжи бинду» е ши жэньлэй гунтун дэ дижэнь [«Политический вирус» – это еще и общий враг человечества] // Гуанмин жибао. 2020. № 8. 15 мая. URL: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2020-05/10/nw.D110000gmrb_20200510_3-08.htm (дата обращения: 10.09.2021).

32. Ван Линнин, Дэн Вэйцзя. Цзинти цюаньцю чуаньбо шидай синьси ицин дэ вэйхай [Будьте осторожны с вредом «информационной эпидемии» в эпоху глобальных коммуникаций] // Гуанмин ван – Лилунь пиньдао. 2020. 16 марта. URL: https://theory.gmw.cn/2020-03/16/content_33654793.htm (дата обращения: 10.09.2020).
33. Мао Цзэдун. Маоцзэдун сюаньцзи [Избранные произведения]. Т. 2. Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 1991. 626 с.
34. He A.J., Shi Y., Liu. H. Crisis Governance, Chinese Style: Distinctive Features of China's Response to the Covid-19 Pandemic // Policy Design and Practice. 2020. Vol. 3, № 3. P. 242–258. doi: 10.1080/25741292.2020.1799911
35. Лэй Шуху. Жэньминь чжаньчжэн ши цюйдэ кани шэнли дэ чжуняо фабао [Народная война – важное магическое средство для победы в борьбе с эпидемией] // Шицзе шэхуй чжуи яньцзю. 2020. № 8. С. 20–28.
36. Чэнь Сяовэй. Синьгуань фэйянь ицин шиюй ся "вэйда доучжэн" дэ цзиншэнь шичжи яньцзю [Исследование духовной сущности великой борьбы с точки зрения эпидемии нового коронавируса] // Шаньси синчжэн сюеюань сюебао. 2021. № 2. С. 46–52.
37. Мэйю сяоянь дэ чжаньчжэн ди сань цы шицзе дачжань дэ сюйму [Война без порохового дыма: Пролог Третьей мировой войны] / под ред. Лу Чжэ-цзюня и др. Гуанчжоу : Гуандун шэн диту чубань шэ чубань, 1998. 282 с.
38. Дай Юшань. Вэньхуа Чжаньчжэн [Культурная война]. Пекин : Чжиши чаньцюань чубань шэ, 2014. 254 с.
39. Ван Сюнь. Ичан мэйю сяоянь дэ чжаньчжэн [Война без порохового дыма] // Цзинхуа шибао. 2015. 28 марта. URL: http://politics.people.com.cn/n/2015/0328/c70731-26762954.html (дата обращения: 10.09.2021).
40. Gui L. Media Framing of Fighting COVID-19 in China // Sociology of Health & Illness. 2021. № 43. P. 966–970. doi: 10.1111/1467-9566.13271
41. Цинь Чуань. Ицин фанкун яо цзяньчи цюаньго и пань ци [Профилактика и контроль эпидемии должны придерживаться принципа «вся страна – одна шахматная доска»] // Цзюецэ таньсо. 2020. № 2. С. 1.
42. «Канцзи синьгуань фэйянь ицин дэ чжунго синдун» байпи шу [Белая книга о действиях Китая по борьбе с эпидемией COVID-19] // Синьхуа ши. 2020. 7 июня. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-06/07/c_1126083364.htm (дата обращения: 10.09.2021).
43. Сюэ Няньвэнь. Ицин фанкун цюаньцю цзуцзи чжань тусянь жэньлэй минюнь гунтунти линянь шидай цзячжи [Глобальная война за предотвращение эпидемий и борьбу с ними подчеркивает ценность эпохи концепта «сообщество единой судьбы человечества»] // Гуанмин жибао. 2020. 10 апреля. URL: http://theory.people.com.cn/n1/2020/0410/c40531-31668192.html (дата обращения: 10.09.2021).
44. Wucker M. The Gray Rhino: How to Recognize and Act on the Obvious Dangers We Ignore. Ebook. St. Martin's Press, 2016. 304 p.
45. Mbiti J.S. African Religion and Philosophy. London : Heinemann, 1969. 288 p.
46. Brown R. China: Victory over Coronavirus will be heralded as Boost for Xi Jinping's Brand of Marxism // The Conversation. 2020. May 27. URL: https://theconversation.com/china-victory-over-coronavirus-will-be-heralded-as-boost-for-xi-jinpings-brand-of-marxism-136347 (дата обращения: 10.09.2021).

References

1. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: Yeditorial URSS.
2. Kozlova, T. (2021) Cognitive Metaphors of Covid-19 Pandemic in Business News. *SHS Web of Conferences*. Vol. 100. doi: https://doi.org/10.1051/shsconf/202110002004
3. Neshkovska, S. & Trajkova, Z. (2020) Coronavirus–inspired Metaphors in Political Discourse. *Thesis*. 9 (2). pp. 99–132.
4. Nerlich, B. (2020) Metaphors in the Time of Coronavirus. *Blog PostUoN Blogs / Making Science Public*. March 17. [Online] Available from: https://blogs.nottingham.ac.uk/makingsciencepublic/2020/03/17/metaphors-in-the-time-of-coronavirus/ (Accessed: 10.09.2021).
5. Wallis, P. & Nerlich, B. (2005) Disease Metaphors in New Epidemics: The UK Media Framing of the 2003 SARS Epidemic. *Social Science & Medicine*. 60 (11). pp. 2629–2639. doi: 10.1016/j.socscimed.2004.11.031
6. Remarks by President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing. (2020). *National Archives. The White House. President Donald J. Trump. Remarks*. April 27. [Online] Available from: https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-coronavirus-task-force-press-briefing-33/ (Accessed: 10.09.2021).
7. Musu, C. (2020) War metaphors used for COVID-19 are compelling but also dangerous. *The Conversation*. March 19. [Online] Available from: https://theconversation.com/war-metaphors-used-for-covid-19-are-compelling-but-also-dangerous-135406 (Accessed: 10.09.2021)
8. Bhaumik, S., Dash, S. & Kakkar, K. (2020) Moral Philosophy, Pragmatism, and the Larger Cause: Why "War" Metaphors are needed during Pandemics. *The Indian Journal of Medical Ethic*s. 5 (3). pp. 219–221. doi: https://doi.org/10.20529/IJME.2020.067
9. Seixas, C.E. (2021) War Metaphors in Political Communication on COVID-19. *Frontiers in Sociology*. No. 5. doi: 10.3389/fsoc.2020.583680.
10. Lakoff, G. (1999) *Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters*. The University of California at Berkeley and The Rockridge Institute.
11. Brugman, B.C., Burgers, Ch. & Vis, B. (2019) Metaphorical Framing in Political Discourse through Words vs. Concepts: a Meta-analysis. *Language and Cognition*. 11 (1). pp. 41–65. doi: 10.1017/langcog.2019.5
12. Ankersmit, F.R. (2003) *Narrativnaya logika: Semanticheskiy analiz yazyka istorikov* [Narrative Logic. A Semantic Analysis of the Historian's Language]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press.
13. Charteris-Black, J. (2004) *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke/New York: Palgrave MacMillan.
14. Abramov, V.P. (2003) *Semanticheskiye polya russkogo yazyka* [Semantic Fields of the Russian Language]. Moscow: Academy of Pedagogical and Social Sciences of the RF; Krasnodar: Kuban State University.
15. Zaripov, R.I. (2015) *Kognitivnyye aspekty metaforicheskogo modelirovaniya v politicheskom diskurse (na materiale frantsuzskikh politicheskikh metafor obraza Rossii)* [Cognitive Aspects of Metaphorical Modeling in Political Discourse (Based on French Political Metaphors of the Image of Russia)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
16. Vinogradov, V.V. (1980) *O yazyke khudozhestvennoy prozy: Izbrannyye Trudy* [On the Language of Fiction: Selected Works]. Moscow: Nauka.
17. Fernández-Pedemonte, D., Casillo, F. & Jorge-Artigau, A.I. (2020) Communicating COVID-19: Metaphors We "Survive" By. *Tripodos*. 2 (47). pp. 145–159.
18. Factbase. (2020) *Donald Trump Complete*. [Online] Available from: http://factba.se:8000/trump/ (Accessed: 10.09.2021).
19. Remarks by President Trump in Press Briefing. (2020) *National Archives. The White House. President Donald J. Trump. Remarks*. July 28. [Online] Available from: https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-press-briefing-july-28-2020/ (Accessed: 10.09.2021).
20. Spiering, Ch. (2020) Watch – Donald Trump: Calling Coronavirus 'Chinese Virus' is 'Not Racist at All'. *Breitbart News Network*. March 18. [Online] Available from: https://www.breitbart.com/politics/2020/03/18/watch-donald-trump-calling-coronavirus-chinese-virus-is-not-racist-at-all/ (Accessed: 10.09.2021).
21. Viala-Gaudefroy, J. & Lindaman, D. (2020) Donald Trump's 'Chinese Virus': the Politics of Naming. *The Conversation*. April 21. [Online] Available from: https://theconversation.com/donald-trumps-chinese-virus-the-politics-of-naming-136796 (Accessed: 10.09.2021).
22. Pompeo, M. & Yu, M. (2021) China's Reckless Labs Put the World at Risk. Beijing is obsessed with viruses, but not biosafety. We are paying a high price for its lapses. *Wall Street Journal*. February 23. [Online] Available from: https://www.wsj.com/articles/chinas-reckless-labs-put-the-world-at-risk-11614102828 (Accessed: 10.09.2021).
23. Hass, R. (2021) China is not Ten Feet Tall. How Alarmism Undermines American Strategy. *Foreign Affairs*. March 3. [Online] Available from: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-03-03/china-not-ten-feet-tall (Accessed: 10.09.2021).

24. Zhang, D. (2021) Sinophobic Epidemics in America: Historical Discontinuity in Disease related Yellow Peril Imaginaries of the Past and Present. *Journal of Medical Humanities*. 42. pp. 63–80. doi: 10.1007/s10912-020-09675-x
25. Mead, W.R. (2020) China is the Real Sick Man of Asia. *Wall Street Journal*. February 3. [Online] Available from: https://www.wsj.com/articles/china-is-the-real-sick-man-of-asia-11580773677 (Accessed: 10.09.2021).
26. Huang, Y. (2011) The Sick Man of Asia. China's Health Crisis. *Foreign Affairs*. November/December. [Online] Available from: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2011-11-02/sick-man-asia (Accessed: 10.09.2021).
27. Shih, G. (2020) In coronavirus outbreak, China's leaders scramble to avert a Chernobyl moment. *The Washington Post*. January 29. [Online] Available from: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/in-coronavirus-outbreak-chinas-leaders-scramble-to-avert-a-chernobyl-moment/2020/01/29/bc4eb52a-4250-11ea-99c7-1dfd4241a2fe_story.html (Accessed: 10.09.2021).
28. Enos, O. (2020) We Cannot Forget the Massacre at Tiananmen Square – China is Going Back down That Path. *The Daily Signal*. June 3. [Online] Available from: https://www.dailysignal.com/2020/06/03/why-we-commemorate-tiananmen-square/ (Accessed: 10.09.2021).
29. Martinez, C. (2020) Karl Marx in Wuhan: How Chinese Socialism Is Defeating COVID-19. *International Critical Thought*. 10 (2). pp. 311–322. doi: 10.1080/21598282.2020.1779504
30. Jacob, J.T. (2020) 'To Tell China's Story Well': China's International Messaging during the COVID-19 Pandemic. *China Report*. 56 (3). pp. 374–392. doi: 10.1177/0009445520930395
31. Wang Lei & Chen Qianwen. (2020) "Political virus" is also the common enemy of mankind. *Guāngmíng rìbào*. 5. May 10. [Online] Available from: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2020-05/10/nw.D110000gmrb_20200510_3-08.htm (Accessed: 10.09.2020). (In Chinese).
32. Wang Lingning & Deng Weijia. (2020) Be Alert to the Harm of the "Information Epidemic" in the Era of Global Communication. *Guāngmíng wǎng-lǐlùn píndào*. March 16. [Online] Available from: https://theory.gmw.cn/2020-03/16/content_33654793.htm (Accessed: 10.09.2020). (In Chinese).
33. Mao Zedong (1991) *Selected Works of Mao Zedong*. Vol. 2. Beijing: Rénmín chūbǎn she. (In Chinese).
34. He, A.J., Shi, Y. & Liu, H. (2020) Crisis Governance, Chinese Style: Distinctive Features of China's Response to the Covid-19 Pandemic. *Policy Design and Practice*. 3 (3). pp. 242–258. doi: 10.1080/25741292.2020.1799911
35. Lei Shuhu. (2020) The People's War is an Important Magic Weapon to Achieve Victory against the Epidemic. *Shìjiè shèhuì zhǔyì yánjiū*. 8. pp. 20–28. (In Chinese).
36. Chen Xiaowei. (2021) Research on the Spiritual Essence of the "Great Struggle" in Terms of the New Coronavirus Epidemic. *Shānxī xíngzhèng xuéyuàn xuébào*. 2. pp. 46–52. (In Chinese).
37. Lu Zhejun et al. (eds) (1998) *A War without Gunpowder Smoke: The Prologue of the Third World War*. Guangzhou: Guangdong Map Publishing House. (In Chinese)
38. Dai Youshan. (2014) *Culture War*. Beijing: Intellectual Property Publishing House. (In Chinese).
39. Wang Xun. (2015) A War without Gunpowder Smoke. *Jīnghuá shíbào*. March 28. [Online] Available from: http://politics.people.com.cn/n/2015/0328/c70731-26762954.html (Accessed: 10.09.2020) (In Chinese).
40. Gui, L. (2021) Media Framing of Fighting COVID-19 in China. *Sociology of Health & Illness*. 43. pp. 966–970. doi: 10.1111/1467-9566.13271
41. Qing Chuan. (2020) Prevention and Control of the Epidemic should adhere to the Principle of "the Whole Country is one Chessboard". *Juécè tànsuǒ*. 2. p. 1. (In Chinese).
42. *Xīnhuá shè*. (2020) White Paper on "China's Action to Fight the New *Coronavirus* Epidemic. June 7. [Online] Available from: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-06/07/c_1126083364.htm (Accessed: 10.09.2020). (In Chinese).
43. Xue Nianwen. (2020) The global war on epidemic prevention and control highlights the value of the era of the concept of a community with a shared future for mankind. *Guāngmíng ribào*. April 10. [Online] Available from: http://theory.people.com.cn/n1/2020/0410/c40531-31668192.html (Accessed: 10.09.2020). (In Chinese).
44. Wucker, M. (2016) *The Gray Rhino: How to Recognize and Act on the Obvious Dangers We Ignore*. Ebook. St. Martin's Press.
45. Mbiti, J.S. (1969) *African Religion and Philosophy*. London: Heinemann.
46. Brown, R. (2020) China: Victory over Coronavirus will be heralded as Boost for Xi Jinping's Brand of Marxism. *The Conversation*. May 27. [Online] Available from: https://theconversation.com/china-victory-over-coronavirus-will-be-heralded-as-boost-for-xi-jinpings-brand-of-marxism-136347 (Accessed: 10.09.2021).

Информация об авторе:
Мэн Юйфэн – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: 552094367@qq.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Meng Yufeng, postgraduate student, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: 552094367@qq.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.09.2021;
одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 19.09.2021;
approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 39: 94 (575.4)
doi: 10.17223/15617793/486/11

Из истории текинского рода Гараахмет (по материалам XIX в.)

Сердар Джумаевич Атдаев [1]

[1] *Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан*
serdar63atdayev@gmail.com

Аннотация. Рассматривается историческое прошлое туркменского рода Гараахмет племени теке. Хронологические рамки исследования ограничены временным отрезком, охватывающим период всего XIX в. и частично XVIII столетия. Это время очень важно для прошлого племени теке, так как оно характеризует ту обстановку, из-за которой им пришлось мигрировать в южные районы нынешнего Туркменистана. Выявлены неординарные личности и описана их роль в обществе, что позволяет правильно осмыслить их решения и действия в реалиях того времени. Такой подход порождает новые вопросы, ответы на которые, в свою очередь, вызывают очередные отклики, а значит, и более современный взгляд на историю туркменского народа.

Ключевые слова: теке, Гараахмет, переселение, незаурядные личности, родоплеменная структура

Для цитирования: Атдаев С.Дж. Из истории текинского рода Гараахмет (по материалам XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 101–113. doi: 10.17223/15617793/486/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/11

From the history of the Teke clan Garaahmet (based on the materials of the 19th century)

Serdar J. Atdaev[1]

[1] *Institute of History and Archaeology, Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan*
serdar63atdayev@gmail.com

Abstract. This article considers the historical past of the Turkmen clan Garaahmet of the Teke tribe. The chronological scope of the study is limited to a time period covering the 18th and 19th centuries. This time is very important for the past of the Teke tribe, as it characterizes the situation because of which they had to migrate to the southern regions of present-day Turkmenistan. In the Turkmen historical science, attempts were made to cover the history of a particular tribe or tribal unions, but the description of the history of a single small clan and its smaller divisions was never touched upon. In this study, the author decided to focus on the analysis of the past of the Turkmen clan Garaahmet of the Teke tribe. This small clan played an important role in the history of not only the Teke tribe, but also the entire Turkmen people. The clan's bright persons made a significant contribution to the rich history of the Turkmen people. The aim of this study was an attempt to highlight the historical situation of that time and analyze the complex processes that befell the Turkmen tribes. The objective of the work was to correctly and objectively describe the reality of the time when outstanding personalities entered the arena. Their extraordinary and outstanding abilities helped the Turkmens, through military actions and diplomatic tricks, to balance on the claims of the Khiva Khanate and Persia to these territories. The author used a comprehensive research method, with the connection of all kinds of historiographical material, archaeological and ethnographic data. The result of the study is that the author managed to restore, when possible, the images of prominent persons of the Garaahmet clan. It was possible to prove that Oraz Yagly Khan had not two, but three sons: Sakhat Niyaz Khan, Berdy Niyaz Khan and Aman Niyaz Khan. The author described the image of Mayla Khan and other persons of the Garaahmet clan, and also tried to present the historical situation of that time and understand the complex processes that took place within the clan and the entire Teke tribe. The tribal structure characteristic of all Turkmen tribes was the framework that helped to cement the social structure of the Garaakhmet clan. Such a situation was the basic system of society and was the "template" that explained the behavior of the whole society, in one or another historical reality. Identification of extraordinary persons and a description of their role in society allows us to more correctly comprehend their decisions and actions in the realities of that time. This approach gives rise to new questions, the answers to which, in turn, evoke new responses, and hence a more modern view of the history of the Turkmen people.

Keywords: Teke, Garaahmet, resettlement, outstanding persons, tribal structure

***For citation*:** Atdaev, S.J. (2023) From the history of the Teke clan Garaahmet (based on the materials of the 19th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 101–113. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/11

© Атдаев С. Дж., 2023

Твоя семья, твой род и племя,
Частицы прошлого страны.
И потому событий бремя,
Так бередит покой души.

С.А.

Введение

В туркменской исторической науке предпринимались попытки освещения истории определенного племени или племенных союзов, однако описание истории отдельно взятого небольшого рода и его более мелких подразделений никогда не затрагивалось. В своем исследовании я решил сосредоточиться на анализе прошлого туркменского рода Гараахмет племени теке. Этот маленьких род сыграл важную роль в истории не только племени теке, но и всего туркменского народа. Его яркие представители внесли весомую лепту в богатую историю туркменского народа. Исследование в подобном узком ключе позволит взглянуть на историю племени, да и народа в целом как бы изнутри. Подобный подход дает возможность лучше понять, какие скрытые механизмы происходили внутри этой ячейки общества и как они влияли на поведение всего социума. Во главе с амбициозными лидерами некоторые роды выходили на авансцену исторических событий, активно влияя на будущее всего племени. Описание этих личностей и характеристика их деятельности в обществе, создает тот особый колорит, который позволяет лучше понять и воспринять дух того времени.

Заселение текинцами Южного Туркменистана

Чтобы лучше понять историю текинского рода Гараахмет, необходимо составить общую картину того времени. Упоминания о племени теке лучше начать с момента их проживания в северных районах Туркменистана, а именно в урочище Вас (с крепостью Теке-Сенгир и группой колодцев в Сакар-Чага) и урочище Кандум (с крепостью Кандум-кала). По сообщению историка Мухаммеда ибн Вали, течение Амударьи к началу XVII в. уже не достигало своих прежних западных границ и окончательно ослабло в промежутке 1610–1620 гг. В легенде о текинском лидере Кеймир-Кёре говорится, что племя покинуло эти места ввиду окончательного прекращения притока воды по Дерьялыку. Текинцы перемещаются на Балханы. В этом скудном районе они долго не задерживаются и к концу XVII в. продвигаются на юг к предгорьям Копетдага. По словам персидского историка Мухаммеда Казима, текинцы уже в начале XVIII в. жили уже в окрестностях Дуруна и Нисы. Второй, более крупный поток текинцев в южные районы Туркменистана произошел во второй половине XVIII в., после падения империи Надир-шаха (1736–1747 гг.) [1. С. 21].

Нам интересно будет проследить второй путь, по которому текинцы оказались в Южном Туркменистане, т.е. двигаясь вдоль реки Амударьи. Часть текинцев, взяв направление на восток, заняли прибрежную полосу Амударьи. Однако здесь они столкнулись с войсками Надир-шаха, повернули обратно в пределы ханства и через Балханы двинулись в пределы Ахала [2. С. 173–177]. Вторая попытка была предпринята в 1767–1770 гг., когда текинцы вновь перемещаются к среднему течению Амударьи. Согласно народным преданиям, текинцы во главе с легендарным Кеймир-Кёром двинулись через Хиву и осели в Дарган-Ата. Откуда, по причине конфликта с бухарским ханом, они возвращаются обратно, хотя часть теке там остались. После смерти Кеймир-Кёра текинцев возглавляет Анна-Сеид-векиль. Они продолжают движение в Ахал, постепенно переселяя из Дарган-Ата сюда своих соплеменников, оставшихся на Амударье [1. С. 24]. В Центральном государственном архиве Туркменистана хранится предание текинцев Теджена о том, что они прибыли туда в 1780-х гг. Путь их начался с берегов Амударьи, между Хивой и Бухарой [3]. Генерал Н.Г. Петрусевич указывал, что заселение Ахала текинцами шло одновременно с их оседанием в Мерве, куда они пришли «с берегов Аму-Дарьи» [4. С. 159]. Эта информация была повторена британским археологом и дипломатом Г.К. Роулинсоном: «Первоначальное поселение ахал-теке на границе с Персией произошло одновременно с поселением мервских теке. Все племя было переселено из Лебаба, или берегов Окса» [5. P. 183].

Процесс ухода текинцев из пределов Хивинского ханства затянулся. По данным российского посланника Н. Муравьева, хивинский правитель Мухаммед-Рахим-хан I организовал в 1813 г. поход на Персию. По пути следования он обратился за поддержкой к туркменским племенам теке и гёклен, но получил отказ. Вернувшись в Хиву, Мухаммед-Рахим-хан нападает на текинцев. Часть теке во главе с Мурад-сердаром скрываются в горах. Однако вскоре голод заставил их переселиться обратно в ханство [6. С. 28]. Известно также, что текинцы после кратковременного пребывания в 1779 г. в низовьях канала Найман, к востоку от Ярги-арыка, вновь появились там в 1816 г. Позже, в 1860-х гг., они опять претендовали на эти земли [7. С. 34]. Однако основная часть текинцев в 30-х и 40-х гг. XIX в. проживали на западных окраинах ханства, в урочищах Вас и Кандум-кала. В 1855 г. проживавшие в Кандум-кала текинцы перебираются в Вас. В хивинских документах говорится о выдаче 11 000 батманов пшеницы текинцам, прикочевавшим из района Кандум-кала [7. С. 305]. В 1856 г. эта часть текинцев переселяется в Ахал [8. С. 547, 553]. По данным хивинского архива, часть текинцев откочевала из района Кандум-кала чуть раньше, еще в 1852 г. Там же говорится о прибытии в 1870 г. небольшой группы теке в район Вас. К началу XX в. текинцы в списке жителей ханстве уже не числились.

XVI–XVIII вв. были временем поиска новых областей проживания, богатых плодородными землями и водой. Постоянные притеснения со стороны Хивы, Бухары и Персии обязывали туркменские племена сплотиться и держаться вместе. Н.Г. Петрусевич отмечал, что у предводителей туркмен могли быть разногласия, но в моменты опасности они «всегда будут на стороне своих, а не чужих» [9. С. 48]. Если говорить о солидарности текинцев, то их единодушие можно объяснить непреложным правилом, которого они всегда придерживались. Опыт соседних племен показал, что некоторые роды, вынужденные жить раздельно в отдалении друг от друга, со временем теряли связь и возможность помочь друг другу. По этой причине, когда текинцы переселялись из Ахала в Теджен и Мерв, на новое место направлялись люди от всех четырех колен. Четыре крупных текинских колена, а именно: багшы, сычмаз, бег и векиль, прослеживаются на всех территориях своего компактного проживания. По сообщению российского дипломата Н.В. Чарыкова, при строительстве крепости Говшут-хан-кала «каждое из четырех отделений мервского народа должно было построить одну из стен» [10. С. 504]. По данным французского путешественника Бенуа-Мешена, событие это относится к 1873 г. [11. С. 126]. Если жители Ахала подвергались нападению неприятеля, то представители всех их колен, проживавших в Теджене и Мерве, немедленно спешили на помощь своим соплеменникам. Интересно замечание генерала Л.К. Артамонова, который писал, что при защите крепости Гёк-депе текинский военачальник Дыкма-сердар разбил войско на четыре части, где каждое племя обороняло одну из четырех стен крепости [12. С. 23].

Большую группу теке, продвигавшихся из Хивы по Амударье до Мургаба, возглавлял хан Гара-Балхан (в источниках он указан также как Балхан-хан, Союнхан, Мухаммет-Мурад, Солтан-Нияз-хан). Эта масса переселенца осела в основном в пределах Мерва [13. С. 164, 170]. Хивинские хроники сообщают нам, что глава мервских теке Мухаммед-Нияз-тархан совместно с наследником иранского государя Фетх-Али переселил в 1807 г. все прежнее население Мерва в Мешхед. Далее указывается, что в середине месяца Рамазан он послал в сторону Хивы отряд из племени Гараахмет, который 17-го числа подошел к окраине Курука, одного из селений Хазараспа [8. С. 379]. В 1816 г. мервские теке вновь отправляют отряд вдоль Амударьи и угоняют скот в районе Садвара, близ Дарган-Ата [8. С. 396].

Предполагается, что к началу XIX в. в Мерв переселилась вся утамышская половина племени теке с коленами багши и сычмаз [14. С. 45]. Однако нельзя исключать, что под именем багши мог пониматься род топаз, входивший в родовое объединение учруг. К примеру, А.А. Семенов, описывая мервского правителя Каджар-хана, пишет, что хан был «из рода Багши-Топаз» [15. С. 80]. В рапорте начальника Закаспийской области от 19 января 1882 г. Каджар-хан указан как выборный глава колена сычмаз [16. С. 619]. В этом же контексте интересна личность Мухаммед-Нияз-тархана. С одной стороны, должностью тархан наделялись лица, освобожденные от подати или другой повинности за определенную услугу перед государями. Обычно титул «тархан» присваивался хивинским ханом. С другой стороны, у текинцев существовало близкородственное объединение-ковум тархан/тарханлар, которое входило в состав упомянутого выше рода топаз [17. С. 111].

У текинцев был обычай осваивать новые земли с помощью определенного числа молодых неженатых мужчин каждый рода. По решению совета старейшин, они отправлялись на участки, где вероятнее всего можно было ожидать набегов, и образовывали там поселения (*ак ойли*). Для предупреждения разногласий каждая из двух текинских групп (утамыш и тогтамыш) имела одинаковое число людей. Поэтому неслучайно в Ахалском, Тедженском и Мургабском оазисах встречаются аналогичные текинские роды. К концу XVIII в. Атекский оазис, т.е. земли от Гяурса до Меана и Чаача, был полностью занят текинцами, а еще одна часть текинцев продолжала двигаться дальше на Теджен [2. С. 173].

В 1780-х гг. на берегах Теджена появилась группа теке под предводительством вождя Мопака из рода перренг, родового объединения учруг. Это могли быть те текинцы, которые в 1770-х гг. ушли из Хивы и поселились в низовьях Мургаба [14. С. 49]. Мопак-сердар организовал строительство одноименной крепости Мопак-кала, развалины которой находятся к востоку от Меана на левом берегу Теджена, а также руководил сооружением Каррыбендской плотины на реке Теджен [18. С. 215]. В результате беспрерывных нападений персидских войск текинцам часто приходилось оставлять Теджен и перебираться в низовья Мургаба, как это было в 1810 г. Но в 1824 г. они опять возвращаются из Мерва к берегам Теджена и восстанавливают оросительную сеть и плотину Каррыбент [14. С. 47]. После смерти Мопак-сердара в 1808 г., во главе текинцев становится Ораз-Яглы-хан из рода Гараахмет, родового объединения учруг. Ораз-хан, теперь уже под давлением хивинцев, вновь перекочевывает людей на берега реки Теджен [2. С. 174]. В 1833 г. персидский наследный принц Аббас-Мирза снова нападает на текинцев, которым приходится возвращаться к низовьям Мургаба, в местечко Кара-яб [14. С. 47]. В 1840 г. часть этих текинцев возвращается к Теджену, а оттуда, с разрешения персидских властей, поселяется в Серахсе.

По данным А. Бёрнса, в Теджене на тот момент проживало 40 000 текинских семейств [19. С. 350]. Текинцы, занявшие Тедженский оазис еще в 1761 г., теперь, с разрешения персидских властей поселяются в Серахсе. Отсюда в 1857 г. они переселяются в Мерв. По данным Бенуа-Мешэна, численность текинцев Мерва составляла около 200 000 человек [11. С. 125]. Во время пребывания в Теджене текинцами на правом берегу реки возводится крепость Ораз-кала. От нее до самого Серахса тянулись поселения текинцев. Эта крепость в 1882 г. была детально описана в записках хорунжия Соколова [20. С. 173].

С переселением текинцев из Серахса в Мерв в 1857 г. окончательно заканчивается процесс их оседания в Южном Туркменистане. Временные перемещения были отмечены после завоевания царскими войсками крепости Гёк-депе в 1881 г. Тогда большая часть ахальских текинцев ринулась в Теджен и далее в пределы Мервского оазиса. Находящийся в Мерве в начале 1881 г. корреспондент британской газеты «Daily News» Эдмонд» О' Донован отмечал, что встречался здесь с ахальскими лидерами: Дыкма-сердаром и сыном Нурберды-хана Махтум-Кули-ханом [21. P. 117, 204]. Дыкма-сердар уже весной 1881 г. вместе со своими людьми возвращается в Ахал, и российское правительство помогает ему в восстановлении разграбленного имущества [22. P. 168]. Махтум-Кули-хан же держится упорно и возвращается лишь в 1883 г. В конце 1883 г. он сопровождает отряд М. Алиханова-Аварского из Теджена в Мерв. После событий 1881 г. из Ахала в сторону Мерва двинулись огромные толпы текинцев. Плодородные земли Мургаба к тому времени уже были полностью заселены. Однако прибывшие были радушно встречены и с пониманием приняты мервцами. Прибывшие из Ахала прекрасно понимали сложившуюся ситуацию. Российское командование всеми силами старалось вернуть текинцев обратно. Это возымело действие, и уже весной 1881 г. намечается обратный отток населения в Ахал.

Знатные люди из рода Гараахмет

Анна-Гулы-хан (Анна-Гулы Яглы-хан). Первым в списке значимых лиц рода Гараахмет является Анна-Гулы-хан [23. С. 137]. Возведенная им крепость Анна-Гулы Яглы-хан-кала расположена близ Теджена [23. С. 142].

Ораз-хан (Ораз-Яглы-хан). Ораз-хан являлся сыном Анна-Гулы Яглы-хана [23. С. 137] и, так же как и его отец, имел прозвище-лакам *яглы*, означающее принадлежность к близкородственному объединению-ковум – *яглы*, рода Гараахмет [17. С. 140]. Прозвище яглы также означает богатство и достаток (яглы, ашлы-нанлы, довлетли). Ораз-хан возглавлял текинцев во время их пребывания в Серахсе. Он неоднократно бывал в Мешхеде и поддерживал мирные отношения с наместниками Хорасана. По данным русского военного инженера и дипломата П.М. Лессара, Ораз-хан одно время был даже ханом всего Мерва [24. С. 63]. Сыновьями Ораз-хана были: Сахат-Нияз-хан [18. С. 288], Берды-Нияз-хан [25. С. 37], Аман-Нияз-хан, а также внук Майлы-хан [24. С. 63], которые попеременно стояли то во главе большого колена – утамыш, то малого колена – сычмаз, вплоть до конца XIX в.

Через два года после смерти Мопак-сердара (1810 г.), персы предпринимают поход против текинцев, которые вынуждены были переместиться к Мерву. Во главе текинцев теперь стоял Ораз-хан, который под давлением хивинцев опять перекочевал на берега реки Теджен [2. С. 174]. В сочинениях хивинского историка Агехи при описании похода Алла-Кули-хана в Хорасан в 1826–1827 гг. сообщается о том, что по прибытии в Серахс к нему вместе с салырами из Мерва прибыли предводители теке Теджена. Среди них был Ораз-Яглы [8. С. 438].

Плотина Каррыбент, построенная в низовьях Теджена в 80-х гг. XVIII в. Мопак-сердаром, в 1810 г. была разрушена персидскими войсками. Персидские войска 1810 г. разбили Каррыбентскую плотину, и туркменам пришлось отступить к Мерву. В 1824 г. текинцы во главе с Ораз-ханом возвращаются в Теджен, восстанавливают старую плотину и возводят крепость Ораз-хан-кала [18. С. 93]. Н.И. Гродеков писал, что «на расстоянии шагов 300 от стен калу охватывает полукругом внешний вал, называемый оградой Кара-оглана» [26. С. 38]. Н.Г. Петрусевич отмечает, что Ораз-хан возвел на правом берегу реки Герируд укрепление Теджен, или Ораз-Кала, вследствие чего вся река «стала называться Теджен-Дарьей» [9. С. 25–26]. Ч. Марвин назвал эту крепость «огромная кала» и дополнил, что рядом располагалась «старая ограда крепости Кара-Оглан-Юзбеги» [22. P. 171].

В 1834 г. персидский принц Аббас-Мирза вновь срыл плотину Каррыбент, после чего бóльшая часть текинцев уходит в Серахс [14. С. 84–85]. Н.Г. Петрусевич также отмечает, что в 1840 г. «текинцы Мерва жили на реке Герируд, у урочища Ораз-кала, но персияне уничтожили это поселение» [9. С. 18]. Вскоре правитель Хорасана Алла-Яр-хан в 40-х гг. XIX в. идет походом на Теджен. Текинцы опять возвращаются в Ахал, но недостаток воды и земли вынуждает их во главе с Ораз-ханом обратиться к правителю Хорасана, чтобы поселиться в Серахсе. Взяв текинцев в заложники, правитель Хорасана «дал свое согласие» [9. С. 26–27].

Хивинские власти старались управлять Мервом и назначали над ними наместников из числа своих сановников. Исследователи XIX в. Г.Н. Данилевский и Т.Ф. Базинер упоминают, что туркменами племени теке в 1830-е гг. управляли ханские чиновники, имевшие резиденцию в Мерве. Однако текинцы этим наместникам фактически не подчинялись [27. С. 218]. Агехи пишет, что ситуация в регионе была сложной. В 1832 г. хивинский хан Алла Кули захватывает Мерв и Серахс и учреждает таможни в Мерве и Чараке [19. С. 501]. Текинцы выплатили контрибуцию, но в последующие годы перестали это делать, и в 1839 г. на них снова был организован поход со стороны Хивы. По сообщению Агехи, в 1843 г. Мухаммед Эмин-инак сделал привал в местности Кызыл-джар на берегу р. Теджен. Им навстречу прибыла делегация текинцев Серахса во главе с Ходжам-Шукуром и Ораз-Яглы [8. С. 488]. Агехи в главе, посвященной второму походу шахзаде Рахман-куля-торе в Хорасан, указывает на его прибытие в Мервскую область. Отсюда он отправил к знатным лицам мервских теке, среди которых был Ораз-Яглы, свой ярлык, в котором говорилось: «Вы должны проявить свою преданность нам» [8. С. 448]. В 1846 г. текинцы нападают на хивинский гарнизон в Мерве. В ответ на это хивинцы организовывают ряд походов против туркмен. В начале 40-х гг. XIX в. меж-

ду текинцами произошли разногласия. Ходжам-Шукур-хан был сторонником хивинской ориентации. Ораз-сердар же отстаивал необходимость сохранения независимости текинцев от Хивы. Описывая события 1847 г., Агехи сообщает, что Ораз-Яглы-хан обратился за помощью к правителю Бухары эмиру Насрулле. Тогда Ходжам-Шукур со своими людьми переселился из Серахса в Кара-Бурун, находящийся в пяти переходах ниже Мерва [8. С. 505]. В 1848 г. хивинский хан Мухаммед Эмин идет вторым походом на Мерв, ввиду чего Ораз-яглы отступает к Серахсу [8. С. 514].

Иранские источники свидетельствуют об активном участии текинской знати в мятеже хорасанского феодала Салара, начавшемся в 1846 г. [8. С. 240–243]. В этой борьбе Салар опирался на поддержку текинских ханов: Гараоглан-хана из Ахала, Говшут-хана и Ораз-хана из Серахса. В свою очередь иранское правительство также старалось привлечь на свою сторону отдельные группы туркмен. В письме от 1856 г. говорится, что Ораз-хан и другие серахские туркмены в количестве 5–6 тысяч семейств состояли на службе иранского правительства [8. С. 268].

Туркменские источники пишут, что Ораз-хан, покинув крепость Ораз-кала, привел текинцев из Атека в Серахс [25. С. 0128]. К тому времени Ораз-Яглы-хан уже постарел. В 1853 г. текинцы Сарахса созвали совет, где ханом был избран Говшут-хан. После того как Ораз-хан передал власть Говшут-хану, он становится во главе колена утамыш [16. С. 626]. В 1857 г. текинцам удается вновь, и уже окончательно, переселиться Мерв.

Классик туркменской литературы Маметвели Кемине (1770–1840 гг.) посвятил Ораз-сердару стихотворение «Оразым». По преданию, поэт хорошо знал Ораз-хана, Ходжам-Шукур-хана, предводителя гяурских туркмен Джапар-хана и молодого тогда еще Говшут-хана. Кемине участвовал в мирных переговорах между предводителями текинцев и правителями Хорасана, состоявшихся в Мешхеде. Все свои знания, остроумие и мудрость поэт использовал для достижения согласия в регионе.

Сахат-Нияз-хан. Сахат-Нияз-хан являлся старшим сыном Ораз-Яглы-хана [18. С. 288]. Он был одним из соратников Говшут-хана и проявил подлинный героизм в серахском сражении 1855 г. против хивинского правителя Мухаммед Эмин-хана. Во время битвы группа туркменских воинов, увидев Мухаммед Эмин-хана, бросилась прямо на него. Один из них по имени Гурбан-Кель ударил хана саблей. Тот свалился с коня, и тут же Сахат-Нияз отрубил ему голову [8. С. 264, 309]. Мухаммед Эмин-хан и его окружение были убиты, голову же хана отправили в Тегеран, а тело было доставлено в Хиву [9. С. 27]. Позже, Сахат-Нияз-хан вместе с младшим братом Берды-Нияз-ханом активно участвовал в защите Мерва во время нашествия каджарских войск в 1861 г. [18. С. 288].

Берды-Нияз-хан. Берды-Нияз-хан являлся вторым сыном Ораз Яглы-хана [24. С. 63]. В исторической поэме XIX в. Абдысетдара Казы «Книга рассказов о битвах текинцев» говорится, что Берды-Нияз-хан, сын Ораз-хана, стоял во главе войск с утамышскими богатырями [25. С. 37, 40]. По данным П.М. Лессара, Берды-Нияз-хан являлся ханом текинского отделения утамыш [24. С. 63]. Об этом же говорят и архивные данные [16. С. 626]. Переводчик и этнограф И. Ибрагимов сообщал в 1874 г., что род Гараахмет состоит из «5,000 кибиток жителями, начальник у которых Берды-Нияз» [28. С. 140]. Берды-Нияз-хан упомянут и в переписке текинского поэта Дован-шахира и сарыкского стихотворца Гара-Оглана. В поэме Дован-шахир называет Берды-Нияз-хана текинским героем [25. С. 0113]. Гара-Оглан в своем ответном письме также говорит об Берды-Нияз-хане, указывая его среди пяти самых знатных утамышцев [25. С. 0107, 0128]. Берды-Нияз-хан вместе со своим старшим братом Сахат-Нияз-ханом участвовал в каджарской войне 1861 г. [18. С. 288]. Ценным источником является «Рассказ о туркменско-каджарской войне» Мухаммет-Рахима, сына поэта Молланепеса. В этом рассказе, среди влиятельных лиц, упомянут и Берды-Нияз-хан [29. С. 7].

Аман-Нияз-хан. Аман-Нияз-хан был третьим сыном Ораз-Яглы-хана. Первое упоминание об Аман-Нияз-хане встречается в материалах, описывающих события 1855 г., когда Герат был осажден хорасанским наместником Султан-Мурат-мирзой. В этих событиях участвовали отдельные группы туркмен сарыков и теке. После взятия Герата в числе лиц, получивших халат, орден и ценное оружие, упомянут «Аман-Нияз туркмен» [8. С. 270].

По сообщению П.М. Лессара, Аман-Нияз-хан являлся родным дядей Майлы-хана, сына Берды-Нияз-хана [24. С. 63], т.е. был третьим сыном Ораз-Яглы-хана. О том, что Аман-Нияз-хан являлся сыном Ораз-Яглы-хана, сообщает в 1879 г. и капитан А. Быков. Он указывал, что «колено сычмаз на тот момент возглавлял Аман-Нияз-Ораз-хан» [30. С. 4]. Э. Донован писал, что побывал в гостях у главы рода Гараахмет и всего отделения утамыш Аман-Нияз-хана. Хан предложил Доновану посетить его личное имение на юго-западной границе оазиса [21. P. 304]. Далее Донован указывает, что эта сельская резиденция Аман-Нияз-хана имела двадцать акров земли и обильно поливалась из отводов канала Алаша. Его дом представлял собой двухэтажное сооружение, возведенное из кирпича-сырца. Кроме этого, Аман-Нияз-хан имел подобный дом в Говшут-хан-кала [21. P. 308]. Относительно информации о местонахождении села Аман-Нияз-хана следует отметить указание Донована о том, что оно располагалось в 15 милях от Говшут-хан-кала [21. P. 308] (если учесть, что 1 миля = 1,6 км, то 15 миль = 24 км). Это примерно там, где находится село Ак-Яб (ныне Ак-яб-1).

Описывая внешний облик Аман-Нияз-хана, Донован отмечал что хан страдал воспалением глаз, отчего не мог смотреть на яркий солнечный свет [21. P. 428]. От Аман-Нияз-хана Донован получил некоторые сведения о народной медицине. Однажды местные жители обратились к Доновану за медицинской помощью. Тогда он вместе с Аман-Нияз-ханом сплел амулет из верблюжьей шерсти. Чтобы избавить ребенка от лихорадки, Донован снабдил женщину хинином [21. C. P. 319–320]. Донован

также пишет и об этикете туркмен. Однажды к нему с визитом рано утром прибыли Аман-Нияз-хан и Баба-хан: «Рассевшись, они терпеливо ждали моего пробуждения, поскольку этикет туркмен мервли строго предписывает никогда не беспокоить спящего [21. P. 345].

Характеризуя Аман-Нияз-хана Э. Донован отмечал, что хан был сдержан в манерах и обладал правильными чертами лица. При первой их встрече Аман-Нияз-хан предстал одетым в два халата. Поверх длинного подпоясанного кушаком халата из малинового шелка в полоску был надет другой шелковый халат с переливом. Хан и его свита носили на головах огромные черные тельпеки. У каждого за белым кушаком был заткнут длинный кинжал. При следующей аудиенции на хане была шелковая накидка, также переливающаяся [21. P. 127–128, 233]. Донован пишет, что однажды Аман-Нияз-хан отправил в Мешхед караван с целью покупки там крупной партии чая, сахара и материи. Но караван был ограблен под Серахсом. Тогда хан самолично отправился туда вместе с группой ясаулов и через два дня обнаружил украденное добро. Раскаявшиеся в грабеже пленные были отпущены [21. P. 376].

Э. Донован указывает что Аман-Нияз-хан являлся вождем всего утамышского колена [21. P. 126, 304]. Эти данные приводятся и П.М. Лессаром [24. С. 63]. Донован детально описывает проведение туркменами собрания-меджлиса 15 мая 1881 г. Первым приблизилась группа во главе с Баба-ханом, сыном Говшут-хана. Баба-хан прибыл с красно-белым знаменем колена тогтамыш. Следом приблизился Аман-Нияз-хан со своей свитой, неся впереди себя белое знамя колена утамыш. Затем оба хана вместе отправились в резиденцию Донована. Здесь к дверному проему был прикреплен шест, на конце которого колыхалось красное знамя из шелка, которое было «официальной эмблемой его председателя» [21. P. 272–275]. Подобный красный флаг был описан Донованом, когда он чуть ранее посещал резиденцию мервского ихтияра Каджар-хана [21. P. 121].

Аман-Нияз-хан намеревался создать артиллерию. Он представил Доновану местного мастера по металлу. Во время осады крепости Гёк-Тепе в 1881 г. туркмены сильно пострадали от российских орудий. Теперь же они пожелали, чтобы в Мерве была своя сильная артиллерия. Хан стремился переделать старомодные бронзовые орудия, заряжающиеся с дула, на орудия, которые снабжались снарядами с казенной части. Для этой цели он просил Э. Донована нарисовать ему план современного орудия в разрезе. Аман-Нияз-хан загорелся этой идеей и выдвигал планы строительства большой фабрики в Мерве и предложил Доновану командовать батареей будущих орудий [21. P. 153–154].

Перед отъездом Донован заверил всех о поддержки со стороны Англии и предложил написать обращение в письме, которое было написано 8 августа 1881 г. и опечатано 19 печатями, в том числе печатью Аман-Нияз-хана. Печать Аман-Нияз-хана присутствует и на письме, отправленным Доновану после отъезда из Мерва [21. P. 482, 488]. Во время своего пребывания в Мерве Донован очень стремился встретиться с русским пленным Кидаевым, для чего не раз обращался к Аман-Нияз-хану за помощью [21. P. 314, 318].

Майлы-хан (Ораз-Нияз Майлы-хан). Майлы-хан был сыном Берды-Нияз-хана и внуком Ораз Яглы-хана. Примечательно, что Майлы-хан имел именную приставку *Нияз*, подобно приставке своего деда, отца и родных дядей. Прозвище-лакам *Майлы* указывало на принадлежность к близкородственному ковуму *яглы* рода Гараахмет и означало достаток (яглы, ашлы-нанлы, довлетли). Если говорить о практике добавления прозвища (лакам) к имени какой-либо личности, то она часто встречается у лидеров племен. Главы крупных племенных объединений очень часто прибавляли к своему имени прозвища, указывающие на их истинную принадлежность к определенному небольшому роду. К примеру, правитель мервских текинцев Каджар-хан происходил от текинского рода *топаз*. В исторических документах он упоминается как Топаз-Каджар-хан [16. С. 553]. Другим примером может служить ахальский военачальник Дыкма-сердар (Овез-Мурат), который относился к текинскому роду *дыкма* [17. С. 65].

Архивные документы говорят нам, что летом 1881 г. в Ашхабад прибыла мервская делегация, где колено утамыш представлял Майлы-хан [15. С. 53]. По сведениям М. Алиханова-Аварского, в феврале 1882 г. Майлы-хан был повторно переизбран ханом утамышей [31. С. 16]. Согласно заметкам П. Лессара, в начале 1882 г. утамыши выбрали себе «главою Майлы внука Ораза (бывшего ханом над всем Мервом), сына Берды-Нияза и племянника Аман-Нияза, двух последних ханов утамышей» [24. С. 63]. Из донесения начальнику штаба Закаспийской области об отношении мервцев к русскому каравану от 19 февраля 1882 г. следует, что «рябой парень» Майлы-хан был недавно выбран в ханы над родами бахши и сычмаз, т.е. надо всеми утамышами» [16. С. 626]. Полковник Аминов в донесении начальника штаба Закаспийской области начальнику области об обстановке в Мерве от 23 февраля 1882 г. сообщает: «Утамышцы, то есть сычмаз и дашаяк, выбрали сообща Майлы-хана, который собирает себе стражу» [16. С. 629]. П.М. Лессар отмечает, что Майлы-хан имел в своем распоряжении полицейскую стражу от 100 до 150 нукеров, состоящих на жаловании народа [24. С. 16]. Об избрании Майлы-хана главою колена утамыш сообщает также Ч. Марвин [22. P. 184].

Если говорить об организационных качествах Майлы-хана, надо отметить нелестную характеристику, данную ему П.М. Лессаром: «Майлы, несмотря на происхождение от людей действительно весьма влиятельных… человек весьма мало популярный» [24. С. 37, 185]. При описании совета-маслахата в 1882 г. упоминается 18-летний Майлы-хан, глава родов багши и сычмаз, «во все время не проронивший ни слова». От его лица говорил энергичный Сары-батыр (глава колена багши). Об этом же сообщал Ч. Марвин, отмечая, что Сары-батыр «исполнял обязанности советника Майлы-хана» [22. P. 185]. На самом же деле

поведение Майлы-хана можно объяснить его личной скромностью и соблюдением этикета. Чтобы объяснить свои действия, молодой хан, вернувшись домой, прислал с одним из своих доверенных людей письмо, в котором извинялся за то, что «по молодости лет ничего не говорил на маслахате» [15. С. 43, 46]. В письме Майлы-хан утверждал, что считал «нас дорогими гостями Мерва» и что занят формированием группы нукеров для отражения всевозможных нападений на оазис [22. P. 190].

Интересны заметки М. Алиханова-Аварского, который, в свою очередь, весьма положительно отзывался о хане. В своих «Закаспийских воспоминаниях» он пишет, что ранее, в 1881 г. род сычмаз избрал главой Майлы-хана. Это был «молодой человек, изуродованный оспой, но скромный и неглупый» [32. С. 89, 101]. В работе «Мервские ханы» М. Алиханов-Аварский пишет, что Майлы-хан, переизбранный в феврале 1882 г. ханом утамышей, был юношей «20 лет, весьма умный и симпатичный, несмотря на свою безобразную наружность» [31. С. 16]. Ч. Марвин также отмечает, что Майлы-хан выглядел лет на 20, он получил образование в Бухаре и знаком с персидской литературой. Избрали его потому что он «сын и племянник людей, которые были в свое время ханами из клана утамышей и пользовались большой любовью [22. P. 185].

Мервские ханы посещали М. Алиханова-Аварского и вели с ним и его спутниками длительные беседы, стараясь выяснить намерения царского правительства. М. Алиханов-Аварский писал: «Посещения ханов продолжаются. Разница только в том, что Кара-Кули-хан делает это ночью, а прямодушный Майлы-хан – среди бела дня» [22. P. 203]. Мерв сделался центром притязаний ряда соседних государств. Майлы-хан даже образно сравнил Мерв с девушкой, руки которой просили несколько претендентов: за кого выйдет невеста, неизвестно [16. С. 710].

В архивных документах говорится, что летом 1881 г. в Ашхабад прибыла мервская делегация из 108 человек. Колено утамыш представлял Майлы-хан, а колено тогтамыш – Кара-Кули-хан [15. С. 53]. Для изучения положения в Мерве было задумано отправить туда караван с товаром. Так называемый Коншинский торговый караван выступил из Ашхабада 3 февраля 1882 г. и 15 февраля 1882 г. прибыл в Мерв. Текстильную фирму Коншиных в караване представлял С.Я. Косыха. В числе приказчиков был прапорщик Алиханов. В Мерве прибывшие остановились в доме Майлы-хана [15. С. 97]. Обратно в Ашхабад Алиханов и Косых возвратились 16 марта 1882 г. Вместе с коншинским караваном в Ашхабад прибыла делегация от Майлы-хана [33. С. 19]. В рапорте начальника Закаспийской области начальнику Главного штаба о результатах отправки в Мерв русского торгового каравана и мерах по дальнейшему укреплению русского влияния на текинцев Мерва говорится, что одновременно с караваном прибыла от вновь выбранных ханов депутация старейшин, а в мае явились лично оба хана: утамышский Майлы-хан и тогтамышский Каракули-хан, с которыми 22 мая был подписаны мирные условия [16. С. 641].

Чтобы утвердить свое положение, Майлы-хан приезжал в Ашхабад со свитой из своих родственников и друзей. Депутация просила начальника Закаспийской области генерала Рерберга (с 1881 по 1883 г.) прислать к ним особого уполномоченного присутствовать при выборе хана, чтобы эти выборы были санкционированы российским правительством. В Мерв был отправлен инженер путей сообщения, коллежский асессор Лессар [15. С. 54], которого туркмены называли Ер-Ölчан (геодезист) [22. P. 203]. П.М. Лессар в своих воспоминаниях пишет, что он был отправлен в Мерв для выяснений обстановки, а Майлы-хан оставался в Ашхабаде. 19 октября 1882 г. П.М. Лессар выступил из Ашхабада и прибыл в Мерв 29 октября. На собрании утамышцев ханом племени сычмаз повторно был избран Майлы-хан, а ханом баши – Сары-батыр [24. С. 65–68].

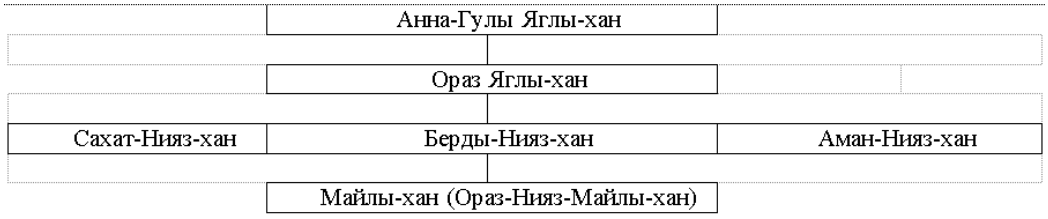
Обстоятельства требовали, чтобы власть в Мерве находилась в руках одного правителя. По мнению генерала Рерберга, наиболее подходящей кандидатурой на эту должность был Махтум-Кули-хан. Сам генерал по поручению областных властей в январе 1883 г. находился в Мерве. Закаспийское областное начальство рассчитывало, что пребывание Махтумкули-хана в Мерве будет способствовать упрочению там позиций России. Были проведены перевыборы ханов. Однако, вопреки предположениям российских властей в Закаспии, Махтум-Кули-хан избран не был. Ханом двух отделений был избран Майлы-хан. Решительным моментом в переговорах русского командования с Мервом была новая командировка туда Алиханова. Алиханов выехал из Гаррыбента (Теджен) 22 декабря 1883 г. в сопровождении 25 казаков Таманского полка и 12 джигитов туркменской милиции. О движении отряда уже знали мервские ханы, выехавшие ему навстречу. Представителями были: из рода векиль – Юсуп-хан, багши – Сары-Батыр-хан и из рода сычмаз – Майлы-хан [33. С. 144]. Через два дня путешествия Алиханов и его свита достигли пределов Мерва и заночевали в доме Майлы-хана [16. С. 708–709].

1 января 1884 г. состоялся большой совет – Генгеш мервских теке. Затем в Ашхабад для переговоров с закаспийскими властями были направлены 4 хана и 23 старейшины-кедхуды. 25 января 1884 г. группа прибыла в Ашхабад. В ее составе были Майлы-хан, а также Сары-батыр, Мурад-хан и Юсуп-хан [16. С. 689]. 31 января 1884 г. в Ашхабаде состоялась торжественная встреча мервской делегации [34. С. 262]. М. Алиханов-Аварский вспоминает, что по окончании встречи было объявлено о пожаловании Майлы-хану, Сары-Батыр-хану, Мурад-хану и Юсуп-хану чинов капитана милиции, а остальным членам депутации – золотые медали и дорогие халаты [32. С. 124]. Позже за участие в Таш-Кепринском бою 18 Марта 1885 г. Майлы-хан, а также Сары-батыр, Юсуп-хан, помощник йолотанского пристава Сары-хан и прапорщик милиции Баба-хан были награждены орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом [35. С. 156].

Имя Майлы-хана всплывает и в докладе начальника Закаспийской области генерал-адъютанта Ванновского военному министру от 17 мая 1888 г. В документе говориться о принятии депутации туркмен Закаспийской области во время пребывания его величества в городе Баку. Среди депутатов указаны капитаны милиции: Майлы-хан, Сары-Батыр-хан, Хаджи-Ахмет-хан, Юсуп-Хан, а также прапорщика Баба-хан, и четыре старшины по одному из каждого рода [34. С. 265]. В списке лиц, представленных в 1909 г. к наградам, упомянут и Майлы-хан и его племянник [33. С. 21, 53].

Имеются также сообщения, что в 1884 г. Майлы-хан обращался с просьбой об обучении его брата в русском учебном заведении. В рапорте начальника Закаспийской области военному министру от 14 июля 1885 г. сообщается, что в декабре 1884 г. было возбуждено ходатайство о принятии брата Майлы-Хана в один из частных пансионов в городе Тифлисе сроком на два года, с тем чтобы можно было впоследствии подготовить его для поступления в Тифлисский кадетский корпус [34. С. 263–264]. В итоге брат Майлы-хана был определен в кадетский корпус, но за плохое поведение вскоре из него исключен [15. С. 120].

Таким образом, в перечне знатных лиц рода Гараахмет обращает на себя внимание составная часть имени – Нияз (Ораз-Нияз, Берды-Нияз…), говорящая о семейных узах.



В туркменской историографии считается, что Ораз Яглы-хан имел двух сыновей: Сахат-Нияз-хана [18. С. 288] и Берды-Нияз-хана [24. С. 63]. В своих исследованиях мы обнаружили, что Аман-Нияз-хан являлся родным дядей Майлы-хана [24. С. 63], а значит, третьим сыном Ораз Яглы-хана. Умер Майлы-хан в 1896 г. [15. С. 120].

Другие лица рода Гараахмет. Среди других лиц рода Гараахмет часто упоминаются: дядя по матери Аман-Нияз-хана Назар-Али-бег [21. P. 233, 285, 461, 493]; родной дядя и главный сподвижник Аман-Нияз-хана Мерет-Али-сердар [21. P. 286–287]; некий Са'ат [8. С. 384]; Чаар Яклы-бай (возможно, Яглы-бай) [8. С. 448]; чтец Корана Молла Кары-ишан [16. С. 710]; а также Молла Баба [21. P. 209, 408–410, 435] и приближенный Майлы-хана Молла Клыч-Нияз [32. С. 113, 117–118].

Упоминания о роде Гараахмет

Туркменский род Гараахмет впервые упоминается у Муниса, в произведении «Фирдаус-уль-икбаль». Здесь сообщается, что в 1807 г. Мухаммед-Нияз-тархан посылает из Мерва отряд теке из племени Гараахмет в сторону Хивы. Пройдя пески, отряд подходит к окраине Курука, одного из селений Хазараспа, и совершает нападение [8. С. 379]. У Донована род Гараахмет назван «Карачмет» (Karatchmet) [21. P. 160].

Арминий Вамбери упоминает род Гараахмет в составе текинского большого колена утамыш [36. С. 231]. Н.Г. Петрусевич пишет, что род гараахмет входит в состав малого колена сычмаз [9. С. 33, 35]. Об этом же пишут М. Алиханов-Аварский [31. С. 34] и Н.И. Гродеков [26. С. 32]. Род Гараахмет указан в работе «Обзор Закаспийской области за 1891 год» в составе колена сычмаз по Тедженскому уезду [37. С. 15]. По материалам «Обзора Закаспийской области за 1900 год», мы видим, что в Мервском уезде Гараахмет делится на два ковума: *Чапык* и *Курт* [38. Схема XIV]. В этом же материале род Гараахмет числится в списке обитателей на канавах и земельных угодьях Утамышского района [38. Схема LXI].

Многие современные исследователи, составляя родовую таблицу племени теке, указывают род Гараахмет, наряду с Перренг и Топаз, в группе Учруг (Учуруг) [17. С. 268]. Наиболее точной выглядит таблица, приведенная А. Джикиевым [2. С. 188]. Если посмотреть на карту расселения текинских племен вдоль Мургаба, то можно заметить, что родовое объединение Учруг было представлено в нескольких местах на западном ответвлении Мургаба – канале Алаша. Входившие в это объединение роды: Гараахмет, Топаз и Перренг, в равной мере указаны на каналах Ак-яб, Учруг и Сычмаз [38. С. 22].

Ахал. Исторических документов о роде Гараахмет проживавших в Ахале сохранилось мало. Известно, что гараахмет входит в колено сычмаз, которое в свою очередь входило в большое колено утамыш. Генерал А.Н. Куропаткин отмечал, что Ахал-текинцы делятся на два поколения – тогтамыш и утамыш, при этом тогтамышцы указаны как более мирные и численностью втрое более утамышцев [39. С. 41]. Далее Куропаткин сообщает, что крепость Бёрме, в которой живут утамыши, подчинена Дыкма-сердару. Утамышами были заселены также Крепости Ызгант и Гёкдепе [39. С. 45]. Русский топограф и геодезист Гладышев П.И. писал, что колено векиль занимают Кизыл-Арват и Асхабад, беки – Бами, бахшидашаяки – Арчман и Безмеин, сычмазы – Бёрме, Дурун и Гёк-Тепе [40. С. 116]. Н.Г. Петрусевич уточняет, что на реке Гермаб, лежит деревня Янгикала, населенная 700 семействами из родов сычмаз, гагшал и букри, разделенных на «пять отдельных деревень» [9. С. 22].

Теджен. Род Гараахмет упоминается в работе: «Обзор Закаспийской области за 1891 год» в составе рода сычмаз по Тедженскому уезду [37. С. 15].

Мерв. О расселении текинских родов на Мургабе Донован пишет, что восточный канал, называемый Нивур, разветвляется на шесть более мелких каналов, вдоль которых поселены теке тогтамышского колена, состоящие под начальством Баба-хана. Западный канал носит название Амашэ (Алаша) и распадается на четыре мелких канала, которые орошают поля утамышских теке, состоящих под предводительством Аман-Нияз-хана [41. С. 202]. Другой британский исследователь Ч.Э. Стюарт, опираясь на свои наблюдения, а также материалы индийского путешественника Дауд-хана, пишет, что в Мерве роды векиль и бек живут на восточной стороне Мургаба, а сычмаз и багши-на западной стороне [42. P. 541]. По описанию Ч. Марвина колено утамыш «занимало юго-западную часть оазиса» [22. P. 176, 197]. О том, что колено утамыш расселилось на западной стороне Мургаба, а колено тогтамыш на восточной писал также И. Ибрагимов [28. С. 140]. Подобное сообщение приводит в своих записках и Бенуа-Мешэн [11. С. 125].

Сохранились рассказы, повествующие о том, что колено сычмаз было очень воинственно и потому заселило левобережье Мургаба, дабы обезопасить население от походов неприятелей с южных рубежей. В.В. Русинов пишет, что из Мургаба выделялись две водные магистрали: Тогтамыш-Наур и Утамыш-Наур, или Алаша-яб. Колено тогтамыш осело с правой по течению стороны Мургаба, участки ближе к реке заняло колено бег, а восточные земли – колено векиль. У колена утамыш разбивка наделов была осуществлена иначе. Земли левой стороны Мургаба были поделены на три категории: 1) Верхняя, Сухты-ябская, между Йолотанским оазисом и арыком Ходжа-яб; 2) Мюлькябская, около города, наилучше орошаемая и 3) Кара-ябская. Каждая из этих трех категорий земель была разделена пополам между двумя коленами сычмаз и бахши. Данная особенность раздела земли колена утамыш была вызвана тем обстоятельством, что «земли этого рода явились пограничными и подвергались набегам афганцев и персов» [43. С. 9, 19–20].

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Племя теке, по обычаю огузов, делилось на 2 клана, далее – на 4, и еще далее – на 6 отделов, образуя 24 клана. Каждый клан обосновался на своем канале – *яб*, который, в свою очередь, носил название данного клана. То есть род Гараахмет расположился на канале под названием «Гараахмет». Это можно видеть на схеме оросительной сети утамышского региона (рис. 1). Как видно на схеме, род Гараахмет обосновался на 4 каналах, вместе с родами топаз и перренг.

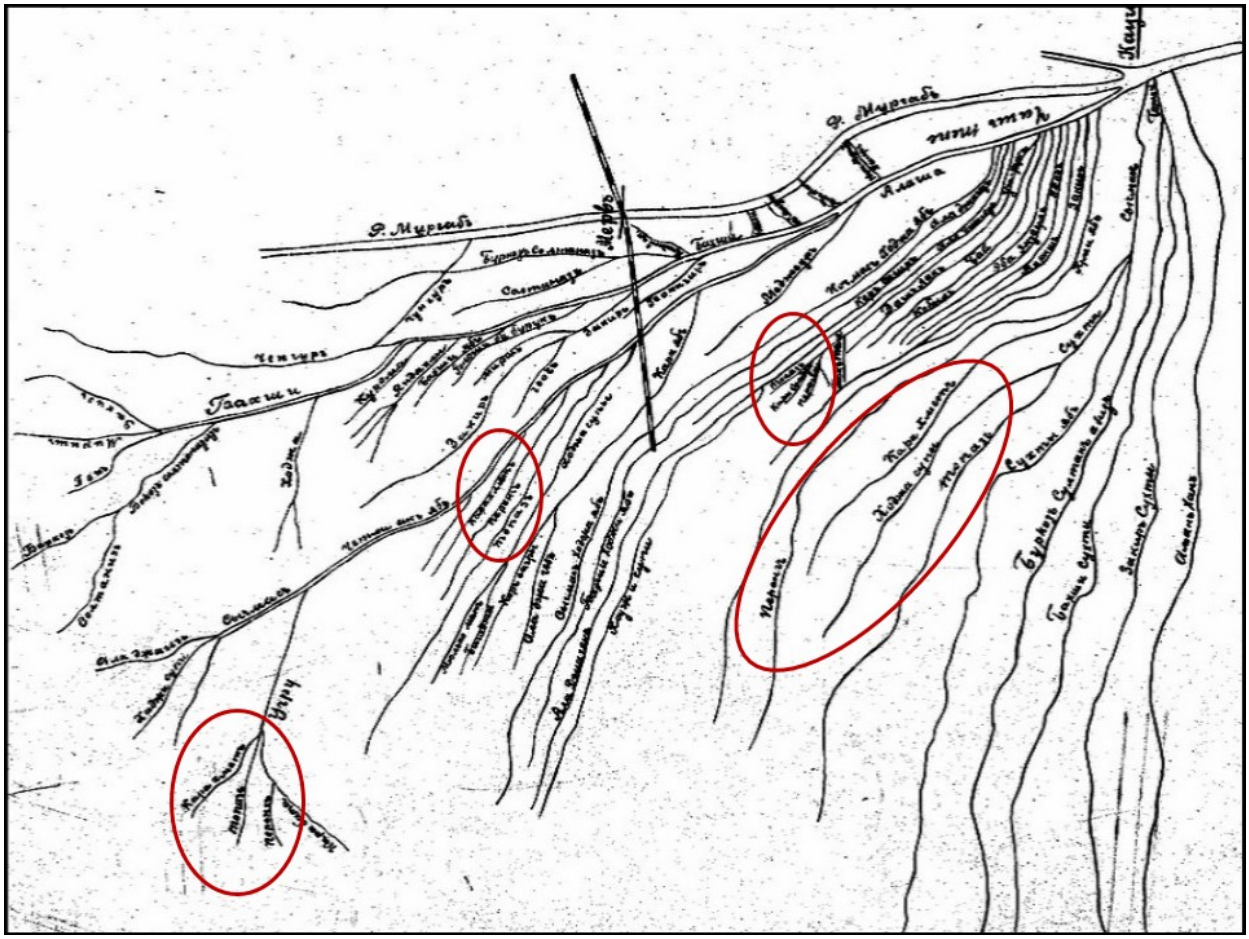


Рис. 1. Расселение текинского колена утамыш на западном берегу Мургаба с указанием мест проживания рода Гараахмет [38. С. 22, 33]

В списке канав и земельных угодий утамышского района указывается, что сычмаз делится на ряд мюльков, среди которых – *чапык* и *кйрт*. Показано также, что сычмаз делится на две канавы-угру: гараахмет и сычмаз. Все земельные угодья (мейданы) указаны под названием Ак-Яб [38. С. 210]. Среди аулов утамышского района упомянуты: Чапык, Кйрт [38. С. 209]. Об аулах Курт и Чапык (группы: Ак-яб и Кулок-яб) речь идет также в работе В.В. Русинова [43. С. 55].

В народной памяти хранится характеристика всех текинских родов, данная, якобы, самим Кеймир-Кёром. Про род Гараахмет сказано, что из него обычно выходит много певцов и музыкантов: «Гарахмеде барсан сазда-багши» [2. С. 168]. В книге С. Атаниязова «Словарь туркменских этнонимов» указывается, что гараахмет состоит из пяти более мелких близкородственных объединений-ковумов: 1) биджан [17. С. 33]; 2) кйрт [17. С. 81], иногда кйртчапык (в Мерве) [17. С. 81]; 3) чапык [17. С. 81]; 4) чёпедегмез [17. С. 131]; 5) яглы [17. С. 140]. К тому же в объединении-ковуме кйрт имеется более мелкое объединение-ковумча – керки [17. С. 77].

Возвращаясь к разговору о длительном процессе переселения текинцев из урочища Вас в южные районы Туркменистана в XVII–XIX вв., нам бы хотелось поделиться некоторыми размышлениями. Известно, что часть текинцев, продвигаясь вдоль реки Амударья, доходили вплоть до Шибиргана на территории Афганистана. Пересечение реки Амударья происходило у переправы города Керки. Здесь же расположено село Ламма. На территории Туркменистана имеется два места, связанных с именем Ламма или Ламба. Первое расположено на западе страны в районе гор Большие Балханы. Об этом имеются сведения у Г.С. Карелина в его «Путешествиях Г.С. Карелина по Каспийскому морю» [44. С. 328]. Как было сказано выше, текинцы под предводительством легендарного Кеймир-Кёра в начале XVII в., ввиду прекращения притока воды по Дерьялыку, покидают эти места и двигаются в сторону Балхан. Известно также, что до XVII в. близ Балханских гор жили эрсаринцы, где Н. Муравьев отмечает горную вершину под названием Ламба-даг [18. С. 190].

Второе место с названием Ламма находится в восточной части страны. *Ламба* – крупный туркменский населенный пункт на левом берегу Амударьи в Лебабе, ставка эрсаринцев рода гарабекаул. В конце XVIII в. местность Ламба нанесена на карту известным русским военным картографом М.В. Боувером [18. С. 190]. В исторической литературе это место иногда встречается под названием Лямбе.

Часть текинцев, продвигаясь вдоль побережья реки Амударья, могла какое-то время проживать в этих местах, и в частности в местности под названием Ламма. Интересно отметить, что имя моего прапрадеда – Ламма-бай. Мой отец говорил, что происхождение имени нашего далекого предка ему точно не известно. Эту ситуацию он объяснял так. Ламма-бай был довольно богатым человеком, и состояние свое нажил посредством торговли. Свои коммерческие поездки он мог осуществлять в район Ламма, расположенный на левом берегу Амударьи, где находился торговый узел, связывающий торговые пути из Бухары и Афганистана. Известен также переход через Амударью между левобережным пунктом Керки и правобережным пунктом Керкичи. Капитан А. Быков в 1879 г. отмечал, что в Мерв прибывали исключительно торговцы из Бухары, самих же мервских торговцев, отправляющихся в Бухару, почти не было [30. С. 5]. Однако далее А. Быков говорит, что бухарцы и жители долины Амударьи ходили в Мерв исключительно в текинских караванах, во главе которых стояли текинские караван-баши и под конвоем мервских текинцев [30. С. 15]. Так что, возможно, Ламма-бай был одним из этих караван-башей. А. Быков пишет, что караванный путь далее следовал по двум основным дорогам от Керки до Андхоя [30. С. 28].

Следует отметить также ряд немаловажных деталей. По воспоминаниям отца, часть племени гараахмет, проживавшего в селе Ак-яб, в начале 40-х гг. XX в. осела поближе к городу Мары, на участке Медениет колхозного объединения «Зарпчи». Народный вариант названия данного участка звучал как Гёк яйла или Гараахмет яйласы. Вскоре село разрослось, однако наши родственники всегда держались вместе и дома их были расположены по соседству в одном ряду – хатар. Интересно, что называли они себя не иначе как *керкилли*, т.е. выходцы из Керки. В «Словаре туркменских этнонимов» мы находим, что *керки* являлось частью текинского ковума *кйрт* [17. С. 77]. К тому же у приамударьинских эрсаринцев имеется род *гарамет* (усеченная форма от гараахмет) [17. С. 44]. Мы не раз упоминали, что вместе с родом Гараахмет постоянно присутствовали роды перренг и топаз. Так вот, у эрсаринцев Амударьи тоже имеется мелкое объединение перенг [17. С. 98]. Выходит, что часть текинцев, пробираясь на юг через левобережье Амударьи, действительно могли на какое-то время там задержаться. Затем они перебираются в Мервский оазис и окончательно здесь оседают, а воспоминания об их временном проживании на берегах Амударьи прочно сохранились в народной памяти.

Терминология родоплеменной структуры туркмен, как и других тюркских народов, в науке не имеет определенного порядка [17. С. 6–7]. По этой причине мы выбрали усредненный, удобный для восприятия вариант: племя – *тайпа*, колено большое – *улы тире*, колено малое – *кичи тире*, род большой – *улы уруг*, род малый – *кичи уруг*, близкородственное объединение большое – *ковум,* близкородственное объединение малое – *ковумча*. Структура рода Гараахмет, по нашему мнению, может выглядеть следующим образом:

Племя (тайпа) – *теке.*

Колено большое (улы тире) – *утамыш.*

Колено малое (кичи тире) – *сычмаз.*

Род большой (улы уруг) – *учруг (учуруг): гараахмет, перренг, топаз.*

Род малый (кичи уруг): *гараахмет.*

Близкородственное объединение большое (ковум): *биджан, кiирт (кiиртчапык), чапык, чёпедегмез, яглы.*

Близкородственное объединение малое (ковумча): *керки* (в ковуме *кiирт).*

Заключение

Такова краткая история текинского рода Гараахмет. Мы по возможности восстановили образы выдающихся личностей рода. Также нам удалось доказать, что Ораз-Яглы-хан имел не двух, а трех сыновей: Сахат-Нияз-хана, Берды-Нияз-хана и Аман-Нияз-хана. Описан образ Майлы-хана и других лиц рода Гараахмет. Сделана попытка описать историческую ситуацию того времени и понять сложные процессы, происходившие внутри рода и всего племени теке. Родоплеменная структура рода Гараахмет, характерная для всех туркменских племен, создавала тот каркас, который цементировал конструкцию общества. Подобное положение являлось базовой системой социума и было той калькой, которая объясняла поведение всего общества в той или иной исторической действительности. Выявление неординарных личностей и описание их роли в обществе позволяет правильно осмыслить их решения в реалиях того времени.

Список источников

1. Атдаев С. Туркмены Хивинского ханства в XVIII в. Казань : Российский гуманитарный научный фонд, 2010. 129 с.
2. Джикиев А. Очерки происхождения и формирования туркменского народа в эпоху Средневековья. Ашхабад : Туркменистан, 1991. 336 с.
3. Центральный государственный архив Туркмении. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7732. Л. 12–12 об.
4. Петрусевич Н.Г. Юго-восточное прибрежье Каспийского моря и дороги от него в Мерв // Записки Кавказского Отдела Императорского Российского Географического Общества. Кн. XI, вып. 1. Тифлис : Типография Главного управления наместника кавказского, 1880б. С. 123–214.
5. Rawlinson H.C. The Road to Merv // Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Series. Vol. 1, № 3 (Mar., 1879). P. 161–191.
6. Муравьёв Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Часть вторая. М. : Типография Августа Семена, 1822. 76 с.
7. Брегель Ю.Э. Хорезмские туркмены в XIX в. М. : Изд-во Вост. лит. 1961. 442 с.
8. МИТТ. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. 700 с.
9. Петрусевич Н.Г. Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии // Записки кавказского отделения Императорского русского географического общества. Книжка 11. Вып. 1. Тифлис. 1880а. С. 1–80.
10. Чарыков Н.В. Мирное завоевание Мерва. (Из воспоминаний о походе генерала А.В. Комарова в 1885 г.) // Исторический вестник. 1914. № 11. С. 486–518.
11. Записка барона Бенуа-Мешэн о Мервских туркменах 1883 г. // СМА. Вып. 6. СПб. : Военная типография, 1883. С. 122–131.
12. Артамонов Л.Г. Покорение туркмен-текинцев русскими войсками под начальством генерала Скобелева в 1880-81 гг. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. 32 с.
13. Ихсанов А.Р. Туркмены-текинцы в XVII – начале XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012. М. : Наука, 2013. С. 151–170.
14. Аннанепесов М. Хозяйство туркмен в 18–19 вв. Ашхабад : Ылым, 1972. 284 с.
15. Семенов А.А. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881–1885 гг.). По архивным данным. Ташкент, 1909 (отд. отт. из Туркестанских ведомостей, 1909. № 83–184). 122 с.
16. Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов). Ашхабад, 1960. 824 с.
17. Атаниязов С. Словарь туркменских этнонимов. Ашхабад : Ылым, 1988. 180 с.
18. Историко-культурное наследие Туркменистана. Энциклопедический словарь. Стамбул, 2000. 381 с.
19. Бёрнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы, Александром Борнсом, членом Королевского общества: [в 3 ч.]. Ч. 3. М. : Издание И.В. Голубкова в Университетской типографии, 1849. 628 с.
20. Записка о дороге из Асхабада в Мерв хорунжия 1-й конной батареи Терского казачьего войска Соколова 1882 г. // СМА. Вып. 6. СПб. : Военная типография, 1883. С. 156–199.
21. The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the 'Daily news'. Vol. II. G.P. Putnam's Sons. New York, 1883. 500 p.
22. The Russians at Merv and Herat, and their power of invading India. By Charles Marvin. London, 1883. 470 p.
23. Türkmen hanlary we serdarlary. Ensiklopediýa. 2020. Aşgabat : Ylymly. 163 s. (на туркменском языке).
24. Лессар П.М. Мервские ханы. Положение Мерва и Атека в конце 1882 года // СМА. Вып. VI. СПб., 1883. С. 62–82.
25. Абду-с-Саттар Казы. Книга рассказов о битвах текинцев: Туркменская историческая поэма XIX в. СПб. : Императорская АН, 1914. 82 с.
26. Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. : в 4 т. СПб. : Тип. В. Балашова, 1883. Т. 1. 158 с.
27. Почекаев Р.Ю. Кочевые подданные среднеазиатских ханов: особенности правового статуса в записках путешественников XIX в. // Труды Института востоковедения РАН, Вып. 7: Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры. М. : ИВ РАН, 2018. С. 215–225.
28. Ибрагимов И. Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах (Из записной книжки) // Военный сборник. 1874. Т. 98, № 9. С. 133–163.
29. Сапаров М. «Дженг-е-Мерв» как персидский источник по изучению истории Южного Туркменистана середины XIX в. Ашхабад : Ылым, 1990. 63 с.
30. Быков А. Теке-Мерва. Ташкент. 1879. Отдельный оттиск. 28 с. URL: http://ts.manas.edu.kg (дата обращения: 09.03.2019).
31. Алиханов-Аварский М. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883. 108 с.

32. Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания. 1881–1885 // Вестник Европы. СПб., 1904. № 9. С. 73–125.
33. Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М. : Восточная литература, 1960. 240 с.
34. Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. Ашхабад : Туркмен. гос. изд-во, 1946. 327 с.
35. Прасалов В. Мургабский поход 1885 г., завершившийся боем с авганцами на Кушке 18 марта. СПб. : Военная типография, 1910. 168 с.
36. Арминий Вамбери. Путешествие по Средней Азии. М. : Восточная литература, 2003. 175 с.
37. Обзор Закаспийской области. За 1891 год. Асхабад : Типография Штаба Закаспийской области, 1893.
38. Обзор Закаспийской области за 1900 год. Асхабад : Типография Штаба Закаспийской области, 1902.
39. Куропаткин А. Туркмения и туркмены. СПб. : Тип. В.А. Полетики, 1879. 57 с.
40. Гладышев П.И. Заметки об Атеке и Кара-Куме // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1883. Т. 8, № 1. С. 109–127.
41. А.Р. Письма англичанина из Мерва // Военный сборник. 1881. № 11. С. 176–206.
42. Stewarts C.E. The Country of the Tekke Turkomans, and the Tejend and Murghab Rivers // Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Series. Sep. 1881. Vol. 3, № 9. P. 513–546.
43. Русинов В.В. Водоземельные отношения и община у туркмен // Труды Туркестанского статистико-экономического общества. Ташкент, 1918. Вып. I. 55 с.
44. Карелин Г.С. Путешествия Г.С. Карелина по Каспийскому морю. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1883. VI. 497 с.

References

1. Atdaev, S. (2010) *Turkmeny Khivinskogo khanstva v XVIII v.* [Turkmens of the Khiva Khanate in the 18th century]. Kazan: Rossiyskiy gumanitarnyy nauchnyy fond.
2. Dzhikiev, A. (1991) *Ocherki proiskhozhdeniya i formirovaniya turkmenskogo naroda v epokhu Srednevekov'ya* [Essays on the origin and formation of the Turkmen people in the Middle Ages]. Ashgabat: Turkmenistan.
3. Central State Archive of Turkmenistan. Fund 1. List 2. File 7732. L. 12–12 rev.
4. Petrusevich, N.G. (1880a) Yugo-vostochnoe pribrezh'e Kaspiyskogo morya i dorogi ot nego v Merv [South-Eastern coast of the Caspian Sea and roads from it to Merv]. In: *Zapiski Kavkazskogo Otdela Imperatorskogo Rossiyskogo Geograficheskogo Obshchestva* [Notes of the Caucasus Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Book XI, Vol. 1. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo. pp. 123–214.
5. Rawlinson, H.C. (1879) The Road to Merv. *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography.* New Monthly Series. 1 (3) (Mar.). pp. 161–191.
6. Murav'ev, N. (1822) *Puteshestvie v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh gvardeyskogo general'nogo shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov* [Journey to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820 of Nikolai Muravyov, the Captain of the Guards General Staff, sent to these countries for negotiations]. Part 2. Moscow: Tipografiya Avgusta Semena.
7. Bregel', Yu.E. (1961) *Khorezmskie turkmeny v XIX v.* [Khorezm Turkmens in the 19th century]. Moscow: Izd-vo Vost. lit.
8. Struve, V.V. & Borovkov, A.K. (1938) *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii* [Materials on the history of Turkmens and Turkmenistan]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
9. Petrusevich, N.G. (1880b) Turkmeny mezhdu starym ruslom Amu-Dar'i (Uzboem) i severnymi okrainami Persii [Turkmens between the old channel of the Amu Darya (Uzboy) and the northern outskirts of Persia]. In: *Zapiski kavkazskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Caucasus Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. Book 11. Vol. 1. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo. pp. 1–80.
10. Charykov, N.V. (1914) Mirnoe zavoevanie Merva. (Iz vospominaniy o pokhode generala A.V. Komarova v 1885 g.) [Peaceful conquest of Merv. (From the memoirs of the campaign of General A.V. Komarov in 1885)]. *Istoricheskiy vestnik*. 11. pp. 486–518.
11. *SMA*. (1883) Zapiska barona Benua-Meshen o Mervskikh turkmenakh 1883 g. [Note of Baron Benois-Meshen about the Merv Turkmens, 1883]. Vol. 6. St. Petersburg: Voennaya tipografiya. pp. 122–131.
12. Artamonov, L.G. (1884) *Pokorenie turkmen-tekintsev russkimi voyskami pod nachal'stvom generala Skobeleva v 1880–81 gg.* [The conquest of the Turkmen-Tekins by Russian troops under the command of General Skobelev in 1880–81]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
13. Ikhsanov, A.R. (2013) Turkmeny-tekintsy v XVII – nachale XVIII v. [Turkmen-Tekins in the 17th – early 18th centuries]. In: *Tyurkologicheskiy sbornik 2011–2012* [Turkological collection of 2011–2012]. Moscow: Nauka. pp. 151–170.
14. Annanepesov, M. (1972) *Khozyaystvo turkmen v 18–19 vv.* [Economy of Turkmens in the 18th–19th centuries]. Ashgabat: Ylym.
15. Semenov, A.A. (1909) Ocherki iz istorii prisoedineniya vol'noy Turkmenii (1881–1885 gg.). Po arkhivnym dannym [Essays from the history of the acquisition of free Turkmenistan (1881–1885). According to archival data]. From *Turkestanskie vedomosti.* 83–184.
16. Prisoedinenie Turkmenii k Rossii (sbornik arkhivnykh dokumentov) [Turkmenistan's becoming a subject of Russia (collection of archival documents)]. Ashgabat:.
17. Ataniyazov, S. (1988) *Slovar' turkmenskikh etnonimov* [Dictionary of Turkmen ethnonyms]. Ashgabat: Ylym.
18. Gundogdyev, O.A. & Muradov, R.G. (2000) *Istoriko-kul'turnoe nasledie Turkmenistana. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Historical and cultural heritage of Turkmenistan. Encyclopedic Dictionary]. Istanbul: UNDP.
19. Berns, A. (1849) *Puteshestvie v Bukharu: rasskaz o plavanii po Indu ot morya do Lagora s podarkami velikobritanskogo korolya i otchet o puteshestvii iz Indii v Kabul, Tatariyu i Persiyu, predprinyatom po predpisaniyu vysshego pravitel'stva Indii v 1831, 1832 i 1833 godakh leytenantom Ost-Indskoy kompaneyskoy sluzhby, Aleksandrom Bornsom, chlenom Korolevskogo obshchestva: [v 3 ch.]* [A journey to Bukhara: a story about a voyage along the Indus from the sea to Lagor with gifts from the British king and an account of the journey from India to Kabul, Tartary and Persia, undertaken by order of the supreme government of India in 1831, 1832 and 1833 by Alexander Bornes, F.R.S., lieutenant of the East India Company: [in 3 parts]]. Part 3. Moscow: Izdanie I.V. Golubkova v Universitetskoy tipografii.
20. *SMA*. (1883) Zapiska o doroge iz Askhabada v Merv khorunzhiya 1-y konnoy batarei Terskogo kazach'ego voyska Sokolova 1882 g. [Note on the road from Ashgabat to Merv by the cornet of the 1st horse battery of the Terek Cossack Army Sokolov, 1882]. Vol. 6. St. Petersburg: Voennaya tipografiya. pp. 156–199.
21. O'Donovan, E. (1883) *The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81, including five months' residence among the Tekkés of Merv*. Vol. II. New York: G.P. Putnam's Sons.
22. Marvin, Ch. (1883) *The Russians at Merv and Herat, and their power of invading India*.London: W.H. Allen & Co.
23. Ylymly. (2020) *Türkmen hanlary we serdarlary. Ensiklopediýa*. Aşgabat: Ylymly. (In Turkmen).
24. Lessar, P.M. (1883) Mervskie khany. Polozhenie Merva i Ateka v kontse 1882 goda [Merv khans. The position of Merv and Atek at the end of 1882]. *SMA*. VI. pp. 62–82.
25. Abdu-s-Sattar Kazy. (1914) *Kniga rasskazov o bitvakh tekintsev: Turkmenskaya istoricheskaya poema XIX v.* [Book of stories about the battles of the Tekins: Turkmen historical poem of the 19th century]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
26. Grodekov, N.I. (1883) *Voyna v Turkmenii. Pokhod Skobeleva v 1880–1881 gg.: v 4 t.* [War in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880–1881: in 4 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. V. Balashova.

27. Pochekaev, R.Yu. (2018) Kochevye poddannye sredneaziatskikh khanov: osobennosti pravovogo statusa v zapiskakh puteshestvennikov XIX v. [Nomadic subjects of the Central Asian khans: features of the legal status in the notes of travelers of the 19th century]. In: *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 7. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 215–225.
28. Ibragimov, I. (1874) Nekotorye zametki o khivinskikh turkmenakh i kirgizakh (Iz zapisnoy knizhki) [Some notes about Khiva Turkmen and Kirghiz peoples (From a notebook)]. *Voennyy sbornik.* 98 (9). pp. 133–163.
29. Saparov, M. (1990) "*Dzheng-e-Merv" kak persidskiy istochnik po izucheniyu istorii Yuzhnogo Turkmenistana serediny XIX v.* ["Jeng-e-Merv" as a Persian source for the study of the history of Southern Turkmenistan in the middle of the 19th century]. Ashgabat: Ylym.
30. Bykov, A. (1879) *Teke-Merva.* Tashkent. [Online] Available from: http://ts.manas.edu.kg (Accessed: 09.03.2019).
31. Alikhanov-Avarskiy, M. (1883) *Mervskiy oazis i dorogi, vedushchie k nemu* [Merv oasis and roads leading to it]. St. Petersburg.
32. Alikhanov-Avarskiy, M. (1904) Zakaspiyskie vospominaniya. 1881–1885 [Transcaspian memories. 1881–1885]. *Vestnik Evropy*. 9. pp. 73–125.
33. Tikhomirov, M.N. (1960) *Prisoedinenie Merva k Rossii* [Merv's becoming a subject of Russia]. Moscow: Vostochnaya literatura.
34. Anon. (1946) *Rossiya i Turkmeniya v XIX veke. K vkhozhdeniyu Turkmenii v sostav Rossii* [Russia and Turkmenistan in the 19th century. On Turkmenistan's becoming a subject of Russia]. Ashgabat: Turkmen. gos. izd-vo.
35. Prasalov, V. (1910) *Murgabskiy pokhod 1885 g., zavershivshiysya boem s avgantsami na Kushke 18 marta* [The Murgab campaign of 1885, which ended in a battle with the Afghans on the Kushka River on March 18]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
36. Vambery, A. (2003) *Puteshestvie po Sredney Azii* [Journey through Central Asia]. Moscow: Vostochnaya literatura.
37. Anon. (1893) *Obzor Zakaspiyskoy oblasti. Za 1891 god* [Overview of Transcaspian Oblast for 1891]. Askhabad: Tipografiya Shtaba Zakaspiyskoy oblasti.
38. Anon. (1902) *Obzor Zakaspiyskoy oblasti za 1900 god* [Overview of Transcaspian Oblast for 1900]. Askhabad: Tipografiya Shtaba Zakaspiyskoy oblasti.
39. Kuropatkin, A. (1879) *Turkmeniya i turkmeny* [Turkmenistan and Turkmens]. St. Petersburg: Tip. V.A. Poletiki.
40. Gladyshev, P.I. (1883) Zametki ob Ateke i Kara-Kume [Notes on Atek and Kara-Kum]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva.* 8 (1). pp. 109–127.
41. A.R. (1881) Pis'ma anglichanina iz Merva [Letters from an Englishman from Merv]. *Voennyy sbornik*. 11. pp. 176–206.
42. Stewarts, C.E. (1881) The Country of the Tekke Turkomans, and the Tejend and Murghab Rivers. *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography.* New Monthly Series. Sep. 3 (9). pp. 513–546.
43. Rusinov, V.V. (1918) Vodozemel'nye otnosheniya i obshchina u turkmen [Water and land relations and the community among the Turkmen]. In: *Trudy Turkestanskogo statistiko-ekonomicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography]. Vol. 1 Tashkent: [s.n.].
44. Karelin, G.S. (1883) *Puteshestviya G.S. Karelina po Kaspiyskomu moryu* [G.S. Karelin's trip on the Caspian Sea]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Информация об авторе:
Атдаев С.Д. – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Академии наук Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан). E-mail: serdar63atdayev@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
S.J. Atdaev, Cand. Sci. (History), leading research fellow, Institute of History and Archaeology, Academy of Sciences of Turkmenistan (Ashgabat, Turkmenistan). E-mail: serdar63atdayev@gmail.com, serdar-atdayev@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.01.2023;
одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 07.01.2023;
approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 94+008
doi: 10.17223/15617793/486/12

Образование Бурят-Монгольской автономии ДВР: реализация проекта этнонации

Марина Намжиловна Балдано [1], Павел Кондратьевич Варнавский [2]

[1, 2] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия
[1] histmar@mail.ru
[2] wpk1@mail.ru

Аннотация. Анализируется процесс формирования идеи бурятской автономии и ее последующей реализации в границах Дальневосточной республики (ДВР). Рассмотрен процесс активизации национального движения бурят в 1917–1921 гг. Произведена концептуализация идеи бурятской автономии, сформулированной интеллектуально-властной элитой. Исследована практика нациестроительства на примере БМАО ДВР, изучены функции этничности в этом процессе.

Ключевые слова: бурятская интеллектуальная элита, национальная автономия, нациестроительство, этничность, инструментализм

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5).

Для цитирования: Балдано М.Н., Варнавский П.К. Образование Бурят-Монгольской автономии ДВР: реализация проекта этнонации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 114–123. doi: 10.17223/15617793/486/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/12

Formation of the Buryat-Mongol Autonomy of the Far Eastern Republic: Implementation of the ethnic nation project

Marina N. Baldano[1], Pavel K. Varnavskiy [2]

[1, 2] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation
[1] histmar@mail.ru
[2] wpk1@mail.ru

Abstract. The study aims to analyze the formation of the idea of the Buryat Autonomy and its subsequent realization within the boundaries of the Far Eastern Republic (FER). The following objectives were reached: (1) the activation of the national movement in Buryatia in 1917–1921 was considered; (2) the idea of the Buryat Autonomy formulated by intellectual power elite was conceptualized; (3) the practice of nation building on the example of the Buryat-Mongol Autonomous Oblast of FER was investigated; (4) the function of ethnicity in this process was studied. Materials of the State Archive of the Republic of Buryatia, works of the Buryat national movement leaders and the leaders of the Buryat-Mongolian ASSR are the sources of the research. The methodology of this study is based on the complex use of structural semiological methods and the theory of social constructivism, which allow considering identification discourse and practices as a set of skills for the symbolic use of group affiliation signs, and various forms of identities are understood as the result of social construction processes. The main problem is the study of ethnicity as a sociocultural and political concept that exerted a decisive influence on the theory and practice of nation building. The study showed that in Buryatia in the first quarter of the 20th century the idea of political self-determination was actualized, as well as its political component in the construction of ethnicity. During the Civil War, Burnatskom (Buryat National Committee) accelerated the process of building the autonomy. With the establishment of Soviet power, Burnatskom's activities were reduced to their formal recognition and imitation of the Soviet form of control for the Buryats. With the fall of the Soviets in the summer of 1918, Burnatskom adopted the policy of a formal recognition of the authority of Kolchak and Semyonov, while continuing to organize the national autonomy. Buryat nationalists were engaged in building the autonomy for more than a year and a half – from March 1920 to November 1921, that is, until they were overthrown by the Bolsheviks. As a result of the study, the following conclusions were made: (1) the concept of national state building was a project of designing a political ethnonation; (2) its realization in practice related to Burnaktskom's activities to create the Buryat-Mongol Autonomous Oblast of

© Балдано М.Н., Варнавский П.К., 2023

FER; (3) the national autonomy was seen as a “natural” consequence stemming from the real existence of the Buryat ethno-cultural community; (4) ethnicity clearly demonstrated its instrumental character.

Keywords: Buryat intellectual elite, national autonomy, nation-building, ethnicity, instrumentalism

Financial support: The article was prepared within the framework of the state assignment, Project No. 121031000243-5.

***For citation*:** Baldano, M.N. & Varnavskiy, P.K. (2023) Formation of the Buryat-Mongol Autonomy of the Far Eastern Republic: Implementation of the ethnic nation project. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 114–123. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/12

Введение

Процессы модернизации и капитализации, активизировавшиеся в Российском государстве на рубеже XIX–XX вв. и выражавшиеся, в частности, в политике центральной власти, направленной на унификацию социального пространства империи, имели своим следствием актуализацию этнонациональной проблематики на ее окраинах. Бурятия не была исключением, в это время здесь возникло национальное движение бурят. Вплоть до 1920–1921 гг. лидерами этого движения были представители национальной интеллигенции, которые в его рамках создали разные модели этнической идентичности бурят и предполагали различные сценарии этнополитического самоопределения [1. С. 99–108]. Именно в этот период возникла и оформилась идея бурятской автономии, идея, оказавшая значительное влияние на процессы нациестроительства не только в бурные годы Февральской революции и Гражданской войны, но и позже, в период ранней советской власти и создания Бурят-Монгольской АССР [2. С. 149–177]. В нашей статье мы проследим, как формировалась и что представляла собой идея бурятской автономии, и рассмотрим, каким образом эта идея реализовывалась в социально-политической практике.

Концептуализация

Бурятское национальное движение, возникшее в начале XX в., с новой силой активизировалось после революционных событий 1917 г. При обсуждении проблем общественного устройства в риторике интеллигенции актуализировалась и стала лидирующей тема традиционного, «коммунистически организованного быта бурят». Эту тему впервые поднял Ц. Жамцарано, который говорил о «коммунистическом характере быта, вытекающим из родового сознания и племенной солидарности» [3. С. 170]. Так, Э.-Д. Ринчино, продолжая традицию «народников» начала века, в обосновании не только необходимости, но и способности бурят распоряжаться своей судьбой апеллирует к традиционной культуре, в рамках которой были выработаны принципы управления обществом, например, в обычном праве: «…инородческий волостной суд – обычное право бурят, которое в вопросах семейственного и брачного права оставило далеко за собою современное русское гражданское право» [4. С. 51]. Автор характеризует инородческий суд как «резко отличающийся от крестьянского волостного суда, как своими традициями и широкой компетенцией, так и известным, сравнительно, совершенством материального права по определенным вопросам и приспособленностью к быту и культуре инородцев» [4. С. 52], что созвучно высказываемому прежде тезису Ц. Жамцарано.

Политическая ситуация конца 1910-х – начала 1920-х гг. XX в. с ее нестабильностью власти позволяла бурятским лидерам постоянно корректировать моделирование дискурса национально-культурного возрождения, в котором наивысшей ценностью стала наделяться парадигма *бурят-монголы*. У Э.-Д. Ринчино появился мотив «единоверной и единокровной Монголии» [4. С. 107]. Одновременно российская идентичность не только уходила на задний план, но и приобретала негативную валентность, получила статус *чужого*. Для Б. Барадина основой «консолидации бурят-монгольской национальности и ее национально-этнической культуры» [5. С. 4] служило осознание бурятами своей общности с монголами. При этом именно национально-этническая культура объявляется основой возрождения, особенно после распространения буддизма, что содействовало развитию тибетской и монгольской грамотности. «Появляется сильная духовная интеллигенция в лице даровитых лам, ученых и проповедников, как-то: камбо Заяев, Чойданов, Дылгыров, Тугулдуров, Номтоев и др. Дацаны превращаются не только в национальные культурно-просветительные центры, но и в общественно-политические центры для тайных совещаний лам, ноёнов и населения по борьбе с обрусительной политикой царского правительства» [5. С. 13].

Акцентирование внимания на этнокультурной специфике бурят в условиях крайней политизации общественной жизни и максимального ослабления центральной власти стимулировало, в свою очередь, и политизацию этничности. Не случайно призывы к национальному самоопределению, озвученные в 1905–1906 гг., затем, после февраля 1917 г., в условиях общего революционного подъема приобрели более четкую форму движения за национальную автономию. По словам Э.-Д. Ринчино, «бурят-монголы как нация ещё в эпоху революции 1905 года выявили свою волю в смысле требования автономного управления, и эта воля и желание всего бурят-монгольского народа, его трудового большинства, была выражена уже более определённым образом с самого начала великой русской революции...» [4. С. 81].

Действительно, состоявшиеся в 1917 г. многочисленные совещания и съезды начали дружно выдвигать

этатистские по своему содержанию требования о предоставлении бурятам автономии. Появились предложения «добиваться национальной автономии с учреждением сейма с законодательными функциями по вопросам гражданских взаимоотношений, земельным, народного образования, по вопросам религиозным; причем эта автономия должна распространяться *и на забайкальских, и иркутских бурят*» (здесь и далее в цитатах курсив наш. – *М.Б., П.В.*) [6. С. 7–8]. Выдвигались требования «установления федеративно-демократической республики на автономных началах», обеспечивающей «основными законами государства права меньшинств на широкое самоопределение» [6. С. 14]. Подчеркивалась необходимость правового закрепления исконной территории, прекращения всех землеустроительных и переселенческих работ, упразднения любой административной опеки над бурятами.

Таким образом, наиболее злободневным становился вопрос о форме и характере национальной автономии бурят. Его горячо обсуждали на совещаниях, на уездных, а затем и на общебурятских съездах 1917 г. Съезд представителей 11 родов хоринских бурят нашел «крайне необходимым... обратиться к правительству с петицией от лица всех бурят о немедленном восстановлении особым актом национальной автономии бурят с учреждением постоянно функционирующего выборного общенационального бурятского собрания.., которое и должно заняться немедленно реформированием управления и суда бурят на началах широкого демократизма и народовластия» [7. С. 155].

Общее декларативное решение об автономии было принято и съездом бурят Агинского аймака, высказавшимся за «установление местного самоуправления на широких демократических началах», и заявившим «о необходимости установления бурятской национальной автономии в области внутреннего законодательства, суда, администрации, народного здравия, ветеринарии, школы, охраны порядка, духовной и материальной культуры, с правом пропорционального участия в государственном и местном бюджетах» [8].

Съезд иркутских бурят обратил особое внимание на то, чтобы «автономия распространялась на всех бурят, не исключая казаков и тунгусов, говорящих на монголо-бурятском языке, если они пожелают присоединиться к требованию национальной автономии» [7. С. 156].

Особый интерес представляют материалы схода бурят-казаков Гильбиринского урочища, Янгажинской станицы (Селенгинский район), который состоялся в апреле 1917 г. Участники схода постановили обсудить на предстоящих съездах решение о том, что буряты-казаки будут исключены из казачьего сословия и «присоединены» (т.е. приравнены) к остальному бурятскому населению. В постановлении указывались причины, толкавшие бурят-казаков на изменение своего статуса: «Наши религиозные и бытовые, а также и экономические условия жизни одинаковы с остальными нашими сородичами, бурятами Забайкальской области, и деление нас на два сословия… создано *помимо нашего желания* старым правительством. При отмене всех сословных, национальных и вероисповедных ограничений мы, буряты, *получили возможность определить себя как нация*, как бурятская народность. Поэтому мы должны отстоять за собой *право на свое самостоятельное культурное возрождение и право на самостоятельное устройство своей хозяйственной жизни в местном самоуправлении и самим заботиться о своем бурятском материальном и нравственном благосостоянии…*» [9. С. 6].

Приведенные материалы демонстрируют, что в условиях крайней политизации общественной жизни для бурят особо актуальной становится идея политического самоопределения, в связи с чем при конструировании этнической идентичности в первую очередь актуализируется ее этнополитическая составляющая, а мобилизованная этничность приобретает преимущественное значение. Можно утверждать, что собственная этничность не воспринималась населением ущемленной со стороны государства только в том случае, если ей сопутствовала соответствующая административно-управленческая система.

В усилении этатистских настроений среди населения бурятская интеллектуальная элита увидела практическую возможность реализации программы национально-культурного возрождения и активно включилась в процесс национально-государственного и культурного строительства. Председатель созданного незадолго до первого общебурятского съезда Временного Бурятского национального комитета М.Н. Богданов на основе постановлений и наказов, поступавших с мест, составил проект бурятской национальной автономии. Он предусматривал «этнополитическое структурно-организационное объединение всех бурят без включения в состав органов управления представителей других национальностей» [10. С. 15]. «В области национальной автономии, – указывалось в этом проекте, – буряты Иркутской губернии и Забайкальской области объединяются в одно целое. Основной территориальной единицей этой автономии является обособленная земельная единица (сомон), которая, объединяясь с соседними, организуется в хошун, а хошуны, объединяясь, организуют аймак. Верховным органом бурятской национальной автономии, объединяющим все части бурятского народа в одно целое, является Бурятская Национальная Дума…» [11].

Проект Богданова был рассмотрен на первом общебурятском съезде (Чита, 23–25 апреля 1917 г.), где он с некоторыми изменениями был назван «Статутом о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии» [12]. А в октябре 1917 г. в Верхнеудинске на III общебурятском съезде он был утвержден. Был также создан единый верховный орган власти – Центральный Бурятский национальный комитет [13]. Представители Бурнацкома подчеркнули свое отрицательное отношение к смешанным уездным земским организациям, так как считали, что они со своим русским большинством не дадут бурятам возможности в полной мере отстаивать собственные национальные интересы: «…при обособлении в аймаки контингент интеллигентных работни-

ков сможет вести земскую работу, не осложняемую и не затрудняемую национальной борьбой, которая неизбежна в смешанных уездных земствах» [4. С. 71].

Как уже отмечалось, «Статут» предусматривал объединение бурят Забайкальской области и Иркутской губернии в одно целое и их выделение в самостоятельную административно-территориальную единицу. Высшими органами управления, «ведающими культурно-национальной жизнью бурят-монголов... и выражающими волю всего народа», были объявлены общенациональный съезд, национальный совет и центральный национальный комитет [6. С. 15]. Они создавались «на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования» [9. С. 33].

Главной задачей создаваемых органов являлась «организация и объединение народных масс на почве общенациональных интересов» и «разработка вопросов, касающихся культурно-национального, правового и экономического возрождения народа», а также «представительство и защита национальных... интересов народа в... центральных правительственных и общественных учреждениях» [6. С. 16]. Аймаки, хошуны и сомоны строились по принципу земства и назывались земскими управами. Предусматривалось, что «аймачное земство обладает всеми правами уездного земства и имеет все соответствующие уездные земские учреждения для заведывания отдельными отраслями земского хозяйства...» [7. С. 161].

В 1918–1919 гг. в условиях максимально обострившейся гражданской войны политика Бурнацкома заключалась в форсировании процесса строительства автономии и в стремлении пресечь попытки грубого вмешательства в него как со стороны большевистских Советов, так и со стороны колчаковского правительства. Когда в Сибири установилась советская власть, деятельность Бурнацкома свелась к ее формальному признанию и имитации введения советской формы управления у бурятского населения. Политика Бурнацкома свидетельствовала о том, что он, по словам Хаптаева, «отнюдь не стремился к советизации аймаков и хошунов» [7. С. 309] и, надо признать, преуспел в этом, сумев «сохранить автономию и найти свое место в системе советских органов власти» [14. С. 107–108].

С падением Советов летом 1918 г. Бурнацком перешел к политике формального признания Колчака и Семенова. Путем лавирования и компромиссов с новой властью он стремился форсировать создание национальной автономии. В новых условиях Бурнацком, переименованный на ноябрьском съезде в Бурнардуму, «стремился использовать любые средства и любые правящие режимы для достижения главной цели – создания бурятской автономии» [14. С. 124].

К 1919 г. был достигнут определенный рубеж в строительстве национальной автономии. На обособленной территории бурятских ведомств около двух лет действовали под руководством Бурнацкома органы национального самоуправления. Эти органы были признаны советской властью в 1918 г., а затем и правительством Забайкальской области атамана Семенова как органы самоуправления бурятского народа. Бурнацком, как отмечает В.В. Бабаков, «организовал и объединил бурятский народ на почве общенациональных интересов; разработал вопросы, касающиеся культурно-национального, правового и экономического возрождения …представлял и защищал национальные интересы народа в местных и центральных правительственных и общественных учреждениях» [15. С. 80]. Анализ решений национальных съездов, деятельности Бурнацкома позволяют заключить, что бурятские националисты упорно добивались создания такой автономии, которая не только объединяла бы все бурятское население Иркутской губернии и Забайкалья, но и обладала бы строго очерченной территорией, в границах которой органы самоуправления имели весьма широкую юрисдикцию. Бурнацком занимался не только и не столько проблемами национальной культуры, но и стремился установить контроль органов самоуправления в сфере экономики (в частности, М.Н. Богданов разрабатывал проект земельной реформы, а Э.-Д. Ринчино – налоговой [14. С. 104]).

Проблема автономного бурятского самоуправления нашла отражение в ревитализации идей о значительном отличии бурят от русского населения и необходимости организации иной социально-политической структуры, отличной от общероссийской, что могло бы способствовать сохранению традиционного бурятского общества. И в этом контексте следует отметить одну характерную черту послереволюционного периода, кардинально отличавшую его от предыдущего этапа, – возрастание *негативной оценки России и русских*.

Если в сентябре 1917 г. Э.-Д. Ринчино, оценивая работу Бурнацкома, писал: «Национальный комитет верен русской революции и разделит ее победу или поражение, ибо спасение монголо-бурятов как нации и народности, только в революции, в ее победе… Вымирание народа, его угасание прекратит лишь свободный и здоровый режим трудовой федеративно-демократической республики Российской» [4. С. 104], оценивая перспективы развития бурят только в общероссийском контексте, то в 1918 г. он больше подчеркивает негативные черты русско-монгольского взаимодействия: «Борьба с вымиранием инородцев, конечно, ляжет всей тяжестью на организующиеся ныне органы земства и главным образом на уездные земства. И эта борьба будет тогда лишь плодотворной, когда за нее возьмутся сами инородцы, организованные в отдельные уездные (аймачные) земства. Смешанные уездные земства с русско-крестьянским большинством никогда с этой задачей не справятся… при тех слишком ненормальных взаимоотношениях, которые существуют между русским и инородческим населением Сибири» [4. С. 45]. Автор объясняет справедливость требования восстановления бурятского самоуправления: «Бурят-монголы, настаивая на создании аймачного земства, ничего не требуют, а требуют лишь в форме земских учреждений восстановления их национального самоуправления, уничтоженного насильственно, путем применения репрессий, самодержавным правительством Плеве» [4. С. 53].

Самой характерной чертой стала политизация этничности. Фактически национальное движение развивалось в направлении *повышения политического статуса бурят*. Более того, правомерно говорить о том, что лидеры национального движения одной из главных своих задач считали реализацию идеи этногосударства, иными словами, они последовательно стремились к соединению бурятской этничности и государственности. Ведь создание собственной «национальной» политической структуры представляет собой действенный «способ защитить этнос от культурной ассимиляции и создать условия для его дальнейшего самобытного развития» [16. С. 27].

Можно с полной уверенностью говорить, что на данном этапе бурятская этничность отчетливо проявлялась «как политическая организация со специально разработанной политической стратегией, с вполне прагматической целью расширить доступ для носителей своей *этничности* к естественным ресурсам, источникам материальных, социальных и духовных благ, контролируемых неэтническими, например, государственными структурами. Предельные цели мобилизованной этничности или, говоря другими словами, ее горизонты простираются до создания моноэтнического государства…» [17. С. 21–22].

Реализация

Реализация на практике разработанной бурятскими националистами концепции национально-государственного строительства, но уже в границах только бурятского этноса, связана с их деятельностью по созданию Бурят-Монгольской автономной области ДВР. К марту 1920 г. Иркутская губерния и часть Забайкалья были полностью освобождены от колчаковских войск, летом произошло окончательное восстановление советской власти, а в октябре была образована Дальневосточная республика (ДВР). С этого времени начинается новый этап в автономистском движении бурят, для которого характерным стало территориальное разделение: четыре аймака с бурятским населением Иркутской губернии вошли в состав РСФСР, а четыре аймака Восточного Забайкалья – в ДВР.

Бурятские националисты занимались строительством автономии более полутора лет – с марта 1920 по ноябрь 1921 г. – до тех пор, пока их не оттеснили от власти бурятские большевики. На протяжении этого времени они исходили из концепции построения автономии, которая была выработана в 1917 г. в ходе проведения общенациональных бурятских съездов, а их практика «огосударствления» этничности основывалась на идеях моделирования границ этнического, сформулированных на предыдущем этапе движения за национально-культурное возрождение бурят. Это позволяет считать их действия по строительству Бурят-Монгольской области ДВР прямым продолжением политики Бурнацкома образца 1917–1919 гг.

Основные положения национально-государственного строительства четко были сформулированы в решениях Верхнеудинского съезда представителей бурятского населения Хоринского, Селенгинского и Баргузинского аймаков (23 мая – 3 июня 1920 г.) и в конституции ДВР (утверждена учредительным собранием в апреле 1921 г.). Кроме того, представляется бесспорным факт немалого влияния на практику национально-государственного строительства Э.-Д. Ринчино, который в нескольких статьях поднял наиболее актуальные проблемы бурятской автономии. Как опытный политик Э.-Д. Ринчино к этому времени понял, что борьба за власть в России подходит к завершению и что победу в этой борьбе одерживают коммунисты. Из последовательного панмонголиста, который считал, что в лице этнографической Монголии «мы имеем народ и страну, которые сохранили все необходимые и основные элементы для образования национального государства, все предпосылки для практического осуществления принципа национального самоопределения» [19. С. 8] он превращается в активного строителя национального бурятского государства. Поэтому он попытался обосновать идею бурятской автономии в новых исторических условиях на языке, понятном новой власти.

Необходимость предоставления национальной автономии Ринчино связывает с интересами внешней политики Советской России и развитием мировой революции в странах Азии. «Инородческий вопрос в Сибири, – пишет он, – ввиду его специфических особенностей, приобретает особо важное значение. ...Победа революционной России над мировой реакцией и крушение капиталистического строя зависят в значительной степени от взрыва революционного пожара в мировом масштабе. С этой точки зрения особенно чрезвычайно важное значение имеет возникновение революционной бури в Центральной Азии и на Дальнем Востоке...» [4. С. 86]. Э.-Д. Ринчино подчеркивает, что для успеха экспорта революции на Восток «немаловажное значение будет иметь то или иное разрешение инородческой проблемы в Сибири в качестве иллюстрации искренности заверений и политики Советской России... Все работы об улучшении положения инородцев... в силу общности языка, письменности и единства культуры инородческих народностей Сибири с народами Азии будут немедленно просачиваться за границу и вызывать соответствующие результаты...» [4]. Как видно, для того чтобы убедить большевистское руководство в необходимости предоставления бурятам «национальной» государственности, Э.-Д. Ринчино упирал на политическую целесообразность и прагматичность. Иными словами, он подталкивал большевиков к эксплуатации этничности для достижения политических целей, т.е. относился к этничности с позиций инструментализма. В то же время он стремился к тому, чтобы большевики хотя бы частично признали легитимность тех общностей, которые были актуализированы бурятской интеллигенцией в ходе движения за национально-культурное возрождение.

Далее Э.-Д. Ринчино рассматривает проблему раздробленности и отдаленности друг от друга территорий, на которых проживают буряты. Считая это обстоятельство серьезным препятствием на пути обра-

зования автономии, он, тем не менее, убежден, что «центральной власти придется принять ряд мер, чтобы уничтожить это гибельное для и без того плохо чувствующего себя маленького народа распыление, которое не имеет никого оправдания, основания...» [4. С. 191]. «Чересполосные уезды представляют ряд неудобств в административном отношении, но русификация и вымирание также чрезвычайно неудобны», – подчеркивает Ринчино [4. С. 61].

В статье «Инородческий вопрос и задачи советского строительства в Сибири», Ринчино излагает свою позицию в вопросе о политических формах бурятской автономии. «Прежде всего, следует... считаться с тем, как мыслят сами бурят-монгольские массы... устроение своей судьбы», – подчеркивает автор [4. С. 189]. В докладной записке «Народному комиссару по делам национальностей РСФСР товарищу Каменскому», написанной Ринчино в 1920 г., автор предлагает свой вариант решения данного вопроса: «1) объединение всех бурят-монголов в одно целое и предоставление им автономии; 2) высший исполнительный орган Бурят-Монголии подчиняется непосредственно центральному правительству через Нацком и имеет право сношений и представительства в Монголии, Тибете и других родственных буддийских странах по делам культурно-национальным, религиозным и экономическим; 3) представительный и законодательный орган Бурят-Монголии обладает правом законодательства по культурно-национальным и местным делам и правом внесения корректив в законодательные акты центральной власти сообразно местным особенностям быта и жизни» [4. С. 189–190].

Достаточно очевидно, что претензии Э.-Д. Ринчино на высокий политический статус бурятской автономии обосновывались не только внешнеполитической целесообразностью, но и, в большей степени, фактом этнокультурной самобытности бурят. В его размышлениях имплицитно заключена мысль о том, что именно бытовые и культурно-религиозные особенности бурят с необходимостью требуют политической институциализации статуса бурятского самоуправления. Вообще эта мысль была характерной для большинства лидеров национального движения. Так, в программе общества национального культурно-политического самоопределения бурятского народа (Бурнацкульт), созданного под руководством Б.Б. Барадина после образования Дальневосточной республики, ставилась задача национально-культурного возрождения бурятского народа, выражавшаяся «в полном развитии творческого духа народа в области создания культурных ценностей национального и общечеловеческого значения» [18. С. 11]. Для этого предполагалось оказывать «всемерное содействие к политическому самоопределению бурят-монгольского народа на основе завоевания единства национальной территории и полной политической независимости…» [18. С. 14].

Сохранение аймаков и хошунов как национальных административно-территориальных единиц рассматривалось бурятскими националистами в качестве «основного условия свободного существования бурят» [20. С. 67]. «Для нас, бурят-монголов Восточной Сибири, – говорилось, например, в постановлении съезда представителей бурятского населения Хоринского, Селенгинского и Баргузинского аймаков, – сохранение и укрепление ныне существующих национальных организаций настолько дороги и ценны, что без них немыслимо дальнейшее бытие и свободное наше существование...» [21]. А образованный на съезде Бурнарревком в одном из обращений к бурятскому народу подчеркивал, что «ставит своей святой задачей сохранение, укрепление и развитие самоуправления бурятского народа, защиту его от посягательств на его культуру, его быт, его жизнь» [22]. При этом «объединение всех бурят Дальнего Востока в одну область» было для него ближайшей задачей, а конечной своей целью он ставил «достижение автономии бурят» [14. С. 169], т.е. планировалось объединить в единых границах все бурятское население.

Итак, лидеры бурятского национального движения считали конечной целью национально-государственного строительства реализацию идеи территориальной целостности всего бурятского народа в рамках своей автономии. О достижении именно такой автономии говорил Э.-Д. Ринчино, и именно она подразумевалась руководителями Бурнарревкома в их обращении. Кроме того, все участники национально-государственного строительства стремились к тому, чтобы автономия охватывала исключительно бурятское население. В связи с этим особое значение приобретали традиционные формы социально-политической организации бурят, которые, с одной стороны, могли бы быть механизмами воспроизводства бурятской этничности, способствуя сохранению традиционного быта и развитию культуры и языка, а с другой стороны, могли бы играть роль важных этнополитических маркеров.

Наконец, Конституция ДВР (утверждена Учредительным собранием в апреле 1921 г.) предоставила бурятам «право на широкое самоопределение» [23. С. 99]. По Конституции, «вся территория, населенная бурят-монгольским народом, выделяется в особую область», население которой объявлялось самостоятельным «в сфере организации суда, административно-хозяйственной и культурно-национальной жизни» [23. С. 100]. В компетенцию автономного управления входило: «1) распоряжение всем земельным фондом области; 2) местное бюджетное право, установление местных налогов, сборов, пошлин и повинностей, заключение займов; 3) организация народного хозяйства; 4) законодательство по народному просвещению; 5) организация местного национального суда...» [24. С. 143].

Образованная автономия состояла из территорий, «занятых только бурятским населением... в составе Агинского, Баргузинского, Хоринского и Чикойского аймаков» [14. С. 170]. Таким образом, лидеры национального движения сделали первый шаг на пути реализации разработанной Бурнацкомом еще в 1917 г. концепции построения моноэтничной автономии.

В ходе работы Учредительного собрания возникли острые противоречия по вопросу разрешения аграр-

ных отношений в Восточной Бурятии. Бурятская делегация выступила за немедленное принятие мер «к радикальному уничтожению в порядке законодательном чересполосицы путем переселения и расселения русского, бурят-монгольского населения за счет государства...» [25. С. 270] (вспомним в этой связи упоминавшиеся выше статьи Э.-Д. Ринчино). Очевидно, что выполнение этого требования подготовило бы предпосылки для создания территориально целостного образования, в границах которого проживало только бурятское население.

Лидеры бурятской автономии выдвинули также ряд требований, выполнение которых существенно расширило бы ее полномочия в экономической сфере. Во-первых, они требовали того, «чтобы минеральные источники, лесные и рыбные богатства и недра земли на бурят-монгольской территории были признаны достоянием бурят-монгольского народа». Во-вторых, они выступили за то, «чтобы государственная монополия на сырье и пушнину не распространялась на бурят-монгольскую народность, чтобы это дело было всецело передано ее центральному автономному управлению…». В-третьих, они хотели добиться права самостоятельного регулирования правил торговли, в частности права «торгового сношения с иностранными рынками по сбыту сырья и пушнины и по приобретению предметов потребления» (напомним, что о праве на внешнеэкономическую деятельность бурят в общих чертах говорил и Э.-Д. Ринчино). В-четвертых, бурятские делегаты ратовали за установление общего контроля над развитием промышленности, требуя того, чтобы «делом промышленности среди бурят-монгольского народа ведали бурят-монгольские национальные органы» [25. С. 270].

Как представляется, актуализация экономической проблематики в заявлениях представителей бурят не случайно произошла именно на Учредительном собрании. Институциализация этничности позволила лидерам бурятского национального движения перейти от общих деклараций к постановке более конкретных задач, в том числе и в первую очередь, в экономической сфере. Иными словами, легитимизация структуры бурятского самоуправления (что свидетельствует, как будто, о повышении политического статуса бурятского народа) тотчас породила желание расширить контроль над ресурсами и производством. Повышение политического статуса и связанное с этим появление некоторого административно-политического ресурса сразу же попытались использовать для повышения статуса экономического. Таким образом, этничность становилась инструментом, которым пользовались в борьбе за расширение доступа этнической группы к власти и ресурсам.

Создание автономии было воспринято бурятами как реальное расширение своих групповых прав. Так, образованное в мае 1921 г. Временное управление Бурят-Монгольской автономной области (Бурмонавтоупр) Дальнего Востока в своем «Воззвании» к бурятскому народу подчеркивало: «Бурят-монгольской народности предоставлена широкая автономия, т.е. право на совершенно самостоятельное и независимое ни от кого существование в сфере организации суда и административно-хозяйственной и культурно-национальной жизни… Наконец-то бурят-монгольский народ получил возможность жить самостоятельно…» [25. С. 273].

Завершение процесса конституирования Бурят-Монгольской автономной области ДВР связано с проведением Первого национального собрания, которое состоялось в Чите 12 октября – 3 ноября 1921 г. Одним из важнейших его итогов стало оттеснение от власти прежних лидеров-националистов.

Необходимо отметить, что на протяжении всего периода национального движения начиная с 1917 г. лидерство в нем принадлежало национальной интеллигенции, которая была ориентирована на либерально-демократические ценности, а влияние коммунистов было ничтожным, что, по мнению Ринчино, объяснялось тем, что «их взгляды не выражают интересы широких масс бурятского народа» [14. С. 162]. Такая расстановка сил сохранялась и на начальном этапе существования Бурят-Монгольской автономной области Дальнего Востока. Как отмечал один из лидеров бурятских большевиков М.Н. Ербанов, «коммунистическая организация... в Бурятии была очень слаба и малочисленна, и играть роль вождя-руководителя трудовых масс не могла...» [26. С. 5]. В советской историографии подобное положение вещей было принято характеризовать следующим образом: «бурятское население в своем большинстве находилось в цепких руках эксплуататоров и буддийского духовенства» [27. С. 56].

Выборы в Учредительное собрание ДВР подтвердили, что «националисты... все еще пользовались преобладающим влиянием среди бурятского населения» [27. С. 57]. Однако усиление политических позиций коммунистов во всероссийском масштабе не могло не коснуться и бурятской автономии. Здесь началась острая борьба за власть между представителями национального движения и большевиками. Специально для этой цели большевики создали Бурсекцию, которая «взяла на себя проведение влияния и линии партии среди населения и в руководящих органах БМАО ДВР» [24. С. 140]. С момента своего создания Бурсекция приступила к массово-политической работе среди бурятского населения ДВР по «разоблачению буржуазных националистов»...

В июле 1921 г. Дальбюро ЦК ВКП(б) предложило всем, кто вел работу среди нерусского населения, усвоить «азбучное положение» о том, что главная задача партии в национальной политике состоит не в углублении национальных чувств, а в содействии их «постепенному изживанию и вовлечению трудящихся всех национальностей в единую общую пролетарскую семью» [27. С. 58]. С этого времени происходит активизация деятельности бурятских большевиков в направлении отстранения лидеров национального движения от власти в автономии. 28 июля 1921 г. по решению Дальбюро ЦК в состав Бурмонавтоупра были введены два коммуниста, а в ноябре 1921 г. Бурмонавтоупр возглавил коммунист-бурят М.И. Амагаев [14. С. 171].

Активная пропагандистская деятельность коммунистов Бурсекции против «буржуазных националистов» дала свои результаты на Национальном собрании. Политика Бурмонавтоупра подверглась на нем критике: коммунисты не без оснований обвинили националистов в том, что те хотят использовать автономию с целью «оградить бурятское население каменной стеной от воздействия революционных идей» [27. С. 58]. В выбранном вновь руководстве большинство составляли бурятские большевики, а председателем Президиума Бурмонавтоупра стал Амагаев. Таким образом, лидеры национального движения были оттеснены от власти и, как отмечает Шулунов, «с переходом руководства областным управлением к бурятским коммунистам… фактически начинается осуществление указаний В.И. Ленина о бурятской автономии» [25. С. 282].

Итак, господствующие позиции были заняты бурятскими большевиками, которые стремились «организационно овладеть» национальным движением бурят (в том числе и национально-государственным строительством) и вписать его в контекст своего общеполитического курса, определявшегося на тот момент доктриной «мировой революции». Однако, несмотря на то что коммунисты провели ряд реформ, направленных на «советизацию» органов управления автономии, полномочия последней в регулировании внутренней жизни бурят оставались достаточно широкими (здесь, по-видимому, сказалась инертность процесса конституирования бурятской государственности: несмотря на нарастающее сопротивление коммунистов, он продолжал развиваться в том направлении, которое ему задали националисты).

Выводы

Активизация национального движения являлась реакцией бурятского общества на возникшую в самом начале XX в. и усилившуюся во втором его десятилетии угрозу этнокультурной идентичности. В этом смысле вполне закономерно, что националистическая доктрина строилась именно на основе этничности, которая при этом позиционировалась бурятской элитой одновременно и как цель, и как средство национального движения. Вполне закономерным стало и явление этатизации бурятской этничности, когда националистические лидеры добивались в первую очередь «национального» самоопределения в тех или иных формах. В ситуации крайней политизации общественной жизни, характерной для первого двадцатилетия прошлого века, наличие «национальной» государственности рассматривалось как непременное условие воспроизведения этнокультурной идентичности. Сохранение и защита последней не мыслились без административно-политического и экономического ресурса, предоставляемого этнической общности институтом национального государства.

Интеллектуальная элита, сформировавшаяся в дореволюционный период, возглавляла национальное движение в 1905–1921 гг. и разработала концепцию бурятской национальной автономии. Ее идея была вербализована еще в 1905–1906 гг. во время национальных съездов и получила свое развитие после революционных событий 1917 г. Планировавшаяся бурятскими националистами автономия должна была обладать достаточно широкими правами в экономической и политической сферах, и основываться при этом на чисто этническом принципе организации. То есть в автономию входило исключительно бурятское население, а этническая идентичность, базировавшаяся на культурной тождественности, выступала достаточным основанием для претензий на собственную государственность. И хотя спорно утверждать, что лидеры бурятского национального движения «по существу добивались полного отделения Восточной Бурятии от ДВР… и создания… совершенно самостоятельного государственного образования…» [25. С. 270], однако вполне можно говорить о том, что они пытались консолидировать весь бурятский этнос в рамках единой политически институциализированной территории. Иными словами, их концепция национально-государственного строительства представляла собой проект конструирования политической этнонации. При этом культурное наполнение моделируемой интеллектуальной элитой этничности оставалось тем же, что и в начале века (т.е. сохраняли свою актуальность такие парадигмы национально-культурного возрождения, как традиционная культура, религия, язык), а национальная автономия виделась как «естественное» следствие, вытекающее из реального существования бурятской этнокультурной общности. На данном этапе этничность отчетливо продемонстрировала свой инструментальный характер.

Список источников

1. Балдано М.Н., Варнавский П.К. «Великая Монголия»: концепция политического единства и попытка ее реализации (1900–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 419. С. 99–108.
2. Варнавский П.К. Границы советской бурятской нации: «национально-культурное строительство» в Бурятии в 1926-1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 149–177.
3. Жамцарано Ц. О правосознании бурят (к предстоящим реформам) // Сибирские вопросы. 1905. № 2. С. 167–184.
4. Ринчино Э.-Д. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. 234 с.
5. Барадин Б.Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности // Бурятиеведение. 1927. № 3–4. С. 39–52.
6. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы / сост. и науч. ред. Б.Б. Батуев. Улан-Удэ, 1994. 98 с.
7. Хаптаев П.Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 335 с.
8. Национальный архив Республики Бурятия (далее – НАРБ). Ф. 483: Центральный Бурятский национальный комитет – Бурнацком. Оп. 1. Д. 48. Л. 314.
9. Гирченко В.П. Этапы революционного движения в Бурятии в 1917–1918 гг.: (Хроника). Верхнеудинск, 1927. 40 с.

10. Скрынникова Т.Д. Традиционная потестарно-политическая культура и современная самоидентификация бурят // Сибирь: этносы и культуры. Традиции и инновации в этнической культуре бурят. Вып. 5. Улан-Удэ : Издат.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 1999. С. 4–29.
11. НАРБ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.
12. НАРБ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.
13. НАРБ. Ф. 2. Св. 10.
14. Жабаева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов / М-во обр. Рос. Федерации. Вост.-Сиб. гос. технол. ун-т. Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2001. 334 с.
15. Бабаков В.В. К вопросу о создании Бурнацкома: Лидер бурятского национального движения М.Н. Богданов // М.Н. Богданов: жизнь и деятельность. Улан-Удэ : БГУ, 1999. С. 69–81.
16. Бабаков В.В. Роль Бурнацкома в становлении бурятской национальной государственности // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия : материалы респ. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию образования Республики Бурятия / редкол.: Ю.Б. Рандалов (отв. ред.) и др. Улан-Удэ : БНЦ, 1998. С. 26–30.
17. Губогло М.Н. Языки мобилизованной этничности. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.
18. Неизвестные страницы истории Бурятии. Вып. 1. Улан-Удэ : Общ.-науч. центр «Сибирь», 1991. 52 с.
19. Элбек-Доржи Ринчино о Монголии: [Изб. тр.] / Элбек-Доржи Ринчино; [сост. и редкол.: Б.В. Базаров и др.]. Улан-Удэ : Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии, 1998. 255 с.
20. Бартанова А.А. Образование Бурятской АССР. Улан-Удэ : Бурят.-монгол. кн. изд-во, 1964. 128 с.
21. НАРБ. Ф. 484: Народно-революционный комитет. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.
22. НАРБ. Ф. Р-485: Народно-революционный комитет Бурят-Монгольской автономной области Дальневосточной Республики. Оп. 1. Д. 2. Л. 75.
23. Образование Бурятской АССР. Сборник архивных документов / сост. Г.М. Семина и др. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1964. 270 с.
24. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М. : Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2000. 349 с.
25. Шулунов Н.Д. Становление Советской национальной государственности в Бурятии. Улан-Удэ, 1972. 492 с.
26. Ербанов М.Н. Пять лет автономии Бурятии : крат. очерк. Верхнеудинск : Изд-во Буробкома ВКП(б), 1926. 25 с.
27. Демидов В.А. Советское национально-государственное строительство в Сибири. Новосибирск : НГУ, 1981. 84 с.

References

1. Baldano, M.N. & Varnavskiy, P.K. (2017) “Greater Mongolia”: The Concept of Political Unity and an Attempt of Its Implementation (1900s–1920s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 419. pp. 99–108. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/419/13
2. Varnavskiy, P.K. (2003) Granitsy sovetskoy buryatskoy natsii: “natsional’no-kul’turnoe stroitel’stvo” v Buryatii v 1926-1929 gg. v proektakh natsional’noy intelligentsii i natsional-bol’shevikov [The borders of the Soviet Buryat nation: “national-cultural construction” in Buryatia in 1926–1929 in the projects of the national intelligentsia and the national Bolsheviks]. *Ab Imperio*. 1. pp. 149–177.
3. Zhamtsarano, Ts. (1905) O pravosoznanii buryat (k predstoyashchim reformam) [On the sense of justice of the Buryats (toward the upcoming reforms)]. *Sibirskie voprosy*. 2. pp. 167–184.
4. Rinchino, E.-D. (1994) *Dokumenty. Stat’i. Pis’ma* [Documentation. Articles. Letters]. Ulan-Ude: [s.n.].
5. Baradin, B.B. (1927) Buryat-mongoly. Kratkiy istoricheskiy ocherk oformleniya buryat-mongol’skoy narodnosti [Buryat Mongols. A brief historical outline of the design of the Buryat-Mongolian people]. *Buryatievedenie*. 3–4. pp. 39–52.
6. Batuev, B.B. (ed.) (1994) *Natsional’noe dvizhenie v Buryatii v 1917–1919 gg. Dokumenty i materialy* [National movement in Buryatia in 1917–1919. Documents and materials]. Ulan-Ude: [s.n.].
7. Khaptaev, P.T. (1964) *Oktyabr’skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Buryatii* [October Socialist Revolution and Civil War in Buryatia]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
8. National Archive of the Republic of Buryatia (NARB). Fund 483: *Tsentral’nyy Buryatskiy natsional’nyy komitet – Burnatskom* [Central Buryat National Committee – Burnatskom]. List 1. File 48. Page 314.
9. Girchenko, V.P. (1927) *Etapy revolyutsionnogo dvizheniya v Buryatii v 1917–1918 gg.: (Khronika)* [Stages of the revolutionary movement in Buryatia in 1917–1918: (Chronicle)]. Verkhneudinsk: [s.n.].
10. Skrynnikova, T.D. (1999) Traditsionnaya potestarno-politicheskaya kul’tura i sovremennaya samoidentifikatsiya buryat [Traditional Potestary-Political Culture and Modern Self-Identification of the Buryats]. In: *Sibir’: etnosy i kul’tury. Traditsii i innovatsii v etnicheskoy kul’ture buryat* [Siberia: Ethnoses and Cultures. Traditions and innovations in the ethnic culture of the Buryats]. Vol. 5. Ulan-Ude: Izdat.-poligraf. kompleks VSGAKI. pp. 4–29.
11. National Archive of the Republic of Buryatia (NARB). Fund 483. List 1. File 76. Page 1.
12. National Archive of the Republic of Buryatia (NARB). Fund 483. List 1. File 73. Page 1.
13. National Archive of the Republic of Buryatia (NARB). Fund 2. Sv. 10.
14. Zhabaeva, L.B. (2001) *Elbek-Dorzhi Rinchino i natsional’no-demokraticheskoe dvizhenie mongol’skikh narodov* [Elbek-Dorzhi Rinchino and the national democratic movement of the Mongolian peoples]. Ulan-Ude: ESSTU.
15. Babakov, V.V. (1999) K voprosu o sozdanii Burnatskoma: Lider buryatskogo natsional’nogo dvizheniya M.N. Bogdanov [On the creation of Burnatskom: The leader of the Buryat national movement M.N. Bogdanov]. In: *M.N. Bogdanov: zhizn’ i deyatel’nost’* [M.N. Bogdanov: life and work]. Ulan-Ude: BSU. pp. 69–81.
16. Babakov, V.V. (1998) Rol’ Burnatskoma v stanovlenii buryatskoy natsional’noy gosudarstvennosti [The role of Burnatskom in the formation of the Buryat national statehood]. *Problemy istorii i kul’turno-natsional’nogo stroitel’stva v Respublike Buryatiya* [Problems of history and cultural and national construction in the Republic of Buryatia]. Conference Proceedings. Ulan-Ude: BNTs. pp. 26–30. (In Russian).
17. Guboglo, M.N. (1998) *Yazyki mobilizovannoy etnichnosti* [Languages of mobilized ethnicity]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul’tury”.
18. Bazarov, B.V. (ed.) *Neizvestnye stranitsy istorii Buryatii* [Unknown pages of the history of Buryatia]. Vol. 1. Ulan-Ude: Obshch.-nauch. tsentr “Sibir’”.
19. Bazarov, B.V. et al. (eds) *Elbek-Dorzhi Rinchino o Mongolii: [Izb. tr.]* [Elbek-Dorzhi Rinchino about Mongolia: [Selected works]]. Ulan-Ude: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies.
20. Bartanova, A.A. (1964) *Obrazovanie Buryatskoy ASSR* [Formation of the Buryat ASSR]. Ulan-Ude: Buryat.-mongol. kn. izd-vo.
21. National Archive of the Republic of Buryatia (NARB). Fund 484: *Narodno-revolyutsionnyy komitet* [People’s Revolutionary Committee]. List 1. File 2. Page 25.
22. National Archive of the Republic of Buryatia (NARB). Fund R-485: *Narodno-revolyutsionnyy komitet Buryat-Mongol’skoy avtonomnoy oblasti Dal’nevostochnoy Respubliki* [People’s Revolutionary Committee of the Buryat-Mongolian Autonomous Region of the Far Eastern Republic]. List 1. File 2. Page 75.
23. Semina, G.M. et al. (1964) *Obrazovanie Buryatskoy ASSR. Sbornik arkhivnykh dokumentov* [Formation of the Buryat ASSR. Collection of archival documents]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.

24. Elaev, A.A. (2000) *Buryatskiy narod: stanovlenie, razvitie, samoopredelenie* [Buryat people: formation, development, self-determination]. Moscow: Ros. akad. gos. sluzhby pri Prezidente RF.
25. Shulunov, N.D. (1972) *Stanovlenie Sovetskoy natsional'noy gosudarstvennosti v Buryatii* [Formation of the Soviet national statehood in Buryatia]. Ulan-Ude.
26. Erbanov, M.N. (1926) *Pyat' let avtonomii Buryatii: krat. ocherk* [Five years of autonomy of Buryatia: a brief essay]. Verkhneudinsk: Izd-vo Burobkoma VKP(b).
27. Demidov, V.A. (1981) *Sovetskoe natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Sibiri* [Soviet nation-state building in Siberia]. Novosibirsk: NSU.

Информация об авторах:
Балдано М.Н. – д-р ист. наук, координатор отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: histmar@mail.ru
Варнавский П.К. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: wpk1@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
M.N. Baldano, Dr. Sci. (History), coordinator, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: histmar@mail.ru
P.K. Varnavskiy, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation) .E-mail: wpk1@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.10.2017;
одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 24.10.2017;
approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК [94:2-67](6)
doi: 10.17223/15617793/486/13

Христианство, ислам и традиционные религии: циклическое взаимодействие на Африканском континенте

Станислав Анатольевич Горохов [1], Руслан Васильевич Дмитриев [2], Иван Андреевич Захаров [3]

[1, 2, 3] Центр глобальных и стратегических исследований Института Африки Российской академии наук, Москва, Россия
[1] stgorohov@yandex.ru
[2] dmitrievrv@yandex.ru
[3] vanszax@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается пространственная составляющая взаимодействия религий в Африке в XIX – начале XXI в. На основе концепции циклического развития конфессионального пространства под влиянием религиозной конкуренции авторы, исходя из условий прохождения циклов и современного состояния конфессионального пространства, выделяют шесть основных типов динамики последнего: ациклический, реверсивной цикличности, единичного полного цикла, каскадной цикличности, замедленной цикличности, секулярный.

Ключевые слова: христианство, ислам, этнорелигии, религиозная конкуренция, Африка, конфессиональное пространство, цикличность

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00054-П, https://rscf.ru/project/19-18-00054/.

Для цитирования: Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Захаров И.А. Христианство, ислам и традиционные религии: циклическое взаимодействие на Африканском континенте // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 124–136. doi: 10.17223/15617793/486/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/13

Christianity, Islam and traditional religions: Cyclical interaction in Africa

Stanislav A. Gorokho[1], Ruslan V. Dmitriev [2], Ivan A. Zakharov [3]

[1, 2, 3] Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
[1] stgorohov@yandex.ru
[2] dmitrievrv@yandex.ru
[3] vanszax@yandex.ru

Abstract. The article examines the spatial component of the interaction of religions in Africa in the 19th – early 21st centuries. As a theoretical and methodological basis for the study, the authors use the concept of the cyclical development of the religious landscape under the influence of religious competition. Based on the conditions of the passage and duration of the phases of the religious competition cycle (R-cycle), as well as the current state of the religious landscape of African countries, the authors distinguish six main types of its dynamics: acyclic (the cycle of replacement of Islam was not launched, the religious landscape was at rest for a long time); reverse cyclic (the cycle of replacement of Islam by Christianity was reversed); single complete cycle (passing through the all phases of the cycle of replacement of ethno-religions by Christianity or staying in the last of them); cascade cyclic (first successive passing of the cycle of replacement of ethno-religions by Christianity, and after its completion the cycle of replacement of Christianity by Islam); slow cyclic (religious competition is sluggish). with subtypes of ascending (passing the upward part of the cycle), peak (being in the phase of parity of competing religions) and descending (passing of the downward part of the cycle of replacement of ethno-religions or its end) cyclicality; secular (major competitor of dominant religion is secular ideologies; anomalous cycle of competition). The authors come to the conclusion that in most African countries R-cycles are either in their final phases or their religious landscape has reached the stage of religious saturation. These include 31 African countries, which the authors attributed to types 1 through 4 and a subtype of descending slow cyclicality of type 5. According to the authors' forecasts, the religious landscape of these countries will not undergo significant changes at least until the middle of the 21st century. The competition between Islam and Christianity will proceed at a slower pace here, the most significant of this rivalry will be for the countries of types 3 (Kenya), 4 (Gabon) and partly 5; in countries of type 2 and, especially, type 1, it will be barely

© Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Захаров И.А., 2023

noticeable and will not be able to shake the stage of religious saturation established here. Most of the conflicts on religious grounds are currently localized in countries of type 5, located within the Sahel and south of it: their polarized confessional space, divided into two or even three parts, intensifies the exacerbation of intercommunal contradictions.

Keywords: Christianity, Islam, ethnoreligions, religious competition, Africa, religious landscape, cyclicality

Financial support: The study was supported by a grant of the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00054-P, https://rscf.ru/en/project/19-18-00054/.

***For citation*:** Gorokhov, S.A., Dmitriev, R.V. & Zakharov, I.A. (2023) Christianity, Islam and traditional religions: Cyclical interaction in Africa. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 124–136. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/13

Введение

Несмотря на то что в общественной мысли второй половины XX в. преобладали концепции линейной социально-исторической динамики, интерес к циклическим моделям общественного развития никогда полностью не угасал. В последние десятилетия в различных областях научного знания можно наблюдать ренессанс «циклизма», который в нашей стране был также обусловлен необходимостью осмысления произошедших трансформаций в социально-экономической и идейно-политической сферах российского общества.

Изучение циклических процессов общественного развития имеет давнюю традицию в мировой и отечественной науке. Начиная с древних астрономических трактатов и вплоть до научных изысканий наших современников в большинстве из них можно найти упоминания или даже обстоятельный анализ периодичности в протекании разного рода общественных процессов. Отечественный специалист В.Н. Спицнадель справедливо отмечает: «Циклы – это элементарный строительный материал, кирпичики, из которых состоит все сущее. Это беспрерывная взаимосвязь и взаимодействие всего со всем. Все и вся живут в системе повторяющихся колебаний, подъемов, спадов, у всего есть свой цикл: рождение, развитие, умирание» [1. С. 249]. При этом наиболее широко распространено изучение, главным образом, периодических циклов, т.е. тех, которые имеют тенденцию к регулярному повторению через определенные промежутки времени. К ним относятся циклы экономического развития К. Жюгляра [2], С. Кузнеца [3], М.И. Туган-Барановского [4], Н.Д. Кондратьева [5] и др. Их популярности в научных исследованиях способствует относительно малая продолжительность, а также наличие в распоряжении исследователей фактически непрерывных хронологических рядов данных, необходимых для анализа. В несколько меньшей степени получило распространение изучение периодических циклов, которое в рамках политической истории также базируется на анализе большого объема статистической информации [6, 7]. Более продолжительны социальные циклы и особенно циклы развития культур и цивилизаций, однако их выделение опирается на гораздо менее надежную, к тому же часто изобилующую «провалами» в рамках анализируемого временного ряда статистическую базу. К данному типу можно причислить, например, циклы Ф. Броделя [8], Н.Я. Данилевского [9], О. Шпенглера [10], А.Дж. Тойнби [11], Л.Н. Гумилева [12], Ю.В. Яковца [13] и др.

Однако при явном интересе к такого рода концепциям со стороны большинства общественных наук, анализ циклических процессов в религиозной сфере представляется нам фактически обойденной, «заповедной» областью научных исследований. Это кажется особенно странным на фоне того, что многие сакральные памятники религий, например Библия или Веды, буквально пронизаны идеями циклизма. Тем не менее все же можно назвать несколько работ, посвященных циклическим процессам в религиозной сфере. Вероятно, первым, кто обратил внимание на формирование достаточно устойчивых во времени периодов развития религий, был утопист Т. Кампанелла: «… религии и секты (в своих изменениях) имеют специальный цикл. Как республики, замененные монархиями или через стадию тирании, или аристократии, или олигархии, или политеи, или демократии, или иными способами, заменяются опять монархиями, так и религия, дезорганизованная ересью, заменяется атеизмом, который, после многих несчастий, ведет вновь к восстановлению религии. …есть циклическое движение в истории религий. Начиная с единства, т.е. с папства или теократии, оно проходит различные стадии или формы от ереси до атеизма, откуда вновь приходит к единству. Эти три стадии – теократия, ересь и атеизм – повторяются в истории языческих, мусульманских и христианских наций» (цит. по: [14]). При всей спорности приведенного выше высказывания, можно лишь удивится прозорливости выводов Т. Кампанеллы, высказанных более двух столетий назад, относительно наступления эпохи «ересей» (в его трактовке) и широкого распространения атеизма.

В дальнейшем соображения о том, что нерелигиозные циклы могут оказывать влияние на развитие религии, высказывали многие исследователи циклических процессов: П.А. Сорокин [14], А. Тойнби [11] или Л. Вебер, который отводил религии важную роль при выделении циклов (ритмов) эпох с духовно-религиозно-этической и материалистически-технической цивилизациями [15]. Тем не менее, насколько нам известно, впервые о выделении собственно религиозных циклов на основе эмпирических данных было заявлено почти одновре-

менно американским историком философии и религии российского происхождения М.Ю. Сергеевым [16] и одним из авторов данной статьи [17]. Согласно взглядам М.Ю. Сергеева, в развитии религии выделяются шесть стадий, которые образуют ее полный цикл: 1) первоначальная, или формативная, 2) ортодоксальная, 3) классическая, 4) реформистская, 5) критическая и 6) посткритическая. Стадии определяются автором по динамике соотношений двух важнейших компонентов каждой конкретной религии – Священного Писания и Священного Предания, а переход от одной стадии к другой осуществляется через структурный кризис. В том случае, если религия не соответствует условиям жизни, в которых она функционирует, возникает системный кризис, приводящий к потере веры, и в результате эта религия сходит с исторической арены, а вместо нее рождается другая. При этом длительность религиозного цикла автором точно не определяется, что обусловлено тем, что у всех исследованных им религий он еще не закончился, до посткритической стадии цикл может продолжаться от нескольких сотен до нескольких тысяч лет.

Концепция цикличности развития конфессионального пространства[1] под влиянием религиозной конкуренции, выдвинутая нами, в отличие от теории религиозных циклов М. Сергеева, не позволяет выделить общие фазы в развитии отдельных «исторических религий», однако дает возможность установить особенности развития конфессионального пространства в целом – в зависимости от количественных значений численности адептов всех образующих его религий.

В общем виде под *религиозным циклом следует понимать совокупность последовательных, повторяющихся через некоторые промежутки времени состояний конфессионального пространства, характеризующихся равными или близкими в количественном отношении значениями показателей его компонентной структуры*. Мы исходим из того, что важной характеристикой условий, в которых существуют религии, является их конкуренция, в результате которой и складывается конфессиональное пространство конкретной страны, отдельного региона или всего мира в целом. В своей концепции мы, как и М.Ю. Сергеев, заостряем внимание на значимости конкуренции прежде всего на уровне идеологий, т.е. конкурентоспособность в этом отношении есть мера приспособляемости той или иной религии к изменяющимся внешним условиям.

О промежуточных или конечных (по крайней мере, в обозримой перспективе) результатах конкурентного процесса мы, в конечном счете, можем судить по повышению доли одной из конкурирующих религий в конфессиональном пространстве и, наоборот, снижению доли другой. Наиболее конкурентоспособной считается религия, которая смогла нарастить свою долю в конфессиональном пространстве, во-первых, благодаря религиозной конверсии и, во-вторых, вследствие более высоких значений естественного и миграционного прироста своих адептов, также в значительной степени определяемых спецификой религиозных доктрин.

Материалы и методы исследования

Информационной базой исследования послужили сводные статистические источники о конфессиональной принадлежности населения Африки, которые дают непрерывные ряды за 110 лет (с 1900 по 2010 г.) по всем странам континента, а в некоторых случаях – и за более длительный период, что в большинстве случаев дает возможность наблюдать религиозные циклы или их отдельные фазы[2].

В качестве ключевого индикатора, определяющего успех одной религии в ее конкурентных отношениях с другими, служит снижение в ее пользу уровня мозаичности конфессионального пространства. Для анализа изменений последнего мы предлагаем использовать модифицированный индекс религиозной мозаичности (МИМ) [19], отражающий степень развития межрелигиозной конкуренции и лишенный недостатков часто применяемого в отечественных исследованиях индекса мозаичности Эккеля [20]:

$$\text{МИМ} = \frac{1 - \sum_{i=1}^{m} \pi_i^2}{1 - 1/m}$$

где m – количество религий в исследуемом регионе; π_i – доля i-й религии в конфессиональной структуре исследуемого региона.

В общем случае МИМ принимает значения в интервале от 0 до 1. Разделяя последний на сегменты, получаем следующие значения МИМ для субинтервалов в случае религиозной мозаичности: 0,000–0,280 – крайне гомогенные; 0,281–0,556 – относительно гомогенные; 0,557–0,820 – относительно гетерогенные; 0,821–1,000 – крайне гетерогенные.

Согласно нашим расчетам, продолжительность цикла замещения одной религии другой (Р-цикла) по странам мира составляет в среднем 106 лет (рис. 1); он состоит из четырех фаз в соответствии с выделенными сегментами и значением доли замещаемой религии: начального – $РЗ_0$ (средняя длительность 18 лет, доля замещаемой религии не менее 87%), устойчивого замещения – $РЗ_1$ (21 год, доля замещаемой религии 87–70%), паритета – $РЗ_2$ (29 лет, доля замещаемой религии 70–30%) и окончательного замещения – $РЗ_3$ (38 лет, доля замещаемой религии ниже 30%). Циклы религиозного замещения приходят на смену и продолжаются этапами религиозного насыщения – РН: значения МИМ могут оставаться стабильно низкими на протяжении десятков или сотен лет.

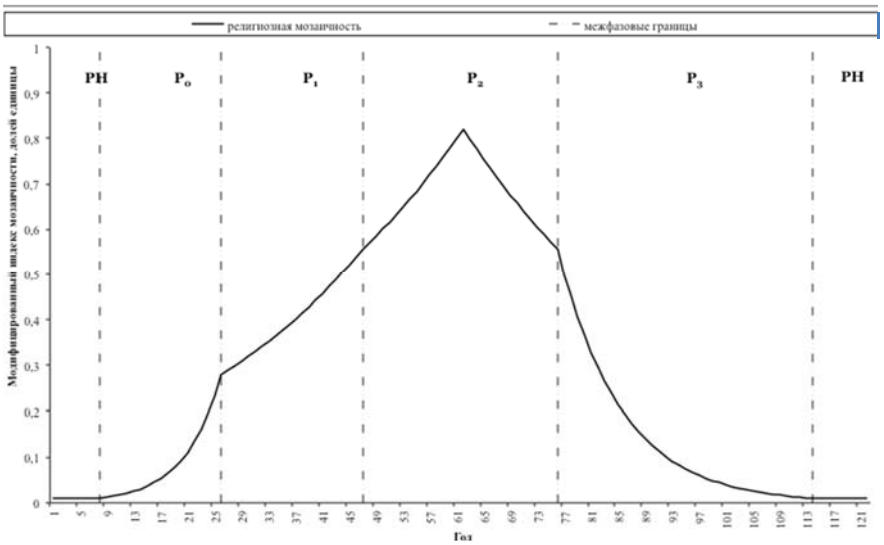


Рис. 1. Изменение значений модифицированного индекса мозаичности в идеальном цикле религиозной конкуренции (Р-цикле) [17]

Результаты и их обсуждение

Африка дает исследователю уникальную возможность анализа динамики процессов, происходящих в конфессиональном пространстве. В религиозной структуре населения именно этого региона в последнее столетие – отрезок времени, за который мы обладаем относительно полным набором статистических данных, – произошли изменения, которые можно с полным основанием охарактеризовать как революционные [21]. Так, с 1910 по 2010 г. структура населения Африки фактически «перевернулась»: еще в начале XIX в. 58,0% ее жителей придерживались этнорелигий[3], 32,0% – ислама, и только 9,4% были христианами. Спустя век христианство стало крупнейшей религией Африки по числу последователей (47,9% населения), сумев опередить ислам (40,5%) и этнорелигии (10,4%).

Исходя из интенсивности и характера протекания конкурентных отношений, в развитии конфессионального пространства Африки мы считаем возможным выделить два этапа: колониальный и постколониальный.

Колониальный этап продлился с начала XX в. до «парада суверенитетов» 1950–1970-х гг., т.е. охватывает период истории Африки, характеризующийся сочетанием политического господства европейских держав с активной миссионерской деятельностью западных христианских церквей. Начало широкой экспансии западного христианства положила Всемирная миссионерская конференция, которая состоялась в Эдинбурге в 1910 г. При этом христианизация африканцев, согласно принятой тогда концепции «Three C's»[4], считалась необходимым условием экономического развития стран Африки и приобщения их к достижениям западной цивилизации [22]. Поэтому конверсия, став главным источником увеличения численности христианского населения регионов мира, запустила в большинстве стран Африки Р-цикл замещения этнорелигий христианством [23]. При этом наиболее триумфально для христианства проходил его цикл в Южной и Центральной Африке, т.е. в тех странах, где практически не было адептов ислама [24].

В то же время ислам вследствие своего неравноправного положения в колониальной Африке не мог на равных конкурировать с христианством [25]. Тем не менее рост мусульманского населения континента обеспечивался не только естественным приростом, но и конверсией на территории Северной, Западной и Восточной Африки [26]. В некоторых странах этих субрегионов Африки ислам все же сумел укрепить свои позиции, став главным соперником христианства, а в других, хоть и в замедленном темпе, смог продолжить свой Р-цикл.

С 1970-х гг., когда большинство стран континента уже добились независимости, начинается постколониальный этап развития конфессионального пространства Африки. Его отличительная черта – снижение контроля над религиозной сферой [27]: после крушения колониальной системы миссионерская деятельность практически не поддерживалась, а в некоторых странах даже находилась под строгим контролем властей. Тем не менее Р-цикл христианства в большинстве стран континента был достаточно устойчив, он уже достиг фазы паритета или даже устойчивого замещения. В значительной степени увеличению численности христианского населения Африки способствовала активизация на континенте христианских харизматических направлений – прежде всего пятидесятничества [28]. Поэтому лишь в странах Северной Африки, где увеличение численности христианского населения было обусловлено миграцией из метрополии, Р-цикл христианства после отъезда европейского населения был прерван новым триумфом ислама.

Ислам в рамках постколониального этапа смог укрепить свои позиции в Африке благодаря более высокой рождаемости у его адептов, содействию новых властей получивших независимость африканских государств, а также спонсорской поддержке миссионерской

деятельности со стороны богатых государств исламского мира. Эти факторы позволили исламу закончить Р-цикл в странах Северной Африки и укрепить свои позиции главного конкурента в странах континента, принадлежащих к «фронтиру» исламского мира (особенно в Западной и отчасти Восточной Африке).

Этнорелигии подошли к началу постколониального этапа уже в значительной мере ослабленными, именно в 1960-е гг. они теряют свой статус крупнейшей по численности адептов религии континента. В Южной, Центральной и частично Восточной Африке прошли последние фазы Р-цикла христианства, в результате территории, в пределах которых преобладали этнорелигии, продолжали сжиматься как «шагреневая кожа». К началу XXI в. этнорелигии в основном в качестве «младшего» конкурента христианства и ислама сохранились в странах Сахеля, в пределах которого, по мере сокращения численности их адептов, наблюдается обострение соперничества двух мировых религий континента, ставшее причиной эскалации религиозно-общинных конфликтов. Тем не менее, на наш взгляд, еще рано окончательно сбрасывать этнорелигии со счетов в религиозной конкуренции в Африке в целом и в ряде стран континента в частности (например, на Мадагаскаре, в Мозамбике или Бенине): благодаря встроенности в «культурный код» автохтонных этносов и высокому уровню рождаемости у своих адептов они показывают удивительную жизнестойкость.

Однако, несмотря на то что конкуренция между тремя крупнейшими религиями Африки – христианством, исламом и этнорелигиями – лежит в основе изменений, происходивших в последнее столетие в ее конфессиональном пространстве, прохождение Р-цикла в различных странах Черного континента имеет свои особенности. Это позволяет, исходя из условий прохождения и длительности фаз цикла религиозной конкуренции, а также современного состояния конфессионального пространства стран Африки выделить шесть основных типов его динамики.

Первый, *ациклический тип* образуют населенные преимущественно мусульманами Коморские Острова, Мавритания и Сомали: Р-цикл здесь так и не был запущен, и их конфессиональное пространство долгое время находится в состоянии покоя – на этапе религиозного насыщения (рис. 2).

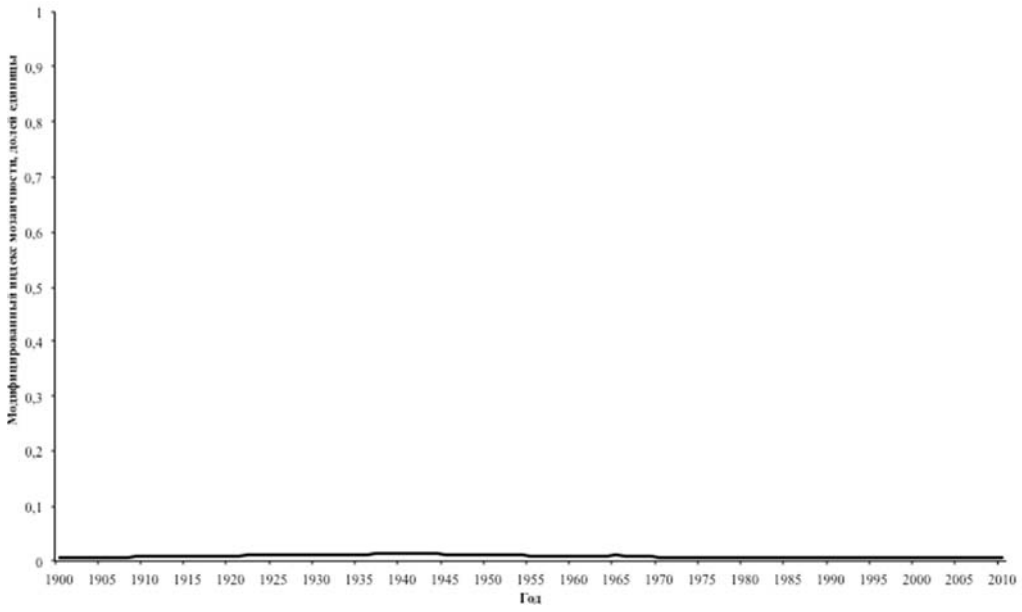


Рис. 2. Изменение значений модифицированного индекса мозаичности по религиям Сомали в 1900–2010 гг.

Второй *тип – реверсивной цикличности*. Он также объединяет преимущественно мусульманские страны – Северной Африки (Марокко, Алжир, Тунис, Ливия, Египет) и Джибути: здесь произошел разворот Р-цикла замещения ислама христианством вспять. Его запуск был инициирован миграцией христианского населения из метрополии, а после достижения страной независимости, повлекшей отъезд христианского населения, цикл прервался в фазах $РЗ_0$ или $РЗ_1$, доля мусульман в населении стала составлять более 90%, т.е. их конфессиональное пространство вернулось к этапу религиозного насыщения. Модельным примером данного типа может служить бывшая французская колония Алжир, в котором цикл замещения ислама христианством начался вследствие миграции французского населения с 1842 г. В период 1875–1944 гг. доля христиан превышала 10–12% населения, и страна в несколько замедленном темпе проходила фазу устойчивого замещения (рис. 3). Далее Р-цикл повернулся вспять (миграция из метрополии прекратилась, а коренное мусульманское население продолжило увеличиваться благодаря высокому естественному приросту), и к 1961 г., когда последние французские переселенцы покинули Алжир, христианство было вытеснено, а страна вернулась к этапу религиозного насыщения исламом. Интересно отметить, что начиная с 1960-х гг. теперь уже во

Франции в результате миграции алжирцев в свою бывшую метрополию был запущен Р-цикл вытеснения христианства исламом. По такому же сценарию проходили Р-циклы в Ливии, Тунисе, Марокко и Джибути. Конфессиональное пространство Египта, где проживает значительная по численности община автохтонных христиан – коптов, после отъезда европейского населения не оказалось на этапе религиозного насыщения, а вернулось к фазе $РЗ_3$ – окончательного религиозного замещения христианства исламом.

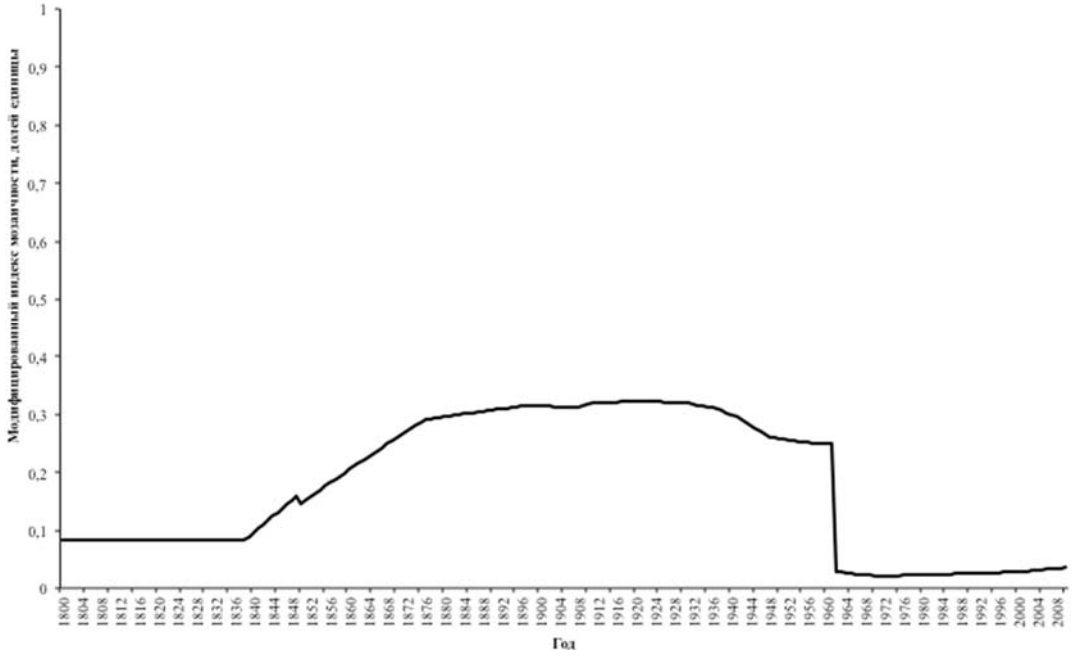


Рис. 3. Изменение значений модифицированного индекса мозаичности по религиям Алжира в 1800–2010 гг.

Для стран третьего *типа – единичного полного цикла* – характерно либо прохождение в XX – начале XXI в. всех фаз в рамках одного цикла религиозной конкуренции (в результате произошло замещение этнорелигий христианством), либо же трех из них и пребывание в настоящее время в его последней фазе. К их числу относятся Республика Конго, ДРК, Намибия, Руанда, Бурунди, Сан-Томе и Принсипи, Эсватини, Ангола, Лесото, Кения, Замбия и Зимбабве.

Продолжительность цикла в странах данного типа близка к средней по миру – около 100 лет. В большинстве из них цикл замещения этнорелигий христианством стал результатом конверсии местного населения; закончился на рубеже XX–XXI вв., только в Замбии и Зимбабве он до сих пор еще находится в последней фазе. В то же время рост в некоторых из них (например, в Кении) доли мусульманского населения предвещает возможность начала нового Р-цикла, в котором главными соперниками уже могут стать христианство и ислам.

Наиболее близок к идеальной модели Р-цикла ход графика МИМ Демократической Республики Конго (рис. 4). Продолжительность цикла замещения этнорелигий христианством составила в этой стране 106 лет – с 1901 по 2006 г., что соответствует средней длительности Р-цикла по всем странам мира. Фаза начального замещения этнорелигий христианством продлилась в ДРК лишь 7 лет – до 1908 г., далее в течении 16 лет продолжалась фаза устойчивого замещения, с 1924 по 1948 г. конфессиональное пространство страны находилось в фазе паритета, а до 2006 г. – устойчивого замещения. Первые три фазы цикла в ДРК прошли в ускоренном темпе (особенно $РЗ_0$, скорость прохождения которой превышала среднюю по странам мира в 2,6 раза), что обусловлено влиянием колониальной администрации, всячески поддерживавшей христианских миссионеров. В дальнейшем, уже в независимой ДРК, христианство потеряло свой привилегированный статус, что привело к торможению Р-цикла в его последней фазе на целых два десятилетия.

Четвертый *тип – каскадной цикличности*. Для конфессионального пространства составляющих его стран характерно последовательное прохождение сначала цикла смены христианством этнорелигий, а по его завершении – цикла смены христианства исламом (рис. 5).

В XX – начале XXI в. указанная ситуация была характерна для относительно небольших по площади Экваториальной Гвинеи, Габона, Уганды и Малави. В настоящее время Экваториальная Гвинея находится в фазе начального ($РЗ_0$), а Габон, Уганда и Малави – устойчивого ($РЗ_1$) религиозного замещения христианства. Циклы в странах данного типа были часто несколько укорочены во времени (около 80 лет) за счет прерывания фазы окончательного религиозного замещения ($РЗ_3$) новым циклом, т.е. следующий Р-цикл не давал закончиться предыдущему.

Рис. 4. Изменение значений модифицированного индекса мозаичности по религиям ДРК в 1870–2010 гг.

Рис. 5. Изменение значений модифицированного индекса мозаичности по религиям Габоне в 1900–2010 гг.

Пятый *тип – замедленной цикличности* – включает наибольшее число стран Африки. Для них характерно удлинение цикла по сравнению со средним модельным вариантом – иными словами, религиозная конкуренция здесь носит вялотекущий характер. В зависимости от того, какие фазы цикла проходит в настоящее время конфессиональное пространство этих стран, последние могут быть объединены в три подтипа:

1) *подтип восходящей замедленной цикличности*. Его образуют страны, находящиеся или недавно завершившие фазы $РЗ_0$ и $РЗ_1$, т.е. на повышающейся части цикла (рис. 6). В географическом отношении это прибрежные страны Западной Африки к югу от Сахеля (Гвинея-Бисау, Сьерра-Леоне, Либерия, Кот-д'Ивуар, Гана, Того, Бенин), примыкающие к ним Буркина-Фасо, Камерун, ЦАР, а также Танзания и Мозамбик. В различные временные периоды здесь начинались одни Р-циклы, которые потом могли прерываться другими или идти с ними параллельно. Причиной такого поведения Р-циклов стало выделение двух из трех основных конкурирующих религий в качестве главных «игроков», третья становилась «младшим», или дополнительным, соперником. Важно отметить, что в дальней-

шем состав главной конкурирующей пары религий часто менялся, и религия, которая запускала цикл замещения этнорелигий, могла в результате оказаться в проигрыше.

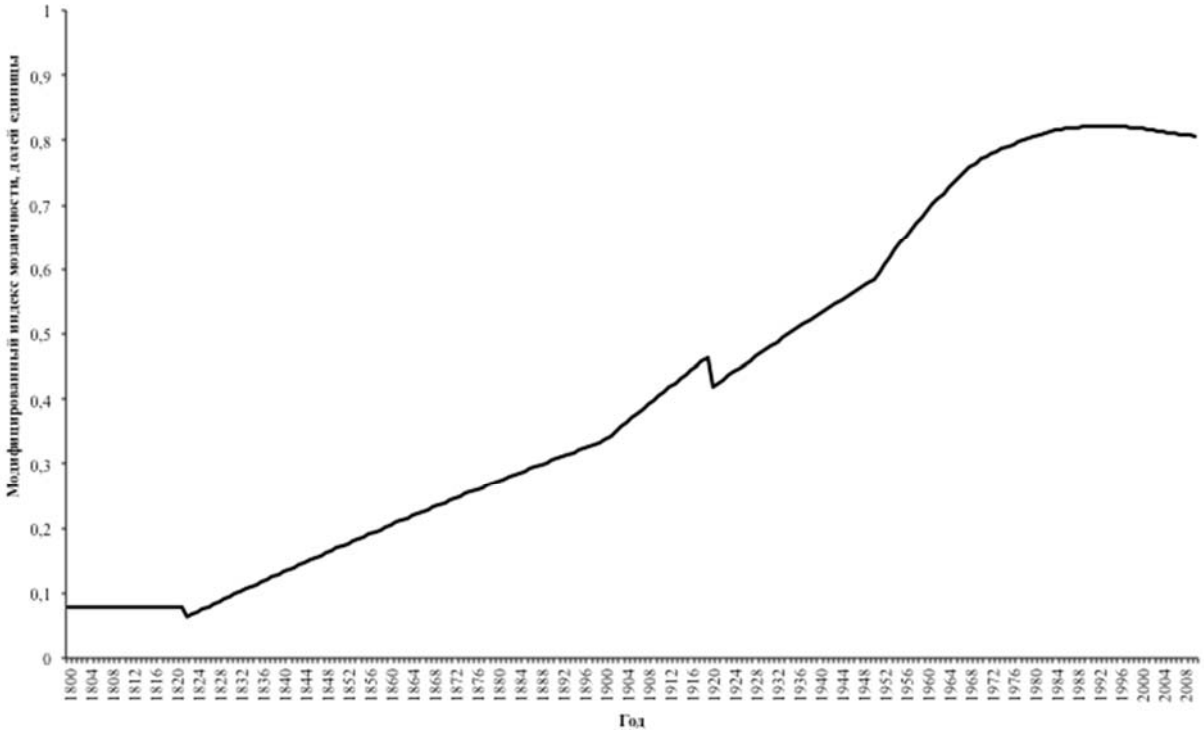


Рис. 6. Изменение значений модифицированного индекса мозаичности по религиям Либерии в 1800–2010 гг.

В Гане, Камеруне, ЦАР и Либерии цикл замещения этнорелигий был запущен во второй половине XIX в., прежде всего, в результате роста численности христианского населения; фаза паритета была достигнута относительно недавно. В настоящее время процесс замещения этнорелигий христианством и исламом продолжается, и главную роль в нем играет христианство. В Бенине, Того и Мозамбике ситуация была несколько иной: в этих странах процесс замещения этнорелигий также начал ислам, а затем – примерно с середины прошлого века – крупнейшей по численности адептов религией стало христианство, а его главным конкурентом – мусульманство. Конкуренция между тремя главными религиями континента в Кот-д'Ивуаре, Буркина-Фасо, Гвинее-Бисау и Сьерра-Леоне шла по схожему пути, однако ислам еще в конце XIX в., запустивший Р-цикл вытеснения этнорелигий, смог до настоящего времени сохранить лидирующие позиции в конфессиональном пространстве этих стран, а роль его основного конкурента выполняет христианство;

2) *подтип пиковой замедленной цикличности*. Данный подтип образуют страны, на протяжении весьма длительного времени[5] находящиеся в фазе паритета – $РЗ_2$ (рис. 7). Основная причина этого кроется в исчерпании конверсионных возможностей ислама и христианства (или только одной из этих религий) в процессе замещения этнорелигий. Конфессиональное пространство стран данного типа, расположенных в Восточном Сахеле (Нигерия, Чад[6], Эфиопия, Эритрея) и в Индийском океане (Мадагаскар, Маврикий), поляризовано – оно расколото на две примерно равные части.

В Эфиопии на протяжении по крайней мере 130 лет (с 1800 г.) происходило соперничество между христианством и этнорелигиями, в котором также участвовал отстающий от них по числу верующих ислам. Ситуация паритета трех религий продолжалась здесь до 1930-х гг., после чего этнические религии начали весьма стремительно терять своих адептов, а в противоборстве между религиями начала устанавливаться «стандартная» ситуация: конкурировать между собой вплоть до настоящего времени продолжают только две религии – христианство и ислам. По данной схеме развивались религиозная конкуренция и в Эритрее.

На Мадагаскаре цикл замещения этнорелигий христианством начался еще в 1870-х гг., фаза паритета была достигнута к концу XIX в. и продолжается до настоящего времени, т.е. ее длительность превышает средние значения по странам мира более чем в четыре раза. Несмотря на постепенный рост доли христианского населения Мадагаскара, которая составляет ныне около 50% жителей страны, этнорелигии показывают свою устойчивость к замещению – их приверженцы составляют более 40% мадагаскарцев. Причина жизнестойкости традиционной религии Мадагаскара, на наш взгляд, заключается в том, что они стали важным фактором этнической консолидации народности мерина, которая возникла еще в начале XIX в. с созданием на острове их первого независимого государства.

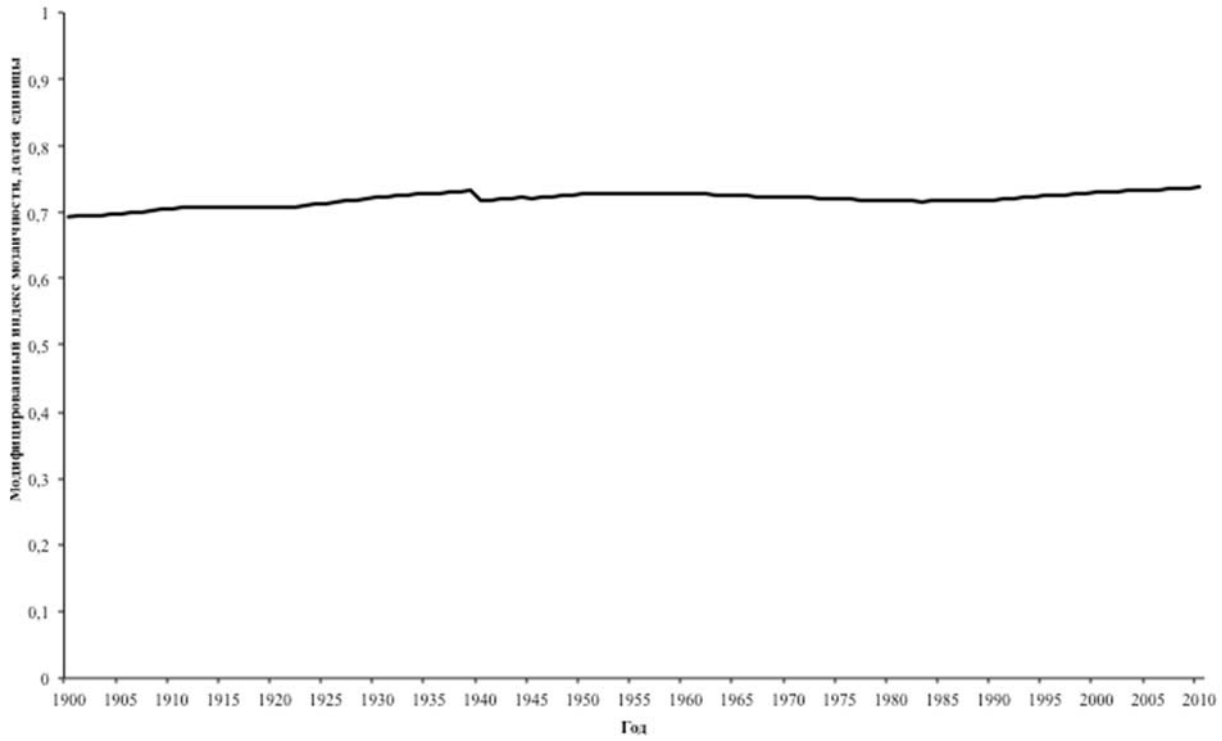


Рис. 7. Изменение значений модифицированного индекса мозаичности по религиям Маврикия в 1900–2010 гг.

Интересная ситуация сложилась в конфессиональном пространстве Маврикия, где мы можем наблюдать в рамках доступных нам с 1900 г. данных фазу паритета (значение МИМ составляет 0,7), обусловленную соперничеством трех религий: индуизма, ислама и христианства. Столь большая длительность этой фазы объясняется тем, что каждую из конкурирующих на острове религий образуют представители мигрантских этноконфессиональных групп, что делает религиозную конверсию между ними фактически невозможной и консервирует тем самым конфессиональную структуру населения страны.

В Нигерии и Чаде соперничество между тремя крупнейшими в регионе религиями – христианством, исламом и этнорелигиями – также оказалось надолго остановленном в фазе паритета – с начала XX и середины XIX вв. соответственно. Такая аномальная продолжительность фазы паритета в этих странах объясняется тем, что в их различных регионах проходили два Р-цикла, фактически никак не связанных друг с другом. На севере Нигерии и Чада[7] проходил цикл замещения этнорелигий исламом, а на юге (как и на западе Танзании) этнорелигии вытеснялись христианством. На рубеже нынешнего и прошлого веков вследствие сокращения в этих странах численности адептов этнорелигий конверсионный потенциал христианства и ислама оказался фактически исчерпанным, что еще более обострило соперничество этих мировых религий;

3) *подтип нисходящей замедленной цикличности* формируют завершающие или прошедшие Р-цикл замещения этнорелигий исламом страны западного Сахеля (Нигер, Мали, Сенегал) и лежащие несколько южнее Гамбия и Гвинея. Начало данного цикла относится к первой половине XIX в., фаза паритета – к рубежу XIX–XX вв., а столетие спустя цикл заканчивался (рис. 8) либо этапами окончательного замещения (в случае Мали и Гвинеи), либо религиозного насыщения (Нигер и Сенегал). Таким образом, длительность Р-цикла в странах данного типа составляет более 150 лет. Удлиненность здесь Р-цикла обусловлена неблагоприятной ситуацией для конверсии во время его протекания – слабостью политических и экономических связей с мусульманским миром, сопротивлением колониальной администрации распространению ислама и др. В Гамбии цикл замещения этнорелигий исламом имеет свои особенности. Он длился еще дольше и начался раньше, чем в остальных странах данного подтипа, поэтому уже в 1900 г. конфессиональное пространство Гамбии находилось в фазе окончательного замещения, а в 1997 г. эта фаза прервалась в результате роста численности христиан, что привело к запуску нового Р-цикл замещения ислама христианством.

Последний, шестой *тип – секулярный* – образуют страны, ход графика МИМ которых довольно сильно отличается. Поэтому объединены они не по схожести протекания процесса конкуренции между религиями, а на основе того, что основным конкурентом религии в настоящее время здесь выступают светские идеологии. Эта картина весьма нетипична для Африки, однако же в ЮАР, Ботсване, на Сейшельских Островах и Кабо-Верде доля нерелигиозного населения (в самом широком смысле – в соответствии со статистическим делением) неуклонно возрастает.

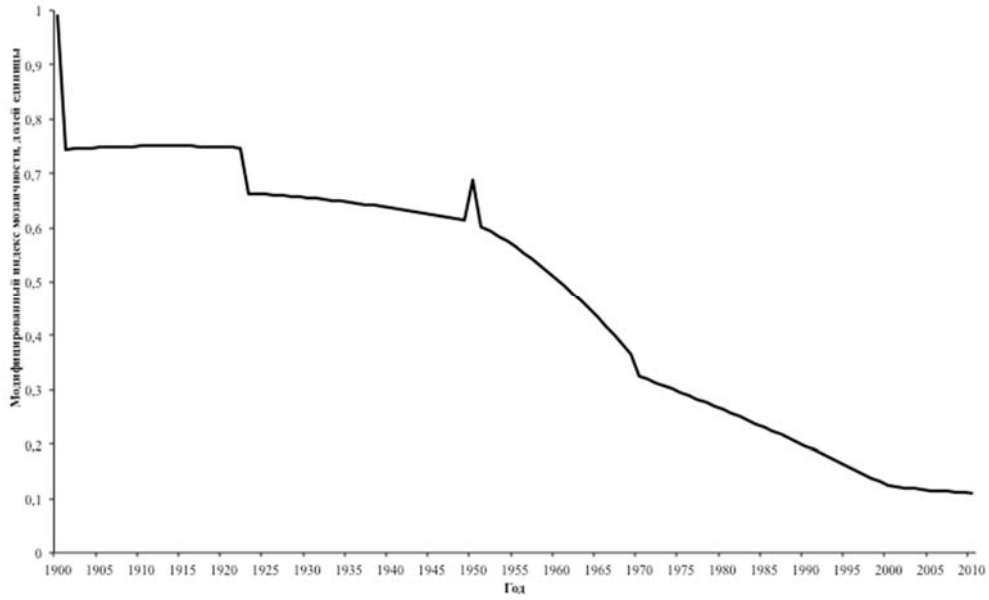


Рис. 8. Изменение значений модифицированного индекса мозаичности по религиям Нигера в 1900–2010 гг.

ЮАР стала первой страной континента, в которой начался Р-цикл замещения этнорелигий христианством. К 1885 г. конфессиональное пространство ЮАР достигло паритета, а в 1950 г. началась фаза окончательного замещения (рис. 9). Именно в рамках этой фазы вследствие роста численности нерелигиозного населения страны Р-цикл был впервые в Африке прерван циклом нового качества – циклом религиозно-секулярной (социальной) конкуренции, или С-циклом.

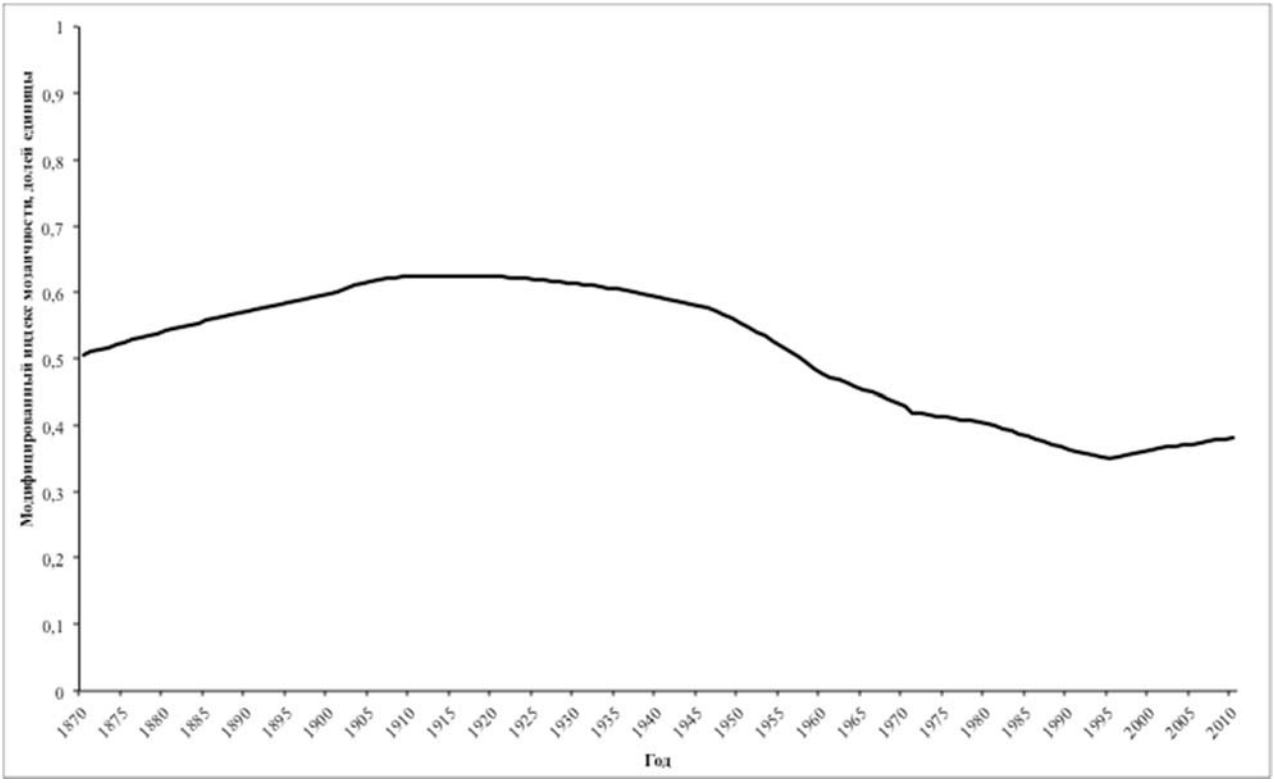


Рис. 9. Изменение значений модифицированного индекса мозаичности по религиям ЮАР в 1870–2010 гг.

Для Сейшельских Островов и Кабо-Верде нынешний С-цикл – фактически первый в истории страны, поскольку до прихода европейцев они были необитаемы и до недавнего времени абсолютное большинство населения страны было христианским: конфессиональное пространство страны находилось на РН-

этапе. Религиозная статистика Ботсваны достаточно противоречива, однако же в последнее время она фиксирует устойчивый отход населения от религии: так, по данным последней переписи 2011 г., к числу нерелигиозных (“No Religion”) относят себя более 15% населения страны старше 12 лет [29].

Выводы

Причиной запуска большинства Р-циклов, которые сформировали современное конфессиональное пространство Африки, стала по-настоящему жесткая конкурентная борьба между христианством, исламом и этнорелигиями. Масштабная колонизация, явившаяся главной причиной успехов на континенте миссионерской деятельности западных церквей, началась в Африке позже, чем в остальном мире, – лишь во второй половине XIX в., поэтому к началу Первой мировой войны страны этого континента подошли в самом разгаре Р-цикла смены этнорелигий христианством в странах к югу от Сахеля и серьезными претензиями с его стороны на лидерство в традиционно исламских районах Африки – к северу. Тем не менее в дальнейшем, уже в постколониальную эпоху, с одной стороны, уход европейцев вызвал поворот Р-цикла вспять в Северной Африке, что привело к возвращению лидерства ислама вплоть до наступления здесь его полного доминирования – этапа религиозного насыщения. С другой стороны, схожая ситуация произошла и в Южной, а также в большей части стран Центральной и Восточной Африки, где главенствующую роль стало играть христианство, почти полностью вытеснившее этнорелигии.

Таким образом, в большинстве стран континента Р-циклы либо находятся в своих завершающих фазах, либо их конфессиональное пространство достигло этапа религиозного насыщения. К их числу относится 31 страна, мы отнесли их к типам с первого по четвертый и подтипу нисходящей замедленной цикличности пятого типа. Согласно нашим прогнозам, конфессиональное пространство этих стран – по крайней мере до середины XXI в. – скорее всего, не претерпит существенных изменений. Конкуренция между исламом и христианством здесь будет идти медленными темпами, наиболее значимым это соперничество станет для стран третьего (Кения), четвертого (прежде всего, Габона) и отчасти пятого типов; в странах второго и особенно первого типов оно будет малозаметно и не сможет поколебать установившийся здесь этап религиозного насыщения.

Хотя по сравнению с бурным для конфессионального пространства Африки двадцатым веком сейчас мы можем наблюдать относительное затишье, однако оно затронуло далеко не всю ее территорию. Действительно, начиная с 90-х гг. прошлого века на Черном континенте происходит сжатие зоны активной религиозной конкуренции. Соперничество между тремя главными религиями – в особенности между христианством и исламом – хотя и остается актуальным в начале XXI в. для всей Африки, однако в настоящее время в наибольшей степени оно активизировалось в странах Сахеля, где христианство (распространяясь с юга континента) и ислам (с севера) сталкиваются друг с другом с особой силой. Именно в этой зоне и сразу к югу от нее расположено большинство стран пятого типа динамики конфессионального пространства: их поляризованное конфессиональное пространство, разделенное на две или даже три части, активизирует обострение межобщинных противоречий и даже способствует возникновению открытых конфликтов на религиозной почве. Весьма закономерным в этом отношении представляется развитие здесь исламских террористических группировок – прежде всего в Нигерии [30]. Затяжные конфликты на религиозной почве могут привести к расколу страны по конфессиональному принципу, как это произошло в 2011 г. в Судане; в результате в новом Судане стал доминировать ислам, а в Южном Судане – превалировать христианство. При этом наиболее уязвимыми к подобному негативному сценарию являются, прежде всего, некоторые страны подтипа пиковой замедленной цикличности, конфессиональное пространство которых фактически поделено между христианством и исламом. Этот раскол хорошо виден на примере современной Нигерии, мусульманский Север которой живет по законам шариата, а на христианском Юге укрепляет свои позиции «замешанный» на религии сепаратизм. Данная ситуация характерна и для стран подтипа восходящей замедленной цикличности: тенденция к расколу в их конфессиональном пространстве нарастает по мере «истончения» в нем слоя этнорелигий вследствие конверсии их адептов в христианство или ислам – многие из таких стран (Мозамбик, Кот-д’Ивуар, Камерун, Танзания и ряд других) по мере развития этого процесса перейдут в следующий подтип.

Таким образом, концепция цикличности конфессионального пространства под влиянием религиозной конкуренции, на наш взгляд, дает возможность установить особенности его развития в зависимости от количественных значений численности адептов всех образующих его религий. При этом имеется возможность не только достаточно точно определить время начала Р-цикла замещения одной религии другой (другими), но и, исходя из продолжительности и особенностей прохождения циклов религиозной конкуренции в пределах многих стран, выделять типы динамики их конфессионального пространства и определить перспективы его развития в будущем, даже для такого сложного для любых прогнозов континента, как Африка.

Примечания

[1] Несмотря на существующие отличия, в данном исследовании понятия «религиозный» и «конфессиональный» рассматриваются в качестве синонимичных.

[2] Здесь и далее, если не указано иное, статистические данные приводятся по [18].
[3] К данной конфессиональной группе относятся адепты автохтонных верований и культов, которые сформировались у народов Африки еще до появления в регионе христианства и ислама.
[4] Цивилизационная миссия, или концепция «Three C's – Christianity, Commerce, Civilization» («Христианство, Коммерция, Цивилизация»).
[5] По крайней мере, в рамках доступного для анализа временного интервала длительностью не менее 110 лет.
[6] Судан относился к данному подтипу до 2011 г., когда страна была разделена на мусульманский Судан и христианский Южный Судан, что стало убедительной иллюстрацией конфликтогенности поляризованного конфессионального пространства. Длинные ряды конфессиональной статистики по этим странам отсутствуют, однако, согласно доступным данным, современный Судан можно отнести к типу стран каскадной цикличности (христианское население этой страны, представленное в основном выходцами с юга, было изгнано после раздела 2011 г.: в результате конфессиональное пространство вернулось к этапу насыщения), а Южный Судан, в конфессиональном пространстве которого проходит цикл смены этнорелигий христианством (фаза $РЗ_2$), – к подтипу восходящей замедленной цикличности.
[7] А также на востоке входящей в предыдущий подтип Танзании.

Список источников

1. Спицнадель В.Н. Основы системного анализа. СПб. : Бизнесс-пресса, 2000. 326 с.
2. Juglar C. Des Crises Commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis. Paris : Guillaumin, 1862.
3. Kuznets S. Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations. Boston : Houghton Mifflin, 1930.
4. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 480 с.
5. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М. : Экономика, 2002. 767 с.
6. Dromel J. La loi des revolutions, les generations, les nationalités, les dynasties, les religions. Paris : Didier and Co, 1862.
7. Lorenz O. Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben. Berlin : W. Hertz, 1886.
8. Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. T. 3: Le temps du Monde. Paris : Armand Colin, 1986.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М. : Институт русской цивилизации ; Благословение, 2011. 812 с.
10. Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. Vol. 1: Gestalt und Wirklichkeit. Wien ; Leipzig : Wilhelm Braumüller, 1918.
11. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М. : Прогресс, 1996. 607 с.
12. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л. : Гидрометеоиздат, 1990. 526 с.
13. Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. М. : Экономика, 2004. 448 с.
14. Sorokin P.A. A survey of the cyclical conception of social and historical process // Social Forces. 1927. Vol. 6, № 1. P. 28–40.
15. Weber L. Le Rythme du progrès: Etude sociologique. Paris : F. Alcan, 1913.
16. Sergeev M. Theory of Religious Cycles: Tradition, Modernity, and the Bahá'í Faith. Boston : BRILL, 2015.
17. Горохов С.А. Динамика конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции : дис. … д-ра геогр. наук. М., 2017. 394 с.
18. Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project – Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0) 2019. URL: https://www.thearda.com/Archive/Files/Descriptions/RCSDEM2.asp
19. Gorokhov S.A. The Cyclical Movement of Religions: From Unity toward… Unity // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 89, № 4. P. 388–395.
20. Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–42.
21. Горохов С.А. Куда перемещается центр роста глобального христианства? // Азия и Африка сегодня. 2012. № 12 (665). С. 44–48.
22. The Philosophy of Colonialism: Civilization, Christianity, and Commerce. URL: https://scholarblogs.emory.edu/violenceinafrica/sample-page/the-philosophy-of-colonialism-civilization-christianity-and-commerce/
23. Gorokhov S.A., Dmitriev R.V., Zakharov I.A. Territorial Development of Christianity in Africa in the 20th–Early 21st Centuries // Geography and Natural Resources. 2018. Vol. 39, № 1. P. 88–94.
24. Zurlo G.A., Johnson T.M. World Christian Encyclopedia. 3rd ed. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2019.
25. Ходжсон М. История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней. М. : Эксмо, 2013. 1088 с.
26. Stewart C.C. Islam // The Cambridge History of Africa. 1905 to 1940. Vol. 7 / A.D. Roberts (ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 1986. P. 191–222.
27. Захаров И.А. Роль христианских церквей в геоэкономическом и геополитическом соперничестве европейских держав на африканском континенте: XX–XXI вв. // Ученые записки Института Африки РАН. 2019. № 4 (49). С. 82–92.
28. Christianity in its Global Context, 1970–2020: Society, Religion, and Mission. South Hamilton, MA : Gordon-Conwell Theological Seminary, 2013.
29. Botswana Population & Housing Census 2011: National Statistical Tables. Gaborone : Statistics Botswana, 2015.
30. Dmitriev R.V., Gorokhov S.A., Zakharov I.A. Spatial Expansion of Islamic Extremism in the Lake Chad Basin: Current Situation and Prospective Directions // Filosofia Theoretica. 2020. Vol. 9, № 1. P. 47–61.

References

1. Spitsnadel', V.N. (2000) *Osnovy sistemnogo analiza* [Fundamentals of Systems Analysis]. Saint Petersburg: "Bizness-pressa".
2. Juglar, C. (1862) *Des Crises Commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux États-Unis.* Paris: Guillaumin.
3. Kuznets, S. (1930) *Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations.* Boston: Houghton Mifflin.
4. Tugan-Baranovskiĭ, M.I. (2008) *Periodicheskie promyshlennye krizisy* [Periodic Industrial Crises]. Moscow: Direkt-Media.
5. Kondrat'ev, N.D. (2002) *Bol'shie tsikly kon"yunktury i teoriya predvideniya: Izbrannye trudy* [Major Cycles of Conjuncture and Anticipation Theory: Selected Works]. Moscow: Ekonomika.
6. Dromel, J. (1862) *La loi des revolutions, les generations, les nationalités, les dynasties, les religions.* Paris: Didier and Co.
7. Lorenz, O. (1886) *Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben.* Berlin: W. Hertz.
8. Braudel, F. (1986) *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. Tome 3: Le temps du Monde.* Paris: Armand Colin.
9. Danilevskii, N.Ya. (2011) *Rossiia i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Inst. Russ. Tsivilizatsii.

10. Spengler, O. (1918) *Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte.* Vol. 1: Gestalt und Wirklichkeit. Wien und Leipzig: Wilhelm Braumüller.
11. Toynbee, A.J. (1996) *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow: Progress.
12. Gumilev, L.N. (1990) *Ėtnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
13. Yakovets, Yu.V. (2004) *Ėpokhal'nye innovatsii XXI veka* [Epochal Innovations of the 21st Century]. Moscow: Ekonomika.
14. Sorokin, P.A. (1927) A survey of the cyclical conception of social and historical process. *Social Forces.* 6 (1). pp. 28–40.
15. Weber, L. (1913) *Le Rythme du progrès: Etude sociologique*. Paris: F. Alcan.
16. Sergeev, M. (2015) *Theory of Religious Cycles: Tradition, Modernity, and the Bahá'í Faith.* Boston: BRILL.
17. Gorokhov, S.A. (2017) *Dinamika konfessional'nogo geoprostranstva mira pod vliianiem religioznoĭ konkurentsii* [Dynamics of the global religious landscape as affected by religious competition]. Geography Dr. Diss. Moscow.
18. Brown, D. & James, P. (2019). *Religious Characteristics of States Dataset Project – Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0)*. [Online] Available from: https://www.thearda.com/Archive/Files/Descriptions/RCSDEM2.asp
19. Gorokhov, S.A. (2019) The Cyclical Movement of Religions: From Unity toward … Unity. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 89 (4). pp. 388–395.
20. Ekkel', B.M. (1976) Opredelenie indeksa mozaichnosti natsional′nogo sostava respublik, kraev i oblasteĭ SSSR [An Index for Evaluating the Mosaic Character of Ethnic Settlement in the Republics, Krays and Oblasts of the USSR]. *Sovetskaya Etnografiya*. 2. pp. 33–42.
21. Gorokhov, S.A. (2012) Kuda peremeshchaetsia tsentr rosta global'nogo khristianstva? [Where does the Center of Global Christianity Move?]. *Asia and Africa Today*. 12 (665). pp. 44–48.
22. Scholarblogs.emory.edu. (n.d.) *The Philosophy of Colonialism: Civilization, Christianity, and Commerce*. [Online] Available from: https://scholarblogs.emory.edu/violenceinafrica/sample-page/the-philosophy-of-colonialism-civilization-christianity-and-commerce
23. Gorokhov, S.A., Dmitriev, R.V. & Zakharov, I.A. (2018) Territorial Development of Christianity in Africa in the 20th – Early 21st Centuries. *Geography and Natural Resources*. 39 (1). pp. 88–94.
24. Zurlo, G.A. & Johnson, T.M. (2019) *World Christian Encyclopedia*. 3rd ed. Edinburgh: Edinburgh University Press.
25. Hodgson, M. (2013) *Istoriya islama: Islamskaya tsivilizatsiya ot rozhdeniya do nashikh dney* [The History of Islam: Islamic Civilization from Birth to the Present]. Moscow: Ėksmo.
26. Stewart, C.C. (1986) Islam. In: Roberts, A.D. (ed.) *The Cambridge History of Africa.* Vol. 7. 1905 to 1940. pp. 191–222. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Zakharov, I.A. (2019) Rol′ khristianskikh tserkvey v geoekonomicheskom i geopoliticheskom sopernichestve evropeyskikh derzhav na Afrikanskom kontinente: XX–XXI vv. [The Role of Christian Churches in Geo-Economical and Geopolitical Rivalry of European Nations in Africa: 20th–21st Centuries]. *Journal of the Institute for African Studies*. 4 (49). pp. 82–92.
28. Center for the Study of Global Christianity. (2013) *Christianity in its Global Context, 1970–2020: Society, Religion, and Mission*. South Hamilton, MA: Gordon-Conwell Theological Seminary.
29. Statistics Botswana. (2015) *Botswana Population & Housing Census 2011: National Statistical Tables*. Gaborone: Statistics Botswana.
30. Dmitriev, R.V., Gorokhov, S.A. & Zakharov I.A. (2020) Spatial Expansion of Islamic Extremism in the Lake Chad Basin: Current Situation and Prospective Directions. *Filosofia Theoretica.* 9 (1). pp. 47–61.

Информация об авторах:
Горохов С.А. – д-р геогр. наук, ведущий научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: stgorohov@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-9984-6054
Дмитриев Р.В. – д-р геогр. наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: dmitrievrv@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-4018-9832
Захаров И.А. – канд. геогр. наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: vanszax@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-3838-169X

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
S.A. Gorokhov, Dr. Sci. (Geography), leading researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: stgorohov@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-9984-6054
R.V. Dmitriev, Dr. Sci. (Geography), senior researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: dmitrievrv@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-4018-9832
I.A. Zakharov, Cand. Sci. (Geography), senior researcher, Institute for African Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: vanszax@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-3838-169X

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.07.2022;
одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 12.07.2022;
approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 93/94: 336.763.3
doi: 10.17223/15617793/486/14

«Сегодня играю с министром финансов Зверевым в 1-й тираж 1-го займа»: проблематика выигрыша по займам в эго-документах 1946–1957 гг.

Марина Александровна Клинова [1]

[1] *Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия*
klinowa.m@yandex.ru

Аннотация. Предпринят анализ текстов дневниковых записей советских граждан 1946–1957 гг., посвященных проблематике выигрышей по государственным займам, направленный на выявление монетарных стратегий, суждений и «выигрышных» ожиданий населения, оценку объемов выигрышей граждан по облигациям. Доказано, что суммы доходов населения по облигациям не превышали 30–40% от сумм их расходов на подписку по займам. Выявленная динамика количества выигрышей граждан по облигациям была в значительной степени обусловлена изменениями условий проведения государственных внутренних займов 1946–1957 гг.

Ключевые слова: займы, облигации, выигрыш, дневники, бюджетные обследования

Для цитирования: Клинова М.А. «Сегодня играю с министром финансов Зверевым в 1-й тираж 1-го займа»: проблематика выигрыша по займам в эго-документах 1946–1957 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 137–146. doi: 10.17223/15617793/486/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/14

“Today I am playing with Finance Minister Zverev in the first drawing of the first loan”: The problems of winning loans in ego-documents of 1946–1957

Marina A. Klinova[1]

[1] *Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation*
klinowa.m@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the texts of diary entries of Soviet citizens of 1946–1957 dedicated to the problem of winnings on government loans. The author aims at identifying monetary strategies, judgments and “winning” expectations of the population, and assessing the volume of citizens’ winnings on bonds. The material is the diary entries of 12 citizens of various regions of the USSR, made in 1946–1957. The following sources were also used: office documentation, press, materials of budget surveys. The analysis showed that the topic of winning on bonds was much more important for citizens aged 31 to 50. Depending on the content, all the analyzed diary entries were divided into three groups. The first of them included records in which citizens talked about possible winnings, expressed their hopes about them, described actions related to winning loans (buying bonds, checking the circulation, etc.), or stated the absence of winning bonds. This group includes 23 stories (41% of the total number). The second group includes entries that mention friends and colleagues that won on loans (6 stories (11%)). The third group includes diary entries in which authors tell about their winnings on loans (27 stories (48.2%)). The most frequent were winnings on loans up to 500 rubles inclusive, with a pronounced predominance of winnings of 200 rubles. The amount of citizens’ winnings on bonds did not exceed 30–40% of the volume of citizens’ subscriptions to loans. The results obtained correlate with the data of budget surveys of secular citizens. The entries in the diaries reflecting various aspects of winnings on loans were not quantitatively equivalent within the analyzed period of 1946–1957. The largest number of stories on the feelings of citizens about winning loans, various relevant activities (buying, checking bonds, etc.) are recorded in the diary entries of the second half of the 1940s, declining in the 1950s. This dynamic is synchronized with the increase in the standard of living of the population. As a result of the gradual growth of wealth in the 1950s, the relevance of winning loans decreased, and the number of “winning” experiences of citizens decreased. An increase in the facts of small (200–500 rubles) winnings on government bonds in the 1950s was revealed (especially in 1951–1954), due to changes in the terms of government domestic loans in 1946–1957.

Keywords: loans, bonds, winnings, diaries, budget surveys

***For citation*:** Klinova, M.A. (2023) “Today I am playing with Finance Minister Zverev in the first drawing of the first loan”: The problems of winning loans in ego-documents of 1946–1957. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 137–146. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/14

© Клинова М.А., 2023

На протяжении значительного исторического периода неотъемлемой частью советских социальных реалий являлись государственные внутренние займы. Проблематика проводимых в СССР кампаний подписки на займы не является новой для историографии. К изучению данной темы обращались зарубежные авторы [1–3]. В работах отечественных исследователей на общесоюзных и региональных материалах рассмотрены организационные-правовые аспекты проведения займов 1946–1957 гг., объемы подписки, динамики государственного долга по займам и пр. [4–7]. В исторических разработках нашла отражение тема конверсии займов, проведенной в 1947 г. [8]. Достаточно подробно рассмотрена проблематика отмены государственных внутренних займов 1957 г. [9, 10]. Актуальным направлением отечественных разработок является изучение вопросов восприятия населением займов и проводимых подписных кампаний [11]. Тематика отношения советских граждан к выигрышам по государственным займам рассматривается в статье М.Д. Новикова на основе анализа «писем во власть» [12]. Данная тематика не анализировалась на материалах эго-документов (дневников, воспоминаний), что актуализирует проблематику проводимого исследования.

В данной работе предпринят анализ текстов дневниковых записей советских граждан 1946–1957 гг., посвященных проблематике выигрышей по государственным займам, направленный на выявление монетарных стратегий, суждений и «выигрышных» ожиданий населения, оценку объемов выигрышей граждан по облигациям.

К тематике государственных займов советские граждане достаточно часто обращалась в своих дневниковых записях, отмечая суммы подписки, сроки проведения займов, свое отношение к данным кампаниям, но записи, посвященные тематике выигрышей по облигациям (ожидаемым или фактическим), встречались в дневниках значительно реже. Источниковую основу составили дневниковые записи двенадцати граждан, сделанные в период 1946–1957 гг. (в работе использовались материалы дневников, размещенные на сайте prozhito.org). География исследования охватывает жителей таких городов и областей СССР, как Караганда, Киров, Ленинград, Москва, Молотов, Одесса, Омск, Алтайский край, Ленинградская обл., Магаданская обл., Новосибирская обл., Томская обл. В рамках исследования рассмотрены дневниковые записи представителей различных социальных, профессиональных групп советского социума (горожан: преподавателей вузов, геолога, литературоведа, студента, рабочего, инженеров и пр.; сельских жителей: учителей, граждан, находящихся в ссылке либо высланных). В качестве источников в работе также использовались: делопроизводственная документация, пресса (газеты: «Правда», «Красный север» (г. Вологда), «Уральский рабочий» (г. Свердловск), «Советская Сибирь» (г. Новосибирск), «Металлург» (Выксунский металлургический завод (Горьковская обл.)); журнал «Огонек») и материалы бюджетных обследований, проводимых в СССР во второй половине 1940-х–1950-е гг.

На протяжении периода 1946–1957 гг. в СССР проводились займы, размещаемые по подписке: Государственные займы восстановления и развития народного хозяйства СССР (1946–1950 гг.), Государственные займы развития народного хозяйства СССР (1951–1957 гг.), а также Государственные внутренние выигрышные займы, облигации которых свободно продавались сберкассами. В условиях проводимых займов (массовых и выигрышных) оговаривались правила выигрышей граждан по облигациям – максимальные и минимальные суммы возможных выигрышей, общее количество и общие суммы выигрышей, разыгрывающихся во всех тиражах займа. В периоды пропагандистских кампаний, разворачивающихся в СМИ во время проведения подписки на займы, озвучивались суммы выигрышей граждан: «В прошлом году я подписалась на заем на 500 рублей, а выиграла 1800 рублей» [13. С. 1]. Тематика выигрыша являлась ключевой и в рекламных объявлениях прессы, посвященных выигрышным займам. Обнадеживающими слоганами: «вы можете выиграть…», «можно выиграть…» и прочим, пестрили тексты газетных и журнальных объявлений [14. С. 4; 15. С. 33]. Означенная презентация займов как лотереи, сулящей решение материальных трудностей, была направлена на стимуляцию активности граждан в подписке на заем, а также покупку облигаций.

Обращение к дневниковым записям светских граждан позволяет прийти к выводу, что тематика выигрыша не была им чужда.

Анализ дневниковых записей позволил выявить неравноценную частотность обращения к тематике выигрыша по займам в различных возрастных группах советского социума (табл. 1). Значительно больше данная тема волновала граждан от 31 до 50 лет. Это объясняется тем, что, во-первых, представители данной возрастной группы работали и привлекались к подписке на займы (в отличие от граждан до 20 и после 60 лет); во-вторых, они имели семьи и проблема распределения семейного бюджета, а также получения дополнительных источников доходов была для них достаточно актуальна.

Таблица 1

Возрастное распределение граждан, упоминавших о выигрышах по облигациям в своих дневниковых записях (1946–1957 гг.)[1]

Возрастная группа	До 20 лет	От 21 до 30 лет	От 31 до 40 лет	От 41 до 50 лет	От 51 до 60 лет	От 61 года и старше
Количество граждан	1	1	4	4	1	1

Обращение граждан в своих дневниках к тематике выигрышей по займам могло иметь различный характер. В зависимости от содержания дневниковых записей все они были разделены нами на три группы.

К первой из них были отнесены записи, в которых граждане рассуждали о возможных выигрышах, высказывали свои надежды по поводу них, совершали какие-либо действия, связанные с выигрышем по займам (покупка облигаций, проверка тиража и пр.), либо констатировали отсутствие выигрыша по облигациям. Общее количество дневниковых сюжетов данной группы составило 23 (41% от общего количества упоминаний о выигрышах в анализируемых дневниках граждан 1946–1957 гг.) (табл. 2).

Таблица 2

Количественная выраженность сюжетов различной тематики, посвященных выигрышам по займам, в дневниках советских граждан 1946–1957 гг.

Дневниковые сюжеты	Год												
	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	Итого
Проверка, покупка облигаций, наблюдение, надежды на выигрыш и пр.		7	4	2	1	1	5			2	1		23
Факт выигрыша по облигациям (знакомые, приятели и пр.)	1	1	2					1	1				6
Факт выигрыша по облигациям в своей семье	1	2		1		5	4	4	5	1	3	2	27
Итого	2	10	6	3	1	6	9	5	6	3	4	2	56

Фактически данная группа дневниковых записей включает в себя как монетарные практики граждан, так и их суждения и надежды по поводу выигрыша. Приведем некоторые примеры «выигрышных» ожиданий граждан, зафиксированных в дневниковых записях. Сквозящие уверенностью суждения по поводу возможности выигрыша читаем в дневнике А.И. Дмитриева (рабочий, г. Молотов): «…вчера я и сегодня играю с министром финансов Зверевым в 1-й тираж 1-го займа восстановления народного хозяйства, который состоится в г. Кишиневе. Думаю, что выиграю я. Будем ждать официальной таблицы» [16. Запись от 08.06. 1947 г.]. В другой записи А.И Дмитриева также фиксируются оптимистические надежды на выигрыш: «…интересно: скоро – нет выйдет таблица займа Народного хоз-ва и сколько я там выиграю?». [16. Запись от 27.06.1947 г.]. Нередко возможность выигрыша граждане связывали с влиянием высших сил, обращаясь к ним: «Господи, помоги. Хотя бы на облигации выиграть» [17. Запись от 24.05.1947 г.] (З.А. Мечтова, сельская учительница, Алтайский край); либо пытались «узреть» вероятность выигрыша в своих снах: «Опять видел “денежный” сон. А на днях тираж займа. Может быть, опять выигрыш улыбнется» [16. Запись от 18.01.1952 г.]; «Я на днях сон “денежный” видел. Так вот – или мне большой окончательный (расчет. – *М.К.*) дадут или, может быть, мы на заем выиграем» [16. Запись от 04.05.1952 г.] (А.И. Дмитриева, рабочий, г. Молотов). К данной группе сюжетов отнесены и записи, в которых авторы дневников констатируют отсутствие выигрыша: «Проверил свои облигации, но они ничего не выиграли» [18. Запись от 22.09.1947 г.] (Б.В. Талантов, преподаватель, г. Киров), а также разочарованы в своем невезении: «Проверили облигации, не хватает одного номера, а то 25 рублевой выиграли бы 500 руб. – опять не везет» [19. Запись от 17.05.1950 г.] (А.А. Алексанян, выселена с семьей, Томская обл.); «Проверил таблицу 3го займа, и ничего не выиграл. Просто обидно, так много выигрывают, а я все мимо, и мимо просто не везет» [20. Запись от 13.07.1949 г.] (А.А. Тулюлюк, инженер-связист, г. Омск). В некоторых дневниковых записях отсутствие выигрыша и чужое везение рассматриваются как проявление некоторой несправедливости: «Как назло, даже тиражи выигрышей следуют один за другим мимо нас на 2–3 номера, попадая в дырявые карманы тех, кто меньше всего в этом нуждается» [21. Запись от 14.08.1955 г.] (В.А. Швец, преподаватель, г. Одесса).

В данную группу дневниковых записей были отнесены не только сюжеты-суждения граждан по поводу выигрыша, но и сюжеты, высвечивающие конкретные практики граждан, стремящихся к выигрышу по облигациям. Вышеприведенные записи позволяют отметить самую распространенную из них – проверку таблиц тиражей выигрышей. Информация о проверке облигаций презентуется в дневниках как обыденная практика, лишенная лотерейного азарта и предвкушения выигрыша, скорее, как вскользь упомянутое действие, зафиксированное в дневнике между метеорологическими наблюдениями авторов и перечнем решенных ими за день дел: «Теплый, как в апреле день, несколько туманный. Был в городе – везде пустынно. Прохожих мало. Проверял тираж» [21. Запись от 01.01.1956 г.] (В.А. Швец, преподаватель, г. Одесса); «Заплатил за радио, электричество и квартиру (87 р.), проверил облигации и сходил в комиссионный магазин» [18. Запись от 09.10.1947 г.] (Б.В. Талантов, преподаватель, г. Киров). Нередко номера и серии облигаций переписывались гражданами от руки для удобства их проверки. Так, например, в одной из записей дневника Б.В. Талантова авторами, работавшими с рукописью, сделано археографическое примечание: «В конце дневника… шесть страниц посвящены облигациям госзаймов 1939–1946 гг. (в таблицу внесены номера серий и номера облигаций, их достоинства, номера проверенных платежей, номера и сроки тиражей в 1947 г.» [18. Запись от 21.04.1947 г.].

Помимо проверки таблиц тиражей в дневниках граждан высвечивается лотерейная стратегия, реализуемая в покупке облигаций с целью выигрыша: «Сейчас с продовольствием пока туговато, да и с

деньгами тоже, т.к. Ляля, одержимая мечтой выиграть 50 000, все наши деньги вложила в выигрышный 3% заем, ранее называвшийся займом 1938 года, выигрыш которого должен был состояться 30 мая. Пока о результатах тиража нет никаких слухов, дома же мы сидим без денег, перебиваемся кое как мелкими займами» [22. Запись от 10.06.1949 г.] (Б.И. Вронский, геолог, Магаданская обл.). Из данной записи очевидно, что последствия такой лотерейной стратегии могли быть весьма плачевны для семейного бюджета. Проявления лотерейной стратегии фиксируются в дневнике А.И. Дмитриева: «Я в этом году решил сыграть на облигациях. Купил себе их на рынке несколько “штук” и думаю, что не проиграю» [16. Запись от 01.04.1947 г.]. Однако стремление выиграть по облигациям, точнее покупка их у граждан, могла негативно отразиться не только на семейном бюджете, но и быть чревата судебным разбирательством. Так, например, Б.И. Вронский описывает в своем дневнике следующий случай: «Один из бухгалтеров какого-то предприятия посажен в тюрьму и на днях будет судиться за то, что он покупал облигации государственных займов у граждан. У него их обнаружили тысяч на 200. Каждый год он по ним выигрывал 6–10 тысяч. Все у него конфисковали, пенсии он теперь лишился, и что его ждет дальше – неизвестно» [22. Запись от 22.12.1954 г.]. Б.И. Вронский, комментируя вышеприведенный случай в своем дневнике, пишет: «Тоже мне непонятно, в чем его преступление. Государство облигаций не принимает, и неужели является преступным продажа или покупка таковых» [22. Запись от 22.12.1954 г.]. Замечание Б.И. Вронского было не лишено логики, однако в соответствии с действующими в СССР законодательными нормами покупка-продажа облигаций приравнивалась к спекуляции. Но, несмотря на это, факты продажи гражданами облигаций были широко распространены в советском социуме, особенно в первые послевоенные годы. Так, например, весной 1947 г. в г. Каменск-Уральском (Свердловская обл.) на одном из рабочих собраний разбирался вопрос о продаже гражданами облигаций по 5 руб. за сторублевую облигацию [23. Л. 61]. Дополнительное приобретение облигаций по цене ниже номинальной увеличивало шансы граждан, стремящихся к выигрышу, и в то же время приносило дополнительный доход продавцам данных ценных бумаг.

Вторую из выделенных групп дневниковых сюжетов составляют записи, в которых упоминаются выигрыши по займам знакомых, коллег по работе авторов дневников. Общее количество сюжетов данной группы составляет 6 (11% от общего количества упоминаний о выигрышах в анализируемых дневниках граждан 1946–1957 гг.). Фактически эта группа является наименее количественно выраженной, записи о «чужих» выигрышах в дневниках были достаточно редкими. В качестве примера можно привести следующие записи: «У нас в цехе, например, Георгий Б. на 25-тирублевую облигацию своей жены выиграл 6 250 руб., т.е. выигрыш-то был 25 000 руб., но он получает только 4-ю часть» [16. Запись от 02.09.1948 г.] (А.И. Дмитриев, рабочий, г. Молотов); «Вечером… были у Павла Петровича, который нас великолепно угостил. Он только что выиграл по займу 400 руб.» [24. Запись от 11.01.1953 г.] (Н.А. Соколов, литературовед, г. Ленинград).

В третью из выделенных групп были объединены дневниковые записи, где авторы повествуют о выигрышах по займам, которые произошли с ними либо с членами их семей. Количество сюжетов данной группы 27 (48,2% от общего количества записей). Из записей следует, что для большинства граждан данные случаи были из ряда вон выходящими, радостными событиями независимо от объема выигрыша: «Очень примечательный день. …Выиграл по займу – 500 р.» [24. Запись от 04.05.1953 г.] (Н.А. Соколов, литературовед, г. Ленинград); «Ну и везет же нам с Зиной за последнее время! Вчера проверял облигации 2-го займа и одна из них – № 021663 – выиграла 200 рублей. Пусть немного, но факт тот что выиграли» [16. Запись от 08.03.1954 г.] (А.И. Дмитриев, рабочий, г. Молотов); «Просматривая опубликованную в “Правде” таблицу выигрышей 2-го займа, нашли выигрыш в 200 руб. на облигации Мамочки. Слава Богу!» [25. Запись от 17.01.1952 г.] (С.Д. Грамматин, ссыльный, Новосибирская обл.). Хотя анализ дневников позволяет заключить, что выигрыш по облигациям не вызывал большой радости у некоторых граждан. В качестве примера можно привести дневниковые записи В.А. Швеца (преподаватель, г. Одесса): «Весь день был дома. По облигации выиграли какую-то мелочь» [21. Запись от 07.05.1951 г.]. Возможно, отсутствие выраженной положительной эмоциональной реакции было связано с незначительной суммой выигрыша, о которой автор дневника умалчивает. Хотя и более существенная сумма выигрыша, обозначенная в дневнике В.А.Швеца, не была отмечена выраженными позитивными переживаниями: «Проверял тираж. Оказалось, что выиграли три облигации по 500 рублей. Если бы эти деньги были получены при других условиях, а не при такой нужде, можно было бы что-то сделать с ними. А так трудно даже решить, куда их пристроить» [21. Запись от 01.05.1956 г.].

Анализируемые девниковые записи граждан позволяют обозначить суммы выигрышей по облигациям. В табл. 3 включены суммы выигрышей самих авторов дневников и их знакомых. Из данных таблицы следует, что наиболее частыми являлись выигрыши по займам до 500 руб. включительно с выраженным превалированием выигрышей по 200 руб. В газетных публикациях периода освещались факты значительных суммарных выигрышей граждан. Так, например, в заметке «Массовая проверка выигрышей по займам», опубликованной в газете «Металлург» (г. Выкса, Горьковская обл.), приводится следующая информация: «В результате проверки на 13 апреля... всего обнаружено 105 выигрышей на сумму 15 900 рублей» [26. С. 2]. Путем несложных вычислений можно найти среднюю сумму одного выигрыша, объем которого составлял 151,4 руб., что в целом подтверждает данные, приведенные в табл. 3.

Таблица 3

Количественная выраженность упоминаний различных сумм выигрышей по займам в дневниках граждан 1946–1957 гг.

Год	Сумма разового выигрыша, руб.									
	100	200	400	500	1 000	1 500	2000	6 250	10 000	Итого
1946										0
1947		3								3
1948								1	2	3
1949				1						1
1950										0
1951	1		2							3
1952		1	1				1			3
1953		1	1	2	1					5
1954		3	1	1						5
1955	1									1
1956		2				1				3
1957		2								2
Итого	2	12	5	4	1	1	1	1	2	29

Выигрыши от 1 000 до 2 000 руб. были достаточно редкими, хотя они отмечены авторами дневников как события, произошедшие с ними либо с членами их семей: «Наконец и нам подвезло. На облигацию 2% займа мы выиграли 2000 рублей – хорошая поддержка. Жаль, что № облигации не сошелся, а то было бы 11 600 руб. Но ничего, и этого хватит» [16. Запись от 12.01.1952 г.] (А.И. Дмитриев, рабочий, г. Молотов).

Факты выигрышей в размере более 6 000 руб., а также 10 000 руб. фиксируются в анализируемых дневниковых записях, но описываются как случаи, произошедшие не с авторами дневников, а с их знакомыми, коллегами по работе и пр. В газетных публикациях указанного периода освещалась информация о еще более крупных выигрышах граждан (25 000, 50 000 руб.) [27. С. 3; 28. С. 2]. В анализируемых дневниковых записях 1946–1957 гг. не отмечены факты выигрышей по облигациям более 10 000 руб., но они фиксируются в воспоминаниях советских граждан. Так, например, А.И. Аджубей (журналист, зять Н.С. Хрущева) приводит следующий детективный сюжет, связанный с крупным выигрышем по облигациям займов: «Николай Александрович Булганин, в ту пору Председатель Совета министров СССР, вернулся со службы домой, и его жена, Елена Михайловна, обрадованно сказала: “Коля, мы выиграли 100 000 рублей”. Надо же такому случиться: Председатель Совета министров выигрывает самую крупную сумму, которая разыгрывалась в займах! Николай Александрович позвонил на службу и приказал привезти ему облигации данного займа. У Елены Михайловны были записаны только номера и серии облигаций, а сами они хранились в сейфе служебного кабинета. Однако, когда проверили облигации, той, которая значилась в газете счастливой, в пачке не оказалось. Булганин тут же позвонил Хрущеву и рассказал о странной пропаже. Никита Сергеевич порекомендовал сообщить по всем сберегательным кассам, чтобы задержать предъявителя. Через несколько дней в сберкассу на улице Горького явилась женщина. Ее поздравили с выигрышем, сказали, что день-два уйдет на экспертизу, так положено, а затем ей выплатят деньги. …Когда женщина явилась, ее задержали. Она призналась, кто дал ей облигацию. …Было установлено, что это помощник Маленкова. …После ареста Берия именно помощнику Маленкова поручили составить опись всех предметов, хранящихся в многочисленных сейфах. Работа заняла у него не один месяц. …Один из сейфов был туго набит облигациями. Помощник Маленкова признался, что, когда он переписывал час за часом, день за днем тысячи облигаций, его черт попутал. Несколько пачек бериевских, то есть теперь уже как бы ничьих, облигаций он сунул себе в карман. Одна из них и оказалась выигрышной. Но одновременно и дважды уворованной» [29].

Очевидно, что случаи крупных выигрышей по займам являлись большой редкостью. По всей видимости, столь существенные суммы значительно превосходили расходы граждан на подписку и покупку облигаций. Но покрывали ли данные расходы менее существенные выигрыши? С целью выявления соотношения затрат граждан на облигации (подписку, покупку) и объемов выигрышей по займам обратимся к дневнику А.И. Дмитриева (рабочий, г Молотов). Его дневниковые записи охватывают период с 1946 по 1955 г. Суммы выигрышей по облигациям он регулярно отмечал в дневнике. Суммы подписки на заем зафиксированы по некоторым годам (1947, 1948, 1951, 1952, 1953, 1955). Сопоставим объемы расходов на подписку с суммами выигрыша А.И. Дмитриева за данные шесть лет. В 1947 г. он подписался на заем на 2 100 руб., а выиграл по облигациям 200 руб.; в 1948 г. подписался на 2 100 руб., а в 1950 г. – на 1 950 руб. и не выиграл по облигациям ничего за эти два года. В 1 952 г. размер подписки составил 2 000 руб., как и размер выигрыша. В 1953 г. А.И. Дмитриев подписался на заем на 800 руб., а выиграл 1 500 руб.; в 1955 г. подписался на 2 250 руб., а выигрыш составил 100 руб. Таким образом, размер выигрыша по облигациям в разные годы мог быть нулевым и составлять 5–10% от суммы подписки, равняться ей, или превышать ее в три раза. Общая сумма подписки на займы А.И. Дмитриева составила за указанные шесть лет 11 150 руб., а объем выигрышей по облигациям – 3 800 руб. (34% от суммы подписки). Расходы превысили выигрыш почти в три раза. Около 70% выигрышей А.И. Дмитриева (2 600 руб.) пришлись на облигации выигрышных займов, а не размещаемых по

подписке. Учитывая все доходы А.И. Дмитриева от облигаций, нужно отметить, что в 1953 г. и 1955 гг. у него погасились три облигации на общую сумму 1 525 руб., которые были им получены. Таким образом, его суммарный доход по облигациям составил за шесть лет 5 325 руб. – 47,7% от суммы подписки на займы [16]. К сожалению, в дневнике не отмечены объемы денежных средств, потраченных А.И. Дмитриевым на покупку облигаций (на рынке, в сберкассе и пр.), хотя данные факты упоминаются в записях [16. Запись от 01.04.1947 г.]. Учет этих трат несколько снизил бы рассчитанный процент дохода, полученного А.И. Дмитриевым по облигациям госзаймов.

Данные о суммах подписки на заем и размерах выигрыша по некоторым годам приводятся и в дневниках других граждан. Так, например, сумма подписки Б.В. Талантова (преподаватель, г. Киров) в 1947 г. составила 1800 руб., а размер его выигрыша в этом же году – 200 руб. (12% от объема затрат) [18. Запись от 22.04.1947 г.; от 22.05. 1947 г.]; сумма годовой подписки Н.А. Соколова (преподаватель, г. Ленинград) составила в 1956 г. 655 руб., а сумма выигрыша – 200 руб. (30,5% от объема затрат) [24. Запись от 19.03. 1956 г.; от 23.03.1956 г.; от 24.05.1956 г.]. Данные вычисления, безусловно, дают приблизительную картину, показывая отдельные примеры доходов (выигрышей) и расходов граждан на облигации, тем не менее они позволяют обозначить определенную тенденцию – суммы выигрышей по облигациям были гораздо (в два, три и более раз) ниже, чем суммы средств, затрачиваемых гражданами на их приобретение по подписке.

С целью сопоставления полученных данных обратимся к материалам бюджетных обследований (табл. 4). Специфика данных материалов заключается в том, что рассчитываемые показатели могли исчисляться по-разному (на семью, на душу населения), а также быть объединены в одну группу (суммированы) в случае, если их дифференциация не представляла важности в рамках проводимых бюджетных обследований. Расходы советских граждан на покупку облигаций государственных займов учитывались в бюджетах рабочих и колхозников отдельной строкой. Но вот объем доходов граждан, полученных от выплат по госзаймам, в большинстве случаев фиксировался вместе с различными выплатами от государственных и общественных организаций. В результате вычленить суммы, полученные гражданами непосредственно по госзаймам, не представляется возможным.

Таблица 4

Государственные займы в структуре бюджетов населения 1946–1957 гг. [30. С. 51–53, 60, 61; 31. Л. 80, 81; 32. Л. 192, 193]

Показатель			Год											
			1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957
Расходы на покупку облигаций	Семьи рабочих Сибири (на семью в год)	руб.	652	890	859	883	907		1142	622	523	490	1058	719
		% к объему расходов	5,4	5,2	5,8	5,5	5,6		6,6	3,6	2,9	5	5,4	3,5
	Семьи квалифиц. рабочих СССР (на семью в год)	руб.								649				
		% к объему расходов								3,5				
	Семьи малоквалифиц. рабочих СССР (на семью в год)	руб.								495				
		% к объему расходов								3,3				
	Население СССР (на чел. в год)	руб.		22,2		24,3	27	33,3	36,8	18,2				
		% к объему расходов		3,8		5,4	5,5	6,3	6,5	3,1				
Доходы от государственных займов	Семьи рабочих Сибири (на семью в год)[2]	руб.	117	165	47	75	121		331	321	373	420	435	309
		% к объему доходов	1,0	1,0	0,3	0,5	0,7		1,9	1,8	2,0	2,2	2,2	1,5
	Семьи квалифиц. рабочих СССР (на семью в год)	руб.								191				
		% к объему доходов								1				
	Семьи малоквалифиц. рабочих СССР (на семью в год)	руб.								119				
		% к объему доходов								0,8				
	Население СССР (на чел. в год)[3]	руб.		13,3		4,6	6,1	7,4	9,4	12,7				
		% к объему доходов		2,3		1	1,2	1,4	1,7	2,1				

Переходя к анализу содержания табл. 4, можно отметить, что суммы, расходуемые гражданами на покупку облигаций государственных займов, постепенно снижались как в натуральном объеме, так и в процентах к уровню расходов граждан. Несколько сложнее оценить динамику объёмов выигрышей по займам. Приводимые С.С. Букиным данные по доходам рабочих Сибири 1946–1957 гг. включают в себя выплаты по страховым суммам (которые существенно увеличились в 1950-е гг. [30. С. 51–53]), в результате невозможно корректно оценить изменения объемов выигрышей граждан по займам. Данные Центрального статистического управления (ЦСУ) по душевым доходам населения СССР позволяют говорить о возрастании в 1950-е гг. объемов выплат по займам. Приводимые цифры не включают пенсии, пособия и стипен-

дии, но включают другие поступления из финансовой системы, специфику которых не представляется возможным оценить. В результате фиксируемая динамика сумм выигрышей также не является достаточно корректной. Из приведенных в табл. 4 данных более информативными представляются результаты обследования бюджетов семей квалифицированных и малоквалифицированных рабочих, проведенного ЦСУ СССР в 1953 г., где учтены поступления от выигрышей по госзаймам. В семьях рабочих этих двух групп поступления от выигрышей по облигациям в 1953 г. составляли около 1% к объему годового дохода семей, в то время как расходы на покупку облигаций равнялись 3,3–3,5% от общего объема семейных расходов. В рамках нашего исследования интерес представляют не столько доля выигрыша в семейном бюджете, сколько соотношение сумм расходов на покупку облигаций и доходов, полученных от них. Применительно к 1953 г. данное сопоставление позволяет заключить, что в семьях квалифицированных рабочих доля выигрыша по государственным займам составляла 29,4% от средств, затраченных на покупку облигаций, а в семьях малоквалифицированных рабочих эта доля равнялась 24%.

В целом данные бюджетов о пропорциях расходов и доходов населения по облигациям сопоставимы с результатами исчислений, основанных на материалах дневников советских граждан.

Возвращаясь к материалам дневников, важно отметить, что записи в них, отражающие различные аспекты выигрыша по займам, были количественно неравноценны в рамках периода 1946–1957 гг. (см. табл. 2). Наибольшее число сюжетов, посвященных переживаниям граждан по поводу выигрыша по займам, различной их деятельности (покупка, проверка облигаций и пр.), фиксируются в дневниковых записях второй половины 1940-х гг. На это время приходится и наибольшее число упоминаний в дневниках граждан о «чужих» выигрышах. В 1950-е гг. значительно снижается количество сюжетов в дневниках граждан этих двух групп. На наш взгляд, данная динамика, синхронизируется с изменениями в уровне жизни населения, произошедшими в послевоенные годы. Постепенная стабилизация экономической ситуации в стране, отмена карточек, регулярные снижения цен 1948–1954 гг. повышали уровень жизни населения. В результате понизилась актуальность выигрыша по займам, понимаемого как единственный способ поправить свое материальное положение; как следствие, уменьшалось число «выигрышных» переживаний и хлопот на страницах дневников граждан, а также не лишенных зависти замечаний о более удачливых знакомых.

Нельзя не отметить еще ряд тенденций. Во-первых, увеличение фактов выигрышей по облигациям государственных займов, зафиксированных в дневниках авторов, в 1950-е гг. (особенно в 1951–1954 гг.). Об увеличении в этот период количества (но не сумм) выигрышей, свидетельствуют и данные табл. 3. Во-вторых, максимальные суммы выигрышей по займам (6 000 руб. и более) упоминаются в дневниковых записях граждан второй половины 1940-х гг. (см. табл. 3).

По всей видимости, означенная количественная динамика и хронологически неравноценное распределение сумм выигрышей являлись следствием изменений условий выпуска займов (табл. 5).

На протяжении периода 1946–1949 гг. в Государственных займах восстановления и развития народного хозяйства СССР были обозначены следующие условия выигрышей: минимальный размер выигрыша – 200 руб. (на сторублевую облигацию), максимальный размер – 50 000 руб., общее количество выигрышей – 330 000, общая сумма выигрышей – 89 056 000 руб. [32; 33. С. 1; 34. С. 1; 35. С. 1; 36. С. 1]. Значительный диапазон сумм выигрыша (от 200 до 50 000 руб.), а также достаточно высокий максимальный размер выигрыша увеличивали вероятность получения гражданами во второй половине 1940-х гг. крупных сумм по облигациям. С 1950 г. изменились условия массовых займов – минимальный объем выигрыша остался неизменным (200 руб.), максимальный был сокращен до 25 000 руб. (на 50%), общее количество выигрышей было увеличено до 350 000, а общая сумма выигрыша возросла до 90 072 000 руб. [37. С. 1; 38. С. 1; 39. С. 1]. Такие условия выигрышей по займам сохранялись в 1950–1952 гг. В 1953 г. условия Государственного займа развития народного хозяйства СССР вновь были скорректированы: максимальный объем выигрыша сократился до 10 000 руб., а общая сумма выигрыша снизилась до 79 912 000 руб., при этом размер минимального выигрыша и количество выигрышей остались неизменными (200 и 350 000 руб. соответственно). Такие условия займа действовали в 1953 и 1954 гг. [40. С. 1; 41. С. 1]. В результате изменений условий массовых займов в 1950–1954 гг. возросло количество небольших выигрышей (по 200 руб. на сторублевую облигацию), а также общее число выигрыша. Общая сумма выигрыша по 200 руб. в 1950–1952 гг. равнялась 61 млн руб., в 1953 – 1954 гг. – 65 млн руб. (см. табл. 5).

Сохранение таких условий займов в 1950–1954 гг. повлияло на увеличение небольших выигрышей по облигациям, зафиксированных в дневниках советских граждан. В последующие годы условия размещения государственных массовых займов вновь были скорректированы. В 1955 г. размер максимального выигрыша был снижен до 5 000 руб., общее количество выигрышей сокращено на 28,5% до 250 000 руб., а общая сумма выигрыша снижена более чем на 31%, составив 55 136 000 руб. Минимальный размер выигрыша сохранился на уровне 200 руб. на сторублевую облигацию. В 1955 г. доля выигрышей по 200 руб. в общем объеме займа была повышена до 85,7% (в 1946–1949 гг. она равнялась 64%; в 1950–1952 гг. – 67,7%; в 1953–1954 гг. – 81,9%), но сумма этих выигрышей была снижена до 47,3 млн руб. (на 27,7% к уровню 1953–1954 гг.) (см. табл. 5). Данные условия государственного займа развития народного хозяйства СССР действовали в 1955 и 1956 гг. [42. С. 1; 43. С. 1].

Таблица 5

Условия проведения государственных массовых займов в СССР 1946–1957 гг. [33. С. 1; 34. С. 1; 35. С. 1; 36. С. 1; 37. С. 1; 38. С. 1; 39. С. 1; 40. С. 1; 41. С. 1; 42. С. 1; 43. С. 1; 44. С. 1]

Сумма одного выигрыша, тыс. руб.	1946–1949			1950–1952			1953–1954			1955–1956			1957		
	Кол-во выигрышей	Сумма, млн руб.	% к общему объему выигрыша	Кол-во выигрышей	Сумма, млн руб.)	% к общему объему выигрыша	Кол-во выигрышей	Сумма, млн руб.	% к общему объему выигрыша	Кол-во выигрышей	Сумма, млн руб.	% к общему объему выигрыша	Кол-во выигрышей	Сумма, млн руб.	% к общему объему выигрыша
50	40	2	2,2												
25	80	2	2,2	40	1	1,1									
10	200	2	2,2	200	2	2,2	40	0,4	0,5						
5	400	2	2,2	400	2	2,2	400	2	2,5	120	0,6	1	10	0,05	0,4
1	4 000	4	4,4	4 000	4	4,4	2 000	2	2,5	1 200	1,2	2,1	100	0,1	0,8
0,5	40 000	20	22,4	40 000	20	22,2	20 000	10	12,5	12 000	6	10,8	1 500	0,75	5,9
0,2	285 280	57	64	305 360	61	67,7	327 560	65,5	81,9	236 680	47,3	85,7	58 390	11,6	92,8
Итого	300 000	89	100	350 000	90	100	350 000	79,9	100	250 000	55,1	100	60 000	12,5	100

В 1957 г. общее количество выигрышей по займу было снижено на 76% к уровню 1956 г., составив 60 000 руб., а общая сумма выигрыша сокращена на 77,2% до 12 578 000 руб. [44. С. 1]. Такое значительное сокращение общих сумм и количества выигрышей в проводимых в 1955–1957 гг. тиражах массовых займов не могло не повлиять на фактическое количество выигрышей граждан.

Таким образом, на основании приведенных данных можно заключить, что дневники советских граждан являются достаточно информативным источником исследования темы выигрышей населения по государственным займам в 1946–1957 гг. В изучении ряда аспектов проблемы данные эго-документы являются более информативными, чем материалы бюджетных обследований. Вместе с тем содержащиеся в дневниках данные коррелируют с информацией других источников – прессы, бюджетных обследований.

Анализ материалов дневников граждан позволил выявить различные практики, направленные на поучение выигрыша – проверку таблиц тиражей, дополнительную покупку облигаций и пр. Надежды на выигрыш по облигациям также не были чужды советским гражданам, связывающим с данным событием возможность поправить свое материальное положение. Лотерейные стратегии населения не являлись абсолютно безрезультатными – выигрыши по займам были частью советской повседневности, воспринимаясь большинством как радостное событие. Но, как правило, суммы данных выигрышей не покрывали расходов граждан на подписку по массовым займам. Не беря во внимание исключительные случаи больших выигрышей, средние суммы доходов населения по облигациям не превышали 30–40% от сумм их расходов на подписку по займам. Выявленная динамика количества выигрышей граждан по облигациям была обусловлена не только везением или его отсутствием (хотя данный фактор не следует сбрасывать со счетов), но и изменениями условий проведения государственных внутренних займов: сохранением высоких сумм возможного разового выигрыша в 1946–1949 гг.; уменьшением объема максимального выигрыша, но увеличением числа выигрышей в 1950–1954 гг.; значительным сокращением числа выигрышей и общей суммы выигрыша в 1955–1956 гг., а особенно в 1957 г.

Примечания

[1] Возраст авторов дневников на 1947 г.

[2] В данную графу объединены выплаты по госзаймам, страховые суммы и прочие поступления от государственных и общественных организаций [30. С. 51–53].

[3] В данную графу объединены выплаты по госзаймам и другие поступления из финансовой системы (за исключением командировочных, премий и других видов оплаты труда, не включенных в фонд заработной платы, пенсий, пособий и стипендий). [31. Л. 80, 81].

Список источников

1. Bruno A. A review of The Value of a Ruble: A Social History of Money in Postwar Soviet Russia, 1945–1964, by Kristy Ironside // Money and Monetary Policy in the Soviet Union, 1945–1964. 2015. December 29. URL: http://dissertationreviews.org/archives/12995 (дата обращения: 19.03.2021).
2. Ironside K. Compulsory-Voluntary': Soviet State Bonds and the Boundary Between Taxes and Investments // The Global Politics of Public Debts From the Late 18th Century. Cambridge : Cambridge University, 2015. June 11.
3. Ironside K. Khrushchev's Cash-and-Commodity Lotteries whose Turn to the Positive Incentives // The soviet and Post-Soviet Review. 2014. Vol. 41, № 3. P. 296–323.

4. Бердникова Т.Б. Сталинские послевоенные займы: директивы и жизнь // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М. : РОССПЭН, 2015. С. 451–463.
5. Ващук А.С., Селезнева Е.Ю. Фискальная политика на Дальнем востоке России (середина 1940-х–1950-е годы) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2007. № 1. С. 90–97.
6. Новиков М.Д. Организационно-правовые особенности проведения советских внутренних массовых займов 1946–1957 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 65–73.
7. Сухарев А.Н. Послевоенные облигационные займы СССР: финансовая конструкция и особенности применения // Финансы. 2020. № 7. С. 57–64.
8. Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 года. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 431 с.
9. Мамяченков В.Н., Иванов Е.А., Шведов В.В. Внутренний заем 1957 года и завершение эпохи «добровольно-обязательных займов» (на материалах Среднего Урала) // Научный диалог. 2020. № 5. С. 435–449.
10. Новиков М.Д. Отмена внутренних массовых займов в СССР в 1957 г.: принятие решения, информационная кампания и отношение общества // Клио. 2020. № 2 (158). С. 94–101.
11. Новиков М.Д. «Трудно стало жить...»: реакция населения Ленинграда на послевоенные займовые кампании в информационных сводках партийных организаций // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 398–407.
12. Новиков М.Д. Отношение населения Советского Союза к выигрышам по государственным займам 1946–1957 годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2019. № 2 (63). С. 41–52.
13. Михайлова С. Взаймы родному государству // Красный север. 1948. 4 мая.
14. Советская Сибирь. 1946. 11 января.
15. Можно выиграть по облигациям Государственного 3% внутреннего выигрышного займа // Огонек. 1950. № 9.
16. Дмитриев А.И. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: https://prozhito.org/person/418 (дата обращения: 15.05.2021).
17. Мечтова З.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: https://prozhito.org/person/160 (дата обращения: 15.05.2021).
18. Талантов Б.В. Дневники 1943–1945, 1947 гг. // Электронный корпус «Прожито». URL: https://prozhito.org/person/581 (дата обращения: 12.04.2021).
19. Алексанян А.А. Сибирский дневник 1949–1954 гг. // Электронный корпус «Прожито». URL: https://prozhito.org/person/360 (дата обращения: 19.04.2021).
20. Тулюлюк А.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито». URL: https://prozhito.org/person/1270 (дата обращения: 12.04.2021).
21. Швец В.А. Дневники. // Электронный корпус «Прожито» . URL: https://prozhito.org/person/318 (дата обращения: 19.04.2021).
22. Вронский Б.И. Дневники // Электронный корпус «Прожито» . URL: https://prozhito.org/person/386 (дата обращения: 19.04.2021).
23. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп.43. Д. 196.
24. Соколов Н.А. Дневники // Электронный корпус «Прожито» . URL: https://prozhito.org/person/671 (дата обращения: 19.04.2021).
25. Грамматин С.Д. Дневники // Электронный корпус «Прожито» . URL: https://prozhito.org/person/960 (дата обращения: 13.05.2021).
26. Усанков В. Массовая проверка выигрышей по займам // Металлург. 1948. 17 апреля.
27. Проскурякова В. Выигрыши на полтора миллиона рублей // Уральский рабочий. 1947. 15 января.
28. Чикин А. Массовая проверка выигрышей по облигациям займа // Металлург. 1947. 12 апреля.
29. Аджубей А.И. Те десять лет // Электронный корпус «Прожито» . URL: https://prozhito.org/notes?diaryTypes=%5B2%5D&keywords=%5B%22облигация%22%2C%22выигрыш%22%5D (дата обращения: 13.05.2021).
30. Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.). Новосибирск : Наука, 1984. 271 с.
31. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1837.
32. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1768.
33. Правда. 1946. 4 мая.
34. Правда. 1947. 5 мая.
35. Правда. 1948. 4 мая.
36. Правда. 1949. 4 мая.
37. Правда. 1950. 4 мая.
38. Правда. 1951. 4 мая.
39. Правда. 1952. 6 мая.
40. Правда. 1953. 25 июня.
41. Правда. 1954. 10 июня.
42. Правда. 1955. 12 мая.
43. Правда. 1956. 14 мая.
44. Правда. 1957. 15 мая.

References

1. Bruno, A. (2015) A review of The Value of a Ruble: A Social History of Money in Postwar Soviet Russia, 1945–1964, by Kristy Ironside. In: *Money and Monetary Policy in the Soviet Union, 1945–1964*. December 29. [Online] Available from: http://dissertationreviews.org/archives/12995 (Accessed: 19.03.2021).
2. Ironside, K. (2015) 'Compulsory-Voluntary': Soviet State Bonds and the Boundary Between Taxes and Investments. In: *The Global Politics of Public Debts From the Late 18th Century*. Cambridge: Cambridge University. June 11.
3. Ironside, K. (2014) Khrushchev's Cash-and-Commodity Lotteries and the Turn Toward Positive Incentives. *The Soviet and Post-Soviet Review*. 41 (3). pp. 296–323.
4. Berdnikova, T.B. (2015) Stalinskie poslevoennye zaymy: direktivy i zhizn' [Stalin's post-war loans: directives and life]. In: Baberovski, Y. & Drozdov, A.A. (eds) *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.* [Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN. pp. 451–463.
5. Vashchuk, A.S. & Selezneva, E.Yu. (2007) Fiskal'naya politika na Dal'nem vostoke Rossii (seredina 1940-kh–1950-e gody) [Fiscal policy in the Russian Far East (mid-1940s–1950s)]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 1. pp. 90–97.
6. Novikov, M.D. (2020) Organizatsionno-pravovye osobennosti provedeniya sovetskikh vnutrennikh massovykh zaymov 1946–1957 gg. [Organizational and legal features of conducting Soviet internal mass loans in 1946–1957]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* 2. pp. 65–73.
7. Sukharev, A.N. (2020) Poslevoennye obligatsionnye zaymy SSSR: finansovaya konstruktsiya i osobennosti primeneniya [Post-war bonded loans of the USSR: financial structure and application features]. *Finansy.* 7. pp. 57–64.
8. Chudnov, I.A. (2018) *Denezhnaya reforma 1947 goda* [Monetary reform of 1947]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

9. Mamyachenkov, V.N., Ivanov, E.A. & Shvedov, V.V. (2020) Vnutrenniy zaem 1957 goda i zavershenie epokhi "dobrovol'no-obyazatel'nykh zaymov" (na materialakh Srednego Urala) [Domestic loan in 1957 and the end of the era of "voluntary-mandatory loans" (on the materials of the Middle Urals)]. *Nauchnyy dialog*. 5. pp. 435–449.
10. Novikov, M.D. (2020) Otmena vnutrennikh massovykh zaymov v SSSR v 1957 g.: prinyatie resheniya, informatsionnaya kampaniya i otnoshenie obshchestva [Cancellation of internal mass loans in the USSR in 1957: decision-making, information campaign and public attitude]. *Klio*. 2 (158). pp. 94–101.
11. Novikov, M.D. (2019) "Trudno stalo zhit'...": reaktsiya naseleniya Leningrada na poslevoennye zaymovye kampanii v informatsionnykh svodkakh partiynykh organizatsiy ["It has become difficult to live ...": the reaction of the population of Leningrad to the post-war loan campaigns in the information reports of party organizations]. *Vestnik arkhivista*. 2. pp. 398–407.
12. Novikov, M.D. (2019) Otnoshenie naseleniya Sovetskogo Soyuza k vyigrysham po gosudarstvennym zaymam 1946–1957 godov [The attitude of the population of the Soviet Union to the winnings on state loans in 1946–1957]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 2 (63). pp. 41–52.
13. Mikhaylova, S. (1948) Vzaymy rodnomu gosudarstvu [To lend to the native state]. *Krasnyy sever*. 4 May.
14. *Sovetskaya Sibir'*. (1946) 11 January.
15. *Ogonek*. (1950) Mozhno vyigrat' po obligatsiyam Gosudarstvennogo 3% vnutrennego vyigryshnogo zayma [One can win on the bonds of the State 3% Internal Winning Loan]. 9.
16. Dmitriev, A.I. (2021) Dnevniki [Diaries]. *Prozhito*. [Online] Available from: https://prozhito.org/person/418 (Accessed: 15.05.2021).
17. Mechtova, Z.A. (2021) Dnevniki [Diaries]. *Prozhito*. [Online] Available from: https://prozhito.org/person/160 (Accessed: 15.05.2021).
18. Talantov, B.V. (2021) Dnevniki 1943–1945, 1947 gg. [Diaries of 1943–1945, 1947]. *Prozhito*. [Online] Available from: https://prozhito.org/person/581 (Accessed: 12.04.2021).
19. Aleksanyan, A.A. (2021) Sibirskiy dnevnik 1949–1954 gg. [Siberian Diary, 1949–1954]. Prozhito. [Online] Available from: https://prozhito.org/person/360 (Accessed: 19.04.2021).
20. Tulyulyuk, A.A. (2021) Dnevniki [Diaries]. *Prozhito*. [Online] Available from: https://prozhito.org/person/1270 (Accessed: 12.04.2021).
21. Shvets, V.A. (2021) Dnevniki [Diaries]. *Prozhito*. [Online] Available from: https://prozhito.org/person/318 (Accessed: 19.04.2021).
22. Vronskiy, B.I. (2021) Dnevniki [Diaries]. *Prozhito*. [Online] Available from: https://prozhito.org/person/386 (Accessed: 19.04.2021).
23. Center for Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast. Fund 4. List 43. File 196.
24. Sokolov, N.A. (2021) Dnevniki [Diaries]. *Prozhito*. [Online] Available from: https://prozhito.org/person/671 (Accessed: 19.04.2021).
25. Grammatin, S.D. (2021) Dnevniki [Diaries]. *Prozhito*. [Online] Available from: https://prozhito.org/person/960 (Accessed: 13.05.2021).
26. Usankov, V. (1948) Massovaya proverka vyigryshey po zaymam [Mass verification of winnings on loans]. *Metallurg*. 17 April.
27. Proskuryakova, V. (1947) Vyigryshi na poltora milliona rubley [Winnings amounting to one and a half million rubles]. *Ural'skiy rabochiy*. 15 January.
28. Chikin, A. (1947) Massovaya proverka vyigryshey po obligatsiyam zayma [Mass verification of winnings on loan bonds]. *Metallurg*. 12 April.
29. Adzhubey, A.I. (2021) Te desyat' let [Those ten years]. *Prozhito* . [Online] Available from: https://prozhito.org/notes?diaryTypes=%5B2%5D&keywords=%5B%22obligatsiya%22%2C%22vyigrysh%22%5D (Accessed: 13.05.2021).
30. Bukin, S.S. (1984) *Zhiznennyy uroven' rabochey sem'i v Sibiri (1946–1960 gg.)* [The standard of living of a working family in Siberia (1946–1960)]. Novosibirsk: Nauka.
31. Russian State Archive of Economics. Fund 1562. List 33. File 1837.
32. Russian State Archive of Economy. Fund 1562. List 33. File 1768.
33. *Pravda*. (1946) 4 May.
34. *Pravda*. (1947) 5 May.
35. *Pravda*. (1948) 4 May.
36. *Pravda*. (1949) 4 May.
37. *Pravda*. (1950) 4 May.
38. *Pravda*. (1951) 4 May.
39. *Pravda*. (1952) 6 May.
40. *Pravda*. (1953) 25 June.
41. *Pravda*. (1954) 10 June.
42. *Pravda*. (1955) 12 May.
43. *Pravda*. (1956) 14 May.
44. *Pravda*. (1957) 15 May.

Информация об авторе:
Клинова М.А. – д-р ист. наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: klinowa.m@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
M.A. Klinova, Dr. Sci. (History), senior researcher at the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: klinowa.m@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.05.2021;
одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 17.05.2021;
approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 31.01.2023.

Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 147–152
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2023. 486. pp. 147–152

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/15617793/486/15

Административно-территориальное устройство и управление на трансграничных территориях юга Западной Сибири и Северного Казахстана в первой половине XIX в.

Игорь Анатольевич Коновалов [1]

[1] *Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия*
konov77@mail.ru

Аннотация. Выявлены особенности административно-территориального устройства и местного управления на трансграничных территориях юга Западной Сибири и Северного Казахстана в первой половине XIX в. Сделан вывод, что административно-территориальные преобразования на юге Западной Сибири и в Северном Казахстане в первой половине XIX в. имели прогрессивный характер и способствовали укреплению добрососедских отношений между русским и казахским народами.

Ключевые слова: Сибирь, Северный Казахстан, М.М. Сперанский, казаки, казахи, администрация, управление

Для цитирования: Коновалов И.А. Административно-территориальное устройство и управление на трансграничных территориях юга Западной Сибири и Северного Казахстана в первой половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 147–152. doi: 10.17223/15617793/486/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/15

Administrative-territorial structure and management in the cross-border territories of the south of Western Siberia and Northern Kazakhstan in the first half of the 19th century

Igor A. Konovalov[1]

[1] *Omsk State University, Omsk, Russian Federation*
konov77@mail.ru

Abstract. In the article, on the basis of pre-revolutionary legislation and archival materials, the features of the administrative-territorial structure and local government in the cross-border territories of the south of Western Siberia and Northern Kazakhstan in the first half of the 19th century are revealed, and these features are analyzed. The increased interest in the history of local government is connected not only with the desire of historians to look more deeply into the past, but also with purely practical needs. Returning to the forgotten traditions of local government, it is important to take into account more fully the historical experience that has been accumulated over the centuries. It is also necessary, with due account to modern realities, to take a fresh look at already known facts and events in order to overcome old myths and misconceptions and prevent the birth of new ones. The aim of the study is to explore the features of the administrative-territorial structure and local government in the south of Western Siberia and in Northern Kazakhstan in the first half of the 19th century. The theoretical and methodological bases of the study were the principles of historical cognition – objectivity, historicism, alternativeness and social approach, assuming an unbiased approach to the analysis of the studied problems, as well as a critical attitude to sources. The historical trends of the development of the system of local government and self-government bodies in relation to the general processes of the development of Russian statehood are revealed. The author comes to the conclusion that the powers of administrative and police bodies in the region had their own specifics and were much broader than in the central provinces of the Russian Empire. A characteristic feature of the administration in the south of Western Siberia and in Northern Kazakhstan in the first half of the 19th century was its paramilitary organization. Therefore, the powers of the authorities had some differences from the powers in the European provinces of Russia. Administrative-territorial transformations in the south of Western Siberia and in Northern Kazakhstan in the first half of the 19th century did not cause protest among the local population. Russian culture was promoted in the cross-border territories by the regulation and legal consolidation of self-governing principles among the indigenous population of Northern Kazakhstan, by the inclusion of representatives of the Kazakh population in the local administrative apparatus, had a progressive character and contributed to the strengthening of goodneighborly relations between the Rus-

© Коновалов И.А., 2023

sian and Kazakh peoples. Carrying out the political rapprochement of the region with other regions of the country, the crown authorities wanted to make the transition from a system of custom-based management to modern, bureaucratic administration, extending departmental management and new legislation to Northern Kazakhstan.

Keywords: Siberia, Northern Kazakhstan, Mikhail Speransky, Cossacks, Kazakhs, administration, management

***For citation*:** Konovalov, I.A. (2023) Administrative-territorial structure and management in the cross-border territories of the south of Western Siberia and Northern Kazakhstan in the first half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 147–152. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/15

Актуальность ретроспективных взглядов на административно-территориальное устройство и местное управление на юге Западной Сибири и в Северном Казахстане в первой половине XIX в. объясняется схожестью проблем, стоящих при определении основных принципов трансграничной и национальной политики. Административно-территориальное деление, координация деятельности местных и центральных органов власти, межнациональная и международная интеграция – все эти проблемы имеют глубокие исторические корни. Поэтому неслучайно, что вопросы, связанные с организацией административно-территориального устройства и местного управления на юге Западной Сибири и в Северном Казахстане, в первой половине XIX в. привлекают внимание исследователей. Территориальные рамки работы охватывают юг Западной Сибири и Северный Казахстан в административных границах Российской империи первой половины XIX в. Источниковой базой исследования послужило законодательство Российской империи, представленное Полным собранием законов, а также материалы, извлеченные из фондов Государственного исторического архива Омской области.

Актуальность избранной темы объясняется также ее недостаточной изученностью в современной исторической науке. Правовая регламентация административно-территориального устройства и управления на трансграничных территориях юга Западной Сибири и Северного Казахстана в первой половине XIX в. пока не стала предметом внимания широкого круга исследователей. Лишь ряд отдельных аспектов проблемы нашли освещение в работах более общего характера. Так, казахский историк Б.М. Абдрахманова занималась социально-политическим развитием региона [1], омские исследователи А.В. Ремнев [2] и И.А. Коновалов [3] в своих монографиях касались его местного государственного управления, в коллективной монографии Л.М. Дамешека и И.Н. Мамкиной были затронуты вопросы регионального законодательства [4].

Инкорпорация территорий Северного Казахстана в состав Российского государства началась после основания в 1716 г. Омской крепости, которая стала главной базой для военно-административного проникновения в регион [5. С. 17]. В 1717 г. отрядом П. Свиерского была построена Железинская крепость, а в 1718 г. воеводой В. Чередовым по указу Петра I была заложена Семипалатинская крепость. В 1720 г. в месте слияния рек Ульба и Иртыш была основана Усть-Каменогорская крепость. В 1752 г., в правление Елизаветы Петровны, началось строительство Петропавловска [6. С. 299].

Вновь присоединенные территории вошли в состав Сибирской губернии, и в 1775 г. на них были распространены основные положения «Учреждений для управления губерний Российской империи» императрицы Екатерины II [7. С. 98]. Распространение на инкорпорированные территории «Учреждений для управления губерний» 1775 г. произошло без учета слабого социально-экономического развития края и его огромных территорий. В условиях отсутствия развитой инфраструктуры органы местного управления, предусмотренные «Учреждениями…» – земские суды и управы благочиния, не могли действовать сколько-нибудь эффективно. Ситуацию усугубляла необходимость решения военно-стратегических задач.

Ставший в 1819 г. сибирским генерал-губернатором, М.М. Сперанский отмечал огромную разницу между европейскими губерниями страны и ее сибирской окраиной, а также то, что местное управление, организованное по образцу «Учреждений для управления губерний», не подходит для края без серьезных изменений [8. С. 38].

Пробыв полтора года в Сибири, М.М. Сперанский разработал проект реформ местного администрирования в зауральской России, состоявший в реорганизации местного управления и создании сибирского регионального законодательства. Им были подготовлены 10 законопроектов по важнейшим вопросам жизнедеятельности и развития края. После их рассмотрения в специально организованном Сибирском комитете и подписания императором они получили наименование «Учреждение для управления сибирских губерний» 1822 г. [9. С. 18].

Среди уставов и положений в «Учреждения» особо были выделены «Управление Омской области» [10. С. 370] и «Устав о сибирских киргизах» [11. С. 417]. Целый ряд территорий зауральской части Российской империи, вследствие их характера населения, не вызывал необходимости учреждения губерний и создания губернских структур власти. Однако размеры и отдаленность даже от центров регионального управления не давали возможности включить их как округа в другие губернии и ограничить их административно-полицейскую организацию лишь окружными учреждениями. Возникала необходимость создания особого управления, которое было бы средним между окружным и губернским управлением. Поэтому в результате сибирской реформы М.М. Сперанского на территориях Северного Казахстана и юга Западной Сибири создавалось особое административное образование – Омская область [12. Л. 10].

Область на севере граничила с Тобольской и Томской губерниями, объединяя селения и военные посты

на Сибирских линиях, на востоке и юге она граничила с Китайской империей, на западе – с Малою Ордой, включала в себя казахов среднего жуза, которых «Учреждение» называло «сибирскими киргизами» [10. С. 370].

Начальник Омской области, в отличие от обычных гражданских губернаторов Российской империи, исполнял свои полномочия как в области военного, так и гражданского управления, что было важным в отдаленной, пограничной местности. Территория Северного Казахстана и юга Западной Сибири была поставлена в ранг губернии, но без полной структуры и штатов губернских учреждений. Органы власти области были как бы урезанной моделью губернских управлений, они были приспособлены к местным, военизированным условиям.

Омский областной начальник и председатель Омского областного правления назначались именными императорскими указами. Омский областной начальник приравнивался к командиру дивизии в области военного управления, в административно-хозяйственной и судебной области он наделялся правами губернатора. Кроме того, он наделялся внешнеполитическими полномочиями [10. С. 372].

В области гражданского администрирования на Омского областного начальника были возложены такие же обязанности, как и на гражданских губернаторов, с учетом местных условий и требований. Главные управленческие задачи в Омской области были возложены на областное правление, так как в ней других учреждений, которые существовали в обычных губерниях, не было предусмотрено [13. С. 18].

Первым областным начальником был командующий Сибирским линейным казачьим войском, начальник штаба отдельного Сибирского корпуса полковник С.Б. Броневский, ставший затем генерал-лейтенантом и генерал-губернатором Восточной Сибири [14. Л. 26]. В последующим было четыре областных начальника. Все четверо – военные, имевшие боевой опыт, они так же, как и Броневский, сочетали должность областных начальников с должностью командующего Сибирским линейным казачьим войском. Последним начальником Омской области стал участник Отечественной войны 1812 г., генерал-майор Е.И. Гладышев [15. Л. 2].

В соответствии с «Учреждением для управления сибирских губерний» Омское областное управление было подотчетно генерал-губернатору и Главному управлению Западной Сибири, на которые был возложен контроль за его деятельностью; они также производили назначения на ключевые должности в местном управлении.

В области предполагалось четыре уровня управления: областное, городское, окружное, а также станичное и волостное. Областное управление дифференцировалось на общее и частное. В состав общего входил областной совет и областной начальник. Частное имело свои особенности по сравнению частными губернскими управлениями в Сибири и состояло из областного правления, войсковой канцелярии, управлявшей линейными казаками, и областного суда.

В состав областного совета входили председатель областного правления, председатель областного суда, областной прокурор, войсковой атаман, окружной инженерный начальник и аудитор. Председателем в нем был областной начальник. В компетенцию областного совета входили кроме полномочий, выполняемых губернскими советами в сибирских губерниях, дела по дислокации и снабжению войсковых подразделений.

Областное правление делилось на две экспедиции: исполнительную и казенную. Руководили экспедициями председатели, которые назначались из армейских или казачьих офицеров. Исполнительная экспедиция как бы заменяла губернское правление, а казенная – выполняла полномочия губернских казенных палат [10. С. 371].

В административно-территориальном отношении область делилась на внешние и внутренние округа. Внутренними округами были Омский, Семипалатинский, Петропавловский и Усть-Каменогорский. Специальным Уставом определялся состав внешних округов. Их количество не было постоянным и определялось военно-политической обстановкой на приграничных к внутренним округам территориях.

Окружное управление было, так же как областное, немногочисленно и представлено в упрощенном виде по сравнению с уездным. Оно делилось на общее и частное. Как и областное, окружное управление отличалось милитаризованностью, его деятельность была направлена на решение военно-стратегических задач, стоящих перед имперской властью в регионе. Начальниками округов были не гражданские администраторы, как в остальных частях западно-сибирского генерал-губернаторства, а комендантыкрепостей, находящихся в окружных городах, они были наделены широкими военно-административными полномочиями, им подчинялась находящаяся в округе часть пограничной линии. Окружные советы состояли из плац-майоров, окружных судей, городничих, дистанционных начальников, окружных казначеев и городских голов. Органами частного окружного управления были окружные суды, имевшие, как и в остальной Сибири, главным образом не судебные, а административно-полицейские полномочия, и казенные окружные управления, выполнявшие хозяйственные функции. Председателями окружных (земских) судов были не земские исправники, как в других регионах России, а дистанционные начальники, т.е. старшие из казачьих офицеров [10. С. 373].

Во внешних округах области были созданы окружные приказы, состоящие из старшего султана, которым мог быть только представитель казахской элиты, двух российских заседателей и двух казахских заседателей. Верховная власть Российской империи осуществляла политическую и правовую аккультацию, допускала наличие управленческих структур и традиционных обычаев казахского населения, которые не затрагивали ее прерогатив. В окружных приказах была одновременно сосредоточена власть окружной полиции, окружного казначейства и суда [10. С. 373].

Третьим уровнем управления в Омской области было городское, распространенное на г. Омск и административные центры округов. «Учреждение» делило сибирские города на «многолюдные», «средние» и «малолюдные». Семипалатинск и Петропавловск относились к «средним» городам, а Омск и Усть-Каменогорск считались «малолюдными» [10. С. 393]. В Семипалатинске и Петропавловске муниципальное управление состояло из городского полицейского и хозяйственного управлений. В полицейское управление входил городничий и частная полицейская управа. Хозяйственное управление осуществлялось городскими ратушами. В состав ратуш входили и заседатели-ратманы, избранные от местных мещан и купцов, и городской судья.

Местное управление в «малолюдных» Усть-Каменогорске и Омске, в силу их мизерных городских бюджетов, было представлено в упрощенном виде. Оно было возложено лишь на начальника полиции – городничего, словесный суд и городового старосту [16. С. 19]. Впрочем, достаточно быстро Омск был переведен в разряд «средних» городов, а в 1838 г. город на Иртыше причислили к «многолюдным» городам [17. С. 1235]. В 1840 г. в Омске была избрана городская дума, первым городским головой стал купец Н. Николаев [18. Л. 2].

Четвертым уровнем местного управления в Омской области были станичное казачье, а также волостные крестьянское и казахское (киргиз-кайскакское) управления. Четвертое звено, так же как и третье, было основано на началах самоуправления. Таким образом, коронная администрация, осуществляя контроль за органами самоуправления, привлекала к управлению представителей местного населения и не тратила средств на низовой административно-полицейский аппарат власти.

В первой половине XIX в. в России началась государственная регламентация возникшего прежде казачьего сословного станичного местного управления. На территории Омской области дислоцировались городовые казаки и Сибирское линейное казачье войско. В 1836 г. войско было поделено на 46 станиц, каждая станица формировала казачью сотню [19. Л. 44]. В 1846 г. вступило в силу «Положение о Сибирском линейном казачьем войске». Исполнительными органами станичного управления стали представленные станичными атаманами и судьями станичные правления, избираемые местными казаками на трехлетний срок. Выбранные атаманы и судьи утверждались областным начальником, командующим Сибирским линейным казачьим войском. Утвержденные станичные атаманы приравнивались к казачьим хорунжим [20. С. 8].

«Учреждение» 1822 г. модернизировало систему волостного управления у государственных крестьян, которое действовало главным образом на территории южной части современной Омской области, поскольку массовая крестьянская колонизация Северного Казахстана еще не началась. Оно осуществлялось в крестьянских волостях – выборными на трехлетний срок волостными правлениями и волостными головами, а в крестьянских поселениях – избираемыми местными крестьянами десятниками и сельскими старостами, подчинявшимися окружным и областным органам государственного управления [21. С. 17].

В состав «Учреждения» 1822 г. вошел «Устав о сибирских киргизах», который регламентировал местное управление у казахского населения на территории Омской области. Коронная власть, испытывая на территории области острую нехватку людских и материальных ресурсов, не разрушала внутреннюю управленческую самоорганизацию казахского населения, а достаточно эффективно пользовалась ею, привлекая на свою сторону элиту казахского общества. Приравнивая к русским крестьянам-переселенцам казахское население, она предоставляла аборигенному населению самостоятельность в области местного самоуправления и судоустройства [22. С. 23].

В «Уставе о сибирских киргизах» 1822 г. была впервые закреплена правовая регламентация волостного казахского (киргиз-кайскакского) местного управления. По «Уставу» казахские кочевья должны были состоять из волостей, в состав которых входили аулы. В аулах должно было быть 50–70 кибиток, а волость состоять из 10–12 аулов [23. С. 148]. Волости управлялись волостными правителями – султанами, а во главе аулов стояли старшины. Волостные головы и старосты, начальники инородного управления и члены инородной управы утверждались в должностях областным начальником [10. С. 362].

Старшины выбирались казахским населением аулов сроком на 3 года, должности султанов передавались по наследству. «Устав о сибирских киргизах» прямо говорил, что султаны – «местные чиновники, для управления народом поставленные». Старшины приравнивались к крестьянским волостным головам, а султаны считались чиновниками 12-го класса [11. С. 417].

6 апреля 1838 г. в соответствии с «Положением об отдельном управлении Сибирскими киргизами» Омская область была упразднена. В самом «Положении» ликвидация Омской области объяснялась следующим образом: «Образование в 1822 г. Омской области было предпринято для постепенного введения между сибирскими киргизами устройства, которое для этого кочевого племени было предложено в «Учреждении о сибирских инородцах» 1822 г. Данный тип управления, постепенно стал неудовлетворительным в отношении его главной цели – устройства отдельного управления сибирскими киргизами» [24. С. 272].

Согласно «Положению» города Петропавловск и Омск вошли в состав Тобольской губернии, а Семипалатинск и Усть-Каменогорск – Томской. В Петропавловске, Семипалатинске и Усть-Каменогорске остались прежние городовые управления [25. С. 121]. Омск был причислен к «многолюдным» городам, и в нем учреждалась городская дума [24. С. 272].

Для управления сибирскими киргизами учреждалось особое Пограничное управление сибирских киргизов, административный центр которого размещался

в Омске. Во главе пограничного управления был пограничный начальник в звании генерал-майора, подчинявшийся западносибирскому генерал-губернатору; в состав управления, кроме пограничного начальника входили председатель пограничного управления в звании полковника, четыре советника, один из них – от казахского населения, и стряпчий казенных и уголовных дел [24. С. 272].

Пограничное управление объединяло полномочия губернского правления, губернского суда, казенной палаты и поэтому состояло из трех отделений: исполнительного, хозяйственного и судебного [26. Л. 46]. В 50-е гг. XIX в. Пограничное управление было упразднено, а на его территории созданы Область Сибирских Киргизов и Семипалатинская область.

Административно-территориальные преобразования на юге Западной Сибири и в Северном Казахстане в первой половине XIX в. не вызывали протеста у местного населения. Восстание Кенесары Касымова не получило поддержки в широких слоях казахского общества, сам хан был казнен киргизами в 1847 г. Регламентация и правовое закрепление самоуправленческих начал у коренного населения Северного Казахстана, включение представителей казахского населения в местный управленческий аппарат способствовали распространению на трансграничных территориях русской культуры, организация городского самоуправления имела прогрессивный характер и способствовала укреплению дружественных и добрососедских отношений между русским и казахским народами.

Закрепление в «Уставе о сибирских киргизах» терминов «киргиз-кайсаки» и «сибирские киргизы» четко указывало на начало политики отказа от восприятия казахов как угнетаемых и бесправных «иноземцев» и «иноверцев» и их закрепощения, и наоборот, в признании аборигенного населения Северного Казахстана в качестве российских подданных. Осуществляя политическое сближение края с другими регионами страны, коронная власть хотела совершить переход от системы основанного на обычаях управления к современному, бюрократическому администрированию, распространяя на Северный Казахстан ведомственное управление и новое законодательство.

Полной инкорпорации региона в состав Российской империи способствовало сочетание самоуправленческих начал на низовом уровне управления у казаков и казахов, привлечение к управлению элиты казахского общества, а также наличие в созданной М.М. Сперанским вертикали власти относительно небольшого, но наделенного широкими государственно-властными полномочиями военно-административного аппарата, способного гибко реагировать на возникающие внутри- и внешнеполитические вызовы, что, несомненно, способствовало и создавало возможности для российского проникновения вглубь Средней Азии.

В основе взаимодействия местного государственного управления и самоуправления в Омской области и Пограничного управления лежала концепция, базирующаяся на том, что казахское, казачье, городское и крестьянское самоуправления должны были действовать в интересах государственной власти. Деятельность и полномочия местного государственного управления и самоуправления считались одинаковыми, имели общую цель и составляли единую властную вертикаль. В основу их взаимоотношений в Омской области, а затем в Пограничном управлении сибирских киргизов законодателем были положены принципы единства и иерархичности публичной власти, которые заложили строгий порядок подчиненности органов местного самоуправления органам местной административно-полицейской вертикали власти региона «снизу вверх», а также обеспечивали обязательность исполнения предписаний коронной администрации. Подход верховной власти к вопросу о местном управлении в Северном Казахстане может быть рассмотрен в качестве региональной компоненты административной политики в дореволюционной России. Административно-территориальные преобразования первой половины XIX в. заложили фундамент для создания современных государственно-правовых институтов местного государственного управления и самоуправления в Республике Казахстан.

Список источников

1. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганда, 2010. 242 с.
2. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX начала XX в. Омск : Изд-во ОмГУ, 2015. 580 с.
3. Коновалов И.А. Роль и место общей полиции в системе местного управления в Сибири (XVIII – начало XX в.). М. : ИНФРА-М, 2020. 311 с.
4. Дамешек Л.М., Мамкина И.Н. Сибирь в системе имперского законодательства XVIII – начала XX века: закон и практика. Чита : ЗабГУ, 2021. 278 с.
5. Энциклопедия города Омска : в 3 т. Т. 1. Омск. От прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). Омск, 2009. 919 с.
6. Азиатская Россия. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. 576 с.
7. Толочко А.П., Коновалов И.А. Местное управление Российской империи по «Учреждениям для управления губерний» 1775 г. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 4 (20). С. 93–99.
8. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. Т. 1. СПб., 1872. 801 с.
9. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. Т. 2. СПб., 1872. 763 с.
10. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание 1. Т. 38. СПб., 1830. № 29125. 1355 с.
11. ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 38. СПб., 1830. № 29127. 1355 с.
12. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 319.
13. Ивановский В.В. Административное устройство наших окраин. Казань, 1891. 48 с.
14. ГИАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 23.
15. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1612.
16. Коновалов И.А., Толочко А.П. Местное управление в городах Сибири по «Учреждению» 1822 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 17–21.
17. Konovalov I.A. Local government in Siberia in the 18th-early 20th century // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. Vol. 14 (8). P. 1231–1238.

18. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 329. Оп. 550. Д. 13.
19. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 338.
20. Андреев С.М. Становление и развитие станичного самоуправления в Сибирском казачьем войске // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. Новосибирск : Параллель, 2012. С. 3–32.
21. Коновалов И.А. Крестьянская община как предмет государственно-правового и муниципально-правового регулирования в Сибири в дореволюционный период // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 3 (40). С. 13–19.
22. Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. 61 с.
23. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVII и первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958. 293 с.
24. ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. 13, ч. 1. СПб., 1839. № 11122. 1067 с.
25. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1960. 441 с.
26. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1624.

References

1. Abdrahmanova, B.M. (2010) *Istoriya Kazahstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustrojstvo v XIX veke* [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the 19th century]. Karaganda: Glasior.
2. Remnev, A.V. (2015) *Sibir' v imperskoj geografii vlasti XIX – nachala XX vv.* [Siberia in the Imperial Geography of Power of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
3. Konovalov, I.A. (2020) *Rol' i mesto obshchej policii v sisteme mestnogo upravleniya v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.): monografiya* [The role and place of the General Police in the system of local government in Siberia (18th – early 20th centuries): monograph]. Moscow: INFRA-M.
4. Dameshek, L.M. & Mamkina, I.N. (2021) *Sibir' v sisteme imperskogo zakonodatel'stva XVIII – nachala XX veka: zakon i praktika: monografiya* [Siberia in the system of Imperial Legislation of the 18th – early 20th centuries: law and practice: monograph]. Chita: Transbaikal State University.
5. Alisov, D.A. et al. (eds) (2009) *Entsiklopediya goroda Omska. V trekh tomah.* [Encyclopedia of the city of Omsk. In three volumes]. Vol. 1. Omsk: LEO.
6. Glinka, G.V. (ed.) (1914) *Aziatskaya Rossiya* [Asian Russia]. Vol. 1. St. Petersburg: Tovarischchestvo.
7. Tolochko, A.P. & Konovalov, I.A. (2018) Local administration of the Russian Empire on "Institutions for the administration of provinces" 1775. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki – Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences.* 4. (20). pp. 93–99. (In Russian). doi: 10.25513/2312-1300.2018.4.93-99
8. Vagin, V.I. (1872) *Istoricheskie svedeniya o deyatel'nosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri* [Historical information about the activities of Count M.M. Speransky in Siberia]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. 2 Otd-niya Sobstv. E. I. V. kantselyarii.
9. Vagin V.I. (1872) *Istoricheskie svedeniya o deyatel'nosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri* [Historical information about the activities of Count M.M. Speransky in Siberia]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. 2 Otd-niya Sobstv. E. I. V. kantselyarii.
10. Russian Empire. (1830) Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 38. No. 29125. St. Petersburg: V tipografii II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
11. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 38. No. 29127. St. Petersburg: V tipografii II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
12. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 1. File. 319.
13. Ivanovskiy, V.V. (1891*) Administrativnoe ustrojstvo nashih okrain* [Administrative structure of our suburbs]. Kazan: [s.n.].
14. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 11. List 1. File. 23.
15. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 1. File. 1612.
16. Konovalov, I.A. & Tolochko, A.P. (2019) Local governance in the cities of Siberia according to "Institution" of 1822. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History.* 60. pp. 17–21. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/60/3
17. Konovalov, I.A. (2021). Local government in Siberia in the 18th – early 20th centuries. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. Sci.* 14 (8). pp. 1231–1238. doi: 10.17516/1997-1370-0798
18. Tobolsk Branch of the State Archive of Tyumen Oblast (TF GATO). Fund 329. List 550. File. 13.
19. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 67. List 1. File. 338.
20. Andreev S.M. (2012) Formation and development of village self-government in the Siberian Cossack Army. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Sbornik nauchnyh statey* [Power and society in Siberia in the 20th century. Articles]. Novosibirsk: Parallel'. pp. 3–32.
21. Konovalov, I.A. (2014) The Peasant Community as a subject of state-legal and Municipal-legal regulation in Siberia in the pre-revolutionary period. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "*Pravo" – Bulletin of Omsk University. The "Law" series*. 3 (40). pp. 13–19. (In Russian).
22. Anon. (1841) *Obozrenie glavnykh osnovaniy mestnogo upravleniya Sibiri* [Overview of the main foundations of local government in Siberia]. (1841). St. Petersburg: Tip. 2 Otd-niya Sobstv. E. I. V. kantselyarii.
23. Zimanov, S.Z. (1958) *Politicheskij stroy Kazahstana kontsa XVIII i pervoy poloviny XIX veka* [The political system of Kazakhstan at the end of the 18th and the first half of the 19th centuries]. Alma-Ata: Arys.
24. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 13. No. 1122. St. Petersburg: V tipografii II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii.
25. Masevich, M.G. (1969) *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazahstana* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Vol. 1. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences.
26. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 2. File. 1624.

Информация об авторе:
Коновалов И.А. – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: konov77@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
I.A. Konovalov, Dr. Sci. (History), professor, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: konov77@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.11.2022;
одобрена после рецензирования 04.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 08.11.2022;
approved after reviewing 04.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/486/16

Одежда коренных народов Северо-Востока Китая: культурный синтез традиций и новаций

Линь Ли [1, 2]

[1] *Институт международного образования Шеньянского политехнического университета, Шеньян, Китай*
[2] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*
13940309208@139.com

Аннотация. Дается краткая характеристика особенностей традиционной одежды коренных народов Северо-Востока Китая как особого объекта материальной культуры, формировавшегося в тесной связи с климатическими условиями, ландшафтом, организацией производства и образом жизни. Выделяется влияние ханьской и русской одежды на изменение привычной одежды населения региона.

Ключевые слова: Северо-Восток Китая, традиционная одежда, межкультурная коммуникация, национальная культура

Для цитирования: Линь Ли. Одежда коренных народов Северо-Востока Китая: культурный синтез традиций и новаций // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 153–158. doi: 10.17223/15617793/486/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/16

Indigenous clothing in Northeast China: A cultural synthesis of tradition and innovation

Li Lin[1]

[1] *Shenyang Ligong University, Shenyang, China*
[2] *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*
13940309208@139.com

Abstract. The article aims to give a brief description of the features of the traditional clothing of the indigenous peoples of Northeast China as a special object of material culture, which was formed in close connection with climatic conditions, landscape, production organization and lifestyle, and to highlight the influence of Han and Russian clothing on changing the habitual clothing of the population of the region. The article concludes that the traditional clothing of the indigenous peoples of the Northeast is similar. It also describes the influence of the clothes of the peoples of the region on traditional Chinese clothes and vice versa, and also of Russian clothes on the clothes of the population in the region. The climatic features of the Northeast of China determined the life of the ancient peoples of the region. The appearance of clothing and its features were closely related to natural conditions, climate and production methods common in the region. The clothes of the peoples of the region were based on animal skins: the rich used sable, mink, marten or blue chinchilla fur; the poor used the skins of horses, pigs, sheep, cats, dogs and fish. In winter, people wore two layers of fur to effectively protect themselves from snow and wind. In the summer they wore clothes made of leather, which protected from the sun and was not so hot. These changes fully reflect that the formation of the traditional clothing of the various ethnic groups of ancient Northeast China was due to the distinctive climatic characteristics of the four seasons in this region. The custom of wearing clothes made from animal skins was due to the only production method of that time. During the period of New History, Russian culture had a huge impact on the food, language, clothing, architecture of Northeast China, which is due to the geographical location and historical development of the region. The Russian Far East and the Northeast of China are geographically very similar, their cultural development had many common features, and the process of cultural diffusion between the two regions is a process of mutual cultural influence. Specific modes of transmission are both cultural borrowings, the spread of various commodities in the region, and the influence exerted by a large number of emigrants and expatriates. Russian clothing culture, as a result of long-term influence, has integrated into the daily life of people in the Northeast, becoming an integral part of the clothing culture in the region.

Keywords: Northeast China, traditional clothes, intercultural communication, national culture

© Линь Ли., 2023

***For citation*:** Lin, Li. (2023) Indigenous clothing in Northeast China: A cultural synthesis of tradition and innovation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 153–158. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/16

Современное развитие цивилизации должно осуществляться в направлении толерантного сосуществования культур, с признанием их равноправными и равноценными, с уважением к чужим культурам. И сохранение культурного многообразия становится важным вопросом для человечества, крайне актуальны все действия по сохранению малочисленных традиционных, доиндустриальных культур и их истории, их исчезновение было бы невосполнимой утратой для мировой культуры. В этой связи изучение культур малых народов является одной из важнейших задач культурологии на современном этапе. Археология и этнография засвидетельствовали, что с давних пор человек стремится наделить созданные им предметы смыслом, зафиксировать в них через единство пользы и красоты обычаи, мировоззрение, образ жизни. Одежда как продукт культуры отражает ее изменения, в одежде видно и взаимовлияние культур. В статье кратко рассмотрены особенности традиционной одежды коренных народов Северо-Востока Китая и выделено влияние ханьской и русской одежды на изменение привычной одежды населения региона, произошедшее при сохранении общего национального колорита, обусловленного региональными, культурными и климатическими особенностями.

Северо-Восток Китая – регион, расположенный в высоких широтах, в умеренно холодном поясе. Лето здесь относительно короткое, влажное и прохладное, а зима длинная, холодная и сухая. Эти климатические особенности определяли жизнь древних народов региона, которые при крайне низкой производительности в непростых природных условиях стремились к выживанию. Появление одежды и ее особенности были тесно связаны с этми условиями, климатом и способами производства, распространенными в регионе [1. С. 41]. Одежда появлялась по мере покорения природы человеком, изначально основной ее целью было обеспечить выживание. Одежда – это творение человечества, с одной стороны, созданное, чтобы справиться с конкретными природными условиями [2], а с другой – отражающее культуру, формируемую в течение долгого периода существования народов, творение, отражающее врожденное человеческое стремление к красоте.

Под Северо-Востоком Китая подразумевается географический регион, сформировавшийся в правление династии Цин, это провинции Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян и три сейма Внутренней Монголии. Этот регион – место проживания малых народностей Китая. Самой ранней этнической группой на Северо-Востоке были сушень – предки маньчжуров, которые живут в этом регионе дольше остальных, другими были орочены, нанайцы, эвенки, дауры, сибо, цзилими и куйи, всех их можно считать коренными жителями Северо-Востока [3. С. 14]. Долгое время они были настоящими хозяевами этого региона.

Под влиянием географических, политических и экономических факторов традиционная одежда этих коренных народов приобрела уникальный художественный стиль, став символическим отображением их культурных особенностей. Она отражает коренное эстетическое стремление к красоте и творческие силы каждой этнической группы, раскрывая их глубокое стремление к культуре и представления о красоте.

Рассмотрим одежду маньчжуров. Большинство предков маньчжурского народа проживали в горах Чанбайшань, в бассейне реки Амур – относительно холодном регионе. Поэтому в маньчжурской традиционной одежде стремление защититься от холода особенно заметно. Во время зимней охоты маньчжурские мужчины, чтобы защититься от ветра, часто завязывали пояса, которые постепенно трансформировались в *магуа* (马褂) – короткую длиной до пупка широкую куртку, которую надевали поверх халата. Иногда вдобавок надевали и магуа без рукавов. Магуа с рукавами или без них защищают от холода грудь. Магуа, особенно вариант без рукавов, принят и любим людьми всех этнических групп во всем Китае за практичность.

Наиболее яркая маньчжурская одежда, ставшая популярной по всей стране и даже за ее пределами, – это кафтан-халат с рукавом с раструбом, по форме напоминающим копыто, за что и получил свое название *матисиу* (马蹄袖) – «рукав-копыто», расширяющийся книзу и с разрезом, очень удобным для охоты зимой. Они были не только теплыми и прочными, но и не сковывали движения. Эти халаты в свою очередь постепенно превратились в классический маньчжурский наряд под названием *ципао* (旗袍), который в несколько измененном виде постепенно распространился по всему Китаю и стал традиционным и любимым среди китайских женщин.

Орочоны жили в горах, не имели постоянных домов, у них не было ткачества и земледелия, они в основном занимались охотой и кочевали вслед животными. Благодаря охоте у них было не только мясо, которое употреблялось в пищу, но и шкуры, из которых они делали одежду. Орочоны носили халаты и шубы из шкур косуль, меховые шапки, кожаные брюки, кожаные перчатки и др. Зимой мужчины носили *нилосуун* (尼罗苏恩) – мужской кожаный халат с широкой верхней полой, для красоты и солидности, край и манжеты которого дополнительно окаймлялись тонкой кожей [4]. Молодые люди были одеты в кожаные одежды, окрашенные в желтый цвет. Чтобы облегчить верховую езду, спереди и сзади халат имел прорези, под него надевали *элэкайи* (额勒开依) – кожаные брюки; длина брюк была только до колена, нижнюю часть ног закрывали *таоку* (套裤) – ногови-

цы, т.е. две штанины без соединяющей их части; в качестве обуви носили *чихами* (其哈密) – кожаные сапоги; на голову надевали *миехата* (灭哈塔) – шапку из шкуры с головы косули. Женщины носили *асисуун* (阿西苏恩) – женский кожаный халат такого же фасона, как и мужской, но длиннее; верхняя пола закрывала ноги, разреза спереди и сзади не было, но они были по бокам халата. Вокруг разрезов и на манжетах были вышиты цветочные орнаменты. Девушки и молодые женщины носили одежду, окрашенную в желтый цвет; женщины в возрасте и девочки носили одежду, украшенную каймой, не вышитую и не окрашенную. Весной и осенью носили старые шубы, которые износились за зиму. Летом носили короткие халаты из кожи косули. Эта одежда была устойчива к холоду и очень подходила для охоты в холодном климате.

Нанайцы жили на обширной территории, включающей среднее и нижнее течение рек Сунгари и Амур, бассейн реки Уссури; они занимались в основном рыболовством и охотой. Большая часть их одежды, постельных принадлежностей и предметов быта была сделана из рыбьей кожи и шкуры животных, поэтому их называют «племенем рыбьей кожи» [5. С. 117].

В бассейне реки Уссури и среднем течении реки Сунгари – в Циндели (г. Тунцзян, Цзямусы, провинции Хэйлунцзян), в качестве материала для изготовления одежды в основном использовалась кожа косуль и оленей, рыбья кожа была на втором месте. Ниже Циндели до нижнего течения реки Амур, наоборот, в основном использовалась для изготовления одежды рыбья кожа. Как известно, в различных районах для изготовления одежды используется разное сырье [6. С. 51]. Основными видами одежды, которую носили нанайцы, были халаты из рыбьей кожи, брюки, онучи, перчатки, пояса, фартуки и др. Халат из рыбьей кожи изготавливался следующим образом: сшивались нескольких кусков вываренной специальным образом рыбьей кожи в один большой кусок, кусок кроили, затем шили халат. Его фасон схож с маньчжурским халатом длиной до колена, с узкой талией и широким низом, веерообразной формы для удобства движения. Женская одежда украшалась орнаментами. Брюки из рыбьей кожи также были характерны для нанайцев, их преимущества – легкость, способность сохранять тепло и влагонепроницаемость; их можно носить зимой во время охоты, поскольку они устойчивы к холоду, износостойкие, а если одевать их весной и осенью на рыбалку, они не пропускают воду [1. С. 41].

Эвенки – трансграничный народ, живущий на территориях Китая и России; в России они известны как тунгусы, и в основном проживают в Забайкалье и Восточной Сибири. Эвенки на Северо-Востоке Китая в основном были сосредоточены в провинции Хэйлунцзян в районе уезда Нэхэ. Хозяйство эвенков было основано на животноводстве, а из-за холодного климата региона, в котором они жили, их традиционная одежда также в основном была сделана из шкур животных. Шкуры косуль, оленей и овец использовались для изготовления зимних халатов, штанов, таоку, сапог, шапок, перчаток и т.д. Женские халаты в основном изготавливались из ткани, в сельскохозяйственных районах к халатам подшивалась подкладка, поверх халатов надевали длинные или короткие жилеты [7. С. 129]. Платья имели большие воротники, довольно узкую верхнюю часть и широкие юбки с многочисленными складками, белые, черные и красные ткани использовались для отделки воротника и передних лацканов. У замужних женщин на халате вокруг рукава пришивались ленты из цветной ткани, жилетки были оторочены цветной тканью. У эвенков было множество различных видов кожаных перчаток, в том числе, перчатки с пятью пальцами и вышитыми на них замысловатыми узорами. Сапоги из кожи, снятой с ног лосей и косуль, были легкими, износостойкими, красивыми, не пропускали воду и подходили для ходьбы по снегу в горах [8. С. 11].

Дауры – этническая группа северного Китая с многовековой историей и развитой сельскохозяйственной культурой. Дауры были искусны в военном деле, поэтому их называли «боевым народом» северного Китая. В одежде дауров сказывалось монгольское и маньчжурское влияние, обычно она изготавливалась из шкур животных, например, из шкуры косули – кафтаны, жилеты, перчатки, варежки и *чикаамии* (其卡觅). Наиболее характерными из них являются перчатки из кожи косули и чикаамии. Перчатки расшивались искусными узорами, вышивка была на тыльной стороне руки, пальцах и даже на отверстии для надевания перчаток, что делало их не только прочными, но и красивыми. Чикаамии – это вид кожаных полусапог. Их подошвы были сделаны из кожи косули или коровы, а голенище – из камусов косули мехом наружу; они были легкими и теплыми и очень подходили для ходьбы по снегу в горах.

Сибо, также известные как сяньби или шивей, являются группой этнических меньшинств на севере Китая, которые одними из первых занялись сельским хозяйством. В ранний период одежда сибо изготавливалась из шкур животных, таких как олени, лоси и свиньи, постепенно традиционный наряд сибо вобрал в себя преимущества маньчжурской, монгольской и ханьской одежды. Для удобства верховой езды, мужские халаты и куртки имели разрезы по бокам [9. С. 74]. Кафтан народа сибо – это длинный халат, нижний край чуть ниже колен с разрезами и манжетами в форме копыта – матисиу, которые можно закатывать вверх и вниз. Штаны, которые носили под ним, часто дополнялись таоку. Женщины сибо имели одежду самых разных фасонов. Это ципао из цветных узорчатых тканей (с большим количеством кантов и оторочек), расшитые узорами туфельки, жилеты и т.д. Верхние полы халатов были обшиты широкой каймой или расши-

ты, на халат надевали жилеты – двубортные или с запахом, украшенные каймой, а также штаны, завязанные черными лентами, на ногах – расшитые туфли. Помимо повседневных костюмов, весьма интересны специальные костюмы шаманов сибо: на голову они надевали шлем из металлических лент, разделяющих его на шесть секций, на груди носили бронзовое зеркало для защиты сердца, а на талии – пояс с лентами. Шаманы, имитируя животных в движении, в состоянии погони, борьбы и поединка, передавали дух первобытной эпохи, атмосферу охоты и кочевой жизни, а также особенности культуры горного леса и степной культуры [10. С. 70].

Согласно древним записям, основу одежды северных народов составляли шкуры животных: богатые носили мех соболя, норки, куницы или голубой шиншиллы; бедные шили одежду из шкур лошадей, свиней, овец, кошек, собак, кожи рыб. Зимой люди носили толстые меха и не снимали их, пока не входили в дом [11. С. 119]. Зимняя одежда состояла из двух слоев меха, причем внутренний слой прилегал к телу, а внешний слой надежно защищал от снега и ветра. Летом носили одежду из кожи, которая защищала от солнца и в ней не было жарко. Таким образом, традиционная одежда различных этнических групп древнего Северо-Востока Китая была связана с климатическими условиями четырех сезонов в этом регионе [12. С. 33]. Обычай носить одежду для защиты от холода, сшитую из шкур животных, в то время был обусловлен единственным способом ее производства. Можно сказать, что на человеческое общество в его первобытной стадии большое влияние оказывала окружающая среда, в частности на формирование культуры одежды, что видно на примере сезонности одежды древних этнических меньшинств Северо-Востока Китая.

Говоря о предпочтениях в одежде этнических групп Северо-Востока Китая, нельзя не отметить сильного влияния русского костюма и ее эстетического восприятия. В период Новой истории русская культура оказала огромное влияние на язык, пищу, одежду, мебель и архитектуру Северо-Восточного Китая, что обусловлено географическим положением и историческим развитием региона. Российский Дальний Восток и Северо-Восток Китая географически очень похожи, их культурное развитие имело много общих черт, и процесс культурной диффузии между двумя регионами – это процесс взаимного культурного влияния. Существует определенное сходство между русской культурой и культурой Северо-Востока Китая, и это сходство способствует распространению русской культуры в регионе. Специфическими способами передачи являются как культурные заимствования, распространение в регионе товаров повседневного спроса, так и влияние, оказываемое большим количеством эмигрантов и экспатриантов [13. С. 120]. Русская культура одежды в результате своего длительного влияния интегрировалась в повседневную жизнь людей на Северо-Востоке, став неотъемлемой его частью.

Наиболее заметные качества русской национальной одежды – ее практичность и эстетика. Эти черты, по сути, являются воплощением и материализацией элементов традиционной русской культуры. Одежда отражает культуру, служит средством ее распространения, и синтез различных культурных составляющих может способствовать естественному развитию культуры одежды [14. С. 114]. Некоторые особенности российского образа жизни, соответствующие окружающей среде, особенно заметны в одежде. С одной стороны, это стремление к достижению конкретных практических целей, а с другой – следование определенной моде, что отражает влияние российской культуры одежды на культуру одежды Северо-Востока Китая.

В период Новой истории (с середины XIX в. до 1919 г.) русские традиции оказали огромное влияние на костюм жителей Северо-Востока Китая и его эстетическое восприятие, получив широкую известность в Китае и за рубежом. В тот период писали, что, «вместо того, чтобы носить традиционную китайскую одежду, большинство людей носят западную одежду, которую считают более красивой», а «часы и кольца стали необходимы для украшения». На сегодняшний день эти убеждения окончательно закрепились в сознании китайцев. Когда наступала осень, женщины переобувались в длинные или короткие кожаные сапоги, надевают длинные юбки и твидовые пальто. Стиль одежды и эстетический вкус жителей городов Северо-Востока все больше вбирал в себя черты русской одежды. От мужских твидовых пальто и рубашек с небольшим воротником-стойкой, меховых шапок в форме лодочки и высоких сапог до женских пестрых платьев летом и шарфов и шалей осенью и зимой, включая способ завязывания платков и укладки волос с локонами на лбу – происходило постепенное проникновение в регион русской традиционной одежды [13. С. 114].

Благодаря влиянию русских у мужчин Северо-Востока Китая вошли в моду и стали привычными шляпы-котелки и меховые шапки. Ношение шапок для русских привычно, так как, согласно русской традиции, голова считается самым важным органом человеческого тела, и с точки зрения заботы о здоровье голову нужно беречь. Женщины на Северо-Востоке Китая любят носить мех зимой. Мех востребован и стал необходимостью благодаря своей великолепной текстуре, способности сохранять тепло, всегда в моде. Каждая женщина хочет обладать великолепной шубой из благородного меха, редко можно встретить женщину, у которой ее нет. Это объясняется тем, что ношение меха – не только способ защиты от холода и ветра, но и демонстрация статуса, культурная и психологическая необходимость, что также отражает глубокое проникновение русской культуры одежды в сознание жителей Северо-Востока Китая.

Одежда – это продукт культуры и ее показатель, а также отражает модные тенденции, является сим-

волом статуса, психологической и культурной потребности, имеет свои культурные, исторические и этнические коннотации. Она не только показывает качества отдельной личности, но и глубокую и давнюю культуру народа. Изучая и рассматривая влияние русского национального костюма на Северо-Восток Китая, [15. С. 79] можно сделать вывод о том, что культурный обмен способствовал развитию и изменению моды и что русская одежда была интегрирована в северо-восточном регионе, породив «гибридную» культуру одежды. Взаимная интеграция культур способствовала не только развитию дружеских отношений между странами, но и укреплению глубокого взаимопонимания между народами. Сохранение очарования традиционных нарядов каждой этнической группы будет способствовать большему разнообразию и распространению современной одежды.

Список источников

1. Ван Ю. Краткое обсуждение особенностей древних костюмов этнических меньшинств северо-восточного Китая // Северная серия. 1996. № 3. С. 41–42
2. Обсуждение народной культуры Гуаньдуна, адаптированной к холодному климату. URL: https://m.ub1.com.cn/ yanjianggao/2021/0613/476058.html
3. Фу П. Историческое исследование причин миграции в Северо-Восточном Китае в республиканский период : дис. Университет Сихуа, 2015. 117 с.
4. Ороченские обычаи и этикет. URL: http://m.wenxm.cn/liyi/chuantong/548986.html
5. Чжу Ц. Исследование культурных изменений в Эрцзе в конце династии Цин и начале династии Мин : дис. Харбин : Харбин. пед. ун-т, 2013. 129 с.
6. Ван С., Ван Ч. Применение элементов костюма национальных меньшинств бассейна Хэйлунцзян в дизайне при разработке современных продуктов // Харбинский колледж искусства и дизайна. 2017. № 29. С. 51
7. Чжан Г. Образование и культурная среда северо-восточной этнической группы эвенков // Обзор образования. 2014. № 5. С. 129–131
8. И Л. Характеристики народной медицины эвенков // Китайский журнал народной медицины. 2012. № 9. С. 9–11.
9. Сян Д. Исследование музыки этнического меньшинства Сибо в Северо-Восточном Китае // Журнал Северо-Восточного сельскохозяйственного университета: издание по общественным наукам. 2011. № 9. С. 74–77.
10. Линь Ш. Исследование культуры костюма национальных меньшинств Синьцзяна : дис. Университет Шихези, 2007. 104 с.
11. Лю Т. Фольклорные характеристики религиозной культуры Мэйшань // Журнал Хунаньской академии гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4. С. 117–119.
12. У А. Исследование культурного наследия ороченских костюмов : дис. Харбин : Харбин. пед. ун-т, 2011. 49 с.
13. Цзинь Г. Русская культура и современная северо-восточная литература : дис. Шаньдун : Шаньдунский университет, 2007. 149 с.
14. Линь Л. Исследование культуры русского национального костюма // Сычуаньский университет иностранных языков. Химические волокна и текстильные технологии. 2021. № 4. С. 112–114.
15. Чэнь Л. Российская дипломатическая традиция и ее влияние // Теоретическое обозрение. 2014. № 4. С. 79.

References

1. Van, Yu. (1996) Kratkoe obsuzhdenie osobennostey drevnikh kostyumov etnicheskikh men'shinstv severo-vostochnogo Kitaya [A brief discussion of the features of the ancient costumes of ethnic minorities in northeastern China]. *Severnaya seriya.* 3. pp. 41–42
2. M.ub1.com.cn. (2021) *Obsuzhdenie narodnoy kul'tury Guan'duna, adaptirovannoy k kholodnomu klimatu* [Discussion of the folk culture of Guangdong, adapted to the cold climate]. [Online] Available from: https://m.ub1.com.cn/ yanjianggao/2021/0613/476058.html
3. Fu, P. (2015) *Istoricheskoe issledovanie prichin migratsii v Severo-Vostochnom Kitae v respublikanskiy period* [Historical study of the causes of migration in Northeast China in the Republican period]. Diss. Sihua University.
4. M.wenxm.cn. (2020) *Orochenskie obychai i etiket* [Orochis customs and etiquette]. [Online] Available from: http://m.wenxm.cn/liyi/chuantong/548986.html
5. Zhu, Q. (2013) *Issledovanie kul'turnykh izmeneniy v Ertsze v kontse dinastii Tsin i nachale dinastii Min* [A Study of Cultural Changes in Erjie at the End of the Qing Dynasty and the Beginning of the Ming Dynasty]. Diss. Harbin: Harbin Pedagogical University.
6. Wang, S. & Wang, Ch. (2017) Primenenie elementov kostyuma natsional'nykh men'shinstv basseyna Kheyluntszyan v dizayne pri razrabotke sovremennykh produktov [The use of elements of the costume of the national minorities of the Heilongjiang basin in design in the development of modern products]. *Kharbinskiy kolledzh iskusstva i dizayna*. 29. p. 51
7. Zhang, G. (2014) Obrazovanie i kul'turnaya sreda severo-vostochnoy etnicheskoy gruppy evenkov [Education and cultural environment of the North-Eastern ethnic group of Evenks]. *Obzor obrazovaniya*. 5. pp. 129–131
8. I, L. (2012) Kharakteristiki narodnoy meditsiny evenkov [Characteristics of Evenk traditional medicine]. *Kitayskiy zhurnal narodnoy meditsiny.* 9. pp. 9–11.
9. Xiang, D. (2011) Issledovanie muzyki etnicheskogo men'shinstva Sibo v Severo-Vostochnom Kitae [Research on the Music of the Xibo Ethnic Minority in Northeast China]. *Zhurnal Severo-Vostochnogo sel'skokhozyaystvennogo universiteta: izdanie po obshchestvennym naukam*. 9. pp. 74–77.
10. Lin, Sh. (2007) *Issledovanie kul'tury kostyuma natsional'nykh men'shinstv Sin'tszyana* [Study of the costume culture of the national minorities of Xinjiang]. Diss. Shihezi University.
11. Lyu, T. (2013) Fol'klornye kharakteristiki religioznoy kul'tury Meyshan' [Folklore characteristics of Meishan religious culture]. *Zhurnal Khunan'skoy akademii gumanitarnykh i estestvennykh nauk.* 4. pp. 117–119.
12. U, A. (2011) *Issledovanie kul'turnogo naslediya orochenskikh kostyumov* [Research of the cultural heritage of the Orochis costumes]. Diss. Harbin: Harbin Pedagogical University.
13. Jin, G. (2007) *Russkaya kul'tura i sovremennaya severo-vostochnaya literatura* [Russian culture and modern northeastern literature]. Diss. Shandong: Shandong University
14. Lin, L. (2021) Issledovanie kul'tury russkogo natsional'nogo kostyuma [Study of the culture of the Russian national costume]. *Khimicheskie volokna i tekstil'nye tekhnologii.* 4. pp. 112–114.
15. Chen, L. (2014) Rossiyskaya diplomaticheskaya traditsiya i ee vliyanie [Russian diplomatic tradition and its influence]. *Teoreticheskoe obozrenie*. 4.

Информация об авторе:
Ли Линь – магистр филологических наук, секретарь парткома института международного образования Шеньянского политехнического университета (Шеньян, Китай); аспирант кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 13940309208@139.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Li Lin, MA (Philology), Shenyang Ligong University (Shenyang, China); postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 13940309208@139.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31. 02.2022;
одобрена после рецензирования 26.12.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 31. 02.2022;
approved after reviewing 26.12.2022; accepted for publication 31.01.2023.

Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 159–164
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2023. 486. pp. 159–164

Научная статья
УДК 908
doi: 10.17223/15617793/486/17

«Академические» номинации городских объектов в топонимическом пространстве Томска и Новосибирска

Рената Валерьевна Оплаканская [1]

[1] *Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия*
roplakanska@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются практики репрезентации образа научно-образовательных учреждений в топонимии университетских городов на примере Томска и Новосибирска. Дается сравнительный анализ динамики изменений топонимического пространства, выявляются тенденции, повлиявшие на присвоение городским объектам академических названий. В их числе: научно-техническая революция середины XX в., выдающиеся достижения отечественной науки, реализация конкретных проектов (основание Сибирского отделения АН СССР и Томского научного центра) и возрастающая конкуренция между двумя университетскими городами. Отмечается волновой характер процесса номинирования.

Ключевые слова: топонимическое пространство, университетский город, историко-культурное наследие, Томск, Новосибирск

Источник финансирования: публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта «Социально-экономическая и культурная среда современного университетского города: сравнительный анализ Томска, Новосибирска, Монпелье и Бордо (грант № 18-510-22001).

Для цитирования: Оплаканская Р.В. «Академические» номинации городских объектов в топонимическом пространстве Томска и Новосибирска // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 159–164. doi: 10.17223/15617793/486/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/17

“Academic” nominations of city objects in the toponymic space of Tomsk and Novosibirsk

Renata V. Oplakanskaya [1]

[1] *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation*
roplakanska@mail.ru

Abstract. This article presents results of the research aimed at a comparative analysis of practice of representation of scientific educational institutions’ image in the toponymy of university cities. The research is based on case studies of Tomsk and Novosibirsk – the most known university cities of Russia beyond the Urals. The research problems were to select the set of the toponyms connected with academic institutions’ activities; to study the changes of the toponymic space of the cities. In total, 57 toponyms in Tomsk and 109 in Novosibirsk were allocated. Reference and cartographic materials, documents from the State Archive of Tomsk Oblast and the archive of Novosibirsk were used as sources. The analysis of the change of the cities’ toponymic spaces resulted in the following. Until the end of the 1940s, “academic” toponyms were just single cases and performed functions of commemoration and navigation in the cities. The toponymic revolution in the cities occurred in the 1950s–1960s (50% of all “academic” nominations). Predominately, there were streets named in honour of outstanding domestic and foreign scientists. The cities’ active toponymic policy was due to the following reasons: the influence of the scientific and technological revolution of the middle of the 20th century; the achievements of Soviet scientists in exact and natural sciences; the competition between the university cities. The competition between Tomsk and Novosibirsk increased when there was a question of choosing the place for the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Thus, the “academic” agenda of the toponymic policy became one of the priority directions in the development of the cities. There were three “waves” of “academic” naming of city objects in Tomsk and Novosibirsk: the 1950s–1960s; the end of the 1970s–1980s; the end of the 1990s–2000s. The process took place simultaneously. The results of the research show that the “waves” of nominating the cities’ objects passed at the same time and many names were identical (for example, Lomonosov Street, Michurin Street, Akademicheskaya Street, etc.). Besides traditional functions of toponyms (marker and commemoration), a new function appears – targeting the cities as centers of science and education. Academic territories play a special role in such targeting. In Tomsk, such a place is the territories of Tomsk State University and Tomsk Polytechnic University. Both universities were included into the state list of especially valuable objects of the Russian Federation’s cultural heritage.

© Оплаканская Р.В., 2023

In Novosibirsk, such a place is Akademgorodok. In 2014 it was also included in the state list of especially valuable objects of cultural heritage as an object of regional value.

Keywords: toponymic space, university city, historical and cultural heritage, Tomsk, Novosibirsk

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-510-22001.

***For citation*:** Oplakanskaya, R.V. (2023) "Academic" nominations of city objects in the toponymic space of Tomsk and Novosibirsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 159–164. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/17

В названиях городских объектов находят отражение события и процессы, сыгравшие судьбоносную роль в истории городского социума. Инструментом их увековечивания становятся акты номинаций в рамках реализации топонимической политики городских властей при участии городских сообществ. Номинации городских объектов закрепляют в пространстве города не только знаковые для него моменты истории, но и приоритеты, определенные в качестве факторов успешного развития. Таким образом, топонимия является резервуаром историко-культурного наследия города и выступает в качестве транслятора исторической памяти. Исследование городской топонимии представляет научный интерес с точки зрения осмысления феномена города как особого социального, политического и культурного пространства. В эпоху постмодерна все более значимую роль в развитии города играют наука и высшее образование. Существует тесная связь между историей успеха города и наличием в нем развитого научно-образовательного комплекса. Возникает потребность в научном исследовании того, как функционирование академических учреждений влияет на топонимическую политику городских властей и топонимическое поле университетских городов.

К концу XX в. потребность в концептуальном осмыслении связей между развитием топонимических пространств и разнообразными социальными, политическими и культурными процессами сместила фокус топонимических исследований из традиционных лингвистических в междисциплинарную сферу [1. С. 56–57]. В отечественной науке интерес к городской топонимии стимулировал начавшийся в конце 1980-х гг. процесс ревизии топонимических номенклатур советского периода и связанные с ними общественные дискурсы [2]. Наиболее разработанными с точки зрения методологии, сбора и анализа материала являются историко-культурологическое направление (городская топонимия как резервуар исторической памяти и культурное наследие) [3–6]; социолого-политологическое, рассматривающее мотивацию топонимических номинаций в контексте политической ситуации и взаимодействия городских властей и социума в формировании топонимической политики [7, 8]. Представляется интересной концепция преемственности топонимических систем Российской империи и СССР, предложенная омскими исследователями. По их мнению, в основе обеих была заложена идеология, нацеленная на формирование целостного цивилизационного и политического пространства, а инструментом достижения служила топонимическая политика власти [6. С. 155–156].

В статье представлены результаты исследования, предметом которого стали практики репрезентации образа научно-образовательных учреждений в топонимии Томска и Новосибирска. Оба города приобрели известность в стране и за рубежом благодаря тому, что в середине XX в. стали крупными центрами науки и образования. Цель исследования – проследить процесс конструирования образа города как центра науки и образования и его закрепление в топонимическом пространстве посредством соответствующих номинаций городских объектов. В задачи исследования входило выявление совокупности академических урбанонимов, а также изучение динамики изменений топонимического поля городов на разных этапах исторического развития (досоветский, советский и постсоветский периоды) Томска и Новосибирска. Под академическими урбанонимами автор понимает названия внутригородских объектов, появление которых было связано с формированием научно-образовательных комплексов, а под академической номинацией – акт присвоения объектам соответствующих названий. Источниками исследования послужили справочные [9] и картографические материалы [10], архивные документы из фондов ГАТО и МКУ г. Новосибирска, а также современные электронные карты городов. Рассматривались следующие виды топонимических объектов, имеющие академические названия: 1) улицы, переулки, площади, скверы; 2) выделенные территории (места) в городском пространстве (*Академгородок в Томске и Новосибирске*). Всего выявлено и рассмотрено 57 академических урбанонимов в Томске и 109 в Новосибирске, которые можно разделить на три группы: 1) антропонимические (в честь ученых и иных деятелей, влияние на развитие науки и образования); 2) профессиональные (указания на виды деятельности); 3) ориентационно-утилитарные (по месту расположения учреждений).

Топонимическое поле Томска. Роль и место университетов и образования в целом в жизни города фиксируются в томской топонимии на рубеже XIX–XX вв. Учреждение первых в Сибири вузов рассматривалось томичами как эпохальное событие. В месте народных гуляний по случаю торжественной закладки фундамента главного здания университета властями города предлагалось установить транспарант «1580 год – завоевание Сибири Ермаком. 1880 год – основание Сибирского университета» [11. Л. 7–7 об.]. Торжества по случаю открытия вузов приурочивались к событиям в императорской семье. Открытие университета состоялось 22 июля 1888 г., а технологиче-

ского института – 6 декабря 1900 г. – в дни «тезоименитства» императрицы Марии Федоровны [12. Л. 1] и Николая II [13. Л. 5]. Появление академических учреждений положило начало формированию значимого для города места, а территория локализации зданий вузов обзавелась соответствующими названиями – *Университетская роща* и *Университетское озеро*. В этот же период появляются антропонимические урбанонимы. Одна из улиц стала именоваться *Буткеевской* в честь штатного смотрителя училищ, который передал университету коллекцию минералов. В 1911 г. появилась улица-посвящение хирургу Пирогову [9. С. 33–34, 202]. В ходе Первой мировой войны процесс наименования улиц приостановился, а в советский период было положено начало практике идеологически мотивированных номинаций городских объектов (*ул. Ленина, Коммунистическая* и др.) [14]. Тем не менее в 1920–1940-е гг. в Томске появилось восемь академических урбанонимов. Одни выполняли функцию навигации (например, *пер. Вузовский* – по причине близкого расположения к зданиям университета и технологического института); другие – мемориализации памяти ученых, прославивших город. В 1939 г. часть ул. Буткеевской была переименована в честь уроженца Томской губернии академика Усова, выпускника и профессора Томского технологического института (умер в том же году), а в 1944 г. *ул. Садовая* – в честь ректора технологического института Карташова (умер в 1943 г.) [9. С. 46, 85, 260].

Настоящая волна присвоения улицам Томска академических названий прокатилась в 1950–1960-е гг. (28 номенклатур из 57). В подавляющем большинстве это были урбанонимы-посвящения, которые можно разделить на две группы. В первую группу попадают номинации в честь ученых, не связанных с Томском (улицы *Ломоносова, Циолковского, Пастера, Пржевальского* и др.), а во вторую – в честь ученых, чья деятельность была непосредственным образом связана с городом (улицы *Обручева, Потанина, Кузнецова,* единственного в 1950-е гг. в Сибири академика до момента основания СО АН СССР.). Примечательно, что в пантеоне ученых, чьи имена были увековечены в топонимии города, нет представителей гуманитарных научных дисциплин. Кроме того, появились профессиональные урбанонимы (улицы *Ракетная, Научная* и др.). Номинирование городских объектов имело кустовой характер (например, согласование улиц Циолковского, Научной, Ракетной) [9. С. 267]. Часть номинаций была инициирована научной общественностью, что свидетельствовало о роли гражданского активизма в формировании топонимической повестки города. Благодаря ходатайству Томскго НИИ вакцин и сывороток появились улицы в честь микробиологов Гамалеи, Мечникова, Пастера [9. С. 48, 158, 198]. Вторая волна академического номинирования в Томске прошла в конце 1970–1980-х гг. и была связана с основанием филиала СО АН СССР и строительством Академгородка [15. С. 225, 257]. Объектам нового микрорайона присваивались профессиональные названия (например, *Академический проспект*) и имена выдающихся советских ученых (улицы *Вавилова, Королева и др.*). В начале 1980–1990-е гг. в топонимической политике города доминировали политически мотивированные переименования, связанные с отказом от советской идеологии. Академическая повестка актуализировалась в связи с 400-летием Томска. Подобного рода события вызывают исторические дискурсы и способствуют росту общественного сознания. В начале 2000-х гг. развернулась волна гражданского активизма, направленная на сохранение исторического облика Томска (объектов деревянного зодчества) [16]. В 2009 г. сотрудники Томского архитектурно-строительного университета инициировали номинирование проектируемых улиц в честь архитекторов, которые внесли вклад в формирование городского пространства и развитие архитектурного образования в Сибири (улицы *Крячкова, Болдырева* и др.) [17].

Топонимическое поле Новосибирска. В дореволюционный период в городе не было вузов, однако на карте города 1906 г. уже существовали номинации в честь ученых (улицы *Потанинская, Ядринцевская, Ломоносова*, всего 12) [10]. Так молодой город (обрел статус в 1903 г.) позиционировал себя как часть российского цивилизационного пространства. Советский период – время стремительного развития Новосибирска. В 1920-е гг. город стал административным центром Сибири, а индустриализация способствовала появлению в нем вузов, ориентированных на нужды промышленности края. В целях исследования ресурсного потенциала региона осуществлялась экспедиционная деятельность АН СССР, в городе проводились научные мероприятия (конференция физиков Сибири, 1934 г. и др.) [18]. В период Великой Отечественной войны масштабы научной деятельности выросли благодаря Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана, а также эвакуации профессуры и ученых из европейской части страны [19. С. 9, 23–27]. В короткие сроки в городе сформировалась научно-образовательная инфраструктура. Возрастающее влияние академических учреждений на его жизнь проявляется в 1940-е гг. в номинациях в честь ученых (улицы *академика Чаплыгина*, *физика Бродского*, улица и переулок *Циолковского*, всего 6). В 1950–1960-е гг. в Новосибирске развернулась мощная волна наименований и переименований, связанных с функционированием сети академических учреждений (61 номинация из 109). В подавляющем большинстве это были урбанонимы-посвящения ученым. В основной массе антропонимические номинации носили символический характер, поскольку номинируемые объекты не были связаны с присваиваемыми им именами людей (улицы *Коперника* и *Ньютона* в Кировском районе – индустриальной части города). Одновременно на карте города появились профессиональные номинации (*ул. Ученых, проспект Науки* и др.). Академические урбанонимы образовали топонимические кусты, причем не только в строящемся в 20 км от центра Новосибирска Академгородке, но и в старых районах города (улицы *Лобачевского* и *Бессемера* в Заельцовском районе; улицы *Седова, Циолковского* в Дзержинском р-не) [10. С. 29]. Таким

образом, академическая повестка топонимической политики Новосибирска в 1950- е гг. стала своеобразной заявкой города на статус крупного научно-образовательного центра, а номинации городских объектов –способом фиксации одного из его приоритетов развития. Основание Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске стало еще одним мотиватором появления новых урбанонимов. В 1968 г. из *ул. Академической* были выделены две – в честь академиков СО АН Воеводского и Мальцева. В этом акте номинации прослеживалась цель увековечить память ученых, ушедших из жизни годом ранее. В 1970–1980-е гг. отмечается спад активности по присвоению академических номинаций объектам города. В номинировании четко отслеживация мотивация деморализации памяти новосибирских деятелей науки и образования (9 топонимов из 10) (*ул. Клиническая* переименована в ул. Залесского, ректора медицинского института; *пр-т Науки* – в пр-т академика Лаврентьева). Переименования уже существующих улиц, при том что город быстро разрастался, объяснялись непосредственной связью между ними и учеными. Расширялось территориальное пространство академических мест, крупнейшими из которых были и остаются Академгородок и район станции метро «Студенческая», получившей название благодаря расположению в этой части города трех вузов (1985 г.). В постсоветский период (середина1990–2000-е гг.) количество академических урбанонимов в Новосибирске возросло (20 номинаций). Сохраняется тенденция мемориализации памяти представителей новосибирской академической элиты. Появление урбанонимов происходило вследствие как выделения новых улиц из существующих (*ул. академика Кутателадзе* стала продолжением *ул. Пирогова*), так и переименований (*ул. Физиков – в ул. Будкера,* первого директора Института ядерной физики, *ул. Институтская – в ул. академика Ржанова*). Номинирование новых городских объектов увязывалось с деятельностью ученых. *Площадь им. Лыщинского* (первого ректора электро-технического ин-та) была в непосредственной близости от возглавляемого им долгие годы вуза. *Сквер архитектора А. Крячкова*, заведовавшего кафедрой архитектуры в строительном институте, появился возле спроектированного им «100-квартирного дома» (объект культурного наследия федерального значения). Большинство академических урбанонимов Новосибирска постсоветского периода имеет отношение к Академгородку, в их числе девять тропинок в честь академиков СО РАН (Векуа, Беляева, Замараева и др.) на территории кампуса Новосибирского государственного университета. Любопытен факт номинации одной из тропинок в честь историка, член-кор. АН РАН Л.М. Горюшкина. Пожалуй, это единственный пример мемориализации памяти представителя гуманитарной научной дисциплины. В данный период отмечается рост гражданской активности. В лице коллективов НИИ и вузов академическое сообщество Новосибирска влияло на топонимическую политику, инициируя номинирование городских объектов.

Сравнительное историческое исследование академических урбанонимов в топонимии двух крупнейших университетских городов Сибири позволяет сделать следующие выводы. Основная масса академических урбанонимов появилась в рамках советской топонимической системы и по решению городских властей. Немногочисленные примеры «народных» номинаций (например, *Университетская роща*) Томска – наследие досоветского периода. До конца 1940-х гг. на топонимическую политику Томска и Новосибирска оказывали влияние события Гражданской войны и преобразования советской власти, академические номинации городских объектов были единичными примерами. Появление стабильной академической повестки в топонимической политике городов относится к началу 1950-х гг., а процесс номинирования обретает черты системности. Ее признаки – рост количества номенклатур и кустовой характер номинирования. Половина всех академических номинаций в Новосибирске и Томске пришлась на 1950–1960-е гг., что позволяет охарактеризовать процесс как топонимическую революцию. Актуализация академической повестки была вызвана влиянием НТР, выдающимися достижениями советских ученых в точных и естественных науках [20], а также начавшейся еще в годы конкуренцией между Томском и Новосибирском за право стать научным центром Сибири. С 1943 г. руководители Новосибирской области целенаправленно добивались учреждения в Новосибирске Западно-Сибирского филиала АН СССР, обращаясь в Президиум АН СССР, СНК и АН СССР. В 1944 г. филиал начал свою работу в Новосибирске, хотя Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР рекомендовал его организацию в Томске как «основном научном центре Сибири» [21. С. 196–197]. Ядро научных кадров филиала составили сотрудники томских вузов [19. С. 25–27]. Конкуренция между городами усилилась в 1950-е гг., когда решался вопрос о создании СО АН СССР. У Томска появилась возможность взять реванш за 1944 г. Но предложенная московскими академиками М.А. Лаврентьевым и С.А. Христиановичем концепция СО АН не нашла понимания у томских ученых и местных властей. По мнению Н.А. Куперштох, это и определило место научного центра Сибири в Новосибирске [15. С. 227–228]. Претензии на статус научного центра четко прослеживаются в топонимической политике обоих городов, однако интенсивность академического номинирования в Новосибирске была выше. В 1950-е гг. городским объектам в Томске было присвоено 14 академических названий, в то время как в Новосибирске – 45. Академическая повестка топонимической политики формировала образ города науки и образования и, в сочетании с грамотной тактикой взаимодействия новосибирских властей с центром, позволила реализоваться проекту СО АН СССР именно в пространстве Новосибирска.

Прослеживаются три волны академического номинирования городских объектов в Томске и Новосибирске: 1950–1960-е гг.; конец 1970–1980-х гг.; конец 1990-х – 2000-е гг. Процесс носил синхронный характер, что проявилось в совпадении по времени волн номинирования объектов, а также в идентичности

номинаций, как антропонимических (улицы *Ломоносова, Мичурина, Ползунова* и др.), так и профессиональных (улицы *Инженерная, Академическая, Научная* и др.). Сохраняются традиционные функции номинаций (ориентационно-утилитарная и коммеморативная), но все более важное место отводится идеологической. Академические урбанонимы должны были служить напоминанием о выдающемся вкладе советской власти в развитие науки и образования в Сибири.

Не ускользает от внимания и значение академических мест в позиционировании городов как научно-образовательных центров. Первое академическое место Томска (территория университета и технологического института) с момента появления стало играть важную роль в развитии не только образовательного, но и культурного пространства города. Его застройка осуществлялась по проектам известных архитекторов, и в настоящее время это место является визитной карточкой города. Несмотря на появление Академгородка, имидж Томска формируют ТГУ [22] и ТПУ [23], которые в 1997–1998 гг. вошли в свод особо ценных объектов культурного наследия народов РФ. Развитие научно-образовательного комплекса в Новосибирске привело к созданию нескольких академических мест, но, безусловно, культовым является Академгородок, на территории которого «вырос» самый крупный топонимический куст. Проспект им. академика Лаврентьева вошел в Книгу Гинесса как «самая умная улица мира», поскольку на ней расположены два десятка научных учреждений [24]. В 2014 г. Академгородок был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ в номинации «Достопримечательное место» как объект регионального значения [25].

Наука и образование стали факторами роста и обретения международной известности Томска и Новосибирска. Осознание их роли городскими властями и городским социумом выразилось в появлении академической повестки топонимической политики и актах номинаций городских объектов. Академическая тема в топонимии Томска и Новосибирска сохранит свою актуальность благодаря возрастающей роли научно-образовательных комплексов и под влиянием конкуренции между двумя университетскими городами.

Список источников

1. Басик С.Н. Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестник. 2018. № 1(44). С. 56–63.
2. Имя нашего дома // Наше наследие. 1989. № 1. С. 34–38.
3. Громов М.Н., Куценко Н.А. Топонимика как ценный культурно-исторический источник // Киммерийский топос: мифы и реальность Сборник научных статей международной философско-культурологической конференции / сост. Н.М. Мирошниченко, Т.М. Свидова. 2017. С. 326–343.
4. Кукушкина В.В. Топонимика Петербурга – Петрограда второй половины XIX – начала XX в. (до 1917 г.). (Из фондов отдела картографии Российской национальной библиотеки). Названия частей города, слобод, деревень, улиц, площадей, переулков, набережных рек, каналов, мостов, островов, садов и т.д. СПб., 2000. 353 с.
5. Поспелов Е.М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. М. : Профиздат, 2000. 224 с.
6. Демьянов К.В., Рыженко В.Г. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 4 (16). С. 153–160.
7. Лихтшангоф А.З. Исследование медицинской топонимии Санкт-Петербурга // История медицины. 2014. № 2 (2). С. 112–119.
8. Терентьев Е. А. Топонимический активизм и «право на город»: социологические заметки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1 (29). С. 194–202.
9. История названий томских улиц. Томск, 1998. 326 с.
10. Новосибирск. Историко-географический атлас. Федеральная служба геодезии и картографии России. М., 1993. 119 с.
11. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 233. Оп. 2. Д. 184. О праздновании дня закладки здания Сибирского университета в Томске в 26 число августа 1880 г. 18 л.
12. ГАТО. Ф 233. Оп. 2. Д. 970. Переписка с Томским губернатором и городской думой об открытии университета. 1888. 59 л.
13. ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2627. Документы о праздновании открытия Томского технологического института и назначении стипендий его студентам. 1890–1904. 183 л.
14. Целевая комплексная программа по присвоению названий улицам, переулкам и площадям города Томска «Томский именослов» на 2004-2006 гг. URL: https://pandia.ru/text/78/010/33278.php (дата обращения: 15.11.2018).
15. Куперштох Н.А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск : Академическое издательство «Гео», 2006. 441 с.
16. Никита Кирсанов о том, как спасали деревянный Томск // Другой город. URL: http://drugoigorod.ru/tomsk (дата обращения: 03.12.2018).
17. Пять улиц Томска назовут именами архитекторов // ВИПЕРСОН. 20.06.2009. URL: http://viperson.ru/wind.php?ID=575813 (дата обращения: 21.10.2018).
18. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск : Наука ; Сибирская издательская фирма, 1993. 471 с.
19. Артемов Е.Т. Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980 гг. Новосибирск : Наука. Сиб. отдние, 1990. 189 с.
20. Марухин В.Ф., Уткин А.И., Федоренко А.А. «Бунташный век» и парадоксы глобальных перемен. Орехово-Зуево, 2017. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30614687_93254067.pdf (дата обращения: 18.11.2018).
21. Заключение ВКВШ при СНК СССР на представление Новосибирского обкома ВКПб о научных силах Западной Сибири // Культурное строительство в РСФСР. Т. 3. Документы и материалы 1941–1945. М. : Советская Россия, 1969.
22. Официальный сайт ТГУ. URL: http://www.tsu.ru/university/tsutoday/trad.php (дата обращения: 20.11.2018).
23. Официальный сайт ТПУ. URL: https://tpu.ru/university/meet-tpu/history (дата обращения: 20.11.2018).
24. Типичный Новосибирск. 14.08.2015. URL: https://ok.ru/typicalnsk/topic/63911303615758 (дата обращения: 20.11. 2018).
25. Официальный сайт города Новосибирска. URL: https://novo-sibirsk.ru/about/akademgorodok (дата обращения: 20.11.2018).

References

1. Basik, S.N. (2018) Kriticheskaya toponimika kak napravlenie geograficheskikh issledovaniy: problemy i perspektivy [Critical Toponymy as a Direction of Geographical Research: Problems and Prospects]. *Geograficheskiy vestnik.* 1(44). pp. 56–63.
2. *Nashe nasledie.* (1989) Imya nashego doma [The name of our house]. 1. pp. 34–38.

3. Gromov, M.N. & Kutsenko, N.A. (2017) [Toponymy as a valuable cultural and historical source]. In: *Kimmeriyskiy topos: mify i real'nost'* [Cimmerian topos: myths and reality]. Proceedings of the International Conference. Simferopol: Antikva. pp. 326–343. (In Russian).
4. Kukushkina, V.V. (2000) *Toponimika Peterburga–Petrograda vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. (do 1917 g.). (Iz fondov otdela kartografii Rossiyskoy natsional'noy biblioteki). Nazvaniya chastey goroda, slobod, dereven', ulits, ploshchadey, pereulkov, naberezhnykh rek, kanalov, mostov, ostrovov, sadov i t.d.* [Toponymy of St. Petersburg–Petrograd in the second half of the 19th – early 20th centuries. (until 1917). (From the collections of the Cartography Department of the National Library of Russia). Names of parts of the city, settlements, villages, streets, squares, lanes, river embankments, canals, bridges, islands, gardens, etc.]. St. Petersburg: [s.n.].
5. Pospelov, E.M. (2000) *Istoriko-toponimicheskiy slovar' Rossii. Dosovetskiy period* [Historical and Toponymic Dictionary of Russia. pre-Soviet period]. Moscow: Profizdat.
6. Dem'yanov, K.V. & Ryzhenko, V.G. (2017) Ideologiya, toponimika, politika pamyati: o massovom pereimenovanii gorodov v SSSR [Ideology, toponymy, politics of memory: on the mass renaming of cities in the USSR]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 4 (16). pp. 153–160.
7. Likhtshangof, A.Z. (2014) Issledovanie meditsinskoy toponimii Sankt-Peterburga [Study of the medical toponymy of St. Petersburg]. *Istoriya meditsiny*. 2 (2). pp. 112–119.
8. Terent'ev, E.A. (2015) Toponymic Practices and the "Right to the City": Sociological Notes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1 (29). pp. 194–202. (In Russian).
9. Starikova, G.N., Zakharova, L.A. & Ivantsova, E.V. (1998) *Istoriya nazvaniy tomskikh ulits* [History of Tomsk streets' names]. Tomsk: D-Print.
10. Ivashchenko, S.V. et al. (eds) (1993) *Novosibirsk. Istoriko-geograficheskiy atlas* [Novosibirsk. Historical and geographical atlas]. Moscow: Roskartografiya.
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 233. List 2. File 184. *O prazdnovanii dnya zakladki zdaniya Sibirskogo universiteta v Tomske v 26 chislo avgusta 1880 g. 18 l.* [On the celebration of the day of laying the foundation stone for the building of the Siberian University in Tomsk on August 26, 1880. 18 p.].
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 233. List 2. File 970. *Perepiska s Tomskim gubernatorom i gorodskoy dumoy ob otkrytii universiteta. 1888. 59 l.* [Correspondence with the Tomsk Governor and the city council about the opening of the university. 1888. 59 p.].
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 233. List 2. File 2627. *Dokumenty o prazdnovanii otkrytiya Tomskogo tekhnologicheskogo instituta i naznachenii stipendiy ego studentam. 1890–1904. 183 l.* [Documents on the celebration of the opening of the Tomsk Technological Institute and the awarding of scholarships to its students. 1890–1904 183 p.].
14. Pandia.ru. (2018) *Tselevaya kompleksnaya programma po prisvoeniyu nazvaniy ulitsam, pereulkam i ploshchadyam goroda Tomska "Tomskiy imenoslov" na 2004–2006 gg.* [Target complex program for the naming of streets, lanes and squares of Tomsk "Tomsk Names" for 2004–2006]. [Online] Available from: https://pandia.ru/text/78/010/33278.php (Accessed: 15.11.2018).
15. Kupershtokh, N.A. (2006) *Nauchnye tsentry Sibirskogo otdeleniya RAN* [Scientific centers of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. Novosibirsk: Akademicheskoe izdatel'stvo "Geo".
16. Drugoy gorod. (2018) *Nikita Kirsanov o tom, kak spasali derevyannyy Tomsk* [Nikita Kirsanov about how wooden Tomsk was saved]. [Online] Available from: http://drugoigorod.ru/tomsk (Accessed: 03.12.2018).
17. VIPERSON. (2009) *Pyat' ulits Tomska nazovut imenami arkhitektorov* [Five streets of Tomsk will be named after architects]. 20 June. [Online] Available from: http://viperson.ru/wind.php?ID=575813 (Accessed: 21.10.2018).
18. Goryushkin, L.M. (ed.) (1993) *Novosibirsk. 100 let. Sobytiya. Lyudi* [Novosibirsk. 100 years. Events. People]. Novosibirsk: Nauka; Sibirskaya izdatel'skaya firma.
19. Artemov, E.T. (1990) *Formirovanie i razvitie seti nauchnykh uchrezhdeniy AN SSSR v Sibiri. 1944–1980 gg.* [Formation and development of a network of scientific institutions of the USSR Academy of Sciences in Siberia. 1944–1980]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie.
20. Marukhin, V.F., Utkin, A.I. & Fedorenko, A.A. (2017) "*Buntashnyy vek" i paradoksy global'nykh peremen* ["Rebellious age" and the paradoxes of global change]. Orekhovo-Zuevo. [Online] Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_30614687_93254067.pdf (Accessed: 18.11.2018).
21. Sovetskaya Rossiya. (1969) Zaklyuchenie VKVSh pri SNK SSSR na predstavlenie Novosibirskogo obkoma VKPb o nauchnykh silakh Zapadnoy Sibiri [Conclusion of the Higher Higher School of Economics under the Council of People's Commissars of the USSR on the presentation of the Novosibirsk Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on the scientific forces of Western Siberia]. In: *Kul'turnoe stroitel'stvo v RSFSR* [Cultural construction in the RSFSR]. Vol. 3. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
22. *Ofitsial'nyy sayt TGU* [Official website of TSU]. [Online] Available from: http://www.tsu.ru/university/tsutoday/trad.php (Accessed: 20.11.2018).
23. *Ofitsial'nyy sayt TPU* [Official website of TPU]. [Online] Available from: https://tpu.ru/university/meet-tpu/history (Accessed: 20.11.2018).
24. Ok.ru. (2015) *Tipichnyy Novosibirsk* [Typical Novosibirsk]. 14 August. [Online] Available from: https://ok.ru/typicalnsk/topic/63911303615758 (Accessed: 20.11.2018).
25. *Ofitsial'nyy sayt goroda Novosibirska* [Official website of Novosibirsk]. [Online] Available from: https://novo-sibirsk.ru/about/akademgorodok (Accessed: 20.11.2018).

Информация об авторе:
Оплаканская Р.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, культуры и искусств Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: roplakanska@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
R.V. Oplakanskaya, Cand. Sci. (History), associate professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: roplakanska@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.12.2018;
одобрена после рецензирования 25.11.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 05.12.2018;
approved after reviewing 25.11.2022; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 93/94(316.45)+930.2+355.01
doi: 10.17223/15617793/486/18

«Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска)

Дмитрий Игоревич Петин [1], Максим Максимович Стельмак [2], Алексей Владимирович Сушко [3]

[1, 2, 3] Омский государственный технический университет, Омск, Россия
[1] dimario86@rambler.ru
[2] stelmakmm@mail.ru
[3] alexsushko_1974@mail.ru

Аннотация. На основе комплекса неопубликованных источников – формализованных стандартных анкет для бывших офицеров белых армий, выявленных авторами в фондах Исторического архива Омской области, выделены и проанализированы типичные социальные характеристики представителей указанной категории в раннем советском обществе. Продемонстрированно влияние данных показателей на бытование в 1920-е гг. бывших белогвардейцев в условиях крупного сибирского города, некогда являвшегося ключевым военно-административным центром антибольшевистского востока России.

Ключевые слова: социальная адаптация, военная антропология, офицерство, Русская императорская армия, Русская революция, Гражданская война, Белое движение, РККА, советское общество, Омск

Источник финансирования: исследование проведено по проекту РНФ № 22–28–20144 «Белое офицерство в советском Омске: социальный портрет и проблема адаптации (ноябрь 1919–1927 гг.)»

Для цитирования: Петин Д.И., Стельмак М.М., Сушко А.В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175. doi: 10.17223/15617793/486/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/18

“Gold chasers” in Soviet Russia: A collective social portrait of former White officers in the 1920s (on the example of Omsk)

Dmitriy I. Petin [1], Maksim M. Stelmak [2], Aleksey V. Sushko [3]

[1, 2, 3] Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation
[1] dimario86@rambler.ru
[2] stelmakmm@mail.ru
[3] alexsushko_1974@mail.ru

Abstract. Based on the description of typical social characteristics, the article reconstructs the collective social portrait of former White officers who lived in Soviet Omsk in the 1920s. The significance of the study is due to the fact that currently there is no such special research on the Siberian region. Omsk was a special city in the history of the Russian officer corps. In the pre-revolutionary past, the headquarters of the Omsk Military District (which included significant territories of Western Siberia and the Steppe Territory) was located here. During the First World War, it was one of the officer training centers (two ensign schools were established here). The city had the status of the capital of anti-Bolshevik Russia during the Civil War. After the war, Omsk retained its importance as a major military and administrative regional center. Here thousands of former officers and military officials from the defeated White armies served and worked in parts of the Red Army, in state bodies and institutions. The sources for the study were formalized Soviet questionnaires for the military registration of former White Guards, identified in the Historical Archive of Omsk Oblast, in the fund of the Omsk Provincial Military Commissariat. 1197 such questionnaires have been preserved for persons registered in 1923 on military records. The processing of the entire array of these sources made it possible to conduct a representative study, achieving the aim of the work. The methodological basis of the study was a combination of the anthropological approach, statistical and prosopography methods. This theoretical set made it possible to reach the objectives of the study: (1) to calculate and analyze the typical social characteristics of the representatives of the former White officers who lived in Soviet Omsk expressed in numerical terms (time of promotion to officers, class origin, age, level of education, occupation before and after

© Петин Д.И., Стельмак М.М., Сушко А.В., 2023

1914, combat experience); (2) based on the obtained generalizations, to reconstruct the collective social portrait of former White Guards who lived in Omsk in the 1920s. The authors conclude that in the specified period, a resident of Omsk from among the former White officers is, in the recent past, a chief officer of the ground forces, promoted to officer in wartime, coming from the middle class or peasants; a young man with a sufficiently high level of education for Siberia, which allowed him to be in demand in many sectors of the economy and worker management. He was not an ideological opponent of the Soviet regime, falling into the ranks of Kolchak by virtue of belonging to an officer corporation or by the will of circumstances.

Keywords: social adaptation, military anthropology, officers, Russian Imperial Army, Russian Revolution, Civil War, White movement, Red Army, Soviet society, Omsk

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-20144.

***For citation*:** Petin, D.I., Stelmak, M.M. & Sushko, A.V. (2023) “Gold chasers” in Soviet Russia: A collective social portrait of former White officers in the 1920s (on the example of Omsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 165–175. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/18

Постановка проблемы. Антропологический поворот в исторической науке обусловил то, что «личностное измерение» прошлого за текущие 20 лет стало одним из ключевых направлений в исследованиях российских академических специалистов. Ярким подтверждением данной историографической тенденции является достаточно широкая проблема, касающаяся одновременно политической, военной и социальной истории России первой половины XX в., – это бывшие офицеры Русской (императорской) и белых армий в раннем советском социуме. Анализируя многочисленные современные наработки по данной тематике [1], мы пришли к выводу о том, что жившие в Сибири в 1920-е гг. экс-белогвардейцы интересуют сегодня историков преимущественно в контексте советской репрессивной политики по отношению к «бывшим людям» (см., например: [2–5; 6. С. 140–141, 153–209; 7. С. 126–137]), и специальных трудов, посвященных реконструкции социального портрета бывших белых офицеров, оставшихся в советской Сибири, нет.

Пример советского Омска тех лет остается неизученным сегментом обозначенной выше научной проблемы. Особая актуальность «омского аспекта» видится по ряду причин. Так, в дореволюционный период город был местом дислокации штаба Омского военного округа (куда входили обширные территории Западной Сибири и Степного края). Омск, где в разгар Первой мировой войны в 1915–1917 гг. действовали две школы прапорщиков, стал за Уралом одним из ключевых мест ускоренной подготовки офицеров военного времени (см. подробнее: [8–10]). В 1918–1919 гг. Омск – столица белой России и ключевой военно-административный центр. Свое значение город сохранял и в первое десятилетие после завершения Гражданской войны в России. Здесь в частях РККА, в государственных органах и учреждениях служило значительное число бывших офицеров и военных чиновников из разбитых белых армий. В середине 1920-х гг. в буквальном смысле один из 150 жителей Омска был человеком с социальным маркером «бывший (белый) офицер» [11. С. 1130]. Уточним, что таким термином в официальном делопроизводстве советских военных и гражданских структур, а также спецслужб именовали всех лиц, служивших в белых армиях и имевших воинские чины генерала, офицера или юнкера либо классные чины (у военных чиновников). Кроме того, на практике к ним властями причислялись не столь многочисленные лица, кто на момент пленения войсками РККА исполнял обязанности офицера в строю, хотя формально не имел офицерского чина (зауряд-прапорщики, подпрапорщики, подхорунжие). К «бывшим белым» также относили кадет и тех, кто в белой армии не служил, но проживал в период Гражданской войны на территории, контролируемой антибольшевистскими силами.

Без изучения социального облика этих людей нельзя полноценно представить общественно-политическую жизнь региона в 1920-е гг., а также бытование тех, кого коммунистический режим причислял к категории «бывших людей». Отсюда цель данной работы – описав типичные социальные характеристики, реконструировать коллективный социальный портрет бывших белых офицеров, живших в советском Омске в 1920-е гг.

В тот период бывшие офицеры и военные чиновники, не состоящие на службе в РККА, подлежали учету как мобилизационный ресурс в военкомате по месту жительства. В качестве первичного ключевого собственноручно заполняемого учетно-биографического документа использовался специальный опросник – анкета для бывших офицеров белых армий. В Историческом архиве Омской области хранятся документы о более 8000 бывших белых офицерах, живших на территории Омского Прииртышья в 1920-е гг. [12. С. 6]. Основой исследования стали 1197 анкет, датированных по большей части 1923 г., хранящихся в архивном фонде Омского губернского военкомата [13]. Это массив документов, несущий в себе достаточно объемный информационный срез именно по экс-белогвардейцам, которые успешно адаптировались на тот момент к новым условиям. Конечно, это неполный охват бывших белых офицеров, находившихся тогда в Омске. Стоит помнить, что точно не установленное их количество (менявшееся в силу кадровых назначений и чисток) состояло еще на службе в дислоцированных в Омске частях РККА. Но объем выявленных анкетных сведений о бывших генералах, офицерах и чиновниках белых армий, состоявших в запасе РККА и учтенных Омским губернским военкоматом на 1923 г., репрезентативен, так как проанализированы данные значительной части

представителей указанной категории советского общества, живших в те годы в Омске.

Методологической основой нашего исследования стали антропологический подход, статистический и просопографический методы. Это позволило, во-первых, обобщить подсчитанные типичные социальные характеристики бывшего белого офицерства в советском Омске (сословное происхождение, возраст, уровень образования, род занятий до и после 1914 г., время производства в офицеры, боевой опыт); во-вторых, используя полученные выводы, реконструировать социальный портрет бывших белых офицеров, живших в Омске в 1920-е гг.

Типичные социальные характеристики бывших белых офицеров в советском Омске. *Время присвоения первого чина* – подпоручика или прапорщика – являлось важнейшей характеристикой коллективного портрета бывших белых офицеров. Как отмечает историк С.В. Волков, «момент, когда человек получал первый офицерский чин, был важнейшим в его жизни: он переступал грань, очерчивающую высшее в стране сословие, переход в которое коренным образом менял его положение в обществе (если он не был дворянином), и входил в наиболее престижную для дворянина социально-профессиональную общность» [14. С. 59].

Таблица 1

Время присвоения офицерского чина бывшим белым офицерам, состоявшим на учете в Омском губернском военкомате на 1923 г.

Период присвоения чина офицера	Количество	
	чел.	%
До 1914 г.	109	9
1914–1917 гг.	609	52
После 1917 г.	56	4
Время присвоения чина офицера неизвестно	423	35
Всего	1 197	100

Следует констатировать, что в 35% анкет время производства в офицеры не указано (см. табл. 1). Тем не менее 65% ответов вполне достаточно, чтобы признать полученные данные репрезентативными, позволяя утверждать, что оставшиеся в Омске бывшие белогвардейцы в подавляющем большинстве были офицерами военного времени, получившими чин в период Первой мировой войны (52% от общего числа), окончив школу прапорщиков или ускоренный курс подготовки в военном училище. Это важное обстоятельство объясняется интенсивностью боевых действий и массовыми потерями обер-офицеров в сухопутных войсках, что заставило Военное ведомство экстренно пересмотреть систему подготовки командно-административных кадров армии, в том числе активно задействовав мобилизованных, обладавших необходимым образовательным цензом и личностными качествами (см. подробнее: [15]).

Из табл. 1 мы видим, что лишь 9% от общего числа были кадровыми офицерами Русской императорской армии до начала Первой мировой войны; всего 4% стали офицерами после 1917 г., т.е. в белых армиях. Таким образом, 96% заполнивших в Омске анкеты людей являлись офицерами до начала Гражданской войны в России, став затем в силу жизненных обстоятельств участниками Белого движения.

В ходе анализа анкет установлено, что в числе 1 197 заполнивших их бывших белогвардейцев 2 подпрапорщика, 7 зауряд-прапорщиков, 44 юнкера, 4 портупей-юнкера, 298 военных чиновников (в том числе чиновников военного времени и зауряд-чиновников), 270 прапорщиков, 256 подпоручиков, 4 корнета, 8 хорунжих, 3 мичмана, 137 поручиков, 7 сотников, 1 лейтенант, 74 штабс-капитана, 4 штабс-ротмистра, 4 подъесаула, 1 зауряд-капитан, 23 капитана, 1 ротмистр, 4 есаула, 20 подполковников, 3 войсковых старшины, 1 капитан 2-го ранга, 19 полковников, 2 генерал-майора. Таким образом, из этой массы численно выделяются обер-офицеры (64,2%), штаб-офицеры (5,9%), гражданские чиновники армии (24,8%), юнкеры (4%).

Как правило, офицеры в чине до капитана не были до 1914 г. профессиональными военными, являясь офицерами военного времени. А пройденная ими ускоренная подготовка предполагала карьерное ограничение: службу только в обер-офицерских чинах [15. С. 206]. Служившие на 1914 г. кадровые обер-офицеры (даже молодые), особенно активно участвовавшие в боях, за годы Первой мировой войны в зависимости от обстоятельств вполне могли получить производство в чинах вплоть до полковника. Но здесь надо оговориться, что анкетный показатель по обер-офицерам может быть не до конца точен. Известны случаи, когда, заполняя советские опросники, некоторые офицеры, пытаясь «нивелировать» свое «белое» прошлое перед большевистской властью, умышленно занижали или искажали чин (см., например: [16. С. 59]).

В российской историографии подробно охарактеризовано русское офицерство эпохи Первой мировой войны, которое, несмотря на значительный количественный рост и пополнение выходцами из разных слоев, оставалось устойчивой социальной корпорацией со специфичной профессиональной культурой. Историк В.Л. Кожевин обоснованно пишет о «мощном процессе социальной адаптации среди лиц, только недавно надевших офицерские погоны. Армейский “котел” при наличии благоприятных обстоятельств быстро “переваривал” и изменял сознание новоиспеченных офицеров, заставляя их воспринимать корпоративные ценности, нормы и стереотипы поведения» [17. С. 104].

Офицерство в России относилось к привилегированным сословиям «старого мира», с которыми вели борьбу революционные силы. Победившие в Гражданской войне большевики логично считали офицерство «бывшими людьми», потерявшими свои привилегии. В 1919–1920 гг. колчаковцев (и сдавшихся, и взятых в плен) принимали на службу в РККА, но уже на этапе локализации и затухания Гражданской войны старались избавляться от них. Так, 2 сентября 1920 г. Председатель Ревтрибунала 5-й Армии, докладывая о своих планах Председателю Ревтрибунала Республи-

ки, первую задачу предстоящей работы формулировал так: «Уничтожение непримиримого, закостенелого контрреволюционного элемента из всего бывшего белого (колчаковского) офицерства, пробравшегося в нашу армию и всеми способами разлагающего ее» [18. Л. 24]. В Сибири, где в 1918 г. офицерские организации стали главной внутренней антибольшевистской силой, активно свергшей советскую власть, недоверие к бывшим белогвардейцам было особо сильно среди коммунистов, наученных прошлым опытом. Не имело значения, насколько высок был офицерский чин экс-белогвардейца – определяющую роль играло наличие чина, что автоматически относило его обладателя к категории «чуждого элемента». В Сибири это уже в 1920-е гг. будет явно продемонстрировано в ходе кадровых чисток и кампании по лишению избирательных прав.

Возраст – важная демографическая характеристика в историко-социологических исследованиях. Репрезентативность сведений здесь по анализу анкет максимально полна. Лишь в 1,26% анкет возраст не указан (табл. 2). Для подробной характеристики данного показателя социальной группы, разделив всех респондентов на 6 социальных групп (до 20 лет, 21–30 лет, 31–40 лет, 41–50 лет, 51–60 лет, 61–70 лет), мы пришли к следующему выводу. Абсолютное большинство бывших белогвардейцев, оставшихся в Советской России, находилось в расцвете сил – в наиболее трудоспособном возрасте: от 21 до 40 лет (972 чел., 80% от общего числа). При этом совсем юных экс-белогвардейцев в Омске на 1923 г. было единицы: всего 1 человек моложе 20 лет зафиксирован по анкетам.

Таблица 2

Возраст бывших белых офицеров, состоявших на учете в Омском губернском военкомате на 1923 г.

Возраст, лет	До 20	21–30	31–40	41–50	51–60	61–70	Нет данных	Всего
Кол-во, чел.	1	467	505	174	37	2	11	1197
%	0,08	39	42	14,5	3	0,16	1,26	100

Сибирским властям такие возрастные показатели «вчерашних врагов» виделись двояко. С одной стороны, это была группа полных сил молодых мужчин, владеющих оружием, из-за революции потерявших высокий социальный статус, идеологически неблагонадежных и представлявших потенциальную угрозу для режима. С другой стороны, у данной группы был рабочий возраст и хороший трудовой потенциал для использования как квалифицированных специалистов, которых повсеместно в Сибири катастрофически не хватало. Показательно, что в 1920 г. распределение гражданских специалистов из числа демобилизованных белых офицеров, прошедших чекистскую фильтрацию, осуществлялось на достаточно высоком для региона уровне – через отдел управления Сибирского революционного комитета [19. Л. 64, 73]. Для РККА эти люди также оставались ценным мобилизационным ресурсом, ведь Советская Россия продолжала находиться в недружественном мировом окружении.

Сословное происхождение в Советской России, утратив изначальное значение, обрело острый политизированный смысл. Существовавшее до 1917 г. разделение общества по сословиям не могло быть изжито и забыто одномоментно, а революционная эпоха особо «подогревала» эту «память». Так, в раннем советском обществе принадлежность к дореволюционным «господствующим» сословиям являлась важной социальной характеристикой человека и одним из оснований для причисления его к разряду «бывших людей», что существенно повышало риск преследования по политическим мотивам (см. подробнее: [20].

Несмотря на важность маркера сословного происхождения для властей, 7% из заполнивших анкеты, не указали этот значимый для коммунистического государства аспект своей биографии (табл. 3). Но данные по оставшимся 93% репрезентативны. По ним и проанализировано сословное происхождение бывших белых офицеров, живших в середине 1920-х гг. в Омске.

В изученных анкетах представлены все существовавшие сословия дореволюционной России. Из анализа следует, что абсолютное большинство представителей бывшего белого офицерства – выходцы из крестьян (45% от общего числа); немало среди них было мещан (22%). Это соответствует реалиям аграрно-индустриальной страны с доминированием крестьян. Тенденцию подтверждают и новейшие исследования [10. С. 129]. В условиях Первой мировой войны армия стала важнейшим институтом вертикальной социальной мобильности в российском обществе. Офицерский корпус вынужденно и очень быстро надо было наращивать и пополнять. Человеческим ресурсом для этого стали в большинстве своем выходцы из непривилегированных сословий, которые с производством в прапорщики активно вливались в элиту общества [21. С. 114]. К февралю 1917 г. офицерский корпус русской армии в целом соответствовал сословному составу населения страны [22. С. 89]. В Гражданской войне в России в противоборстве участвовали армии, чей основной состав также был из крестьян и на уровне рядовых бойцов, и на уровне командиров.

Таблица 3

Сословное происхождение бывших белых офицеров, состоявших на учете в Омском губернском военкомате на 1923 г.

Кол-во чел.	Сословие											
	Крестьяне	Мещане	Рабочие	Военные	Чиновники	Купечество	Духовенство	Почетные граждане	Дворяне	Казачество	Неизвестно	Всего
	544	268	9	17	63	4	28	31	86	60	87	1197
%	45	22	0,8	2,4	5,2	0,3	2,3	2,7	7	5,3	7	100

Лишь 7% бывших белых офицеров, живших в Омске в 1923 г., заполнивших анкеты, в прошлом были дворянами. Заметный, но незначительный процент бывших омских белогвардейцев относился к казачьему сословию – 5,3%. Малочисленность таких людей в регионе не вполне соотносится с местной спецификой, так как в предшествующий период Омск был центром Сибирского казачьего войска. Казачество составляло заметную часть населения Омского Прииртышья. Относительно небольшое число офицеров из казаков можно объяснить ожесточенностью Гражданской войны, где казачество Сибири было одной из сил, активно вставших на сторону Белого движения. Многие выжившие казачьи офицеры обоснованно опасалась политических репрессий со стороны победивших большевиков и поэтому эмигрировали из страны; оставшиеся в СССР скрывали принадлежность к казачеству (в том числе мы допускаем, что они могли вместо своих казачьих офицерских чинов указывать в анкетах аналогичные общеармейские).

Следует отметить, что в небольшом количестве среди офицерства присутствовали представители фактически всех сословий бывшей Российской империи. От общего количества опрошенных их было: из чиновников – 5,2%, из почетных граждан – 2,7%, из военных – 2,4%, из духовенства – 2,3%, из рабочих – 0,8%, из купечества – 0,3%.

Результаты анализа анкет бывших белых офицеров подтверждаются точечными исследованиями по Омску (см., например: [23]) и в общих чертах соответствуют общероссийской тенденции, описанной современными исследователями о соответствии по социальному происхождению офицерского корпуса социальной структуре российского общества в целом [16. С. 102]. В регионе оставалось значительное число людей, родившихся здесь или тесно связанных с Сибирью еще до начала Гражданской войны в России. Известный военный историк А.В. Ганин, выделяя специфику офицерского корпуса колчаковской армии подчеркивает, что «в отличии от Юга России, куда офицеры-добровольцы стекались со всех концов страны, в Сибирь пробиралось и там оседало главным образом офицерство [24. С. 167]. Подчеркнем, что результаты анализа сословного происхождения соответствуют социальной структуре именно местного сибирского общества. Небольшой удельный всех сословий, кроме крестьян и мещан, а также относительно небольшой процент лиц, не указавших свое происхождение, свидетельствуют о точности полученных в ходе анализа данных о сословном происхождении бывших белых офицеров в Омске. Но независимо от сословной принадлежности, в силу своей военно-профессиональной деятельности, все бывшие белые офицеры попадали в категорию «бывших людей». Как пишет С.В. Волков, быть “бывшим офицером”, или находиться в родстве с ним означало носить на себе каинову печать отверженности, быть не то что человеком “второго сорта”, а элементом почти преступным» [14. С. 350]. За принадлежность к офицерству в СССР следовали: гласное и негласное наблюдение со стороны спецслужб, ограничения в правах и затем, с большой долей вероятности, политические репрессии – высылка, лишение свободы и часто даже расстрел.

Уровень образования бывших белогвардейцев, заполнивших анкеты, в 20% изученных опросников не указан (табл. 4), но для точности результатов с точки зрения социологии выборка в 80% вполне достаточна. Офицер, чтобы эффективно выполнять свои обязанности, должен был быть человеком образованным. В начале XX в. в активно развивавшейся Российской империи был значителен дефицит квалифицированных специалистов. Общее среднее образование уже признавалось достаточно высоким цензом личности человека.

Таблица 4

Уровень образования бывших белых офицеров, состоявших на учете в Омском губернском военкомате на 1923 г.

Кол-во, чел.	Тип образования						
	Низшее	Домашнее	Среднее	Высшее		Нет данных	Всего
				военное	гражданское		
	298	46	545	4	70	234	1 197
%	25	4	45	0,3	5,7	20	100

В Сибири дефицит образованных людей ощущался сильнее, чем в европейской части России, что напрямую влияло на качество оказавшихся здесь офицеров-белогвардейцев. Большинство бывших белых офицеров, заполнивших анкеты, получили среднее образование (45% от общего числа). Из 1 197 чел. 25% имели лишь низшее образование и не могли быть признаны достаточно образованными людьми. Высшее образование среди офицеров, остававшихся в Омском Прииртышье после завершения Гражданской войны в России, было скорее редкостью (только у 5,7% было высшее гражданское образование и у 0,3% – высшее военное образование).

Образованных военных специалистов в указанный период крайне не хватало и в РККА, поэтому можно полагать, что оставшихся в Сибири бывших белых офицеров с высшим образованием, попавших в плен и зачисленных затем в РККА, командование по возможности не отпускало в запас как ценных специалистов, оставляя на военной службе. Но количество этих людей не могло быть значительным и не может существенно повлиять на описанное состояние образования в среде бывших белых офицеров в советском Омске.

Среди охарактеризованных выше представителей офицерства существовала группа лиц с домашним образованием (4% от общего числа заполнивших анкеты). Такую информацию указывали представители разных сословий: дворян, мещан, крестьян. Естественно, обучение значительно отличалось в зависимости от состояния семьи. Если человек был из обеспеченной семьи, это могло означать, что его обучали гувернеры и наставники, обязанные избирать те учебные издания, которые были одобрены государственной системой начального и среднего образования [25. С. 70]. Под домашним образованием крестьян подразумевалось иное. Так, в Сибири были распространены неофициальные «домашние» («вольные») школы. Они создавались самими крестьянами путем найма учителей – людей различного уровня

образованности и социального положения. Это могли быть и ссыльные, и служители церкви, и «захожие» отставные солдаты, и свои же, часто едва грамотные односельчане. Занятия этих школ проходили в крестьянских избах, часто по очереди в домах родителей учеников. Программа и сроки обучения были произвольны, нередко зависели от пожеланий родителей [26. С. 81]. Применительно к нашему анализу указанные 4% лиц с домашним образованием нельзя однозначно отнести к малообразованным людям.

Род занятий до и после 1914 г. также стал одним из важных изучаемых характеристик, ведь Первая мировая война разделила жизнь большинства людей в стране на «до» и «после». Так, 35% от общего числа лиц, заполнивших анкеты, не указали род своих довоенных занятий (табл. 5). Но значительная масса их тогда училась, будучи формально безработными. Эта цифра представляется довольно значительной, но данные по оставшимся 65% бывших офицеров достаточны для суждения об их деятельности летом 1914 г.

Таблица 5

Род занятий бывших белых офицеров, состоявших на учете в Омском губернском военкомате на 1923 г.

Род занятий																			
Крестьянский труд		Служащие		Рабочие		Учителя		Преподаватели		Военные		Торговцы		Духовенство		Безработные, учащиеся, не указано		Всего	
Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%	Кол-во, чел.	%
1914 г.																			
124	10	435	37	24	2	89	7,6	11	1	85	7	5	0,4	–	–	424	35	1 197	100
1923 г.																			
16	1	628	52	35	3,5	32	2,6	19	1,4	–	–	3	2	2	0,5	462	37		

Среди бывших офицеров преобладали служащие (37% от общего числа). На втором месте находились лица, занимавшиеся до 1914 г. крестьянским трудом (10%). Заметной профессиональной группой среди бывших офицеров были учителя (7,6%) и преподаватели (1%). Мобилизация педагогов во многом тогда была оправданной мерой: эти люди имели высокий образовательный и интеллектуальный уровень, опыт работы руководителя или наставника, способности к обучению (в том числе к самообразованию). Как видно, педагоги в среде офицеров военного времени по количеству лишь немного уступали крестьянам. Почти такой же была группа профессиональных военных, состоявших на службе к началу Первой мировой войны (7%). Остальные виды трудовой деятельности представлены небольшим числом людей: 2% – рабочие и 0,4% занималось торговлей.

Оценивая эту информацию из анкет, отметим, что сословное происхождение и трудовая деятельность бывших белых офицеров в некой степени разнились. Это наглядно видно при сопоставлении данных о лицах крестьянского происхождения со сведениями о количестве занимавшихся до войны крестьянским трудом. Очевидно, что в военное время из крестьян офицерами становились наиболее способные люди: кто еще в мирное время сумел поднять свой социальный статус, уйдя от труда на земле к иным видам занятости?

Отметим, что число бывших офицеров, являвшихся безработными, или тех, кто не указал в анкетах род своих довоенных занятий, применительно к послевоенной деятельности значительно не изменилось и приросло на 2% (37% от общего числа) (см. табл. 5). С завершением Гражданской войны в России большинство бывших офицеров военного времени возвратились к мирной жизни. Но характер трудовой деятельности этих людей изменился. Число служащих сильно возросло (52% от общего количества). Лишь каждый десятый из занимавшихся до войны крестьянским трудом вернулся к нему. Почти в два раза сократилось число учителей и преподавателей (суммарно с 8,6 до 4%), но незначительно выросло количество работников вузов и техникумов.

В анкетах закономерно не встречаются военные. Но этот показатель не отражал реалий времени, ведь анкеты заполняли лица, уволенные с военной службы. В реальности значительное число командных должностей в частях РККА, дислоцированных в Омске, как и по всей стране, занимали бывшие офицеры [27. С. 358–359]. Так, в сводке Омского отделения военной цензуры дан фрагмент письма родным от 9 июня 1920 г. одного из красноармейцев 34-го запасного стрелкового полка (дислоцировался в Омске в 1920–1921 гг.): «Такой порядок, как здесь стоит, если будет всегда, то наша жизнь обманута. Я даже разыскал своего бывшего офицера поручика Огородникова, и он стоит на таком же посту, что недопустимо. Жизнь наша течет между теми же людьми, которые были при Колчаке, и они сейчас же стоят на тех же постах» [28. Л. 18 об.].

В соответствии с новыми социальными реалиями с 2 до 3,5% среди бывших офицеров выросло количество рабочих. Незначительно (0,4 и 2%, соответственно, с 1 до 3 чел.) выросло число лиц, занимавшихся торговлей. Двое бывших военных (0,5%), приняв сан священника, служили в церкви.

Оценивая род занятий большинства бывших белогвардейцев в советском Омске, надо отметить, что подавляющее их количество занималось умственным трудом (при многочисленных «конторских» и «канцелярских» вакансиях – делопроизводителей, счетоводов, бухгалтеров и т.п.), входя в состав местной интеллигенции. Своей деятельностью эти люди внесли значимый вклад в преодоление послевоенной разрухи, о чем свидетельствуют соответствующие работы биографического жанра (см., например: [29–38]).

Опыт участия в войнах – ключевая составляющая профессиональной жизни офицера. Как уже отмечалось выше, среди лиц, заполнивших анкеты, кадровых офицеров Русской императорской армии довоенного времени было немного. Лишь менее половины из них (52 чел. – 4%) участвовали в Русско-японской войне 1904–1905 гг. (табл. 6). Из анализа анкет видно, что подавляющее большинство бывших офицеров получили боевой опыт в 1914–1920 гг.; 91% из них – участники Первой мировой войны и офицеры военного времени, что коррелирует с периодом присвоения им чина прапорщика (см. табл. 1).

Таблица 6

Участие в войнах бывших белых офицеров, состоявших на учете в Омском губернском военкомате на 1923 г.

Состояло на учете на 1923 г.		Участвовало в войнах		
		Русско-японской	Первой мировой	Гражданской войны в России
Кол-во, чел.	1 197	52	1091	1142
%	100	4	91	95

При этом 95% заполнивших анкеты бывших офицеров – участники Гражданской войне в России, главным образом колчаковцы. Это давало основание победившим в Гражданской войне коммунистам, имевшим негативный сибирский опыт «доверия» офицерам в начале 1918 г., впредь не верить побежденным врагам. Позднее образ белогвардейца закономерно воплощал в СССР эталон идейного противника большевизма, по точному выражению историка С.В. Волкова, «человек в золотых погонах надолго сделался символом и воплощением абсолютного зла» [14. С. 350]. Но важно сказать, что большинство лиц, заполнивших анкеты (70%), за годы Гражданской войны в России послужили и в белой армии, и в РККА. Их нельзя признать убежденными врагами советской власти. Они, отчаянно пытаясь выжить в череде событий эпохи социальных катаклизмов, приспосабливались к изменчивой действительности.

Вместо заключения: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров, живших в советском Омске в 1920-е гг. Указанная обобщающая характеристика несет в себе ряд общих и субъективных параметров. С одной стороны, как и повсеместно, «омские» экс-белогвардейцы обладали во многом чертами, присущими офицерству Русской императорской армии периода Первой мировой войны. Но региональная специфика Гражданской войны также нашла заметное отражение на коллективном портрете бывших белых, живших в советском Омске. Так, львиная доля их – колчаковцы. Столичный статус города в белой Сибири, объективно предопределял наличие здесь в 1918–1919 гг. большого количества офицеров, служивших в многочисленных штабах и вспомогательных частях. Эти люди в основном не принимали непосредственного участия в боях с большевиками. Молниеносное взятие Омска войсками РККА и неорганизованная эвакуация антибольшевистских сил привели к тому, что тысячи белогвардейцев здесь попали в плен. Но после проверок чекистов этих людей зачисляли на службу в РККА или направляли в советские учреждения как гражданских специалистов. В течение 1920 г. по мере прохождения фильтрации в органах ВЧК к ним добавлялись те, кто в массовом порядке вынужденно или добровольно сложил оружие под Новониколаевском и Красноярском.

Еще одна региональная особенность – в изученных советских анкетах есть имена лишь пяти офицеров флота. Это объяснимо географической спецификой и общей немногочисленностью морских офицеров, как на службе в антибольшевистской Сибири, так и в целом по стране. К примеру, историк К.Б. Назаренко, говоря о численности офицеров русского флота на 1 января 1918 г., приводит общую цифру 8 325 чел. (включая произведенных в офицеры в военное время). По данным этого исследователя, через службу в белых морских силах в Сибири в общей сложности прошло порядка 485 офицеров (причем меньшая часть их – «старые» флотские кадры) (см. подробнее: [39]).

Бывшие белые офицеры, стоявшие на воинском учете в Омском губернском военкомате, не были в массе профессиональными кадровыми военными: из мирной сферы их вырвала Первая мировая война. Но уровень их образования – относительно высокий по отношению к основной массе неграмотных и малообразованных россиян – позволял попасть в привилегированную в Российской империи профессиональную корпорацию, принадлежность к которой становилась и сословной. Русское офицерство обладало собственной групповой идентичностью, зиждившейся на особой военно-профессиональной культуре. Традиции армейского института, существовавшего стабильно до начала Русской революции 1917 г., обеспечивали вхождение бывших мещан и крестьян, принимавших и поддерживавших их, в офицерскую среду как полноправных членов. Революция разрушила этот социальный лифт. При этом вне зависимости от своего социального происхождения бывшие офицеры «старой» армии оказались представителями враждебной для сил революции социальной группы, значительная часть которой закономерно не приняла политических изменений и стала основой контрреволюционного движения. Даже полностью принявшие большевизм бывшие офицеры, перешедшие в РККА на командно-административные должности, не могли себя чувствовать там уютно из-за постоянных конфликтов с краскомами и комиссарами, которые подчас негативно относились к ним как к классово чуждому элементу. В обзоре политического состояния СССР с 15 сентября по 1 ноября 1923 г. органы ГПУ по этому поводу информировали власть, что «в среде комсостава наблюдается расслоение между бывшими царскими офицерами и парт.[ийным] и крас[ным] ком[андирским] составом» [40. Л. 93]. Ситуация была типична для всей страны. Естественно, что коммунистическая власть делала ставку на партийных работников и краскомов, постепенно уменьшая число «бывших людей» в РККА через их увольнение в запас под разными предлогами. Процесс этот занял более 10 лет (см. подробнее: [27; 41]).

Анализ анкет свидетельствует, что большинство бывших белогвардейцев, оставшихся в Омске, не были упорными противниками большевизма, оказавшись в рядах Белого движения в силу наличия офицерского чина, закреплявшего за его носителями соответствующий круг общения и корпоративные нормы поведения. Отметим, что по офицерам, жившим в Омске в 1920-е гг., можно судить только о мировоззрении экс-белогвардейцев, оставшихся в советской России, так как значительная часть непримиримых идейных колчаковцев после падения белого Омска продолжили вооруженную борьбу с большевиками и, потерпев окончательное поражение, эмигрировали из страны. В советском Омске оставались люди, скорее, совсем аполитичные либо не имевшие четких политических убеждений, в силу обстоятельств успевшие послужить в Гражданскую войну как на стороне белых, так и красных. Это обстоятельство – аргумент, косвенно подтверждающий фабрикацию органами ОГПУ–НКВД «офицерских контрреволюционных организаций» в советском Омске в 1930-е гг. В них, по версии чекистов, окажутся вовлеченными многие заполнившие анкеты в Омском губернском военкомате «безыдейные белогвардейцы», которые в результате подлогов и давления со стороны следствия «вдруг» становились давними непримиримыми и убежденными врагами советской власти (см. подробнее: [6. С. 182–186; 7. С. 137–138]).

Подчеркнем выявленные через анализ анкет типовые черты бывшего белого офицера, жившего в начале 1920-х гг. в Омске. Это молодой мужчина, в недавнем прошлом обер-офицер сухопутных войск, произведенный в чин прапорщика в условиях Первой мировой войны. Такой человек обладал достаточно высоким для региона уровнем образования, что позволяло ему быть работником, востребованным во многих отраслях экономики и управления, причисляя себя к интеллигенции. По идеологическим воззрениям основная масса этих людей была вне политики. В то время, когда перед властями советской Сибири остро стояла проблема поиска квалифицированных специалистов для народного хозяйства, привлечение на работу описанных «среднестатистических» бывших белогвардейцев (в числе прочих «бывших людей»), не являвшихся убежденными идейными противниками коммунистического режима, было безальтернативной мерой, позволявшей решать проблему дефицита кадров в советских учреждениях и организациях.

Произведенное исследование позиционируется не как исчерпывающее, а как охватывающее по поставленной проблеме первичный крупный массив источников в рамках региона с целью выявления и осмысления в индуктивном видении социальных тенденций и характеристик. Перспективой развития темы является изучение вклада бывших белых офицеров в военное, хозяйственное и культурное развитие как РСФСР и СССР в целом, так Сибири и Омска. Локальные аспекты потенциальны к рассмотрению как самостоятельная проблема, что показывают современные историографические примеры, связанные с Европейской Россией [16; 42–44]. Наработки по формуле «коллективного портрета» могут быть продолжены посредством обращения к иным массовым источникам, отражающим политические и социальные процессы рубежа 1920–1930-х гг. в отношении бывших белогвардейцев в Сибири. Прежде всего, в этом смысле по примеру проанализированных анкет информативны источники с эго-составляющей – документы из состава личных дел граждан, лишенных избирательных прав, а также архивных уголовных (следственных) дел. В свою очередь, взвешенный академический взгляд на региональные примеры весьма непростого бытования представителей бывшего офицерства даст более широкое понимание социальной истории раннего Советского государства и общества.

Список источников

1. Петин Д.И., Сушко А.В. Бывшие белые офицеры в раннем советском социуме: к анализу российской историографии // Омские социально-гуманитарные чтения – 2022 : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 22–24 марта 2022 г.). Омск, 2022. С. 246–254.
2. Исаев В.И. Чистки кадрового состава судебных органов Сибири в 1920-е – начале 1930-х гг. // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 13. С. 52–65.
3. Красильников С.А. «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства // ЭКО. 2020. № 8. С. 164–192.
4. Литвинова О.А. Чистка государственного аппарата в Сибири в середине 1920-х гг. в ракурсе проблемы нисходящей мобильности в советском социуме // Ползуновский альманах. 2015. № 3. С. 152–156.
5. Саламатова М.С. «Лучше бы расстреляли меня сразу…»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № XVII. С. 214–228.
6. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск : ТГУ, 2012. 586 с.
7. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск : ОмГТУ, 2017. 280 с.
8. Саблин А.Ю. Коллективный портрет начальника Омской школы подготовки прапорщиков пехоты // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 1. С. 22–29. doi: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-22-29
9. Саблин А.Ю. Корпоративная культура школ подготовки прапорщиков Сибири в годы Первой мировой войны // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 47–53. doi: 10.25206/2542-0488-2021-6-4-47-53
10. Саблин А.Ю. Адаптация юнкеров-крестьян к условиям городской среды в годы Первой мировой войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 128–134. doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-128-134
11. Сушко А.В. Антисоветские организации и группы в Омском округе в 1927 г.: сообщение Омского окружного отдела ОГПУ местному партийному руководству // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1125–1137. doi: 10.28995/2073-0101-2022-4-1125-1137
12. «Белые офицеры – красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 – 1920-е гг.) : науч.-справ. изд. Омск : Амфора, 2017. 408 с.
13. Исторический архив Омской области. Ф. Р–217. Оп. 3. Д. 29–54.
14. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М. : Центрполиграф, 2003. 414 с.

15. Курдюк А.А. Правовое регулирование ускоренной подготовки юнкеров в военных училищах России (1914–1917 гг.) // Право и образование. 2006. № 5. С. 198–206.
16. Абинякин Р.М. Бывшие офицеры в военных комиссариатах Орловской губернии в 1919–1923 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 3, ч. 1. С. 57–65.
17. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск : ОмГУ, 2011. 260 с.
18. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р–1. Оп. 2А. Д. 9Б.
19. ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 2А. Д. 9А.
20. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М. : Мир истории, 2003. 296 с.
21. Симонов Д.Г. Социальная мобильность офицерского корпуса русской армии во время Первой мировой войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 103–117.
22. Аракелова М.П., Загоруйко М.В. Влияние событий Первой мировой войны и февраля 1917 г. на формирование российского офицерского корпуса // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2011. № 2. С. 87–101.
23. Петин Д.И., Стельмак М.М. Кадровый состав Омского окружного финансового отдела: источниковедческий анализ и статистика. Август 1927 г. // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 380–392. doi: 10.28995/2073-0101-2020-2-380-392
24. Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М. : Центрполиграф, 2019. 318 с.
25. Колосова Е.М. Домашнее образование в середине XIX века // Вестник Герценовского университета. 2010. № 7. С. 68–71.
26. Зверева К.Е., Зверев В.А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX века. Новосибирск : НГПУ, 2013. 237 с.
27. Симонов Д.Г. Социальная мобильность в Красной Армии в 1920-е годы // Личность, общество и власть в истории России. Новосибирск : СО РАН, 2018. С. 343–361.
28. ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 2А. Д. 15.
29. Алгазина Н.В. Профессиональный и творческий путь архитектора Павла Павловича Голышева // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 3. С. 37–43. doi: 10.25206/2542-0488-2021-6-3-37-43
30. Блинова О.В., Петин Д.И. Генерал-майор Никифор Демьянович Павлов (1867–1929 гг.): штрихи к историческому портрету // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 2. С. 127–137. doi: 10.25513/2312-1300.2018.2.127-137
31. Жук А.В. Curriculum vitae Федора Васильевича Мелехина, составленное им самим // Вестник Омского университета. Серия : Исторические науки. 2016. № 1. С. 97–108.
32. Жукова Н.С., Петин Д.И. Военный инженер и педагог генерал-майор Н.Е. Вараксин (1862–1937) – современник трагического века // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 4. С. 137–145. doi: 10.25513/2312-1300.2018.4.137-145
33. Петин Д.И. Офицер поневоле: инженер Михаил Васильевич Лебедев в эпоху социальных катаклизмов // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 76–83. doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-2- 76-83
34. Петин Д.И. Чиновник военного времени и белогвардеец К.Е. Мурашкинский: малоизвестные страницы биографии советского биолога // Вестник архивиста. 2022. № 3. С. 904–915. doi: 10.28995/2073-0101-2022-3-904-915
35. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.
36. Петин Д.И., Кузнецов Н.А. К биографии А.Э. Розенталя (1887–1941) – боевого офицера Российского флота и участника освоения и изучения Арктики в 1920-х – 1930-х гг. // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 3. С. 111–130. doi: 10.31806/2542-1158-2020-4-3-111-130
37. Трофимов М.Ю. Сибирский казак, летчик, герой Первой мировой войны В.Е. Шайтанов // Национальные приоритеты России. 2019. № 3. С. 3–17.
38. Филинович О.А. Жизненный путь подполковника А.А. Подкорытова // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2019. № 22. С. 82–90.
39. Назаренко К.Б. Численность русских морских офицеров во время Гражданской войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67, вып. 3. С. 749–771. doi: 10.21638/spbu02.2022.305
40. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 87. Д. 177.
41. Абинякин Р.М. Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91–103.
42. Варзаков И.В. Военная интеллигенция в белой борьбе на восточном фронте: штрихи к портрету // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 3. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1. С. 130–150.
43. Ченская Т.В. Бывшие белые офицеры, состоящие на особом учете в Орловском губернском отделении ОГПУ // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 58–61.
44. Рахманов П.С. К проблеме трудоустройства бывших офицеров армии Российской империи в РСФСР в 1918 – начале 1920-х гг. (на материалах Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 1. С. 210–220. doi: 10.20310/1810-0201-2022-27-1-210-220

References

1. Petin, D.I. & Sushko, A.V. (2022) [Former White officers in the early Soviet society: to the analysis of Russian historiography]. *Omskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya–2022* [Omsk social and humanitarian readings–2022]. Proceedings of the XV International Conference. Omsk. 22–24 March 2022. Omsk. pp. 246–254. (In Russian).
2. Isaev, V.I. (2015) Chistki kadrovogo sostava sudebnykh organov Sibiri v 1920-e – nachale 1930-kh gg. [Purges of the personnel of the judicial bodies of Siberia in the 1920s – early 1930s]. *Istoriko-pravovye problemy: Novyy rakurs*. 13. pp. 52–65.
3. Krasil'nikov, S.A. (2020) "General'naya chistka" gosapparata 1929–1932 godov kak proyavlenie krizisa legitimnosti partiynogo gosudarstva ["General purge" of the state apparatus in 1929–1932 as a manifestation of the crisis of legitimacy of the party state]. *EKO*. 8. pp. 164–192.
4. Litvinova, O.A. (2015) Chistka gosudarstvennogo apparata v Sibiri v seredine 1920-kh gg. v rakurse problemy niskhodyashchey mobil'nosti v sovetskom sotsiume [Purge of the state apparatus in Siberia in the mid-1920s from the perspective of the problem of downward mobility in the Soviet society]. *Polzunovskiy al'manakh.* 3. pp. 152–156.
5. Salamatova, M.S. (2015) "Luchshe by rasstrelyali menya srazu…": sud'by ofitserov belykh armiy v Sibirskom krae (1921–1929 gg.) ["It would be better if they shot me right away ...": the fate of officers of the White armies in Siberian Krai (1921–1929)]. *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik*. XVII. pp. 214–228.
6. Uymanov, V.N. (2012) *Likvidatsiya i reabilitatsiya: politicheskie repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919 – 1941 g.)* [Liquidation and rehabilitation: political repressions in Western Siberia in the system of Bolshevik power (end of 1919–1941)]. Tomsk: TSU.
7. Vasilevskiy, V.P. & Sushko, A.V. (2017) "*Strazhi revolyutsii": organy GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'e* ["Guardians of the Revolution": bodies of the State Political Directorate – Joint State Political Directorate in the Omsk Irtysh region]. Omsk: OmSTU.
8. Sablin, A.Yu. (2021) Collective portrait of the head of the Omsk school for the training of ensigns of the infantry. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost*'. 6 (1). pp. 22–29. (In Russian). doi: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-22-29

9. Sablin, A.Yu. (2021) Corporate Culture of Siberian Warrant Officers Training Schools During First World War. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 6 (4). pp. 47–53. (In Russian). doi: 10.25206/2542-0488-2021-6-4-47-53
10. Sablin, A.Yu. (2022) Adaptation of cadets-peasants to conditions of urban environment during the First World War (on the example of Omsk). *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 7 (3). pp. 128–134. (In Russian). doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-128-134
11. Sushko, A.V. (2022) Anti-soviet Organizations and Groups in the Omsk Region in 1927: Report of the Omsk Regional OGPU Department to Local Party Leadership. *Vestnik arkhivista*. 4. pp. 1125–1137. (In Russian). doi: 10.28995/2073-0101-2022-4-1125-1137
12. Petin, D.I. (ed.) (2017) "*Belye ofitsery – krasnaya vlast'": imennoy ukazatel' k fondam Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti (konets 1919 – 1920-e gg.) : nauch.-sprav. izd.* ["White officers – Red power": a name index to the funds of the Historical Archive of Omsk Oblast (late 1919–1920s): scientific reference book]. Omsk: Amfora.
13. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund R–217. List 3. File 29–54.
14. Volkov, S.V. (2003) *Russkiy ofitserskiy korpus* [Russian officer corps]. Moscow: Tsentrpoligraf.
15. Kurdyuk, A.A. (2006) Pravovoe regulirovanie uskorennoy podgotovki yunkerov v voennykh uchilishchakh Rossii (1914–1917 gg.) [Legal regulation of accelerated training of cadets in military schools in Russia (1914–1917)]. *Pravo i obrazovanie*. 5. pp. 198–206.
16. Abinyakin, R.M. (2010) Byvshie ofitsery v voennykh komissariatakh Orlovskoy gubernii v 1919–1923 gg. [Former officers in the military commissariats of Oryol Province in 1919–1923]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (1). pp. 57–65.
17. Kozhevin, V.L. (2011) *Rossiyskoe ofitserstvo i Fevral'skiy revolyutsionnyy vzryv* [Russian officers and the February revolutionary explosion]. Omsk: OmSU.
18. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R–1. List 2A. File 9B.
19. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R–1. List 2A. File 9A.
20. Smirnova, T.M. (2003) "*Byvshie lyudi" Sovetskoy Rossii. Strategii vyzhivaniya i puti integratsii, 1917–1936 gg.* ["Former people" of Soviet Russia. Survival strategies and integration paths, 1917–1936]. Moscow: Mir istorii.
21. Simonov, D.G. (2015) Sotsial'naya mobil'nost' ofitserskogo korpusa russkoy armii vo vremya Pervoy mirovoy voyny [Social mobility of the officer corps of the Russian army during the First World War]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 3. pp. 103–117.
22. Arakelova, M.P. & Zagoruyko, M.V. (2011) Vliyanie sobytiy Pervoy mirovoy voyny i fevralya 1917 g. na formirovanie rossiyskogo ofitserskogo korpusa [Influence of the events of the First World War and February 1917 on the formation of the Russian officer corps]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2. pp. 87–101.
23. Petin, D.I. & Stel'mak, M.M. (2020) Personnel Composition of the Omsk Regional Finance Department: Source Studies Analysis and Statistics (August 1927). *Vestnik arkhivista*. 2. pp. 380–392. (In Russian). doi: 10.28995/2073-0101-2020-2-380-392
24. Ganin, A.V. (2019) *Russkiy ofitserskiy korpus v gody Grazhdanskoy voyny. Protivostoyanie komandnykh kadrov. 1917–1922 gg.* [Russian officer corps during the Civil War. Confrontation of command personnel. 1917–1922]. Moscow: Tsentrpoligraf.
25. Kolosova, E.M. (2010) Domashnee obrazovanie v seredine XIX veka [Home education in the middle of the 19th century]. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta*. 7. pp. 68–71.
26. Zvereva, K.E. & Zverev, V.A. (2013) *Kak Sibir' uchilas' chitat': shkola, gramotnost' i kniga v russkoy derevne kontsa XIX – nachala XX veka* [How Siberia Learned to Read: School, Literacy, and Books in the Russian Village in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk: NSPU.
27. Simonov, D.G. (2018) Sotsial'naya mobil'nost' v Krasnoy Armii v 1920-e gody [Social mobility in the Red Army in the 1920s]. In: Morozova, T.I. et al. (eds) *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii* [Personality, society and power in the history of Russia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 343–361.
28. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R–1. List 2A. File 15.
29. Algazina, N.V. (2021) Professional and Creative Path of Architect Pavel Pavlovich Golyshev. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 6 (3). pp. 37–43. (In Russian). doi: 10.25206/2542-0488-2021-6-3-37-43
30. Blinova, O.V. & Petin, D.I. (2018) General-Mayor Nikifor Demyanovich Pavlov (1867-1929): Barrels to the Historical Portrait. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 2. pp. 127–137. (In Russian). doi: 10.25513/2312-1300.2018.2.127-137
31. Zhuk, A.V. (2016) Curriculum vitae Fedora Vasil'evicha Melekhina, sostavlennoe im samim [Curriculum vitae by Fedor Vasilyevich Melekhin, compiled by himself]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 1. pp. 97–108.
32. Zhukova, N.S. & Petin, D.I. (2018) Military Engineer and Teacher General-Mayor N. E. Varaksin (1862-1937) – The Contemporary of the Tragic Age. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki.* 4. pp. 137–145. (In Russian). doi: 10.25513/2312-1300.2018.4.137-145
33. Petin, D.I. (2022) An Unwilling Officer: The Engineer Mikhail Vasilyevich Lebedev in the Era of Social Cataclysms. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 7 (2). pp. 76–83. (In Russian). doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-2- 76-83
34. Petin, D.I. (2022) Wartime Official and White Guardsman K. E. Murashkinsky: Little-Known Pages of the Biography of the Soviet Biologist. *Vestnik arkhivista*. 3. pp. 904–915. (In Russian). doi: 10.28995/2073-0101-2022-3-904-915
35. Petin, D.I. & Kaminskiy, V.V. (2017) General-Major of the General Staff N.N. Artamonov (1872–1937): A Biography in Light of New Sources. *Vestnik arkhivista*. 3. pp. 274–300. (In Russian).
36. Petin, D.I. & Kuznetsov, N.A. (2020) To the Biography of A.E. Rosental (1887–1941) – A Combat Officer of the Russian Fleet and a Participant in the Development and Study of the Arctic in the 1920s–1930s. *Severnye arkhivy i ekspeditsii*. 4 (3). pp. 111–130. (In Russian). doi: 10.31806/2542-1158-2020-4-3-111-130
37. Trofimov, M.Yu. (2019) Sibirskiy kazak, letchik, geroy Pervoy mirovoy voyny V.E. Shaytanov [Siberian Cossack, pilot, hero of the First World War V.E. Shaitanov]. *Natsional'nye prioritety Rossii.* 3. pp. 3–17.
38. Filinovich, O.A. (2019) Zhiznennyy put' podpolkovnika A.A. Podkorytova [The life path of Lieutenant Colonel A.A. Podkorytov]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 22. pp. 82–90.
39. Nazarenko, K.B. (2022) The number of Russian naval officers during the Civil War. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 67 (3). pp. 749–771. (In Russian). doi: 10.21638/spbu02.2022.305
40. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17. List 87. File 177.
41. Abinyakin, R.M. (2012) Uvol'nenie byvshikh ofitserov iz RKKA v 1921–1934 gg. [Dismissal of former officers from the Red Army in 1921-1934]. *Voprosy istorii.* 2. pp. 91–103.
42. Varzakov, I.V. (2013) Voennaya intelligentsiya v beloy bor'be na vostochnom fronte: shtrikhi k portretu [Military Intelligentsia in the White Struggle on the Eastern Front: Strokes to a Portrait]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki.* 1. pp. 130–150.
43. Chenskaya, T.V. (2016) Byvshie belye ofitsery, sostoyashchie na osobom uchete v Orlovskom gubernskom otdelenii OGPU [Former White officers who are on special account in the Oryol provincial branch of the OGPU]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2. pp. 58–61.
44. Rakhmanov, P.S. (2022) K probleme trudoustroystva byvshikh ofitserov armii Rossiyskoy imperii v RSFSR v 1918 – nachale 1920-kh gg. (na materialakh Tambovskoy gubernii) [On the problem of employment of former officers of the army of the Russian Empire in the RSFSR in 1918 – early 1920s. (based on the materials of Tambov Province)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 27 (1). pp. 210–220. doi: 10.20310/1810-0201-2022-27-1-210-220

Информация об авторах:
Петин Д.И. – канд. ист. наук, доцент кафедры история, философия и социальные коммуникации Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: dimario86@rambler.ru
Стельмак М.М. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник кафедры история, философия и социальные коммуникации Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: stelmakmm@mail.ru
Сушко А.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры история, философия и социальные коммуникации Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
D.I. Petin, Cand. Sci. (History), docent, associate professor at the History, Philosophy and Social Communications Department of Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: dimario86@rambler.ru
M.M. Stelmak, Cand. Sci. (History), senior researcher at the History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: stelmakmm@mail.ru
A.V. Sushko, Dr. Sci. (History), professor, professor at the History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023;
одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 10.01.2023;
approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 93/94; 930; 359
doi: 10.17223/15617793/486/19

История принятия Андреевского флага как государственного символа военно-морского флота России

Владимир Иванович Петров [1]

[1] *Московский гуманитарно-экономический университет, Москва, Россия*
history.vladimir@yandex.ru

Аннотация. Дата первого появления Андреевского флага как военно-морского символа флота на кораблях России до настоящего времени обсуждается в исторической науке. В статье сделан вывод, что в 1701 г. на одном из трех московских знамен впервые появляется изображение диагонального Андреевского креста на фоне триколора в качестве элемента флага. Сам Андреевский военно-морской флаг официально принят с полным описанием в Морском уставе в 1720 г.

Ключевые слова: Андреевский флаг, Андреевский военно-морской флаг, военно-морской флот

Для цитирования: Петров В.И. История принятия Андреевского флага как государственного символа военно-морского флота России // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 176–184. doi: 10.17223/15617793/486/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/19

The history of the adoption of St. Andrew's flag as the state symbol of the Russian Navy

Vladimir I. Petrov[1]

[1] *Moscow University of Humanities and Economics, Moscow, Russian Federation*
history.vladimir@yandex.ru

Abstract. The date of adoption of St. Andrew's Flag as a naval symbol of the Russian Navy is still controversial and discussed in historical science. The author concludes that in 1701, on one of the three Moscow banners, for the first time, an image of the diagonal St. Andrew's Cross appears against the background of the "tricolor", that is, only as an element of the sea flag. St. Andrew's naval flag itself was officially adopted with a full description in the Naval Charter in 1720. The article uses the funds of the Russian State Archive of the Navy, as well as materials of the Special Historical Meetings of 1910 and 1911, works of researchers of the 19th and early 20th centuries, works of the curator of the funds of the Moscow Armory Yu.V. Arsenyev, etc. The methods of theoretical, comparative and historical analysis are applied. The available facts about the sea banners in the lifetime of Peter are analyzed, and the conclusions of Special Historical Meetings are compared. Thus, the use of the flag with the image of St. Andrew's Cross on the Botik of Peter the Great (1688) and the Eagle (1669) remains unconfirmed, since it was introduced, according to the conclusions of the study, only in 1701. Russian ships from 1701 to 1720 sailed under flags with St. Andrew's Cross on the background of three horizontal stripes (red, blue and white), and on a white background. The period of appearance of the banner with St. Andrew's Cross on ships and the date of approval of the sea flag has been determined. At a meeting of the Maritime Ministry on September 10, 1914, it was decided to transfer the issues of the national state flag and the naval flag exclusively to the jurisdiction of the Maritime Ministry of Russia. St. Andrew's flag became a full-fledged military shrine. Naval ranks from a sailor and above, at the cost of even their lives, should not have allowed the fact of lowering and removing the flag from a military vessel. Only twice in history has the St. Andrew's flag been lowered in front of the enemy.

Keywords: St. Andrew's flag, St. Andrew's naval flag, navy

***For citation*:** Petrov, V.I. (2023) The history of the adoption of St. Andrew's flag as the state symbol of the Russian Navy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 176–184. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/19

К символам российской государственности петровского времени, безусловно, необходимо отнести военно-морской флаг. Вновь возрожденные традиции чествования дня образования российского флота обращают наше внимание на историю Андреевского флага. Военно-морской флаг флота России был учрежден на рубеже XVII–XVIII вв. Петром Великим. В годы советской власти Андреевский флаг был неза-

© Петров В.И., 2023

служенно забыт. Но через долгие десятилетия историческая справедливость все же восторжествовала. Историки России часто называют дату официального утверждения Андреевского военно-морского флага Петром I – в 1699 г., т.е. одновременно с учреждением ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Но в предлагаемом исследовании мы приходим к выводу, что в 1701 г. на одном из трех московских знамен впервые появляется диагональный Андреевский крест только на фоне триколора, т.е. лишь элемент изучаемого морского флага. Сам Андреевский военно-морской флаг официально принят с описанием в Морском уставе в 1720 г. Российские корабли с 1701 по 1720 г. ходили под флагами с Андреевским крестом как на фоне трех горизонтальных полос (красной, синей и белой), так и на белом фоне.

Самым первым автором (вторая половина XIX в.) по изучению флагов флота России можно назвать А.П. Языкова (книга «О русском государственном цвете», 1858), который рассматривал вопрос о цветах русского национального флага [1]. Наиболее значимыми исследованиями для нас можно считать работы таких авторов, как С.И. Елагин, Л.П. Яковлев и Ю.В. Арсеньев, Ф.Ф. Веселаго. Сергей Иванович Елагин в своей статье «Наши флаги» в томе № 68 журнала «Морской сборник» в 1863 г., несмотря на ее публицистический характер, все же заострил внимание научной общественности на столь важном вопросе, как возникновение морского флага нашего флота. Немногим позже вышло в свет описание имеющихся знамен в Оружейной палате Лукиана Павловича Яковлева как дополнение к «Древностям российского государства» [2]. В известном труде А.В. Висковатова 1852 г. не затронут вопрос появления изображения Андреевского креста на военно-морском флаге нашего флота, но, косвенно, он подтвердил по рисункам знамен хотя бы период (год) имеющегося изображения диагонального креста на некоторых знаменах полков [3. Т. 1].

Третьим российским автором, коснувшимся темы, был Юрий Владимирович Арсеньев, который помимо книги – сборника своих лекций, издал несколько статей по знаменоведению [4]. Он же был и одним из главных участников Особых исторических совещаний России в 1910 и 1912 гг. по вопросу истории российского государственного флага [5]. Феодосий Федорович Веселаго, организатор ревизии архива Морского министерства России, будучи с 1881 г. директором гидрографического департамента Морского министерства, поддерживал версию сине-бело-красного фона корабельного флага на «Орле».

В работе использованы 176 и 177 и 935-й фонды государственного архива Военно-морского флота России, материалы трех Особых совещаний историков по вопросам флагов и знамен России. В исследовании были применены методы теоретического анализа (наличие анализа нарратива при изучении узаконивания государственной геральдики), сравнительно-исторический метод, причем в целях индивидуализации изучаемого объекта. Особое значение здесь занимает идеографический метод, т.е. описание и обобщение исторической реальности, что обусловлено конкретно-проблемным характером работы. Для изучения символов, изображений всегда важно передать другому человеку видение объекта (описать морфологию), выделяя в рисунке, образе признаки, отличия, т.е. было применено индивидуализирующее сравнение.

Важным источником для работы являлись протоколы Особых исторических совещаний о русском национальном флаге. Нами из протоколов взята информация о нескольких гипотезах возникновения военно-морского флага в России именно с изображением Андреевского креста [6. С. 28]. В начале XX в., а именно в 1911 г., сразу два именитых участника Особых исторических совещаний П.И. Белавенец и Ю.В. Арсеньев издали свои «записки» по вопросу (отчасти по этому вопросу) начала применения изображения Андреевского флага на кораблях петровского времени [7]. П.И. Белавенец, работая в Комиссии по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен, опубликовал в «Вестнике Императорского общества ревнителей истории» и в журнале «Новое время» свои статьи по знаменоведению [8]. Цикл его статей, опубликованный после 1918 г., назывался «Знамена восстаний и революций», где он также касался вопросов изучения истории морского флага [9. С. 1078].

В 1946 г. появилось фактически единственное до 1964 г. крупное исследование XX в. по истории Андреевского флага в России – работа Н.Н. Семенович «История русского военно-морского флага», во второй главе которой рассматривается эволюция рисунка военно-морского флага России в период 1668–1917 гг. Автор сделал вывод, что знамена, изображенные на гравюрах Шхонебека, существовали в действительности, что и открыло нам «дорогу» к дальнейшему исследованию [10. С. 67].

В.В. Звегинцов в своей работе, посвященной знаменам и штандартам русской армии 1964 г., работая в Стокгольмском музее над массивом рисунков русских знамен, «мимоходом» показал, что в сухопутных военных полках Андреевский крест на них стал помещаться с 1701 г. Автором приведено описание знамен № 63-64, где изображен Андреевский крест на знаменах Лейб-гвардии Преображенского полка, в том числе взятых в плен при поражении русской армии под Нарвой (одно белое и 15 цветных знамен) [11. Т. 2]. По нашему мнению, это самые первые знамена сухопутной армии России с изображением Андреевского креста. И на знаменах Лейб-гвардии Семеновского полка 1906 г. (одно белое и 11 цветных изображено в Стокгольмском музее) тоже имеется в верхнем углу у древка около пальмовой ветви изображение Андреевского креста на синей ленте (рис. 72–73, Стокгольмский музей) [12. С. 127].

В XXI в. интерес ученых к Андреевскому флагу возник с 2003–2004 гг. Г.В. Вилинбахов в своем диссертационном исследовании «Государственная геральдика в России: теория и практика» в главе «Герб и флаг России» коснулся интересующего нас вопроса [13. С. 7].

В 2010 г. М. Шкаровский опубликовал труд «Святой апостол Андрей Первозванный в исторической и

церковной традициях на Северо-Западе России», где, в том числе, осуществлена была попытка поиска истоков возникновения символа Андреевского креста на территории России. Также надо сказать, что в 2013 г. была опубликована статья В.Г. Данченко «Государственная и ведомственная символика в обиходе русского флота XVIII в.» в журнале «Государственный эрмитаж». Автор кратко отметил аспекты применения Андреевского креста на предметах обихода, экипажах, кораблях в XVIII столетии. Можно сказать, что наша работа, посвященная изучению именно появления символа Андреевского креста на военно-морском флаге России, является, после труда Н.Н. Семеновича 1946 г., первой в наше время.

Стоит согласиться с тем фактом, что появление Андреевского флага до настоящего времени остается загадкой, т.е. вопрос об «историческом моменте» появления изображения Андреевского креста обсуждается и сегодня. Когда именно и при каких обстоятельствах это произошло, ещё будет обсуждаться историками в дальнейшем. Апостол Андрей Первозванный прославился как креститель восточных славян, согласно Нестору Летописцу и греческим авторам, он доходил до берегов Днепра и, как гипотеза, до озера Ильмень, а по некоторым летописным сводам, Андрей был и на Ладожском озере на о. Валаам [14. С. 29]. Греческие авторы начала Средних веков, а именно Никита Давид Пафлагонский (к. IX – нач. X в.) весьма конкретно отзывались о географии миссионерства святого апостола Андрея. В главах «Похвалы апостолу Андрею» есть текст: «Получив в удел север, ты исходил Иверов и Сарматов, Тавров и Скифов, всякую страну и город, которые лежат на севере Евксинского Понта и которые расположены на его юге» (гл. 68 «Похвалы…») [15].

Однако имя Андрей, распространенное в древности среди великих и удельных князей, встречалось редко в монастырских летописаниях, хронографах и житиях. В Москве первых веков ее существования и окрест нее не существовало ни одного монастыря и храма в честь этого святого. Даже иконы с образом первого апостола были редкостью в допетровские времена. Надо сразу отметить, что благодаря найденной «росписи», составленной при постройке в 1667 г. корабля «Орел» в селе Дединове, мы понимаем, что в это время в России нет военно-морского флага. В документе говорится о том, что Государь сам выберет цвета из закупленного «киндяка». В бумагах о постройке корабля сохранился документ: «Роспись, что еще надобно к корабельному строению, опричь того, что ныне куплено за морем» [16]. В документе, составленном иностранцем фон-Сведэном (адресован закупщику дворянину Якову Леоньевичу Полуэхтову в 7175 г. от сотворения мира – 1667 г.), определено количество материи на знамена: «63 аршина киндяку на знамя на среднее большое дерево» (т.е. на флаг грот-мачты); «108 аршин киндяку на знамя, что живет на корме» (т.е. на кормовой флаг); «30 аршин киндяку на знамя на переднее лежачее дерево, что на носу» (т.е. на бугшпритный флаг); «42 аршина киндяку на долгое узкое знамя» (т.е. на вымпел); «а цветами те все киндяки как Великий Государь укажет, только на кораблях бывает, которого государства корабль, того государства бывает знамя»; «155 аршин тафт на знамена для украшения корабля, под которое государство бывает кораблю пристань, в то время те знамена распускают; а на тех знаменах писать, что Великий Государь укажет» [16]. То есть в 1667 г. в России еще не было определено ни цвета, ни размера, ни, соответственно, рисунка военно-морского флага, ни государственных цветов, ни даже термина «флаг». По вопросу цветов морского знамени было написано несколько работ. Так, А. Языков в своей книге «О русском государственном цвете» в 1858 г. говорил, что Петр, обучаясь в Голландии кораблестроению и военным наукам, обратил внимание на цвета корабельных флагов различных государств. Царь якобы использовал пример Голландии, только разместил цвета на флагах торговых русских судов в 1697–1698 гг. (горизонтальные полосы цветные) в другом порядке, не как у голландского морского знамени (красный, белый, синий). Большинством современных авторов читается, что первым военно-морским флагом был именно «трехцвет» (триколор) без Андреевского диагонального креста, естественно, так как он был поднят на первом русском военном корабле «Орел» в 1669 г. Корабль был построен в селе Дединове за два года, с 1667 по 1669 г. Распоряжение Сибирского приказа на отпуск материи трех цветов для «Орла» сохранилось [17. Т. 5].

Однако надо сказать, что о флаге на «Орле» среди ученых до сих пор нет единого мнения. Некоторые считают, что был установлен на корабле прямой (в 90°) Андреевский крест из синих полос на белом фоне с золотым орлом в центре на перекрестии, а на груди орла находился красный щит с Георгием Победоносцем на белом коне [18]. Другие же считают, что красно-сине-белый триколор был прикреплен на носу корабля с золотым вышитым орлом по центру, на груди которого – тоже щит с изображением святого Георгия на белом коне[1]. Есть и третья версия. Хранитель фондов Московской оружейной палаты Ю.В. Арсеньев в 1910 г. на Особом историческом совещании утверждал, что флаг в 1669 г. на корабле «Орел» был полностью белого цвета без всяких полос, а в центре был изображен золотой или черный двуглавый орел [19. С. 28]. Юрий Арсеньев в 1911 г. в статье «О геральдических знаменах, в связи с вопросом о государственных цветах древней России» пишет: «Заканчивая наш обзор геральдических знамен эпохи царя Алексея Михайловича, нам остается упомянуть еще о первом в России морском корабельном флаге. Когда построен был по царскому указу в 1669 г. в селе Дединове первый военный корабль, названный “Орлом”, вскоре после этого сожженный Стенькой Разиным, то капитану его, иноземцу Бутлеру, велено было поставить на носу и на корме по орлу и на знаменах (т.е. флагах) и на яловчиках (т.е. вымпелах) нашивать орлы». О наличии конкретной цветовой гаммы на знаменах на то время мы ничего не можем сказать, однако, основываясь на вышеприведенных данных, касающихся царского гербового знамени, можно полагать,

что флаг этот, вероятно, был также белым, а орел на нем золотым или черным. Впрочем, подобный флаг (белый с черным орлом) существовал некоторое время при Петре I, который ввел его в 1693 г. для торговых судов, до замены таковых новым, трехцветным. Дальше Ю.В. Арсеньев приходит к выводу, что «государственными цветами древней России могут быть признаны белый и багряно-красный (червленый для поля знамени или герба), причем красною изображалась кайма знамени, а середина – белою, и золотой или черной для изображения двуглавого орла» [19. С. 28]. Арсеньев выдвинул гипотезу о применении Андреевского креста на флагах кораблей Переславского потешного флота (вернее, флотилии) приблизительно в 1691 г. Но ввиду отсутствия подтверждений мы эту версию поддержать не можем. Интересным является изучение рисунков – проектов морских флагов, выполненных лично Петром. Особенно выделяются среди них 50 эскизов корабельных флагов и вымпелов, 20 галерных флагов, 70 сигнальных. А в октябре 1699 г. Петр в черновике инструкции Е.И. Украинцеву по протокольным вопросам российского посольства в Османию изобразил трехполосный бело-сине-красный флаг, пересеченный по диагонали синим Андреевским крестом. А в 1700 г. в России были утверждены флаги адмирала, вице-адмирала и шаутбенахта (контрадмирала) с изображением Андреевского креста в верхнем углу у древка.

Автор известных «Очерков русской морской истории» Ф.Ф. Веселаго считал, что флаг морской состоял из трех цветов-полос: красного-синего-белого. Причем только на боевых кораблях такой флаг устанавливался до 1705 г. А потом дозволено было его вывешивать («специальный флаг торгового флота») и на торговых кораблях в иноземное плавание для особой значимости («припугивания» недоброжелателей морских). Еще в 1693 г., Петр Первый в грамоте Тиммерману указал флаг для вывешивания на частных коммерческих судах из белой тафты с черным двуглавым орлом посередине [19. С. 28]. Автор работы «Цвета русского государственного национального флага» П. Белавенец считал, что на корабле «Орел» должны были находиться знамена, аналогичные изображенным на гравюре Шхонебека «Взятие Азова в 1696 году», т.е. прямой синий крест, разделяющий поле на четыре равные доли, из которых первая четверть (крыж) – белая, вторая – красная, третья – красная, четвертая – белая [20]. «Еще Московской флаг, определен синим крестом, первой и четвертой квартиер – белой, второй и третий – красной». Такой же флаг можно найти в таблице флагов, изданной в Аугсбурге в конце XVIII в., и в книге «Флаги разных государств», изданной в начале XIX в. В этой книге флаг назван «флагом Московского дворянства» [21. С. 13, 37].

«Трехцветный флаг с двуглавым орлом по центру еще в 1693 году был назван флагом царя Московского. Скорее всего, можно полагать, что под этим военным трехцветным флагом Петр I ходил по морю в 1688 г. и что этот же флаг мог быть поднят в свое время на корабле «Орел», построенном в селе Дединове при Алексее Михайловиче. Якобы он же развевался на судах Переяславского озера (1692 г.) и на кораблях Азовского флота (1696 г.). По этому вопросу проходили «особые совещания» историков России в конце 1990-х – начале 1900-х гг. Так, на первом совещании в марте 1896 г. говорилось: «Великий Петр, положивший основание морскому делу в России, как военному, так и торговому, дал русским судам и соответствующие флаги или «знамена». Первым по времени в 1693 году был введен трехцветный флаг: бело-сине-красный – как военный, и таковым этот флаг оставили до 1700 года. Впервые он был поднят самим Петром, при плавании его в Белом море с эскадрой построенных в Архангельске военных судов, в то время, то есть в 1693 г., Торговым флагом был белый, тоже с двуглавым по центру орлом» [22]. А уже в 1699 г. Петром был утвержден орден Святого апостола Андрея Первозванного и в 1701 г. трехцветный военный флаг был заменен тремя военными флагами, причем каждый его отдельный цвет дал особый флаг с синим Андреевским крестом в крыже [21. С. 17]. Эти три флага получили название первого, второго и третьего российских флагов. Таким образом, согласно нашим выводам, не могли ботик (1688 г.) и «Орел» (1669 г.) ходить под «Андреевским» флагом, поскольку он «введен» был только в 1693 г. [23], а впервые с крестом (прямым крестом) в четвертине у древка флаги были показаны на гравюре Шхонебека «На взятие Азова» в 1696 г., т.е. коракбли изображены уже под крестообразным (хотя и с прямоугольным крестом), а не под бело-сине-красными флагами в три полосы. Но на кораблях нового флота поднимались флаги с диагональным Андреевским крестом в четвертинке у древка на ленте, но, по нашему мнению, с 1701 и до 1710 г. не только на белом фоне, а были и с красными четвертинами, расположенными в шахматном порядке. Петр в 1710 г. из десяти вариаций эскизов Андреевского флага оставляет один – белый флаг с синим диагональным крестом. И только в Корабельном уставе 1720 г. были определены точные «параметры» флага: «Флаг белый, поперек этого имеется синий Андреевский крест, коим Россию окрестил он» [24. Л. 149].

Надо сказать, что результаты работы первого Особого исторического совещания (1896 г.) по цветам флага России признаны сомнительными, вернее, «спорными». Второе Особое совещание проходило в 1910 г. Главным вопросом на втором совещании был опять же вопрос о существовании в России государственных цветов в XVII в. и в том числе о первом русском военно-морском флаге корабля «Орел». В отношении этого флага член совещания П.И. Белавенец писал, что царем Алексеем Михайловичем 9 апреля 1667 г. были «…установлены государственные московские цвета: черчетые (красные. – *В.П.*), белые и лазоревые (синие. – *В.П.*). Каким образом были скомбинированы эти отпущенные на корабль цвета материи, указать трудно. Но я полагаю так: синий прямой крест, два квадрата белых и два красных», и далее: «…во время Азовского похода 1696 года, как

видно из гравюры того времени, флаг подобен сказанному выше мною для корабля “Орел”, т.е. подобен третьему флагу Алярда» [25. С. 10]. Особое совещание, выслушав доклад главного хранителя Московской оружейной палаты Ю. Арсеньева, предположило, что «во всяком случае, если и признать, что на “Орле” был бело-сине-красный флаг, что едва ли возможно доказать с несомненностью, ибо, – по мнению Ю.В. Арсеньева, – флаг на корабле “Орел” был, по всей вероятности, белый, а орел на нем золотой или черный. К такому факту нужно относиться с большой осторожностью, так как в то время были более важные флаги, чем флаг корабля “Орел”» [25. С. 10]. Таким образом, Особое историческое совещание, заслушав сообщение хранителя Московской оружейной палаты Ю.В. Арсеньева, сочло вывод Белавенца о крестообразном знамени лишь предположительным. По всем приведенным соображениям, Особое совещание признало, что на основании исторических сведений и документов нет возможности, соблюдая истину, признать для Руси допетровской эпохи какие-либо цвета или их сочетания как государственные и, в частности, что «при выборе материи на флаги для корабля “Орел” русские государственные национальные цвета не были установлены» [25. С. 11]. То есть мы признаем, что в настоящее время пока отсутствуют исторические подтверждения наличия на ботике Петра Великого в 1688 г. бело-сине-красного морского флага, но признаем его существование уже в 1693 г., имея доказательства дарения царем Петром архангельскому архиепископу Афанасию именно бело-сине-красного флага с орлом по центру без изображений креста, ни прямого, ни диагонального не было на фоне полос и орла [26].

Для выяснения позиции Особого исторического совещания 1910 г. по истории цветов флага России необходимо пояснить тот момент, что русский национальный флаг, как и флаг торговых судов, был бело-сине-красным, кормовой был белым с Андреевским синим крестом, гюйс – красный с белым прямым крестом и синим Андреевским с белой подкладкой; штандарт – в желтом поле черный орел с белыми картами и московским гербом на груди; кокарда в армии и флоте – черно-желто-белая, и, наконец, существовал так называемый гербовый флаг в три полосы государственных цветов – черно-желто-белый, учрежденный в 1858 г. Такое сочетание цветов поясняется следующим образом: первые полосы соответствуют черному государственному орлу в желтом или в золотом поле и кокарде, принятой при Павле I. Нижняя полоса – белая или серебряная – соответствует кокарде времен Петра I и Екатерины II [27. С. 21]. Но в 1883 г. последовало распоряжение при государственных торжествах вывешивать бело-сине-красные флаги как национальные. Так, во второй половине XIX в. в России законно существовали два государственных национальных флага, что привело к идее установления одной комбинации цветов, а именно более старой, которую и признали за национальные цвета России, а флаг с этими цветами – национальным флагом.

Совещание 1910 г. все же решило оставить неприкосновенными как императорский штандарт, так и Андреевский флаг для армии (российского флота). Но Совещание рекомендовало Совету министров России в дальнейшем или утвердить это решение или отклонить. Вопрос о флагах на совещании Совета министров был поднят только через два года, а именно на заседании 27 июля 1912 г. Было решено утвердить решение Особого исторического совещания и впредь передавать этот вопрос «на откуп» особой Комиссии при Морском министерстве. Впоследствии комиссия при морском министре И.К. Григоровиче при участии пяти министерств (военного, морского, внутренних дел, юстиции, торговли и промышленности) заседала дважды – 25 сентября 1912 г. и 18 июня 1913 г. [28]. На этих заседаниях был сохранен статус Андреевского флага, но с запретом вывешивать его в частных владениях, на домах, чтобы не приводить население к «политиканству». На заседании Морского министерства 10 сентября 1914 г. было решено на постоянной основе передать вопросы о всех флагах, национальном государственном флаге и военно-морском флаге исключительно в ведение Морского министерства России [29]. Император Николай II утвердил это решение, подписав 27 сентября 1914 г. соответствующий указ [30]. Далее до крушения царской империи в 1917 г. вопрос о геральдических знаменах более не рассматривался.

Таким образом, после учреждения ордена Святого апостола Андрея Первозванного и принятия «чернового» варианта морского флага Петром в 1699 г. на кораблях флота поднимались флаги с диагональным Андреевским крестом в четвертинке у древка на ленте все же, по нашему мнению, лишь через полтора года, т.е. с 1701 г. Причем с 1701 по 1710 г. корабельные флаги изготавливались не только на белом фоне, но и с красными четвертинами, расположенными в шахматном порядке. Петр I в 1710 г. из десяти вариантов эскизов Андреевского флага оставляет один – белый флаг с синим диагональным крестом. Морской устав 1720 г. подтвердил рисунок гюйса (кейзер-флага): «…флаг белый, через который синий крест Св. Андрея, того ради, что от сего апостола приняла Россия святое крещение». Помимо белого Андреевского флага применялись синие флаги «авангарда» и красные флаги «арьергарда» на всех кораблях, кроме кораблей Черноморского флота, которые ходили только под белым Андреевским флагом (синий диагональный крест на белом фоне). В XVIII в. флот России доказал свою незаменимость для решения стратегических государственных задач. Под Андреевским флагом русские корабли совершали дальние рейды и морские победы в Русско-турецких войнах при Екатерине Великой. Более 230 лет назад, в августе (8–9 сентября по новому стилю) 1790 г. Ф.Ф. Ушаков одержал блестящую победу у мыса Тендра, где был разгромлен турецкий флот и установлено морское господство России в Черном море. Теперь 11 сентября является Днем воинской славы России, он учрежден Федеральным законом № 32-ФЗ от 13 марта 1995 г. «О днях воинской славы и памятных датах России» [31. С. 51].

В самом завершении века 84-пушечный флагман русского флота «Святой Павел» под ставшим уже легендарным Андреевским флагом в составе эскадры Федора Ушакова участвовал во взятии острова Корфу в 1799 г. Тогда за эту победу вице-адмиралу Ф.Ф. Ушакову было присвоено звание адмирала флота России. Сам корабль прослужил флоту с 1797 по 1810 г. и был разобран в Севастополе в связи с непригодностью [32. С. 457; 33. С. 292].

В 1819 г. был учрежден Георгиевский адмиральский флаг (тот же Андреевский флаг, только с красным щитом на перекрестии, в центре которого был изображен Георгий Победоносец). Адмиральский флаг вручался самым лучшим и отличившимся в боях экипажам военных кораблей, т.е. за особые боевые заслуги. В 1837 г. были введены знаменные Андреевские флаги [34. С. 78]. Они использовались в морских береговых частях при участии флотских экипажей для совместных действий на суше. Такие знамена называли флагами дивизий флота. Даже был разработан особый Георгиевский знаменный флаг для отличившихся береговых частей или экипажей кораблей. Так, за подвиг в Наваринском сражении линейный корабль «Азов» в качестве кормового флага получил право носить Георгиевский знаменный Андреевский флаг [32. С. 287]. Надо отметить, что в 1856 г. флотские экипажи боевых кораблей (17 кораблей) Черноморского флота были пожалованы Георгиевскими знаменными флагами за оборону Севастополя в войне 1853–1856 гг. [35. С. 271]. Уже в 1865 г. были отменены «авангардное» и «арьергардное» знамена одновременно с ликвидацией деления флота на дивизии, Андреевский белый флаг стал единственным для корабля [33. С. 301].

Вся военная история российского флота до 1918 г. связана с Андреевским флагом. Победы и легендарные подвиги наших моряков совершены под этим боевым знаменем. Андреевский флаг был военной святыней и военнослужащий ценой своей жизни не должен был допустить опускания и снятия флага с военного судна. Только дважды Андреевский флаг был спущен перед противником. Первый случай произошел 11 мая 1829 г. Тогда Российский фрегат «Рафаил» оказался окруженным 15 турецкими кораблями, и, чтобы не погибли матросы и офицеры, капитан второго ранга Семен Стройников приказал спустить флаг и сдать корабль туркам в обмен на жизнь моряков и их свободу [33. С. 375]. Узнав об этом, Николай I приказал при первой же возможности сжечь корабль, более не называть ни один корабль именем «Рафаил», разжаловал Стройникова в матросы, запретил ему жениться, чтобы тот «не дал России потомство труса». Но надо отметить, что к тому времени Семен Стройников был женат и у него уже были два сына, которые не только поступили на военно-морскую службу, но и дослужились до чина контр-адмирала. А фрегат «Рафаил» все же был сожжен через 24 года в Синопской битве Павлом Степановичем Нахимовым [33. С. 384].

Второй печальный случай добровольного снятия Андреевского флага произошел в Цусимском сражении при капитуляции Второй Тихоокеанской эскадры. Младший флагман эскадры Николай Иванович Небогатов заменил раненого вице-адмирала Рожественского и принял решение о капитуляции эскадры, вернее корабля «Николай» и четырех броненосцев, так как «Изумруд» геройски прорвался через линию японских кораблей. Андреевский флаг был спущен на этих пяти кораблях, которые в этот момент были в окружении, а личному составу угрожала гибель. Н.И. Небогатов таким образом спас жизни 2 280 русских моряков и офицеров флота, правда, через японский унизительный плен, но командование расценило этот шаг как трусость и предательство [36. С. 11]. После освобождения из плена и возвращения в Россию Н. Небогатов был лишен чинов, предан суду и приговорен в декабре 1906 г. к смертной казни. Указом императора смертная казнь была заменена на десятилетнее заключение в крепости, а через 25 месяцев Небогатов и вовсе был отпущен по помилованию ввиду плохого состояния здоровья. В своем последнем слове на процессе Небогатов просил хотя бы сохранить воинские звания тем, кто выполнял его приказ сдаться японцам (кондукторам, боцманам, нижним чинам), чтобы не лишать их семьи источника пропитания. Помимо Н. Небогатова к смертной казни приговорены были капитаны 2-го ранга Смирнов, Григорьев, Лишин, Кросс, Ведерников, Артшвагер, лейтенант Фридовский. Они также были помилованы с заменой смертной казни на небольшие сроки заключения [37. С. 512].

После Октябрьской революции Андреевский флаг был запрещен советской властью (постановление 1-го Всероссийского съезда военного флота от 18 ноября (по старому стилю) 1917 г.) [38. С. 76]. Но до лета 1918 г. (разгар интервенции) флаг еще оставался на многих кораблях. С 1918 г. Андреевский флаг сначала заменили на флаг Интернационала – красное полотнище, а впоследствии, с 1924 г. на кораблях ВМФ водрузили государственный флаг СССР. Надо сказать, что был случай поднятия красного революционного флага (знамени Интернационала) еще до октября 1917 г., а именно 3 марта 1917 г. по завершении Февральского переворота. Тогда в Гельсингфорсе матросы сразу на нескольких кораблях подняли такие флаги. Этот период в истории морского флага России только начали изучать современные ученые. Были изданы работы А.Н. Басова «История военно-морских флагов» в 2004 г., Б.И. Колоницкого «Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года». Но период с 1992 до 2000 г. до сих пор не освещен в современных исследованиях (в частности, отказ снимать советские военно-морские флаги на подводных лодках ВМФ). После перерыва в 75 лет Российское государство возвратило Андреевский морской флаг как символ Военно-морского флота страны. Инициативным толчком к принятию закона о морском флаге послужило Постановление Правительства России о возвращении статуса Андреевского флага от 17 января 1992 г., а уже 21 июля 1992 г. был подписан Указ №

798 Президента России «О военно-морских флагах и вымпелах Российской Федерации», вернувший в качестве военно-морского флага страны Андреевский флаг [39, 40]. Причем в приложении к Указу сразу были определены виды военно-морских флагов: Военно-морской флаг, Гвардейский военно-морской флаг, Орденский военно-морской флаг, Гвардейский орденский военно-морской флаг, Гюйс и крепостной флаг, Вымпел военных кораблей, Флаг судов, (катеров), Флаг гидрографических судов, Флаг поисково-спасательных судов (катеров), Флаг Командующего Военно-морским флотом.

Таким образом, теоретический и сравнительный анализ изображения Андреевского креста на морских флагах российского флота в прижизненный период Петра I и сравнительно-исторический анализ материалов Особых исторических совещаний позволили нам сделать выводы о том, что не могли ботик царя (1688 г.) и «Орел» (1669 г.) ходить под Андреевским флагом, поскольку он введен (вернее, применен) был только в 1701 г., и что российские корабли с 1701 по 1720 г. ходили под флагами с Андреевским крестом как на фоне трех горизонтальных полос (красной, синей и белой), так и на белом фоне.

В XVIII–XX вв. российский флот под Андреевским флагом доказал свою незаменимость в решении стратегических государственных задач. Под Андреевским флагом русские корабли совершали дальние рейды и морские победы во многих баталиях, особенно в Русско-турецких войнах при Екатерине Великой, в битвах рубежа XIX–XX вв. и до 1917 г. После длительного перерыва длиною в 75 лет Российское государство снова принимает Андреевский морской флаг как символ Военно-морского флота. В этом выразилось стремление Правительства Российской Федерации к соблюдению традиций русского флота. Флаги военно-морского флота СССР в последний раз были подняты 26 июля 1992 г. [40, 41]. На форме личного состава ВМФ Российской Федерации также присутствует изображение Андреевского военно-морского флага. Безусловно, знамена армии и флота периода СССР осеняли великие победы страны. Советский Союз одержал победу над фашистскими захватчиками, поэтому память о советских армейский и флотских знаменах будет сохранена. Они хранятся в музеях армии и флота, но Андреевский флаг для россиян является еще и символом веры, так как теперь моряки знают, что «С нами Бог и Андреевский флаг!».

Примечание

[1] Центральный военно-морской музей России в Санкт-Петербурге. Флаг царя московского 1693 года – первый русский корабельный штандарт. В августе 1693 г. был подарен Петром архиепископу Архангельскому Афанасию. Привезен из собора г. Архангельска в музей в 1910 г. капитан-лейтенантом П.И. Белавецем.

Список источников

1. Языков А.П. О Русском государственном цвете / сост. А. Языков. СПб. : В тип. 3 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1858.
2. Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Древности российского государства. Дополнения к III отделению. М., 1865. 379 с.
3. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Сведенья о знаменах русских войск находятся: Т. I – знамена до 1700 г. Т. II – знамена 1700–1740 гг., ч. 1–7. СПб., 1852.
4. Арсеньев Ю.В. К вопросу о белом цвете царского знамени, существовавшем на Руси до начала XVIII века. СПб. : Сенатская типография, 1912.
5. Арсеньев Ю.В. О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах Древней Руси. СПб. : Сенатская тип., 1911. 41 с.
6. Приложение к протоколу заседания Особого совещания 12 марта 1911 г. [Справка к первому вопросу, подлежащему обсуждению...] [и др. материалы]. СПб., 1911. 32 с. Разд. паг. URL: https://rusist.info/book/5151382?ysclid=l525ftp618885584975 (дата обращения: 01.07.20220).
7. Арсеньев Ю.В. Несколько дополнительных замечаний по вопросу о морских национальных флагах. СПб., 1911.
8. Белавенец П.И. Приложение к протоколу заседания особого Совещания 18 марта 1911 г. СПб., 1911.
9. Белавенец П.И. Знамена восстаний и революций // Вестник знания. 1928. № 12. С. 619–626; № 21–22. С. 1078–1080.
10. Семенович Н.Н. История русского военно-морского флага. Л. : [б. и.], 1946. 94 с.
11. Звегинцов В.В. Знамена и штандарты русской армии XVI в. – 1914 г. и морские флаги. Париж, 1964. Т. 1, 2.
12. Звегинцов В.В. Знамена и штандарты русской армии XVI в. – 1914 г. и морские флаги / Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». М. : Русский путь, 2008. 320 с.: ил.
13. Вилинбахов Г.В. История российского герба и флага. СПб., 2004.
14. Очерки по истории Русской Церкви : в 2 т. / А.В. Карташёв. М. : Директ-Медиа, 2020. Т. 1. 571 с. (Был ли апостол Андрей Первозванный на Руси?)
15. Карташёв А.В. Наш долг перед св. апостолом Андреем Первозванным // Церковный Вестник. 1950. № 2.
16. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 177. Оп. 1. Ед. хр. 1: «Записная книга» входящих и исходящих бумаг по управлению Азовским краем: снаряжение судов. 1667–1701.
17. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. V. Оригинальное название: «Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя археографическою коммиссіею». СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1853. 540 с.
18. Белавенец П.И. Краткая записка о старых русских знаменах. СПб., 1911.
19. Веселаго Ф.Ф. Очерки русской морской истории. Ч. 1. СПб. : Тип. Демакова, 1875.
20. Крестовый флаг на крепости Кронштлот. В.Г. Мюллер. 1704. Из собраний Государственного Эрмитажа.
21. Алярд К. Материалы. Книга о флагахъ. Изображение Московского флага. СПб. : Сенатская типография, 1911.
22. Особое высочайшее учрежденное совещание под председательством генерал-адьютанта Посьета для обсуждения вопроса о российском национальном флаге, 14 марта 1896 г. URL: https://geraldika.ru/search_heraldry/?query=%D0%9 (дата обращения: 10.07.2022).
23. Белавенец П. Флаг царя Московского 1693 г., привезенный из Архангельска по Высочайшему повелению в Петербург // Новое время. 1910 г. 29 мая. № 12288. Приложение к номеру от 29.05.1910.
24. РГА ВМФ. Ф. 176. 1704–1725 гг. Д. 130. Л. 149: Сборник копий с указов за подписанием Петра I, приказов, инструкций, диспозиций и др. документов: по управлению флотом и судами, плаванию и служебным обязанностям, наличию судов, служащих и припасов.

25. Особое высочайшее учрежденное совещание под председательством генерал-адьютанта Посьета для обсуждения вопроса о российском национальном флаге. 1896. 14 марта. С. 10.
26. Белавенец П. Флаг царя Московского 1693 г., привезенный из Архангельска по Высочайшему повелению в Петербург. Газета «Новое время», 1910 г., от 29 мая № 12288. Приложение к номеру от 29.05.1910 // Санкт-Петербургское Морское собрание. URL: flot.com/project/charity/news.php?ELEMENT_ID=42537&ysclid=l5ez3lpdzx434901484 (дата обращения: 03.07.2022).
27. Приложение к протоколу заседания Особого совещания 12 марта 1911 г. [Справка к первому вопросу, подлежащему обсуждению...]. СПб., 1911. 32 с. разд. паг.
28. Санкт-Петербургское Морское собрание. URL: flot.com/project/charity/news.php?ELEMENT_ID=42537&ysclid=l5ez3lpdzx434901484 (дата обращения: 03.07.2022).
29. Геральдика.ру. URL: https://geraldika.ru/search_heraldry (дата обращения: 23.06.2021).
30. Офицеры русской императорской армии. URL: https://www.ria1914.info/index.php 27.09.1914 (дата обращения: 09.07.2022).
31. Овчинников В.Д. Сражения Черноморского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова. М. : Цейхгауз, 2007.
32. Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб. : Типография морского министерства, 1872.
33. Чернышев А.А. Российский парусный флот : справочник. М. : Воениздат, 1997. Т. 1.
34. Семенович Н.Н. История русского военно-морского флага. Ленинград : [Б. и.], 1946. 78 с.
35. Одесский вестник. 1857. № 43. 20 апреля.
36. Ильин Н.К. К 50-летию с начала Русско-японской войны // Морские записки. Нью-Йорк, 1955. Т. XIII, № 1.
37. Отчет по делу о сдаче 15 мая 1905 г. неприятелю судов бывшего адмирала Небогатова. СПб., 1907.
38. Центральный государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 921. Оп. 4. Д. 162. Л. 75 об.–76.
39. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.1992 г. № 798 «О военно-морских флагах и вымпелах Российской Федерации» (утратил силу 30.12.2019.
40. Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2019 № 637).

References

1. Yazykov, A.P. (1858) *O Russkom gosudarstvennom tsvete* [About the Russian state color]. St. Petersburg: V tip. 3 otd-niya sobstv. e. i. v. kantselyarii.
2. Yakovlev, L.P. (1865) *Russkie starinnye znamena. Drevnosti rossiyskogo gosudarstva. Dopolneniya k III otdeleniyu* [Russian old banners. Antiquities of the Russian state. Additions to the III part]. Moscow: [s.n.].
3. Viskovatov, A.V. (1852) *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossiyskikh voysk. Sveden'ya o znamenakh russkikh voysk nakhodyatsya: T. I – znamena do 1700 g. T. II – znamena 1700–1740 gg., ch. 1–7* [Historical description of clothing and weapons of Russian troops. Information about the banners of the Russian troops is found in Vols 1–2. Parts 1–7. St. Petersburg: [s.n.].
4. Arsen'ev, Yu.V. (1912) *K voprosu o belom tsvete tsarskogo znameni, sushchestvovavshem na Rusi do nachala XVIII veka* [On the white color of the royal banner that existed in Rus' until the beginning of the 18th century]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
5. Arsen'ev, Yu.V. (1911) *O geral'dicheskikh znamenakh v svyazi s voprosom o gosudarstvennykh tsvetakh Drevney Rusi* [On heraldic banners in connection with the question of the state colors of Ancient Rus]. St. Petersburg: Senatskaya tip.
6. Rusist.info/book. (1911) *Prilozhenie k protokolu zasedaniya Osobogo soveshchaniya 12 marta 1911 g. [Spravka k pervomu voprosu, podlezhashchemu obsuzhdeniyu...] [i dr. materialy]* [Appendix to the minutes of the meeting of the Special Meeting on March 12, 1911 [Reference to the first issue to be discussed ...] [and other materials]]. St. Petersburg. [Online] Available from: https://rusist.info/book/5151382?ysclid=l525ftp618885584975 (Accessed: 01.07.2022).
7. Arsen'ev, Yu.V. (1911) *Neskol'ko dopolnitel'nykh zamechaniy po voprosu o morskikh natsional'nykh flagakh* [A few additional remarks on the issue of maritime national flags]. St. Petersburg: [s.n.].
8. Belavenets, P.I. (1911) *Prilozhenie k protokolu zasedaniya osobogo Soveshchaniya 18 marta 1911 g*. [Appendix to the minutes of the meeting of the Special Meeting on March 18, 1911]. St. Petersburg: [s.n.].
9. Belavenets, P.I. (1928) Znamena vosstaniy i revolyutsiy [Banners of uprisings and revolutions]. *Vestnik znaniya.* 12. pp. 619–626; 21–22. pp. 1078–1080.
10. Semenovich, N.N. (1946) *Istoriya russkogo voenno-morskogo flaga* [History of the Russian naval flag]. Leningrad: [s.n.].
11. Zvegintsov, V.V. (1964) *Znamena i shtandarty russkoy armii XVI v. – 1914 g. i morskie flagi* [Banners and standards of the Russian army of the 16th century – 1914 and maritime flags]. Vols 1–2. Paris: [s.n.].
12. Zvegintsov, V.V. (2008) *Znamena i shtandarty russkoy armii XVI v. – 1914 g. i morskie flagi* [Banners and standards of the Russian army of the 16th century – 1914 and maritime flags]. Moscow: Russkiy put'.
13. Vilinbakhov, G.V. (2004) *Istoriya rossiyskogo gerba i flaga* [History of the Russian coat of arms and flag]. St. Petersburg: [s.n.].
14. Kartashev, A.V. (2020) *Ocherki po istorii Russkoy Tserkvi: v 2 t.* [Essays on the history of the Russian Church: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Direkt-Media.
15. Kartashev, A.V. (1950) Nash dolg pered sv. apostolom Andreem Pervozvannym [Our duty to Apostle St. Andrew the First-Called]. *Tserkovnyy Vestnik*. 2.
16. Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 177. List 1. Item 1: "*Zapisnaya kniga" vkhodyashchikh i iskhodyashchikh bumag po upravleniyu Azovskim kraem: snaryazhenie sudov. 1667–170*1 ["Note book" of incoming and outgoing papers on the management of Azov Krai: ship equipment. 1667–1701].
17. Anon. (1853) *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoy komissiey* [Additions to historical documents collected and published by the archaeographic committee]. Vol. V. St. Petersburg: Tip. Eduarda Pratsa.
18. Belavenets, P.I. (1911) *Kratkaya zapiska o starykh russkikh znamenakh* [A brief note on old Russian banners]. St. Petersburg: [s.n.].
19. Veselago, F.F. (1875) *Ocherki russkoy morskoy istorii* [Essays on Russian maritime history]. Part 1. St. Petersburg: Tip. Demakova.
20. Muller, V.G. (1704) *Krestovyy flag na kreposti Kronshlot* [Cross flag on the Kronshlot fortress]. From the collections of the State Hermitage.
21. Alyard, K. (1911) *Materialy. Kniga o flagakh". Izobrazhenie Moskovskogo flaga* [Materials. The Book of Flags. Image of the Moscow flag]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
22. Geraldika.ru. (2022) *Osoboe vysochayshee uchrezhdennoe soveshchanie pod predsedatel'stvom general-ad'yutanta Pos'eta dlya obsuzhdeniya voprosa o rossiyskom natsional'nom flage* [Special Highest Established Conference chaired by Adjutant General Posyet to discuss the issue of the Russian national flag], 14 March 1896. [Online] Available from: https://geraldika.ru/search_heraldry/?query=%D0%9 (Accessed: 10.07.2022).
23. Belavenets, P. (1910) Flag tsarya Moskovskogo 1693 g., privezennyy iz Arkhangel'ska po Vysochayshemu poveleniyu v Peterburg [The flag of the Tsar of Moscow in 1693, brought from Arkhangelsk by the Highest command to St. Petersburg]. *Novoe vremya*. 29 March. 12288. Supplement to the issue of 29 May.
24. Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). Fund 176. 1704–1725. File 130. Page 149: *Sbornik kopiy s ukazov za podpisaniem Petra I, prikazov, instruktsiy, dispozitsiy i dr. dokumentov: po upravleniyu flotom i sudami, plavaniyu i sluzhebnym obyazannostyam, nalichiyu sudov, slu-*

zhashchikh i pripasov [Collection of copies of decrees signed by Peter I, orders, instructions, dispositions and other documents: on the management of the fleet and ships, navigation and official duties, the availability of ships, employees and supplies].
25. Anon. (1896) *Osoboe vysochayshee uchrezhdennoe soveshchanie pod predsedatel'stvom general-ad"yutanta Pos'eta dlya obsuzhdeniya voprosa o rossiyskom natsional'nom flage* [A special supreme institutional meeting chaired by Adjutant General Posyet to discuss the issue of the Russian national flag]. 14 March. p. 10.
26. Belavenets, P. (1910) Flag tsarya Moskovskogo 1693 g., privezennyy iz Arkhangel'ska po Vysochayshemu poveleniyu v Peterburg [The flag of the Tsar of Moscow in 1693, brought from Arkhangelsk by the Highest command to St. Petersburg]. *Novoe vremya.* 29 May. 12288. Supplement to the issue of 29 May. [Online] Available from: flot.com/project/charity/news.php?ELEMENT_ID=42537&ysclid=l5ez3lpdzx434901484 (Accessed: 03.07.2022).
27. Rusist.info/book. (1911) *Prilozhenie k protokolu zasedaniya Osobogo soveshchaniya 12 marta 1911 g. [Spravka k pervomu voprosu, podlezhashchemu obsuzhdeniyu...] [i dr. materialy]* [Appendix to the minutes of the meeting of the Special Meeting on March 12, 1911 [Reference to the first issue to be discussed ...] [and other materials]]. St. Petersburg. [Online] Available from: https://rusist.info/book/5151382?ysclid=l525ftp618885584975 (Accessed: 01.07.20220).
28. Flot.com. (2022) *Sankt-Peterburgskoe Morskoe sobranie* [St. Petersburg Maritime Assembly]. [Online] Available from: flot.com/project/charity/news.php?ELEMENT_ID=42537&ysclid=l5ez3lpdzx434901484 (Accessed: 03.07.2022).
29. *Geraldika.ru.* [Online] Available from: https://geraldika.ru/search_heraldry (Accessed: 23.06.2021).
30. Ria1914.info. (2022) *Ofitsery russkoy imperatorskoy armii* [Officers of the Russian Imperial Army]. [Online] Available from: https://www.ria1914.info/index.php27.09.1914 (Accessed: 09.07.2022).
31. Ovchinnikov, V.D. (2007) *Srazheniya Chernomorskogo flota pod komandovaniem F.F. Ushakova* [The battles of the Black Sea Fleet under the command of F.F. Ushakov]. Moscow: Tseykhgauz.
32. Veselago, F.F. (1872) *Spisok russkikh voennykh sudov s 1668 po 1860 god* [List of Russian military courts from 1668 to 1860]. St. Petersburg: Tipografiya morskogo ministerstva.
33. Chernyshev, A.A. (1997) *Rossiyskiy parusnyy flot: spravochnik* [Russian sailing fleet: a reference book]. Vol. 1. Moscow: Voenizdat.
34. Semenovich, N.N. (1946) Istoriya russkogo voenno-morskogo flaga. Leningrad: [B. i.].
35. *Odesskiy vestnik.* (1857) 43. 20 April.
36. Il'in, N.K. (1955) K 50-letiyu s nachala Russko-yaponskoy voyny [On the 50th Anniversary of the Beginning of the Russo-Japanese War]. *Morskie zapiski*. XIII (1).
37. Anon. (1907) *Otchet po delu o sdache 15 maya 1905 g. nepriyatelyu sudov byvshego admirala Nebogatova* [Report on the case of the surrender to the enemy of the ships of the former Admiral Nebogatov on May 15, 1905]. St. Petersburg: [s.n.].
38. Central State Archive of the Navy. Fund 921. List 4. File 162. Pages 75 rev.–76.
39. President of Russia. (2019) *Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 1992, No. 798 "On naval flags and pennants of the Russian Federation" (lost force on December 30, 2019)*. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/acts/bank/1724 (In Russian).
40. President of Russia. (2019) *Decree of the President of the Russian Federation of December 30, 2019, No. 637*. [Online] Available from: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912310019 (In Russian).

Информация об авторе:
Петров В.И. – канд. ист. наук, зав. кафедрой философии и общегуманитарных дисциплин Московского гуманитарно-экономического университета (Москва, Россия). E-mail: history.vladimir@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
V.I. Petrov, Cand. Sci. (History), head of the Department of Philosophy and General Humanitarian Disciplines, Moscow University of Humanities and Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: history.vladimir@yandex.ru ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.11.2022;
одобрена после рецензирования 28.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 06.11.2022;
approved after reviewing 28.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 796.42
doi: 10.17223/15617793/486/20

Специфичность уровня развития основных компонентов психомоторных способностей у спортсменов

Инесса Юрьевна Горская [1, 3], Александра Сергеевна Белякова [1, 4], Евгений Николаевич Мироненко [2, 5]

[1] Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск, Россия
[2] Омский государственный университет путей сообщения, Омск, Россия
[3] mbofkis@mail.ru
[4] alexa.belyakova@mail.ru
[5] fvs-omgups@yandex.ru

Аннотация. Обобщенно и кратко представлены результаты многолетних исследований, направленных на выявление особенностей проявления и развития различных компонентов психомоторных способностей у спортсменов. Выявлены достоверно значимые различия уровня развития компонентов психомоторных способностей у представителей разных видов спорта. Доказана специфичность проявления психомоторных признаков у спортсменов с разным морфотипологическим статусом. Выявлен диапазон изменений психомоторных показателей под влиянием тренировочных нагрузок разной направленности в процессе многолетних занятий спортом.

Ключевые слова: спортсмены, тренировочный процесс, психомоторные способности, морфотип, индивидуально-типологические особенности, реагирующие способности, двигательная точность, равновесие

Для цитирования: Горская И.Ю., Белякова А.С., Мироненко Е.Н. Специфичность уровня развития основных компонентов психомоторных способностей у спортсменов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 185–193. doi: 10.17223/15617793/486/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/20

Specificity of the level of development of the main components of psychomotor abilities in athletes

Inessa Yu. Gorskaya[1, 3], Aleksandra S. Belyakova[1, 4], Evgeniy N. Mironenko[2, 5]

[1] Siberian State University of Physical Culture and Sports, Omsk, Russian Federation
[2] Omsk State Transport University, Omsk, Russian Federation
[3] mbofkis@mail.ru
[4] alexa.belyakova@mail.ru
[5] fvs-omgups@yandex.ru

Abstract. The study aims to identify and analyze the specificity of the manifestation of psychomotor abilities in athletes, taking into account age, length of service, sport, individual typological constitutional features (somatotype). This article summarizes and briefly presents the results of many years of research aimed at identifying the features of the manifestation and development of various components of psychomotor abilities in athletes. The studied samples of subjects are 125 athletes of primary training groups (n = 65 girls, 60 boys); 116 highly qualified track and field athletes (sexually mature) (n = 59 women, 57 men); 328 footballers with different skill levels; 125 hockey players with different skill levels; 65 BMX cyclists (boys of initial training groups); 45 qualified athletes; 15 young men of a high level of qualification (adults); 75 wrestlers with different skill levels. The following research methods were used: somatometry and somatoscopy, psychomotor testing, stabilography, methods of mathematical statistics. To identify the specifics of the psychomotor abilities of athletes of different specializations, we analyzed the level of development of 16 indicators of reactive abilities, motor accuracy and balance at the initial stages of sports training and among qualified athletes. To study and analyze psychomotor manifestations, taking into account the constitutional characteristics of athletes, we relied on the conceptual foundations of the doctrine of the human constitution, the main essence of which is the typification of all indicators and characteristics of an individual in accordance with belonging to a certain constitutional type. To study the age-related features of the level of development of psychomotor abilities in the process of playing sports, we conducted a cross-sectional study with the participation of athletes aged 8 to 17 – representatives of team, complex

© Горская И.Ю., Белякова А.С., Мироненко Е.Н., 2023

coordination, and extreme sports, and martial arts. Reliably significant differences in the level of development of the components of psychomotor abilities in representatives of different sports were revealed; they increase with an increase in the level of qualification, which is due to the specifics of the sport. The specificity of the manifestation of psychomotor signs in athletes with different morphotypological status was proven. A range of changes in various psychomotor parameters was revealed under the influence of training loads of various directions during long-term sports activities. The results obtained, on the basis of which quantitative criteria for evaluating various psychomotor indicators were developed, are used to optimize pedagogical control in various sports, to select promising athletes, to individualize and correct training programs.

Keywords: athletes, training process, psychomotor abilities, morphotype, individual typological features, reactive abilities, motor accuracy, balance

***For citation*:** Gorskaya, I.Yu., Belyakova, A.S. & Mironenko, E.N. (2023) Specificity of the level of development of the main components of psychomotor abilities in athletes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 185–193. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/20

Актуальность исследования. Психомоторные способности являются значимым компонентом одаренности спортсмена, фактором успешности его спортивной карьеры. Проблемные аспекты изучения психомоторных способностей применительно к сфере спорта заключаются в необходимости привлечения специалистов смежных областей науки (спортивной психологии, педагогики) для полноценной диагностики уровня развития этих способностей, а также грамотного использования результатов этой диагностики для выбора наиболее подходящего вида двигательной активности в соответствии с индивидуальными особенностями спортсмена. Многокомпонентный механизм формирования и проявления психомоторных способностей затрудняет получение полной информации об особенностях психомоторики индивидуумов с разными индивидуально-типологическими свойствами. В этой связи актуальным является расширение сведений о возможностях варьирования уровня развития психомоторных способностей у юных и взрослых спортсменов, о степени их генетической обусловленности и подверженности средовым воздействиям (в том числе тренирующим воздействиям), о возрастных особенностях этих способностей. Уточнение этой информации позволит значительно оптимизировать процесс отбора юных спортсменов для занятий тем или иным видом спорта, а также обеспечить точечную целевую направленность тренирующих воздействий [1, 2].

Несмотря на базисный характер психомоторной сферы человека применительно к вопросам психологии и педагогики, отсутствие единомыслия в аспекте терминологического аппарата и понимания сущности понятий «психомоторика», «психомоторные способности» в значительной мере тормозит процесс научно-методического обеспечения диагностики и развития этих способностей в психолого-педагогической деятельности [3, 4]. Термин «психомоторика», введенный впервые И.М. Сеченовым, отражает системный подход и целостное восприятие разных систем и уровней функционирования организма человека, подчеркивая неразрывное единство динамической и психической сфер жизнедеятельности. В дальнейшем психомоторика человека становилась предметом многочисленных теоретических, фундаментальных и прикладных исследований [5–11], однако решение практических проблем, связанных с закономерностями формирования, развития, совершенствования психомоторных способностей, далеко от завершающей фазы.

Отечественными и зарубежными исследователями изучались вопросы дифференцированного характера физических и психофизических свойств и признаков человека с учетом конституциональных различий, в том числе применительно к сфере спорта [1, 2, 12]. Большинство современных российских и зарубежных исследователей рассматривают достаточно узкие аспекты особенностей развития психомоторных способностей у отдельных выборочных групп (дети одного возраста, спортсмены определенной квалификации и вида спорта, представители конкретной профессии и др.) [2, 13–17]. Однако до настоящего времени нет целостной картины закономерностей формирования и развития психомоторных способностей с учетом пола, возраста, вида двигательной активности. Остается открытым вопрос приоритета конституциональных различий как основного фактора проявления у человека определенных свойств и способностей, их сочетания и выраженности в виде спортивной одаренности, предрасположенности к определенным видам деятельности.

Цель исследования – выявление и анализ специфичности проявления психомоторных способностей у спортсменов с учетом возраста, стажа занятий, вида спорта, индивидуально-типологических конституциональных особенностей (соматотипа). В процессе исследования решалось несколько задач:

1. Выявление специфики психомоторных способностей спортсменов разных специализаций (спринтерский бег, прыжковые виды легкой атлетики, метательные виды легкой атлетики, бег на средние дистанции, футбол, борьба, велогонки BMX, хоккей).

2. Изучение и анализ психомоторных проявлений с учетом конституциональных особенностей спортсменов (на примере легкоатлетов).

3. Изучение возрастных особенностей уровня развития психомоторных способностей в процессе занятий спортом (футбол, хоккей, борьба, велогонки BMX).

Методы и материалы исследования. Исследование проведено на базе кафедры естественно-научных дисциплин Сибирского государственного университета физической культуры и спорта и на базе ДЮСШ г. Омска и Омской области. В статье приведены результаты многолетних исследований с участием

спортсменов разных возрастных групп и видов спорта. Характеристики исследуемых выборок испытуемых:

– легкоатлеты групп начальной подготовки, не имеющие уточненной специализации (n =125 чел., из них 65 девочек, 60 мальчиков); легкоатлеты высокой квалификации, половозрелые (n = 116 чел., из них 59 женщин, 57 мужчин); отдельно анализировались показатели представителей разных специализаций (прыжковые виды, беговые спринтерские дистанции, беговые средние дистанции, метательные виды);

– футболисты разного уровня квалификации (n=328 чел.);

– хоккеисты разного уровня квалификации (n=125 чел.);

– велогонщики BMX (n=125 чел., из них мальчики групп начальной подготовки – 65 чел., квалифицированные спортсмены – 45 чел., юноши высокого уровня квалификации (половозрелые) – 15 чел.);

– борцы разного уровня квалификации (n = 75 чел.).

Применялись следующие методы исследования: соматометрия и соматоскопия, психомоторное тестирование, стабилография, методы математической статистики. Выявление соматотипа осуществлялось по методике С.С. Дарской [18]. Психомоторное тестирование проводилось с использованием компьютерной программы «Спортивный психофизиолог» [19], а также цифрового кинематометра. Анализировались показатели времени разных реакций на внешние раздражители, показатели статического равновесия, двигательной точности. При обработке данных использовался пакет статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 22. Рассчитывали количественные характеристики выборки: среднее арифметическое, среднее квадратичное отклонение, коэффициент вариации. Сравнение показателей психомоторного тестирования в несвязанных выборках проводилось по критерию Манна–Уитни. Достоверность различий показателей рассматривалась как существенная при уровнях значимости $p \geq 0{,}05$. Все исследуемые выборки проверялись на соответствие закону нормального распределения. Для проверки нормального распределения использовали критерий хи-квадрат (Пирсона). На всех эмпирических этапах работы исследуемые выборки соответствуют нормальному распределению, коэффициент асимметрии выборки = 0.

Результаты. При решении *первой* задачи исследования, направленной на выявление специфики психомоторных способностей спортсменов разных специализаций (легкая атлетика, футбол, борьба, BMX, хоккей), был проведен сравнительный анализ уровня развития 19 показателей реагирующих способностей, двигательной точности и равновесия на начальных этапах спортивной подготовки и у квалифицированных спортсменов. Выявлены значительные различия между уровнем проявления разных психомоторных способностей у представителей исследуемых видов спорта, выраженные как в группах начальной подготовки, так и у квалифицированных спортсменов. При этом анализ показателей начинающих спортсменов (1–3-й год начальной подготовки) свидетельствует, что достоверно значимые различия проявляются по отдельным показателям, тогда как в выборках квалифицированных спортсменов различия усиливаются. Возможно, данный факт является последствием неоднородного состава групп начинающих спортсменов, что характерно для начального этапа подготовки, так как осуществление качественного отбора достаточно затруднено в большинстве видов спорта.

На современном этапе во многих видах спорта проведение отбора в группы для занятий спортом по сути заменено на набор практически всех желающих, лишь позже происходит отчисление детей, не выполнивших контрольно-переводные нормативы, потерявших интерес к занятиям, получивших травмы и др. Анализ результатов тестирования, показал, что даже в тех видах спорта, где высокий уровень определенных видов психомоторных способностей является определяющим для успешности достижения соревновательного результата (например, реагирующие способности для спринтеров), в группах начальной подготовки значительная часть спортсменов имеет средний уровень этих способностей, что может свидетельствовать о некачественном отборе, о невнимании тренеров к этому важному фактору или невозможности качественно провести необходимую диагностику при поиске перспективных детей. Одной из наиболее вероятных причин усиления различий по показателям психомоторных способностей между представителями разных видов спорта на более поздних этапах многолетней спортивной подготовки является выраженное влияние характера двигательной активности на уровень психомоторной подготовки. В этой связи у квалифицированных спортсменов – представителей определенных видов спорта, где наиболее значимы те или иные способности, происходит их акцентированное развитие. Соответственно, уровень этих способностей значительно превышает средние показатели по возрасту. Это подтверждает специфичность психомоторного статуса спортсменов, специализирующихся в разных видах спорта.

Для примера на рис. 1, 2 приведены данные сравнительного анализа отдельных показателей психомоторных способностей у спортсменов разного уровня квалификации (легкоатлетов, футболистов, борцов, велогонщиков BMX).

Анализ результатов психомоторного тестирования позволил выявить диапазон варьирования разных показателей, при этом, следует отметить, что на начальных этапах спортивной подготовки среднегрупповые значения в ряде случаев лежат в границах возрастных норм, не превышая их, как можно было ожидать, учитывая, что в спортивные секции отбирают наиболее одаренных детей. Однако в выборках начинающих спортсменов выражена значительная неоднородность состава групп (значения коэффициента вариации 36–75%), то есть часть спортсменов имеет очень высокие показатели. Учитывая значимость психомоторных способностей для успешности спортивных достижений, следует рассматривать детей с высоким исходным уровнем психомоторных способностей как перспективных.

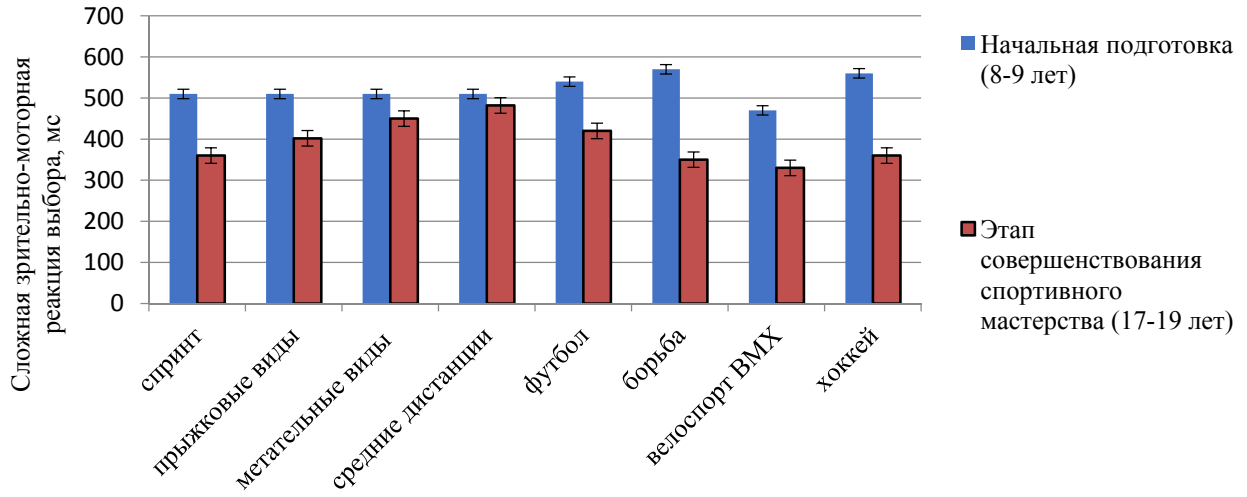


Рис. 1. Показатели времени сложной зрительно-моторной реакции выбора (мс) у спортсменов мужского пола разных специализаций и уровня квалификации

Что касается выборок квалифицированных спортсменов, то хотелось бы отметить более выраженные различия между представителями разных специализаций в сравнении с группами начальной подготовки, что, несомненно, является следствием специфичности физических нагрузок. При этом несмотря на более выраженные черты индивидуализации подготовки и особенности спортсменов, достигших спортивной успешности, в группах разброс данных менее выражен (коэффициенты вариации не превышают 20%). На наш взгляд, это подчеркивает значимость высокого уровня психомоторных способностей в спорте, так как у исследуемых квалифицированных спортсменов выявлены лишь единичные случаи сниженного уровня показателей.

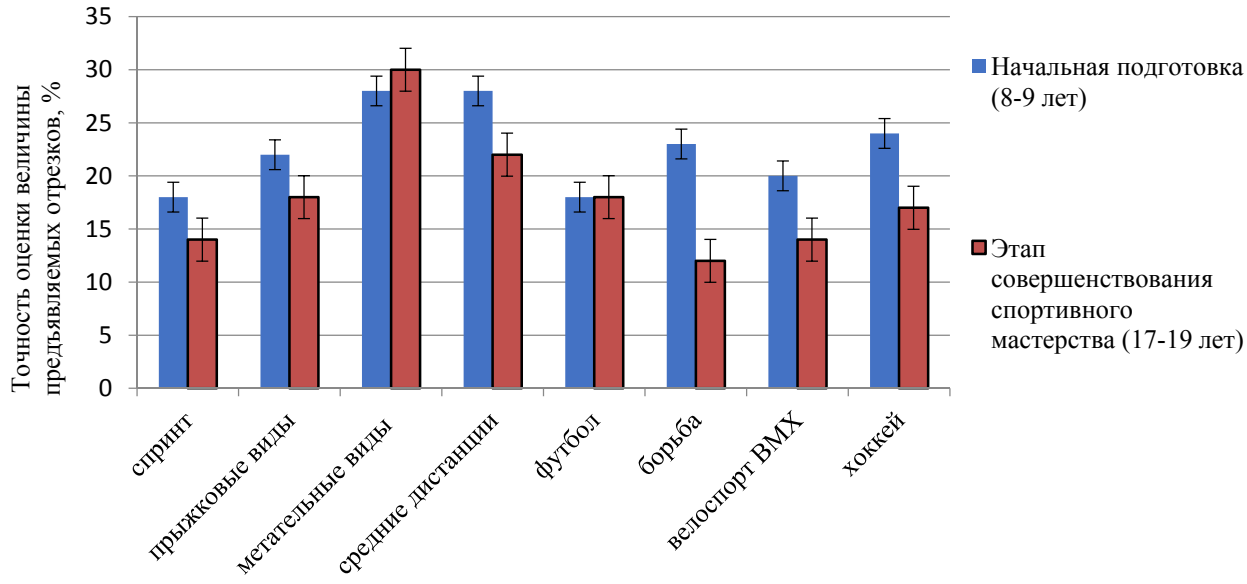


Рис. 2. Показатели точности оценки величины предъявляемых отрезков у спортсменов мужского пола разных специализаций и уровня квалификации

Следует отметить, что по большинству показателей психомоторных способностей (в 14 тестах из 19) наиболее высокие результаты тестирования наблюдаются у представителей экстремального велоспорта BMX, связанного с непредсказуемым характером нагрузок, частой сменой направления движения, высоким темпом прохождения сложной трассы с препятствиями разного размера и формы в непосредственной близости других гонщиков (одновременный заезд 8 гонщиков).

В процессе решения *второй* задачи исследования, направленной на изучение и анализ психомоторных проявлений с учетом конституциональных особенностей спортсменов (на примере легкоатлетов), мы опирались на концептуальные основы учения о конституции человека, основной сутью которого является типи-

зация всех показателей и признаков индивидуума в соответствии с принадлежностью к определенному конституциональному типу. В рамках этих концептуальных идей морфологическая конституция (телесная) является одной из частных конституций, внешним проявлением общей конституции человека. Следовательно, специфичные черты в морфологической конституции свидетельствуют и о специфичности других систем и функций человека с определенными морфотипологическими особенностями. Представителям определенных морфотипов свойственны специфические черты психодинамических свойств личности. В этой связи мы предположили, что получение сведений о специфичности психомоторных проявлений спортсменов с разным морфотипом будет способствовать оптимизации процесса отбора в виды спорта, уточнению специализации, более точному прогнозированию успешности достижения соревновательной результативности. На данном этапе исследования определены уровни развития психомоторных способностей легкоатлетов начального этапа многолетней подготовки и квалифицированных легкоатлетов (половозрелых), относящихся к разным морфотипам. Выявлено, что по большинству изучаемых показателей психомоторных способностей выражены достоверно значимые различия между результатами тестирования легкоатлетов, относящихся к крайним вариантам соматотипов (например, между представителями астенического и дигестивного соматотипов), тогда как между значениями данных погазателей легкоатлетов смежных соматотипов такие различия носят фрагментарный характер и менее выражены.

Следует отметить, что в выборке квалифицированных взрослых спортсменов различия более выражены в сравнении с начинающими спортсменами, однако по многим показателям уже на начальном этапе подготовки среднегрупповые значения различаются на достоверно значимом уровне. Это свидетельствует о подтверждении выдвинутой гипотезы, то есть о специфичности проявления психомоторных признаков у спортсменов с разным морфотипологическим статусом. Также выявлено, что у представителей разных соматотипов отдельные виды психомоторных способностей (например, реагирующие способности или способности к двигательной точности) находятся на высоком уровне развития в сравнении с другими соматотипами. Это определено по совокупности результатов нескольких тестов, оценивающих один компонент психомоторных способностей, что позволяет сделать заключение о предрасположенности представителей конкретного соматотипа к определенным видам деятельности, в которой данные способности играют значимую роль. Например, представители астенического типа телосложения имеют наиболее высокие показатели двигательной точности (по временным, пространственным показателям движения). У представителей мышечного и торакального соматотипов отмечается наиболее высокий уровень способностей к реагированию и показателей темпо-ритмовых характеристик движения. При этом выявленные специфические особенности высококвалифицированных спортсменов соотносятся с данными, полученными на выборке начинающих спортсменов разных типов телосложения. Для примера на рис. 3–5 приведены отдельные результаты тестирования.

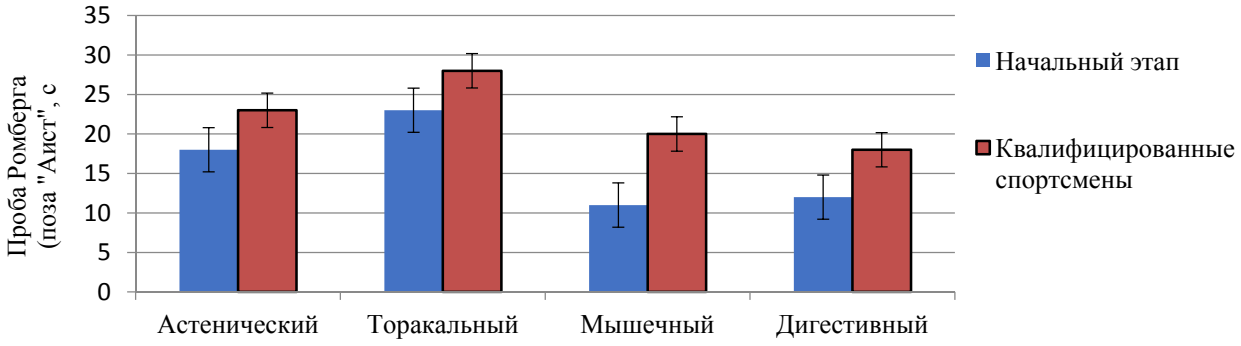


Рис. 3. Показатели времени удержания позы «аист» при выполнении пробы Ромберга у легкоатлетов женского пола с разным типом телосложения

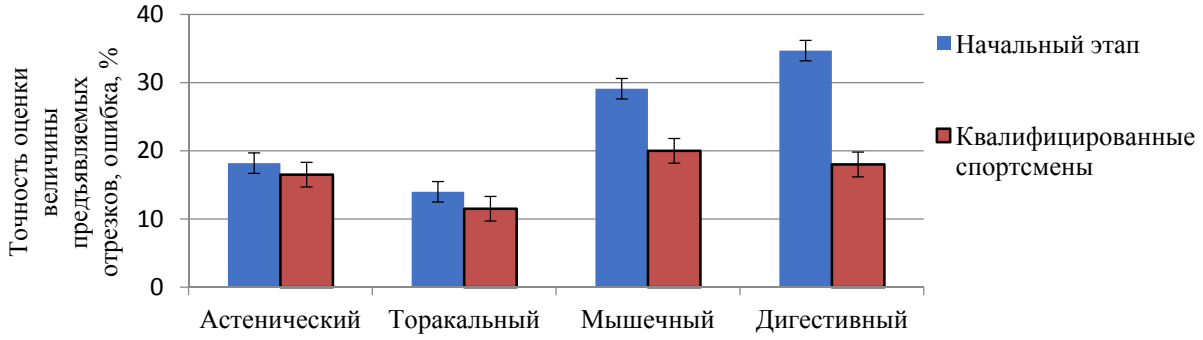


Рис. 4. Показатели точности оценки величины предъявляемых отрезков у легкоатлетов мужского пола с разным типом телосложения

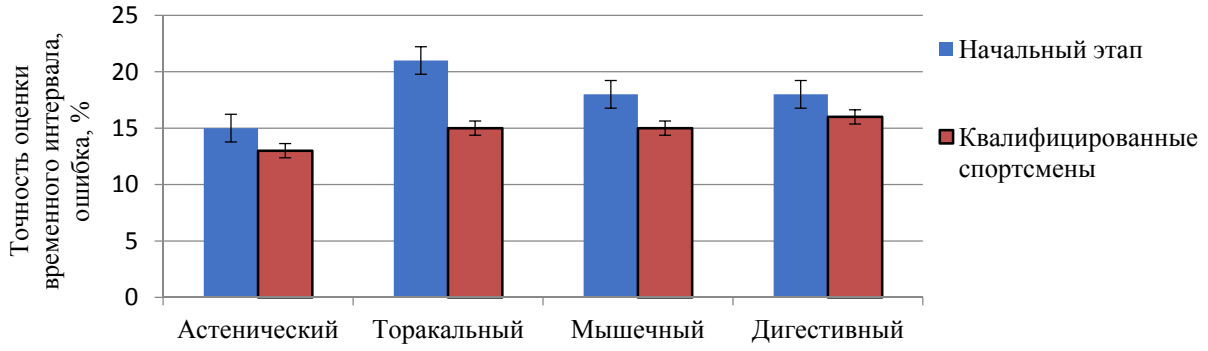


Рис. 5. Показатели точности оценки временного интервала у легкоатлетов мужского пола с разным типом телосложения

Для решения *третьей* задачи исследования, направленной на изучение возрастных особенностей уровня развития психомоторных способностей в процессе занятий спортом, было проведено срезовое исследование с участием спортсменов от 8 до 17 лет – представителей игровых, сложнокоординационных, экстремальных видов спорта и единоборств (футбол, хоккей, борьба, BMX). Несмотря на выявленные различия количественных значений среднегрупповых результатов тестирования у спортсменов разных видов спорта, можно отметить некоторые общие закономерности. В частности, наименее выражены различия между представителями разных видов спорта на начальных этапах подготовки. Начиная с возраста 10–11 лет и на более поздних возрастных отрезках различия достигают значительных величин, что, возможно, является следствием специфики тренировочной подготовки. Несмотря на то, что во всех исследуемых видах спорта психомоторные способности значимы, по-видимому, вклад их в соревновательную результативность неодинаков в том или ином виде спорта. В ходе анализа и сопоставления полученных результатов хорошо прослеживается возрастная динамика психомоторных способностей, характеризующаяся выраженными темпами прироста с 8 до 11–12 лет (по разным показателям темпы прироста варьируют в диапазоне 20–80 % за 4–5 лет). Затем четко прослеживается наступление периода стагнации результатов по большинству показателей. То есть можно отнести младший школьный возраст к наиболее благоприятному (сенситивному) периоду развития психомоторных способностей. В возрасте 15–17 лет, несмотря на интенсивный тренировочный и соревновательный процесс, значимых изменений большинства показателей психомоторных способностей не выявлено, что, по-видимому, объясняется достаточно жестким генетическим контролем показателей психомоторных способностей.

Исключение составляют способности к сохранению равновесия и показатели точности по пространственным параметрам движения, которые продолжают прирастать до 17 лет.

Остальные исследуемые показатели (все виды реакций, точность по временным и силовым параметрам движения) после 15 лет характеризуются стабилизацией (незначительные колебания значений). Следует отметить, что абсолютные значения показателей спортсменов на начальном этапе подготовки (8–10 лет) незначительно превышают средневозрастные нормы или же лежат в границах возрастной нормы. При этом выражен значительный внутригрупповой разброс результатов тестирования (коэффициенты вариации превышают 40%).

На более поздних этапах подготовки показатели психомоторных способностей у спортсменов (в большинстве исследуемых видов спорта) значительно выше значений средневозрастных норм, кроме показателей простых реакций, где достоверно значимые различия выявлены только по выборкам отдельных видов спорта. Например, на рис. 6 и 7 приведена возрастная динамика по отдельным показателям психомоторных способностей спортсменов.

На основе полученных в исследовании результатов разработаны количественные критерии оценки компонентов психомоторных способностей с учетом вида спорта, возраста, пола. Теоретическое и прикладное значение результатов исследования обусловлено возможностью продолжения и расширения научно-исследовательской работы в направлении сравнительного анализа полученных данных с аналогичными данными других видов спорта, а также в направлении сопоставления результатов разных исследователей, изучения закономерностей формирования психомоторного статуса под влиянием различных средовых факторов и др.

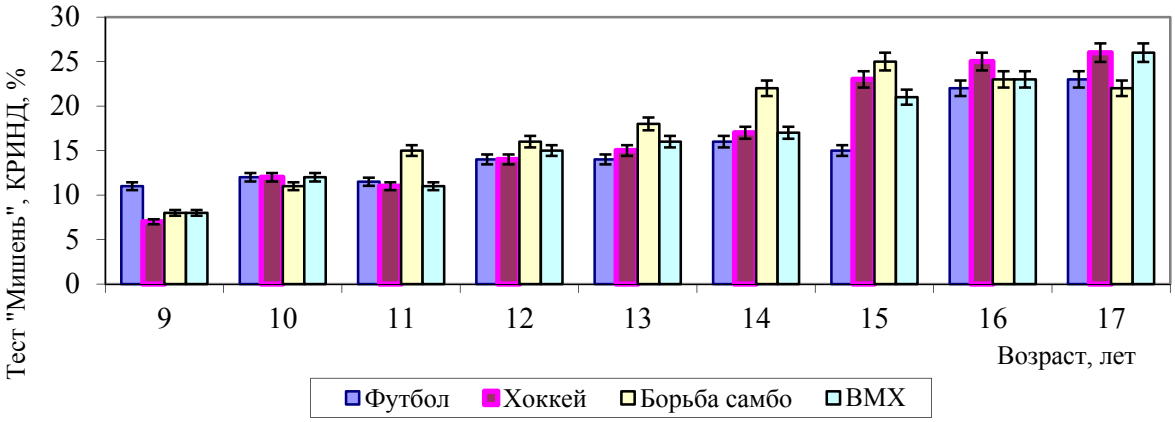


Рис. 6. Динамика среднегрупповых значений коэффициента резкого изменения направления движения (КРИНД) в стабилографическом тесте «Мишень» у спортсменов 9–17 лет

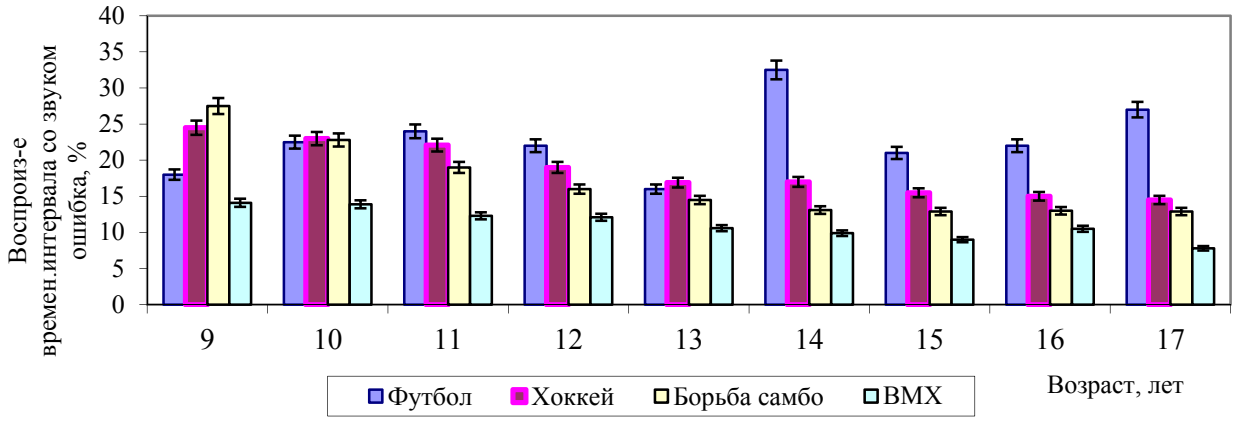


Рис. 7. Динамика среднегрупповых значений показателя точности воспроизведения заданного временного интервала у спортсменов 9–17 лет

Заключение. В данной статье обобщенно и кратко представлены результаты многолетних исследований, направленных на выявление особенностей проявления и развития разных компонентов психомоторных способностей у спортсменов. Выявлены достоверно значимые различия уровня развития компонентов психомоторных способностей у представителей разных видов спорта, усиливающиеся с ростом уровня квалификации, что обусловлено спецификой вида спорта.

Доказана выдвинутая гипотеза о специфичности проявления психомоторных признаков у спортсменов с разным морфотипологическим статусом. Также выявлено, что у представителей разных соматотипов отдельные виды психомоторных способностей находятся на высоком уровне развития в сравнении с другими соматотипами. Это определено по совокупности результатов нескольких тестов, оценивающих один компонент психомоторных способностей, что позволяет сделать заключение о предрасположенности представителей конкретного соматотипа к определенным видам деятельности, в которой данные способности играют значимую роль. Изучение возрастных особенностей проявления психомоторных способностей у спортсменов позволило выявить диапазон изменений разных психомоторных показателей под влиянием тренировочных нагрузок разной направленности в процессе многолетних занятий спортом. Определены периоды ускоренного прироста психомоторных показателей (в возрастном периоде с 9 до 12 лет по большинству тестов результаты изменяются более быстрыми темпами). Определено, что после 14 лет значительных приростов психомоторных показателей по большинству тестов не наблюдается, то есть наступает период стабилизации психомоторного статуса спортсменов. Полученные результаты, на основе которых разработаны количественные критерии оценки разных психомоторных показателей, внедрены в практику тренировочной подготовки и используются для оптимизации педагогического контроля в разных видах спорта, для отбора перспективных спортсменов, индивидуализации и коррекции тренировочных программ.

Список источников

1. Белякова А.С. Психомоторные способности как фактор будущей успешности в легкой атлетике // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21, № 1. С. 102–107.
2. Горская И.Ю., Белякова А.С. Модельные характеристики морфотипологического и психомоторного статуса легкоатлетов-мужчин высокой квалификации // Теория и практика физической культуры. 2019. № 5. С. 16.

3. Наумова Т.В. Теоретическое исследование дефиниций понятий «психомоторика» и «психомоторные способности» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 3. С. 314–319.
4. Коренкова Н.Е. Разработка проблемы психомоторики на кафедре общей психологии и истории психологии Московского гуманитарного университета // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 1. С. 39–44.
5. Марков К.К., Николаева О.О. Оценка психомоторных характеристик двигательной деятельности юных спортсменов в прыжках в высоту и повышение эффективности их тренировочного процесса // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–11. С. 2473–2477.
6. Озеров В.П., Катренко М.В., Павлова Г.Г., Шевякова В.В. Актуальные проблемы и гипотезы исследования психомоторных способностей учащейся молодежи в физкультурно-спортивной деятельности // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2016. № 5. С. 70–73.
7. Родин Ю.И. Психомоторика человека в свете системной и эволюционной парадигм // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 3–1. С. 389–395.
8. Нордгеймер Ю.Р., Костанова Н.А. Системное описание психомоторных способностей // Развитие инструментов управления научной деятельностью: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4 ч. (Уфа, 18 мая 2017 г.). Уфа : Изд-во ОМЕГА САЙНС. 2017. Ч. 4. С. 197–201.
9. Fogtmann M.H., Kaj G., Ludvigsen M.K. Interaction Technology for Collective and Psychomotor Training in Sports Full presentation. Lisbon, Portugal, 2011.
10. Gutnik B., Zuoza A., Zuozienė I. et al. Body physique and dominant somatotype in elite and low-profile athletes with different specializations // Scherbina medicina. 2015. Vol. 51. P. 247–252.
11. Безбородова М.А. Научно-практические вопросы изучения психомоторных способностей младших школьников в учебной деятельности // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 6. С. 92–100.
12. Dhiman R. Comparative stady on physical and psychological profiles of height-weight matched athlete and non-athlete // International Journal of Physical Education, Sports and Health. 2022. № 9 (1). P. 6–11.
13. Наумова Т.В. Развитие психомоторных способностей детей дошкольного возраста в условиях информационно-образовательной среды : автореф. дис. … канд. психол. наук. Саратов, 2020. 27 с.
14. Mahato A., Ghosh A. Study on psychological hardiness of state level sprinter and javelin thrower // International Journal of Physical Education, Sports and Health. 2022. № 9 (3). P. 83–85.
15. Maman P., Neha K., Jaspal S.S. Psychomotor performance as an indicator of training distress among athletes // Brazilian Journal of Biomotricity. 2011. Vol. 5, № 3. P. 175–185.
16. Minu T.A., Biswas S. comparative study of psychomotor abilities subjunior, junior and senior levels of women boxers // International Journal of Physical Education, Sports and Health. 2016. Vol. 3, № 5. P. 400–402.
17. Deepti J. Analysis of psychomotor abilities as predictive factor for female long jumpers // International Journal of Physical Education, Sports and Health. 2016. Vol. 3, № 3. P. 479–481.
18. Дарская С.С. Техника определения типов конституции у детей и подростков. М., 1975. С. 45–53.
19. Корягина Ю.В., Нопин С.В. Исследователь временных и пространственных свойств человека № 2004610221 // Программы для ЭВМ… (офиц. бюл.). 2004. № 2. С. 51.

References

1. Belyakova, A.S. (2021) Psikhomotornye sposobnosti kak faktor budushchey uspeshnosti v legkoy atletike [Psychomotor abilities as a factor in future success in athletics]. *Chelovek. Sport. Meditsina*. 21 (1). pp. 102–107.
2. Gorskaya. I.Yu. & Belyakova, A.S. (2019) Model'nye kharakteristiki morfotipologicheskogo i psikhomotornogo statusa legkoatletov-muzhchin vysokoy kvalifikatsii [Model characteristics of the morphotypological and psychomotor status of highly qualified male track and field athletes]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 5.
3. Naumova, T.V. (2021) Teoreticheskoe issledovanie definitsiy ponyatiy "psikhomotorika" i "psikhomotornye sposobnosti" [Theoretical study of the definitions of the concepts "psychomotor system" and "psychomotor abilities"]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 21 (3). pp. 314–319.
4. Korenkova, N.E. (2018) Razrabotka problemy psikhomotoriki na kafedre obshchey psikhologii i istorii psikhologii Moskovskogo gumanitarnogo universiteta [Development of the problem of psychomotor system at the Department of General Psychology and History of Psychology of Moscow University for the Humanities]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 1. pp. 39–44.
5. Markov, K.K. & Nikolaeva, O.O. (2015) Otsenka psikhomotornykh kharakteristik dvigatel'noy deyatel'nosti yunykh sportsmenov v pryzhkakh v vysotu i povyshenie effektivnosti ikh trenirovochnogo protsessa [Evaluation of psychomotor characteristics of motor activity of young athletes in high jumps and increasing the efficiency of their training process]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2-11. pp. 2473–2477.
6. Ozerov, V.P. et al. (2016) Aktual'nye problemy i gipotezy issledovaniya psikhomotornykh sposobnostey uchashcheysya molodezhi v fizkul'turno-sportivnoy deyatel'nosti [Topical problems and hypotheses of the study of psychomotor abilities of students in physical culture and sports activities]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 5. pp. 70–73.
7. Rodin, Yu.I. (2011) Psikhomotorika cheloveka v svete sistemnoy i evolyutsionnoy paradigm [Human psychomotor system in the light of systemic and evolutionary paradigms]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 3-1. pp. 389–395.
8. Nordgeymer, Yu.R. & Kostanova, N.A. (2017) [Systematic description of psychomotor abilities]. *Razvitie instrumentov upravleniya nauchnoy deyatel'nost'yu* [Development of tools for managing scientific activity]. Proceedings of the International Conference: in 4 parts. Ufa. 18 May 2017. Part 4. Ufa: Izd-vo OMEGA SAYNS. pp. 197–201. (In Russian).
9. Fogtmann, M.H., Kaj, G. & Ludvigsen, M.K. (2011) *Interaction Technology for Collective and Psychomotor Training in Sports* Full presentation. Lisbon, Portugal.
10. Gutnik, B. et al. (2015) Body physique and dominant somatotype in elite and low-profile athletes with different specializations. *Scherbina medicina*. 51. pp. 247–252.
11. Bezborodova, M.A. (2020) Nauchno-prakticheskie voprosy izucheniya psikhomotornykh sposobnostey mladshikh shkol'nikov v uchebnoy deyatel'nosti [Scientific and practical issues of studying the psychomotor abilities of younger schoolchildren in educational activities]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 6. pp. 92–100.
12. Dhiman, R. (2022) Comparative stady on physical and psychological profiles of height-weight matched athlete and non-athlete. *International Journal of Physical Education, Sports and Health*. 9 (1). pp. 6–11.
13. Naumova, T.V. (2020) *Razvitie psikhomotornykh sposobnostey detey doshkol'nogo vozrasta v usloviyakh informatsionno-obrazovatel'noy sredy* [Development of psychomotor abilities of preschool children in the information and educational environment]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Saratov.
14. Mahato, A. & Ghosh, A. (2022) Study on psychological hardiness of state level sprinter and javelin thrower. *International Journal of Physical Education, Sports and Health*. 9 (3). pp. 83–85.
15. Maman, P., Neha, K. & Jaspal, S.S. (2011) Psychomotor performance as an indicator of training distress among athletes. *Brazilian Journal of Biomotricity*. 5 (3). pp. 175–185.

16. Minu, T.A. & Biswas, S. (2016) comparative study of psychomotor abilities subjunior, junior and senior levels of women boxers. *International Journal of Physical Education, Sports and Health*. 3 (5). pp. 400–402.
17. Deepti, J. (2016) Analysis of psychomotor abilities as predictive factor for female long jumpers. *International Journal of Physical Education, Sports and Health*. 3 (3). pp. 479–481.
18. Darskaya, S.S. (1975) *Tekhnika opredeleniya tipov konstitutsii u detey i podrostkov* [Technique for determining the types of constitution in children and adolescents]. Moscow: [s.n,]. pp. 45–53.
19. Koryagina, Yu.V. & Nopin, S.V. (2004) Issledovatel' vremennykh i prostranstvennykh svoystv cheloveka № 2004610221 [Researcher of temporal and spatial properties of a person No. 2004610221]. *Programmy dlya EVM.* 2. pp. 51.

Информация об авторах:
Горская И.Ю. – д-р пед. наук, профессор кафедры естественно-научных дисциплин Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (Омск, Россия). E-mail: mbofkis@mail.ru
Белякова А.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики циклических видов спорта Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (Омск, Россия). E-mail: alexa.belyakova@mail.ru
Мироненко Е.Н. – канд. пед. наук, зав. кафедрой физического воспитания и спорта Омского государственного университета путей сообщения (Омск, Россия). E-mail: fvs-omgups@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
I.Yu. Gorskaya, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: mbofkis@mail.ru
A.S. Belyakova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: alexa.belyakova@mail.ru
E.N. Mironenko, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Physical Education and Sports, Omsk State Transport University (Omsk, Russian Federation). E-mail: fvs-omgups@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.11.2022;
одобрена после рецензирования 29.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 01.11.2022;
approved after reviewing 29.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 378.4 (622.1)
doi: 10.17223/15617793/486/21

ESP как инструмент формирования культуры профессионального становления магистров направления «технологические машины и оборудование»

Наталья Владимировна Дёрина [1, 4], Владимир Семёнович Великанов [2, 3, 5], Игорь Анатольевич Гришин [1, 6], Юлия Александровна Морева [1, 7], Далия Далгадовна Хамидулина [1, 8]

[1]Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия
[2]Уральский государственный горный университет, Екатеринбург, Россия
[3]Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
[4] nataljapidckaluck@yandex.ru
[5] rizhik_00@mail.ru
[6] igorgri@mail.ru
[7] y.a.moreva@yandex.ru
[8] loza_mgn@mail.ru

Аннотация. Анализ потребностей студентов технических специальностей в английском языке для специальных целей рассматривается как эффективный инструмент для разработки курса ESP, который наилучшим образом соответствует запросам обучающихся. Целью статьи является изучение языковых потребностей студентов и выявление мнения заинтересованных сторон в курсе ESP в рамках междисциплинарного исследования. Проведенный анализ призван помочь преподавателям высшей школы разработать рабочую программу дисциплины для успешного внедрения курса ESP в техническом вузе.

Ключевые слова: английский язык для специальных целей, студенты технических специальностей, коммуникативные потребности, текущая ситуация, целевая ситуация, языковые навыки, технологические машины и оборудование

Для цитирования: Дёрина Н.В., Великанов В.С., Гришин И.А., Морева Ю.А., Хамидулина Д.Д. ESP как инструмент формирования культуры профессионального становления магистров направления «технологические машины и оборудование» // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 194–202. doi: 10.17223/15617793/486/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/21

English for Specific Purposes as a tool for developing a culture of professional development for masters in the field of process machinery and equipment

Natalya V. Dyorina[1, 4], Vladimir S. Velikanov[2, 3, 5], Igor A. Grishin[1, 6], Yulia A. Moreva[1, 7], Dahlia D. Khamidulina[1, 8]

[1] Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation
[2] Ural State Mining University, Yekaterinburg, Russian Federation
[3] Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation
[4] nataljapidckaluck@yandex.ru
[5] rizhik_00@mail.ru
[6] igorgri@mail.ru
[7] y.a.moreva@yandex.ru
[8] loza_mgn@mail.ru

Abstract. The analysis of engineering students' needs in English for Special Purposes (ESP) is considered as an effective tool to develop an ESP course that best suits the students' needs. Thus, the article answers the main research question about the need of an ESP course for Russian Master's students studying in Speciality 15.04.02, Technological Machinery and Equipment. The article aims to explore students' language needs and to identify concerned parties' opinions about an ESP course in an interdisciplinary research. The results of surveying English teachers allowed the authors to analyse the pedagogical situation and find out that most respondents do not follow the exact method in teaching English but combine traditional methods: grammar structure translation, communicative method and text translation method, language teaching and phonetic-linguistic method depending on the type of task. The authors

point out the activities preferred in foreign language classes: grammar exercises and reading texts aloud, using materials and teaching aids developed by teachers and belonging to the academic field. The article highlights the role of the Mining and Transportation administration to attract qualified teachers, to provide the most appropriate materials in order to create a favourable linguistic and educational ESP environment. The article points out that the number of hours allocated to English language teaching should be increased and foreign language teaching should go beyond English for general purposes and expand in terms of the professional aspect. The data of the conducted analysis provide researchers with a clear picture of the current state of English language teaching at the Institute of Mining and Transportation of Nosov Magnitogorsk State Technical University; they also allow analysing students' needs, determining their attitude towards English language courses, and identifying problematic issues faced by students when studying books and articles on industrial and engineering sciences in English. This study highlights the importance of collaboration between foreign language teachers and subject matter experts, as in practice interdisciplinary collaboration between language and engineering departments is not popular. This study is based on a case-method scheme in which the target situation, the current situation, the learner factor and the learning content were analysed. This analysis was conducted in order to help higher education teachers develop a working programme of discipline for the successful implementation of an ESP course in a technical higher education institution.

Keywords: English for Specific Purposes, engineering students, communication needs, current situation, target situation, language skills, technological machinery and equipment

***For citation*:** Dyorina, N.V., Velikanov, V.S., Grishin, I.A., Moreva, Yu.A. & Khamidulina, D.D. (2023) English for Specific Purposes as a tool for developing a culture of professional development for masters in the field of process machinery and equipment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 194–202. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/21

Введение

В современном мире процесс глобализации укрепил статус английского языка как глобального, с помощью которого осуществляется мировая торговля, бизнес, международное право, образование, новые телекоммуникационные и цифровые технологии. Для обеспечения полной интеграции в современный мир производства в ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова» («МГТУ им. Г.И. Носова») внедрено преподавание английского языка в учебный процесс, включая английский для особых целей (ESP) с его подразделами: английский для науки и техники (EST), английский для бизнеса и экономики (EBE) и т.д. Институт горного дела и транспорта МГТУ им. Г.И. Носова, как и все другие факультеты российских университетов, интегрировал современные образовательные технологии в процесс преподавания английского языка. Кафедра иностранных языков по техническим направлениям проводит занятия по английскому языку в рамках учебного плана с целью подготовки студентов к жизни и профессиональной деятельности в качестве конкурентоспособных граждан [1]. Однако существующий курс английского языка в рамках дисциплины «Деловой иностранный язык» не отвечает требованиям к уровню подготовленности будущего инженера, предъявляемым, как правило, потенциальными работодателями. Преподаватели используют традиционный способ преподавания, основанный на предоставлении студентам некоторых грамматических блоков, формировании лексических единиц и словарного запаса посредством перевода текстов, исключая коммуникативную функцию английского языка. Более того, преподаватели иностранного языка используют самостоятельно разработанные материалы, выбирают лекции из адаптированных учебно-методических комплексов для преподавания английского языка. Преподаватели кафедры ИЯ по ТН сталкиваются с такими проблемами, как низкий уровень владения языком, коммуникация на иностранном языке, отсутствие мотивации и возможности использовать язык в повседневной жизни.

Развитие теории языка привело к возникновению английского языка для специальных целей в конце 1960-х гг. [2; 3. P. 9–15]. Д. Кристал в своей работе объясняет доминирование, силу и влияние английского языка развитием процесса глобализации [4]. ESP относится к области исследований и практики разработки языковых программ для людей, которым нужен язык для удовлетворения предсказуемого диапазона коммуникативных потребностей [5]. Преподавание ESP – это подход, основанный на потребностях, который связывает преподавание и изучение английского языка с достижением студентами определенного уровня знаний и определенной степени мастерства в общении в процессе выполнения любой академической или профессиональной задачи [6].

Другими словами, набор навыков, которые требуются студентам, изучающим ESP в их учебе или профессиональной карьере [7], формируется в процессе преподавания ESP. Что касается изучения производства и инженерии, то содержание и процедуры курса ESP связаны с мотивацией студентов к изучению иностранного языка в специальных целях [9].

Дисциплина ESP фокусируется на английском для специальных целей и выборе коммуникативных ситуаций, которые подходят для научной и технологической областей [9]. В частности, студенты должны уметь распознавать, использовать и оценивать материалы, связанные с наукой и техникой [10].

В сфере образования в целом и в преподавании ESP в частности все большее значение придается исследованию потребностей обучающихся как предпосылке для эффективного построения курса [11].

В рамках нашего исследования предпринята попытка выявить и проанализировать потребности сту-

дентов в ESP. Потребности выявляются в процессе анализа потребностей (АП) или оценки потребностей, которые учеными определяется по-разному. N. Messaoudi утверждает, что АП относится к деятельности, связанной со сбором информации, удовлетворяющей запросам определенной группы учащихся в обучении ESP [8]. По этой причине процесс анализа потребностей играет важную роль в преподавании ESP. В работе Т. Хатчинсон и А. Уотерс [3] доказано, что разработка любого языкового курса основывается на анализе потребностей, посредством которого преподаватель собирает и обобщает соответствующие данные о причинах, по которым студенты изучают английский язык.

Цель исследования заключается не только в анализе ситуации преподавания и изучении ESP в Институте горного дела и транспорта МГТУ им. Г.И. Носова, а также в выявлении уровня языковых навыков студентов, но и в доказательстве необходимости изучения ESP студентами технических направлений высшей школы. Для достижения данной цели необходимо решить ряд соответствующих задач: знать потребности студентов в изучении английского языка для специальных целей, выявить проблемные моменты в процессе изучения студентами аутентичных инженерных текстов, доказать важность сотрудничества преподавателей иностранного языка и преподавателей-предметников, проанализировать целевую и текущую ситуации, применяя схему кейс-метода, разработать рабочую программу ESP для будущих инженеров.

Проведенный анализ научных источников [12–15] показал, что за последние годы данная проблема исследовалась и с точки зрения подходов, методов преподавания дисциплины «Английский язык для специальных целей» и в ракурсе анализа несоответствия уровня базовых знаний студентов по иностранному языку и требований к обучению специализированному иностранному языку, а также с позиции ESP как дисциплины, позволяющей учащимся не только развивать языковые компетенции и профессиональную компетентность, но и обеспечить саморазвитие будущего специалиста в течение всей жизни, приобретая новые инженерные знания.

Материалы и методы

В мировой практике используются различные подходы для проведения анализа потребностей. Анализ текущей ситуации (АТС) проводится, чтобы определить уровень владения языком на начальном этапе изучения языкового курса, выявить сильные и слабые стороны студентов [16]. Хатчинсон и Уотерс [3] называют их недостатками, препятствующими изучению языка. Анализ целевой ситуации (АЦС) предлагается в качестве следующего этапа. По мнению T. Dudley-Evans, St. John [17], АЦС относится к заданиям и деятельности, в которых учащиеся будут использовать английский язык в целевой ситуации. АЦС нацелен на определение необходимого уровня и измерения, насколько адекватен уровень владения английским языком для той или иной профессиональной или учебной ситуации [18].

Постепенно сфера применения АП расширяется и включает в себя оценку ожиданий учащихся, причин посещения курса, отношения к английскому языку, предпочитаемых способов обучения, стилей и стратегий, а также их восприятия потребностей и желания изучать курс ESP. Следовательно, это и определяет этап анализа учебной ситуации.

Таким образом, для того чтобы преодолеть разрыв между начальной точкой, т.е. АТС, и конечной точкой, АЦС, необходимо обозначить потребности в обучении как игнорируемую область в ESP, чтобы определить содержание курса в ответ на психологические и когнитивные потребности, т.е. мотивационные, рекреационные, эмоциональные и социологические потребности, которые включают роль преподавателя, предметную валентность, социальную реакцию и методологические потребности, т.е. преподавание в классе, методы, навыки и стратегии.

Данный этап известен как анализ учебной ситуации и позволяет ориентировать ESP на студента.

Что касается данной исследовательской работы, то авторы выбирают интегрированный подход Х. Бастуркмен и А.В. Капцова [19, 20] применительно к анализу потребностей. Анализ целевой ситуации позволяет ориентировать обучение на умения студентов, сформированных в результате изучения курса английского языка в специальных целях; анализ текущей ситуации дает представление о непосредственных и текущих потребностях студентов, мотивации учащихся, стилях и стратегиях обучения, а также о причинах, побудивших их изучать английский язык [8].

Чтобы получить ценную информацию о ситуации с ESP и потребностях студентов в Институте горного дела и транспорта МГТУ, авторами работы обрабатывались данные из нескольких источников: мнения студентов магистратуры Института горного дела и транспорта, мнения преподавателей английского языка, ответы преподавателей-предметников выпускающих кафедр.

В данном исследовании в качестве основного был выбран метод изучения конкретных случаев, который фокусируется на понимании динамики, присутствующей в управленческой ситуации [21, 22] и с помощью которого были собраны подробные данные для описания и анализа ситуации с ESP в Институте горного дела и транспорта МГТУ, потребностей студентов и отношения к курсу ESP заинтересованных сторон.

Анкета для студентов была разработана с целью изучения потребностей в английском языке для специальных целей у студентов магистратуры Института горного дела и транспорта МГТУ им. Г.И. Носова. Данный опросник был представлен в первом семестре 2020/21 учебного года 180 студентам, но заполнили анкету всего 109 студентов.

Анкета была переведена на русский язык, чтобы избежать любого непонимания вопросов и для того, чтобы респонденты могли ответить на них как можно точнее. Другая анкета была предложена восьми пре-

подавателям английского языка. Результаты анкетирования позволили сформировать общее представление о преподавании английского языка в Институте горного дела и транспорта.

Авторы исследования использовали интервьюирование специалистов-предметников на русском языке.

Интервью № 1 было ориентировано на проверку взглядов и отношенин специалистов-предметников к преподаванию английского языка в Институте горного дела и транспорта. Интервью № 2 позволило прояснить цель данного курса в том же институте.

Хотя анкета была представлена 180 студентам, только 109 из них заполнили и вернули ее. Результаты позволили исследователям выявить и проанализировать потребности студентов, сделать четкие выводы о целевой ситуации.

Проведенный анализ целевой ситуации продемонстрировал:

1. Важность изучения английского языка. 98% анкетируемых подтвердили важность английского языка как языка развития и технологий, а четыре студента отрицали его полезность в учебе.

2. Причины изучения английского языка. Большинство информантов продемонстрировали хорошую осведомленность о статусе английского языка как глобального. Они признали английский языком науки, технологий, международного общения, экономики и политики. Студенты также подтвердили, что им нужен английский язык для того, чтобы читать книги и статьи на английском языке по специальности. Кроме этого, студенты также используют его для общения в Интернете и с носителями языка. Другими причинами являются проведение научных исследований и главным образом поиск работы в международных компаниях или за рубежом, поскольку наличие определенного уровня владения английским языком считается одним из важнейших требований при приеме на работу. Анкетируемые, как правило, изучали английский язык для подготовки к прохождению международных тестов и экзаменов (TOEFL, IELTS).

Результаты

Что касается анализа текущей ситуации, наибольшее количество студентов оценили свой уровень владения языком как средний в разговорной речи (43,16%), грамматике (35,66%) и произношении (28,16%), как хороший уровень знания лексики (69,5%) и очень хороший – в чтении (39,83%). Они считают свои достижения слабыми в письме (28,83%) и очень слабыми в аудировании и коммуникации – 27 и 29,5% соответственно.

На рис. 1 представлен уровень владения студентами различными навыками.

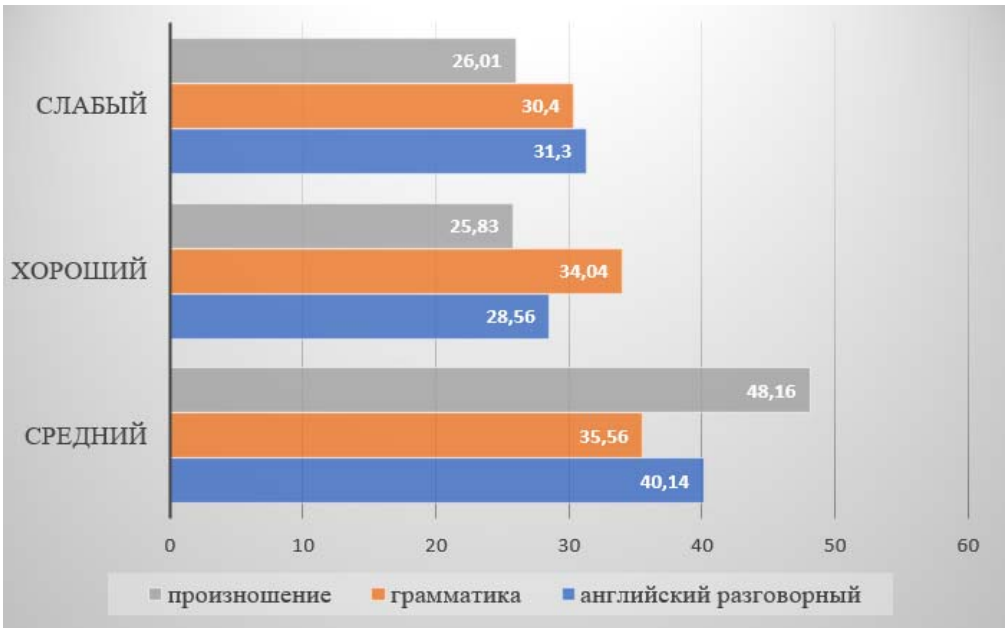


Рис. 1. Уровень владения студентами различными навыками (произношение, грамматика, разговорный) английского языка, %

Что касается навыков чтения, результаты показали, что наиболее важными для студенческой аудитории является чтение конспектов и технических руководств (71,33%). Написание лабораторных отчетов воспринимается как очень важный (74%) вид работ, написание заданий – как важный (24,83%). Что касается навыков аудирования и говорения, то прослушивание устных презентаций (47,33%) и представление устных презентаций (57,33%) признаны очень важными, как и прослушивание инструкций к заданиям (34,83%) и участие в дискуссиях (44%).

Как показано на рис. 2, почти все студенты (79,4%) подтвердили начальный уровень владения иностранным языком, так как они прекратили изучение английского языка в вузе, у 15,4% студентов средний уровень, и только 5,2% студентов считают себя сведующими в данном вопросе.

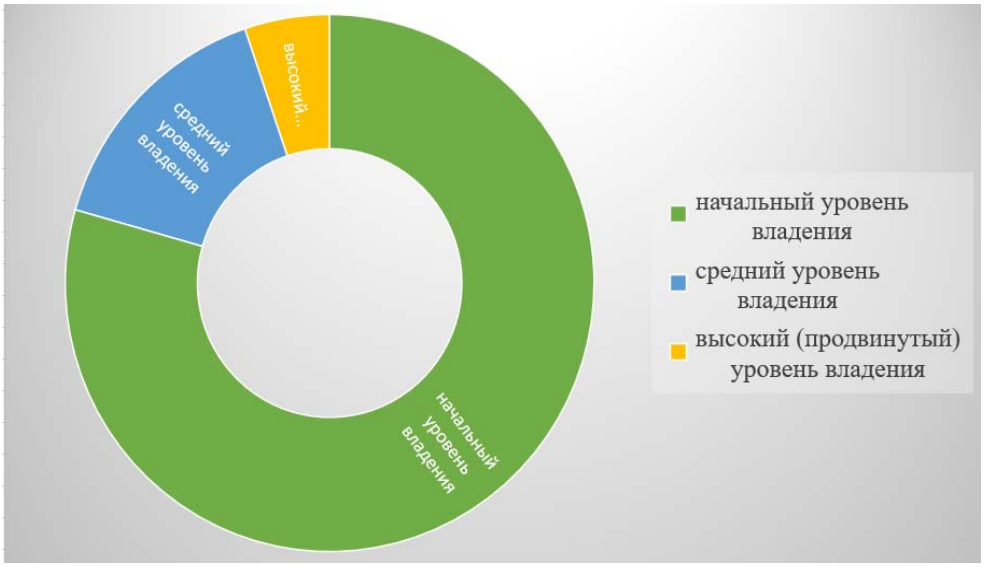


Рис. 2. Уровень владения студентами английским языком

Респонденты подтвердили важность эффективного общения в реальных ситуациях, совершенствования своих навыков говорения и восприятия на слух, а не чтения и письма, которые считаются студентами неважными. Магистры подтвердили необходимость улучшения навыков говорения на английском языке на инженерные и производственные темы. 84,5% студентам необходимо овладеть навыками письма на английском языке на инженерные и производственные темы и сдать экзамен по английскому языку. 89,6% опрашиваемым приходится читать аутентичные книги и статьи в инженерной области.

Что касается аспектов английского языка, которые нуждаются в дополнительном изучении, большинство информантов отдали предпочтение технической лексике в ущерб грамматике и разговорным навыкам соответственно. Анкетируемые предпочли бы пройти курс английского языка, который включал в себя как английский для академических целей (сферы научных исследований и учебы), так и английский для профессиональных целей (сфера работы).

Результаты анкетирования преподавателей английского языка позволили проанализировать педагогическую ситуацию. Что касается процесса обучения английскому языку, большинство респондентов заявили, что они не придерживаются точного метода в преподавании английского языка, а комбинируют метод перевода грамматических конструкций, коммуникативный метод и метод перевода текста, преподавание языка и аудиолингвальный метод в зависимости от типа задания. Педагоги применяют на занятиях различные виды деятельности, такие как грамматические упражнения, чтение текста вслух и т.д. Специалисты пользуются самостоятельно разработанными материалами, а также учебниками, относящимися как к научной области, так и к английскому языку для общих целей.

Информанты чаще всего преподают общий английский и английский для производства и машиностроения. Педагоги, как правило, концентрируются на общих грамматических понятиях и лексических элементах, связанных с научной областью, не отрицая важности включения лексических единиц, переплетенных в грамматические структуры, связанные с научно-исследовательской деятельностью, в рамках курса английского языка.

Преподаватели считают четыре языковых навыка ведущими в овладении иностранным языком. На практике педагоги ставят на первое место письмо и чтение, затем говорение и аудирование.

Подавляющее большинство преподавателей согласились с тем, что в курсе английского языка необходимо использовать перевод лексических единиц с английского языка на русский и наоборот, хотя они продемонстрировали высокую степень осведомленности о том, что перевод не может быть полезным для создания целевой ситуации.

Анализ учебных ситуаций показал, что в начале обучения студенты университета были умеренно мотивированы к изучению иностранного языка, поскольку больше внимания уделяли своей специальности. Об этом свидетельствует значительный процент пропусков занятий, зафиксированный преподавателями. Но после окончания университета мотивация студентов повысилась, так как им приходится сталкиваться с реальными ситуациями, в которых английский язык становится необходимостью в основном при написании отчетов и проведении научных исследований.

Опрошенные преподаватели отметили усилия, предпринятые Институтом горного дела и транспорта либо путем привлечения квалифицированных преподавателей, либо предоставления наиболее подходящих материалов для создания благоприятной среды для преподавания и изучения английского языка. Ин-

тер-вьюируемые отметили, что на преподавание английского языка должно выделяться больше времени, так как двух часов в неделю явно недостаточно и, по их мнению, преподавание не должно быть сосредоточено только на общем английском языке. Респонденты также подчеркивают важность сотрудничества между преподавателями иностранного языка и специалистами-предметниками, поскольку на практике лишь немногие из них встречаются с преподавателями производственных и инженерных дисциплин. Междисциплинарные коллаборации позволяют разрабатывать программу курса ESP в соответствии с образовательной программой специальности [23].

Проведенные интервью со специалистами-предметниками подтвердили значимость преподавания и изучения английского языка для специальных целей в Институте горного дела и транспорта. Анализ целевой ситуации в данном случае показал, что все информанты были осведомлены о статусе английского языка как глобального языка мировой экономики, технологии и науки [24]. Результаты анализа подтверждают, что большое количество документов и конференций в данной области специализации публикуются и проводятся на английском языке. Специалисты-предметники отметили, что они сталкиваются с ситуациями, требующими знаний иностранного языка, таких как чтение текстов и руководств, написание статей, использование Интернета. Кроме того, английский язык необходим для проведения научных исследований и участия в международных конференциях.

Преподаватели перечислили проблемы, с которыми сталкиваются студенты при выполнении письменных работ, чтении книг и статей, переводе материалов, связанных с инженерными и производственными научными областями. Недостаток знаний английского языка является препятствием в профессиональной карьере магистров, они сталкиваются с рядом коммуникативных трудностей при общении и понимании иностранных коллег на производственные и инженерные темы, в процессе проведения совместных экспериментов, публикации научных статей и при участии в международных конференциях.

Что касается роли английского языка в карьере магистра, его знание считается одним из приоритетных навыков на рынке труда. Помимо знаний и опыта в своей области специализации, одним из требований при устройстве на работу является коммуникативная компетентность.

Интервьюируемые отмечают слабую подготовку магистров в иностранном языке, так как получили в университете лишь базовые знания. Необходимо отметить, что преподаватели-предметники убеждены в жизненно важной роли, которую играет английский язык в процессе профессионального становления. Программа курса английского языка должна удовлетворять как текущим потребностям студентов, так и требованиям целевой ситуации.

Обсуждение

Данные проведенного анализа позволили исследователям составить ясную картину текущей ситуации с преподаванием и изучением английского языка в Институте горного дела и транспорта в МГТУ им. Г.И. Носова, проанализировать потребности студентов и определить их отношение к курсу английского языка. Студенты обладают начальным уровнем владения английским языком, так как его изучение было приостановлено на два года, нарушая тем самым непрерывность их обучения. Магистры и преподаватели используют в процессе учебы и работы большое количество книг и статей в области производства и инженерных наук на английском языке [25]. Результаты исследования также показывают, что студенты испытывают затруднения в понимании носителей английского языка. В основном магистры сталкиваются с трудностями в распознавании технической лексики, используемой в производственных и инженерных сферах, в построении устных высказываний. По этим причинам студентам необходимо развивать четыре языковых навыка комплексно, уделяя особое внимание говорению и аудированию.

Что касается анализа целевой ситуации, то преподаватели-предметники отметили необходимость владения английским языком для ее выстраивания, поскольку профессия «технологические машины и оборудование» требует знаний английского языка высокого уровня. Профессия инженера, как правило, требует знаний иностранного языка на уровне не ниже Pre-Intermediate [26]. Фактически английский язык служит для развития карьеры и международных отношений, написания деловой документации и отчетов, расшифровки устройств, правил и инструкций. Достойное владение английским языком позволяет эффективно вести переговоры с профессионалами с точки зрения технологического прогресса [3]. Преподаватели Института горного дела и транспорта заявляют, что в настоящее время профессионалы, владеющие английским языком, более востребованы на рынке труда, так как компании требуют определенного уровня владения английским языком в качестве обязательного требования при приеме на работу [27]. Следовательно, изучение английского языка уже не роскошь, а необходимость. Что касается анализа преподавания и обучения, то результаты, полученные из анкет преподавателей английского языка и магистров, показали, что курс английского языка в Институте горного дела и транспорта в Магнитогорском государственном техническом университете представлен как «Деловой иностранный язык». Время, отведенное на курс, составляет два последовательных часа в неделю на первом курсе, и этого, как предполагалось, было недостаточно для того, чтобы охватить многие темы.

Что касается анализа фактора обучения, данные показали, что студенты в Институте горного дела и транспорта МГТУ мотивированы на изучение английского языка, хотя в самом начале их отношение к этому курсу характеризуется как негативное. Причиной, побуждающей студентов к изучению английского языка, является необходимость в нем

как в учебе, так и в профессиональной деятельности. Другой мотивацией выступает подготовка к международным тестам, таким как IELTS, TOEFL, которые становятся перспективным шагом для получения работы за рубежом и требуют от студентов уровня свободного владения английским языком.

Заключение

Таким образом, результаты потребностей студентов в ESP с помощью привлечения исследовательских инструментов, включая анкеты для магистров и преподавателей английского языка, и интервью, проведенные со специалистами-предметниками данного анализа, подтверждают, что заинтересованные стороны отметили значимость английского языка в сфере производства и машиностроения. Опрошенные участники подтвердили, что существует настоятельная необходимость в прохождении полных курсов ESP, связанных с целевыми дисциплинами. Более того, потребности студентов сопровождаются различными ожиданиями от использования английского языка в академических и профессиональных целях. Практическое применение ESP предполагает чтение книг, написание статей и отчетов, проведение презентаций и сдачу экзаменов, таких как IELTS, TOEFL. Безусловно, магистры отличаются более высокой мотивацией к изучению ESP, поскольку данная дисциплина играет важную роль в их профессиональной карьере, в чтении и написании научных статей [28].

Данные проведенного анализа дают четкую картину состояния преподавания английского языка в Институте горного дела и транспорта МГТУ им. Г.И. Носова, позволяют проанализировать потребности студентов высшей школы и определить их отношение к курсу английского языка, выявить проблемные моменты, с которыми сталкиваются студенты неязыковых вузов при изучении книг и статей по производственным и инженерным наукам на английском языке. В нашем исследовании подчеркивается важность сотрудничества преподавателей иностранных языков и специалистов по предметам, поскольку на практике междисциплинарное сотрудничество языковых и инженерных кафедр непопулярно. Исследование основано на схеме кейс-метода, в ходе которого были проанализированы целевая ситуация, текущая ситуация, фактор обучающегося и содержание обучения. Данный анализ был проведен для того, чтобы помочь преподавателям высшей школы разработать рабочую программу дисциплины для успешного внедрения курса ESP в неязыковых технических вузах.

Список источников

1. Ширинкина Е.В. Трансформация мирового рынка труда в условиях четвертой промышленной революции // Политика и общество. 2021. № 2. С. 8–28.
2. Стрекалова И.В. О значении интереса к изучению иностранных языков в вузе и стимулах его формирования // Вестник Брянского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2014. № 1. С. 140–145.
3. Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes. Cambridge University Press, 2006. 183 p.
4. Кристал Д. Английский язык как глобальный. М. : Весь мир, 2001. 238 с.
5. Swales J. Language for specific purposes // Bright W. (ed.). International encyclopaedia of linguistics. New York, Oxford : Oxford University Press, 1992. 300 p.
6. Sabet M.K., Daneshvar I. The Impact of ESP Materials on Medical Students' Reading Proficiency // English for Specific Purposes World. 2010. № 9 (29). P. 1–12.
7. Alharby M. ESP Target Situation Needs Analysis: the English Language Communicative Needs as Perceived by Health Professionals in the Riyadh Area : Doctoral Thesis. University of Georgia, Georgia. 2005.
8. Messaoudi N., Elachachi H. An Analysis of Algerian Manufacturing and Engineering Master's Students' Needs // Arab World English Journal. 2017. Vol. 8. P. 268–279. doi: 10.24093/awej/vol8no4.18
9. Dorrity T. Using logical problems in ESP // ELT Journal. 1983. № 31 (2). P. 145.
10. Lukashuk O.A., Komissarov A.P., Lagunova Y.A. Developing a digital control system for the main drives of an open-pit excavator as a major field of increasing the efficiency of excavator operation // IOP Materials Science and Engineering. 2020. Vol. 709 (2). Art. № 022117.
11. Long M.H. Second Language Needs Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. doi: 10.1017/CBO9780511667299
12. Федорова М.Л., Крупенкина Ф.А. О некоторых особенностях подхода к преподаванию дисциплины «английский язык для специальных целей» // Молодой ученый. 2020. № 20 (310). С. 518–520.
13. Поскребышева Т.А. Организация эффективного обучения ESP в вузе // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 2. С. 204–208.
14. Иноземцева К.М., Бондалетова Е.Н., Борисова Т.Д. Эволюция ESP как методологии преподавания иностранного языка для профессиональных целей в нелингвистических вузах России // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 2. URL: https://human.snauka.ru/2016/02/13994 (дата обращения: 25.12.2022).
15. Бородина Н.В. Обучение морскому английскому языку в вузе: проблемы и пути решения // Современные социально-гуманитарные исследования: теоретико-методологические и прикладные аспекты : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 30 ноября 2019 г. : в 2 ч. Белгород : Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2019. Ч. II. С. 27–31.
16. Robinson P. ESP today. UK : Prentice Hall International ltd, 1991.
17. Dudley-Evans T. English for specific purposes // Carter R., Nunan D. (eds.). The Cambridge Guide to Teaching English to Speakers of Other Languages. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 136 p.
18. Velikanov V.S., Dyorina N.V., Suslov N.M., Luntsova A.I., Rabina E.I. Automation of design for dynamic loading at the designing stage of mining machinery // Journal of Physics: Conference Series. 2019. № 1399 (3). Art. № 033010.
19. Basturkmen H. Needs Analysis and Syllabus Design for Language for Specific Purposes // Chapelle C.A. (ed.) The Encyclopedia of Applied Linguistics. Blackwell, 2013.
20. Капцов А.В. Методика для диагностики актуальных потребностей личности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2008. № 2. С. 59–70.
21. Eisenhardt K.M. Building theories from case study research // Academy of Management Review. 1989. Vol. 14 (4). P. 532–550.
22. Путилов В.А., Горохов А.В. Системная динамика регионального развития. Мурманск : Пазори, 2002. 306 с.
23. Оринина Л.В., Кашуба И.В., Дёрина Н.В., Рабина Е.И. Современные педагогические подходы в системе инженерного образования // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 6. С. 129–137.

24. Velikanov V.S., Dyorina N.V., Korotkova A.N., Dyorina K.S. The challenges of industry 4.0 and the need for new answers in the mining industry // Известия Уральского государственного горного университета. 2021. № 2 (62). С. 154–166.
25. Dyorina N.V., Velikanov V.S. Research and modeling of loading parameters of excavator-power shovel implement in the development of exploded rocks. Magnitogorsk : NMSTU, 2021. 59 p.
26. Смирнова М.В. Коммуникация в современном глобальном сообществе и проблема англоязычной экспансии // Мир психологии. 2000. № 2. С. 33–38.
27. Хрусталева Н.С. Психология кризисных и экстремальных ситуаций. Психодиагностика и психологическая помощь. СПб. : СПбГУ, 2013. 165 с.
28. Gladysheva M., Somova Y., Ilina E., Kalchenko A., Koldin A., Gasanenko E., Dyorina N., Kashchenko T., Yulina G. Results of experimental work at different stages of continuous education for estimation of the formation of research competences of students // Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems. 2019. Vol. 11, № 9. Special Issue. С. 569–574.

References

1. Shirinkina, E.V. (2021) Transformatsiya mirovogo rynka truda v usloviyakh chetvertoy promyshlennoy revolyutsii [Transformation of the world labor market in the conditions of the fourth industrial revolution]. *Politika i obshchestvo*. 2. pp. 8–28.
2. Strekalova, I.V. (2014) O znachenii interesa k izucheniyu inostrannykh yazykov v vuze i stimulakh ego formirovaniya [On the importance of interest in the study of foreign languages at the university and the incentives for its formation]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. 1. pp. 140–145.
3. Hutchinson, T. & Waters, A. (2006) *English for Specific Purposes.* Cambridge University Press.
4. Crystal, D. (2001) Angliyskiy yazyk kak global'nyy [English as a global language]. Translated from English. Moscow: Ves' mir.
5. Swales, J. (1992) Language for specific purposes. In: Bright, W. (ed.) *International encyclopaedia of linguistics*. New York, Oxford: Oxford University Press.
6. Sabet, M.K. & Daneshvar, I. (2010) The Impact of ESP Materials on Medical Students' Reading Proficiency. *English for Specific Purposes World.* 9 (29). pp. 1–12.
7. Alharby, M. (2005) *ESP Target Situation Needs Analysis: the English Language Communicative Needs as Perceived by Health Professionals in the Riyadh Area*: Doctoral Thesis. University of Georgia, Georgia.
8. Messaoudi, N. & Elachachi, H. (2017) An Analysis of Algerian Manufacturing and Engineering Master's Students' Needs. *Arab World English Journal.* 8. pp. 268–279. doi: 10.24093/awej/vol8no4.18
9. Dorrity, T. (1983) Using logical problems in ESP. *ELT Journal.* 31 (2).
10. Lukashuk, O.A., Komissarov, A.P. & Lagunova, Y.A. (2020) Developing a digital control system for the main drives of an open-pit excavator as a major field of increasing the efficiency of excavator operation. *IOP Materials Science and Engineering.* 709 (2). Art. 022117.
11. Long, M.H. (2005) *Second Language Needs Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511667299
12. Fedorova, M.L. & Krupenkina, F.A. (2020) O nekotorykh osobennostyakh podkhoda k prepodavaniyu distsipliny "angliyskiy yazyk dlya spetsial'nykh tseley" [On some features of the approach to teaching the discipline "English for Special Purposes"]. *Molodoy uchenyy*. 20 (310). pp. 518–520.
13. Poskrebysheva, T.A. (2021) Organizatsiya effektivnogo obucheniya ESP v vuze [Organization of effective ESP training at the university]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 2. pp. 204–208.
14. Inozemtseva, K.M., Bondaletova, E.N. & Borisova, T.D. (2016) Evolyutsiya ESP kak metodologii prepodavaniya inostrannogo yazyka dlya professional'nykh tseley v nelingvisticheskikh vuzakh Rossii [The evolution of ESP as a methodology for teaching a foreign language for professional purposes in non-linguistic universities in Russia]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya.* 2. [Online] Available from: https://human.snauka.ru/2016/02/13994 (Accessed: 25.12.2022).
15. Borodina, N.V. (2019) Obuchenie morskomu angliyskomu yazyku v vuze: problemy i puti resheniya [Teaching maritime English at the university: problems and solutions]. *Sovremennye sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty* [Modern social and humanitarian research: theoretical, methodological and applied aspects]. Proceedings of the International Canference: in 2 parts. Part 2. Belgorod: Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovaniy (APNI). pp. 27–31. (In Russian).
16. Robinson, P. (1991) *ESP today*. UK: Prentice Hall International ltd.
17. Dudley-Evans, T. (2001) English for specific purposes. In: Carter, R. & Nunan, D. (eds) *The Cambridge Guide to Teaching English to Speakers of Other Languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Velikanov, V.S. et al. (2019) Automation of design for dynamic loading at the designing stage of mining machinery. *Journal of Physics: Conference Series*. 1399 (3). Art. 033010.
19. Basturkmen, H. (2013) Needs Analysis and Syllabus Design for Language for Specific Purposes. In: Chapelle, C.A. (ed.) *The Encyclopedia of Applied Linguistics*. Blackwell.
20. Kaptsov, A.V. (2008) Metodika dlya diagnostiki aktual'nykh potrebnostey lichnosti [Methods for diagnosing the actual needs of the individual]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Psikhologiya.* 2. pp. 59–70.
21. Eisenhardt, K.M. (1989) Building theories from case study research. *Academy of Management Review.* 14 (4). pp. 532–550.
22. Putilov, V.A. & Gorokhov, A.V. (2002) *Sistemnaya dinamika regional'nogo razvitiya* [System dynamics of regional development]. Murmansk: Pazori.
23. Orinina, L.V., Kashuba, I.V., Derina, N.V. & Rabina, E.I. (2019) Sovremennye pedagogicheskie podkhody v sisteme inzhenernogo obrazovaniya [Modern pedagogical approaches in the system of engineering education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 28 (6). pp. 129–137.
24. Velikanov, V.S. et al. (2021) The challenges of industry 4.0 and the need for new answers in the mining industry. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta*. 2 (62). pp. 154–166.
25. Dyorina, N.V. & Velikanov, V.S. (2021) *Research and modeling of loading parameters of excavator-power shovel implement in the development of exploded rocks*. Magnitogorsk: NMSTU.
26. Smirnova, M.V. (2000) Kommunikatsiya v sovremennom global'nom soobshchestve i problema angloyazychnoy ekspansii [Communication in the modern global community and the problem of English-language expansion]. *Mir psikhologii.* 2. pp. 33–38.
27. Khrustaleva, N.S. (2013) *Psikhologiya krizisnykh i ekstremal'nykh situatsiy. Psikhodiagnostika i psikhologicheskaya pomoshch'* [Psychology of crisis and extreme situations. Psychodiagnostics and psychological assistance]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
28. Gladysheva, M. et al. (2019) Results of experimental work at different stages of continuous education for estimation of the formation of research competences of students. *Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*. 11 (9). Special Issue. pp. 569–574.

Информация об авторах:
Дёрина Н.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: nataljapidckaluck@yandex.ru
Великанов В.С. – д-р техн. наук, профессор кафедры автоматики и компьютерных технологий Уральского государственного горного университета (Екатеринбург, Россия); профессор кафедры подъемно-транспортных машин и роботов Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: rizhik_00@mail.ru
Гришин И.А. – канд. техн. наук, зав. кафедрой геологии, маркшейдерского дела и обогащения полезных ископаемых Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: igorgri@mail.ru
Морева Ю.А. – канд. техн. наук, доцент кафедры урбанистики и инженерных систем Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: y.a.moreva@yandex.ru
Хамидулина Д.Д. – канд. техн. наук, доцент кафедры урбанистики и инженерных систем Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: loza_mgn@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
N.V. Dyorina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: nataljapidckaluck@yandex.ru
V.S. Velikanov, Dr. Sci. (Engineering), professor, Ural State Mining University (Yekaterinburg, Russian Federation); professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: rizhik_00@mail.ru
I.A. Grishin, Cand, Sci. (Engineering), head of the Department of Geology, Mine Surveying and Mineral Processing, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: igorgri@mail.ru
Yu.A. Moreva, Cand. Sci. (Engineering), associate professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: y.a.moreva@yandex.ru
D.D. Khamidulina, Cand. Sci. (Engineering), associate professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: loza_mgn@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022;
одобрена после рецензирования 27.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 09.03.2022;
approved after reviewing 27.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 378.147
doi: 10.17223/15617793/486/22

Педагогические приемы в практико-ориентированном обучении студентов специальности «Экономическая безопасность»

Наталья Владимировна Зылёва [1]

[1] *Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, n.v.zylyova@utmn.ru*

Аннотация. Выявлена необходимость использования особых педагогических приемов в практико-ориентированном обучении для формирования у студентов профессиональных компетенций. На примере дисциплины «Бухгалтерский учет» обосновано применение следующих педагогических приемов: «Докажите значимость», «От обратного», «Запланированная ошибка», «Законно ли», и сделан вывод, что применение данных педагогических приемов в разных дисциплинах позволяет оптимизировать практическую подготовку обучающегося.

Ключевые слова: практическая подготовка, практико-ориентированное обучение, педагогические приемы, экономическая безопасность, бухгалтерский учет

Для цитирования: Зылёва Н.В. Педагогические приемы в практико-ориентированном обучении студентов специальности «Экономическая безопасность» // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 203–211. doi: 10.17223/15617793/486/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/22

Pedagogical techniques in practice-oriented teaching of students of the Economic Security specialty

Natalya V. Zyleva [1]

[1] *University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, n.v.zylyova@utmn.ru*

Abstract. Education in a higher educational institution involves the formation of a student's professional competencies, including through practical training. But since it is legally allowed to conduct practical training not only in organizations operating in the field of education, but also directly in an educational institution, the student's opportunity to be a trainee and gain professional experience in a specialized organization is reduced. In such conditions, according to the author, practice-oriented training during the period of mastering the basic disciplines and special pedagogical techniques come to the fore in practical training. The aim of the study is to select pedagogical techniques for the preparation and conduct of classes aimed at the practical training of students, at the development of their practical skills and professional competencies. The research methods are theoretical analysis of literature on didactics, a diagnostic method (questionnaire "Is my education practice-oriented?" for 3rd-year students of the Economic Security specialty). The author proposes pedagogical techniques that contribute to the implementation of students' practical training in academic disciplines and presents examples of the preparation of lectures and practical classes in the Accounting discipline to demonstrate the practical application of theoretical knowledge in the professional activities of a specialist in economic security. Analyzing aspects of teaching accounting that can contribute to the formation of professional competencies of specialists in economic security, the author substantiates the use of the following pedagogical techniques in preparation for practice-oriented training sessions – "Prove the significance", "From the reverse", "Planned error", "Is it legal". The presented proposals for the use of pedagogical techniques in the preparation of lecture material and material for practical classes are aimed at increasing students' interest in studying the discipline through the argumentation of the need for knowledge to perform the labor functions of a future specialist, thereby achieving the goal of students' practical training. The materials presented in the article can be used by teachers of higher educational institutions in practical activities in preparation for classes in the disciplines of the curriculum of the Economic Security specialty.

Keywords: practical training, practice-oriented training, pedagogical techniques, economic security, accounting

***For citation*:** Zyleva, N.V. (2023) Pedagogical techniques in practice-oriented teaching of students of the Economic Security specialty. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 203–211. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/22

© Зылёва Н.В., 2023

Специальность «Экономическая безопасность» на протяжении уже десяти лет привлекает внимание абитуриентов своей относительной новизной, перспективностью, востребованностью, универсальностью, прикладным характером. Однако для преподавателей профильных дисциплин «новизна» специальности нередко является сложностью в подготовке к занятиям, ведь нужно и самому быть уверенным, и студентам доказать, что полученные теоретические знания пригодятся в будущей профессиональной деятельности.

Освоить «прикладной характер» будущей профессии часто позволяют часы блока «Практика» учебной программы, однако в последнее время все труднее направить обучающихся на практику в профильные организации. Дело в том, что действующий приказ двух министерств – Министерства образования и науки РФ и Министерства просвещения РФ № 885/390 от 05 августа 2020 г. «О практической подготовке обучающихся» (далее – приказ № 885/390) – позволяет образовательной организации распределить обучающегося на практику только в ту профильную организацию, с которой заключен договор о практической подготовке. Утвержденная приказом примерная (но часто используемая как обязательная) форма договора в п. 2.2.2. обязывает профильные организации назначить ответственное лицо, соответствующее требованиям трудового законодательства РФ о допуске к педагогической деятельности из числа работников профильной организации. Фраза «ответственное лицо, соответствующее требованиям… о допуске к педагогической деятельности» воспринимается некоторыми сотрудниками как «лицо с педагогическим образованием», что останавливает их от подписания договора ввиду отсутствия таких сотрудников. При этом, согласно ст. 331 ТК РФ, речь идет о требовании не допускать к педагогической деятельности лиц, имеющих или имевших «судимость, подвергавшиеся уголовному преследованию… за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности…», а также имеющих «заболевания, предусмотренные перечнем, утверждаемым федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области здравоохранения». Но даже после разъяснения содержания п. 2.2.2 договора нежелание подтверждать соответствие ответственных за практикантов лиц справками о несудимости и здоровье приводит к тому, что все меньше профильных организаций заключают долгосрочные договоры о практической подготовке обучающихся.

Приказ 885/390 предоставляет право образовательной организации осуществлять практическую подготовку обучающихся непосредственно по месту их обучения и в различных формах (учебные предметы, курсы, дисциплины, практики). Нельзя не отметить, что ситуация с непредвиденными последствиями пандемии COVID-19 (самоизоляция и перевод сотрудников на удаленную работу), не позволившая студентам пройти полноценную практическую подготовку по месту будущей трудовой деятельности, оправдали предложенный приказом «университетский» вариант практической подготовки обучающихся. Организовать «университетскую» практическую подготовку легче, чем «производственную» (не нужно заключать договоры о практической подготовке, контролировать реальность присутствия практиканта по месту практики в профильной организации, собирать подписи ответственного от профильной организации на сопроводительной документации к отчету по практике и т.п.), что и объясняет ее более частое использование. В создавшихся условиях образовательной деятельности реализация практической подготовки достигается в большей степени через основные, профильные дисциплины, а значит, необходимо так их преподавать, чтобы студент понимал, что полученные им знания и умения практико-ориентированы.

Развивать профессиональную мотивацию в процессе обучения призывал доктор педагогических наук, профессор Вербицкий Андрей Александрович, с которым согласны многие работники высшего образования, переходя к практико-ориентированному преподаванию дисциплин. Последовательное моделирование в формах учебной деятельности студента предметного и социального содержания его будущей профессиональной деятельности суть теории контекстного обучения А.А. Вербицкого, а источники ее содержания – научная информация и функционал профессиональной деятельности специалиста, представленные в ее модели в виде основных должностных функций, проблемных ситуаций и управленческих задач [1. С. 59].

Однако, на наш взгляд, положительный эффект от использования практико-ориентированного обучения достигнут не будет, если студент не соотнесет знания и умения, полученные во время обучения по дисциплине, с необходимыми профессиональными знаниями и умениями. Для получения эмпирических данных был составлен опросный лист для сбора информации о восприятии студентами их обучения как практико-ориентированного. Анализ показал, что большинство студентов не воспринимали информацию части дисциплин как практико-ориентированную, поскольку преподаватели не сделали на этом акцент, а сами учащиеся не знакомы с трудовыми функциями по своей будущей профессии. Необходимость исправить ситуацию и побудила желание разработать педагогические приемы, направленные на организацию практико-ориентированного обучения.

Педагогический прием, который является не только единицей технической подачи конкретного знания, умения, навыка, но и творческим инструментом преподавателя, позволяет добиться желаемой цели от преподавания. Правильно подобранные педагогические приемы, ориентированные на конкретные результаты, помогают обучающимся вовлечься в образовательный процесс, достичь требуемого уровня усвоения знаний, получить конкретные профессиональные навыки, сформировать нужные компетенции.

Изучению сущности категории «педагогический прием» и вопросам применения педагогических приемов в высшем образовании автор уделил внимание в своих исследованиях [2, 3] и придерживается мнения, что педагогический прием – это то, что «педагогом осмыслено и выстроено в контексте педагогической деятельности и что обеспечивает завершенность какого-либо замысла в учебном процессе». По нашему мнению, сущность педагогического приема удобнее воспринимать, если прием имеет условное название, как, например, называл педагогические приемы отечественный ученый А.А. Гин – «Своя опора», «Задание на стол», «Советуйтесь!» и т.д. [4]. Педагогические приемы – «правила» с говорящими названиями – представлены и в учебнике английских ученых Дуга Лемова, Эрики Вулвей и Кейти Ецци «От знаний к навыкам. Универсальные правила эффективной тренировки любых умений», где авторы говорят о практической подготовке как о комплексе упражнений, тренировок и репетиций, а также как о возможности открыть себя в том, к чему мы стремимся с помощью продуманного повторения этих упражнений, тренировок и репетиций [5]. Ученые, являясь высококлассными педагогами, делятся секретами профессионального развития учителей и тренеров, но их принципы и механизмы практической подготовки могут являться примерами для большого круга специалистов. Так, в практико-ориентированном обучении могут быть применимы, на наш взгляд, несколько предложенных педагогических приемов – «правил»: «Настаивайте на выполнении», «Только так, а не иначе», «Сделайте обратную связь обычным явлением», «Опишите решение, а не проблему», «Повышайте взаимную ответственность», «Стандартизируйте ошибки» [5].

В открытых источниках иностранной научной литературы ближайшими по тематике явились статьи о проблемно-ориентированном обучении студентов-экономистов. Так, ученый А.С. Путех Салин связывает понимание реальной деятельности бизнеса у студентов-экономистов с использованием в процессе обучения методов проблемного обучения («Problem based learning») и обучения на основе результатов [6]. Эффективность указанных выше методов обучения косвенно подтверждает исследование ученых Л. Береньи и Н. Дойч, в котором приведены результаты опроса студентов-бизнесменов, предпочитающих методы обучения, основанные на их активном участии в классной работе [7]. Практическая значимость использования такого активного метода обучения студентов-экономистов, как разработка бизнес-плана в развитии предпринимательских компетенций, представлена в исследовании Р. Феррерас-Гарсия, А.Б. Эрнандес-Лара, Э. Серраделл-Лопес [8]. Практическую сторону образования затрагивает в своей статье Н. Акбулаев с соавторами, предлагая структурировать учебные планы экономической направленности (на примере бухгалтерского образования) в соответствии с запросами работодателей (делового мира) [9], однако в статье не раскрывается, каким образом достигается практическое соответствие между остаточными знаниями студентов-выпускников и запросами работодателей.

Отечественные научные статьи о практико-ориентированном обучении высшего образования в основном затрагивают методику преподавания без конкретизации педагогических приемов. Так, ученые сходятся во мнении, что обучение должно быть динамичным, являться источником знаний, быть способом самостоятельного получения, осмысления и освоения знаний, активного, сознательного овладения опытом [10. С. 126], что важную роль в достижении достаточного квалификационного уровня играют активные методы обучения, деловые игры, коллективная мыслительная деятельность [11. С. 140–141], что в первую очередь необходимо развивать учебную мотивацию через повышение интереса к содержанию обучения, побуждение к самостоятельной поисковой деятельности и желание решать проблемные вопросы [12. С. 88], что невозможно практическое образование без использования программного обеспечения и информационных технологий. Ученые М.Г. Побегайло и А.В. Герасимова видят практическую значимость теоретического образования будущего специалиста в «формировании и развитии его целостной индивидуальности, в развитии всех психических сфер студента – интеллектуальной, мотивационной, эмоциональной» [13. С. 106] через соответствующие дисциплины учебного плана, реализуя тем самым компетентностный подход. Однако, на наш взгляд, акцентирование внимания на педагогическом приеме, позволяющем достичь цели практической подготовки во время теоретических занятий, поможет быстрее перейти к практико-ориентированному обучению.

Проблема внедрения практико-ориентированного обучения студентов-экономистов затронута в статье И.В. Усольцевой, где автором выделены две основные проблемы – «стереотип мышления преподавательского состава, не желающего внедрять новые методики, и отсутствие долгосрочных связей с профильными организациями» [14. С. 147]. Поддерживая И.В. Усольцеву, отметим, что по специальности «Экономическая безопасность» вопрос отсутствия долгосрочных связей с профильными организациями еще более актуален. Непонимание трудового функционала специалиста по экономической безопасности заставляет многих «ответственных» за решение о предоставлении мест практики отказывать в приеме обучающегося по договору о практической подготовке. В подобных условиях практическая подготовка даже в виде блока «Практика» организуется в образовательном учреждении, что не противоречит п. 3 приказа № 885/390, но ограничивает студентов в получении практического опыта и наглядного применения теоретических знаний и умений в реальных условиях профессиональной деятельности. При невозможности в настоящее время повлиять на решение проблемы «практико-устройства» считаем необходимым развивать «уни-

верситетскую» практическую подготовку путем проведения практико-ориентированных занятий.

Все вышесказанное обусловило цель исследования – подобрать педагогические приемы, позволяющие организовать практико-ориентированное обучение, направленное на формирование, закрепление и развитие практических навыков и компетенций будущего специалиста. Достичь поставленной цели, на наш взгляд, позволят: анализ литературы, посвященной вопросам дидактики высшей школы; качественный и количественный анализ данных опросного листа, изучение причин невосприятия студентами материала профильных дисциплин как практико-ориентированного; выделение достоинств использования некоторых дидактических педагогических приемов при организации практико-ориентированного обучения студентов.

Практико-ориентированное обучение требует особого подхода к подготовке теоретического и практического материала для развития профессиональных умений и навыков в процессе изучения учебных дисциплин. При этом, в первую очередь то, к чему должно побуждать практико-ориентированное обучение, – мотивация и потребность в развитии. Педагогический прием, который, на наш взгляд, будет полезен в данном случае, можно условно назвать «Докажите значимость». На первой встрече преподаватель должен доказать значимость дисциплины, ссылаясь на нормативный акт или авторитетное мнение ученых. Так, правовым доказательством значимости материала дисциплины может стать ссылка на пункт образовательного стандарта, где дисциплина указана как обязательная, без которой невозможно формирование необходимых общепрофессиональных компетенций. На лекциях в практико-ориентированном обучении применение приема «Докажите значимость», на наш взгляд, позволит удерживать внимание студентов, несмотря на, возможно, значительный объем теоретической информации. Найти научные статьи, подтверждающие значимость того или иного аспекта лекции, в настоящее время легко позволяют электронные научные библиотеки с их обширной базой данных.

Значимость знаний теоретического материала в практической деятельности будущего специалиста может быть оценена студентом при помощи педагогического приема, названного нами «От обратного». Преподаватель по теме лекционного материала, которая еще не изучена, предлагает ситуацию будущей профессиональной деятельности, для решения которой специалисту необходимо получить информацию из открытых источников или из определенного документа условного хозяйствующего субъекта. Осознание того, что в практической деятельности возможна подобная ситуация и придется обращаться к тем или иным документам или другим источникам информации, заставит студента более серьезно отнестись к изучению теоретического материла для того, чтобы понимать принцип поиска нужной информации. Хотелось бы предостеречь преподавателей от использования сложной или нестандартной ситуации, найти правильный ответ по которой студенту будет очень трудно, ведь это приведет к снижению мотивации поиска решения в будущем. Нужно продумать такую ситуацию, в которой учащийся сможет использовать свой социальный опыт, и тогда все предложения, даже «своими словами», должны положительно оцениваться преподавателем, чтобы стимулировать желание обучающегося предлагать варианты. Считаем, что педагогический прием «От обратного» способствует также положительной устойчивости мотивации учебной деятельности, о которой в своей статье говорят С.С. Мойсеенко с соавторами, так как в ходе дискуссии используются «проблемные вопросы, которые требуют сравнения, сопоставления, объяснения разнородной информации и соответственно – более глубокого понимания материала и интереса к нему» [12. С. 88].

Контрольная функция так или иначе встречается в профессиональной деятельности многих специалистов. Смоделировать в учебном процессе навыки владения данной функцией можно, используя педагогический прием «Запланированная ошибка». Сущность приема заключается в поиске ошибочных (неправильных) сведений в учебном материале, предложенном педагогом (студенты заранее предупреждены об имеющихся ошибках). Ситуация поиска ошибки создает дидактические условия, вынуждающие учащегося к активности: надо не просто воспринимать информацию, чтобы запомнить или решить, а воспринимать, чтобы проанализировать и оценить. Большую роль играет и личностный фактор: интересно найти у преподавателя ошибку и одновременно проверить себя. В процессе подготовки заданий с «запланированной ошибкой» необходимо помнить об убедительности ложных сведений, ведь главное в использовании данного педагогического приема – полезная ошибка, для поиска которой студенту необходимо уметь рассуждать о корректности обобщения какой-либо информации, абстрагироваться от дополнительных сведений, концентрироваться на главном, сопоставлять, сравнивать, анализировать и делать логические выводы и умозаключения. Обсуждение найденной ошибки не менее важно, чем ее обнаружение.

Еще один педагогический прием, который может создать условия для формирования у будущего специалиста навыка контрольных действий, – «Законно ли», суть которого – довести до автоматизма проверку любой информации на признаки мошенничества. Студенты юридических и экономических направлений как минимум всегда должны контролировать наличие обязательных реквизитов в предлагаемых им документах, уметь доказать законность деятельности условного хозяйствующего субъекта, использовать в качестве аргументации своих решений действующие нормативные акты.

Таким образом, даже применение лишь четырех указанных выше педагогических приемов позволит сделать процесс обучения практико-ориентированным и интересным для студентов.

Однако, следует отметить и те причины, которые могут затруднить применение некоторых из названных приемов в ходе их практического использования.

Так, ограниченность аудиторных часов преподавания дисциплины большого теоретического объема является причиной нежелания дополнять «обычный» лекционный материал «доказательной» информацией и, как следствие, отказа от применения педагогического приема «Докажите значимость». Неразвитая у части обучающихся компетенция логически верно, аргументированно и ясно строить устную речь приводит к нежеланию отвечать на вопросы и вести дискуссию. Если преподаватель не сможет переубедить студентов в важности участвовать в дебатах по разным вопросам дисциплины, то применение педагогических приемов «От обратного» и «Запланированная ошибка» также будет проблематичным. Нельзя не назвать как причину сложности применения приемов «Запланированная ошибка» и «Законно ли» отсутствие у обучающихся текущих знаний по дисциплине и желания эти знания получать. Тем не менее доброжелательное отношение к обучающимся и поддержка их в выборе будущей специальности делают возможным применение любых практико-ориентированных педагогических приемов обучения.

Апробация предложенных выше педагогических приемов была осуществлена автором в рамках преподавания дисциплины «Бухгалтерский учет» студентам специальности «Экономическая безопасность».

Для того чтобы оценить, насколько студенты специальности «Экономическая безопасность» восприняли материал пройденных профильных дисциплин как практико-ориентированный, был проведен небольшой опрос, в котором приняли участие 132 студента 3-го курса специальности «Экономическая безопасность» Тюменского государственного университета.

В первую очередь отметим, что бóльшая часть респондентов, отвечая на вопрос «Как, на ваш взгляд, должно осуществляться практико-ориентированное обучение?», указали только на необходимость увеличения количества производственных практик в период обучения, т.е. они никак не соотносят полученные во время учебы теоретические навыки с нарабатыванием практических навыков будущего специалиста.

На вопрос о том, какие из пройденных дисциплин были, по мнению студентов, «обязательными», правильно ответили менее трети опрошенных. Не отнесли к «обязательным» дисциплину «Экономическая теория» – 42%, «Экономика организации (предприятия)» – 52%, «Статистика» – 25%, «Деньги, кредит, банки» – 33%, «Налоги и налогообложение» – 30%, «Финансы» – 58%, «Бухгалтерский учет» – 23% опрошенных. При этом привести пример использования знаний изученной «основной» дисциплины в будущей практической деятельности не смогли более 90% опрошенных. Полученный результат опроса дал основание задуматься о том, насколько правильно преподносится преподавателям учебный материал, если студенты не воспринимают его как практико-полезный.

Чуть меньше половины опрошенных не смогли оценить, были ли ориентированы дисциплины на практическую деятельность, оправдывая это тем, что не знакомы с должностными обязанностями и трудовыми функциями специалиста по экономической безопасности (а ведь опрос проводился среди студентов 3-го курса). В этой связи считаем, что обращаться к перечню трудовых функций будущего специалиста и соотносить с ним материал теоретической дисциплины обязательно, в противном случае полученные студентом во время занятий знания и навыки восприняты как практико-ориентированные не будут.

Следует отметить, что многие студенты, обучающиеся по специальности «Экономическая безопасность», видят себя работающими в правоохранительных органах, и их желания оправданны. Однако, несмотря на то что федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования ФГОС ВО по специальности 38.05.01 «Экономическая безопасность» (далее – ФГОС ВО 38.05.01) утверждает, что выпускники могут осуществлять правоохранительную деятельность, деятельность в сфере обороны государства или обеспечения экономической безопасности региона и страны, подразделения МВД России продолжают ограничивать прием выпускников «гражданских» вузов, реализующих данную программу специалитета. Таким образом, в настоящее время студенты, обучающиеся по программе «Экономическая безопасность», после окончания вуза имеют больше шансов осуществлять деятельность по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов, чем деятельность по раскрытию и противодействию экономическим преступлениям. При этом Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих не содержит характеристики должности специалиста службы экономической безопасности хозяйствующего субъекта (организации). Нет пока и утвержденного профессионального стандарта специалиста по экономической безопасности среди стандартов, утвержденных Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации. Вывод из вышеизложенного следующий: в настоящее время узнать, какие знания и умения возлагаются на специалиста по экономической безопасности, можно лишь через работодателя, познакомившись с соответствующими запросами по вакансиям. Так, по данным официального сайта поиска сотрудников (https://hh.ru) в России как минимум половина работодателей (в зависимости от деятельности организации и масштаба компании) желают видеть в своей организации сотрудника по экономической безопасности, знакомого с бухгалтерским законодательством и принципами бухгалтерского учета, умеющего работать с информационными базами данных, в том числе бухгалтерскими, готового контролировать проведение инвентаризаций и ревизий. Следовательно, учебный материал основной дисциплины «Бухгалтерский учет» должен восприниматься обучающимися как практическая профессиональная подготовка, а задача преподавателя – сделать его таким посредством акцентирования внимания на значимости тех или иных знаний в области бухгалтерского учета в выборе решений по обеспечению экономической безопасности.

Используя педагогический прием «Докажите значимость», на первой лекции по дисциплине «Бухгалтерский учет», можно озвучить высказывание ученых-экономистов Хабаровского государственного университета экономики и права О.Б. Вахрушевой и Е.А. Гибельневой о том, что «специалисты службы экономической безопасности должны обладать достаточными знаниями в области бухгалтерского учета, что позволит им правильно интерпретировать информацию о происходящих событиях, способствующих возникновению угроз и требующих профилактических мер» [15. С. 290–291]. В таком «консультанте» нуждается каждый специалист службы экономической безопасности, а значит, необходимость в знаниях бухгалтерского учета неоспоримы. Можно также привести в пример пункты 2.2 и 3.3 ФГОС ВО 38.05.01, в которых дисциплина указана как обязательная, формирующая общепрофессиональные компетенции (ОПК-2, ОПК-3) – «осуществлять сбор, анализ и использование данных хозяйственного, налогового и бюджетного учетов, учетной документации, бухгалтерской (финансовой) отчетности… рассчитывать экономические показатели, характеризующие деятельность хозяйствующих субъектов… в целях оценки эффективности и прогнозирования финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта, а также выявления, предупреждения, локализации и нейтрализации внутренних и внешних рисков и угроз».

Отметим, что объем теоретического материала дисциплины «Бухгалтерский учет» значителен, поскольку большинством преподавателей все еще соблюдаются требования к результатам освоения дисциплины, прописанным когда-то в первом ФГОС по специальности «Экономическая безопасность» от 2011 г. Так, ФГОС требовал от учащегося по дисциплине знать теоретические и организационно-правовые основы бухгалтерского учета; содержание и операции бухгалтерского финансового и управленческого учетов; правила, принципы и стандарты ведения бухгалтерского учета и отчетности, планы счетов бухгалтерского учета; методы и способы обработки бухгалтерской информации; уметь применять знания по бухгалтерскому учету; классифицировать, оценивать и систематизировать на бухгалтерских счетах хозяйственные операции; на основе первичных документов осуществлять записи в регистрах бухгалтерского учета; формировать бухгалтерскую отчетность; интерпретировать финансовую, бухгалтерскую и иную учетную и отчетную информацию экономических субъектов с целью оценки эффективности их функционирования и принятия управленческих решений; оценивать состояние защитных функций системы бухгалтерского учета и внутреннего контроля хозяйствующих субъектов в целях предупреждения и прогнозирования возможных противоправных деяний; владеть основными положениями стандартов ведения бухгалтерского учета и отчетности; правилами ведения бухгалтерского учета, формирования и представления бухгалтерской отчетности. Несмотря на то что действующий ФГОС от 2021 г. требований в части знаний, умений и навыков по итогам изучения дисциплины не прописывает, при формировании рабочей программы указанные когда-то требования все же соблюдаются. При этом, поскольку аудиторные часы дисциплин постепенно сокращаются, для нарабатывания умения работы с учетной информацией времени на парах предоставляется мало, а значит, важно заинтересовать студента самостоятельно развить их.

Помня о практико-ориентированном обучении, на лекциях по бухгалтерскому учету нужно регулярно доказывать, что успех обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта заключается во взаимодействии службы экономической безопасности и бухгалтерии. Материал статьи О.Б. Вахрушевой и Е.А. Гибельневой о значимости слагаемых метода бухгалтерского учета (способов) в обеспечении экономической безопасности организации, на наш взгляд, может помочь заинтересовать студентов специальности «Экономическая безопасность» и стать хорошим дополнительным материалом к классическому учебному материалу об основах бухгалтерского учета. Например, раскрывая требование оформления первичными учетными документами всех фактов хозяйственной жизни, нелишним будет добавить, что «для обеспечения экономической безопасности такой метод бухгалтерского учета, как документация, способствует фиксации информации о материальной ответственности сотрудников, возникновении дебиторской задолженности и т.д. Наличие подтверждающих документов позволит службе безопасности минимизировать возникшие потери вследствие непогашения дебиторской задолженности покупателей, сотрудников по причиненному организации ущербу при обращении в суд» [15. С. 291]. Кроме того, считаем, что информация о сущности мнимых и притворных сделках, являющихся причиной непринятия соответствующих документов к бухгалтерскому учету, должна быть донесена до студентов специальности «Экономическая безопасность». Более подробно о примерах дополнения классического лекционного материала информацией, доказывающей важность изучения дисциплины «Бухгалтерский учет», можно узнать из соответствующего исследования автора в рамках коллективной монографии[1].

При помощи педагогического приема «От обратного» можно легко ориентировать на практику применение способов текущей группировки объектов учета и итогового обобщения, который сомнений в значимости для системы экономической безопасности не вызывает, – специалисту службы экономической безопасности в своей профессиональной деятельности необходимо будет анализировать и интерпретировать информацию о деятельности хозяйствующего субъекта, сгруппированную посредством двойной записи на бухгалтерских счетах и накопленную в регистрах бухгалтерского учета, откуда в обобщенном виде она попадает в формы финансовой отчетности. Весь этот процесс сбора информации (от первичного учетного документа, через счета и двойную запись в регистры бухгалтерского учета, а обобщенные итоги регистров

в отчетность) должен быть хорошо понятен выпускнику по специальности «Экономическая безопасность», так как для обеспечения экономической безопасности организации необходимо использовать не только отчетную, но и оперативную (текущую) информацию бухгалтерского учета.

Ситуация, в рамках использования педагогического приема «От обратного», может быть предложена следующая: «Специалист службы экономической безопасности, узнал на фотографии одной из социальных сетей сотрудника отдела информационной безопасности организации, обедавшего в известном ресторане другого города. Специалисту по экономической безопасности необходимо проверить, на каком основании сотрудник отдела информационной безопасности находится в данный момент в другом городе. Назовите, к каким источникам внутрифирменной информации ему необходимо обратиться». На первый взгляд, задание несложное, но студент, не владеющий теоретической информацией о документальном оформлении расчетов с подотчетными лицами, направленными в командировку, не сможет точно назвать документы, и это вызовет желание материал изучить. При этом, используя свой социальный опыт, студент может назвать распорядительные документы (приказ на командировку), и первичные учетные документы (расходный кассовый ордер, авансовый отчет, табель учета рабочего времени), и учетные регистры (скорее, «своими словами» (ведомость учета расчетов с подотчетными лицами, анализ счета 71 и др.)) и преподавателю важно дать понять студенту, что знания о формировании информации экономят время сотрудника на ее поиск, так как быстрее обратиться к нужному учетному регистру, чем пересматривать все первичные учетные документы по данному объекту. Однако студент в ходе дискуссии должен еще и понимать, что ошибки при формировании первичных документов (случайные или специальные) приводят к дезинформации данных учетного регистра, а в дальнейшем – к искажению показателей отчетности.

Проверить знания принципов формирования информации в регистрах и формах отчетности, а также проконтролировать умения анализировать правовую информацию позволяет педагогический прием «Запланированная ошибка». Так, в рамках практической подготовки на семинарских занятиях предлагаем для студентов специальности «Экономическая безопасность» включить, например, следующие задания по бухгалтерскому учету:

1) проанализировать правильность формирования учетной политики хозяйствующего субъекта (студенту предоставляется подготовленная преподавателем учетная политика условного хозяйствующего субъекта);

2) проанализировать правильность формирования учетной политики хозяйствующего субъекта с учетом положений устава организации (студенту предоставляются подготовленные преподавателем устав и учетная политика условного хозяйствующего субъекта);

3) проанализировать правильность отражения в учете результатов инвентаризации на основании данных сличительной ведомости и обоснованность списания недостач на сотрудников организации (студенту предоставляются заполненные документы условного хозяйствующего субъекта: сличительная ведомость, регистры по счетам 73.2. «Расчеты по возмещению материального ущерба», 91 «Прочие доходы и расходы», 94 «Недостачи и потери от порчи ценностей», 98.4. «Разница между суммой, подлежащей взысканию с виновных лиц, и балансовой стоимостью по недостачам ценностей» и счетам учета соответствующих заданию материальных ценностей; может быть предоставлен заключенный договора о материальной ответственности);

4) проанализировать правильность формирования показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности (студенту предоставляются заполненные формы отчетности, оборотно-сальдовая ведомость условного хозяйствующего субъекта или синтетические регистры по счетам 90 «Продажи», 91 «Прочие доходы и расходы»).

Этап подготовки раздаточного материала для выполнения заданий с использованием приема «Запланированная ошибка» очень важен. Допущенные запланированные ошибки должны быть существенными, влияющими на обеспечение экономической безопасности хозяйствующего субъекта, это позволит студенту осознать практическую значимость выполняемого задания. Так, при подготовке первого задания педагог должен в проекте учетной политики пропустить наиболее важные способы ведения учета, например, способы оценки основных средств, материалов. При подготовке второго задания в проекте устава можно указать условия, относящие организацию к средним или крупным субъектам предпринимательства, а в проекте учетной политики прописать применение права использования упрощенных способов ведения учета и формирования упрощенной бухгалтерской (финансовой) отчетности. В одном или нескольких предоставленных регистрах к третьему заданию также должны быть допущены ошибки, которые возможно увидеть, сверив данные с другими регистрами или сличительной ведомостью. Выполнение второй части третьего задания будет зависеть от того, имеется или нет договор о материальной ответственности и заключен ли он в соответствии со всеми юридическими требованиями. Раздаточный материал четвертого задания, например, может содержать проект бухгалтерского баланса, в котором несколько показателей неправильно заполнены, при условии, что данные предоставляемой оборотно-сальдовой ведомости считаются правильными.

Процесс обсуждения «запланированных» ошибок важен для подготовки к практической деятельности студентов специальности «Экономическая безопасность», поскольку логически верно, аргументированно и ясно строить устную речь – важная, по-нашему мнению, компетенция для специалиста, в профессиональные обязанности которого входит взаимодействие со всеми структурными подразделениями организации, а также с правоохранительными, контролирующими и иными государственными органами.

Применение в дисциплине «Бухгалтерский учет» педагогического приема «Законно ли» в полной мере

позволяет развить «правовую» компетенцию. Задания с использованием данного приема могут быть разнообразные – от простого поиска документов с неполностью заполненными реквизитами до оценки расчетных данных по документам, среди которых есть и те, информация по которым законной не является, так как не подтверждена, например, подписью.

Таким образом, включение в учебный процесс обучения бухгалтерскому учету различных элементов будущей профессиональной деятельности специалиста по экономической безопасности через педагогические приемы, на наш взгляд, является не только правильным, но и необходимым. Использование указанных в данном исследовании примеров применения педагогических приемов «Докажите значимость», «От обратного», «Запланированная ошибка», «Законно ли» при обучении бухгалтерскому учету позволит сделать учебный процесс интересным и мотивирующим, а главное – практико-ориентированным.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что на преподавателе, настроенном на практико-ориентированное обучение, лежит большая ответственность за развитие профессиональных компетенций, которое не будет возможным, если студент не уверен в полезности получаемых знаний для будущей профессии. Предложенные в данном исследовании педагогические приемы «Докажите значимость», «От обратного», «Запланированная ошибка», «Законно ли», на наш взгляд, могут помочь заинтересовать обучающихся и доказать значимость теоретической подготовки к практической профессиональной деятельности будущего специалиста. Организация интересного учебного процесса с применением различных педагогических приемов может способствовать практико-ориентированному обучению и подготовке высококвалифицированного специалиста. Примеры подготовки учебного материала, представленные в статье, могут быть использованы преподавателями высших учебных заведений в практической деятельности при организации занятий учебного плана специальности «Экономическая безопасность», при этом не только в части дисциплины «Бухгалтерский учет», но и других основных дисциплин образовательной программы.

Примечание

[1] Современные методы и модели бухгалтерского учета, экономического анализа, контроля и экономической статистики / под ред. проф. И.Е. Мизиковского и др. Нижний Новгород : Нижегород. гос. ун-т, 2020. 319 с.

Список источников

1. Вербицкий А.А. О категориальном аппарате теории контекстного образования // Высшее образование в России. 2017. № 6. С. 57–67.
2. Зылева Н.В. Возможности использования педагогического приема «Запланированная ошибка» в обучении студентов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. Т. 21, № 4. С. 197–201.
3. Зылева Н.В. Лекция-провокация или использование педагогического приема «Запланированная ошибка» в преподавании экономических дисциплин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates, 2015. Т. 1, № 2 (2). С. 214–226.
4. Гин А.А. Приёмы педагогической техники. 9-е изд. М. : Вита-Пресс, 2009. 88 с.
5. Лемон Д., Вулвей Э., Ецци К. От знаний к навыкам. Универсальные правила эффективной тренировки любых умений / пер. с англ. Е. Бузнековой. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 134 с.
6. Puteh Salin A.S.A. Outcome-based learning and modified problem-based learning for accounting education // International Conference on Economics, Business and Management. 2011. Vol. 2. P. 120–124.
7. Berényi L., Deutsch N. Effective teaching methods in business higher education: a students' perspective // International journal of education and information technologies. 2018. Vol. 12. P.37–45.
8. Ferreras-Garcia R., Hernández-Lara A.B., Serradell-López E. Entrepreneurial competences in a higher education business plan course // Education + Training. 2019. Vol. 61, № 7/8. P. 850–869.
9. Akbulaev N., Mammadov I., Shahbazli S. Accounting Education in the Universities and Structuring According to the Expectations of the Business World // Universal Journal of Accounting and Finance. 2021. Vol. 9 (1). P. 130–137.
10. Давыдова А.А., Васильев Н.И. Особенности преподавания экономических дисциплин в военной образовательной организации // Актуальные проблемы военной педагогики и психологии в системе военных образовательных организаций : материалы межведомств. науч.-практ. конф. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2020. С. 122–127.
11. Остапчук Т.В., Шилова Т.Н., Лемешко Т.Б. Влияние современной динамики общественной жизни на методику преподавания бухгалтерского учета // Современный ученый. 2019. № 4. С. 139–143.
12. Мойсеенко С.С., Скрыпник В.П., Зотова Е.С. Педагогические приемы формирования учебной мотивации // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. 2021. № 1 (55). С. 87–90.
13. Побегайло М.Г., Герасимова А.В. Реализация идей педагогики индивидуальности в процессе подготовки специалиста экономической безопасности // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2017. № 2 (40). С. 105–110.
14. Усольцева И.В. К вопросу о практико-ориентированном обучении в ВУЗе студентов экономических направлений // Вестник СамГУПС. 2017. № 4 (38). С. 144–147.
15. Вахрушева О.Б., Гибельнева Е.А. Роль бухгалтерского учета в системе экономической безопасности организации // Национальная безопасность России : актуальные аспекты : сб. избр. ст. : материалы Всерос. науч.-практ. конф. ГНИИ «Нацразвитие». 2019. С. 288–293.

References

1. Verbitskiy, A.A. (2017) O kategorial'nom apparate teorii kontekstnogo obrazovaniya [On the categorical apparatus of the theory of contextual education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 6. pp. 57–67.

2. Zyleva, N.V. (2015) Vozmozhnosti ispol'zovaniya pedagogicheskogo priema "Zaplanirovannaya oshibka" v obuchenii studentov [Possibilities of using the pedagogical method "planned error" in teaching students]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika*. 21 (4). pp. 197–201.
3. Zyleva, N.V. (2015) Lektsiya-provokatsiya ili ispol'zovanie pedagogicheskogo priema "Zaplanirovannaya oshibka" v prepodavanii ekonomicheskikh distsiplin [Lecture-provocation or the use of the pedagogical technique "planned error" in teaching economic disciplines]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*, 1:2 (2). pp. 214–226.
4. Gin, A.A. (2009) *Priemy pedagogicheskoy tekhniki* [Pedagogical techniques]. 9th ed. Moscow: Vita-Press.
5. Lemon, D., Vulvey, E. & Etstsi, K. (2013) *Ot znaniy k navykam. Universal'nye pravila effektivnoy trenirovki lyubykh umeniy* [From knowledge to skills. Universal rules for effective training of any skills]. Translated from English by E. Buznekova. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
6. Puteh Salin, A.S.A. (2011) Outcome-based learning and modified problem-based learning for accounting education. *International Conference on Economics, Business and Management.* pp. 120–124.
7. Berényi, L. & Deutsch, N. (2018) Effective teaching methods in business higher education: a students' perspective. *International Journal of Education and Information Technologies.* 12. pp. 37–45.
8. Ferreras-Garcia, R., Hernández-Lara, A.B. & Serradell-López, E. (2019) Entrepreneurial competences in a higher education business plan course. *Education + Training.* 61 (7/8). pp. 850–869.
9. Akbulaev, N., Mammadov, I. & Shahbazli, S. (2021) Accounting Education in the Universities and Structuring According to the Expectations of the Business World. *Universal Journal of Accounting and Finance*. 9 (1). pp. 130–137.
10. Davydova, A.A. & Vasil'ev, N.I. (2020) [Features of teaching economic disciplines in a military educational organization]. *Aktual'nye problemy voennoy pedagogiki i psikhologii v sisteme voennykh obrazovatel'nykh organizatsiy* [Topical problems of military pedagogy and psychology in the system of military educational organizations]. Conference Proceedings. 2nd ed. St. Petersburg. pp. 122–127. (In Russian).
11. Ostapchuk, T.V., Shilova, T.N. & Lemeshko, T.B. (2019) Vliyanie sovremennoy dinamiki obshchestvennoy zhizni na metodiku prepodavaniya bukhgalterskogo ucheta [Influence of modern dynamics of social life on the methodology of teaching accounting]. *Sovremennyy uchenyy*. 4. pp. 139–143.
12. Moyseenko, S.S., Skrypnik, V.P. & Zotova, E.S. (2021) Pedagogicheskie priemy formirovaniya uchebnoy motivatsii [Pedagogical methods of formation of educational motivation]. *Izvestiya Baltiyskoy gosudarstvennoy akademii rybopromyslovogo flota*. 1 (55). pp. 87–90.
13. Pobegaylo, M.G. & Gerasimova, A.V. (2017) Realizatsiya idey pedagogiki individual'nosti v protsesse podgotovki spetsialista ekonomicheskoy bezopasnosti [Implementation of the ideas of pedagogy of individuality in the process of preparing a specialist in economic security]. *Izvestiya Baltiyskoy gosudarstvennoy akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 2 (40). pp. 105–110.
14. Usol'tseva, I.V. (2017) K voprosu o praktiko-orientirovannom obuchenii v VUZe studentov ekonomicheskikh napravleniy [On practice-oriented training in the university for students of economic areas]. *Vestnik SamGUPS*. 4 (38). pp. 144–147.
15. Vakhrusheva, O.B. & Gibel'neva, E.A. (2019) [The role of accounting in the system of economic security of the organization]. *Natsional'naya bezopasnost' Rossii: aktual'nye aspekty* [National Security of Russia: topical aspects]. Conference Proceedings. GNII "Natsrazvitie". pp. 288–293. (In Russian).

Информация об авторе:
Зылёва Н.В. – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: n.v.zylyova@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
N.V. Zyleva, Cand. Sci. (Economics), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: n.v.zylyova@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.08.2022;
одобрена после рецензирования 27.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 05.08.2022;
approved after reviewing 27.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 37.01
doi: 10.17223/15617793/486/23

Методологические основания исследования проблем информации и дезинформации в образовании и в педагогике

Ирина Олеговна Котлярова [1, 4], Гульсина Якуповна Гревцева [2, 5], Хорхе Родас-Осойо [3, 6]

[1] Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
[2] Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
[3] Институт инженерии и технологий Автономного университета Сьюдад-Хуареса, Чиуауа, Мексика
[4] mail: kotliarovaio@susu.ru
[5] yakupovna@rambler.ru
[6] jorge.rodas@uacj.mx

Аннотация. Обоснован выбор методологических подходов (синергетического, информационного, аксиологического, кибернетического, деятельностного), адекватных для исследования проблем информации и дезинформации в образовании и педагогике. Определены соответствующие подходам принципы исследования. Охарактеризована специфика использования подходов при разрешении проблем информации и дезинформации в образовании и педагогике.

Ключевые слова: информация, дезинформация, методология, образование, синергетический подход, информационный подход, аксиологический подход, кибернетический подход, деятельностный подход, принцип

Для цитирования: Котлярова И.О., Гревцева Г.Я., Родас-Осойо Хорхе. Методологические основания исследования проблем информации и дезинформации в образовании и в педагогике // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 212–220. doi: 10.17223/15617793/486/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/23

Methodological foundations for the study of information, misinformation, and disinformation problems in education and pedagogy

Irina O. Kotlyarova[1, 4], Gulsina Ya. Grevtseva[2, 5], Jorge Rodas-Osollo[3, 6]

[1] South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation
[2] Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation
[3] Autonomous University of Ciudad Juarez, Chihuahua, Mexico
[4] kotliarovaio@susu.ru
[5] yakupovna@rambler.ru
[6] jorge.rodas@uacj.mx

Abstract. The information society, the digital transformation of education, the developments in the system of continuing education, and information wars have caused a number of problems related to information, misinformation and disinformation in education, pedagogy and related fields. To resolve these problems, it is necessary to choose the appropriate methodological foundations. Currently, some scientific issues related to information, misinformation and disinformation in education are being investigated. The aim of the article is to select the scientific approaches to study information, misinformation and disinformation problems in education and to determine the potential of the approaches selected. To achieve this aim, the authors identify typical problems in education and pedagogy related to information, misinformation and disinformation via scientific literature analysis and substantiate the criteria to select the appropriate methodological foundations. The criteria identified allow a theoretical substantiation and structuring of methodological approaches by levels of research. The approaches chosen are synergistic, informational, axiological, cybernetic, and activity-based ones. The value of each approach to solve the problems of information, misinformation and disinformation in education is determined. The synergetic approach allows exploring the contradictory phenomena of information and misinformation or disinformation based on the concepts of positive and negative synergy. The phenomenon of anthroposynergism underlies the study of aspects of human interaction with information in education. The approach makes it possible to study phenomena in education and related fields that provide a synergistic effect. The informational approach serves as a methodological basis to research the relationship between information and the content of education; information support and information resource of education; information movement. The axiological approach considers information as a value and allows us to present information processes in education from the standpoint of personal values of education participants. In terms of the cybernetic approach, the information support of

© Котлярова И.О., Гревцева Г.Я., Родас-Осойо Хорх, 2023

education is presented as a management function, and the information resource is presented as a means by which other problems in the field of education and the theory of pedagogy are solved. The activity approach forms the basis for studying the interaction of all the subjects of education and education management with information flows. The corresponding principles are structured and formulated as an integral set of rules that allow exploring the problems of information, misinformation and disinformation in education: the principle of dialectical unity of positive and negative synergy of information / misinformation / disinformation in education; the principle of anthroposynergism; the principle of humanism; the principle of self-organization of information in education, education management; the principle of asymmetry; the principle of homeostasis; the principle of interdisciplinarity of information in education; the principle of sequential modeling; the principle of effective communication and feedback; the principle of controlled evolution; the principle of activity as the goal and the means of education.

Keywords: information, misinformation, disinformation, methodology, education, synergetic approach, information approach, axiological approach, cybernetic approach, activity-based approach, principle

***For citation*:** Kotlyarova, I.O., Grevtseva, G.Ya. & Rodas-Osollo, J. (2023) Methodological foundations for the study of information, misinformation, and disinformation problems in education and pedagogy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 212–220. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/23

Введение

Проблемы информации и дезинформации в области образования и педагогики. Современное существование в информационном сообществе предъявляет требования к всем, кто профессионально оперирует информацией. Важно обладать способностью поиска необходимой информации, экономичного и точного ее отбора, переработки, отделения ее от дезинформации. Это формирует адекватную личную картину мира, способствует плодотворности и значимости научной, образовательной, профессиональной, бытовой деятельности. Проблему в образовании составляет обеспечение обучающихся научно обоснованной информацией, а также оказание им помощи в самостоятельной ориентации в безграничном информационном пространстве.

Несмотря на широкое распространение концепции непрерывного образования [1], по-прежнему приоритетными и общепризнанными остаются результаты образования, полученного в образовательных организациях, на образовательных платформах. Поэтому отбор, структурирование содержания образования, разработка моделей организации образовательного процесса – актуальные проблемы, которые имеют отношение к освоению обучающимися полезной информации. Согласно принципу регулируемого эволюционирования [2], считаем, что одной из проблем является приведение педагогического сопровождения образования в соответствие с естественными процессами освоения [3, 4] информации. В формальном и неформальном образовании информационные ресурсы организуются и используются целенаправленно, в информальном – потоки информации поступают стихийно [5]. Возникают следующие вопросы проблемного характера: как соотносятся информационные ресурсы в образовании и содержание образования; как поступают потоки информации в сферу образования; как управлять потоками информации в информальном образовании; как избегать дезинформации. Многократно выросшие потоки информации затрудняют процесс ее отграничения от дезинформации. В то же время в условиях информационных войн дезинформация становится эффективным оружием [6, 7], влияющим на ценностную сферу людей, внося нежелательные коррективы в социально значимую сферу образования.

Актуальны проблемы выявления потенциальных возможностей информации (и ее носителей) в образовании, выстраивания моделей ее использования, ориентированных на возможности человека. В образовании «можно выделить несколько групп информационных ресурсов: содержание образования как информационный ресурс; электронная информационно-образовательная среда (входит в обязательные требования ФГОС к образованию); сведения об участниках образования; научные данные в области человековедения» [8. С. 11]. В области информационного обеспечения актуальна проблема обучения навыкам владения информационными и информационно-коммуникационными технологиями для разных категорий пользователей. Имеет место при проектировании и реализации многоаспектная проблема соотношения различных видов обучения (дистанционного и межличностного, онлайн и офлайн, вариантов смешанного обучения) и взаимодействия субъектов образования [9–13]. Значимы проблемы информационного обеспечения процессов социализации, развития коммуникативных умений и воспитания в условиях ограничения очного обмена информацией.

Очерченный круг проблем остается открытым, поскольку продолжается развитие информационного общества, непрерывного образования и его цифровой трансформации. Это означает, что в будущем следует ожидать расширения спектра и углубления проблем, возникающих в сфере образования и в педагогике, связанных с явлениями информации и дезинформации. Общность вышеназванных проблем, имеющая место на основе общей категориальной основы («информация» и «дезинформация»), и их концентрация в единой сфере приложения (образование и педагогика) требуют поиска, обоснования и формирования единой методологической базы для их разрешения, с учетом современных достижений как в науке, так и в методологии исследований. *Целью* данной статьи является определение методологических основ (подходов и принципов исследования) решения проблем в области образования и педагогической науки, связанных с явлениями и категориями информации и дезинформации.

Состояние вопроса в науке. Настоящий этап в развитии современной цивилизации характеризуется как информационный [14]. Значимый вклад в исследование явления информации внесли Н. Винер, Г.В. Встовский, В.М. Глушков, К.К. Колин, А.Н. Колмогоров, А.Д. Урсул, К. Шеннон, У. Эшби и др. Современное понимание информации сформулировано К.К. Колиным, который синтезировал идеи и определения Г.В. Встовского и В.М. Глушкова : «информация, в широком понимании этого термина, представляет собой объективное свойство реальности, которое проявляется в неоднородности (асимметрии) распределения материи и энергии в пространстве и времени, в неравномерности протекания всех процессов, происходящих в мире живой и неживой природы, а также в человеческом обществе и сознании» [15]. Нельзя не согласиться с мнением о том, что «сегодня мы нуждаемся не столько в информации, сколько в ее смысловом содержании… информационный поток не структурирован и не сортирован: если мы хотим, чтобы он стал источником знаний, а не заблуждений, его необходимо просеять, отсортировать и осмыслить в соответствии с современными представлениями о мире» [16. С. 94], в результате чего образуются знания [17].

Н. Штер определяет знание как способность к действию [18]. А.М. Лобок указывает на парадокс, который заключается в том, что, хотя знания и предстают по отношению к отдельно взятому человеку как объективная реальность культуры, по своему происхождению любое знание – глубоко субъективное образование [19. С. 297]. Так, лишь человек способен созидать знания и выступает носителем информационной культуры. Культурологическая составляющая понятия информации требует трех основных философско-методологических взглядов на данное явление и понятие: часть или аспект всех видов отражения; атрибутивность по отношению к человеческому сознанию; форма отражения, связанная с управлением [20]. Основная функция информации состоит в том, что она стимулирует материальные и энергетические системы к движению в пространстве и определяет направленность этого движения [21]. Главным при понимании информации в педагогике с точки зрения культурологической является трактовка образования как процесса коммуникации педагогов и обучающихся между собой и с информационными средствами образования. Проводником информационной культуры при этом является преподаватель [22].

Дезинформация, которая является диалектическим антиподом информации, – это распространение заведомо ложных сведений с целью ввести в заблуждение. М.А. Самкова отмечает: «в эпоху информационно-психологической войны существует опасность воздействия дезинформирующего медиатекста на восприятие и формирование мнения читателя. Большие потоки информации, которые могут изменяться в режиме реального времени, снижают критичность восприятия, усиливая воздействие дезинформации» [22. С. 97]. Выявление дезинформации и препятствие ее распространению является одной из современных задач риск-менеджмента [23] и педагогического управления.

Материалы и методы исследования

Логика исследования. Содержание исследования заключается в логическом обосновании выбора методологических подходов на основе сформулированных авторских критериев, их интерпретации относительно возможных объектов и предметов исследований в рамках заявленного пула проблем и систематизации полученных результатов и выводов. Ведущими методами являются: логическое обоснование выбора методологических подходов, конкретизация отобранных и значимых для предметов исследования положений методологических подходов, логическое структурирование принципов исследования проблем информации и дезинформации. Логика изложения в статье процедур и результатов исследования соответствует последовательности его реализации.

Материалы. Методология обеспечивает всесторонность получения информации об изученном процессе или явлении [24]. В исследовании проблем информации и дезинформации в сфере образования применяются современные, адекватные им методологические подходы. Выбор подходов осуществлен согласно следующим критериям: соответствие предмету исследования (процессы информации и дезинформации); сфере возникновения проблем (образование и педагогика), современному уровню развития методологии и науки, мировоззрению авторов. Определялась теоретико-методологическая основа исследования – комплекс подходов, в котором синергетический, информационный подход – общенаучная основа, аксиологический подход – теоретико-методологическая стратегия, а кибернетический и деятельностный подходы – практико-ориентированная тактика решения проблем в сфере образования и в педагогике, связанных с информацией и дезинформацией.

Результаты исследования

Обоснование выбора и статуса подходов. Для обоснования выбора подходов определимся с философскими ориентирами исследования. Диалектическая концепция обеспечивает понимание важных категорий необходимого и случайного, движения, развития, связи и взаимодействия в движении информации. В данном контексте целесообразно на философском, метанаучном уровне выбрать *синергетический подход*, который позволяет исследовать явления информации и дезинформации как системы открытого типа, функциональными характеристиками которых являются взаимодействие, открытость, динамичность, саморегуляция и самоорганизация. В рамках диады «информация – дезинформация» применима концепция отрицательного синергизма, основанная на научной интерпретации всеобщего закона диалектики единства и борьбы противоположностей. Всеобщий закон отрицательного

синергизма гласит: «каждый элемент системы имеет свою противоположность, с которой он находится в тесной взаимосвязи, и с которой он составляет единое целое, поэтому эффект положительного синергизма может быть рассмотрен только в совокупности с нулевым и отрицательным синергизмом» [25. С. 113].

Сложными самоорганизующимися системами и одновременно диалектическими антиподами являются информация и дезинформация, развитие которых происходит как под влиянием внутренних, имманентных факторов (самоорганизация), так и под влиянием внешнего управления. Синергетическими свойствами обладают информационные процессы в образовании. Обучающийся в потоках информации также может рассматриваться как сложная или сверхсложная синергетическая система, обладающая уникальными внутренними возможностями для саморазвития личности и раскрытия творческого потенциала. Влияние самости человека на информационные процессы в образовании есть проявление антропосинергизма или антропного принципа [26, 27] в педагогике. Исследователь, работающий с системными педагогическими объектами (субъектами), в которые он сам включен, не только трансформирует эти объекты, но и изменяет свои собственные связи и функции [28. С. 15].

Состояния бифуркации системы являются наиболее благоприятными для восприятия человеком информации или дезинформации и для принятия ее. Если информация распространяется преднамеренно, например, как это происходит в системе образования, то задаются социально и лично значимые аттракторы, к которым сознательно или бессознательно будут стремиться воспринимающие ее субъекты. Специфический признак проявления синергизма – эмерджентность, сопряженная с достижением синергетического эффекта [27]. К синергетическому эффекту приводит организованное сочетание различных информационных факторов в образовании в случаях, когда информационные средства специально организованы для достижения определенной цели. Организованная дезинформация также обладает синергетическим эффектом, что затрудняет противодействие ее влиянию.

Использование синергетического подхода в педагогических исследованиях имеет ограничения: невозможность в полной мере использовать характерные для синергетики методы математического моделирования при исследовании педагогических систем; предпочтение не «революционной» бифуркации, а умеренной эволюции педагогических систем; целесообразность синтетической модели синергетического и кибернетического подходов [29. С. 27].

Информационный подход представляет собой способ абстрактно-обобщенного описания и изучения информационного аспекта функционирования и структурообразования сложных систем, информационных связей и отношений на языке теории информации [30. С. 31]. В теории педагогики его интерпретации исследовали К.К. Колин, А.И. Субетто, Л.И. Фишман, Н.О. Яковлева, В.А. Якунин и др. «Информационный подход позволяет рассмотреть особенности циркуляции информации в педагогических системах и описать их на языке теории информации, оценить степень информационной насыщенности образовательного процесса, охарактеризовать механизмы получения, передачи, распознавания, преобразования и хранения информации, значимой для достижения запланированных результатов» [31. С. 88]. Основу сложного психического процесса получения и обработки обучающимся информации составляют ассоциации, выступающие в качестве механизма запоминания и воспроизведения [32]. Это связывает психические процессы, лежащие в основе образования, с информационными процессами [33]. Взаимосвязь информационных и образовательных процессов позволяет решать проблемы образования с использованием не только педагогических системных и структурно-функциональных моделей, но и моделей информационных [31, 34]. Актуализация применения данного вида моделирования в педагогических исследованиях обусловлена возросшей значимостью информации во всех сферах жизни в условиях информационного общества, а также ростом значимости непрерывного образования [35–39].

Информационный подход в нашем исследовании имеет гибкий статус. Использование информационного подхода как общенаучной основы исследования позволяет исследовать проблемы информации и дезинформации на междисциплинарном уровне, используя возможности разных наук и повышая, таким образом, теоретическую значимость инновационных результатов. Для исследования проблем информации и дезинформации в образовании в контексте их движения информационный подход приобретает частно-научный характер.

Ограничения информационного подхода обусловлены противоречиями между главными идеями, принципами, объектами, процессами и явлениями в образовании и в области информации. Центральной проблемой педагогики является образование и развитие человека, в то время как информационный подход позволяет решать лишь те проблемы развития людей, которые связаны с информационными процессами обеспечения этого процесса (с точки зрения как естественного развития, так и развития под воздействием педагогического управления).

Акцентировать внимание на людях и человеческих ценностях позволяет применение *аксиологического подхода* в образовании. Основными методологически важными механизмами аксиологического подхода являются: совокупность ценностей, содержание ценностей, определение технологии и методики реализации совокупности ценностей [40]. Основная идея аксиологического подхода заключается в выявлении ценного для человека, человеческого сообщества в информации, информационных процессах, процессах, системах и объектах, связанных с движением информации [41]. Использование аксиологического подхода позволяет выстраивать новые иерархии ценностей в быстро и качественно изменяющемся мире [42, 43], сравнивать ценности явлений реальности, многие из

которых лишь недавно вошли в нашу жизнь (истинное знание или информационная война; искусственный или естественный интеллект; устанавление приоритетов или паритета среди значимых объектов (явлений) реальности: человек – общество – природа – информация – искусственный мир объектов, созданных людьми). Трансформация ценностей в информационном обществе – одна из тенденций и теоретических основ исследования проблем информации/дезинформации в образовании и педагогике.

Значимых ограничений в применении аксиологического подхода к исследованию проблем информации/ дезинформации в образовании не выявлено.

Кибернетический подход – это исследование системы, которая включает три подсистемы (управляющую систему, объект управления и систему связи), на основе принципов кибернетики [44]. «Управление образованием, рассматриваемое как некая реальность, можно трактовать (интерпретировать) в виде функционирования управляемой образовательной системы, которая являет собой единство известного (данного) и неизвестного (непознанного)» [45. С. 371]. На основе данного подхода исследуются проблемы информационного обеспечения образовательного процесса и управления образованием. Целесообразное педагогическое управление реализуется последовательностью шагов: определение стратегии управления, принятие решения, выполнение принятых решений [46. С. 147]. При этом «управление образованием настолько целенаправленно, насколько оно обосновано информацией» [45. С. 375], а информация «является мерой определенности того, насколько правомерно принимаемое субъектом управленческое решение» [45. С. 379].

Отношение к кибернетическому подходу в педагогике сложилось неоднозначное. Однако еще в середине прошлого века М.Е. Марон смоделировал механизмы деятельности искусственного мозга, утверждая, что они коррелируют с видами деятельности человеческого мозга, такими как восприятие, обучение, мышление, знание и др. «Использование кибернетического подхода при исследовании происходящих в обществе процессов позволяет обнаружить у некоторых из них определенные признаки, свойственные как жизни или поведению отдельного индивида, так и функционированию созданных человеком сложных технических устройств» [47]. В середине и второй половине XX в. достаточно активно разрабатывались кибернетические модели обучения. В силу высокой неформализованности образовательного процесса они носили частный характер и базировались на простых бихевиористских схемах [48, 49]. В Советском Союзе такой вид обучения стал активно развиваться в 1960-е гг. По мнению М.Р. Арпеньевой, ценность кибернетического подхода в современной психологии и педагогике заключается в возможности интеграции человеческого и программного форм взаимодействия [50]. Р.В. Майером сформулированы принципы кибернетики применительно к дидактическим системам [51. С. 3]. Применительно к предмету нашего исследования значимым является характерный для кибернетического подхода анализ педагогической системы с точки зрения связей управления и информационных потоков, которыми обмениваются управляющая и управляемые подсистемы.

Ограничения кибернетического подхода к исследованию проблем образования вызваны его высокой формализацией и технологичностью [52]. Поэтому закономерно сочетание позитивных возможностей данного подхода с преимуществами синергетического подхода, явления антропосинергизма, а также гуманно ориентированными аксиологическим и деятельностным подходами.

Деятельностный подход коррелирует с идеями конструктивизма, позволяя не только описывать составляющие видов деятельности, но и выявлять возможности формирования индивидуальных способностей и качеств личности в различных видах деятельности [53]. Деятельностный подход применим при изучении деятельности и взаимодействия субъектов образования, участвующих в информационных процессах: поиска, восприятия, осмысления информации; педагогического содействия обучающимся во взаимодействии с информацией; взаимного обмена и обогащения информацией друг друга. Согласно деятельностному подходу, в образовании ставятся не только когнитивные задачи, но и задачи освоения цифровых компетенций, компетенций методической работы педагога и образовательной деятельности обучающихся в электронной образовательной системе; освоения субъектами образования информационной культуры, освоения и создания цифровых систем управления образованием [35–38].

В информационном, знаниевом обществе реальная практическая деятельность уступает место деятельности сознания, следовательно, деятельностный подход не может быть применен для изучения всех аспектов взаимодействия человека с информацией. Необходимо его сочетание с современными методологическими основаниями [54] при изучении проблем информации и дезинформации. Использование вышеназванных взаимно дополняющих друг друга различных подходов дает возможность изучать исследуемые проблемы как целостное явление.

Структурирование принципов. При обозначении принципов, на которые опираются исследования в рамках разных подходов [8, 15, 25, 26, 29, 33, 44, 50, 54], была выявлена их комплементарность, относительная повторяемость и разница в уровнях общности представления. Это позволило структурировать принципы и сформулировать их как целостную совокупность правил, обеспечивающих возможность исследовать проблемы информации и дезинформации в образовании: диалектического единства положительного и отрицательного синергизма информации/дезинформации в образовании; антропосинергизма; гуманизма; самоорганизации информации и других систем в образовании, управлении образованием и вследствие образования; асимметрии; гомеостатичности; междисциплинарности информации в образовании; последовательного моделирования; диалогового общения и обратной связи; регулируемого эволюционирования; деятельности как цели и средства образования.

Выводы

Результаты исследования дали возможность определить структуру методологических подходов, позволяющих решать проблемы в образовании и педагогике, связанные с информацией и дезинформацией: синергетический, информационный подход – общенаучная основа, аксиологический подход – теоретико-методологическая стратегия, а кибернетический и деятельностный подходы – практико-ориентированная тактика решения названных проблем. Каждый подход обеспечивает возможность исследования проблем информации и дезинформации в образовании педагогике на разных уровнях и в определенных аспектах. Выявленные подходы взаимосвязаны не только как составные части методологии развития (основание, стратегия и тактика), они взаимно усиливают друг друга при разрешении проблем, что позволило определить принципы, которыми следует руководствоваться при исследовании проблем информации и дезинформации в образовании и педагогике.

Список источников

1. A Memorandum on Lifelong Learning: commission staff working paper. Brussels. 30.10.2000. SEC (2000) 1832. 36 p.
2. Сериков Г.Н. Образование : аспекты системного отражения. Курган : Зауралье, 1997. 464 с.
3. Forehand M. Ch. 8 Bloom's Taxonomy. https://granite.pressbooks.pub/teachingdiverselearners/chapter/blooms-taxonomy-2/ (дата обращения 02.01.2023).
4. Лобашев В.Д. Процессы восприятия и усвоения учебной информации // Современные наукоемкие технологии. 2006. № 4. С. 29–31. URL: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=22619 (дата обращения: 12.11.2022).
5. Kotliarova I.O. Peculiarities of formal, nonformal and informal education of the academic staff // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016. Conference proceedings. 2016. Vol. 3. Book 1. P. 731–736.
6. Головацкая О.Е. Информационная экспансия как скрытая угроза информационного пространства и инструмент целенаправленного воздействия на аудиторию (варианты трактовки термина и негативные последствия) // Коммуникология. 2018. № 3. С. 105–116.
7. Иванищева О.Н. Фейковые новости как новая форма пропаганды // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 104–110.
8. Котлярова И.О. Ресурсный подход к образованию для устойчивого развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. Т. 14, № 2. С. 6–20.
9. Лаврентьев Г.В. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. URL: http://search.rsl.ru/ru/record/01002604650
10. Семенова И.Н., Слепухин А.А. Методика использования информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе. Ч. 2. Методология использования информационных образовательных технологий : учеб. пособие. Екатеринбург, 2013. 144 с. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/132622915.pdf
11. Belentsov S.I., Fahrutdinova A.V., Grevtseva G.Y., Batrachenko E.A. Free Education: Fundamentals of Humanisic Pedagogics (on the Example of Activity of the German Public Figures of the Second Half of XIX - the Beginning of The XX Centuries of F. Gansberg, L. Gurlitt, G. Sharrelman) // European Journal of Contemporary Education. 2019. T. 8, № 1. P. 201–207.
12. Minzaripov R.G., Fakhrutdinova A.V., Abakumova N.N., Xu S. Scientific / Educational Communication and Leadership ARWU versus MosIUR // Revista on line de Política e Gestão Educacional. 2021. Vol. 25, № 1. P. 557–566. doi: 10.22633/rpge.v25iesp.1.14996
13. Гревцева Г.Я., Котлярова И.О., Сериков Г.Н., Фахрутдинова А.В., Циулина М.В. Методологические подходы к подготовке студентов к профессиональной инновационной деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 181–191. doi: 10.17223/15617793/462/22
14. Информационное общество // Энциклопедия информационного общества. URL: http://wiki.iis.ru/wiki/Информационное_общество (дата обращения: 17.01. 2023).
15. Колин К.К. Природа информации и философские основы информатики // Открытое образование. 2005. № 2. С. 43–51.
16. Бард А., Зодерквист Я. Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004. С. 94.
17. Костромина С.Н. Информация и знание : подходы к пониманию процессов усвоения информации и формированию знаний в обучении // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 2. С. 5–14
18. Nico Stehr : Pioneer in the Theory of Society and Knowledge. doi: 10.1007/978-3-319-76995-0_20
19. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997. С. 297.
20. Оголь А.А. Формирование проектировочных умений у будущих учителей в условиях компьютерного обучения : дис. … канд. пед. наук. Волгоград, 2000. 191 с.
21. Лободенко Л.К. Формирование имиджа преподавателя вуза в цифровом информационно-коммуникационном пространстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. Т. 14, № 4. С. 40–55.
22. Самкова М.А. Дезинформация как средство информационно-психологической войны против России (на материале медиатекстов о хакерских атаках) // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3. С. 96–115.
23. Grishaeva S.A. Information Security Risk Management // Proceedings of the 2020 IEEE International Conference "Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies" (IT&QM&IS). September 07–11, 2020 Yaroslavl Russia 2020. P. 96–98.
24. Кочетов А.И. Культура педагогического исследования. Минск, 1996. 312 с.
25. Рыжиков С.Н. Формирование концепции отрицательного синергизма // Журнал философских исследований. 2017. Т. 3, № 4. С. 105–121.
26. Сериков Г.Н. Педагогика. Кн. 2. Методология исследований. М. : Владос, 2006. 465 с.
27. Haken H. Synergetics : Introduction and Advanced Topics. Springer Science & Business Media, 2004. 758 p.
28. Руднева Т.И. и др. Методологические подходы к исследованию проблем в области профессиональной педагогики. Самара : Самарский университет, 2013. С. 15–16.
29. Бражник Е.И. Интеграционные процессы в современном европейском образовании. СПб., 2001. 200 с.
30. Штанько В.И. Информация. Мышление. Целостность. Харьков, 1992. 144 с.
31. Яковлева Н.О. Диссертация как результат педагогического исследования. Краснодар : Изд-во Краснодар. гос. ин-та культуры, 2019. 304 с.
32. Михеев В.И. Моделирование и методы теории измерений в педагогике. М. : Высш. шк., 1987. 200 с.
33. Урсул А.Д. Образование как информационный процесс и перспективы его футуризации // NB : Педагогика и просвещение. 2013. № 2. С. 1–57.
34. Елсакова Р.З. Информационная модель подготовки студентов вузов к кросскультурной научной коммуникации // ЕВРАЗИЯ-2022 : социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации : материалы Междунар. науч. культурно-образовательного форума, Челябинск, 06–08 апреля 2022 г. Т. III. Челябинск : ЮУрГУ, 2022. С. 64–65.
35. Gabriel F., Marrone R., Van Sebille Y., Kovanovic V., de Laat M. Digital education strategies around the world: practices and policies // Irish Educational Studies. 2022. № 41(1). P. 85–106. doi: 10.1080/03323315.2021.2022513

36. Grevtseva G.Y., Marina V.T., Balikaeva M.B., Kashina I.S. Conditions for Teaching Professional Competence of Future Electronics Engineers in Digital Technology // Proceedings of the 2019 IEEE International Conference «Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies». 2019. P. 490–493.
37. Ponomareva E.P., Kotlyarova I.O., Volchenkova K.N., Vaulin S.D., Platonova L.D., Kostyuk D.A. Tools to Form Safety Value of Future Engineers in Digital Environment // Proceedings of the 2022 International Conference «Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies». September 2022. C. 26–30.
38. Sharples M. Digital education: Pedagogy online // Nature. 2016. № 540. P. 340. doi: 10.1038/540340a
39. Kotlyarova I.O., Chuvashova A.D. Educational Imitation of Basic Job Function Using the Knowledge of English among Technical Major Students // International Journal of Instruction. 2020. Vol. 14, № 1. P. 303–324.
40. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 439 с. (Серия «Humanitas»).
41. Grünberg L. Value-revaluation and the axiological perspective in philosophy // Journal of Value Inquiry. 1969. № 3. P. 100–112. doi: 10.1007/BF00137406
42. Костюк Д.А. Учет влияния информационной среды на нравственные ценности военнослужащих запаса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. Т. 14, № 3. С. 83–95.
43. Lobodenko L., Shesterkina L., Cheredniakova A., Perevozova O., Kharitonova O. Perception of environmental information materials by youth audiences: results of a neuromarketing study // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2022. № 3. С. 5–44.
44. Чибаков А.С. Кибернетический подход в обучении : историко-эволюционный и сущностный аспекты // Colloquium-journal. 2019. № 27 (51). С. 90–93.
45. Сериков Г.Н. Управление образованием. Системная интерпретация. Челябинск : Факел, 1998. 664 с.
46. Архангельский С.И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы : учеб.-метод. пособие М. : Высш. школа, 1980. 368 с.
47. Maron M.E. On Cybernetics, Information Processing, and Thinking // Norbert Wiener, J.P. Schadé (Eds). Progress in Brain Research. Elsevier, 1965. Vol. 17. P. 118–138. doi: 10.1016/S0079-6123(08)60158-2
48. Atkinson R C. Ingredients for a theory of instruction // American Psychologist. 1972. Vol. 27. P. 921–931.
49. Lindsay P.H., Norman D.A. Human Information Processing. Published by Academic Press, 1977. 737 p.
50. Арпентьева М.Р. Педагогика и кибернетика о подготовке специалистов инженерного профиля // Стратегия устойчивого развития в антикризисном управлении экономическими системами : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Донецк : Изд-во Донецкого НТУ, 2019. С. 348–365.
51. Майер Р.В. Кибернетическая педагогика: Имитационное моделирование процесса. Глазов : ГГПИ, 2013. 138 с.
52. Талызина Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний. М. : Изд-во МГУ, 1975. 344 с.
53. Выготский Л.С. Проблемы возраста // Собрание сочинений : в 6 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 4. 432 с.
54. Калашникова Е.М. Деятельностный подход : причины его неэффективности в современном социально-гуманитарном познании // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2. С. 10–17.

References

1. EC. (2000) *A Memorandum on Lifelong Learning*: Commission staff working paper. Brussels. 30.10.2000. SEC (2000) 1832.
2. Serikov, G.N. (1997) *Obrazovanie: aspekty sistemnogo otrazheniya* [Education: aspects of systemic reflection]. Kurgan: Zaural'e.
3. Forehand, M. (2021) *Ch. 8 Bloom's Taxonomy*. https://granite.pressbooks.pub/teachingdiverselearners/chapter/blooms-taxonomy-2/ (Accessed: 02.01.2023).
4. Lobashev, V.D. (2006) Protsessy vospriyatiya i usvoeniya uchebnoy informatsii [Processes of perception and assimilation of educational information]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 4. pp. 29–31. [Online] Available from: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=22619 (Accessed: 12.11.2022).
5. Kotliarova, I.O. (2016) Peculiarities of formal, nonformal and informal education of the academic staff. *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016*. Conference Proceedings. Vol. 3. Book 1. Sofia : STEF92 Technology Ltd. pp. 731–736.
6. Golovatskaya, O.E. (2018) Informatsionnaya ekspansiya kak skrytaya ugroza informatsionnogo prostranstva i instrument tselenapravlennogo vozdeystviya na auditoriyu (varianty traktovki termina i negativnye posledstviya) [Information Expansion as a Hidden Threat of the Information Space and a Tool of Targeted Influence on the Audience (Options for the Interpretation of the Term and Negative Consequences)]. *Kommunikologiya*. 3. pp. 105–116.
7. Ivanishcheva, O.N. (2018) Feykovye novosti kak novaya forma propagandy [Fake news as a new form of propaganda]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie.* 4 (30). pp. 104–110.
8. Kotlyarova,, I.O. (2022) Resursnyy podkhod k obrazovaniyu dlya ustoychivogo razvitiya [Resource approach to education for sustainable development]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki*. 14 (2). pp. 6–20.
9. Lavrent'ev, G.V. (2004) *Innovatsionnye obuchayushchie tekhnologii v professional'noy podgotovke spetsialistov* [Innovative teaching technologies in professional training of specialists]. Barnaul: Altai State University. [Online] Available from: http://search.rsl.ru/ru/record/01002604650
10. Semenova, I.N. & Slepukhin, A.A. (2013) *Metodika ispol'zovaniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v uchebnom protsesse* [Methods of using information and communication technologies in the educational process]. Part 2. Yekaterinburg. [Online] Available from: https://core.ac.uk/download/pdf/132622915.pdf
11. Belentsov, S.I. et al. (2019) Free Education: Fundamentals of Humanisic Pedagogics (on the Example of Activity of the German Public Figures of the Second Half of XIX – the Beginning of The XX Centuries of F. Gansberg, L. Gurlitt, G. Sharrelman). *European Journal of Contemporary Education.* 8 (1). pp. 201–207.
12. Minzaripov, R.G. et al. (2021) Scientific / Educational Communication and Leadership ARWU versus MosIUR. *Revista on line de Política e Gestão Educacional*. 25 (1). pp. 557–566. doi: 10.22633/rpge.v25iesp.1.14996
13. Grevtseva, G.Ya. et al. (2021) Methodological Approaches to Preparing Students for Professional Innovative Activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 462. pp. 181–191. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/462/22
14. Entsiklopediya informatsionnogo obshchestva [Encyclopedia of the Information Society]. (2023) *Informatsionnoe obshchestvo* [Information Society]. [Online] Available from: http://wiki.iis.ru/wiki/Informatsionnoe_obshchestvo (Accessed: 17.01. 2023).
15. Colin, C.K. (2005) Priroda informatsii i filosofskie osnovy informatiki [The Nature of Information and the Philosophical Foundations of Informatics]. *Otkrytoe obrazovanie*. 2. pp. 43–51.
16. Bard, A. & Söderqvist, J. (2004) *Netorativa. Novaya pravyashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma* [Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism]. Translated from English. St. Petersburg: [s.n.].
17. Kostromina, S.N. (2015) Informatsiya i znanie: podkhody k ponimaniyu protsessov usvoeniya informatsii i formirovaniyu znaniy v obuchenii [Information and knowledge: approaches to understanding the processes of assimilation of information and the formation of knowledge in education]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2. pp. 5–14
18. Adolf, M.T. (ed.) (2018) *Nico Stehr: Pioneer in the Theory of Society and Knowledge*. Springer. doi: 10.1007/978-3-319-76995-0_20

19. Lobok, A.M. (1997) *Antropologiya mifa* [Anthropology of myth]. Yekaterinburg: Otd. obrazovaniya Administratsii Okt. r-na : Bank kul'tur. inform.
20. Ogol', A.A. (2000) *Formirovanie proektirovochnykh umeniy u budushchikh uchiteley v usloviyakh komp'yuternogo obucheniya* [Formation of design skills in future teachers in terms of computer learning]. Pedagogics Cand. Diss. Volgograd.
21. Lobodenko, L.K. (2022) Formirovanie imidzha prepodavatelya vuza v tsifrovom informatsionno-kommunikatsionnom prostranstve [Formation of the image of a university teacher in the digital information and communication space]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki.* 14 (4). pp. 40–55.
22. Samkova, M.A. (2018) Dezinformatsiya kak sredstvo informatsionno-psikhologicheskoy voyny protiv Rossii (na materiale mediatekstov o khakerskikh atakakh) [Disinformation as a means of information-psychological warfare against Russia (based on media texts about hacker attacks)]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 3. pp. 96–115.
23. Grishaeva, S.A. (2020) Information Security Risk Management. *Proceedings of the 2020 IEEE International Conference "Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies" (IT&QM&IS)*. 07–11 September 2020. Yaroslavl, Russia. pp. 96–98.
24. Kochetov, A.I. (1996) *Kul'tura pedagogicheskogo issledovaniya* [Culture of pedagogical research]. Minsk: [s.n.].
25. Ryzhikov, S.N. (2017) Formirovanie kontseptsii otritsatel'nogo sinergizma [Formation of the concept of negative synergy]. *Zhurnal filosofskikh issledovaniy*. 3 (4). pp. 105–121.
26. Serikov, G.N. (2006) *Pedagogika* [Pedagogics]. Book 2. Moscow: Vlados.
27. Haken, H. (2004) *Synergetics: Introduction and Advanced Topics.* Springer Science & Business Media.
28. Rudneva, T.I. et al. (2013) *Metodologicheskie podkhody k issledovaniyu problem v oblasti professional'noy pedagogiki* [Methodological approaches to the study of problems in the field of professional pedagogy]. Samara: Samarskiy universitet, pp. 15–16.
29. Brazhnik, E.I. (2001) *Integratsionnye protsessy v sovremennom evropeyskom obrazovanii* [Integration processes in modern European education]. St. Petersburg: Library of the Academy of Sciences.
30. Shtan'ko, V.I. (1992) *Informatsiya. Myshlenie. Tselostnost'* [Information. Thinking. Integrity]. Kharkiv: [s.n.].
31. Yakovleva, N.O. (2019) *Dissertatsiya kak rezul'tat pedagogicheskogo issledovaniya* [Dissertation as a result of pedagogical research]. Krasnodar: Krasnodar State Institute of Culture.
32. Mikheev, V.I. (1987) *Modelirovanie i metody teorii izmereniy v pedagogike* [Modeling and methods of measurement theory in pedagogy]. Moscow: Vyssh. shk.
33. Ursul, A.D. (2013) Obrazovanie kak informatsionnyy protsess i perspektivy ego futurizatsii [Education as an information process and prospects for its futurization]. *NB: Pedagogika i prosveshchenie*. 2. pp. 1–57.
34. Elsakova, R.Z. (2022) [Information model of preparing university students for cross-cultural scientific communication]. *EVRAZIYa-2022: sotsial'no-gumanitarnoe prostranstvo v epokhu globalizatsii i tsifrovizatsii* [EURASIA-2022: social and humanitarian space in the era of globalization and digitalization]. Proceedings of the International Forum. Chelyabinsk. 06–08 April 2022. Vol. III. Chelyabinsk: SUSU. pp. 64–65. (In Russian).
35. Gabriel, F. et al. (2022) Digital education strategies around the world: practices and policies. *Irish Educational Studies*. 41(1). pp. 85–106. doi: 10.1080/03323315.2021.2022513
36. Grevtseva, G.Y. et al. (2019) Conditions for Teaching Professional Competence of Future Electronics Engineers in Digital Technology. *Proceedings of the 2019 IEEE International Conference "Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies"*. pp. 490–493.
37. Ponomareva, E.P. et al. (2022) Tools to Form Safety Value of Future Engineers in Digital Environment. *Proceedings of the 2022 International Conference "Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies"*. September pp. 26–30.
38. Sharples, M. (2016) Digital education: Pedagogy online. *Nature*. 540. pp. 340. doi: 10.1038/540340a
39. Kotlyarova, I.O. & Chuvashova, A.D. (2020) Educational Imitation of Basic Job Function Using the Knowledge of English among Technical Major Students. *International Journal of Instruction*. 14 (1). pp. 303–324.
40. Mikeshina, L.A. (2007) *Epistemologiya tsennostey* [Epistemology of values]. Moscow: ROSSPEN.
41. Grünberg, L. (1969) Value-revaluation and the axiological perspective in philosophy. *Journal of Value Inquiry*. 3. pp. 100–112. doi: 10.1007/BF00137406
42. Kostyuk, D.A. (2022) Uchet vliyaniya informatsionnoy sredy na nravstvennye tsennosti voennosluzhashchikh zapasa [Accounting for the influence of the information environment on the moral values of military personnel in the reserve]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki.* 14 (3). pp. 83–95.
43. Lobodenko, L. et al. (2022) Perception of environmental information materials by youth audiences: results of a neuromarketing study. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 3. pp. 5–44.
44. Chibakov, A.S. (2019) Kiberneticheskiy podkhod v obuchenii: istoriko-evolyutsionnyy i sushchnostnyy aspekty [Cybernetic approach to teaching: historical-evolutionary and essential aspects]. *Colloquium-journal*. 27 (51). pp. 90–93.
45. Serikov, G.N. (1998) *Upravlenie obrazovaniem. Sistemnaya interpretatsiya* [Education management. System interpretation]. Chelyabinsk: Fakel.
46. Arkhangel'skiy, S.I. (1980) *Uchebnyy protsess v vysshey shkole, ego zakonomernye osnovy i metody: ucheb.-metod. posobie* [The educational process in higher education, its natural foundations and methods]. Moscow: Vyssh. shkola.
47. Maron, M.E. (1965) On Cybernetics, Information Processing, and Thinking. In: Wiener, N. &. Schadé, J.P (eds) *Progress in Brain Research.* Vol. 17. Elsevier, pp. 118–138. doi: 10.1016/S0079-6123(08)60158-2
48. Atkinson, R.C. (1972) Ingredients for a theory of instruction. *American Psychologist*. 27. pp. 921–931.
49. Lindsay, P.H. & Norman, D.A. (1977) *Human Information Processing*. Academic Press.
50. Arpent'eva, M.R. (2019) [Pedagogy and cybernetics on the training of engineering specialists]. *Strategiya ustoychivogo razvitiya v antikrizisnom upravlenii ekonomicheskimi sistemami* [Strategy for sustainable development in anti-crisis management of economic systems]. Proceedings of the V International Conference. Donetsk: Donetsk NTU. pp. 348–365. (In Russian).
51. Mayer, R.V. (2013) *Kiberneticheskaya pedagogika: Imitatsionnoe modelirovanie protsessa* [Cybernetic Pedagogy: Process Simulation]. Glazov: GSPI.
52. Talyzina, N.F. (1975) *Upravlenie protsessom usvoeniya znaniy* [Management of the learning process]. Moscow: MSU.
53. Vygotskiy, L.S. (1984) Problemy vozrasta [Problems of age]. In: *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works: in 6 volumes]. Vol. 4. Moscow: Pedagogika.
54. Kalashnikova, E.M. (2016) Deyatel'nostnyy podkhod: prichiny ego neeffektivnosti v sovremennom sotsial'no-gumanitarnom poznanii [Activity-based approach: the reasons for its inefficiency in modern social and humanitarian knowledge]. *Vestnik PGGPU. Seriya № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki.* 2. pp. 10–17.

Информация об авторах:
Котлярова И.О. – д-р пед. наук, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности, директор НОЦ «Педагогика непрерывного образования» Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: kotliarovaio@susu.ru
Гревцева Г.Я. – д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и этнокультурного образования Челябинского государственного институт культуры (Челябинск, Россия). E-mail: yakupovna@rambler.ru
Родас-Осойо Хорхе – PhD, профессор Института инженерии и технологий Автономного университета Сьюдад-Хуареса (Чиуаua, Мексика). E-mail: jorge.rodas@uacj.mx

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
I.O. Kotlyarova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: kotliarovaio@susu.ru
G.Ya. Grevtseva, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: yakupovna@rambler.ru
J. Rodas-Osollo, PhD, professor, Autonomous University of Ciudad Juarez (Chihuahua, Mexico). E-mail: jorge.rodas@uacj.mx

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.01.2023;
одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 21.01.2023;
approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/486/24

Оценка биологического возраста студенток очно-заочной формы обучения

Светлана Юрьевна Размахова [1], Ольга Владимировна Тимофеева [2], Татьяна Ивановна Эпп [3]

[1] Московский государственный педагогический университет, Москва, Россия, srazmahova@yandex.ru
[2] Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, olgtimofeeva@mail.ru
[3] Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, eppti@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования зависимости биологического возраста студенток первых и вторых курсов очно-заочной формы обучения от режима их жизнедеятельности. Исследование включало изучение уровня двигательной активности, функционального состояния студенток, определение показателей биологического возраста по методике В.П. Войтенко. В ходе исследования получены данные, которые подтверждают, что уровень двигательной активности влияет на показатели биологического возраста студенток высших учебных заведений очно-заочной формы обучения.

Ключевые слова: функциональное состояние, двигательная активность, режим дня, здоровье, биологический возраст, студентки

Для цитирования: Размахова С.Ю., Тимофеева О.В., Эпп Т.И. Оценка биологического возраста студенток очно-заочной формы обучения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 221–227. doi: 10.17223/15617793/486/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/24

Assessment of the biological age of full-time and part-time students

Svetlana Yu. Razmahova[1], Olga V. Timofeeva[2], Tatyana I. Epp[3]

[1] Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, srazmahova@yandex.ru
[2] Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, olgtimofeeva@mail.ru
[3] Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation, eppti@mail.ru

Abstract. The calendar age of a person does not reflect the individual characteristics of age-related changes in the morphofunctional and physical capabilities of the body. To predict the level of individual health, a universal criterion is used – "biological age". According to scientific research, among the many factors that slow down the aging process, the most effective is regular, gender-, age-, and health-appropriate physical activity. The problem of reducing the regular motor activity of young students, despite the variety of modern technologies for physical culture, remains relevant. Particularly acute is the issue of organizing life activity for students of part-time education, since this category of young students combines work with studies at the university. The aim of the article is to determine the influence of the level of motor activity on the indicators of the biological age of female students of higher educational institutions of part-time education. In the course of determining the level of motor activity, we revealed that the female students of part-time education generally lead an active lifestyle. According to the survey, the majority of respondents (68%) have a "good" and "satisfactory" result. This indicates that female students include various types of physical activity in their daily routine, but such activities are not regular. Only in 18% of girls, regular physical activity is included in the mode of life and an "excellent" result is revealed, and in 14% of respondents with an "unsatisfactory" level of physical activity, directed physical activity is absent at all. The distribution of female students into four groups, in accordance with the results of the study of physical activity, allowed us to compare the obtained data with the calculated indicators of biological age. We found that the lower the level of physical activity of female students, the higher the average values of the actual biological age. The same pattern can be traced when calculating the degree of aging, which reveals how many times the average actual biological age in each group of female students differs from the population standard. The highest average values of the degree of aging were found in the group with an "unsatisfactory" level of motor activity, and the smallest in the group with "excellent" and "good" levels of motor activity. Thus, in the course of the study, we determined that the biological age of part-time students depends on the level of their physical activity. Female students who include regular physical activity in their daily regimen have the smallest difference between the average values of biological and calendar age. The data obtained when calculating the degree of aging indicate that girls with "satisfactory" and "unsatisfactory" levels of physical activity have an acceleration in the rate of aging. The results of the study can be applied in theoretical and practical classes in the Physical Education discipline at the university under the program of all forms of education as indicators of the importance of regular physical activity of a person at any age.

Keywords: functional state, physical activity, daily routine, health, biological age, female students

© Размахова С.Ю., Тимофеева О.В., Эпп Т.И., 2023

***For citation*:** Razmahova, S.Yu., Timofeeva, O.V. & Epp, T.I. (2023) Assessment of the biological age of full-time and part-time students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 221–227. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/24

Биологический возраст – интегральный показатель, отражающий состояние организма человека не только с точки зрения морфологии и физиологии, но и с позиции состояния функциональных систем, регуляторных и адаптационных механизмов развития организма [1]. Как универсальный критерий, этот показатель дает возможность определить функциональные резервы органов и систем организма, оценить возможную степень старения. В научной литературе представлено несколько методик расчета биологического возраста, все они в той или иной степени имеют свои достоинства и недостатки. Методика, разработанная В.П. Войтенко с соавторами (1984), основана на изучении физиологических и антропометрических показателей и применении расчетных формул, учитывающих как возраст, так и пол испытуемых [2, 3]. В результате использования этой методики выявляются следующие данные: фактический биологический возраст, должный биологический возраст и степень постарения. Отсутствие сложных лабораторных исследований, как и применения специальных приборов, делает эту методику расчета биологического возраста доступной и актуальной.

Календарный возраст человека не всегда отражает истинные возрастные изменения организма, его индивидуальные особенности морфофункциональных и физических возможностей. По результатам многочисленных исследований биологический возраст, как правило, не совпадает с календарным (паспортным) возрастом человека [1, 4, 5]. Это различие обусловлено влиянием множества факторов, в том числе наследственностью, состоянием окружающей среды, образом жизни, объемом двигательной активности и т.д. Однако, по данным научной литературы, именно образ жизни является ведущим фактором, влияющим на состояние здоровья человека, а следовательно, и на его биологический возраст [1, 5].

Основные составляющие здорового образа жизни: отказ от вредных привычек, рациональный режим работы и отдыха, полноценное питание, соблюдение правил личной гигиены и регулярная двигательная активность. Физические нагрузки, соответствующие полу, возрасту и состоянию здоровья человека, специалисты выделяют как фактор, в наибольшей степени влияющий на показатели биологического возраста [6–8]. Двигательная активность – одно из необходимых условий поддержания нормального функционального состояния здоровья человека, его естественная потребность. Независимо от возраста человека, включение в режим жизнедеятельности регулярных физических нагрузок является наиболее эффективным средством, замедляющим процессы старения и укрепляющим адаптационные возможности организма.

В современном обществе вопросам здоровья учащейся молодежи – основного будущего потенциала общества – государство уделяет особое внимание. Проблема снижения регулярной двигательной активности этой категории населения, несмотря на многообразие современных технологий по физической культуре, остается актуальной [9, 10]. По данным научной литературы ухудшение здоровья студентов является результатом воздействия многих факторов, прежде всего снижения двигательной активности, которая является физиологической потребностью [8, 9]. Учебная деятельность в высшем учебном заведении для всех форм обучения сопряжена с напряженной умственной работой при минимальной физической активности, с обработкой больших объемов информации при самостоятельном выполнении заданий во внеучебное время. В программе высшего образования вопросы соблюдения принципов здорового образа жизни и формирования необходимой и регулярной физической нагрузки решаются в основном на теоретических и практических занятиях по дисциплине «Физическая культура». Однако посещение студентами практических занятий в течение учебных семестров не покрывает рекомендуемый объем физической активности. Только умение самостоятельно применять разнообразные средства и технологии физической культуры и спорта, включение регулярных и адекватных двигательных нагрузок в режим жизнедеятельности способствуют устранению негативных последствий напряженного учебного процесса. Для сохранения и поддержания здоровья обучающимся необходимо четко планировать и формировать режим дня, соблюдать правила чередования работы и отдыха. Особенно остро вопрос организации жизнедеятельности возникает у студентов очно-заочной формы обучения, так как эта категория учащейся молодежи совмещает трудовую деятельность с учебными занятиями в университете. В связи с этим актуальной темой исследования является выявление начальных стадий нарушения здоровья студентов посредством изучения биологического возраста и факторов, связанных с ним.

Цель исследования: определить влияние уровня двигательной активности на показатели биологического возраста студенток высших учебных заведений очно-заочной формы обучения.

Методы и организация исследования

Исследование проводилось на базе трех вузов: Московский государственный педагогический университет (МГПУ), Российский университет дружбы народов (РУДН) и Омский государственный педагогический университет (ОмГПУ). В исследовании приняли участие российские студентки первых и вторых курсов очно-заочной формы обучения – по 50 студенток из каждого университета в общем количестве 150 человек, возраст обучающихся 19–26 лет. В ходе исследования применя-

лись следующие методы: анализ научно-методической литературы, анкетирование, тестирование, статистическая обработка и анализ полученных данных.

Для определения уровня двигательной активности студенток применялась методика, разработанная М.Я. Виленским и В.И. Ильиничем [11]. Респондентам предлагалось по специальной анкете определить регулярность выполнения различных видов физических нагрузок. Каждый вид нагрузки в зависимости от выбранного ответа (регулярно/не регулярно/не выполняю) оценивался определенным количеством баллов. После суммирования результатов предлагалось критически оценить штрафными очками наличие вредных привычек, таких как курение, употребление алкоголя, нарушение режима дня, несоблюдение режима питания, если таковые были. Оценку «отлично» получали респонденты, набравшие 70 баллов и более, оценку «хорошо» – набравшие более 50 баллов, оценку «удовлетворительно» – набравшие более 30 баллов, «неудовлетворительно» – набравшие менее 30 баллов.

Определение биологического возраста студенток осуществлялось в соответствии с методикой В.П. Войтенко [2]. На начальном этапе исследования проводилось комплексное тестирование, которое предусматривает для женщин измерение следующих антропометрических и функциональных показателей:

1) *масса тела*;

2) *артериальное давление*;

3) *время статической балансировки* (посредством пробы Ромберга);

4) *индекс самооценки здоровья* (определяется по специальной анкете).

На следующем этапе исследования проводились статистическая обработка и анализ полученных данных. В соответствии с методикой В.П. Войтенко применялись расчетные формулы (для женщин) и вычислялись:

– *Пульсовое артериальное давление*:

$$ПАД = САД–ДАД,$$

где ПАД – пульсовое артериальное давление (мм рт. ст.); САД – систолическое артериальное давление (мм рт. ст.); ДАД – диастолическое артериальное давление (мм рт. ст.).

– *Фактический биологический возраст:*

$$ФБВ = 1{,}46 + 0{,}42 \cdot ПАД + 0{,}25 \cdot МТ + 0{,}70 \cdot СОЗ – 0{,}14 \cdot СБ,$$

где ФБВ – фактический биологический возраст (годы); ПАД – пульсовое артериальное давление (мм рт. ст.); МТ – масса тела (кг); СОЗ – самооценка здоровья (баллы); СБ – статическая балансировка (с).

– *Должный биологический возраст:*

$$ДБВ = 0{,}581\ КВ + 17{,}24,$$

где ДБВ – должный биологический возраст (годы); КВ – календарный возраст (годы).

– *Степень постарения:*

$$СП = ФБВ–ДБВ,$$

где СП – степень постарения; ФБВ – фактический биологический возраст (годы); ДБВ – должный биологический возраст (годы).

Категории степени постарения:

– результаты меньше 0 указывают на то, что степень постарения замедленная;

– результаты, равные 0, указывают на то, что степень постарения соответствует статистическим нормам;

– результаты от 0 до +5 указывают на то, что степень постарения ускоренная;

– результаты выше +5 указывают на то, что степень постарения резко ускоренная.

Статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью программы Microsoft Office Excel и включала расчет средних значений и определение достоверности влияния изучаемых показателей посредством однофакторного дисперсионного анализа Различия считались статистически значимыми при $p < 0{,}05$.

Результаты исследования и их обсуждение

Двигательная активность студенток. При определении уровня двигательной активности студенток очно-заочной формы обучения получены следующие результаты: 18% респондентов имеют результат «отлично», 30% имеют результат «хорошо», 38% – «удовлетворительно» и 14% опрошенных – «неудовлетворительно». При анализе данных анкетирования выявлено, что студентки регулярно выполняют следующие виды физической нагрузки: утренняя гимнастика – 20%, передвижение на работу и с работы пешком – 30%, физкультурные паузы в режиме учебного дня – 7%, инициативные самостоятельные занятия физкультурой – 32%, инициативные занятия физкультурой в выходные дни – 34%, закаливающие мероприятия – 15%, выполнение физической работы по дому – 88%. При определении вредных привычек получены следующие результаты: 52% респондентов указали на нарушение режима сна, 37% – на нарушение режима питания.

По результатам проведенного анкетирования определено, что только у 18% студенток очно-заочной формы обучения в режим жизнедеятельности входят регулярные физические нагрузки, а у 14% респондентов направленная физическая нагрузка вообще отсутствует. Большинство же девушек (68%) в целом ведут активный образ жизни и включают в содержание своего дня различные виды двигательной активности, но такие занятия носят не регулярный, эпизодический характер.

Определение показателей биологического возраста студенток. Для расчета показателей биологического возраста студенток очно-заочной формы обучения проведено комплексное тестирование (табл. 1). В ходе исследования получены средние значения, которые указывают на то, что изучаемые антропометрические и функциональные показатели находятся в пределах нормы для женщин в возрасте 19–26 лет. Индивидуальные данные веса у большинства студенток имеют нормальное значение, у 45 девушек выявлена избыточная масса тела с начальными признаками ожирения и 19 человек имеют дефицит массы тела. Измерение показателей артериального давления определило повышенные значения у 15 студенток и пониженные значения у 22 девушек. Индивидуальные результаты времени статической балансировки у тестируемых находятся в диапазоне от 48,6 до 4,0 секунд.

Таблица 1

Результаты тестирования студенток для оценки биологического возраста (по В.П. Войтенко)

Критерии расчета биологического возраста (x ± σ, n = 150)			
Масса тела, кг	Артериальное давление, мм рт. ст.	Статическая балансировка, с	Индекс самооценки здоровья (баллы)
64,46 ± 3,86	118,14 ± 6,12 / 73,71 ± 4,28	32,18 ± 3,88	8,66 ± 2,42

По результатам анкетирования определялся индекс самооценки здоровья студенток, участвовавших в нашем исследовании, полученные средние значения также находились в пределах нормы. Среди проблем со здоровьем респонденты отмечают головные боли и периодические головокружения, указывают на нервно-психическое напряжение, боли в опорно-двигательном аппарате, ухудшение зрения и проблемы с желудочно-кишечным трактом.

Используя данные комплексного тестирования и расчетные формулы, далее мы определяли фактический биологический возраст студенток очно-заочной формы обучения. В соответствии с результатами предыдущего исследования девушки были распределены на четыре группы, что позволило проанализировать влияние уровня двигательной активности на показатели биологического возраста студенток (табл. 2).

Таблица 2

Показатели фактического биологического возраста студенток в зависимости от уровня двигательной активности

	Уровень двигательной активности (по М.Я. Виленскому и В.И. Ильиничу)				P
	«отлично» X ср, n = 27	«хорошо» X ср, n = 45	«удовлетворительно» X ср, n = 57	«неудовлетворительно» X ср, n = 21	
Фактический биологический возраст (ФБВ)	31	33	34	36	< 0,05

Для определения достоверности влияния изучаемых показателей был применен однофакторный дисперсионный анализ. Полученные результаты свидетельствуют о том, что уровень двигательной активности студенток, участвующих в нашем исследовании, оказывает существенное влияние на показатель их фактического биологического возраста. Результаты исследования указывают на то, что чем ниже уровень двигательной активности, тем выше средние значения фактического биологического возраста.

Следуя методике В.П. Войтенко, были рассчитаны следующие показатели биологического возраста: должный биологический возраст, календарный возраст, разница между фактическим биологическим возрастом и календарным возрастом, степень постарения. Данные, представленные в табл. 3, указывают на то, что средние значения фактического биологического возраста превышают средние значения календарного возраста во всех группах студенток. Наименьшая разница между исследуемыми факторами определена в группе с «отличным» уровнем (10) и «хорошим» уровнем (10) двигательной активности, а наибольшая разница – в группе с «неудовлетворительным» уровнем (14) двигательной активности. Полученные результаты согласуются с данными ряда научных исследований и указывают на снижение общего уровня здоровья учащейся молодежи [7, 10, 12, 13]. Такая разница между фактическим биологическим возрастом и календарным возрастом у студенток очно-заочной формы обучения, возможно, объясняется, по нашему мнению, непростым жизненным периодом, когда необходимо совмещать учебу в высшем учебном заведении с трудовой деятельностью. Кроме того, в молодом возрасте свойственно непонимание важности регулярных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление здоровья.

Таблица 3

Показатели биологического возраста студенток в зависимости от уровня двигательной активности

Показатели биологического возраста	Уровень двигательной активности (по М.Я. Виленскому и В.И. Ильиничу)			
	«отлично» X ср, n = 27	«хорошо» X ср, n = 45	«удовлетворительно» X ср, n = 57	«неудовлетворительно» X ср, n = 21
Должный биологический возраст (ДБВ)	29	30	29	30
Календарный возраст (КВ)	21	23	22	22
ФБВ – КВ	10	10	12	14
Степень постарения	2	3	5	6

При расчете средних значений степени постарения наибольшие средние значения этого показателя выявлены у группы с «неудовлетворительным» уровнем двигательной активности (6), а наименьшие – у группы с «отличным» уровнем двигательной активности (2). Сопоставляя полученные данные с категориями степени постарения, мы определили, что ускорение темпов старения наблюдается у студенток с «удовлетворительным» уровнем двигательной активности, а у студенток с «неудовлетворительным» уровнем двигательной активности наблюдается резко ускоренная степень постарения. При выявлении ускоренной сте-

пени постарения рекомендуется пройти медицинское обследование, пересмотреть режим жизнедеятельности, в том числе объем двигательной активности, и рациональность суточного рациона. В случае если у человека выявляется резко ускоренная степень постарения, коррекцией режима жизнедеятельности и суточного рациона не обойтись, рекомендуется пройти обширное медицинское обследование, так как возможны серьезные изменения в органах и системах организма вплоть до некомпенсированных.

Таким образом, в результате нашего исследования достоверно определено, что уровень двигательной активности студенток очно-заочной формы обучения оказывает существенное влияние на показатель их фактического биологического возраста. Получены данные: чем ниже уровень двигательной активности студенток, тем выше средние значения фактического биологического возраста. Также выявлено, что средние значения фактического биологического возраста превышают средние значения календарного возраста во всех группах студенток. При расчете средних значений степени постарения определено, что ускорение темпов старения наблюдается у студенток с «удовлетворительным» уровнем двигательной активности, а у студенток с «неудовлетворительным» уровнем двигательной активности наблюдается резко ускоренная степень постарения.

Заключение

Календарный возраст человека не всегда объективно отражает индивидуальные особенности возрастных изменений морфофункциональных и физических возможностей организма. Для прогнозирования уровня индивидуального здоровья применяется универсальный критерий – «биологический возраст». Судя по данным многочисленных исследований, среди множества факторов, замедляющих процессы старения, наиболее эффективна регулярная, соответствующая полу, возрасту и состоянию здоровья физическая нагрузка.

Проблема снижения регулярной двигательной активности учащейся молодежи, несмотря на многообразие современных технологий по физической культуре, остается актуальной. Учебная деятельность в высшем учебном заведении для всех форм обучения сопряжена с напряженной умственной работой при минимальной физической активности, с обработкой больших объемов информации при самостоятельном выполнении заданий во внеучебное время. Особенно остро вопрос организации жизнедеятельности возникает у студентов очно-заочной формы обучения, так как эта категория учащейся молодежи совмещает трудовую деятельность с учебными занятиями в университете.

В ходе исследования уровня двигательной активности по методике М.Я. Виленского и В.И. Ильинича определено, что студентки очно-заочной формы обучения в целом ведут активный образ жизни. По данным проведенного анкетирования большинство респондентов (68%) имеют «хороший» и «удовлетворительный» результат. Это указывает на то, что студентки включают в режим своего дня различные виды двигательной активности, но такие занятия носят не регулярный, эпизодический характер. И только 18% девушек в режим жизнедеятельности включили регулярные физические нагрузки – у них выявлен «отличный» результат, а у 14% респондентов с «неудовлетворительным» уровнем двигательной активности направленная физическая нагрузка вообще отсутствует.

Распределение студенток на четыре группы, в соответствии с результатами изучения двигательной активности, позволило сопоставить полученные данные с рассчитанными показателями биологического возраста по методике В.П. Войтенко. Полученные результаты свидетельствуют о том, что уровень двигательной активности студенток, участвующих в нашем исследовании, оказывает достоверное влияние на показатель их фактического биологического возраста. Определено, что чем ниже уровень двигательной активности студенток, тем выше средние значения фактического биологического возраста. Эта же закономерность прослеживается и при расчете степени постарения: наибольшие средние значения выявлены у группы с «неудовлетворительным» уровнем двигательной активности, а наименьшие – у группы с «отличным» уровнем двигательной активности.

Таким образом, в ходе исследования определено, что биологический возраст студенток очно-заочной формы обучения зависит от уровня их двигательной активности. У студенток, включающих в режим своего дня регулярные физические нагрузки, такие как утренняя гимнастика, организованные или самостоятельные занятия физической культурой, пешие прогулки и т.д., выявлена наименьшая разница между средними значениями биологического и календарного возраста. Данные, полученные при расчете степени постарения, указывают на то, что у девушек, имеющих «удовлетворительный» уровень двигательной активности, выявлено ускорение темпов старения, а у студенток с «неудовлетворительным» уровнем двигательной активности наблюдается резко ускоренная степень постарения.

Результаты проведенного исследования могут быть применены в процессе теоретических и практических занятий по дисциплине «Физическая культура» в университете для студентов всех форм обучения и использоваться в качестве показателей значимости регулярной двигательной активности человека в любом возрасте. Важной задачей обучения студентов является не только формирование знаний разнообразных средств, методов и современных технологий в сфере физической культуры и спорта, но и умение самостоятельно применять эти знания на практике на протяжении всей индивидуальной жизни.

Список источников

1. Алекбашева А.К., Хайбуллина А.А., Климов А.В., Денисов Е.Н. Влияние неправильного питания, малоподвижного образа жизни, вредных привычек и неполноценного сна на биологический возраст. Показатели преждевременного старения // Молодой ученый. 2019. № 19 (257). С. 69–71.
2. Маркина Л.Д. Определение биологического возраста человека методом В.П. Войтенко: учеб. пособие для самостоятельной работы студентов медиков и психологов. Владивосток : Владивостокский гос. мед. ун-т, 2001. 29 с.
3. Касаткина Ю.Н., Петрова Е.А. Сравнительная характеристика методик по определению биологического возраста человека по В.П. Войтенко и по А.Г. Горелкину // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 5. URL: https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18656 (дата обращения: 17.09.2022).
4. Рябчикова Т.В., Егорова Л.А., Кузьмичева Е.А. Сопоставление паспортного и биологического возраста // Клиническая геронтология. 2009. Т. 15, № 2. С. 19–22.
5. Шпагина Л.Н., Филимонов С.Н. Оценка биологического возраста и темпа старения как показателя состояния шахтеров Кузбасса // Фундаментальные исследования. 2013. № 7-3. С. 666–669.
6. Кабачкова А.В., Фомченко В.В., Фролова Ю.С. Двигательная активность студенческой молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 175–178.
7. Спиридонова Е.А. Низкий уровень двигательной активности как фактор риска здоровья студенческой молодежи // Актуальные проблемы здоровья, физической культуры и спорта на современном этапеи: сб. науч. трудов, посвященный 110-летию СГУ имени Н.Г. Чернышевского. Саратови: Саратовский источник, 2019. С. 84–88.
8. Футорный С.М. Проблема дефицита двигательной активности студенческой молодежи // Физическое воспитание студентов. 2013. № 3. С. 75–79.
9. Михайлова С.В. Комплексная оценка состояния здоровья студенческой молодежи // Профилактическая и клиническая медицина. 2018. № 1 (66). С. 23–30.
10. Грабиненко Е.В., Попова Н.В. Исследование уровня здоровья студентов Алтайского государственного педагогического университета в зависимости от вида физкультурно-спортивной деятельности // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (40). С. 18–22.
11. Пшеничников А.Ф. Физическая культура студента (Методико-практические занятия) : учеб. пособие. СПб. : Санкт-Петербургский ГАСУ; ЭБС АСВ, 2012. 218 с.
12. Виленский М.Я., Горшков А.Г. Физическая культура и здоровый образ жизни студента : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2011. 258 с.
13. Размахова С.Ю., Пушкина В.Н., Гернет И.Н., Оляшев Н.В. Влияние двигательной активности на показатель биологического возраста студенток // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2017. № 2. С. 80–86.

References

1. Alekbasheva, A.K. et al. (2019) Vliyanie nepravil'nogo pitaniya, malopodvizhnogo obraza zhizni, vrednykh privychek i nepolnotsennogo sna na biologicheskiy vozrast. Pokazateli prezhdevremennogo stareniya [The impact of malnutrition, sedentary lifestyle, bad habits and inadequate sleep on biological age. Indicators of premature aging]. *Molodoy uchenyy*. 19 (257). pp. 69–71.
2. Markina, L.D. (2001) *Opredelenie biologicheskogo vozrasta cheloveka metodom V.P. Voytenko: ucheb. posobie dlya samostoyatel'noy raboty studentov medikov i psikhologov* [Determination of the biological age of a person by the method of V.P. Voitenko: textbook for independent work of medical students and psychologists]. Vladivostok: Vladivostok State Medical University.
3. Kasatkina, Yu.N. & Petrova, E.A. (2018) Sravnitel'naya kharakteristika metodik po opredeleniyu biologicheskogo vozrasta cheloveka po V.A. Voytenko i po A.G. Gorelkinu [Comparative characteristics of methods for determining the biological age of a person according to V.A. Voitenko and according to A.G. Gorelkin]. *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik*. 5. [Online] Available from: https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18656 (Accessed: 17.09.2022).
4. Ryabchikova, T.V., Egorova, L.A. & Kuz'micheva, E.A. (2009) Sopostavlenie pasportnogo i biologicheskogo vozrasta [Comparison of passport and biological age]. *Klinicheskaya gerontologiya*. 15 (2). pp. 19–22.
5. Shpagina, L.N. & Filimonov, S.N. (2013) Otsenka biologicheskogo vozrasta i tempa stareniya kak pokazatelya sostoyaniya shakhterov Kuzbassa [Assessment of biological age and aging rate as an indicator of the state of Kuzbass miners]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 7-3. pp. 666–669.
6. Kabachkova, A.V., Fomchenko, V.V. & Frolova, Yu.S. (2015) Motor activity of student youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 392. pp. 175–178. (In Russian).
7. Spiridonova, E.A. (2019) Nizkiy uroven' dvigatel'noy aktivnosti kak faktor riska zdorov'ya studencheskoy molodezhi [Low level of physical activity as a risk factor for the health of student youth]. In: *Aktual'nye problemy zdorov'ya, fizicheskoy kul'tury i sporta na sovremennom etape: sb. tr. nauchnykh trudov, posvyashchennyy 110-letiyu SGU imeni N.G. Chernyshevskogo* [Topical problems of health, physical culture and sports at the present stage: Articles dedicated to the 110th anniversary of Saratov State University]. Saratov: Saratovskiy istochnik, pp. 84–88.
8. Futornyy, S.M. (2013) Problema defitsita dvigatel'noy aktivnosti studencheskoy molodezhi [The problem of lack of physical activity of student youth]. *Fizicheskoe vospitanie studentov*. 3. pp. 75–79.
9. Mikhaylova, S.V. (2018) Kompleksnaya otsenka sostoyaniya zdorov'ya studencheskoy molodezhi [Comprehensive assessment of the health status of student youth]. *Profilakticheskaya i klinicheskaya meditsina*. 1 (66). pp. 23–30.
10. Grabinenko, E.V. & Popova, N.V. (2019) Issledovanie urovnya zdorov'ya studentov Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta v zavisimosti ot vida fizkul'turno-sportivnoy deyatel'nosti [Study of the level of health of students of the Altai State Pedagogical University, depending on the type of physical culture and sports activities]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3 (40). pp. 18–22.
11. Pshenichnikov, A.F. (2012) *Fizicheskaya kul'tura studenta. (Metodiko-prakticheskie zanyatiya): ucheb. posobie* [Physical culture of the student. (Methodologiical and practical classes): textbook]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy GASU, EBS ASV.
12. Vilenskiy, M.Ya. & Gorshkov, A.G. (2011) *Fizicheskaya kul'tura i zdorovyy obraz zhizni studenta: ucheb. posobie* [Physical culture and a healthy lifestyle of a student: textbook]. Moscow: KNORUS.
13. Razmakhova, S.Yu. et al. (2017) Vliyanie dvigatel'noy aktivnosti na pokazatel' biologicheskogo vozrasta studentok [The influence of motor activity on the indicator of the biological age of female students]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport*. 2. pp. 80–86

Информация об авторах:

Размахова С.Ю. – канд. биол. наук, доцент кафедры адаптологии и спортивной подготовки Московского государственного педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: srazmahova@yandex.ru

Тимофеева О.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: olgtimofeeva@mail.ru
Эпп Т.И. – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия). E-mail: eppti@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
S.Yu. Razmahova, Cand. Sci. (Biology), associate professor, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: srazmahova@yandex.ru
O.V. Timofeeva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgtimofeeva@mail.ru
T.I. Epp, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: eppti@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.11.2022;
одобрена после рецензирования 29.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 01.11.2022;
approved after reviewing 29.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 796.325
doi: 10.17223/15617793/486/25

Психомоторные задатки волейболистов как основа совершенствования блокирующих действий

Алексей Александрович Ржанов[1], Анвар Амирович Ахматгатин[2], Владислав Юрьевич Лебединский[3]

[1, 3] Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия
[2]Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия
[1] volley-angarsk@ya.ru
[2] ahmatgatin@list.ru
[3]lebedinskiy@ex.istu.edu

Аннотация. Проанализирована структура психомоторной деятельности волейболиста в момент блокирования. Разработана методика совершенствования эффективности игровых блокирующих действий, включающая в себя тесты для оценки психомоторных характеристик, метод оценки игрового действия, развивающие упражнения, разработанные и селективно подобранные по критерию сенситивного восприятия и доступности применения на практике. В ходе педагогического эксперимента данная методика показала свою эффективность и значимость, что позволяет применять ее для подготовки юных спортсменов этой специализации.

Ключевые слова: волейбол, блокирующие действия, психомоторные способности, врожденные задатки, различительная чувствительность движений

Для цитирования: Ржанов А.А., Ахматгатин А.А., Лебединский В.Ю. Психомоторные задатки волейболистов как основа совершенствования блокирующих действий // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 228–234. doi: 10.17223/15617793/486/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/25

Psychomotor dispositions of volleyball players as the basis for improving blocking actions

Alexey A. Rzhanov[1], Anvar A. Akhmatgatin[2], Vladislav Yu. Lebedinsky[3]

[1, 3] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation
[2] Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation
[1] volley-angarsk@ya.ru
[2] ahmatgatin@list.ru
[3] lebedinskiy@ex.istu.edu

Abstract. The competitive result in volleyball depends on the accuracy and timeliness of the implementation of the basic technical elements of the game. The blocking action is one of the most difficult elements to perform due to the need to accurately get into the specified temporal, spatial and power parameters. This study aims to analyze the player's psychomotor activity at the moment of blocking and, on the basis of this, to develop methods for improving the effectiveness of playing blocking actions in volleyball. Motor abilities in volleyball are formed on the basis of the psychomotor characteristics of the athlete. The control of motor actions, in this case, is carried out through sensations and perception with the help of visual, auditory and tactile analyzers. The sense of time, space and the distribution of one's own efforts in them ensure the accuracy of performing complex coordination tasks. The blocking action is formed due to the concentration of attention, the reaction to a moving object with the distribution of vestibular loads. It is assumed that the blocking effect in volleyball can be improved due to psychomotor abilities that enable athletes to concentrate attention and quickly form responses to changes in game situations; to perform coordinating complex technical elements using vestibular stability and balance as characteristics of orientation in space; to distinguish between time characteristics; to distribute their own muscle efforts, exactly getting into the specified parameter. To achieve the aim of the study, we conducted an experiment in which 37 athletes in the control and 35 in the experimental groups took part. The duration of the experiment was four months. The results of the experiment indicated a significant improvement in the characteristics of psychomotor abilities in the athletes of the experimental group. At the same time, changes in these characteristics in the athletes of the control group were insignificant. Additionally, at the end of the experiment, we compared the characteristics of the game actions of athletes from the experimental and control groups. The results of the analysis revealed a significantly better efficiency of game actions in the athletes of

© Ржанов А.А., Ахматгатин А.А., Лебединский В.Ю., 2023

the experimental group compared to the athletes in the control group. The analysis of psychomotor reactions of volleyball players when performing a blocking action allows us to state the influence on the accuracy, timeliness and effectiveness of its implementation of the innate psychomotor features of the distinctive sensitivity of the athletes' movements. The results of the experiment reflect a significant positive trend that characterizes the effectiveness of the technique, which increases the effectiveness of blocking actions of volleyball players due to the formation of the ability to control the parameters of time, space and effort.

Keywords: volleyball, blocking actions, psychomotor abilities, innate dispositions, special sensitivity of movements

***For citation*:** Rzhanov, A.A., Akhmatgatin, A.A. & Lebedinsky, V.Yu. (2023) Psychomotor dispositions of volleyball players as the basis for improving blocking actions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 228–234. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/25

Актуальность

Волейбол – командный игровой вид спорта, в котором движения спортсменов можно квалифицировать как ответные действия на сформированные противником игровые события, устремленные к завершению розыгрыша в свою пользу [1]. Особенность психомоторных действий в данной спортивной дисциплине связана с высокой скоростью происходящих игровых амплитуд без остановочных пауз и возможности оценки ситуации в момент розыгрыша мяча [2]. При этом игровые события не могут постоянно принимать шаблонный вид и должны прогнозироваться игроками, что обусловливает необходимость их способности к антиципации последующих технических действий соперника. Все движения в волейболе основываются на базовых ментальных и двигательных навыках, которые являются «психомоторными» и циклически повторяются в игровом процессе. В современных научных публикациях [3] достаточно подробно раскрываются вопросы технического обеспечения, организации тренировочного процесса, средств и методов обучения игре в волейбол. Вместе с тем на сегодняшний день разработаны и описаны критерии, используемые для оценки эффективности выполнения технических сложно-координационных действий в процессе соревновательной деятельности в данном виде спорта. Однако вопросы описания игровых ситуаций как набора психомоторных элементов, взаимодействующих между собой и отвечающих за результат выполнения игровой задачи в волейболе, изучены недостаточно. Роль и значение природных психомоторных задатков, влияющих на выполнение определенного психомоторного действия в процессе обучения, тренировки и на соревнованиях, практически не изучались специалистами.

Определяющими характеристиками в результативной постановке блока являются его своевременность и точность. Врожденные задатки, характеризующие психомоторные реакции человека и степень их развития, оказывают влияние на качество выполнения сложно-координационных элементов в специализации. Распознавание наследственных признаков может характеризовать перспективы эффективного развития и раскрытие спортивного таланта. Предпосылки к развитию задатков способности являются базовой составляющей врожденных характеристик, вовремя обнаружив которые можно открыть талант, направляя и развивая данную составляющую. Восприятие пространственно-временных ориентиров в волейболе является важнейшим качеством, определяющим стабильность и надежность игровых действий. Данные двигательные процедуры контролируются совокупностью зрительного, слухового, тактильного анализаторов через ощущения и восприятие. Чувства времени и пространства являются определяющими точность выполнения сложно-координационных технических элементов. Волейболист для выполнения сложного игрового действия учитывает время полета мяча, длительность собственных движений, сопоставляя пространственные ориентиры в процессе их выполнения. Непрограммируемые и не позволяющие оценивать их во время игры ситуационные процессы корректируются за счет психомоторных характеристик, трактуемых как различительная чувствительность параметров собственных движений (РЧД).

При этом блокирующее действие в волейболе можно рассматривать как совокупность психомоторных реакций игрока, протекающих и связанных между собой в направленном противостоянии активным действиям противника над сеткой. Методика совершенствования эффективности блокирующих действий основывается на идее оценки и развития психомоторных качеств волейболистов К.К. Маркова [4]. Формирование блокирующего действия происходит с учетом момента концентрации внимания, реакции на движущийся объект и реакции выбора с короткими вестибулярными нагрузками. Показателем, определяющим точность, своевременность и результативность выполнения технического защитного действия, является РЧД, при помощи которой волейболист перерабатывает сенсомоторные двигательные сигналы с различием по временным, пространственным и силовым ориентирам и перераспределяет двигательные ресурсы для координационного технического элемента [5]. Вместе с тем общая РЧД представляет собой перцептивную психомоторную характеристику спортсмена, имеющую врожденный верхний и нижний пороги развития. Она является фактором, определяющим его индивидуальные способности воспроизводить с помощью анализаторов первичные стимулы, обрабатывать полученную информацию и моментально принимать решение, точно и с оптимальным ритмом завершать целенаправленные двигательные действия. Процессы переработки двигательных сигналов с различием и выбором стимулов входят в центральный компонент психического акта, а процессы, характеризующие начало движения, – в моторный компонент.

При этом РЧД дифференцируется на более тонкие различия по времени (РЧВ), пространству (РЧП) и усилию (РЧУ). Эти качества являются основой многообразных форм сенсорно-перцептивной антиципации игровых действий во внешнем пространстве, всех реакций волейболиста на движущийся мяч и движения игроков команды соперников [6]. Характер точного пространственного различения (РЧП) определяется спецификой функционирования зрительного и вестибулярного анализаторов, проприоцептивной чувствительностью, умением задерживать двигательный импульс на точно заданное время, управлять скоростью реакции (в ее латентном периоде) [7]. Уровень управления РЧУ зависит в значительной мере от самоконтроля спортсмена и от точного выполнения им технических элементов.

Таким образом, можно констатировать, что блокирующие действия в волейболе возможно результативно развивать, используя свойственные человеку психомоторные способности:

– способность быстро формировать ответные действия на движущийся объект через концентрацию внимания, реагируя на меняющуюся игровую обстановку;

– способность выполнять сложнокоординационные двигательные элементы, используя чувство равновесия и вестибулярную корректировку в момент выпрыгивания;

– способность определения характеристик пространственного движения объектов относительно друг друга и собственных сегментов рук;

– способность к точному восприятию коротких временных отрезков и попадания в них собственными двигательными действиями;

– способность точно распределять мышечные усилия в соответствии с условиями создавшейся игровой ситуации.

Актуальность исследования обусловлена тем обстоятельством, что блок считается самым сложным элементом в волейболе [8, 9]. Его результативное выполнение зависит не только от морфологических параметров игрока, но и (в большей мере) от его психомоторных способностей, определяющих своевременность и точность выполнения игровых действий. Наибольшие требования, предъявляемые данным видом спорта к игрокам в плане психомоторного, врожденного потенциала, отводятся координационным способностям, обеспечивающим решение сложных двигательных задач. При этом они выражаются в способностях человека за счет совокупности тонких психомоторных характеристик: реакции, концентрации внимания, вестибулярных характеристик, различительной чувствительности движения (РЧД) и т.д. Методика совершенствования эффективности блокирующего действия через развитие психомоторных способностей игроков имеет научную новизну и может обеспечить эффективную и доступную организацию спортивной тренировки, а вследствие этого повысить результативность действий спортсменов в противостоянии атакам противника в условиях соревнований.

В соответствии с вышеизложенным целью данной работы является анализ психомоторной деятельности игрока в момент блокирования и (на основании этого) разработка методики совершенствования эффективности игровых блокирующих действий в волейболе.

Формирование реакции выбора в основном реализуется через функционирование зрительного анализатора и совершенствуется за счет концентрации внимания, а индивидуальные характеристики спортсменов обусловливают точность действий. В то же время в основе сложной пространственно-временной реакции на движущийся объект лежит условно-рефлекторная деятельность, а ее различные аспекты могут проявлять себя в разных формах. При этом сенсомоторная координация имеет непосредственное отношение к вестибулярной устойчивости и равновесию. Основным признаком слабой статокинетической устойчивости является потеря пространственной ориентации и направления движения после воздействия на вестибулярный аппарат. Кумулятивные вестибулярные нагрузки в волейболе значительно превышают подобные пороги других видах спорта. Функция равновесия человека работает через нейронные связи с вестибулярным аппаратом, отделом головного мозга, определяющим по расположению головы его положения относительно гравитационного поля. Перетекание жидкостной составляющей во внутреннем ухе человека, так называемой «вестибулы», формирует ориентирующие сенсорные сигналы.

Материалы и методы исследования

Обзор источников научной литературы, посвященной изучению психомоторных способностей человека, позволил определить используемые двигательные характеристики и дал возможность описать весь психомоторный акт блокирования.

Для оценки свойственных человеку психомоторных способностей, обеспечивающих результативное совершенствование блокирующих действий, по параметрам двигательных характеристик использовалась группа тестов и проб.

Тест 1 – на реакцию выбора с помощью компьютерной программы (RTT) «Reaction Time Tes» (свидетельство о государственной регистрации № 2017618795; правообладатель – Адыгейский государственный университет); программа обладает широкими возможностями для определения времени простой реакции и реакции выбора на различные зрительные и слуховые сигналы при решении широкого круга исследовательских задач [10].

Тест 2 – на вестибулярную устойчивость и равновесие – усложненная проба Ромберга 3, предусматривающая необходимость стоять на одной ноге, опираясь подошвой другой ноги о коленную чашечку опорной; при этом глаза закрыты, руки вытянуты вперёд, пальцы несколько разведены и расслаблены. Определяются время и степень устойчивости (неподвижно стоит исследуемый или покачивается) в данной позе, а также обращается внимание на наличие дрожания – тремора век и

пальцев рук. Уверенная и твердая устойчивость позы, сохраняющаяся в течение 15 с и более, отсутствие покачивания, дрожания пальцев рук и век – оценка «отлично». Если при удержании позы в течение 15 с наблюдаются покачивания, небольшой тремор рук, пальцев или век – оценка «удовлетворительно». Невозможность удержать позу в течение 15 с, потеря равновесия, сильное дрожание рук, пальцев и век – оценка «неудовлетворительно».

Тест 3 – для тестирования РПЧ, являющейся компонентом РЧД, с использованием «курвиметра» как прибора для замера кривых линий. Испытуемый рисует по заданию и собственным ощущениям кривую линию длиной 50, 70, 90 мм. Пространственная чувствительность пересчитывается в процентах выполнения среднего результата трех попыток от общего возможного. Полученные результаты выше 95% пространственной чувствительности имеют отличную оценку, свыше 90 % – удовлетворительную, ниже 90% – неудовлетворительную.

Тест 4 – для тестирования РЧВ, являющейся компонентом РЧД, проводится с использованием секундомера посредством проверки способности определения коротких интервалов времени по ощущениям без зрительного контроля шкалы. Испытуемому предлагается самостоятельно запускать секундомер и останавливать его по ощущениям через 7, 12, 18 с. Чувствительность по временным интервалам характеризуется процентным показателем среднего значения трех попыток от точного интервала времени. Чувствительность по времени относительно модельных характеристик, полученных в предыдущих научных исследованиях, характеризуется как отличная при результатах выше 95%, удовлетворительная – выше 90%. Результат ниже 90% считается неудовлетворительным.

Тест 5 – для тестирования РЧУ, являющейся компонентом РЧД; используется кистевой динамометр, позволяющий проверить способность распределения усилий по ощущениям без зрительного контроля шкалы. Испытуемому предлагается создать максимальное усилие правой, а затем левой рукой, потом по собственным ощущениям (без зрительного контроля шкалы) предпринять усилие в 60, 70, 80 % от собственного максимального. В зачет идет среднее значение трех попыток обеих рук, пересчитанное в процентах от заданного при проверке максимального усилия. Чувствительность в распределении собственных усилий считается отличной при значении выше 95 %, удовлетворительной – при значении выше 90 %, неудовлетворительной – ниже 90 %. Принятые значения взяты относительно модельных характеристик, полученных в процессе предыдущих исследований.

Кроме описанных тестов оценки РЧД приборными методами, в качестве дополнительных средств контроля применялись специальные упражнения [11], способствующие приобретению навыков, повышающих степень проявления природных задатков чувствительности движений у спортсменов до возможного верхнего порога. Описание данных упражнений приведено в результатах исследования.

Для проверки эффективности разработанной методики применялся педагогический эксперимент, проводившийся в течение четырех месяцев (с января по май 2021 г.) на базе спортивных школ г. Ангарска. При этом в контрольной группе (КГ) было 37 мальчиков, в экспериментальной (ЭГ) – 35. Возраст участников составлял 12–14 лет. В группах КГ и ЭГ сравнивались значения антропометрических и физиометрических показателей, которые не выявили значимых различий как на начало эксперимента, так и по его завершении. В начале эксперимента спортсмены КГ и ЭГ были протестированы с помощью специальной компьютерной программы для определения значений реакции выбора, была также оценена их вестибулярная устойчивость по результату усложненной пробы Ромберга 3; приборным методом были определены характеристики их РЧД по значениям параметров РЧВ, РЧП и РЧУ [12]. В ходе эксперимента ЭГ использовала разработанную методику и в течение четырех месяцев тренировалась, добавляя в конце каждого занятия развивающие упражнения, теоретический разбор и оценку психомоторных характеристик [13], описанных выше. КГ тренировалась по программе спортивной подготовки для ДЮСШ, не применяя развивающего метода. По окончании эксперимента спортсмены КГ и ЭГ были повторно протестированы, после чего проведен анализ результатов оценки значимости различий между выборками по непараметрическому критерию Манна–Уитни.

Результаты исследования

Методика совершенствования эффективности игровых блокирующих действий в волейболе включает в себя комплекс тренировочных средств, направленных на системное решение целевых задач. Для совершенствования РЧД применяются специальные упражнения, способствующие приобретению навыков, повышающих степень проявления природных задатков чувствительности движений у спортсменов до возможного верхнего порога:

– прыжок в длину с места с максимально возможным усилием принимается за 100 %, далее по заданию тренера и без зрительного контроля шкалы испытуемый выпрыгивает в пространственном различии на 60, 70, 80% от собственного максимального результата, самостоятельно контролируя усилия при выполнении этих заданий. Результаты сравниваются, обсуждается разница в ощущениях и восприятиях;

– метание набивного мяча весом 1 кг двумя руками из-за головы стоя с максимально возможным усилием и наибольшей дальностью полета. Таким же образом, как при прыжке в длину с места, испытуемый выполняет задания в пространственном различии и в усилии для сравнения, а результаты обсуждаются для дальнейшей коррекции выполнения подобных упражнений по ощущениям и восприятиям;

– различение временных интервалов выполняется с гипоксической задержкой дыхания на вдохе и выдохе с регламентом по заданию. Используются короткие

игровые приемы и упражнения с задержкой дыхания на вдохе – не более чем на 30-40 с и на выдохе – не более чем на 10–15 с;

– различение временных интервалов небольшой длительности. Группа построена в одну шеренгу, по команде «старт», поданной тренером, запускается секундомер, а испытуемые, по собственным ощущениям, каждые 5 с выполняют шаг вперед. Команда «стоп» и остановка секундомера производятся через минуту, далее считаются шаги и обсуждаются результаты. Временные коридоры могут варьироваться и меняться по мере совершенствования восприятия времени и точности выполнения.

Теоретическая часть, включающая в себя разбор удачно и неудачно выполненных упражнений, являлась неотъемлемой частью развивающей методики и применялась после каждого тренировочного занятия. Кроме упражнений, направленных на совершенствование РЧД, в методику вошли смешанные упражнения, обеспечивающие развитие общих психомоторных характеристик. Развивать психомоторные способности предлагалось посредством использования специальных упражнений, приближенных к игровому действию, формирующему понятие о двигательных характеристиках и способствующему быстрому развитию врожденных задатков [14].

Развивающие упражнения, используемые для решения поставленных задач, включали в себя:

– выпрыгивание по сигналу тренера в заданном месте с концентрацией внимания на возможные варианты перемещения и движения кистями в завершающей фазе;

– задержка импульса выпрыгивания для ловли теннисного мяча над краем сетки с изменением дистанции атакующего;

– выпрыгивание навстречу статически закрепленному мячу над верхним тросом сетки, затем с перемещением мяча по сигналу тренера;

– выпрыгивание на блок через закрытую для обзора сетку шторой, по ощущениям высоты передачи на стороне противника;

– блокирующие действия по заранее оговоренным сигналам тренера с перекрытием определенного направления атаки.

С учетом используемых в практической работе развивающих упражнений были выделены наиболее эффективные из них для развития психомоторных характеристик спортсменов в блокирующем действии (табл. 1).

Таблица 1

Перечень селективных упражнений для совершенствования эффективности блокирующих действий

№	Упражнение с описанием	Двигательная способность	Дополнительное оборудование
1	Циклические повторения перемещений, статодинамических прыжков с имитацией разбега	Сенсомоторная координация	Координационная лестница, барьеры, пирамидки, теннисные мячи для имитации
2	Блок с перемещением по сигналу: по статическому тренажеру с мячом, ловящий блок при атаке соперника, блокирование определенной зоны при атаке соперника (между перемещениями выполняется кувырок вперед или разворот на 360 градусов)	РЧД, вестибулярная устойчивость, равновесие, внимание и концентрация	Тренажер для статического крепления мяча, маты для кувырков, игровые мячи
3	Подводящие упражнения: прыжок навстречу мячу после отвлекающего действия, после смены дистанции атакующего от сетки (на попадание по мячу, на технику выполнения, на точность)	РЧД (различие по времени, пространству, усилию)	Игровые мячи
4	Выполнение блокирующего действия на точность и надежность с осложнениями (перед атакой в определенном направлении для блокирующего: кувырок, выпрыгивание, задержка дыхания на вдохе или выдохе)	РЧД, вестибулярная устойчивость, равновесие, концентрация внимания, волевые качества, специальная выносливость	Координационная лестница, скакалки, маты для кувырков, игровые мячи
5	Выполнение блокирующего действия с переключением на звуковой сигнал. Первый сигнал – к выполнению, второй – для выбора дальнейшего исхода (один короткий свисток – выполнить блок левого края, два коротких – правого, без сигнала – развести руки по сторонам, оставив середину) и т.д. вариации	Сложная реакция выбора, РЧД (различительная силовая чувствительность)	Игровые мячи

Форсирование психомоторных нагрузок, теоретический разбор ошибок, оценка психомоторных характеристик рассчитаны как дополнение к основной программе подготовки по виду спорта «волейбол» [15] и не превышают 30 мин в каждом тренировочном занятии. В совокупности методика рассчитана на 64 занятия и составляет 32 ч.

Результаты оценки психомоторных характеристик спортсменов ЭГ и КГ в пробах и тестах в начале и по завершении эксперимента приведены в табл. 2.

На начало эксперимента (см. табл. 2) с использованием проб и тестов установлено, что по пяти исследуемым психомоторным характеристикам между КГ и ЭГ значимых различий не было ($P > 0,05$). По завершении эксперимента по всем характеристикам между КГ и ЭГ наблюдались значимые различия ($P < 0,01$). В ходе эксперимента в ЭГ произошло значимое улучшение значений указанных показателей ($P < 0,01$). Вместе с тем в КГ в процессе эксперимента значимых изменений значений психомоторных характеристик не произошло ($P > 0,05$).

По завершении эксперимента был проведен статистический анализ игровых действий на блоке игровым методом, когда каждый игрок КГ и ЭГ производил блокирующее действие хорошо организованных атак в количестве 45, по 15 в каждой серии в три очереди.

Таблица 2

Результаты оценки психомоторных характеристик в пробах и тестах

Этап	Тест	Результаты измерения		
		КГ; Me (25; 75)	**ЭГ;** Me (25; 75)	P
Январь	**1, мс**	**385 (368; 397,5)**	**401 (377; 439)**	(P > 0,05)
Май		**383 (368; 404,5)**	**326 (311; 352)**	(P < 0,01)
		(P > 0,05)	(P < 0,01)	
Январь	**2, с**	**2,14 (1,735; 2,335)**	**2,12 (1,07; 3,32)**	(P > 0,05)
Май		**2,34 (1,72; 2,725)**	**4,25 (3,45; 8,45)**	(P < 0,01)
		(P > 0,05)	(P < 0,01)	
Январь	**3, РЧВ (%)**	**88,9 (87,15; 90,3)**	**89,3 (84,1; 91,9)**	(P > 0,05)
Май		**90,1 (88,25; 92,3)**	**93,4 (91; 96,5)**	(P < 0,01)
		(P > 0,05)	(P < 0,01)	
Январь	**4, РЧП (%)**	**74,7 (73; 77,45)**	**72,95 (70,7; 78,6)**	(P > 0,05)
Май		**76,9 (74,45; 79,7)**	**90,5 (89,3; 93,1)**	(P<0,01)
		(P > 0,05)	(P < 0,01)	
Январь	**5, РЧУ (%)**	**71,7 (70; 75,25)**	**72,1 (69,3; 78,5)**	(P > 0,05)
Май		**72,5 (70,75; 75,75)**	**94,4 (91,4; 97,1)**	(P < 0,01)
		(P > 0,05)	(P < 0,01)	

Подсчет защитных очков проводился по критерию: (+3) – успешное блокирование атаки в площадку противника, (+2) – блокирование с возможностью противника выполнить повторную атаку, (+1) – блокирование, позволяющее своему защитнику оставить мяч в продолжении игры, (0) – проигранные на блоке мячи (табл. 3).

Таблица 3

Результаты оценки блокирующих действий

Группа	Кол-во	Среднее из 45	Сумма выборки	Me (25; 75)	**U**	P
КГ	37	8,081	793,5	8 (7; 9,5)	**90.5**	P<0,01
ЭГ	35	13,91	1834,5	14 (9,5; 17)		

Сравнение значений исследуемых параметров психомоторных реакций при использовании разработанной методики между ЭГ и КГ показали статистически значимые различия между группами (P < 0,01). В результате оценки блокирующих действий между КГ и ЭГ также получены значимые различия (P < 0,01), характеризующие превосходство спортсменов ЭГ в точности и результативности выполнения блока. Следовательно, изменение значений психомоторных параметров и результативности выполнения блокирующего действия волейболистами ЭГ говорит о более высокой эффективности разработанной методики совершенствования их психомоторных характеристик и целесообразности использования ее в тренировочном процессе.

Заключение. Анализируя проявление психомоторных свойств волейболистов при выполнении блокирующего действия, можно констатировать, что наибольшее влияние на их точность и результативность оказывает врожденная способность РЧД спортсменов. При этом статистическая обработка результатов проведенного педагогического эксперимента показала эффективность разработанной методики совершенствования блокирующих действий волейболистов посредством формирования у них способности управлять параметрами времени, пространства, усилий, повышая результативность в соревновательной деятельности. Использование тестов и развивающих упражнений, направленных на сопряженное развитие у спортсменов способности дифференцирования силовых и пространственных параметров специфических двигательных действий, позволяет эффективно совершенствовать специальные психомоторные качества игроков, повышая игровой результат в блокировании.

Список источников

1. Ян Чжи, Губа В.П., Хуан Юнь. Эволюция теории и практики подготовки женской сборной Китая по волейболу // Теория и практика физической культуры. 2021. № 1 (110). С. 73–75.
2. Губа В.П., Булыкина Л.В., Пустошило П.В. Волейбол: основы подготовки, тренировки, судейства. М. : Спорт, 2019. 192 с.
3. Губа В.П., Родин А.В. Волейбол в университете : учеб. пособие. М. : Советский спорт, 2009. 164 с.
4. Марков К.К., Николаева О.О. Экспериментальные исследования совершенствования психомоторных качеств игроков в современном волейболе // Научное обозрение. Педагогические науки. 2015. № 2. С. 142–143.
5. Ржанов, А.А. Методика развития психомоторных компонентов ловкости юных волейболистов // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2020. № 3 (53). С. 210–217.
6. Лещева Н.С. и др. Содержание психомоторного цикла и его применение при совершенствовании передачи мяча двумя руками сверху у волейболисток // Теория и практика физической культуры. 2015. № 9. С. 56–58.
7. Марков К.К., Чечев И.С. Развитие пространственной различительной чувствительности в спортивных единоборствах // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 9-3. С. 535–539.
8. Губарева Н.В., Эртман Ю.Н., Ковыршина Е.Ю., Баймакова Л.Г. Основные аспекты при коррекции техники блокирования в процессе соревновательной деятельности юных волейболистов // Ученые записки университета им. Лесгафта. 2018. № 11 (165). С. 73–76.
9. Григорьев В.А. Деятельность блокирующего в игровом процессе // Блок. Техника и тактика: сб. ст. № 19. М., 2015. С. 18–38.
10. Немцов О.Б., Ярославкин М.А., Бгуашев А.Б., Полянский А.В., Грекалова И.Н. Компьютерная программа для определения времени простой реакции и реакции выбора // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 10 (152). С. 42–46.

11. Марков К.К. Проблемы интеграции разнородных психомоторных качеств в целостных двигательных действиях спортсменов в разных видах спорта // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 2-3. С. 528–532.
12. Ржанов А.А. Метод совершенствования силовой подачи в волейболе через психомоторные составляющие // Физическая культура, спорт – наука и практика. Теория и методика спортивной тренировки. 2020. № 4. С. 20–27.
13. Аврамова Н.В., Назаренко Л.Д. Формирование способности к прогнозированию двигательных действий волейболисток 15–17 лет // Физическая культура: воспитание, образования, тренировка. 2015. № 2. С. 34–36.
14. Мохова К.С., Витман Д.Ю., Бобровский Д.А. Методика развития координационных способностей на занятиях по волейболу // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2020. № 2 (18). С. 280–285.
15. Германов Г.Н. Двигательные способности и физические качества. Разделы теории физической культуры: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 224 с.

References

1. Yan Chzhi, Guba, V.P. & Khuan Yun'. (2021) Evolyutsiya teorii i praktiki podgotovki zhenskoy sbornoy Kitaya po voleybolu [The evolution of the theory and practice of training the Chinese women's volleyball team]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury.* 1 (110). pp. 73–75.
2. Guba, V.P., Bulykina, L.V. & Pustoshilo, P.V. (2019) *Voleybol: osnovy podgotovki, trenirovki, sudeystva* [Volleyball: the basics of preparation, training, refereeing]. Moscow: Sport.
3. Guba, V.P. & Rodin, A.V. (2009) *Voleybol v universitete: ucheb. posobie* [Volleyball at the university: textbook]. Moscow: Sovetskiy sport.
4. Markov, K.K. & Nikolaeva, O.O. (2015) Eksperimental'nye issledovaniya sovershenstvovaniya psikhomotornykh kachestv igrokov v sovremennom voleybole [Experimental studies of improving the psychomotor qualities of players in modern volleyball]. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki.* 2. pp. 142–143.
5. Rzhanov, A.A. (2020) Metodika razvitiya psikhomotornykh komponentov lovkosti yunykh voleybolistov [Methodology for the development of psychomotor components of agility of young volleyball players]. *Nauchnyy zhurnal "Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva"*. 3 (53). pp. 210–217.
6. Leshcheva, N.S. et al. (2015) Soderzhanie psikhomotornogo tsikla i ego primenenie pri sovershenstvovanii peredachi myacha dvumya rukami sverkhu u voleybolistok [The content of the psychomotor cycle and its application in improving the transfer of the ball with two hands from above among female volleyball players]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 9. pp. 56–58.
7. Markov, K.K. & Chechev, I.S. (2016) Razvitie prostranstvennoy razlichitel'noy chuvstvitel'nosti v sportivnykh edinoborstvakh [Development of spatial distinctive sensitivity in martial arts]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 9-3. pp. 535–539.
8. Gubareva, N.V. et al. (2018) Osnovnye aspekty pri korrektsii tekhniki blokirovaniya v protsesse sorevnovatel'noy deyatel'nosti yunykh voleybolistov [The main aspects in the correction of blocking technique in competitive activities of young volleyball players]. *Uchenye zapiski universiteta im. Lesgafta.* 11 (165). pp. 73–76.
9. Grigor'ev, V.A. (2015) Deyatel'nost' blokiruyushchego v igrovom protsesse [Activities of the blocker in the game process]. In: Fomin, E.V. (ed.) *Blok. Tekhnika i taktika: sb. st*. [Block. Technique and tactics: Articles]. Vol. 19. voleybola, Moscow: VFV. pp. 18–38.
10. Nemtsov, O.B. et al. (2017) Komp'yuternaya programma dlya opredeleniya vremeni prostoy reaktsii i reaktsii vybora [A computer program for determining the time of a simple reaction and a choice reaction]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta.* 10 (152). pp. 42–46.
11. Markov, K.K. (2016) Problemy integratsii raznorodnykh psikhomotornykh kachestv v tselostnykh dvigatel'nykh deystviyakh sportsmenov v raznykh vidakh sporta [Problems of integration of heterogeneous psychomotor qualities in the integral motor actions of athletes in different sports]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 2-3. pp. 528–532.
12. Rzhanov, A.A. (2020) Metod sovershenstvovaniya silovoy podachi v voleybole cherez psikhomotornye sostavlyayushchie [The method of improving the power delivery in volleyball through psychomotor components]. *Fizicheskaya kul'tura, sport – nauka i praktika. Teoriya i metodika sportivnoy trenirovki*. 4. pp. 20–27.
13. Avramova, N.V. & Nazarenko, L.D. (2015) Formirovanie sposobnosti k prognozirovaniyu dvigatel'nykh deystviy voleybolistok 15-17 let [Formation of the ability to predict the motor actions of volleyball players aged 15 to 17]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovaniya, trenirovka*. 2. pp. 34–36.
14. Mokhova, K.S., Vitman, D.Yu. & Bobrovskiy, D.A. (2020) Metodika razvitiya koordinatsionnykh sposobnostey na zanyatiyakh po voleybolu [Methods of development of coordination abilities in volleyball classes]. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta*. 2 (18). pp. 280–285.
15. Germanov, G.N. (2018) *Dvigatel'nye sposobnosti i fizicheskie kachestva. Razdely teorii fizicheskoy kul'tury: ucheb. posobie dlya bakalavriata i magistratury* [Motor abilities and physical qualities. Sections of the theory of physical culture: textbook for bachelor's and master's degrees]. 2nd ed. Moscow: Yurayt.

Информация об авторах:
Ржанов А.А. – аспирант кафедры физической культуры Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия). E-mail: volley-angarsk@ya.ru
Ахматгатин А.А. – канд. пед. наук, профессор кафедры физвоспитания Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Краснодар, Россия). E-mail: ahmatgatin@list.ru
Лебединский В.Ю. – д-р мед. наук, профессор кафедры физической культуры Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия). E-mail: lebedinskiy@ex.istu.edu

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
A.A. Rzhanov, postgraduate student, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: volley-angarsk@ya.ru
A.A. Akhmatgatin, Cand. Sci. (Pedagogics), professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: ahmatgatin@list.ru
V.Yu. Lebedinsky, Dr. Sci. (Medicine), professor, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: lebedinskiy@ex.istu.edu

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.09.2021;
одобрена после рецензирования 29.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 23.09.2021;
approved after reviewing 29.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.13
doi: 10.17223/15617793/486/26

Уголовно-процессуальные и уголовно-правовые договорные отношения: концептуальный аспект

Вероника Вячеславовна Колесник [1]

[1] *Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростов-на-Дону, Россия*
nikkipohta@mail.ru

Аннотация. Анализируются структурные элементы договорных уголовно-правовых и процессуальных отношений. Обосновывается предположение о возможности существования их совмещенного объекта/предмета. Проводится мысль о том, что одним из субъектов уголовно-право-процессуального отношения является обвинительная власть государства в лице прокуратуры и прокурора как субъекта публичного права на уголовный иск.

Ключевые слова: договор, объект, субъект, уголовно-правовые отношения, уголовно-процессуальные отношения, обвинение, уголовный иск

Для цитирования: Колесник В.В. Уголовно-процессуальные и уголовно-правовые договорные отношения: концептуальный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 235–241. doi: 10.17223/15617793/486/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/26

Criminal procedure and criminal law contractual relations: A conceptual aspect

Veronika V. Kolesnik[1]

[1] *Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russian Federation*
nikkipohta@mail.ru

Abstract. The objectives of the article are to provide a theoretical basis for the phenomenon of contractual proceedings, which was formed in criminal procedure law, and to create the author's concept of a contractual criminal-legal-procedural relationship, which is designed to justify the expansion of the contractual principle in criminal law and criminal procedure domains. The material was criminal procedure norms regulating a number of proceedings to which modern researchers attribute contractual properties, as well as competing scientific doctrines on criminal law and criminal procedure relations. The general scientific method was deduction: from a general assumption about the possibility for the parties in a criminal process to agree on specific consequences about what, when and between whom can be the subject of an agreement in a criminal process. By the inductive method, particular provisions of the criminal procedural content were extended to the fundamental doctrine of the criminal law relation. A special scientific tool was the theory of the process as a progressive relationship, developed during the period of breaking the classical doctrine of the criminal process and criminal law. Theoretical developments of scientists of the early 20th century were extrapolated to modern legal realities. The course of the study included a series of successive moves of logical reasoning. The first move was to derive from the theory of the criminal process as a legal relationship and the provisions that the process develops due to the will of the parties, thanks to bringing and changing a criminal claim (charge) of the conclusion about the fundamental possibility of a contract in the criminal-legal-procedural sphere. The second move was associated with the discretion of the contractual scheme in a number of new criminal procedural proceedings for the implementation of measures of criminal legal influence. The third move was the proposal to merge the criminal law and criminal procedure relations into a complex criminal-legal-procedural relationship triune in its factual, material (criminal law) and procedural components. Further, following the doctrine of the structure of the legal relationship, the author described the main elements of the contractual criminal-legal-procedural relationship, in particular, she formulated the idea of the object/subject of this legal relationship as "crimes + accusations". Further, the author developed a position regarding the basis and time of the emergence of a contractual criminal-legal-procedural relationship, namely, from the moment the charge was brought. The author's conclusion is that, on the part of the state, the prosecuting authority of the state represented by the prosecutor acts as the subject of the criminal-legal-procedural relationship. The prosecutor should be recognized as the sole subject of the right to public prosecution and should be allowed to dispose of the material and procedural

© Колесник В.В., 2023

components of the prosecution.The criminal-legal-procedural deal between the prosecutor and the defense may relate to the subject of the accusation, including the criminal-legal qualification, the amount and type of possible punishment, as well as its replacement with alternative legal liability. Changing the charge is possible only in favor of the accused in exchange for positive post-criminal actions on their part.

Keywords: contract, object, subject, criminal law relations, criminal procedure relations, accusation, criminal action

***For citation*:** Kolesnik, V.V. (2023) Criminal procedure and criminal law contractual relations: A conceptual aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 235–241. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/26

В современный период времени в отечественной уголовно-правовой науке появлялись новые теории, позволявшие по-иному ответить на старые вопросы, на которые господствующая доктрина дала вроде бы раз и навсегда исчерпывающие ответы. За теоретическими спорами стоит ценностный выбор между двумя типами процесса: состязательным и следственным, как формами правовой организации защиты публичного (государственного) и частного интересов от преступлений. Вопрос о мере допустимости договорного, диспозитивного начала в уголовном процессе является наиболее показательным в этом противостоянии.

Целью статьи является предложение понятия двуединого уголовно-право-процессуального отношения с новой мерой договорного начала в нем. Предполагается положить начало общему учению о договорных уголовно-право-процессуальных отношениях: по субъектам, по объекту, основаниям возникновения, изменения и прекращения.

Как представляется, это будет новый ход в теории правоотношений. Он против всех канонов господствующей правовой доктрины, которая на уровне общей теории права и отраслевых наук отторгает попытки прививки договорного начала к публично-правовой материи, из которой преимущественно состоит как уголовное, так и уголовно-процессуальное право.

Подобный научный проект не произволен. К его созданию подтолкнул накопившийся за последнее время нормативно-правовой материал, прежде всего в сфере уголовно-процессуального права. Речь идет о таких процедурах, как досудебное соглашение, сокращенное дознание, процедуры прекращения уголовных дел, которые относят к медиационным, трансакционным (ст. 25, 25.1, 28.1 УПК РФ). Это позволяет некоторым авторам зафиксировать наличие договорных отношений между участниками процесса, ведущими уголовное дело, и представителем стороны защиты, а также и другими лицами [1. С. 236–245; 2. С. 31–52]. Таким образом, существуют и позитивно-правовые, и теоретические предпосылки для теоретического обобщения договорных явлений в уголовно-процессуальных, уголовно-правовых отношениях.

В отечественной уголовно-процессуальной науке есть и теоретический задел для разработки подобного научного проекта в виде теории процесса как правоотношения, которая зародилась в начале XX в. как альтернатива догматической школе. Хотя она выродилась в советское учение о правоотношениях, которое сегодня скорее консервирует старые представления, чем способно стать инструментом для достижения наших целей. Тем не менее общая модель правового отношения будет для нас схемой рассуждений.

Первым, методологическим ходом является обращение к *теории процесса как правоотношения*, которое в начале XX в. стало предметом дискуссии с участием виднейших представителей юридической науки того – в переломное в истории России время, когда сомнению подверглись все прежние устои.

Сторонники состязательности А.Х. Гольмстен, Н.Н. Розин и ряд других ученых предложили трактовать процесс как прогрессивное, т.е. развивающееся, отношение между сторонами, а также между сторонами и судом. Революционность данной теории состояла в утверждении, что процесс развивается благодаря воле сторон. А если конкретнее, то процесс развивается истцом через иск (уголовный), заявление, и поддержание которого порождает отношения между сторонами и судом [3; 4. С. 300–319].

С критикой этой теории выступили не менее выдающиеся ученые П.И. Люблинский и Н.Н. Полянский: они трактовали процесс как регулируемый законом публичный порядок юридических действий, что ближе к традиционным представлениям. Процесс, строго регулируемый нормами права, в основном принудительными и определенными, имеет целью ограждение прав личности и установление судом истины. Все субъекты уголовно-процессуальной деятельности являются соучастниками образования судейского убеждения в принятии окончательного решения по уголовному делу [5. С. 79–97; 6].

В споре двух теорий определились две крайние позиции на источник развития процесса: (1) процесс развивается благодаря воле сторон при пассивной роли суда или (2) процесс развивается благодаря безличной воли закона, в силу принципа публичности – ex officio.

Господствующая доктрина, согласно которой государство проводит уголовный процесс для применения уголовного закона к лицам, совершившим преступления, враждебна идее договорных отношений. По учению о процессе как способе развития отношений между обвинителем и защитой перед судом договорной способ разрешения возникающих вопросов и сам исход дела вполне естественен.

Если задуматься, все сводится к воле. С безличной волей государства или закона, которые «двигают процесс», договориться нельзя в принципе. Договориться обвиняемому, защитнику можно только с конкретным

субъектом права: уголовным истцом или публичным, частным обвинителем.

Итак, первый вывод таков: если принять то, что процесс – это система правоотношений, которые развиваются благодаря воле сторон, волей участников этих правоотношений, то и соглашение между ними вполне достижимо – как при решении отдельных вопросов, так и при разрешении дела.

Следующий ход наших рассуждений касается представлений об основании и объекте уголовно-правового, процессуального отношения. Здесь методологическое значение имеет понятие факта. Сразу отметим, что по вопросу о фактах участники упомянутой дискуссии, причем с обеих сторон, высказали точки зрения, далекие от ортодоксальной.

Ортодоксальная позиция состоит в том, что правоотношение может быть порождено событием (преступлением) или договором. В криминальных науках общепринято, что уголовно-правовое отношение, как и уголовно-процессуальное, порождается фактом совершения преступления, т.е. причина того и другого состоит в объективной реальности. Объект уголовно-правового отношения существует объективно, хотя бы и в уголовном праве. Поэтому сам вопрос о том, что он может стать предметом договора, выглядит неуместно. Деятельность участников правоотношений в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной сферах относительно «материального объекта» развивается по воле закона. Как это обычно и представляется авторами концепта «механизм уголовно-правого регулирования» [7. С. 61 и след.].

Основание правоотношения, будучи его причиной, переходит далее в объект правоотношений между субъектами [8. С. 160–162].

С позиции современной уголовно-правовой теории объектом уголовно-правового отношения, порождаемого совершением преступления, являются, с одной стороны, преступление, а с другой – виновник преступления [9. С. 199–210]. Данный объект трактуется так же, как наказание [10. С. 14, 15], уголовная ответственность [11. С. 179], объект преступления [8. С. 160–162], уголовно-правовые последствия совершения преступления [12. С. 197]. В общем, как видим, доминирует смесь материалистических, в двойном смысле, представлений: «уголовно-правовых» и «реальной действительности».

В уголовно-процессуальной науке также сложился событийно-материалистический взгляд на общий объект уголовно-процессуальных отношений, в связи с которым они возникают, изменяются, прекращаются – это опять же преступление [13. С. 145 и след.; 14. С. 87–95]. Можно согласиться с тем, что первичным основанием и общим объектом уголовно-право-процессуального отношения является событие преступления.

Между тем П.И. Люблинский, отталкиваясь от психологической теории права Л. Петражицкого, сделал вывод, что действие, процессуальное действие как таковое есть явление действительности, некоторый факт; объектами прав и обязанностей являются не сами действия, а представления о них как акционные представления [15. С. 14]. Он проводил различие между «фактом» как явлением действительности и «объектом правоотношения» как некоторым представлением о возможном действии [15. С. 15].

В современной науке подобное представление о двойственности фактов, с которыми имеют дело участники процесса, перекликается с позицией А.А. Кухты, который вполне аргументированно доказал, что предметом доказывания и предметом уголовного процесса является не само преступление, а его образ, представленный в доказательствах [16. С. 17–18, 43–56]. О фактах действительности не спорят, но о фактах процессуальных спорить можно, и можно договариваться по ним. Факты, создаваемые в результате их признания сторонами, имеют не меньшую юридическую силу, чем мыслимое в процессе само событие преступления.

Согласно позиции А.Х. Гольмстена, которую поддержал и П.И. Люблинский, «предварительные стадии процесса»: дознание, предварительное следствие и предание суду составляют сложный институт – предъявление уголовного иска, т.е. являются основанием для возникновения уголовного процесса как юридического отношения [15. С. 18]. Уголовный иск возникает при самом зарождении дела. Обвинение возбуждается уже на предварительном следствии [15. С. 18].

Опуская особенности терминологии и переходя к сути вышесказанного, заключаем, что иск (уголовный) или обвинение завязывает уголовно-процессуальное, центральное правоотношение, развитие которого и составляет суть процесса.

Не преступление, не событие объективной реальности, а процессуальное действие – выдвижение обвинения – непосредственно порождает процесс и центральное процессуальное отношение. Хотя в подоснове обвинения, разумеется, лежит факт преступления как реального события.

Что касается связи преступления с обвинением, то в свете теории процесса как правоотношения она трактовалась как связь между утверждением и тем, о чем делается утверждение [16. С. 80–91]. Преступление есть факт, но и утверждение о преступлении (обвинение) тоже есть факт. Если первый факт предметом договора быть не может, то второй может стать таковым.

В наше время была сформулирована крайняя точка зрения на самодостаточное значение обвинения для процесса. Согласно этой точке зрения, связь между обвинением и преступлением относительна, для предмета процесса несущественна [17. С. 6–19]. С этим согласиться уже нельзя. Отрыв процесса от его материального основания недопустим. Но поправку к представлению об «общем объекте» уголовно-право-процессуального отношения мы сделаем, т.е. он может быть показан в виде «преступление + обвинение». Такова диалектика объекта и предмета. Объект – преступление, предмет – обвинение. Они могут совпадать содержательно, но может быть и различие, если обвинение было изменено договорным путем.

Можно рассуждать следующим образом. Без преступления нет обвинения как правового явления, преступление составляет тот предел, выше которого обвинение не может быть выдвинуто или изменено. С другой стороны, в процессе стороны оперируют не самим преступлением, но обвинением: без обвинения нет процесса, и на нем в итоге основывается окончательное решение суда.

Таким образом, не одно событие преступления и даже не сочетание преступления и наказания, как и прочих исключительно материально-действительных элементов, составляют объект мыслимого нами уголовно-право-процессуального отношения, но сочетание реального, материального и процессуального, создаваемого участниками процесса.

Признание этой двойственности, сложности «объекта» – сравнительно редкая позиция в отечественной науке, но она присутствует. Примером может быть трактовка объекта уголовно-правового отношения как «объекта–действия», т.е., во-первых, как преступления и, во-вторых, деятельности правоохранительных органов [18. С. 127–129], или признание того, что этот «объект» имеет объективно-субъективную природу и является общим для каждого участника, в том числе – потерпевшего [19. С. 23].

Таким образом, поддерживая позицию ряда ученых, мы выступаем за процессуализацию или, если угодно, субъективизацию объекта конструируемого нами правоотношения. К объективности события преступления, реальности его в уголовном праве как преступления и наказания, следует добавить процессуальную форму их представления – как предмета. Уголовно-правовой объект процессуально предметен и в этом качестве может быть предметом договора сторон.

Обвинение содержит опровержимое утверждение о факте преступления и о совершении этого преступления обвиняемым. Именно это утверждение проверятся в ходе судебного состязания и в случае подтверждения служит основанием для дальнейшей реализации уголовно-правового отношения.

Принятие того, что уголовный иск (обвинение) составляет то, относительно чего развивается уголовно-право-процессуальное отношение, означает принципиальный шаг в сторону признания допустимости сделки сторон относительно обвинения – предмета процесса и объекта/предмета уголовно-право-процессуального отношения.

В современной криминальной процессуалистике похожий вывод уже сделан несколькими авторами [20. С. 15, 18, 42–45; 21], хотя их позиция остается маргинальной. Во многом это обоснованно, потому ими не оговариваются пределы применения договорного способа для формирования обвинения и, как следствие, основания уголовной ответственности. Пределом же является совершенное в действительности преступление, что подтверждается доказательствами, имеющимися в деле.

Далее определимся с тем, когда мыслимое нами договорное уголовно-право-процессуальное отношение может возникнуть. С какого момента можно договариваться? Разумеется, не с момента совершения преступления, когда оно еще не стало предметом процесса, и даже не с момента начала процесса. Возможность заключения соглашения возникает после выдвижения обоснованного обвинения, когда «материальное основание» получит процессуальную оболочку обвинения. Только она может быть предметом сделки сторон. Через соглашение обвинение может быть изначально сформулировано, но также изменено – в лучшую сторону по сравнению с фактическим совершенным преступлением. И после этого предметом процесса будет уже данное обвинение.

Можно поддержать позицию, согласно которой уголовно-правовое отношение возникает с момента совершения преступления и существует в виде потенциальной возможности, которой процесс и обвинение позволяют реализоваться в виде уголовно-право-процессуального отношения.

В юридической науке существует редкая точка зрения о том, что уголовно-правовое отношение возникает только после вступления обвинительного приговора в законную силу [22. С. 150–158; 23. С. 36]. С этим нельзя вполне согласиться. Вынесение обвинительного приговора, его исполнение следует признавать этапами развития уголовно-право-процессуального отношения.

В заключение наших рассуждений о предмете исследования скажем об участниках анализируемых правоотношений.

В уголовно-правовой науке господствует точка зрения, что субъектом уголовно-правового отношения является государство. Государство в единстве и неразделимости его властей противостоит преступнику и использует процесс, чтобы привлечь его к уголовной ответственности и добиться исполнения в отношении него справедливого наказания [24. С. 220–221; 25. С. 81–83]. Уголовно-правовое отношение между государством и лицом, совершившим преступление, развивается через ряд трансформаций правового статуса последнего и прекращается с исполнением наказания осужденного, снятия судимости.

Невозможно представить, как человеку – обвиняемому – договариваться с «государством». Сама постановка вопроса – государству вступить в договорные отношения с преступником, чтобы поправить работу мыслимого учеными механизма уголовно-правового регулирования – выглядит абсурдной.

Между тем в уголовном процессе имеет место конкретизация, индивидуализация субъектов правоотношений, в которых обвиняемому всегда противостоит не абстрактное государство, а следователь, прокурор и др. В этом плане процессуальное учение более пригодно для обретения публично-правовым контрагентом человека (преступника) по уголовно-правовому правоотношению договороспособности. Только государственный орган, ведущий процесс, может быть признан договороспособным.

В свое время А.И. Елистратов призывал представлять субъектом публично-правовых отношений не гос-

ударство, а конкретное должностное лицо – субъекта публичных субъективных прав [26]. В ряде научных исследований, опубликованных в последнее время [17. С. 6–19], делаются аналогичные попытки пересмотреть субъективный состав мыслимого нами уголовно-правово-процессуального отношения. Вместе с ними мы полагаем, что прокурор, т.е. публичный обвинитель по должности, – это субъект публичного субъективного права на уголовный иск, обвинение, которое является средством получения у суда признания того, что у государства есть право на наказание преступника.

Деэтатизация, т.е. полное отрицание государства как субъекта правоотношений с «презюмируемым преступником» – обвиняемым и «преступником-осужденным», не может быть нами принята. Однако поправку к учению о том, что субъектом в уголовно-правовом отношении выступает государство, полагаем полезным сделать.

Для этого надо вспомнить концепцию обвинительной власти государства [27. С. 4–20], которая была создана отечественной юридической наукой в период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Обвинительная власть государства – это та часть его исполнительной власти, которая уполномочена законом на противодействие преступности. В нее входят все правоохранительные органы, включая органы предварительного расследования, пенитенциарные, уполномоченные осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Возглавляет эту систему прокуратура, у которой и сосредоточена власть на то, чтобы добиваться привлечения к уголовной ответственности преступников.

По-нашему мнению, преступление порождает потенциальное уголовно-правовое отношение между обвинительной властью государства и эвентуальным преступником. После обретения уголовно-правовым отношением процессуальной формы (способа реального бытия) происходит конкретизация субъекта уголовно-правового отношения со стороны публичной власти в лице прокурора. Прокурор, который выдвигает и поддерживает обвинение, надзирает за исполнением наказания, является и субъектом уголовно-право-процессуального отношения. Именно прокурора мы видим в качестве субъекта договорного уголовно-правового и процессуального отношений.

Подведем итоги. Предлагаемая нами концепция смешанного, комплексного уголовно-право-процессуального отношения позволяет разрешить ряд неразрешимых с позиции догматики методологических вопросов, возникших с появлением в позитивном праве новых договорных производств, в которых через соглашение решаются вопросы, касающиеся уголовной ответственности обвиняемого.

Одним из назревших сдвигов в доктрине надо считать допущение договорных отношений между обвинительной властью государства – прокурором и обвиняемым (защитой) относительно предмета обвинения. Это стало бы радикальным расширением сферы применения прежде всего досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), но также и форм освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным, например, ст. 25, 25.1, 28.1 УПК РФ.

Субъектом договорных отношений со стороной защиты должен выступать только прокурор. Именно он от лица государства должен быть субъектом соглашения о признании обвиняемым обвинения и далее участвовать в разрешении всех материально- и процессуально-правовых вопросов, связанных с уголовным преследованием и привлечением к уголовной ответственности лица, действительно совершившего преступление. В число этих вопросов мы считаем возможным включать пункты обвинения, размер и вид наказания, размер возмещения ущерба и т.д.

Полагаем, что должны быть сняты все ограничения на возможность заключения соглашения с любым обвиняемым по любым вопросам, если это целесообразно для обвинительной власти и не противоречит фундаментальным интересам правосудия.

Список источников

1. Александров А.С., Зайцев О.А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» // Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол.: В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Синицын, М.Л. Шелютто. М. : Юриспруденция, 2021. С. 236–245.
2. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. М. : Юрлитинформ, 2012. 456 с.
3. Гольмстен А.Х. В защиту процессуальной теории Бюлова // Журнал Министерства юстиции. 1916. Кн. 9. С. 319–329.
4. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. 3-е изд., пересмотр. Петроград : Издание юридического книжного склада «Право», 1916. 603 с.
5. Полянский Н.Н. Суд в правовом государстве и наука уголовного процесса // Юридический вестник. Издание Московского юридического общества. 1916. № 16 (4). С. 79–97.
6. Полянский Н.Н. Спор о юридической природе уголовного процесса / отд. оттиск из журнала "Юридический Вестник". СПб., 1916. Кн. 15. 8 с.
7. Благов Е.В. Общая теория применения уголовного права. Ярославль : Ярославский ун-т, 2003. 260 с.
8. Петрова Г.О. Понятие объекта уголовно-правового отношения // Вестник ННГУ. 2013. № 3-2. С. 160–162.
9. Марчук В.В. Когнитивные аспекты уголовно-правового отношения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 4. С. 199–210.
10. Элькинд П.С. Сущность уголовно-процессуального права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 172 с.
11. Мальцев В.В. Введение в уголовное право. Волгоград, 2002. 202 с.
12. Пудовочкин Ю.Е. Уголовное право: понятие, предмет, метод, система и задачи // Энциклопедия уголовного права. СПб. : Издание профессора Малинина, 2005. Т. 1. С. 143–235.
13. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М. : Юрид. лит., 1975. 176 с.
14. Божьев В.П., Фролов Е.А. Уголовно-правовые и процессуальные отношения // Советское государство и право. 1974. № 1. С. 87–95.
15. Люблинский П.И. Процесс, как судебный порядок и процесс, как правоотношение. Петроград : Сенат. тип., 1917. 30 с. Из «Журнала Министерства юстиции», январь. 1917.
16. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе. Н. Новгород, 2009. 569 с.

17. Александров А.С., Александрова И.А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4 (58). С. 6–19.
18. Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Правоотношения. Уголовно-правовые отношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М. : ЮрИнфоР-Пресс, 2007. 335 с.
19. Генрих Н.В. Объект как элемент структуры уголовно-правового отношения // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 14–25.
20. Круглов И.В. Уголовный иск и механизм его доказывания : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 177 с.
21. Александрова И.А., Круглов И.В., Кучин А.Ф., Смолин А.Г. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска. Н. Новгород, 2007. 224 с.
22. Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 188 с.
23. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту : Тартуский ун-т, 1991. 147 с.
24. Курс советского уголовного права (часть Общая). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. Т. 1. 648 с.
25. Уголовное право. Общая часть / под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина. М. : Юриспруденция, 1999. 784 с.
26. Елистратов А.И. Понятие о публичном субъективном праве. II. «Теория субъективных публичных прав» А.А. Рождественского. М. : Печатня А. Снегиревой, 1913. 21 с.
27. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. Прокуратура на Западе и в России. Т. 1. М. : Университетская типография, 1899. 554 с.

References

1. Aleksandrov, A.S. & Zaytsev, O.A. (2021) Perspektivy razvitiya dogovornykh mekhanizmov v “ekonomicheskom ugolovnom sudoproizvodstve” [Prospects for the Development of Contractual Mechanisms in Economic Criminal Proceedings]. In: Zhuykov, V.M. et al. (eds) *Ustoychivyy ekonomicheskiy rost i pravo: sbornik materialov k XVI Ezhegodnym nauchnym chteniyam pamyati professora S.N. Bratusya* [Sustainable Economic Growth and Law: Collection of Materials for the XVI Annual Scientific Readings in Memory of Professor S.N. Bratus’]. Moscow: Yurisprudentsiya. pp. 236–245.
2. Abshilava, G.V. (2012) *Soglasitel’nye protsedury v ugolovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Conciliation procedures in criminal proceedings of the Russian Federation]. Moscow: Yurlitinform.
3. Gol’msten, A.Kh. (1916) V zashchitu protsessual’noy teorii Byulova [In defense of Bulow’s procedural theory]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii.* 9. pp. 319–329.
4. Rozin, N.N. (1916) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo. Posobie k lektsiyam* [Criminal litigation. A guide to lectures]. 3rd ed. Petrograd: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo sklada “Pravo”.
5. Polyanskiy, N.N. (1916) Sud v pravovom gosudarstve i nauka ugolovnogo protsessa [Court in a legal state and the science of criminal procedure]. *Yuridicheskiy vestnik. Izdanie Moskovskogo yuridicheskogo obshchestva*. 16 (4). pp. 79–97.
6. Polyanskiy, N.N. (1916) Spor o yuridicheskoy prirode ugolovnogo protsessa [The dispute about the legal nature of the criminal process]. From: *Yuridicheskiy Vestnik*. 15.
7. Blagov, E.V. (2003) *Obshchaya teoriya primeneniya ugolovnogo prava* [General theory of the application of criminal law]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
8. Petrova, G.O. (2013) Ponyatie ob”ekta ugolovno-pravovogo otnosheniya [The concept of the object of criminal law relations]. *Vestnik NNGU*. 3-2. pp. 160–162.
9. Marchuk, V.V. (2011) Kognitivnye aspekty ugolovno-pravovogo otnosheniya [Cognitive aspects of the criminal law relations]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 4. pp. 199–210.
10. El’kind, P.S. (1963) *Sushchnost’ ugolovno-protsessual’nogo prava* [The essence of criminal procedure law]. Leningrad: Leningrad State University.
11. Mal’tsev, V.V. (2002) *Vvedenie v ugolovnoe pravo* [Introduction to criminal law]. Volgograd: VYuI MVD Rossii.
12. Pudovochkin, Yu.E. (2005) Ugolovnoe pravo: ponyatie, predmet, metod, sistema i zadachi [Criminal Law: Concept, Subject, Method, System and Tasks]. In: *Entsiklopediya ugolovnogo prava* [Encyclopedia of Criminal Law]. Vol. 1. St. Petersburg: Izdanie professora Malinina. pp. 143–235.
13. Bozh’ev, V.P. (1975) *Ugolovno-protsessual’nye pravootnosheniya* [Criminal procedure relations]. Moscow: Yurid. lit.
14. Bozh’ev, V.P. & Frolov, E.A. (1974) Ugolovno-pravovye i protsessual’nye otnosheniya [Criminal law and procedure relations]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 87–95.
15. Lyublinskiy, P.I. (1917) *Protsess, kak sudebnyy poryadok i protsess, kak pravootnoshenie* [Process as a judicial procedure and process as a legal relationship]. Petrograd: Senat. tip. From *Zhurnal Ministerstva yustitsii.* January.
16. Kukhta, A.A. (2009) *Dokazyvanie istiny v ugolovnom protsesse* [Proving the truth in criminal proceedings]. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
17. Aleksandrov, A.S. & Aleksandrova, I.A. (2021) O filosofsko-pravovykh prityazaniyakh teorii ugolovnogo protsessa na obshchuyu teoretiko-metodologicheskuyu osnovu nauchnoy spetsial’nosti 5.1.4 – Ugolovno-pravovye nauki [On the philosophical and legal claims of the theory of criminal procedure on the general theoretical and methodological basis of the scientific specialty 5.1.4 – Criminal Law Sciences]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel’naya praktika*. 4 (58). pp. 6–19.
18. Filimonov, V.D. & Filimonov, O.V. (2007) *Pravootnosheniya. Ugolovno-pravovye otnosheniya. Ugolovno-ispolnitel’nye pravootnosheniya* [Legal relations. Criminal law relations. Penal relations]. Moscow: YurInfoR-Press.
19. Genrikh, N.V. (2010) Ob”ekt kak element struktury ugolovno-pravovogo otnosheniya [Object as an element of the structure of the criminal law relationship]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal.* 3. pp. 14–25.
20. Kruglov, I.V. (2001) *Ugolovnyy isk i mekhanizm ego dokazyvaniya* [Criminal lawsuit and the mechanism of its proving]. Law Cand. Diss. N. Novgorod.
21. Aleksandrova, I.A. et al. (2007) *Ugolovno-pravovye i ugolovno-protsessual’nye aspekty sdelki o priznanii ugolovnogo iska* [Criminal law and criminal procedure aspects of a transaction on the recognition of a criminal claim]. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
22. Smirnov, V.G. (1965) *Funktsii sovetskogo ugolovnogo prava. Predmet, zadachi i sposoby ugolovno-pravovogo regulirovaniya* [Functions of Soviet criminal law. Subject, tasks and methods of criminal law regulation]. Leningrad: Leningrad State University.
23. Mizulina, E.B. (1991) *Ugolovnyy protsess: kontseptsiya samoogranicheniya gosudarstva* [Criminal procedure: the concept of state self-restraint]. Tartu: Tartu University.
24. Belyaev, N.A. & Shargorodskiy, M.D. (eds) (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava (chast’ Obshchaya)* [The course of Soviet criminal law (General Part)]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University.
25. Gaukhman, L.D. & Kolodkin, L.M. (eds) (1999) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast’* [Criminal Law. General Part]. Moscow: Yurisprudentsiya.
26. Elistratov, A.I. (1913) *Ponyatie o publichnom sub”ektivnom prave* [The concept of public subjective law]. Vol. II. Moscow: Pechatnya A. Snegirevoy.

27. Murav'ev, N.V. (1899) *Prokurorskiy nadzor v ego ustroystve i deyatel'nosti: posobie dlya prokurorskoy sluzhby. Prokuratura na Zapade i v Rossii* [Prosecutor's supervision in its structure and activities: a manual for the prosecutor's service. Prosecutor's Office in the West and in Russia]. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya.

Информация об авторе:
Колесник В.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: nikkipohta@mail.ru
ORCID:0000-0003-0623-6439

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
V.V. Kolesnik, Cand. Sci. (Law), associate professor, Rostov Branch of the Russian State University of Justice (Rostov-on-Don, , Russian Federation). E-mail: nikkipohta@mail.ru
ORCID:0000-0003-0623-6439

The author declares no conflicts of interests.

.

Статья поступила в редакцию 16.11.2022;
одобрена после рецензирования 17.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 16.11.2022;
approved after reviewing 17.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

Научная статья
УДК 342.53
doi: 10.17223/15617793/486/27

Развитие идеи правовой государственности с учетом роли в нем парламента

Людмила Геннадьевна Коновалова [1]

[1] *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*
vaskova82@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается развитие идеи правовой государственности в различных национальных юридических школах. Отмечаются тенденции сближения этих школ. Парламентская демократия называется в качестве условия существования правового государства. Делается вывод о ряде требований к деятельности парламента в условиях правового государства, в том числе принятие справедливых законов, уважение к конституции, возможность судебной и иной оценки действия законов.

Ключевые слова: правовое государство, парламент, парламентаризм, права человека, парламентская демократия

Для цитирования: Коновалова Л.Г. Развитие идеи правовой государственности с учетом роли в нем парламента // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 242–251. doi: 10.17223/15617793/486/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/486/27

Development of the idea of legal statehood taking into account the role of parliament in it

Lyudmila G. Konovalova[1]

[1] *Altai State University, Barnaul, Russian Federation*
vaskova82@yandex.ru

Abstract. The article discusses the development of the idea of legal statehood in various national legal schools, including German, British, American, French, and Russian legal doctrines. Tendencies of convergence of these schools are noted. The author shows that, with all the variety of approaches, the following features are attributed to the rule of law in many countries: the rule of law and the law; division of power into legislative, judicial and executive; recognition of human rights and the existence of a mechanism for their implementation; judicial independence. Accordingly, these signs intersect with the signs of democracy and parliamentarism, which allows us to talk about the proximity of these terms. Parliamentary democracy is called a condition for the existence of a legal state. There are a number of requirements for the activities of the parliament in a legal state, including the adoption of fair laws, respect for the constitution, the possibility of judicial and other evaluation of the operation of laws. In particular, when adopting a law, the parliament is required to ensure that it conforms to elementary human ideas about justice, dignity, freedom and equality of all members of society; the parliament, under the supervision of constitutional justice, cannot go beyond the constitutionally established powers; the functionality of the parliament to "search for a common will", to adopt "fair" laws will be subject to judicial assessment, taking into account constitutional values and international legal standards. Such requirements apply even to countries where the principle of the so-called "rule of parliament" is in effect. In turn, the theory of parliamentarism allows us to propose specific legal levers to improve the work of representative institutions in the system of separation of powers, to increase the effectiveness of its interaction with other authorities and civil society in the process of searching for "fair" managerial decisions and protecting the rights of citizens. The author notes the advantages and disadvantages of the concept of legal statehood. She also pays attention to alternative theories in relation to legal statehood, including the theory of the Soviet legal state, the state of truth from the standpoint of Slavophile trends, as well as a new idea of the political and legal thought of modern Russia, which enters into a certain dissonance with the doctrine of a legal state – the theory of a "strong (effective)" state. However, the author proposes not to exaggerate the national characteristics of Russia and to consider the rule of law and parliamentarism as values of universal significance.

Keywords: rule of law, parliament, parliamentarism, human rights, parliamentary democracy

***For citation*:** Konovalova, L.G. (2023) Development of the idea of legal statehood, taking into account the role of parliament in it. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 486. pp. 242–251. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/486/27

Принцип правовой государственности по праву считается одной из фундаментальнейших основ юриспруденции, хотя признается в конституциях лишь порядка 70 стран в многообразной интерпретации. Например, конституции Португальской Республики [1], Федеративной Республики Бразилия [2], Венгерской Республики [3] прямо провозглашают соответствующие страны правовыми государствами. В Основном законе ФРГ установлено, что «конституционное устройство в землях должно соответствовать принципам… социального правового государства» [4]. В Конституции Швейцарской Конфедерации закреплено, что «основой и пределом государственных действий является право» [5]. В тексте Конституционного акта Канады говорится: «Канада основывается на принципах, признающих верховенство Бога и господство права» [6].

Универсальное значение принципа правового государства связывается с популярностью идеи ограничения государственной власти правом в истории различных народностей и в мировоззрении различных мыслителей. При этом вариации трактовки термина «правовое государство» существенно отличаются как в рамках правовых систем, так и в философско-правовом дискурсе отдельных стран. Поэтому актуальным можно считать мнение о том, что правовая государственность не является собственно юридическим институтом или конкретной научной теорией, а представляет собой скорее некую идеологему, выполняющую эвристическую, нормоориентирующую и ценностную роль для юриспруденции [7. С. 105; 8. С. 5].

Истоки формирования идеи правовой государственности ученые находят в трудах античных мыслителей Сократа, Демокрита, Платона, Аристотеля, Цицерона, а также в работах авторов эпохи феодализма (Н. Макиавелли, Ж. Боден) и буржуазных революций (Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, Д. Дидро, П. Гольбах, Т. Джефферсон). Однако авторство современного восприятия термина «правовое государство» (der Rechtsstaat) приписывается немецким государствоведам XIX в. К. Велькеру и Р. Фон Молю, а «философским вдохновителем» этой идеи считается И. Кант. Утверждение И. Канта о совершенном достоинстве, абсолютной ценности каждого лица, о свободе и равенстве всех граждан, которые не знают другого подчинения, кроме как подчинения конституции и закону, явилось краеугольным камнем вызревавшей идеи правового государства. Философ подчеркивал необходимость наделения граждан правами в политической сфере, в особенности правом участия в законодательстве, и надеялся, что через связанность государства правом удастся достичь проникновения разума во все сферы общественной жизни [9. С. 79, 147].

Правовое государство в интерпретации немецких юристов начала XIX в. именуют «либеральным», поскольку оно характеризовалось как государство индивидуализма, призванное обеспечить свободу собственности и ограничить вмешательство в личную жизнь [10. С. 66]. Во второй половине XIX в. в немецкой доктрине происходит смещение акцентов в понимании правовой государственности в сторону сужения: если изначально правовое государство охватывало цель и содержание деятельности государства, проявлявшееся в создании условий для оптимального развития отдельного гражданина, то позднее сторонники идеи правового государства свели его к средствам обеспечения государственной деятельности путем подчинения органов власти закону. Понятие веймарского правового государства связывалось с господством позитивного закона, охраняемого государством. Злоупотребление законом при этом как бы не предполагалось [11. С. 141].

Подобная трактовка рассматриваемого термина отчасти привела к очередной трансформации идеи правового государства под цели нацистского режима. С 1933 г. правительство Германии получило право издавать законы, не согласующиеся с веймарской конституцией, чем был по существу положен «конец буржуазно-парламентской республике». Провозглашалась цель «спасения правового государства». Законодательно закрепленный деспотизм подавался как «расширение правотворчества диктаторской власти», которое обернулось подавлением свободы личности [12. С. 128–130].

После крушения нацистского режима идея правового государства получила новое звучание в политической и государственно-правовой жизни Западной Германии. Суть модернизации заключалась в постановке задачи создания препятствий для злоупотребления государством властью. На основе Конституции ФРГ и решений Федерального конституционного суда этой страны официально признаются такие составляющие принципа правового государства, как уважение непосредственно действующих основных прав, возмещение ущерба личности при неправомерном вмешательстве в ее жизнь государства, право на законного судью, связанность конституционного законодательства конституционным строем, а исполнительной власти и правосудия – законом и правом [12. С. 131–140; 13. С. 104]. Однако в немецкой науке содержится множество иных подходов в определении концепта правовой государственности, что позволяет многим авторам считать немецкую теорию правового государства наиболее разработанной по сравнению с другими странами [14. С. 122]. Распространено восприятие правового государства в двух смыслах – в формальном (связанность власти законом) и в материальном (признание примата права как высшей справедливости над законом) [12. С. ,134]. В целом немецкое понимание правового государства зиждется на противопоставлении его тоталитаризму, на признании в качестве конституционной основы правового государства верховенства конституции и закона и обязательности для органов власти основных прав человека [15. С. 40].

С позиций теории парламентаризма примечательным является своеобразное восприятие роли парламента в немецкой доктрине правовой государственности. Во-первых, проводится жесткая грань между законом и правом, поэтому от парламента требуется при принятии закона обеспечить его соответствие элементарным человеческим представлениям о справедливости, достоинстве, свободе и равенстве всех членов общества. Во-вторых, верховенство конституту-

ции рассматривается как «венец правового государства», поэтому парламент под надзором конституционной юстиции не может выходить за пределы конституционно установленных полномочий. Соотношение конституции и закона характеризуется тем, что «закон не может ударять по Основному закону, но может вносить в него корректировку». В-третьих, народ тоже признается связанным положениями конституции, поэтому в государственном механизме приоритетной считается парламентарная демократия [12. С. 139].

В другой стране романо-германской правовой семьи – во Франции акцент в понимании правого государства делается: 1) на эффективной, прежде всего судебной, защите прав и свобод граждан перед лицом государства и его аппарата; 2) расширении и укреплении демократических институтов, свойственных развитому гражданскому обществу; 3) оптимальном использовании правового инструментария в целях достижения наивысшего уровня народного благосостояния [12. С. 137].

В англо-американской науке концепция правового государства развивается в варианте признания «верховенства права» (Rule of Law), однако с многочисленными национальными особенностями. В Великобритании принцип верховенства права впервые был глубоко обоснован в XIX в. в работах А.В. Дайси. Автор раскрывал содержание этого принципа через три составляющие. Во-первых, верховенство права исключает произвол власти, прерогативу и широкие полномочия правительства. Управление людьми осуществляется посредством права. Никто не может быть наказан по прихоти чиновника или судьи, наказание возможно только за нарушение права, установленное обычным судом. Во-вторых, верховенство права предполагает равенство перед правом. Никто не может стоять над правом, и любой человек, независимо от должностного положения, подчиняется обычным законам государства и подлежит юрисдикции обычных судов. В-третьих, верховенство права выражается в том, что общие принципы конституции и права граждан проистекают не из формально принятого конституционного текста, а из решений судов. Это позволяет не просто провозгласить права человека, а надлежащим образом обеспечить их защиту [16. С. 222; 17. С. 51].

В современной английской конституционной доктрине концепция А.В. Дайси признается достаточно ограниченной, и многие авторы высказываются за признание иных составляющих верховенства права, таких как стабильность и достаточная определенность правовых предписаний, запрет обратного действия закона, независимость правосудия, необходимость защиты достоинства и автономии человека и др. [17. С. 51]

С течением времени изменяются и представления британских исследователей о роли парламента в обеспечении верховенства права. Как известно, исторически Англия признает верховенство парламента в государственном механизме, что дает почву отдельным исследователям даже считать неприменимым к Британии принцип разделения властей, и поддерживать идею существования в этой стране принципа слияния власти (Fusion powers) [18. С. 40]. Труды А.В. Дайси внесли новое понимание в принцип верховенства парламента. Возобладала идея, что определенные фундаментальные принципы справедливости не могут быть нарушены даже высшей властью. Эти фундаментальные принципы справедливости связаны с проистекающими из природы человека правами человека и воплощены в эволюционирующем праве английских судов. Даже парламент, хотя он и стоит выше других публичных учреждений, согласно конституции подчинен основным принципам справедливости, воплощенным в исторических традициях английского народа [19. С. 125; 20. С. 49].

В ходе проведения конституционной реформы в Великобритании 1997–2010 гг. по инициативе лейбористов были приняты законы по конституционно значимым вопросам, направленные на усиление открытости органов власти, расширение прерогатив парламента по контролю за правительством, имплементацию международных документов по правам человека, расширение полномочий судов, которые все же не повлекли принятия новой конституции страны. Эти инициативы принципиально изменили баланс между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. До сих пор в Великобритании доктрина законодательного верховенства парламента предусматривает, что суды вправе дать толкование акту, но не вправе отклонить или отменить его. Она не запрещает также давать судебное толкование в соответствии с международными обязательствами, в том числе и обязательствами перед Европейским союзом. В то же время английские суды обладают полномочиями по признанию не имеющими юридической силы актов органов исполнительной власти. Увеличение числа обращений в суды в связи с обжалованием действий и актов органов исполнительной власти и рассмотрение значительного числа споров в области прав человека свидетельствуют об изменении конституционной роли судов и усилении вмешательства судебной власти в сферу политики [22. С. 177].

Указанные новеллы дали почву для переоценки учеными роли парламента в обеспечении принципа верховенства права. Например, В. Богданор пришел к следующему выводу: «Старая конституция была основана на суверенитете парламента. Новая конституция основана на идее правового государства, которая зиждется на разделении властей. Суверенитет парламента постепенно и планомерно приближается к тому, чтобы быть замененным суверенитетом конституции» [21. P. 285]. При этом принципиальная особенность английской конституции – ее неписанный характер предопределяет национальное своеобразие конституционализма Великобритании: неписанная конституция не может быть полностью изменена парламентом, а потому возможности правящей партии в сфере конституционных реформ имеют пределы [22. С. 177].

В связи с этим итальянский исследователь Р. Тониатти обосновывает мысль о том, что после мас-

штабного распространения в послевоенной Европе конституционной юстиции для всей европейской юриспруденции в целом свойственна тенденция трансформации принципа верховенства права в принцип «верховенство конституций», принципа правового государства в принцип конституционного государства, принципа законности – в конституционную легитимность [23. С. 100].

Американское восприятие принципа верховенства права связано с приданием конституции свойств правового документа, основного и общеобязательного закона, признанием «билля о правах» неотъемлемой частью любой полноценной конституции, возложением на суды функций обеспечения верховенства конституции. Правовая доктрина этой страны отличается беспрецедентно высоким доверием к судьям, несмотря на конкретный характер нормоконтроля и общий запрет судьям решать «политические вопросы». Считается, что если бы конституционность закона проверялась по запросу органов власти, такая процедура привела бы к попыткам парламентского меньшинства получить в суде то, чего не удалось добиться в парламенте; или же попыткам исполнительной власти вместо наложения вето использовать для аннулирования закона суды. Поэтому проверка конституционности акта возможна исключительно по инициативе частных лиц [24. С. 50–63]. В США обязательным для всех судов является только решение Верховного суда относительно неконституционности закона, хотя признать его таковым может любой суд. Закон, признанный Верховным судом неконституционным, формально продолжает действовать, но по сути теряет юридическую силу, поэтому ни один суд и ни один административный орган его не применяют. Парламент, как правило, такой закон вскоре отменяет [25].

Вместе с тем в последние годы в американской доктрине набирает популярность движение «против судейского верховенства» или «народного конституционализма», представители которого призывают вернуть уважение к демократически избранным институтам и признать презумпцию конституционности законов. Однако сторонники действующей ситуации апеллируют к чувствительности судейского корпуса США общественной поддержке, приводя примеры изменения правовых позиций судов под влиянием общественных настроений [26. С. 114], а также к классическим американским представлениям о том, что «законодательная власть не является непогрешимой» [27. С. 69].

К настоящему времени отмечается сближение континентального понимания правовой государственности с англо-американским «верховенством права». Хотя и подчеркивается, что первый термин сориентирован в большей степени на роль законодателя (парламента) в установлении надлежащего порядка управления в государстве, а второй термин – на роль судов [28. С. 21]. Или же для определения государства как управляемого посредством законов употребляют понятие «правовое государство», а для обозначения процедур, гарантирующих правопорядок в государстве, – «верховенство права» [29. С. 275].

По мнению Г.А. Гаджиева, самые существенные грани различий между правовым государством и верховенством права следует искать в их отношении к правам человека: «Концепция правового государства ориентируется на права человека как результат позитивации прав человека, подчеркивая роль государства, без которой права человека не могут быть признаны и защищены. Она в большей мере фокусируется на природе государства, в то время как доктрину верховенства права больше заботит онтологическая природа прав человека, их первичность в онтологической картине мира». При этом доктрина верховенства права в большей мере характеризует «сущее», а концепция правового государства – «должное» [30. С. 20]. Если в континентальных странах «права частных лиц являются дедукцией из принципов конституции», то в англосаксонской системе «так называемые принципы конституции представляют индукции или обобщения, основанные на отдельных решениях, произведенных судами относительно прав данных лиц» [16. С. 225].

Австралийский профессор В. Садурский считает, что конструкция «правового государства» демонстрирует «европейское доверие государству, возможно, даже в некоторой степени патернализм», а доктрина верховенства права показывает «традиционное для американцев недоверие государственным институтам». США демонстрирует «антигосударственный подход к праву» [24. С. 50–63].

Схожесть концепций правовой государственности и верховенства права заключается в их общей направленности на недопущение произвола со стороны государства в отношении гражданина, в связанности всех органов власти, в том числе парламентов, правом, ассоциируемым со справедливостью. Сближение этих теорий происходит через соотносимость выделяемых признаков и появление международного восприятия верховенства права, через формирующийся в демократических странах конституционализм и конституционную юстицию.

В России теория правового государства активно развивалась на рубеже XIX–XX вв., в основном на основе анализа зарубежного опыта параллельно с концепцией конституционализма и теорией парламентаризма. Среди российских теоретиков правового государства можно назвать А.Д. Градовского, В.М. Гессена, А.С. Алексеева, Н.И. Палиенко, Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Котляревского, Н.П. Невзорова [31. С. 12; 32. С. 45; 33. С. 73; 34. С. 8; 35. С. 97–101; 36. С. 3–12; 37. С. 26–30]. Авторами признавались такие признаки правого государства, как связанность государства правом, представительная форма правления, разделение властей, подзаконность правительственной и судебной власти, независимость суда, наличие прав и свобод граждан, равенство перед законом, всеобщее избирательное право, наличие административной юстиции, политическая ответственность министров, институт уголовной ответственности должностных лиц. При этом парламентаризм воспринимался как необходимое условие становления правового государства.

В то же время дореволюционная правовая доктрина была насыщена взглядами, являвшимися неким противовесом правовому государству. Правовое государство сторонниками евразийской системы права (Н.Н. Алексеев, П.И. Савицкий, Г.В. Вернадский, Г. Флоровский, М.В. Шахматов) противопоставлялось государству правды. Теория правового государства отвергалась как либерально-западническая, направленная на достижение материальных благ. Для России предлагалось следовать идеалу государства правды, основанному на религии и нравственности, на служении царя и народа, стремлении к духовному спасению народа [38. С. 107].

В советское время доктрина правого государства критиковалась как маскирующая классовую сущность государства. Так, А.Я. Вышинский весьма эмоционально замечал: «Это хваленое правовое государство – олицетворение такого же по существу кулачного права, но только более утонченного» [39. С. 6]. В 1980-е гг. был официально взят курс на построение «социалистического правового государства», основанного на отрицании механизмов рыночного хозяйствования и с руководящей ролью коммунистической партии. И хотя эта идея позднее справедливо была названа Б.А. Страшуном «жареным льдом» [40. С. 243], она предполагала решение ряда позитивных задач: обеспечить реализацию конституционных прав, ввести ответственность государства перед гражданином, повысить авторитет закона, построить эффективную работу правоохранительных органов [41. С. 139].

Действующая Конституция РФ 1993 г. характеризует Россию как правовое государство [42]. Однако большинством конституционалистов эта норма трактуется как «идеал» и ориентир для развития страны. Современная отечественная юриспруденция далеко не однозначно характеризует концепт правовой государственности. В актах Конституционного Суда РФ отражаются такие признаки правового государства, как приоритет прав человека, верховенство Конституции РФ, юридическое равенство, правовая определенность [43, 44]. Конституционный Суд РФ отмечает, что «правовое государство по самой своей сути может быть признано таковым лишь при условии, что оно обеспечивает безопасность граждан, охрану и защиту их прав и законных интересов, эффективное восстановление в правах» [45].

Е. Шмидт-Асман полагает, что теоретическая конструкция правового государства покоится на двух главных опорах: субъективно-правовом принципе достоинства человека и объективно-правовом разделении властей [46. С. 55]. Б.С. Эбзеев высказывает мысль о том, что «такие основные принципы правового государства, как легитимность публичной власти, взаимная ответственность государства и личности, разделение властей, новый, более высокий уровень законности, единство естественного и позитивного права и связанная с ним тенденция сближения права и морали, – оказывают решающее влияние на его организацию и функционирование» [47. С. 9]. В.Д. Зорькин указывает на несколько признаков (или сторон) правового государства: народовластие, разделение властей, гражданское общество, права человека, «конституционное сознание» граждан и должностных лиц [48. С. 36]. По мнению К.С. Гаджиева, представление о правовом государстве ассоциируется с двумя основополагающими признаками: порядок в государстве и защищенность граждан [49. С. 195]. С.Ю. Марочкин считает «ограниченное правление» основной организационно-правовой характеристикой правового государства [50. С. 91].

При всем многообразии подходов правовому государству в отечественной юриспруденции приписываются следующие признаки: верховенство права и закона; разделение власти на законодательную, судебную и исполнительную; признание прав человека и наличие механизма их реализации; независимость суда; приоритет международного права над внутринациональным; политический плюрализм [51. С 67; 40. С. 241; 52. С. 300]. Отдельные исследователи обозначают и другие характеристики правового государства: запрет придавать обратную силу законам, ухудшающим положение человека; рациональность при осуществлении государственной власти; конституционализм; эффективность системы правоохранительных органов. Среди условий создания правового государства называют наличие гражданского общества, широкой прослойки «среднего класса», особого правосознания, основанного на уважении к закону и т.п. [53. С. 614].

Как видим, многие признаки правовой государственности пересекаются с признаками демократии и парламентаризма, что позволяет говорить о близости этих терминов. Зачастую парламентаризм или парламентская демократия называются в качестве составных элементов правового государства [54. С. 60]. Например, Г.А. Гаджиев убежден, что «если ослабевает парламентаризм, мгновенно ослабевает и судебная власть как организационная структура, необходимая для механизма верховенства права» [49. С. 195].

В то же время предпринимаются попытки отграничить «правовое государство» от смежных категорий, в том числе от парламентаризма. Весьма оригинально к этому вопросу подходит Л.С. Мамут: «Правовым (в точном смысле слова) является только государство, в котором имеют место как взаимосвязь, так и равновеликость (эквивалентность) прав и обязанностей, объема свободы и ответственности социальных акторов, с одной стороны, и государства в целом – с другой. Всякое иное прочтение, дополнение предложенной характеристики еще какими-либо признаками (такими, например, как нерушимость прав и свобод субъекта, разделение властей, парламентаризм, независимость суда) лишь запутывает дело… и чревато смешением похожих, но вовсе не тождественных категорий» [7. С. 106]. Однако сам автор признает многовариантность трактовки рассматриваемого понятия. И одновременно пишет: «Ни одно современное государство не может претендовать на статус правового, если оно не имеет многопартийной парламентской системы, если в нем нет легального равенства конституционно признаваемых политических партий, которые конку-

рируют между собой в борьбе за обладание публичной властью» [7. С. 110]. То есть фактически ученый обозначил базовые признаки парламентаризма в качестве составляющей правовой государственности.

Достоинство концепции правовой государственности, на наш взгляд, сводятся к двум принципиальным моментам. Во-первых, правовое государство призвано отразить значимость формально-юридической роли закона, то есть подчинить установленным нормам права не только всех граждан, но и сам государственный аппарат, исключить произвол. Во-вторых, теория правового государства призвана исключить излишне волюнтаристское восприятие закона с позиции позитивизма.

В то же время правовое государство подвергается критике за свою абстрактность и «идеальность». Отдельные авторы в связи с этим предлагают ограничить использование понятия правового государства в юриспруденции, предоставив его исключительно политологии [55. С. 88].

В Российской Федерации теория правового государства зачастую отвергается как не соответствующая культурной самобытности русского народа. Некоторые юристы в духе славянофильства предлагают вернуться к концепту государства правды, отойти от разделения властей, парламентаризма, усилить роль обязанностей человека [56. С. 88; 57. С. 237; 58. С. 5–16]. Но все же думается, гипертрофировать до такой степени национальные особенности России нецелесообразно. Российская история не менее, чем западная, демонстрирует трагизм попыток государственного управления на основе попирания роли права и закона в угоду целесообразности, централизации, укрепления власти отдельных лидеров и т.п.

Еще одна новая идея политико-правовой мысли современной России, вступающая в определенный диссонанс с доктриной правового государства, – это теория «сильного (эффективного)» государства. Преимущественно термин «сильное» или «эффективное» государство присущ политическому дискурсу и еще не получил глубокого анализа в юридической науке. Зачастую «сильное» государство противопоставляется европейскому пути развития публичных институтов, связывается со стремлением России отстоять свои геополитические интересы на международной арене, модернизировать экономику. Однако в вопросах взаимоотношений человека и государства в такой модели мнения сторонников идеи сильного государства разделяются: кто-то выступает за усиление административно-командных начал в осуществлении публичной власти, кто-то, напротив, призывает к расширению демократических процедур [59; 60. С. 90; 61]. Авторитетные конституционалисты пока что в основном критически относятся к идее сильного государства и призывают для начала обозначить его отличительные признаки по сравнению с тоталитарным государством [30. С. 16; 62. С. 91]. Однако специалисты в области теории права и государства предлагают позитивно рассматривать идею «эффективного» государства через оценку эффективности осуществляемых государством функций.

Очевидно, что критические оценки доктрины правовой государственности и альтернативные разработки не умаляют ее глобального значения, востребованности органами конституционной юстиции различных стран и не снижают ее общую нацеленность на внедрение юридических рычагов противодействия произволу чиновничества.

Практическая направленность концепции верховенства права, по мнению американского профессора Р.Х. Фаллона, состоит в том, что она ставит перед собой три цели. «Во-первых, концепция господства права призвана обеспечить защиту против анархии, или другими словами войны всех против всех. Во-вторых, концепция господства права призвана создать для людей надлежащие условия по планированию своего будущего с предложением им разумной уверенности в том, что они могут знать заранее о юридических последствиях различных действий. В-третьих, концепция господства права призвана обеспечить гарантии против возможных случаев произвола со стороны официальных властей» [63. С. 83; 64. С. 1–56].

Таким образом, правовая государственность в сочетании с парламентаризмом на сегодня является признаваемой мировым сообществом ценностью. Достоинство этих концепций состоит в стремлении исключить произвол государственной власти, создать предпосылки к принятию справедливых и гуманных законов. Вместе с тем подходы к пониманию правового государства очень многообразны, поскольку предопределяются национальными особенностями тех или иных стран и методологическими установками отдельных авторов. Этот факт позволяет относиться к идее правового государства как к некой идеальной цели или идеологеме, имеющей при этом огромное практическое значение аксиологического свойства.

Теории правового государства и парламентаризма существенно обогащают друг друга. Правовое государство предполагает ряд требований к деятельности парламента. Во-первых, проводится грань между законом и правом, поэтому от парламента требуется при принятии закона обеспечить его соответствие элементарным человеческим представлениям о справедливости, достоинстве, свободе и равенстве всех членов общества. Во-вторых, правовое государство связывается с конституционализмом, поэтому парламент под надзором конституционной юстиции не может выходить за пределы конституционно установленных полномочий. Это касается даже тех стран, где действует принцип так называемого верховенства парламента. В-третьих, в первую очередь парламент через механизмы поиска «общей воли» должен изначально определиться в содержательной составляющей закона, включая его соотношение с преобладающими представлениями в обществе о справедливости, границах признания и защиты прав человека, его влиянии на социально незащищенные слои населения и экономику государства, пределах допустимого сопротивления граждан ненадлежащему управлению, о действии закона во времени, допустимых пределах

ограничения свободы граждан в целях обеспечения общественной безопасности. Однако такой функционал парламента подлежит судебной оценке с учетом конституционных ценностей и международно-правовых стандартов. В свою очередь, теория парламентаризма позволяет предложить конкретные юридические рычаги по совершенствованию работы представительных учреждений в системе разделения властей, повышению эффективности его взаимодействия с другими органами власти и гражданским обществом в процессе поиска «справедливых» управленческих решений и защиты прав граждан.

Список источников

1. Конституция Португальской Республики от 2 апреля 1976 г. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/portugal/portug-r.htm
2. Конституция Федеративной Республики Бразилия 1988 г. // Конституции зарубежных государств. Американский континент. Ереван : Мхитар Гоги, 1992. С. 44–181.
3. Конституция Венгерской Республики от 20 августа 1949 г. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=789
4. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств : учеб. пособие / сост. В.В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : БЕК, 2001. 602 с.
5. Союзная Конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/swiss/swiss--r.htm
6. Конституционный акт Канады от 17 апреля 1982 г. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_ constitutions/constit/canada/canada-r.htm
7. Мамут Л. Правовое государство: идеологема и современные конституционные тексты // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2 (81). С. 105–111.
8. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. 2002. № 2. С. 5–13.
9. Кант И. Сочинения в шести томах / под ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги. М. : Мысль, 1965. Т. 4 (2). 543 с.
10. Гумбольд В.Ф. Опыт установления пределов в государственной деятельности. СПб. : В.Ф. Лугинин, 1908. 164 с.
11. Кизяковский В.В. Развитие института прав и свобод в конституционном законодательстве Германии (первая половина 19 в.) // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М. : ИГПАН, 1981. С. 137–144.
12. Невинский В.В. Немецкие граждане в зеркале основополагающих принципов конституции ФРГ. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. 214 с.
13. Бланкенагель А. Теория и практика конституционного контроля в ФРГ // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 102–109.
14. Куркин Б.А. Теория правового государства и практика конституционализма в ФРГ // Советское государство и право. 1984. № 10. С. 121–128.
15. Соколов А.Н. Правовое государство: от идеи до ее материализации. Калининград : ФГУИПП «Янтарный сказ», 2002. 456 с.
16. Дайси А.В. Основы государственного права Англии: введение в изучение английской конституции. М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1907. 695 с.
17. Варламова Н.В. Конституционализм: вариативность понятия // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5 (84). С. 48–57.
18. Гарнер Дж. Великобритания: Центральное и местное управление / пер с англ. Н.А. Шульженко, В.Л. Энтина; под ред. Г.В. Барабашева. М. : Прогресс, 1984. 367 с.
19. Montgomery J. To Rule of Law in Russia? London ; Boston ; New York, 1997. 264 p.
20. Хованская А.В. Достоинство человека: международный опыт правового понимания // Государство и право. 2002. № 3. С. 48–54.
21. Bogdanor V. The New British Constitution. Oxford ; Portland, OR : Hart Publishing, 2009. 336 p.
22. Иванова И.К. Конституционная реформа в Великобритании: трансформация судебной власти // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 3. С. 175–195.
23. Тониатти Р. «Живой» суд для «живого» права: конституционная транзитология и государственные сдержки и противовесы // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 5 (114). С 97–104.
24. Садурский В. Конституционный контроль в Европе и США: влияние, парадоксы и сближение // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4 (95). С. 49–67.
25. Конституционная юстиция в странах мира // PRAVO.UA. Издательство ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА. URL: https://pravo.ua/articles/konstitucionnaja-justicija-v-stranah-mira/
26. Перетти Т. Политическое толкование прав человека в США // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 6 (73). С. 103–125.
27. Холмс С. Конституции и конституционализм // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3 (88). С. 56–83.
28. Allan T. Constitutional Justice: A Liberal Theory of the Rule of Law. London, 2001. 352 p.
29. Андреева Г.Н. Конституционное право зарубежных стран : учебник. М. : Норма, 2009. 416 с.
30. Гаджиев Г. О судебной доктрине верховенства права // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4 (95). С. 12–25.
31. Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. СПб. : Л.Ф. Пантелеев, 1895. 528 с.
32. Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков, 1908. 351 с.
33. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М. : Мысль, 1915. 420 с.
34. Невзоров Н.П. По пути к правовому государству (Конституционные проекты и попытки в русской истории). М. : Тип. «Ломоносов», 1913. 158 с.
35. Виноградов В.А. Правовое государство и верховенство права: теоретические конструкции и реализация // Закон. 2013. № 12. С. 97–101.
36. Короткова И.О. Формирование правового государства и обеспечение верховенства закона // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 5. С. 3–17.
37. Грязнова Т.Е. Проблема соотношения конституционного и правового государства в Российской юридической науке конца XIX – начала XX в. // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 2 (39). С. 26–30.
38. Шахматов М.В. Государство правды. М. : ФондИВ, 2008. 312 с.
39. Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты. М. : Мособлисполком, 1934. 41 с.
40. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : в 4 т. Т. 1–2 : учебник / отв. ред. Б.А. Страшун. М. : БЕК, 2000. 757 с.
41. XIX Всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчет. М. : Политиздат, 1988. Т. 2. 352 с.
42. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (ред. от 11 июля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
43. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2012 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 51. Ст. 7323.
44. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2005 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами государственного учреждения культуры «Дом культуры им. Октябрь-

ской революции», открытого акционерного общества «Центронефтехимремстрой», гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 48. Ст. 5123.
45. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2002 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 3 и абзаца первого пункта 6 статьи 9 Закона РФ «О вынужденных переселенцах» в связи с жалобой гражданина М.А. Мкртычана» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 48. Ст. 4829.
46. Шмидт-Асман Е. Правовое государство // Государственное право Германии / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М. : ИГиП РАН, 1994. С. 53–56.
47. Эбзеев Б.С. Конституции РФ – 20 лет: государство, демократия, личность сквозь призму практического конституционализма // Государство и право. 2013. № 12. С. 5–17.
48. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма, 2011. 720 с.
49. Гаджиев К.С. Политическая наука. М. : Наука, 1995. 398 с.
50. Марочкин С.Ю. Верховенство права на внутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия // Государство и право. 2013. № 10. С. 85–94.
51. Невинский В.В. К теории правового государства (сравнительно-правовой аспект) // Актуальные проблемы правоведения в современный период : сб. ст. / отв. ред. В.Ф. Волович. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 67–68.
52. Теория государства и права : учебник / под ред. А.С. Пиголкина. М. : Юрайт, 2007. 613 с.
53. Венгеров А.Б. Теория государства и права : учебник для юридических вузов. М. : Новый юрист, 1998. 624 с.
54. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М. : Норма, 2013. 496 с.
55. Современное буржуазное государственное право. Критические очерки. Т. 1. Буржуазная наука государственного права / отв. ред. В.А. Туманов. М. : Наука, 1987. 366 с.
56. Поляков А.В. Российская теоретико-правовая мысль: опыт прошлого и перспективы на будущее // Наш трудный путь к праву : материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. М. : Норма, 2006. С. 86–121.
57. Насыров Р.В. Человек как самоценность: О формулировке ст. 2 Конституции РФ 1993 г. Барнаул : Азбука, 2008. 278 с.
58. Барциц И.Н. Доктрина конституционного патриотизма: европейский вызов и российская перспектива (к 20-летию Конституции РФ) // Государство и право. 2014. № 1. С. 5–16.
59. Цыганков А. Сильное государство: теория и практика в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2015. № 3. URL: https://globalaffairs.ru/articles/silnoe-gosudarstvo-teoriya-i-praktika-v-xxi-veke/
60. Юрескул Е.А. Эффективность государства: новые подходы // Политическая наука. 2016. № 4. С. 74–90.
61. Смолин М. Эффективное государство и вызовы России. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/04/04/ffektivnoe_gosudarstvo_i_vyzovy_rossii/
62. Павликов С.Г. Идеалы правового государства: о некоторых исторических, юридических и экономических аспектах концепции // Государство и право. 2014. № 1. С. 84–92.
63. Каламкарян Р.А. Россия в универсальном мировом пространстве // Государство и право. 2013. № 8. С. 75–85.
64. Fallon R.H.«The Rule of Law» as a concept in constitutional discourse // Columbia Law Review. January. 1997. Vol. 97, № 1. P. 1–56.

References

1. Concourt.am. (1076) *Konstitutsiya Portugal'skoy Respubliki ot 2 aprelya 1976 g*. [Constitution of the Portuguese Republic of April 2, 1976]. [Online] Available from: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/ world_constitutions/constit/portugal/portug-r.htm
2. Mkhitar Gogi. (1992) Konstitutsiya Federativnoy Respubliki Braziliya 1988 g. [Constitution of the Federative Republic of Brazil, 1988]. In: *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv. Amerikanskiy kontinent* [Constitutions of foreign states. American continent]. Yerevan: Mkhitar Gogi. pp. 44–181.
3. Worldconstitutions.ru. (1949) *Konstitutsiya Vengerskoy Respubliki ot 20 avgusta 1949 g*. [The Constitution of the Hungarian Republic of August 20, 1949]. [Online] Available from: https://worldconstitutions.ru/?p=789
4. Maklakov, V.V. (2001) Osnovnoy zakon Federativnoy Respubliki Germaniya ot 23 maya 1949 g. [The Basic Law of the Federal Republic of Germany of May 23, 1949]. In: *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: ucheb. posobie* [Constitutions of foreign states: textbook]. 3rd ed. Moscow: BEK.
5. Concourt.am. (1999) *Soyuznaya Konstitutsiya Shveytsarskoy Konfederatsii ot 18 aprelya 1999 g*. [Federal Constitution of the Swiss Confederation of April 18, 1999]. [Online] Available from: http://www.concourt.am/armenian/legal_ resources/world_constitutions/constit/swiss/swiss--r.htm
6. Concourt.am. (1982) *Konstitutsionnyy akt Kanady ot 17 aprelya 1982 g.* [Constitutional Act of Canada of April 17, 1982]. [Online] Available from: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/canada/canada-r.htm
7. Mamut, L. (2011) Pravovoe gosudarstvo: ideologema i sovremennye konstitutsionnye teksty [Legal state: ideology and modern constitutional texts]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2 (81). pp. 105–111.
8. Chirkin, V.E. (2002) Obshchechelovecheskie tsennosti i sovremennoe gosudarstvo [Human values and the modern state]. *Gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 5–13.
9. Kant, I. (1965) *Sochineniya v shesti tomakh* [Works in six volumes]. Vol. 4 (2). Moscow: Mysl'.
10. Gumbol'd, V.F. (1908) *Opyt ustanovleniya predelov v gosudarstvennoy deyatel'nosti* [Experience in establishing limits in state activity]. St. Petersburg: V.F. Luginin.
11. Kizyakovskiy, V.V. (1981) Razvitie instituta prav i svobod v konstitutsionnom zakonodatel'stve Germanii (pervaya polovina 19 v.) [Development of the institute of rights and freedoms in the constitutional legislation of Germany (the first half of the 19th century)]. In: Nersesyants, V.S. (ed.) *Politiko-pravovye idei i instituty v ikh istoricheskom razvitii* [Political and legal ideas and institutions in their historical development]. Moscow: Institute of State and Law, RAS, pp. 137–144.
12. Nevinskiy, V.V. (1994) *Nemetskie grazhdane v zerkale osnovopolagayushchikh printsipov konstitutsii FRG* [German citizens in the mirror of the fundamental principles of the German constitution]. Barnaul: Altai State University.
13. Blankenagel', A. (1989) Teoriya i praktika konstitutsionnogo kontrolya v FRG [Theory and practice of constitutional control in Germany]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 102–109.
14. Kurkin, B.A. (1984) Teoriya pravovogo gosudarstva i praktika konstitutsionalizma v FRG [The theory of the rule of law and the practice of constitutionalism in Germany]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo.* 10. pp. 121–128.
15. Sokolov, A.N. (2002) *Pravovoe gosudarstvo: ot idei do ee materializatsii* [Legal state: from idea to its materialization]. Kaliningrad: FGUIPP "Yantarnyy skaz".
16. Daysi, A.V. (1907) *Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii: vvedenie v izuchenie angliyskoy konstitutsii* [Fundamentals of Public Law in England: An Introduction to the Study of the English Constitution]. Moscow: Tip. t-va I.D. Sytina.
17. Varlamova, N.V. (2011) Konstitutsionalizm: variativnost' ponyatiya [Constitutionalism: variability of the concept]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie.* 5 (84). pp. 48–57.
18. Garner, J. (1984) *Velikobritaniya: Tsentral'noe i mestnoe upravlenie* [UK: Central and local government]. Translated from English by N.A. Shul'zhenko, V.L. Entin. Moscow: Progress.
19. Montgomery, J. (1997) *To Rule of Law in Russia?* London; Boston; New York: [s.n.].

20. Khovanskaya, A.V. (2002) Dostoinstvo cheloveka: mezhdunarodnyy opyt pravovogo ponimaniya [Human Dignity: International Experience of Legal Understanding]. *Gosudarstvo i pravo.* 3. pp. 48–54.
21. Bogdanor, V. (2009) *The New British Constitution*. Oxford; Portland, OR: Hart Publishing.
22. Ivanova, I.K. (2013) Konstitutsionnaya reforma v Velikobritanii: transformatsiya sudebnoy vlasti [Constitutional reform in the UK: the transformation of the judiciary]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*. 3. pp. 175–195.
23. Toniatti, R. (2016) "Zhivoy" sud dlya "zhivogo" prava: konstitutsionnaya tranzitologiya i gosudarstvennye sderzhki i protivovesy ["Living" court for "living" law: constitutional transitology and state checks and balances]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie.* 5 (114). pp. 97–104.
24. Sadurskiy, V. (2013) Konstitutsionnyy kontrol' v Evrope i SShA: vliyanie, paradoksy i sblizhenie [Constitutional control in Europe and the USA: influence, paradoxes and rapprochement]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie.* 4 (95). pp. 49–67.
25. PRAVO.UA. (n.d.) *Konstitutsionnaya yustitsiya v stranakh mira* [Constitutional justice in the countries of the world]. [Online] Available from: https://pravo.ua/articles/konstitucionnaja-justicija-v-stranah-mira/
26. Peretti, T. (2009) Politicheskoe tolkovanie prav cheloveka v SShA [Political Interpretation of Human Rights in the USA]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie.* 6 (73). pp. 103–125.
27. Holmes, S. (2012) Konstitutsii i konstitutsionalizm [Constitutions and constitutionalism]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 3 (88). pp. 56–83.
28. Allan, T. (2001) *Constitutional Justice: A Liberal Theory of the Rule of Law*. London: OUP.
29. Andreeva, G.N. (2009) *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran: uchebnik* [Constitutional law of foreign countries: textbook]. Moscow: Norma.
30. Gadzhiev, G. (2013) O sudebnoy doktrine verkhovenstva prava [On the judicial doctrine of the rule of law]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 4 (95). pp. 12–25.
31. Gradovskiy, A.D. (1895) *Gosudarstvennoe pravo vazhneyshikh evropeyskikh derzhav* [State law of the most important European powers]. St. Petersburg: L.F. Panteleev.
32. Palienko, N.I. (1908) *Uchenie o sushchestve prava i pravovoy svyazannosti gosudarstva* [The doctrine of the essence of law and the legal coherence of the state]. Kharkiv: [s.n.].
33. Kotlyarevskiy, S.A. (1915) *Vlast' i pravo. Problema pravovogo gosudarstva* [Power and law. The problem of the rule of law]. Moscow: Mysl'.
34. Nevzorov, N.P. (1913) *Po puti k pravovomu gosudarstvu (Konstitutsionnye proekty i popytki v russkoy istorii)* [On the way to the rule of law (Constitutional projects and attempts in Russian history)]. Moscow: Tip. "Lomonosov".
35. Vinogradov, V.A. (2013) Pravovoe gosudarstvo i verkhovenstvo prava: teoreticheskie konstruktsii i realizatsiya [Legal state and the rule of law: theoretical constructions and implementation]. *Zakon*. 12. pp. 97–101.
36. Korotkova, I.O. (2012) Formirovanie pravovogo gosudarstva i obespechenie verkhovenstva zakona [Formation of the rule of law and ensuring the rule of law]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie.* 5. pp. 3–17.
37. Gryaznova, T.E. (2014) Problema sootnosheniya konstitutsionnogo i pravovogo gosudarstva v Rossiyskoy yuridicheskoy nauke kontsa XIX – nachala XX v. [The problem of correlation between the constitutional and legal state in the Russian legal science of the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo.* 2 (39). pp. 26–30.
38. Shakhmatov, M.V. (2008) *Gosudarstvo pravdy* [State of truth]. Moscow: FondIV.
39. Vyshinskiy, A.Ya. (1934) *Revolyutsionnaya zakonnost' i zadachi sovetskoy zashchity* [Revolutionary legality and the tasks of Soviet defense]. Moscow: Mosoblispolkom.
40. Strashun, B.A. (ed.) (2000) *Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran: v 4 t.* [Constitutional (state) law of foreign countries: in 4 volumes]. Vols 1–2. Moscow: BEK.
41. Politizdat. (1988) *XIX Vsesoyuznaya konferentsiya KPSS. Stenograficheskiy otchet* [XIX All-Union Conference of the CPSU. Verbatim report]. Moscow: Politizdat.
42. RF. (2015) Konstitutsiya RF ot 12 dekabrya 1993 g. (red. ot 11 iyulya 2020 g.) [The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (as amended on July 11, 2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31. Art. 4398.
43. RF. (2012) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 30 noyabrya 2012 g. № 29-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chasti pyatoy stat'i 244.6 i chasti vtoroy stat'i 333 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa RF v svyazi s zhalobami grazhdan A.G. Kruglova, A.V. Margina, V.A. Martynova i Yu.S. Shardyko" [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 30, 2012, No. 29-P: On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Part 5 of Article 244.6 and Part Two of Article 333 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens A.G. Kruglov, A.V. Margin, V.A. Martynov and Yu.S. Shardyko]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 51. Art. 7323.
44. RF. (2005) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 17 noyabrya 2005 g. № 11-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 3 stat'i 292 Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa RF v svyazi s zhalobami gosudarstvennogo uchrezhdeniya kul'tury "Dom kul'tury im. Oktyabr'skoy revolyutsii", otkrytogo aktsionernogo obshchestva "Tsentroneftekhimremstroy", grazhdanina A.A. Lysogora i Administratsii Tul'skoy oblasti" [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 17, 2005, No. 11-P: On the case of verifying the constitutionality of Part 3 of Article 292 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints from the state cultural institution "House of Culture named after. October Revolution", open joint-stock company "Centroneftekhimremstroy", citizen A.A. Lysogor and the Administration of the Tula Region]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 48. Art. 5123.
45. RF. (2002) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 21 noyabrya 2002 g. № 15-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy podpunkta 1 punkta 3 i abzatsa pervogo punkta 6 stat'i 9 Zakona RF "O vynuzhdennykh pereselentsakh" v svyazi s zhaloboy grazhdanina M.A. Mkrtychana" [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 21, 2002, No. 15-P: On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Subparagraph 1, Paragraph 3 and Subparagraph 1, Paragraph 6 of Article 9 of the Law of the Russian Federation "On forced migrants" in connection with the complaint of citizen M.A. Mkrtychan]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 48. Art. 4829.
46. Shmidt-Asman, E. (1994) Pravovoe gosudarstvo [Legal state]. In: Topornin, B.N. (ed.) *Gosudarstvennoe pravo Germanii* [State law of Germany]. Moscow: Institute of State and Law RAS. pp. 53–56.
47. Ebzeev, B.S. (2013) Konstitutsii RF – 20 let: gosudarstvo, demokratiya, lichnost' skvoz' prizmu prakticheskogo konstitutsionalizma [Constitution of the Russian Federation is 20: state, democracy, personality through the prism of practical constitutionalism]. *Gosudarstvo i pravo.* 12. pp. 5–17.
48. Zor'kin, V.D. (2011) *Konstitutsionno-pravovoe razvitie Rossii* [Constitutional and legal development of Russia]. Moscow: Norma.
49. Gadzhiev, K.S. (1995) *Politicheskaya nauka* [Political science]. Moscow: Nauka.
50. Marochkin, S.Yu. (2013) Verkhovenstvo prava na vnutrigosudarstvennom i mezhdunarodnom urovnyakh: dinamika razvitiya i vzaimodeystviya [The rule of law at the domestic and international levels: dynamics of development and interaction]. *Gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 85–94.
51. Nevinskiy, V.V. (1991) K teorii pravovogo gosudarstva (sravnitel'no-pravovoy aspekt) [o the theory of the rule of law (comparative legal aspect)]. In: Volovich, V.F. (ed.) *Aktual'nye problemy pravovedeniya v sovremennyy period: sb. st.* [Topical problems of jurisprudence in the modern period: Articles]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 67–68.
52. Pigolkin, A.S. (ed.) (2007) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of state and law: textbook]. Moscow: Yurayt.
53. Vengerov, A.B. (1998) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov* [Theory of state and law: a textbook for law schools]. Moscow: Novyy yurist.

54. Zor'kin, V.D. (2013) *Pravo v usloviyakh global'nykh peremen* [Law in the context of global change]. Moscow: Norma.
55. Tumanov, V.A. (ed.) (1987) *Sovremennoe burzhuaznoe gosudarstvennoe pravo. Kriticheskie ocherki* [Modern bourgeois state law. Critical Essays]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
56. Polyakov, A.V. (2006) Rossiyskaya teoretiko-pravovaya mysl': opyt proshlogo i perspektivy na budushchee [Russian theoretical and legal thought: experience of the past and prospects for the future]. In: *Nash trudnyy put' k pravu: materialy filosofsko-pravovykh chteniy pamyati akademika V.S. Nersesyantsa* [Our difficult path to law: materials of philosophical and legal readings in memory of Academician V.S. Nersesyants]. Moscow: Norma. pp. 86–121.
57. Nasyrov, R.V. (2008) *Chelovek kak samotsennost': O formulirovke st. 2 Konstitutsii RF 1993 g.* [Man as a value in itself: On the wording of Art. 2 of the 1993 Constitution of the Russian Federation]. Barnaul: Azbuka.
58. Bartsits, I.N. (2014) Doktrina konstitutsionnogo patriotizma: evropeyskiy vyzov i rossiyskaya perspektiva (k 20-letiyu Konstitutsii RF) [The Doctrine of Constitutional Patriotism: European Challenge and Russian Perspective (to the 20th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation)]. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 5–16.
59. Tsygankov, A. (2015) Sil'noe gosudarstvo: teoriya i praktika v XXI veke [Strong state: theory and practice in the 21st century]. *Rossiya v global'noy politike*. 3. [Online] Available from: https://globalaffairs.ru/articles/silnoe-gosudarstvo-teoriya-i-praktika-v-xxi-veke/
60. Yureskul, E.A. (2016) Effektivnost' gosudarstva: novye podkhody [State Efficiency: New Approaches]. *Politicheskaya nauka*. 4. pp. 74–90.
61. Smolin, M. (2006) *Effektivnoe gosudarstvo i vyzovy Rossii* [The effective state and the challenges of Russia]. [Online] Available from: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/04/04/ffektivnoe_gosudarstvo_i_vyzovy_rossii/
62. Pavlikov, S.G. (2014) Idealy pravovogo gosudarstva: o nekotorykh istoricheskikh, yuridicheskikh i ekonomicheskikh aspektakh kontseptsii [The ideals of the rule of law: on some historical, legal and economic aspects of the concept]. *Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 84–92.
63. Kalamkaryan, R.A. (2013) Rossiya v universal'nom mirovom prostranstve [Russia in the universal world space]. *Gosudarstvo i pravo.* 8. pp. 75–85.
64. Fallon, R.H. (1997) "The Rule of Law" as a concept in constitutional discourse. *Columbia Law Review.* January. 97 (1). pp. 1–56.

Информация об авторе:
Коновалова Л.Г. – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: vaskova82@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
L.G. Konovalova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vaskova82@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.10.2022;
одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 12.10.2022;
approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication 31.01.2023.

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2023. № 486. Январь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глущенко

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 31.01.2023 г. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34,7. Усл. печ. л. 32,3. Тираж 50 экз.
Заказ № 5479. Цена свободная.

Дата выхода в свет 23 … 2023 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru